K27 01/23
m2

К27 01/23

Государи из Дома Романовых

1613-1913

Жизнеописаніе царствовавшихъ государей и очерки ихъ царствованія. —

Подъ редакціей доктора русской исторіи

Н. Д. Чечулина.

II.

Москва

1913 года

изд. Тва И. Д. Сытина.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
2969-1929

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.— 1913.

Во второмъ томѣ помѣщены статьи:

Императрица Екатерина II Алексѣевна — Н. Д. Чечулина. ▭ **Императоръ Павелъ I Петровичъ** — Н. Д. Чечулина. ▭ **Императоръ Александръ I Павловичъ**—С. М. Середонина. ▭ **Императоръ Николай I Павловичъ** — С. М. Середонина. ▭ **Императоръ Александръ II Николаевичъ**—И. А. Блинова. ▭ **Императоръ Александръ III Александровичъ.** ▭ **Императоръ Николай II Александровичъ.**

■ ■ ■ ■ ■

Императрица Екатерина II.
1729—1796.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

Императрица Екатерина II.

1729—1796.

(С оригинала, находящагося въ Романовской галлерее Зимняго Дворца.)

Шапка царя Петра Алексѣевича,
нынѣ называется короною царства Таврическаго.

ИМПЕРАТРИЦА
Екатерина II Алексѣевна.

I.

Дѣтство Екатерины II.—Великая княгиня Екатерина Алексѣевна.

Императрица Екатерина II Алексѣевна происходила изъ рода принцевъ Ангальтъ-Цербтскихъ. Ея отецъ, Христіанъ-Августъ, былъ младшимъ братомъ владѣтельнаго князя этого второстепеннаго дома; мать, Іоганна-Елизавета, принцесса Голштейнъ-Готторпская, была двоюродною сестрою отца императора Петра Ѳеодоровича. Христіанъ-Августъ былъ человѣкъ добродушный и простодушный; онъ служилъ въ прусской арміи, и эта дѣятельность его вполнѣ удовлетворяла, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ 1742 г. Фридрихъ II возвелъ его въ чинъ фельдмаршала; король прусскій, впрочемъ, никогда не возлагалъ на этого фельдмаршала порученій сколько-нибудь важныхъ, а Христіанъ-Августъ не замѣчалъ, что причиною его повышенія было желаніе Фридриха сдѣлать пріятное императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая оказывала большое вниманіе всѣмъ родственникамъ своего единственнаго племянника, объявленнаго ею наслѣдникомъ русскаго престола; къ тому же другой братъ Іоганны-Елизаветы былъ женихомъ Елизаветы Петровны, но онъ скончался до свадьбы. Принцесса Іоганна-Елизавета была женщина довольно безпокойнаго нрава; она обладала энергіей и нѣкоторою живостью ума, но

солидныхъ умственныхъ качествъ не имѣла; для нея всегда и во всемъ на первомъ мѣстѣ стояло ея собственное «я»; за какое бы дѣло она ни принималась—всякое она непремѣнно сводила къ своей особѣ и дѣлу этимъ почти всегда вредила. Родители Екатерины были весьма небогаты; небольшое приданое, полученное Іоганной-Елизаветой отъ герцогини Брауншвейгъ-Люнебургской, ея крестной матери, болѣе чѣмъ скромный родовой доходъ младшаго принца Ангальтъ-Цербтскаго и жалованье прусскаго фельдмаршала — вотъ все, что они имѣли.

Родилась Екатерина, при крещеніи получившая имя Софіи-Фредерики-Амаліи, 21 апрѣля (2 мая н. ст.) 1729 г. въ Штеттинѣ, гдѣ въ то время ея отецъ былъ губернаторомъ. Она росла въ обстановкѣ очень простой: въ ея памяти остался не особенно обширный губернаторскій домъ, гдѣ въ одномъ крылѣ помѣщались ея родители, а въ другомъ, противоположномъ—она, занимая три небольшія комнаты со сводами, бокъ о бокъ съ колокольнею домовой церкви, такъ что маленькую принцессу будилъ звонъ колоколовъ, укрѣпленныхъ на стѣнѣ ея комнаты. Зимою въ домѣ бывало холодновато, и вся семья проводила вечера въ одной комнатѣ. По нѣсколько разъ въ годъ Іоганна-Елизавета съ дочерью посѣщала родственницъ, у которыхъ жила довольно подолгу; это были не обмѣны визитами, а посѣщеніе болѣе богатыхъ родственницъ болѣе бѣдными, своего рода поѣздки на поклонъ— и изъ разсказовъ Екатерины видно, что при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны ее могли послѣ этихъ посѣщеній удивлять не нравы, а только роскошь и великолѣпіе.

Екатерина росла въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ росли тогда дѣти принцевъ, по положенію близкихъ къ положенію ея отца. Мать мало интересовалась воспитаніемъ дочери, оно было ввѣрено гувернанткамъ и наставникамъ, выбраннымъ, конечно, не изъ числа какихъ-либо извѣстныхъ и выдающихся людей. Кромѣ первыхъ своихъ нянекъ, Екатерина вспоминала нѣкую госпожу фонъ Гогендорфъ, которая была очень груба и возвышала голосъ даже на принцессу-мать, такъ что ее вскорѣ удалили, затѣмъ гувернантокъ-француженокъ, сестеръ Кардель, изъ которыхъ вторая поступила на мѣсто первой, когда эта вышла замужъ. Молодая принцесса имѣла учителей закона Божія, нѣмецкаго языка, чистописанія, музыки и танцевъ. Не было, конечно, и рѣчи о какомъ-либо обдуманномъ планѣ преподаванія, о выработанной системѣ воспитанія и обученія: учили, кто чему умѣлъ. По прибытіи Екатерины въ Россію г-жѣ Кардель и Вагнеру, преподавателю нѣмецкаго языка, были посланы подарки, конечно, по щедрости императрицы Елизаветы, а не по волѣ Екатерины, которая была еще слишкомъ молода, чтобы дѣлать подобнаго рода распоряженія. По словамъ Екатерины учитель музыки не могъ пріохотить ее къ этому искусству, учитель чистописанія не даромъ бралъ деньги: Екатерина писала, дѣйствительно, отличнымъ почеркомъ; Вагнеръ утомлялъ ученицу письменными работами, но по

словамъ Екатерины много содѣйствовалъ развитію ея ума, заставляя одну и ту же тему излагать различно. О г-жѣ Кардель Екатерина вспоминала съ благодарностью за ея добрый характеръ и говорила, что она была умна отъ природы и знала многое, ничему не учившись—послѣдняя похвала, впрочемъ, звучитъ нѣсколько и шуткою; г-жа Кардель давала молодой принцессѣ читать Расина, Корнеля, Мольера, но едва ли потому, чтобы почитала необходимымъ именно такого рода чтеніе; вѣроятно, она давала читать просто тѣ книги, какія были у нея подъ рукой: въ 30-хъ годахъ XVIII в. никакой спеціально дѣтской литературы не было, да и вообще нѣмецкой литературы въ это время, можно сказать, почти не существовало. Дѣтскіе годы будущей императрицы не были отмѣчены чѣмъ-либо особеннымъ, способности ея развивались медленно, и въ дѣтствѣ она не привлекала ничьего исключительнаго вниманія, потому-то о ея дѣтствѣ извѣстно лишь то, что̀ она сама впослѣдствіи разсказала въ разныхъ случаяхъ. Нельзя, конечно, считать за отраженіе сколько-нибудь значительныхъ фактовъ какіе-то неопредѣленные слухи, прошедшіе уже довольно поздно, будто Екатерина еще тогда, когда въ дѣтствѣ играла съ дѣтьми штеттинскихъ бюргеровъ, всегда первенствовала въ средѣ играющихъ дѣтей: слишкомъ ужъ естественно, что въ годы знаменитости Екатерины были доведены молвою до такихъ размѣровъ нѣсколько совершенно незначительныхъ случаевъ; одна изъ сверстницъ Екатерины, между прочимъ, заявляла впослѣдствіи, что въ молодости никакъ не подумала бы, что изъ Екатерины выйдетъ то, что̀ вышло. Полушутливый разсказъ Екатерины о томъ, какъ въ ея дѣтствѣ одинъ физіономистъ сказалъ Іоганнѣ-Елизаветѣ, что на головѣ ея дочери онъ видитъ, по крайней мѣрѣ, три короны, конечно, ничего не доказываетъ: какой невѣстѣ не желали и не предрекали всякихъ благъ въ жизни и блестящихъ жениховъ въ томъ числѣ?! Когда Екатеринѣ было уже 16 лѣтъ, шведскій гр. Гилленборгъ говорилъ ей, что еще пять лѣтъ тому назадъ онъ сказалъ ея матери, что у молодой принцессы философскій складъ ума; но если это не было просто любезностью графа въ бесѣдѣ съ молодой великой княжной, то онъ угадалъ по какимъ-то неуловимымъ и намъ неизвѣстнымъ признакамъ. Екатерина, конечно, отъ природы обладала большими дарованіями, но въ раннемъ дѣтствѣ они не проявлялись, а развились только со временемъ, уже въ пребываніе Екатерины въ Россіи; на первыхъ порахъ она и здѣсь надѣлала не мало ошибокъ, хотя въ то же время въ нѣкоторыхъ случаяхъ сразу вступила на единственно вѣрный путь; благодаря своему врожденному уму она принимала вѣрныя рѣшенія, быть-можетъ, и не отдавая себѣ яснаго отчета, почему въ данномъ случаѣ дѣйствовала такъ, а не иначе.

Императрица Елизавета Петровна, вступивъ на престолъ, немедленно озаботилась, чтобы въ Россію привезенъ былъ Голштинскій принцъ Петръ, родной ея племянникъ и единственный, кромѣ нея, потомокъ Петра Великаго; онъ былъ объявленъ на-

слѣдникомъ престола Россійской имперіи, а когда возникъ вопросъ о выборѣ ему невѣсты, Елизавета Петровна остановилась на принцессѣ Цербтской. Трудно сказать, чѣмъ именно руководилась при этомъ государыня. Бракъ наслѣдника престола, конечно, вызывалъ и разнаго рода политическіе соображенія и расчеты; подъ разнообразными вліяніями въ Петербургѣ выдвигались разныя невѣсты; но играли тутъ роль едва ли одни политическія соображенія. Имѣлъ большое значеніе и вопросъ о религіи невѣсты: было необходимо, чтобы она перешла въ православіе, а католическія принцессы, какъ извѣстно, на это не соглашаются; необходимо было, чтобы принцесса подходила и по возрасту, а молодые годы жениха, которому было всего 14 лѣтъ, ограничивали кругъ возможныхъ невѣстъ; играли роль и личныя симпатіи императрицы Елизаветы, которая очень любила своего умершаго жениха, брата принцессы Іоганны-Елизаветы; наконецъ, могли вліять и просто случайности: воспитатель Петра Ѳеодоровича, Брюммеръ, заговаривалъ о возможности брака Петра Ѳеодоровича съ Софіей-Фредерикой Цербтской, когда еще и рѣчи не было о переѣздѣ молодого принца въ Россію и о провозглашеніи его русскимъ наслѣдникомъ. Какъ бы то ни было—Елизавета Петровна пожелала, чтобы супругою его племянника стала со временемъ молодая принцесса Цербтская; когда это рѣшеніе было принято, явилось много охотниковъ приписывать себѣ участіе въ немъ. Даже Фридрихъ II прусскій заговорилъ, будто бы онъ предполагалъ именно этотъ бракъ, хотя король не могъ не знать, что въ глазахъ императрицы Елизаветы его одобреніе могло только повредить всякому дѣлу.

21 декабря 1743 г. (1 января 1744 г. по новому стилю) родителями Екатерины было получено въ Цербстѣ съ курьеромъ письмо изъ Петербурга, въ которомъ Брюммеръ, не говоря прямо, но очень прозрачно намекая на намѣреніе императрицы, отъ ея имени приглашалъ принцессу Іоганну-Елизавету немедленно отправиться съ дочерью въ Петербургъ; отцу прямо предложено было не сопровождать дочери; принцесса должна была выѣхать инкогнито, по возможности умалчивая о приглашеніи; на путевыя издержки ей было переведено 10.000 руб.

Рѣшеніе судьбы дочери естественно взволновало ея родителей, но согласіе ихъ сообразоваться съ видами русской императрицы ни на минуту не представлялось сомнительнымъ. Между отцомъ и матерью возникали споры по вопросу о предвидимой ими необходимости перемѣнить вѣроисповѣданіе: мать не находила въ этомъ затрудненій, отецъ смотрѣлъ на дѣло серьезнѣе и нѣсколько разъ заговаривалъ съ дочерью, что вѣры мѣнять не должно; въ концѣ-концовъ и въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ, онъ уступилъ женѣ; окончательно вопросъ рѣшенъ не былъ, но было несомнѣнно, что онъ рѣшится въ положительномъ смыслѣ, какъ

только это потребуется. И любовь Христіана-Августа къ дочери, и его умственный складъ очень ясно выразились въ наставленіяхъ, которыя онъ написалъ для нея и вручилъ ей въ минуту отъѣзда. Это произведеніе принца представляло собою небольшую тетрадь, написанную тяжелымъ нѣмецкимъ языкомъ того времени, со множествомъ онѣмеченныхъ французскихъ словъ, съ рифмованными окончаніями многихъ фразъ. Христіанъ-Августъ внушалъ дочери прежде всего не мѣнять религіи, если не будетъ дѣйствительнаго убѣжденія въ большей истинности предлагаемой; затѣмъ онъ совѣтовалъ уважать и почитать императрицу и великаго князя и безусловно повиноваться его волѣ; далѣе шли предписанія уже совершенно мелочныя: въ аудіенцъ-камерѣ ни съ кѣмъ ничего не говорить, строго соблюдать этикетъ двора; относиться милостиво къ слугамъ и фаворитамъ государя, но не требовать отъ нихъ ничего и не вознаграждать ихъ, полагаясь во всемъ на волю государя; стараться всегда имѣть хоть небольшой запасъ денегъ, но хранить свои карманныя деньги всегда у себя, чтобы не попасть въ зависимость отъ гофмейстерины, но вмѣстѣ съ тѣмъ не казаться и скупою; ни съ кѣмъ при дворѣ не дружиться и стараться снискать милость императрицы и великаго князя. Наставленій, касающихся дѣлъ государственныхъ, два: ни за кого не ходатайствовать въ тяжебныхъ дѣлахъ—при чемъ довольно пространно развиты и основанія такого поведенія—и не вмѣшиваться ни въ какія государственныя дѣла, «чтобы не огорчить Сенатъ». Вотъ почти все содержаніе этого произведенія, которое живо рисуетъ мелочность и узость понятій и интересовъ, господствовавшихъ въ той средѣ, гдѣ росла Екатерина... Эти наставленія, вовсе не замѣчательныя, хотя шедшія, несомнѣнно, отъ чистаго сердца, были чуть не единственнымъ, что получила Софія-Фредерика отъ родителей: такъ называемаго приданаго, можно сказать, совсѣмъ не было: Екатерина сама вспоминала, что она привезла съ собою лишь самое необходимое бѣлье и три-четыре платья; лучшее, что она получила отъ своихъ родственниковъ, была голубая, съ серебрянымъ шитьемъ, матерія на платье, подарокъ дяди.

30 декабря 1743 г. (10 января 1744 г. по нов. ст.) Іоганна-Елизавета и Софія-Фредерика выѣхали изъ Цербста; съ этого дня Екатерина больше уже не видѣла своей родины, своего отца и братьевъ. Проведя недѣлю (11—16 янв. н. ст.) въ Берлинѣ, гдѣ Фридрихъ II оказалъ большое вниманіе молодой принцессѣ, онѣ двинулись дальше, 26 января (ст. ст.) прибыли въ Ригу. Уже наканунѣ, въ Митавѣ, окончилось ихъ инкогнито — тамъ путешественницъ встрѣтили, какъ владѣтельныхъ принцессъ; начиная съ Риги, встрѣчи были уже торжественны. Сохранились письма Іоганны-Елизаветы съ дороги къ мужу: они выражаютъ ея полное восхищеніе, можно сказать, упоеніе всѣмъ, что встрѣтила она въ Россіи. Она не могла скрыть восторга, что ее, для которой

«раньше не вездѣ били и въ барабанъ», принимаютъ съ царскими почестями; принцесса, повидимому, забыла, для чего вызвана она въ Петербургъ, о дочери она упоминаетъ очень рѣдко, говоритъ почти исключительно о себѣ и, кажется, совершенно искренно относитъ къ себѣ всѣ тѣ почести, которыя оказывались главнымъ образомъ, конечно, по адресу ея дочери.

3 февраля путешественницы прибыли въ Петербургъ и остановились въ Зимнемъ дворцѣ, 6-го выѣхали въ Москву, куда за три недѣли передъ тѣмъ переѣхала императрица со всѣмъ дворомъ; совершая путь со всевозможною поспѣшностью, принцессы прибыли въ Москву вечеромъ 9 февраля. Онѣ торопились попасть къ этому дню, такъ какъ 10 февраля былъ день рожденія великаго князя. Путешественницы были встрѣчены весьма сердечно. Вел. кн. Петръ Ѳеодоровичъ вмѣстѣ съ состоявшимъ на русской службѣ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ пришелъ къ нимъ, когда онѣ еще снимали съ себя шубы и капоры, и немедленно затѣмъ явился посланный отъ императрицы, который передалъ великому князю, что чѣмъ скорѣе приведетъ онъ гостій, тѣмъ пріятнѣе будетъ императрицѣ. Вступивъ въ пріемную, Іоганна-Елизавета поцѣловала руку русской государыни и привѣтствовала ее самымъ почтительнымъ образомъ, поручая милостямъ ея себя и свою дочь. Елизавета Петровна отвѣчала весьма дружелюбно, поцѣловала мать и дочь. Молодая принцесса, по общимъ отзывамъ обладавшая весьма привлекательною внѣшностью, произвела на императрицу самое пріятное впечатлѣніе: по замѣчанію близкаго свидѣтеля государыня была въ восторгѣ. Черезъ девять дней по прибытіи въ Москву Іоганна-Елизавета писала мужу, что свадьба ихъ дочери—дѣло рѣшенное.

Молодая принцесса нравилась при русскомъ дворѣ все болѣе и болѣе. Едва вступивъ на русскую землю, она по какому-то особенному чутью сразу поняла, что ей дѣлать. Чтобы создать себѣ хорошее положеніе въ новой родинѣ, чтобы заслужить любовь и уваженіе тѣхъ людей, съ которыми неразрывно связывалась ея судьба, Софія-Фредерика-Амалія Ангальтъ-Цербтская, зная, что ей предстоитъ сдѣлаться русскою великою княгиней, рѣшила дѣйствительно стать русскою не по положенію только, а вполнѣ, усвоивъ языкъ и вѣру народа, сжившись съ его жизнью, полюбивъ его интересы и тѣ хорошія качества, которыя въ немъ были, примирившись съ его особенностями и недостатками. Молодая принцесса Цербтская рѣшилась на это не по логическимъ разсужденіямъ, это рѣшеніе было ей подсказано ея сердцемъ и какими-то неясными движеніями ея широкаго ума; ни отецъ, ни тѣмъ болѣе мать, не давали ей такого совѣта и не были способны его дать. Того пути, на который сразу вступила пятнадцатилѣтняя Софія-Фредерика-Амалія, не замѣтили ни ея будущій супругъ, хотя онъ былъ совершенно въ томъ же положеніи, ни обѣ ея невѣстки впослѣдствіи; онѣ не умѣли или не находили нужнымъ итти по такому

пути, хотя Екатерина ясно и прямо указала его имъ съ первыхъ дней пребыванія ихъ въ Россіи.

Принцессѣ даны были учителя: для русскаго языка Ададуровъ и для закона Божія Симонъ Тодорскій, который занимался одно время и съ великимъ княземъ. Принцесса училась если, быть-можетъ, и не съ увлеченіемъ, то съ замѣчательною настойчивостью. Какъ всѣмъ нѣмцамъ, и ей русскій языкъ былъ труденъ, но она изъ всѣхъ силъ старалась усвоить его; иногда, просыпаясь по ночамъ, она твердила склады и русскія слова — и съ первыхъ же дней успѣхи ея удивляли всѣхъ. Вставая по ночамъ, принцесса ходила иногда босикомъ и сильно простудилась; 6 марта она не могла уже оставить постели и отъ сильнаго жара впала въ безпамятство. Императрица очень встревожилась, обезпокоился и великій князь. Опасались за жизнь больной, но кризисъ миновалъ благополучно, и 27 марта принцесса была уже внѣ опасности, однако лишь 20 апрѣля она въ первый разъ вышла изъ комнаты. Въ тотъ моментъ, когда положеніе принцессы казалось почти безнадежнымъ, Іоганна-Елизавета предложила дочери позвать лютеранскаго пастора, но Софія-Фредерика пожелала, чтобы былъ приглашенъ ея новый законоучитель, православный; онъ явился, и она съ нимъ бесѣдовала. Это чрезвычайно расположило къ молодой принцессѣ не только императрицу, но и всѣхъ, до кого объ этомъ доходили слухи.

Чуть было не погубила всѣ усилія молодой Цербтской принцессы ея мать: сватовство чуть не разстроилось изъ-за того, что Іоганна-Елизавета завела въ Москвѣ политическія интриги. Особенно строго порицать за это принцессу нельзя: не она одна, а вообще западно-европейскіе государственные дѣятели не успѣли еще въ то время освоиться съ мыслью, что Россія имѣетъ такое же право, какъ всякое другое великое государство, преслѣдовать свои цѣли; тогда чуть ли не всѣмъ казалось, что эта новая сила должна непремѣнно играть роль служебную въ комбинаціяхъ, имѣющихъ значеніе для другихъ державъ. Даже такой выдающійся умъ, какъ Фридрихъ II, расчитывалъ заставить Россію довольствоваться служебною ролью и полагалъ, что для этого нужно только поставить во главѣ русскаго правительства подходящаго человѣка. Но всѣ, думавшіе такъ, ошибались. Вице-канцлеръ гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, тогдашній руководитель русской государственной машины, былъ вѣренъ завѣтамъ Петра Великаго и всего менѣе былъ склоненъ примѣнять свою политику къ какимъ бы то ни было посторонимъ Россіи интересамъ. Онъ искалъ путей для самостоятельной русской политики и неуклонно стремился къ тому, что̀ почиталъ полезнымъ для Россіи прежде всего и только для нея; второю главною его цѣлью было не допускать усиленія Пруссіи. Можно находить, что Бестужевъ ошибался въ средствахъ, какими онъ думалъ достигнуть своихъ цѣлей, но что онъ преслѣдовалъ исключительно выгоды Россіи, это не подлежитъ никакому

сомнѣнію и лучшею похвалою Бестужеву служитъ то, что Фридрихъ II постоянно старался свергнуть его. Въ своемъ стремленіи къ этому онъ совершилъ странный, необдуманный шагъ: при проѣздѣ Іоганны-Елизаветы черезъ Берлинъ онъ поручилъ ей работать въ Россіи въ этомъ направленіи. Не столько удивительно, что Іоганна-Елизавета легкомысленно приняла на себя такое порученіе, сколько непонятно, что Фридрихъ далъ его Цербтской принцессѣ; вѣроятно, ему казалось, что нѣмецкимъ интересамъ легко и естественно торжествовать въ Россіи. Въ силу порученія Фридриха Іоганна-Елизавета по прибытіи въ Москву немедленно сблизилась съ всѣми тѣми лицами, которыя уже вели борьбу противъ Бестужева: съ прусскимъ посланникомъ Мардефельдомъ, съ посланникомъ шведскимъ, съ маркизомъ Шетарди, который, хотя жилъ въ Москвѣ какъ частное лицо, но имѣлъ тайное порученіе отъ французскаго короля и пользовался большимъ вліяніемъ въ высшемъ обществѣ. Іоганна-Елизавета старалась возбудить противъ Россіи тогдашняго австрійскаго посла при русскомъ дворѣ, а къ Фридриху писала обо всемъ, что̀ узнавала, и подъ своею печатью пересылала секретныя бумаги. Но Бестужевъ былъ слишкомъ остороженъ; онъ ожидалъ опасности съ этой стороны и принялъ свои мѣры: онъ прибѣгъ къ тому средству, которое въ тотъ вѣкъ постоянно примѣнялось въ очень широкихъ размѣрахъ всѣми правительствами: по его приказанію вскрывалась переписка подозрительныхъ ему лицъ — и скоро у него въ рукахъ были точныя свѣдѣнія обо всемъ, что касалось дѣятельности Шетарди и Іоганны-Елизаветы. Онъ сдѣлалъ докладъ императрицѣ и совершенно неопровержимыми доказательствами установилъ, что принцесса Цербтская работала въ направленіи, діаметрально противоположномъ тому, какого держалось русское правительство, а что Шетарди, сверхъ того, позволялъ себѣ крайне неуважительные отзывы объ императрицѣ. Шетарди былъ высланъ изъ Россіи, Іоганна-Елизавета потеряла всякое расположеніе государыни. Все это раскрылось лѣтомъ 1744 г., и въ началѣ іюня, во время пребыванія всего двора въ Троицы-Сергіевой лаврѣ, императрица имѣла объясненіе съ Іоганной-Елизаветой; что было тутъ говорено—неизвѣстно, но немедленно послѣ этого разговора гр. Лестокъ сказалъ принцессѣ-дочери, что скоро ей придется укладываться и ѣхать домой въ Германію. Такъ какъ молодая принцесса ни въ чемъ рѣшительно не провинилась, то было ясно, что гнѣвъ заслуженъ ея матерью, и великій князь, слышавшій слова гр. Лестока, сказалъ Софіи-Фредерикѣ, что она ни въ чемъ невиновата и что потому относительно ея нѣтъ основаній ожидать такого рѣшенія; молодая принцесса отвѣтила, что ея долгъ слѣдовать за матерью и исполнять ея волю. Во время этой бесѣды вошла императрица, крайне разгнѣванная, за нею слѣдовала принцесса-мать съ заплаканными глазами; молодымъ лю-

дямъ императрица ничего не сказала, даже приласкала ихъ. Такимъ образомъ императрица Елизавета не перенесла на дочь своего гнѣва противъ ея матери, чего нѣкоторые изъ окружающихъ ее желали и ожидали, принцесса же Цербтская не рѣшилась разорвать начатое сватовство; бракъ Софіи-Фредерики съ Петромъ Ѳеодоровичемъ долженъ былъ состояться, и его рѣшено было даже ускорить, чтобы скорѣе удалить изъ Россіи принцессу Іоганну-Елизавету.

Вскорѣ было получено официальное согласіе отца молодой принцессы на присоединеніе ея къ православію и на бракъ съ вел. кн. Петромъ Ѳеодоровичемъ; несмотря на то, что согласіе давно уже не подлежало сомнѣнію, молодой великій князь принялъ извѣстіе о немъ прямо съ восторгомъ. Присоединеніе къ православію молодой принцессы было назначено на 28 іюня, канунъ именинъ великаго князя; уроки закона Божія шли почти ежедневно — зато церемонія присоединенія прошла отлично. Она совершилась въ назначенный день въ церкви Анненгофскаго дворца въ присутствіи всѣхъ высшихъ сановниковъ; молодая принцесса прочла Символъ Вѣры ясно, твердымъ голосомъ, не запнувшись ни на одномъ словѣ и съ отличнымъ русскимъ произношеніемъ, на входившіе въ обрядъ вопросы отвѣчала увѣренно и съ твердостію; присутствующіе были тронуты, и благопріятное отношеніе къ молодой принцессѣ, уже давно сложившееся, еще усилилось. Императрица, бывшая воспріемницею великаго князя, не могла уже стать воспріемницею его будущей супруги и воспріемницею Екатерины была престарѣлая игуменья Новодѣвичьяго монастыря Анастасія; молодая принцесса была наименована Екатериною Алексѣевною. Въ тотъ же день весь дворъ переѣхалъ въ Кремль; Екатерина провела ночь въ теремахъ дворца, и на другой день съ большою торжественностью состоялось обрученіе; съ этого дня Екатерина Алексѣевна получила титулъ императорскаго высочества, съ этихъ поръ она принадлежала уже Россіи. Великой княгинѣ былъ составленъ собственный штатъ изъ трехъ камеръ-фрейлинъ, трехъ камергеровъ и трехъ камеръ-юнкеровъ; съ этого времени она во всѣхъ официальныхъ случаяхъ занимала мѣсто выше своей матери — объ этомъ упоминается и въ запискахъ Екатерины и въ письмахъ ея матери, и изъ обоихъ свидѣтельствъ видно одинаково, что Екатерина съ большимъ тактомъ щадила самолюбіе матери, а что та, наоборотъ, никакъ не могла относиться къ новому положенію дочери благоразумно и спокойно. Непріятности, испытанныя лично принцессою Іоганною-Елизаветою, и блестящее положеніе дочери имѣли слѣдствіемъ, что не только къ дочери, но и къ ея жениху принцесса стала относиться непріязненно и придирчиво.

Въ теченіе времени съ 12 августа по 1 октября 1744 г. Екатерина вмѣстѣ съ матерью и женихомъ совершила въ свитѣ императрицы поѣздку въ Кіевъ; она вспоминала это путешествіе съ

величайшимъ удовольствіемъ: все восхищало ее въ новой родинѣ: и роскошь двора, и удобства поѣздки, и страна, и народъ...

Съ ноября 1744 г. великій князь хворалъ, а въ декабрѣ, во время обратнаго переѣзда въ Петербургъ, у него обнаружилась натуральная оспа; эта болѣзнь была бичомъ того времени; отъ нея скончался императоръ Петръ II. Въ крайней тревогѣ вернулась къ племяннику императрица, ѣхавшая впереди; Екатерина съ матерью должны были ѣхать далѣе въ Петербургъ и тамъ онѣ жили вмѣстѣ около двухъ мѣсяцевъ до прибытія императрицы. За это время Екатерина написала императрицѣ по-русски нѣсколько писемъ; это очень тронуло Елизавету Петровну, и она отвѣчала самыми милостивыми письмами. Екатерина вспоминала впослѣдствіи, что письма сочинялъ Ададуровъ, а она ихъ лишь переписывала, но, вѣроятно, императрица на этотъ счетъ и не обманывалась; она, конечно, и не думала, чтобы меньше чѣмъ въ годъ Екатерина настолько овладѣла русскимъ языкомъ, чтобы писать складныя письма; императрица цѣнила деликатность Екатерины, подсказывавшую ей писать письма за время разлуки съ женихомъ, тѣмъ болѣе—писать по-русски, и припоминала при этомъ постоянныя усилія Екатерины овладѣть русскимъ языкомъ.

Молодая великая княжна была почти совсѣмъ предоставлена самой себѣ; мать была занята исключительно своей особой и къ дочери относилась все придирчивѣе и придирчивѣе; при Екатеринѣ не было никакой пожилой и почтенной дамы, которая была бы способна заслужить ея уваженіе и быть ей полезной, и молодая великая княжна жила въ обществѣ своихъ камеристокъ, своихъ сверстницъ, проводя время съ ними въ играхъ, пѣсняхъ, какъ шаловливыя дѣти; ничего худого въ ихъ шалостяхъ не было, а Екатерина извлекала и пользу: она дѣлала быстрые успѣхи въ русскомъ языкѣ.

Къ этому времени относится вторая встрѣча Екатерины съ графомъ Гилленборгомъ, который видѣлъ ее еще одиннадцатилѣтнею дѣвочкой. Теперь онъ поговорилъ съ нею серьезно, сказалъ, что въ томъ водоворотѣ человѣческихъ страстей, въ которомъ ей приходится жить, надо питать душу серьезнымъ чтеніемъ, если желаешь избѣгнуть ошибокъ, и посовѣтовалъ читать Плутарха и Монтескье; Екатерина пріобрѣла эти книги, но ничто не свидѣтельствуетъ, чтобы она въ это время ихъ прочла; зато она написала свой «портретъ», чтобы показать, какъ она сама себя понимаетъ. Графъ черезъ нѣсколько дней возвратилъ рукопись великой княгинѣ, снабдивъ ее своими примѣчаніями, по словамъ Екатерины, на 12-и, приблизительно, страницахъ. Екатерина вспоминала, что въ 1758 г., перебирая свои бумаги и сжигая все, что представлялось ей сколько-нибудь желательнымъ скрыть отъ чужихъ глазъ, она сожгла и эту тетрадь, предварительно перечитавъ ее; она говоритъ, что изумилась при этомъ, какъ вѣрно пони-

мала она свой характеръ. Это все, что извѣстно о написанномъ Екатериною собственномъ портретѣ. Мы склонны думать, что это произведеніе не было столь замѣчательно, какъ выходитъ изъ словъ Екатерины. Въ то время на подобные «портреты» была своего рода мода; ихъ задачею было дать болѣе или менѣе остроумную шутку, а вовсе не серьезное изображеніе характера, и обыкновенно они представляли собою наборъ болѣе или менѣе яркихъ и неожиданныхъ антитезъ, а самыхъ существенныхъ сторонъ характера почти не касались. Нѣсколько подобныхъ «портретовъ» Екатерина оставила въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, и на основаніи знакомства съ ними мы не думаемъ, чтобы надо было особенно жалѣть объ утраченномъ, такъ какъ этотъ «портретъ» едва ли сколько-нибудь яснѣе и ярче освѣтилъ бы то, что мы знаемъ и безъ него. Нѣкоторое значеніе за бесѣдами съ гр. Гилленборгомъ, впрочемъ, надо признать: въ 1766 г. Екатерина написала ему любезное письмо, въ которомъ вспоминала, что онъ пробудилъ въ ней желаніе совершить великія дѣла.

Въ февралѣ 1745 г. великій князь, выздоровѣвшій отъ оспы, пріѣхалъ съ императрицею въ Петербургъ; Екатерина едва его узнала: онъ страшно подурнѣлъ, что нерѣдко является послѣдствіемъ тяжелой оспы; и духовный его складъ измѣнился къ худшему: онъ какъ бы остановился въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, а ему едва минуло 17 лѣтъ; съ этого времени въ его характерѣ стали получать преобладаніе дурныя, непривлекательныя черты.

21 августа 1745 г. въ Петербургѣ, въ церкви Казанской Божьей Матери, состоялось бракосочетаніе Екатерины и Петра Ѳеодоровича; церемонія этого перваго въ Россіи бракосочетанія наслѣдника имперіи была обставлена съ наивозможною роскошью; торжества продолжались до 30 августа и закончились выводомъ на Неву знаменитаго ботика Петра Великаго; съ тѣхъ поръ онъ уже болѣе не спускался на воду.

Вскорѣ послѣ свадьбы начались сборы къ отъѣзду принцессы Іоганны-Елизаветы. Своею безтактностью она испортила всѣ свои отношенія; неудовольствіе императрицы распространилось и на ея мужа: вопреки всѣмъ ожиданіямъ онъ не былъ приглашенъ ни на обрученіе, ни на свадьбу дочери, ему не дано было русскаго ордена, хотя онъ очень желалъ его имѣть; что же касается до избранія его въ герцоги курляндскіе, о чемъ онъ просилъ похлопотать свою жену, то оказалось невозможнымъ даже заговорить объ этомъ. 28 сентября 1745 г. принцесса Цербтская уѣхала, несмотря на неудовольствія богато одаренная и съ щедрыми подарками для мужа; она ѣхала съ тою же пышностью, съ какою ѣхала и въ Россію, но въ Ригѣ получила она письмо императрицы, которая поручала ей передать прусскому королю, что его посланникъ Мардефельдъ долженъ быть отозванъ изъ Петербурга и за-

мѣненъ кѣмъ-либо другимъ, кромѣ Фокеродта. Это было полнымъ крушеніемъ всѣхъ расчетовъ Фридриха и доказательствомъ фіаско, какое потерпѣла Цербтская принцесса, которой онъ съ почти непостижимымъ легковѣріемъ далъ щекотливое порученіе свергнуть Бестужева. Фридрихъ былъ пораженъ и очень раздосадованъ, но желаніе императрицы пришлось исполнить.

Со вступленіемъ Екатерины въ бракъ начинается въ ея жизни самый трудный и, можно сказать, мрачный періодъ. Тотъ фактъ, что великій князь, очень хорошо относившійся къ своей невѣстѣ въ первое время знакомства, быстро охладѣлъ къ ней и, сдѣлавшись ея мужемъ, совсѣмъ ея не любилъ, конечно, немало значилъ въ томъ, что жизнь Екатерины была невеселая; но не онъ одинъ былъ причиною тяжелаго положенія Екатерины: оно создалось въ силу условій, въ какихъ оказывались въ то время и другіе принцы. Пока эти принцы были дѣтьми, нерѣдко прилагаемо было много заботъ объ ихъ воспитаніи; но едва достигали они возраста юношескаго, ихъ торопились женить,—и затѣмъ они считались уже взрослыми, и имъ предоставлялась полная свобода; между тѣмъ очевидно, что молодые люди въ 17—18 лѣтъ, хотя бы и женатые, нуждались въ умѣломъ и твердомъ руководительствѣ не менѣе чѣмъ прежде; такого руководительства они были всегда лишены. Имъ отводился опредѣленный, очень узкій кругъ, въ которомъ они могли заводить знакомства, а затѣмъ они были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ, сами должны были находить, чѣмъ заполнить то время, которое оставалось у нихъ свободнымъ по исполненіи разныхъ обязанностей, налагаемыхъ этикетомъ, обыкновенно нетрудныхъ, но скучныхъ; они сами должны были вырабатывать свои интересы, создавать свой внутренній міръ, безъ богатства котораго никакое положеніе не даетъ полнаго удовлетворенія. По условіямъ того времени молодые принцы были совершенно лишены возможности знакомиться съ кѣмъ-либо внѣ очень тѣснаго круга лицъ, имѣвшихъ доступъ ко двору, тѣмъ менѣе могли они сближаться съ людьми неродовитыми, выдававшимися на какомъ-либо поприщѣ умственной дѣятельности — художниками, учеными или писателями, въ частности же въ Россіи XVIII ст. составить такой кругъ не было и возможности. Молодые принцы, съ тѣми весьма незначительными рессурсами, какіе они могли получить въ 8—9 лѣтъ довольно поверхностнаго ученія, предоставленные сами себѣ, не имѣя серьезныхъ и широкихъ интересовъ, въ большинствѣ случаевъ довольно быстро опускались и интересы свои сводили въ лучшемъ случаѣ къ парадамъ и охотѣ, а то и къ пьянству и волокитству. Только самые выдающіеся государи того времени, какъ Петръ Великій или Фридрихъ II, не погружались еще до вступленія на престолъ исключительно въ такую жизнь, но и они выбивались изъ окружавшей ихъ сферы не безъ большой борьбы и не безъ серьезныхъ непріятностей.

Вел. кн. Петръ Ѳеодоровичъ и вел. кн. Екатерина Алексѣевна.
Оригиналъ работы Гроота въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

Въ жизни Петра Ѳеодоровича и Екатерины Алексѣевны подобныя условія дѣйствовали въ самой полной мѣрѣ, со всею своею силою. Петръ Ѳеодоровичъ получилъ образованіе совершенно ничтожное; онъ былъ мало способенъ къ ученію, а сколько-нибудь отвлеченныхъ интересовъ былъ совершенно лишенъ; предоставленный въ 17 лѣтъ самому себѣ, онъ былъ способенъ наполнять свое время только совершенно дѣтскими забавами, соединяя ихъ подчасъ съ необдуманностью и даже грубостью молодого человѣка не развитого и мало образованнаго, но чувствующаго возможность дѣлать почти все, что ему вздумается; любимымъ занятіемъ Петра Ѳеодоровича была игра въ игрушечныхъ солдатиковъ; наиболѣе пріятнымъ обществомъ ему казалось общество лакеевъ; скоро онъ сталъ предаваться страсти къ вину, что̀ тогда, впрочемъ, вообще не считалось неприличнымъ. Въ русскомъ обществѣ того времени умственные интересы были еще очень не широко распространены; Екатерина немного отступаетъ отъ истины, говоря,

что въ то время она да молодая княгиня Дашкова были единственными женщинами въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, которыя читали что-нибудъ серьезное. Не установились еще твердо и нравственныя требованія послѣ потрясенія, которому подверглись и они въ то время, когда въ русскую жизнь вошло сразу столько новаго, что все старое, все, прежде почитавшееся обязательнымъ и несомнѣннымъ, казалось подлежащимъ сомнѣнію и даже отрицанію, вмѣстѣ со многимъ, не имѣющимъ никакого внутренняго значенія.

Положеніе молодыхъ принцессъ было особенно тягостно еще въ одномъ отношеніи. Въ самомъ раннемъ возрастѣ выдавали ихъ замужъ по соображеніямъ, для нихъ совершенно чуждымъ, а затѣмъ совершенно прямо, можно сказать съ цинизмомъ, давали имъ понять, что интересъ онѣ представляютъ почти исключительно лишь съ той точки зрѣнія, что отъ нихъ ожидаютъ наслѣдника; молодыя женщины, занимавшія въ государствѣ первое мѣсто послѣ государыни, не могли не чувствовать себя этимъ до извѣстной степени обиженными и оскорбленными. И такое отношеніе вовсе не было чѣмъ-то исключительнымъ и вовсе не въ одной Россіи наблюдалось: совершенно въ одинаковомъ положеніи были и Екатерина II, и Марія, супруга Людовика XV, и Марія-Антуанетта, и въ письмахъ Маріи Терезіи къ дочери мы читаемъ чуть не дословное повтореніе того, что, по разсказамъ Екатерины, слыхала она отъ Чоглоковой, какъ мнѣніе императрицы Елизаветы Петровны.

Таковы были общія условія, въ какихъ протекала жизнь тогдашнихъ принцессъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ непріятныя стороны положенія смягчались любовью и вниманіемъ мужей, сердечными отношеніями родителей мужа или другихъ родственниковъ, но чаще положеніе ихъ было въ сущности столь же тягостно, сколь казалось блестящимъ съ внѣшней стороны. Что касается Екатерины, то указанныя выше непріятныя стороны проявлялись съ полною силою, и ничего не было, что скрашивало бы интимную жизнь великой княгини. Самымъ лучшимъ человѣкомъ вблизи нея была, безспорно, сама императрица Елизавета Петровна, натура вообще крупная и женщина не злая. Но она слишкомъ любила удовольствія, лично къ Екатеринѣ особаго расположенія не питала, а впечатлѣнія отъ молодого двора, благодаря поведенію великаго князя, получала вообще неблагопріятныя, такъ что и къ Екатеринѣ постепенно стала относиться довольно холодно.

Первый годъ своего супружества великій князь и великая княгиня были предоставлены вполнѣ сами себѣ; время ихъ было наполнено удовольствіями, но, тѣмъ не менѣе, ихъ жизнь оказывалась пуста и скучна и вскорѣ одна совершенно непозволительная шалость великаго князя повела къ тому, что молодой дворъ былъ подчиненъ особому надзору. Великій князь, узнавъ случайно, что въ примыкающей къ его покоямъ комнатѣ будетъ ужинать императрица съ ближайшими къ ней лицами, просверлилъ нѣсколько дырокъ

въ дверяхъ и пригласилъ большую компанію, собравшуюся у него и у великой княгини, смотрѣть на сцену, имъ совершенно недоступную. Изъ всей компаніи только Екатерина сразу увидѣла неприличіе такой шутки, не приняла въ ней участія и поторопилась ее прекратить; великій князь самъ испугался, когда понялъ, что онъ надѣлалъ. Шалость стала извѣстна императрицѣ, она чрезвычайно разгнѣвалась и сдѣлала великому князю суровый выговоръ, а когда онъ попробовалъ возражать, то императрица вышла изъ себя, въ глаза ему отозвалась самымъ презрительнымъ образомъ объ его умѣ и характерѣ и пригрозила строгимъ наказаніемъ; у Екатерины, присутствовавшей при этомъ, навернулись слезы, но ее императрица успокоила, сказавъ, что ей извѣстно ея поведеніе въ этой исторіи. Послѣ этого къ молодому двору была назначена гофмейстериною Марья Симоновна Чоглокова, рожденная графиня Гендрикова, двоюродная сестра императрицы, молодая еще женщина, пользовавшаяся особеннымъ довѣріемъ государыни; ея мужъ, камергеръ Чоглоковъ, былъ назначенъ состоять при великомъ князѣ. Чоглокова не способна была заслужить довѣріе молодыхъ супруговъ; она постоянно, словно нарочно, создавала по самымъ ничтожнымъ поводамъ столкновенія съ ними и немедленно удаляла отъ молодого двора всякаго человѣка изъ прислуги, который только успѣвалъ заслужить вниманіе и довѣріе великаго князя или великой княгини. Назначеніе Чоглоковыхъ не внесло серьезности и лучшаго содержанія въ жизнь великокняжеской четы, не содѣйствовало оно и сближенію молодыхъ супруговъ, отношенія которыхъ къ этому времени стали холодны. Великій князь по вкусамъ и понятіямъ оставался избалованнымъ и дурно воспитаннымъ ребенкомъ; официальная жизнь наполнялась попрежнему обѣдами, балами, маскарадами, ужинами и крупной карточной игрой, постоянными переѣздами изъ дворца въ дворецъ, охотою и верховыми прогулками во время пребыванія въ загородныхъ дворцахъ; въ апартаментахъ Екатерины въ это время не было бумаги, пера и чернилъ; книги попадали ей въ руки совершенно случайно; въ разолоченныхъ палатахъ, посреди роскошнѣйшей отдѣлки, приходилось мириться съ полнымъ отсутствіемъ самаго примитивнаго комфорта—напримѣръ, всѣ 8 или 10 горничныхъ Екатерины помѣщались рядомъ съ ея спальней, и единственный ходъ въ комнату горничныхъ былъ черезъ эту спальню. Въ роскошныхъ палатахъ царили скука—и атмосфера, пропитанная сплетнями, происками, интригами и волокитствомъ. Что вниманіе молодой великой княгини было постоянно занято тѣмъ, какъ была причесана и одѣта та или другая дама, что день Екатерины обыкновенно занятъ былъ туалетами и картами,—это еще не представляло большой бѣды; что черезъ голову свою и своего мужа она постоянно чувствовала происки и борьбу разныхъ придворныхъ партій—это было уже хуже; еще хуже было, что кругомъ непре-

рывно шли любовныя интриги: Чоглоковъ учинилъ скандальную исторію съ одною изъ фрейлинъ великой княгини; исторію эту оказалось невозможнымъ скрыть, но это не помѣшало ему сохранить свое мѣсто при молодомъ дворѣ; сама Чоглокова, почитавшаяся образцомъ семейныхъ добродѣтелей, увлеклась однимъ изъ придворныхъ кавалеровъ; великій князь волочился открыто то за одной, то за другой фрейлиной и только на жену не обращалъ вниманія, дѣлая ее, въ то же время, повѣренною всѣхъ своихъ увлеченій; при дворѣ появились новые фавориты И. И. Шуваловъ, Н. А. Бекетовъ, за ними волочились придворныя дамы; фрейлины готовы были принять на себя роль посредницъ, чуть только имъ начинало казаться, что великій князь хоть сколько-нибудь заинтересовался кѣмъ-нибудь... Вообще, окружавшіе великаго князя и великую княгиню не столько заботились о томъ, чтобы то или другое совершилось или не совершилось, сколько о томъ, чтобы до императрицы не дошли свѣдѣнія, которыя ее разстроятъ. Съ назначеніемъ Чоглоковыхъ около молодой великокняжеской четы создался самый бдительный надзоръ, въ иныхъ случаяхъ прямо оскорбительный, соглядатаи были повсюду — но надзоръ этотъ не достигалъ своей цѣли, и любое требованіе, любое запрещеніе императрицы нарушались, и всегда находились услужливые люди, готовые помочь великому князю и великой княгинѣ въ такомъ случаѣ болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ. Но всего хуже было то, что великую княгиню, вышедшую замужъ менѣе чѣмъ пятнадцати съ половиною лѣтъ, съ перваго же года замужества стали подозрѣвать въ увлеченіяхъ и прямо въ любовныхъ похожденіяхъ, и не только подозрѣвали, но даже допрашивали о такихъ вещахъ, что она сначала даже не понимала, о чемъ идетъ рѣчь! Екатерина сама вспоминаетъ это, и мы не имѣемъ никакого основанія не вѣрить ей въ данномъ случаѣ: она очень откровенно говоритъ о позднѣйшихъ своихъ увлеченіяхъ, а въ то время, къ которому такіе факты относятся, она была еще такъ молода, что, положительно, не могла подавать и сколько-нибудь серьезнаго повода къ подобнымъ подозрѣніямъ.

Одновременно съ назначеніемъ Чоглоковыхъ великой княгинѣ была сообщена «инструкція», данная Чоглоковой. Въ этой инструкціи было пять пунктовъ: первый говорилъ о необходимости твердо соблюдать вѣру, послѣдній, пятый, — о томъ, что великая княгиня «можетъ всегда имѣть отверстый доступъ къ императрицѣ для изустнаго донесенія о своихъ нуждахъ»; третій и четвертый говорили о необходимости для великой княгини избѣгать всякой фамильярности съ придворными кавалерами, дамами и лакеями и о запрещеніи кому бы то ни было передавать великой княгинѣ письма и книги, о запрещеніи великой княгинѣ вступать въ какія-либо государственныя дѣла и переписываться съ кѣмъ-либо, даже съ родителями, иначе какъ чрезъ посредство коллегіи иностран-

ныхъ дѣлъ. Самымъ существеннымъ являлся второй пунктъ, въ которомъ, среди длинныхъ запутанныхъ фразъ, читалось такое замѣчательное мѣсто: «великая княгиня въ нынѣшнее достоинство императорскаго высочества не въ какомъ иномъ видѣ и надѣяніи возвышена, какъ токмо дабы имперіи пожеланный наслѣдникъ и отрасль всевысочайшаго императорскаго дома получена быть могла», и для достиженія этого намѣренія великой княгинѣ рекомендовалось всѣми способами привлекать къ себѣ сердце великаго князя.

Можно себѣ представить, какое вліяніе должна была имѣть подобная инструкція рядомъ съ тѣми подозрѣніями, о которыхъ мы говорили выше; это одновременно и оскорбляло молодую женщину и толкало ее на то, въ чемъ ее уже подозрѣвали; Екатерина, по собственнымъ ея словамъ, испытала именно такое вліяніе нѣкоторыхъ подозрѣній; и если они были совершенно неосновательны по адресу 16 — 17-лѣтней великой княгини, то многое измѣнилось послѣ 7 или 8 лѣтъ такой жизни, явилась, дѣйствительно, возможность, что великая княгиня увлечется какимъ-нибудь блестящимъ кавалеромъ — тѣмъ болѣе, что ея супругъ съ годами не избавлялся отъ своихъ недостатковъ, а лишь укрѣплялся въ нихъ, становился менѣе интересенъ, болѣе грубъ, болѣе безцеремоненъ, менѣе воздержанъ въ винѣ. Впрочемъ, Екатерина долго терпѣливо переносила всѣ недостатки своего мужа. Великій князь, когда былъ въ затрудненіи, обращался къ женѣ за совѣтами; онъ дѣлился съ нею и своими мечтами, хотя разговоръ съ нимъ всегда утомлялъ Екатерину, которую поражали неосновательность его сужденій и мелочность интересовъ. Великій князь посвящалъ свою жену во всѣ дѣла своихъ наслѣдственныхъ владѣній въ Германіи, имѣвшія въ его глазахъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ что-либо, касавшееся Россіи. Впрочемъ, продолжительныя занятія и этими дѣлами скоро становились скучны для великаго князя, и по его желанію его голштинскій министръ докладывалъ дѣла Екатеринѣ, и она принимала по нимъ рѣшенія. Въ 1751 г. по внушеніямъ Екатерины Петръ Ѳеодоровичъ рѣшительно отказался отъ обмѣна голштинскихъ земель на графства Ольденбургское и Дальменгорстское, хотя переговоры объ этомъ велись съ его вѣдома и согласія; достойно замѣчанія, что въ это время Екатерина разсуждала по данному вопросу совершенно какъ Петръ Ѳеодоровичъ, т.-е. какъ истинно-нѣмецкая принцесса, и только яснѣе формулировала тѣ самыя соображенія, которыя останавливали на себѣ вниманіе и Петра Ѳеодоровича. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ шести-семи лѣтъ, отношенія между молодыми супругами были если и не очень хороши, то во всякомъ случаѣ кое-какъ поддерживались, и полнаго разрыва между ними не было.

На десятомъ году супружеской жизни у наслѣдника престола родился сынъ Павелъ; немедленно онъ былъ взятъ императрицею

Вел. кн. Екатерина Алексѣевна.
Съ оригинала, хранящагося въ Дессау.
Воспроизведеніе этого снимка воспрещается.

Елизаветою на свое попеченіе, и мать почти не видала его; исполнилось то, чего отъ нея, главнымъ образомъ, ожидали: «пожеланная отрасль» была, и мать теперь отставлена была одна, почти забыта дворомъ среди торжествъ, какими праздновалось рожденіе будущаго наслѣдника. Скучное время своего одиночества Екатерина наполняла чтеніемъ и мало-по-малу пристрастилась къ серьезнымъ книгамъ. Она читала теперь Тацита, Монтескье и историко-философскія сочиненія Вольтера, и эти произведенія имѣли на нее огромное вліяніе. О Тацитѣ Екатерина вспоминала сравнительно рѣдко, но не можетъ быть сомнѣнія, что трудъ этого великаго человѣка произвелъ и на Екатерину такое же сильное впечатлѣніе, какое производитъ онъ на всякаго, кто способенъ мыслить и чувствовать. Что касается Монтескье и Вольтера, то къ нимъ Екатерина навсегда сохранила исключительное почтеніе; книгу Монтескье она называла молитвенникомъ государей, глубокое почтеніе къ Вольтеру высказывала она въ письмахъ къ нему, въ многихъ отзывахъ о немъ послѣ его смерти и засвидѣтельствовала высокую оцѣнку его значенія тѣмъ, что пожертвовала 100.000 р.

на изданіе сочиненій Вольтера. Что именно поразило Екатерину въ сочиненіяхъ Вольтера всего болѣе,—указать нелегко, да и нѣтъ необходимости. Екатерина отнеслась и къ его произведеніямъ, конечно, такъ же, какъ относилась впослѣдствіи къ трудамъ высокочтимаго ею англійскаго юриста Блэкстона: «Я дѣлаю не то, что у него написано,—говорила она,—я развиваю его нить». Въ общихъ, основныхъ чертахъ идеи Вольтера не только стали достояніемъ лучшихъ людей своего времени, но до извѣстной степени опредѣлили направленіе всего умственнаго развитія Европы чуть не до конца XIX в. Во всякомъ случаѣ, считаясь съ ними, слѣдуя имъ или ихъ опровергая, совершались всѣ важнѣйшія умственныя движенія XVIII и XIX вв.; и если то, что распространялъ Вольтеръ, иногда не имъ было выработано, то неоспоримо, что особенно часто чрезъ его именно сочиненія тѣ или другія идеи распространялись. Произведенія Монтескье, въ свою очередь, имѣли большое вліяніе на развитіе политическихъ ученій двухъ послѣднихъ столѣтій, и никто не отрицаетъ великихъ заслугъ этого выдающагося мыслителя и благороднѣйшаго человѣка. Нельзя не цѣнить высоко увлеченія Екатерины этими писателями, тѣмъ болѣе, что и впослѣдствіи она проявляла постоянное стремленіе вступать въ общеніе съ лучшими умами своего времени, что является всегда признакомъ высокаго ума.

За такими занятіями, чередовавшимися съ разными увеселеніями, проводила Екатерина свое время до середины 1755 г., когда въ Петербургъ прибылъ въ свитѣ англійскаго посла Вильямса графъ Станиславъ Понятовскій, будущій король польскій. Онъ начиналъ свою карьеру, какъ это тогда нерѣдко бывало, безъ опредѣленнаго официальнаго положенія въ свитѣ опытнаго дипломата. Понятовскій произвелъ въ петербургскомъ обществѣ большое впечатлѣніе; молодой, красивый, ловкій, веселый, довольно хорошо образованный, онъ понравился рѣшительно всѣмъ, а, въ свою очередь, онъ былъ очарованъ великою княгиней; Екатерина же влюбилась въ него со всею страстью еще неисчерпаннаго чувства. Уже одно это создавало опасность для Понятовскаго; положеніе еще осложнялось тѣмъ, что Вильямсъ, какъ посолъ державы, союзной съ Пруссіей, съ которою Россія вела войну, представлялся своего рода соглядатаемъ въ Петербургѣ; при такихъ условіяхъ близость Понятовскаго къ великой княгинѣ представлялась вдвойнѣ непозволительной. На нее уже смотрѣли косо, и въ августѣ 1756 г. Понятовскій долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга; сдѣлано это было по желанію Бестужева, но устроено такъ, что противъ дѣйствій Понятовскаго по нѣкоторымъ политическимъ вопросамъ протестовало польско-саксонское министерство,—а въ декабрѣ того же года Понятовскій вернулся въ Петербургъ уже посланникомъ саксонскимъ: саксонское министерство уступило Бестужеву, который теперь пожелалъ видѣть Понятовскаго опять въ Петер-

бургѣ. Бестужевъ дѣйствовалъ такъ по настойчивому требованію Екатерины. Въ декабрѣ 1757 г. у Екатерины родилась дочь Анна, вскорѣ скончавшаяся.

Въ сентябрѣ 1757 г. фельдмаршалъ Апраксинъ, только что одержавъ побѣду надъ пруссаками подъ Гросъ-Эгерсдорфомъ, вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать враговъ, началъ отступленіе, которое производилъ такъ, что оно походило на ретираду разбитой арміи. Апраксинъ былъ смѣщенъ, и надъ нимъ начато слѣдствіе. Комиссія изъ наиболѣе опытныхъ генераловъ русской службы признала, что отступленіе было необходимо въ виду недостатка запасовъ; Апраксинъ былъ бы, по всей вѣроятности, оправданъ, но онъ умеръ до конца слѣдствія. А въ связи съ этимъ слѣдствіемъ 14 февраля 1758 г. былъ арестованъ канцлеръ гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ. Пошли какіе-то слухи о сношеніяхъ Апраксина и Бестужева съ великою княгиней, о какихъ-то ея письмахъ. Екатерина оказалась въ очень фальшивомъ положеніи; ея избѣгали, она чувствовала на себѣ опасливые взгляды придворныхъ. Тогда она попросила у императрицы, какъ милости, возможности объясниться. Объясненіе произошло ночью 13 апрѣля — императрица Елизавета ложилась спать очень поздно; при бесѣдѣ этой присутствовали великій князь, гр. А. И. Шуваловъ и — по словамъ Екатерины, хотя она не говоритъ, откуда это узнала — за ширмами скрывался И. И. Шуваловъ; 23 мая произошла вторая бесѣда, которую Екатерина испросила у Елизаветы Петровны на первомъ объясненіи. На описаніи самаго начала этой второй бесѣды обрываются записки императрицы Екатерины, единственный источникъ, изъ котораго мы знаемъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ, и что говорилось на послѣдней бесѣдѣ — остается неизвѣстнымъ.

Эти двѣ бесѣды и весь этотъ періодъ времени представляются намъ важнѣйшими пунктами во всей жизни Екатерины.

Вотъ какъ излагаетъ ночную бесѣду 13 апрѣля Екатерина въ своихъ запискахъ.

Вошедши въ покой, гдѣ была императрица, великая княгиня бросилась предъ нею на колѣни и со слезами просила отпустить ее къ роднымъ; на возраженія императрицы, какъ объяснить такой отъѣздъ, чѣмъ будетъ она жить и какъ останется ея сынъ, Екатерина отвѣчала, что императрица вольна объяснить, чѣмъ будетъ ей угодно, что ея сынъ останется на попеченіи императрицы и что жить она будетъ, какъ жила раньше до того времени, когда ее взяли къ русскому двору. Императрица, смягчившись, сказала: «Богъ свидѣтель, какъ я плакала, когда вскорѣ послѣ пріѣзда въ Россію вы были при смерти больны; я васъ искренно любила». На выраженія благодарности Екатерины она упрекнула ее, что давно уже она обнаруживаетъ гордость и чрезмѣрное самомнѣніе, воображаетъ, что никого нѣтъ умнѣе ея; Екате-

рина увѣряла, что совершенно неумышленно подала поводъ къ обвиненію въ гордости, и что то положеніе, въ какомъ она въ данную минуту находится, конечно, убѣждаетъ и се, какъ и другихъ, что она далеко не умнѣе всѣхъ. Послѣ неумѣлаго вмѣшательства великаго князя, старавшагося возбудить императрицу противъ своей супруги, императрица, по словамъ Екатерины, неожиданно перескочила къ сношеніямъ Штамбке — это былъ одинъ чиновникъ голштинской службы, находившійся въ Россіи — съ Бестужевымъ и сказала: «Сами посудите, какъ можно извинять его за то, что онъ имѣетъ сношенія съ государственнымъ узникомъ», а затѣмъ подошла ближе къ великой княгинѣ и сказала: «Вы вмѣшиваетесь во многія вещи, которыя васъ не касаются; я не посмѣла бы дѣлать того же при императрицѣ Аннѣ. Какъ, напримѣръ, вы посмѣли посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?» На заявленіе Екатерины, что никогда ей и въ голову не приходило написать ему приказанія, императрица отвѣтила: «Какъ вы можете отрицать, что вы ему писали! Ваши письма тутъ, въ этой чашѣ,— и императрица указала на нихъ пальцемъ, — а вамъ запрещено писать». Екатерина утверждала, что писала только три письма, не содержавшія не только какихъ-либо приказаній, но и вообще чего-либо серьезнаго. Императрица отвѣтила: «Бестужевъ говоритъ, что было много другихъ»; Екатерина возразила: «Если Бестужевъ это говоритъ, то онъ лжетъ». «Если онъ лжетъ на васъ, то я велю его пытать», сказала Елизавета Петровна. По замѣчанію Екатерины императрица этимъ хотѣла ее напугать, но она отвѣтила, что императрица можетъ дѣлать, что она находитъ нужнымъ. Послѣ этого императрица отошла и стала говорить съ А. И. Шуваловымъ и великимъ княземъ, который попрежнему старался вызвать въ императрицѣ гнѣвъ на Екатерину; наконецъ Елизавета Петровна подошла снова къ своей невѣсткѣ и вполголоса сказала ей: «Мнѣ надо будетъ многое вамъ еще сказать; но я не могу теперь говорить, потому что не хочу васъ ссорить еще болѣе». Екатерина отвѣтила тоже почти шопотомъ: «И я также не могу говорить, хотя мнѣ чрезвычайно хочется открыть вамъ свое сердце и душу». Императрица казалась тронутою этими словами; она милостиво прекратила аудіенцію, а затѣмъ прислала гр. А. И. Шувалова передать великой княгинѣ поклонъ, просить ее не огорчаться и сообщить ей, что императрица будетъ еще съ нею говорить. Второй разговоръ состоялся 23 мая. Императрица была одна и никакихъ ширмъ въ комнатѣ не было. Екатерина начала съ благодарности императрицѣ за разрѣшеніе объясниться съ нею; государыня прежде всего высказала требованіе, чтобы великая княгиня отвѣчала ей полную правду на все, о чемъ она спроситъ, и, получивъ такое обѣщаніе, спросила, дѣйствительно ли было только три письма къ Апраксину; Екатерина поклялась, что только три; тогда Елизавета Петровна «стала спрашивать подробности объ образѣ жизни

великаго князя»—этими словами оканчивается разсказъ Екатерины о второмъ свиданіи, а вмѣстѣ и ея «Записки».

Въ своемъ изложеніи мы опустили лишь то, что Екатерина говоритъ о недружелюбномъ отношеніи къ ней великаго князя и о знакахъ волненія и разстройства императрицы; все остальное передано почти безъ измѣненій ея собственными словами — и въ этомъ видѣ бесѣда какъ будто не могла имѣть такого значенія, какое Екатерина ей придаетъ. Упреки въ гордости, обращенные къ Екатеринѣ, совсѣмъ неважны сравнительно съ тѣмъ, что не разъ говаривала Елизавета Петровна и племяннику своему, и принцессѣ Іоганнѣ-Елизаветѣ, и самой Екатеринѣ; жалобы великаго князя на свою жену ничтожны по существу, да въ это время императрица Елизавета уже совсѣмъ охладѣла къ племяннику и словамъ его не придавала значенія. Существеннымъ остается вопросъ о письмахъ, но его Екатерина затушевываетъ и какъ будто что-то тутъ скрываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, по ея разсказу, ей говорили, что ея письма тутъ, въ этой комнатѣ, въ этой чашѣ, а она отрицала существованіе писемъ, кромѣ трехъ совершенно невиннаго содержанія; кажется, легко было подвинуть вопросъ къ несомнительному рѣшенію: стоило только показать эти письма— и тогда или Екатерина должна бы сознаться, если письма были ея, или она должна была утверждать ихъ подложность, если бы нашла ихъ поддѣльными; но этого сдѣлано не было. А предъ описаніемъ ночной бесѣды есть у Екатерины обмолвка: «Какъ только я узнала, — говоритъ она въ своихъ «Запискахъ», — о высылкѣ Штамбке и объ отозваніи гр. Понятовскаго, я уже не ждала ничего хорошаго» — тогда она и попросила свиданія съ императрицей; довольно ясно, кажется, что Понятовскій имѣлъ какое-то отношеніе къ этому свиданію, но въ бесѣдѣ, какъ ее изложила Екатерина, нѣтъ ничего, хотя бы отдаленно, касающагося Понятовскаго. Это, повидимому, тоже умолчаніе. Мы думаемъ, что въ дѣйствительности Понятовскій имѣлъ очень близкое отношеніе къ обѣимъ ночнымъ бесѣдамъ; правда, въ доказательство своего мнѣнія мы можемъ привести лишь предположенія и толкованія нѣкоторыхъ позже происшедшихъ фактовъ, но намъ кажется только такъ возможно объяснить и эти двѣ ночныя бесѣды и кое-что еще.

Екатерина нигдѣ ни единымъ словомъ не говоритъ о своей перепискѣ съ англійскимъ посломъ Вильямсомъ; немедленно по вступленіи на престолъ, отдавая приказаніе заплатить ему деньги, которыя она у него занимала, она ничѣмъ не даетъ основаній предполагать и тайную переписку съ нимъ, но эта переписка существовала, она недавно открыта и напечатана и она имѣетъ большое значеніе.

Переписка эта началась въ моментъ самаго страстнаго увлеченія Екатерины Понятовскимъ: во время отсутствія его изъ Петер-

бурга Екатерина писала о немъ Вильямсу и отъ Вильямса получала вѣсти о человѣкѣ, который владѣлъ ея сердцемъ. Письма всѣ анонимныя и даже написаны такъ, какъ будто авторъ ихъ мужчина, какой-то генералъ, но подлинность ихъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ потому, что они писаны рукою Екатерины, такъ и потому, что исходятъ, очевидно, отъ лица одинаково близкаго великому князю Петру Ѳеодоровичу и великому князю Павлу Петровичу, отъ лица, предъ которымъ склоняются высшіе сановники, и притомъ отъ женщины; генеральскій чинъ ихъ автора совершенно не согласуется съ ихъ содержаніемъ. Когда Екатерина въ ослѣпленіи страсти писала эти письма, она каждый разъ совершала прямо непозволительный проступокъ и, понявъ впослѣдствіи свою ужасную ошибку, она никогда, нигдѣ, ни единымъ словомъ ихъ не вспомнила. Прежде всего эти письма проникнуты самымъ недоброжелательнымъ и неуважительнымъ отношеніемъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ: о ея болѣзни говорится со злорадствомъ и даже съ явнымъ желаніемъ ей скорой кончины, отзывы о государынѣ рѣзки, даже грубы. Екатерина сообщала Вильямсу вѣсти, которыя касались политическихъ дѣлъ и до нея самой доходили отъ великаго князя; ничего существенно важнаго она сообщить не имѣла случая, но самый фактъ подобныхъ сношеній съ иностраннымъ министромъ не можетъ быть названъ иначе, какъ преступнымъ. Екатерина принимала отъ Вильямса крупныя суммы взаймы, хотя, какъ мы уже сказали, немедленно по воцареніи она ихъ полностію ему вернула. Наконецъ въ этихъ письмахъ Екатерина говоритъ о своихъ планахъ, относящихся къ престолонаслѣдію въ Россіи; правда, она говоритъ лишь о способахъ, какими предполагаетъ сохранить престолъ великому князю Петру Ѳеодоровичу, но такъ какъ, допуская возможность отрѣшенія его отъ наслѣдства, она обсуждаетъ способъ захватить престолъ и силою, то, очевидно, эти ея разсужденія являются преступными. И особенно бросается въ глаза то, что писавшее эти письма лицо разсуждаетъ вовсе не какъ русская великая княгиня: авторъ писемъ думаетъ, чувствуетъ и представляетъ себѣ всѣ государственныя отношенія какъ мелкіе нѣмецкіе князья—изъ числа тѣхъ, которые считали возможнымъ жить чужими субсидіями или даже и прямою продажею своихъ подданныхъ въ чужія войска; изъ тѣхъ, для кого корона была не священнымъ символомъ огромной власти и огромной отвѣтственности, а просто фамильною драгоцѣнностью, которую недурно бы получить при дѣлежѣ наслѣдства, хотя бы и не самыми красивыми путями.

Какъ непохожъ весь тонъ, весь характеръ этихъ писемъ на то, что писала впослѣдствіи по такимъ же вопросамъ Екатерина, и на все, что она дѣлала! Замѣчательна и разница въ отношеніи къ императрицѣ Елизаветѣ: тутъ оно неуважительное, даже грубое; впослѣдствіи — оно холодное, но всегда сдержанное, вполнѣ

приличное; въ 1756 — 1757 гг., будучи великою княгинею и при нѣкоторой вѣроятности очень серьезно поплатиться за такіе отзывы, Екатерина прямо съ бранью говоритъ о государынѣ,— впослѣдствіи, сама ставши самодержавною императрицей и имѣя полную возможность выражать свой гнѣвъ и недоброжелательство къ Елизаветѣ Петровнѣ, Екатерина никогда ихъ не обнаруживаетъ даже приблизительно такъ рѣзко, какъ выражала прежде. Для такихъ перемѣнъ должна была быть глубокая причина.

Мы думаемъ, что причина — тѣ два ночныхъ свиданія, о которыхъ мы выше говорили; намъ представляется, что тамъ шла рѣчь о письмахъ Екатерины, но не къ Апраксину только, а и къ Вильямсу и Понятовскому. Письма къ Апраксину не могли имѣть никакого значенія; отправивъ ихъ, великая княгиня нарушала запреты писать помимо коллегіи—но и только, это было проступкомъ не болѣе важнымъ, чѣмъ многіе другіе, часто повторявшіеся; узнавши о нихъ, императрица Елизавета Петровна побранила бы великую княгиню, можетъ-быть сгоряча выбранила бы и довольно рѣзко, можетъ-быть, не говорила бы съ нею, не замѣчала бы ея мѣсяцъ, два—и только; письма къ Вильямсу — другое дѣло; они были преступленіемъ. Изъ-за писемъ къ Апраксину совершенно странно было бы Екатеринѣ просить императрицу о разрѣшеніи уѣхать къ матери, и вторичная высылка Понятовскаго не могла быть связана съ письмами къ Апраксину—къ перепискѣ съ Вильямсомъ она имѣла ближайшее отношеніе и послѣ обнаруженія ея, дѣйствительно, могъ возникнуть вопросъ, не выслать ли великую княгиню изъ Россіи. Письма къ Апраксину не имѣли никакого отношенія къ «образу жизни великаго князя», и странно было вторую бесѣду начинать такимъ вопросомъ. Письма къ Вильямсу и Понятовскому имѣли ближайшее отношеніе къ «образу жизни великаго князя», въ значительной степени оправдывались поведеніемъ наслѣдника престола. Наконецъ, та перемѣна въ отзывахъ Екатерины объ императрицѣ Елизаветѣ, намъ кажется, можетъ быть объяснена только предположеніемъ, что импетратрица Елизавета въ чемъ-то очень важномъ обязала себѣ Екатерину: мы думаемъ, что она, уличивъ Екатерину въ непозволительной перепискѣ, простила эту вину великой княгинѣ и простила, какъ натура крупная, искренно, потому что оцѣнила и ту душевную драму, которая довела Екатерину до этого, и ту, которую пережила Екатерина, когда была уличена,—и Екатерина сообщаетъ намъ, что въ послѣдніе годы своей жизни Елизавета Петровна была къ ней милостивѣе, чѣмъ прежде. Со своей стороны и Екатерина, тоже натура крупная, никогда не забывала этого и не относилась неуважительно къ памяти той женщины, которая въ такомъ важномъ дѣлѣ оказала ей великодушіе.

Екатерина вынесла изъ этого жестокаго урока еще нѣчто гораздо болѣе цѣнное. Она сознала свою ошибку, она поняла, что

если она мечтаетъ стать русскою императрицею, то должна высоко уважать этотъ санъ, должна думать не о томъ, какъ захватить власть, а о томъ, чтобы заслужить ее. Раньше она смотрѣла на вопросъ о наслѣдованіи русскаго престола такъ же, какъ и Петръ Ѳеодоровичъ: она готова была занять открывавшееся предъ нею одно изъ высшихъ въ мірѣ положеній—но тогда и она, какъ ея супругъ, не думала о связанной съ этимъ отвѣтственности, о великомъ трудѣ, какой обязательно падаетъ на русскаго государя; ей казалось, что русскій тронъ можно занять просто съ согласія дежурнаго караула. Теперь, послѣ пережитаго униженія, она оглянулась на прошлое и въ ней проснулись дремавшія силы; предъ глазами исторіи появляется крупная историческая личность, достойный претендентъ на корону; именно съ этого момента Екатерина рѣшительно расходится съ мужемъ, потому что онъ попрежнему ничего этого не понималъ. Екатерина впослѣдствіи отозвалась однажды съ презрѣніемъ о людяхъ, неспособныхъ выйти изъ жалкаго круга маленькихъ идей, который они сами около себя создали; она отлично понимала, что̀ это значитъ, такъ как̀ сама долго жила въ кругу мелкихъ интересовъ — и сумѣла изъ него выйти. Теперь она отдалась серьезному чтенію, стала усиленно работать и готовиться къ власти; теперь Екатерину не интересуютъ болѣе шалости и дѣтскія выходки, тѣ, пожалуй, излишнія вольности, какія она позволяла себѣ часто заодно съ великимъ княземъ, а иногда и безъ его вѣдома; пустое время-препровожденіе—балы, охоты, уженье — оставлено; теперь великая княгиня стремится къ уединенной работѣ еще усерднѣе, чѣмъ старалась она прежде быть на виду, блистать и веселиться. На цѣлыхъ четыре года мы почти теряемъ Екатерину изъ вида — и когда она выступаетъ предъ нами снова уже какъ супруга императора, а затѣмъ и какъ самодержавная императрица, мы видимъ зрѣлую женщину, съ большимъ запасомъ идей и знаній, съ сильною рѣшимостью, съ огромнымъ умѣньемъ вліять на людей,—женщину, неутомимо работающую и не переставшую работать до послѣдняго дня жизни.

II.

Императрица Екатерина въ царствованіе Петра Ѳеодоровича и ея воцареніе.

25 декабря 1761 г. скончалась послѣ непродолжительной болѣзни императрица Елизавета Петровна; громкими рыданіями было встрѣчено во дворцѣ объявленіе этого печальнаго событія. На престолъ спокойно вступилъ Петръ Ѳеодоровичъ; онъ немедленно принялъ присягу отъ подданныхъ и въ тотъ же день праздновалъ свое воцареніе съ ближайшими людьми веселымъ ужиномъ, сер-

вированнымъ недалеко отъ того покоя, гдѣ лежало тѣло усопшей государыни. Занявшись первые дни довольно усиленно дѣлами правленія, а затѣмъ посвятивъ свое время по преимуществу парадамъ, новый императоръ съ нескрываемымъ равнодушіемъ относился къ кончинѣ своей державной тетки. Екатерина, наоборотъ, обнаруживала глубокую скорбь; она не пропускала ни одной панихиды; на третій день по кончинѣ государыни она посѣтила жившаго во дворцѣ гр. А. Г. Разумовскаго, который—продолжаемъ словами Екатерины—«отъ чистосердечной скорби по покойной государынѣ находился боленъ. Онъ хотѣлъ пасть къ ногамъ моимъ, но я, не допустивъ его до того, обняла его и, обнявшись, оба мы завыли голосомъ и не могли почти говорить слова оба; я, вышедъ отъ него, пошла къ себѣ». Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда императоръ присутствовалъ на какой-нибудь церковной службѣ, связанной съ кончиною государыни, онъ держалъ себя въ церкви какъ на разводѣ: переходилъ постоянно съ мѣста на мѣсто, громко разговаривалъ, смѣялся надъ церковно-служителями, позволялъ себѣ шутки, отъ которыхъ коробило присутствующихъ. Съ воцаренія Петра Ѳеодоровича дѣйствія его и его супруги стали еще больше чѣмъ до того времени различны. То, что происходило между ними, пока Петръ Ѳеодоровичъ былъ только наслѣдникомъ, а Екатерина его супругою, оставалось извѣстно лишь въ небольшомъ придворномъ кругу,—императоръ и императрица привлекали всеобщее вниманіе, и каждый шагъ ихъ имѣлъ значеніе. Петръ Ѳеодоровичъ теперь, сдѣлавшись самодержавнымъ государемъ, не считалъ нужнымъ сдерживать себя въ чемъ-либо; не оцѣнивая высоты своего положенія и святости обязанностей, этимъ положеніемъ на него налагаемыхъ, онъ началъ, ничѣмъ не стѣсняясь, проявлять свою волю, осуществлять свои давнія фантазіи. Очень скоро стало ясно, что онъ совсѣмъ не интересуется русскимъ государствомъ и русскимъ народомъ, менѣе всего желаетъ имѣть и имѣетъ съ нимъ что-либо общаго. Давно увлеченный Фридрихомъ II прусскимъ, онъ откинулъ русскую военную форму и русскіе ордена и постоянно появлялся только въ прусской формѣ и съ прусскими орденами; онъ немедленно прекратилъ войну, вернулъ Пруссіи безъ всякаго вознагражденія все то, что было пріобрѣтено русскимъ оружіемъ при Елизаветѣ Петровнѣ, но при этомъ онъ вовсе не думалъ доставить имперіи миръ: онъ замѣнилъ союзъ противъ Пруссіи союзомъ съ Пруссіей и собирался воевать съ Даніей изъ-за какихъ-то счетовъ съ нею по своему Голштинскому герцогству, для Россіи не имѣвшихъ рѣшительно никакого значенія; онъ намѣревался воспользоваться силами русскаго государства, и въ то же время словно умышленно выражалъ неуваженіе, даже презрѣніе, ко всему, что въ глазахъ русскихъ людей имѣло цѣну—будь то церковный обрядъ, русская гвардія или просто русскіе обычаи, не говоря уже о существен-

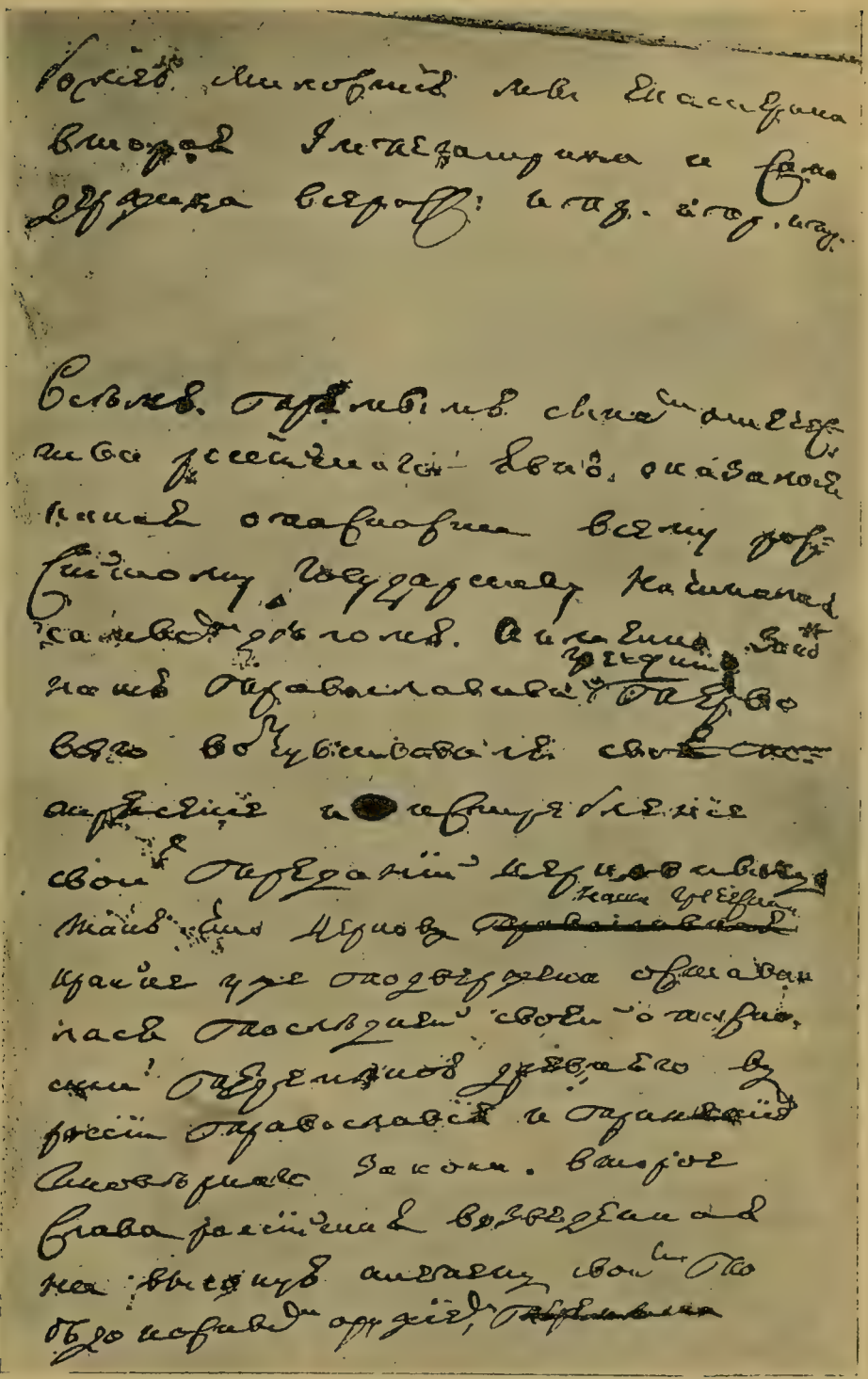
ныхъ интересахъ Россіи. Однимъ изъ первыхъ распоряженій его было закрытіе всѣхъ домовыхъ церквей въ Петербургѣ, которыя были запечатаны подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы онѣ недостаточно хорошо обстроены и обслуживаются, но всѣ понимали, что не забота о благолѣпіи православныхъ храмовъ руководила тѣмъ, кто въ церкви показывалъ языкъ священникамъ, а во время перенесенія праха усопшей императрицы со смѣхомъ бѣгалъ въ своей траурной мантіи, забавляясь тѣмъ, какъ раздувалась она по вѣтру. Съ самыми заслуженными сановниками, если только они не принадлежали къ числу любезныхъ ему забавниковъ, Петръ Ѳеодоровичъ обращался грубо, грубо бранилъ ихъ и даже билъ, и постоянно показывался на улицахъ въ нетрезвомъ видѣ и предъ народомъ занимался забавами, совершенно неприличными для взрослаго человѣка. Можетъ-быть, многое и прощалось бы ему, если бы въ его дѣйствіяхъ было что-нибудь положительное. Но манифестъ о вольности дворянства, уничтоженіе тайной канцеляріи и нѣсколько послабленій раскольникамъ не могли еще произвести на массу такого впечатлѣнія, которое уравновѣшивало бы необдуманные и неумные шаги, какіе совершались постоянно. До чего могла дойти несдержанность и необузданность Петра Ѳеодоровича, стало ясно всѣмъ, когда на большомъ парадномъ обѣдѣ императоръ приказалъ своему адъютанту передать императрицѣ грубое бранное слово, а затѣмъ, опасаясь, что адъютантъ, пожалуй, смягчитъ его совершенно непозволительное выраженіе, онъ самъ крикнулъ супругѣ эту брань черезъ весь столъ, къ великому смущенію всѣхъ присутствующихъ, въ томъ числѣ и иностранныхъ пословъ; послѣ обѣда онъ приказалъ императрицу арестовать, и съ трудомъ удалось его дядѣ, принцу Голштинскому, предотвратить этотъ неслыханный и ничѣмъ со стороны императрицы не вызванный скандалъ.

Поведеніе императора непрестанно давало обильную пищу раздраженію и недовольству, создавало атмосферу общей неувѣренности не только въ томъ, что правленіе будетъ соотвѣтствовать ожиданіямъ русскихъ людей и достоинству государства, но даже и въ томъ, что не произойдетъ чего-либо совершенно невозможнаго. И русскіе современники, и иностранные послы уже по прошествіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ новаго царствованія заговорили о малой вѣроятности, чтобы оно было продолжительно. Екатерина, знавшая своего супруга лучше, чѣмъ кто-либо другой, давно думала, что онъ не процарствуетъ долго; теперь, неувѣренная въ своей безопасности и видя, какъ быстро утрачивалъ ея супругъ уваженіе и какъ широко разливалось недовольство имъ, она поняла, что онъ ни въ комъ не найдетъ опоры, что никакая сила не станетъ за него—и начала прямо готовиться къ перевороту. Съ ближайшими людьми она говорила объ этомъ съ первыхъ недѣль царствованія своего мужа, но подробностей объ этихъ совѣщаніяхъ до насъ не дошло. Въ средѣ гвардейскихъ

офицеровъ имѣла большой успѣхъ пропаганда переворота въ пользу Екатерины,—пропаганда, которую вели смѣло, съ какою-то особенною вѣрою въ свое счастье, главнымъ образомъ Григорій, Алексѣй и Ѳедоръ Орловы—три брата, энергичные, неустрашимые, привлекавшіе къ себѣ всѣхъ своимъ рыцарскимъ характеромъ и пользовавшіеся большимъ вліяніемъ среди гвардейской молодежи; Григорій Орловъ былъ въ это время ближайшимъ къ императрицѣ человѣкомъ. Изъ высшихъ военныхъ чиновъ знали о готовящемся переворотѣ гетманъ гр. К. Г. Разумовскій и кн. Мих. Ник. Волконскій, и, наконецъ, Н. И. Панинъ, воспитатель наслѣдника. Нельзя сказать, чтобы заговоръ былъ организованъ искусно, чтобы въ число посвященныхъ новыя лица допускались осторожно и съ выборомъ, чтобы приняты были какія-нибудь обдуманныя мѣры, способныя обезпечить успѣхъ. Ничего подобнаго не было; успѣхъ заговора былъ обезпеченъ только непопулярностью императора, недовольствомъ и неуваженіемъ, которыя онъ къ себѣ внушалъ, которыя были такъ сильны и такъ всеобщи въ Петербургѣ, что едва раздалось смѣлое слово, призывавшее къ рѣшительному шагу, какъ всѣ немедленно согласились отказать въ повиновеніи прежнему государю и признать новую императрицу.

Не было еще принято опредѣленнаго рѣшенія, когда и какъ произвести переворотъ; предполагалось, между прочимъ, низложить императора въ тотъ моментъ, когда отданъ будетъ приказъ выступать гвардіи въ походъ противъ Даніи. Въ этомъ случаѣ, когда пришлось бы дѣйствовать высшимъ чинамъ и даже, можетъ-быть, высшимъ учрежденіямъ имперіи, императоромъ былъ бы, вѣроятно, провозглашенъ восьмилѣтній великій князь Павелъ Петровичъ подъ регентствомъ Екатерины; но по случайному поводу пришлось дѣйствовать ранѣе, чѣмъ предполагалось, и обстоятельства сложились такъ, что провозглашеніе императоромъ Павла Петровича оказалось гораздо болѣе неудобнымъ, чѣмъ возведеніе на престолъ Екатерины.

27 іюня 1762 г. одинъ солдатъ Преображенскаго полка заговорилъ съ капитаномъ Пассекомъ, что носятся слухи о намѣреніи императора постричь супругу, удалить сына и перемѣнить вѣру; со своей стороны солдатъ этотъ высказывался, что этого нельзя допускать. Пассекъ, посвященный въ замыслы Екатерины и Орловыхъ, отвѣчалъ, что безпокоиться не надо, что нѣкоторыя мѣры приняты; солдатъ не удовлетворился такимъ отвѣтомъ и заговорилъ о томъ же съ другимъ офицеромъ. Этотъ офицеръ, не посвященный въ заговоръ, былъ крайне удивленъ, слыша такія рѣчи, и еще болѣе изумился, когда узналъ, что Пассекъ выслушалъ ихъ спокойно; онъ доложилъ объ этомъ полковому командиру, и Пассекъ былъ арестованъ—впрочемъ, есть основанія думать, что арестъ этотъ былъ сдѣланъ только, такъ сказать, для вида. Про-



Подписанный имп. Екатериною оригиналъ манифеста 28 іюня 1762 г. о восшествіи ея на престолъ.

Хранится въ архивѣ Правительствующаго Сената.

исшествіе немедленно стало извѣстно Орловымъ—и они начали дѣйствовать рѣшительно.

Императоръ съ самыми близкими лицами проводилъ это время въ Петергофѣ, императрица жила въ Ораніенбаумѣ; сюда 28 іюня она ожидала императора со всею свитою: онъ предполагалъ встрѣтить здѣсь день своихъ именинъ; но вмѣсто того, въ 6 часовъ утра, въ спальню императрицы постучался, а затѣмъ и вошелъ А. Орловъ. «Пора вставать,—сказалъ онъ совершенно спокойно.—Все готово, чтобы васъ провозгласить» — и на вопросъ Екатерины: что же заставляетъ такъ спѣшить, онъ отвѣчалъ: «Пассекъ арестованъ». При этой вѣсти Екатерина поспѣшно одѣлась и въ той же каретѣ, въ которой прискакалъ А. Орловъ, помчалась въ столицу; карету сопровождали только два офицера, прибывшіе съ Орловымъ. Въ шести верстахъ отъ города Екатерина пересѣла въ другой экипажъ, въ которомъ выѣхалъ къ ней навстрѣчу кн. Барятинскій: лошади Орлова, сдѣлавшія болѣе 40 верстъ, совсѣмъ выбивались изъ силъ. Первый полкъ, мимо котораго приходилось проѣзжать, былъ Измайловскій; дежурный караулъ былъ изъ сторонниковъ императрицы; по звуку барабана весь полкъ высыпалъ на улицу, офицеры и солдаты съ восторженными кликами окружили государыню, цѣловали у ней руки, ноги, одежду; привели священника съ крестомъ и полкъ присягнулъ императрицѣ. Двинулись далѣе въ Семеновскій полкъ, который тоже былъ подготовленъ,—тамъ та же встрѣча, тотъ же восторгъ. Отсюда направились къ Казанской церкви; туда явились Преображенскій полкъ и Конная гвардія; всѣ проявляли шумную радость, лишь очень немногіе офицеры пытались еще въ казармахъ удержать солдатъ въ повиновеніи прежнему императору, но на ихъ увѣщанія никто не обращалъ вниманія. Въ Казанской церкви былъ отслуженъ молебенъ и провозглашена новая императрица; въ сопровожденіи войскъ, отовсюду стекавшихся, она прибыла въ Зимній дворецъ, гдѣ уже собрались Сенатъ и Синодъ; они безъ возраженій признали совер-

Мундиръ, который носила императрица Екатерина II, какъ полковникъ гвардіи.
Хранится въ Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

Императрица Екатерина 28 іюня 1762 г.
Съ картины Эриксена въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

шившійся фактъ; Тепловъ наскоро написалъ манифестъ и его оригиналъ, съ поправками, съ чернильными пятнами тутъ же подписала императрица рукою, которая отражала сильное волненіе.

Рѣшено было немедленно дѣйствовать далѣе. Въ Кронштадтъ былъ посланъ адмиралъ Талызинъ, который и успѣлъ привести крѣпость въ повиновеніе императрицѣ; сама императрица, объявивъ себя, при восторженныхъ кликахъ, полковникомъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, въ 6 час. вечера того же 28 іюня двинулась, верхомъ на конѣ, во главѣ приблизительно 10.000 чел., къ Петергофу, гдѣ находился Петръ Ѳеодоровичъ, имѣя 1.590 чел. своихъ голштинскихъ войскъ — русскихъ полковъ при себѣ

онъ не терпѣлъ. Отъ площади Зимняго дворца до Петергофа около 30 верстъ; шли всю ночь съ краткимъ отдыхомъ около Краснаго кабачка. Одинъ за другимъ являлись посланные отъ императора. Еще въ Петербургъ прибылъ фельдмаршалъ кн. Н. Ю. Трубецкой, за нимъ гр. А. И. Шуваловъ; въ пути встрѣтились вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ и ген.-м. Измайловъ. Два первые имѣли порученіе удержать войска въ повиновеніи государю—и оба они немедленно присягнули Екатеринѣ; кн. Голицынъ привезъ Екатеринѣ письмо отъ ея супруга примирительнаго содержанія, Измайловъ сообщилъ, что Петръ Ѳеодоровичъ готовъ отречься отъ престола, и принялъ на себя порученіе уладить это дѣло. Утромъ 29 іюня Екатерина съ войскомъ вступила въ Петергофъ. Отреченіе было уже подписано, и бывшій императоръ немедленно былъ увезенъ вмѣстѣ съ его любимцемъ гр. Гудовичемъ; карету провожали весьма недружелюбные возгласы солдатъ. 30 іюня императрица Екатерина тріумфально вступила обратно въ Петербургъ.

Такъ совершился переворотъ. Никто не поднялся въ защиту бывшаго императора. Но у императрицы былъ сынъ, и иногда ее обвиняютъ въ узурпаціи его правъ. Это обвиненіе, дѣйствительно, имѣетъ нѣкоторую силу, но значительно меньшую, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Екатерина и сама желала получить власть въ свои руки, но взяла ее она сама потому, что не могла не взять. Она могла совсѣмъ ничего не дѣлать для устраненія съ престола Петра Ѳеодоровича; но разъ она приняла въ этомъ участіе—она должна была занять тронъ сама, такъ какъ въ случаѣ воцаренія Павла Петровича она подвергала всѣхъ своихъ сторонниковъ двойной опасности: послѣ неизбѣжнаго риска въ самый моментъ переворота для всѣхъ ихъ наступала вторично такая же опасность съ того момента, когда власть перешла бы по окончаніи регентства въ руки молодого государя. Съ какими свойствами, съ какими чувствами и взглядами онъ вырастетъ — этого никто не могъ знать; помимо вопроса о томъ, что́ можно сдѣлать воспитаніемъ съ природными задатками, не подлежитъ спору, что къ уму и сердцу молодого государя и при самомъ бдительномъ надзорѣ могли найти доступъ внушенія весьма неблагопріятныя, если не для его матери, то для всѣхъ другихъ участниковъ переворота; примѣръ Меншикова не былъ неизвѣстенъ. Было большимъ и страшнымъ вопросомъ: какъ отнесется онъ къ этому факту. Екатерина не имѣла, пожалуй, и права такъ рисковать судьбой лицъ, дѣйствовавшихъ съ нею заодно; едва ли даже она нашла бы людей, готовыхъ рисковать собою, содѣйствуя ей въ достиженіи какого-либо другого результата, кромѣ ея собственнаго воцаренія. Передать тронъ низлагаемаго государя его малолѣтнему сыну могли бы только высшія государственныя учрежденія, если бы низложеніе было

произведено ими; но перемѣна совершилась помимо ихъ, они лишь признали совершившійся фактъ и ничѣмъ не проявили своей иниціативы въ первый же моментъ,—въ тотъ единственный моментъ, въ который они могли по такому вопросу высказаться.

Разнымъ лицамъ, такъ или иначе содѣйствовавшимъ перевороту, были розданы при коронаціи, 22 сентября того же года, щедрыя награды. Полки гвардіи получили не въ зачетъ полугодовое жалованіе, Панинъ, гр. Разумовскій, кн. Волконскій получили по 5.000 р. ежегодной пенсіи, Орловы возведены въ графское достоинство, получили чины, ордена, 50.000 р. деньгами и свыше 2.000 душъ крестьянъ; княгинѣ Дашковой выдано было 24.000 р.; никто изъ лицъ, оставшихся вѣрными до конца Петру Ѳеодоровичу, не подвергся какой-либо немилости; Екатерина заявляла, что приняла корону по единодушному желанію всѣхъ подданныхъ, и поступала такъ, какъ подобало при такомъ обстоятельствѣ.

Награда кн. Дашковой, одна изъ первыхъ по размѣрамъ, внушила мнѣніе о большомъ участіи княгини въ переворотѣ; сама Дашкова была искренно убѣждена, что все устроила она. Въ своихъ запискахъ она говоритъ, что императрица ей все довѣряла, и сообщаетъ тотъ, дѣйствительно вѣрный фактъ, что чрезъ нее сносились офицеры съ императрицей; только она дѣлаетъ невѣрное заключеніе, что это были всѣ сношенія, какія были у императрицы съ офицерами, Екатерина же говоритъ, что уже пять мѣсяцевъ шли эти сношенія, прежде чѣмъ Дашкова о нихъ узнала что-либо—и, очевидно, въ данномъ случаѣ Екатерина свидѣтельствуетъ о томъ, что̀ ей было извѣстно несравненно точнѣе, чѣмъ Дашковой; а когда сама Дашкова разсказываетъ, что только черезъ день послѣ восшествія Екатерины на престолъ она узнала о томъ, какъ близокъ къ императрицѣ Григ. Орловъ, то она сама даетъ намъ доказательсво, что Екатерина вовсе не была съ нею такъ откровенна, какъ казалось княгинѣ, и что многое, ближайшимъ образомъ касавшееся Екатерины, оставалось ей неизвѣстнымъ. Дашкова разсказываетъ, что въ самомъ началѣ царствованія Петра Ѳеодоровича она обратилась къ императрицѣ, умоляя ее открыться, имѣетъ ли она какіе-нибудь планы, и что Екатерина отвѣтила, что никакихъ плановъ не имѣетъ, а рѣшила предоставить все естественному теченію. Дашкова повѣрила этому отвѣту, но сама нашла нужнымъ дѣйствовать—и потому думала, что все она именно и начала; но отлично извѣстно, что у Екатерины уже давно были планы, и отвѣтила она Дашковой такъ, какъ отвѣтила, очевидно, потому что не считала возможнымъ все открывать молодой, 18-лѣтней женщинѣ. Такимъ образомъ участіе кн. Дашковой въ событіи 28 іюня надо признать вовсе не особенно значительнымъ. Размѣры же награды, ей выданной, объясняются тѣмъ, что и естественно было особенно

наградить молодую, знатную и богатую женщину, которая по собственному желанію и искренней привязанности къ Екатеринѣ приняла участіе въ предпріятіи, во всякомъ случаѣ не безопасномъ.

Съ воцареніемъ Екатерины ея жизнеописаніе самымъ тѣснымъ образомъ сливается съ исторіею ея царствованія; значеніе дѣяній государственныхъ, совершенныхъ ею, совсѣмъ закрываетъ факты ея частной, личной жизни; и если было необходимо подробно изложить жизнь Екатерины до ея воцаренія, чтобы видѣть, какъ слагался ея характеръ, черезъ какія затрудненія, съ какими ошибками и съ какими проявленіями очень большого ума дошла она до трона Россійской Имперіи, то объ Екатеринѣ, какъ объ императрицѣ, только тотъ получитъ вѣрное понятіе, кто ознакомится съ ея государственными трудами, со всею исторіею ея царствованія, въ событіяхъ котораго она принимала самое видное участіе. Краткій очеркъ ея обыденной, частной жизни и общая ея характеристика явятся уже только дополненіемъ къ этому изображенію, — дополненіемъ необходимымъ и важнымъ, но все же лишь дополненіемъ. Раздѣлять ея царствованіе рѣзко на отдѣльные періоды не представляется достаточныхъ основаній, но довольно ясно можно различать первые годы царствованія до начала первой турецкой войны, затѣмъ пятилѣтіе, занятое этою войною, далѣе приблизительно десять лѣтъ, занятыя преимущественно дѣятельностью въ области законодательства и внутренняго управленія, и, наконецъ, послѣднее десятилѣтіе. Въ такомъ распредѣленіи мы и изложимъ жизнь и царствованіе Екатерины II.

III.

Первые годы царствованія Екатерины II.

Екатерина вступила на престолъ безъ яснаго плана и даже безъ опредѣленной программы дѣйствій, но съ опредѣленными намѣреніями. Она не объявляла, что сохранитъ все существующее, какъ объявляли о намѣреніи сохранять все, установленное Петромъ Великимъ, правительства, смѣнявшія другъ друга послѣ перваго императора; тѣмъ менѣе стремилась она передѣлывать все, что унаслѣдовала отъ предшествовавшаго царствованія — какъ отнесся къ ея дѣламъ ея сынъ и преемникъ. Новая императрица, вообще говоря, находила нужнымъ многія и различныя исправленія въ государственномъ механизмѣ Россіи и даже въ Россіи вообще, и себя считала прямо призванною внести перемѣны къ лучшему; какъ вѣрная сторонница раціоналистической философіи, она была проникнута убѣжденіемъ, что просвѣщенный разумъ — и, въ частности, ея просвѣщенный разумъ—откроетъ съ легкостью все, въ чемъ нуждается современность, и дастъ способъ безошибочно

достигнуть желаемыхъ результатовъ. Вѣра во всемогущество разума и убѣжденіе въ легкости всякихъ улучшеній—черта, присущая всей дѣятельности Екатерины и другихъ людей XVIII в. Въ соотвѣтствіи съ такими взглядами Екатерина и дѣйствовала въ первые годы своего царствованія: она вносила въ самыя разныя стороны государственной жизни тѣ поправки, какія представлялись ея умственному взору необходимыми, но какой-либо планомѣрности въ ея государственныхъ мѣропріятіяхъ нельзя усматривать. Работать, примѣняясь не къ потребностямъ только данной минуты, а по опредѣленной программѣ, Екатерина начала уже послѣ, когда убѣдилась въ совершенной неудовлетворительности законовъ и даже въ отсутствіи многихъ необходимыхъ законоположеній.

Первые дни царствованія, начавшагося такъ, какъ началось царствованіе Екатерины, не могли быть совершенно спокойны; въ Петербургѣ нѣсколько дней шелъ разгулъ и народа, и войска; онъ былъ, впрочемъ, скоро прекращенъ твердыми и разумными мѣрами. 3 іюля, присутствуя въ Сенатѣ, императрица дала ему порученіе, какого не получали высшія государственныя учрежденія въ Россіи ни прежде, ни послѣ: Сенату было поручено пересмотрѣть всѣ распоряженія, изданныя при Петрѣ Ѳеодоровичѣ, и своею властью отмѣнить тѣ, которыя Сенатъ найдетъ неполезными, докладывая императрицѣ о тѣхъ, которыя онъ признаетъ нужнымъ сохранить. Въ силу этого повелѣнія Сенатъ предписалъ распечатать домовыя церкви, прекратилъ вербовку въ Россіи охотниковъ въ голштинскія войска, остановилъ предположенный выпускъ бумажныхъ денегъ и т. п. Причины, побудившія императрицу къ рѣшительному шагу, и ея ближайшія намѣренія были изложены въ «Обстоятельномъ манифестѣ», обнародованномъ 6 іюля 1762 г. Какъ первое основаніе перемѣны на престолъ было указано забвеніе правъ русскаго государства и пренебреженіе достоинствомъ и честью русскаго народа, обнаруженныя «бывшимъ императоромъ». По словамъ манифеста Петръ Ѳеодоровичъ «возмечталъ о своей власти монаршей, якобы оная не отъ Бога установлена и не къ пользѣ и благополучію подданныхъ, но случайно къ нему въ руки впала для собственнаго его угожденія и для того далъ самовластію своему соединиться съ самовольнымъ стремленіемъ на всѣ такія установленія въ государствѣ, какія только малость духа его опредѣлить могла къ оскорбленію народа». Далѣе приведены были письма, въ которыхъ императоръ отрекался отъ власти, и, наконецъ, дано обѣщаніе узаконить такія «государственныя установленія», «по которымъ бы правительство въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобы и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка».

Послѣднее обѣщаніе было дано въ словахъ общихъ, ничѣмъ опредѣленнымъ императрицу не связывавшихъ, но несомнѣнно, что именно оно, вмѣстѣ съ безжалостными, но въ общемъ совершенно вѣрными отзывами о царствованіи Петра Ѳеодоровича, было причиною того, что манифестъ этотъ по повелѣнію Павла Петровича былъ вырѣзанъ изъ сборника указовъ императрицы Екатерины II за 1762—1765 годы, въ которомъ онъ въ свое время перепечатанъ, а затѣмъ не включенъ былъ и въ Полное собраніе законовъ.

Въ тотъ самый день, которымъ помѣченъ этотъ манифестъ, погибъ насильственною смертью бывшій императоръ, находившійся въ загородномъ дворцѣ Ропшѣ подъ крѣпкимъ присмотромъ. Обстоятельства этого ужаснаго происшествія въ подробности неизвѣстны; сохранившееся письмо А. Орлова, въ которомъ онъ сообщалъ императрицѣ о случившемся и умолялъ о пощадѣ,—письмо, написанное, очевидно, подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ несчастія, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что происшествіе это должно было явиться полною неожиданностью для Екатерины. Этотъ случай для нея былъ, конечно, не только печальнымъ пятномъ на фонѣ переворота, совершившагося безъ пролитія капли крови, онъ былъ для нея до нѣкоторой степени даже опасенъ. У нея былъ сынъ, и пока былъ живъ Петръ Ѳеодоровичъ, всякій новый переворотъ, чтобы сохранять хоть тѣнь преимущества надъ событіемъ 28 іюня, могъ быть совершенъ лишь во имя Петра Ѳеодоровича; но за Петра Ѳеодоровича никто бы не поднялся—это было несомнѣнно; теперь являлась возможность движенія во имя правъ Павла Петровича, и отъ этого оно дѣлалось лишь вѣроятнѣе: не скоро еще такъ укрѣпилось положеніе Екатерины на престолѣ, чтобы возможность новой революціи и переворота не представлялась ея умственному взору послѣ смерти ея супруга. Во всякомъ случаѣ, непричастность Екатерины къ этому событію не подвержена никакому сомнѣнію, и всякіе намеки въ противоположномъ смыслѣ абсолютно неосновательны.

9 августа 1762 г. монастырямъ были возвращены недвижимыя имущества, отобранныя у нихъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. 1 сентября 1762 г. императрица отправилась въ Москву для коронаціи, которая и совершилась 22 сентября. Москва приняла Екатерину не особенно горячо—по крайней мѣрѣ, находясь въ Москвѣ въ 1775 г., императрица писала, что теперь она видитъ гораздо болѣе сердечности, чѣмъ видѣла въ первый пріѣздъ. И это совершенно понятно: въ Москвѣ не до такой степени ощущалось все то, что дѣлалъ Петръ Ѳеодоровичъ и что въ глазахъ всѣхъ, кто видѣлъ это ближе, оправдывало переворотъ. Въ Москву пріѣхалъ вызванный изъ ссылки А. П. Бестужевъ-Рюминъ; онъ получилъ обратно чины, ордена и всѣ свои богатства, былъ окруженъ всевозможными знаками почета, но участія въ дѣлахъ онъ почти не получилъ: года и горе ослабили его. Во время этого

пребыванія въ Москвѣ императрица основала тутъ Павловскую больницу, въ память выздоровленія цесаревича Павла Петровича отъ сильной болѣзни. Въ Москвѣ разыгрались за это время два незначительныя происшествія, рисующія, однако, настроеніе минуты: офицеры Гурьевъ и Хрущовъ говорили о возможности и желательности новаго переворота въ пользу Іоанна Антоновича или Павла Петровича; Хитрово, Ласунскій и Рославлевъ очень рѣшительно высказались противъ Орловыхъ и готовились убить гр. Г. Орлова, если бы императрица рѣшилась вступить съ нимъ въ бракъ, о возможности чего прошли слухи. Обѣ эти исторіи окончились быстро; участники первой были судимы и наказаны ссылкою въ Сибирь, участники второй были только уволены отъ службы и высланы изъ столицы. Въ первые два года царствованія Екатерины произошли еще два факта, по внутреннему своему значенію сходные съ обоими этими, потому что и въ нихъ выразилось то же враждебное отношеніе къ новой императрицѣ, та же мысль о возможности новыхъ переворотовъ; и мы изложимъ ихъ здѣсь, чтобы уже покончить съ такого рода попытками.

Рѣшеніе вопроса о монастырскихъ имѣніяхъ было поручено 29 ноября 1762 г. особой комиссіи, а 28 февраля 1764 г. было утверждено положеніе о монастырскихъ имѣніяхъ, выработанное этою комиссіею. Было опредѣлено число монастырей, содержаніе которыхъ было принято на казенный счетъ, и на каждый ассигнована опредѣленная сумма; изъ казны же назначено содержаніе архіереямъ и церковно-служителямъ; всѣ прочія суммы, собиравшіяся съ крестьянъ, прежде находившихся во владѣніи отдѣльныхъ монастырей, архіерейскихъ домовъ и даже нѣкоторыхъ церквей, поступили въ вѣдѣніе коллегіи экономіи и были опредѣлены на содержаніе училищъ, больницъ и на пенсіи престарѣлымъ чиновникамъ. Это было весьма удачное разрѣшеніе вопроса, давно наболѣвшаго и начиная со временъ Іоанна III создававшаго разныя затрудненія правительству; полученныя этимъ путемъ средства дали возможность ввести значительныя улучшенія въ организацію всего государственнаго управленія; они были произведены манифестомъ 15 декабря 1763 года. Но многіе представители духовенства были недовольны и въ связи съ вопросомъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ разыгралось знаменитое дѣло ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича. Этотъ іерархъ, отличавшійся крайне раздражительнымъ характеромъ, очень крутой въ обращеніи съ простыми монахами и еще болѣе съ лицами бѣлаго духовенства, имѣлъ преувеличенное представленіе о значеніи монашескаго чина и ставилъ вообще духовную власть выше свѣтской. Направленіе работъ комиссіи, предложившей указанное выше рѣшеніе вопроса о монастырскихъ имуществахъ, чрезвычайно его раздражало, и онъ позволилъ себѣ безпримѣрную выходку: въ 1763 г., когда въ Ростовѣ было уже извѣстно о предстоявшемъ—и скоро,

дѣйствительно, послѣдовавшемъ — прибытіи императрицы въ Ростовъ, онъ въ первое воскресенье Великаго поста положенное по уставу преданіе анаѳемѣ еретиковъ, лжеучителей и враговъ церкви произвелъ съ особенною торжественностью и самовольно внесъ въ обрядъ два дополненія, явно направленныя прямо противъ личности царствующей государыни, а вслѣдъ за тѣмъ написалъ въ Синодъ крайне рѣзкое письмо, въ которомъ доказывалъ, что дѣйствія императрицы относительно церковныхъ имуществъ стоятъ въ противорѣчіи съ ея обѣщаніями. За это Арсеній былъ преданъ суду, лишенъ сана и сосланъ въ отдаленный монастырь. Впослѣдствіи онъ еще отягчилъ свою участь: въ монастырѣ онъ велъ рѣзкія и неприличныя рѣчи о государынѣ и въ 1767 г. по новому суду былъ лишенъ монашескаго сана, заключенъ въ одинъ изъ казематовъ Ревельской крѣпости; тамъ онъ и умеръ въ 1772 г.

Но эти проявленія недовольства, ограничившіяся только разговорами, гораздо менѣе значительны, чѣмъ попытка новаго переворота, произведенная въ 1764 г.

Іоаннъ Антоновичъ въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны находился въ Шлиссельбургской крѣпости подъ строжайшимъ карауломъ. Императрица Екатерина видѣла несчастнаго принца, но эта встрѣча обставлена была такою глубокою тайной, что подробности ея совершенно неизвѣстны. Несчастнаго узника, совершенно поврежденнаго въ разсудкѣ, Екатерина нашла необходимымъ попрежнему держать подъ самымъ строгимъ надзоромъ и поручила этотъ надзоръ вѣдѣнію единственно Н. И. Панина, такъ что стража не должна была принимать никакихъ распоряженій, если они не исходили отъ императрицы или отъ Н. И. Панина; при этомъ подтверждена была инструкція, данная еще при Елизаветѣ Петровнѣ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не выпускать плѣнника и убить его, если представится опасность, что онъ будетъ освобожденъ. Безразсудную попытку освободить его произвелъ въ 1764 г. поручикъ Смоленскаго полка Мировичъ. Это былъ человѣкъ неуравновѣшенный; онъ происходилъ изъ богатаго малороссійскаго рода, когда-то близкаго къ Мазепѣ и послѣ его измѣны потерявшаго и богатства, и положеніе; мысль вернуть прежнее свое благосостояніе неотступно преслѣдовала Мировича; онъ обходилъ въ Петербургѣ гр. Разумовскаго, П. И. Панина, кн. Дашкову, думая устроить при ихъ помощи свою судьбу, но никто не находилъ возможнымъ сдѣлать для Мировича то, на что простирались его претензіи. Случайно осенью 1763 г. Мировичъ узналъ, что Іоаннъ Антоновичъ содержится въ Шлиссельбургѣ— раньше онъ объ этомъ ничего и не зналъ: такъ строго соблюдалась эта тайна. Онъ остановился на безумной мысли вернуть этому принцу тронъ: видя, какъ высоко поднялись тѣ, кто содѣйствовалъ воцаренію Екатерины, онъ расчитывалъ такъ же

возвыситься и самъ, возведя на тронъ новаго государя. Обсудить способъ для осуществленія своего безумнаго предпріятія и хотя бы нѣсколько подготовить его успѣхъ Мировичъ былъ совершенно неспособенъ. Онъ просто, дождавшись своей очереди быть на караулѣ въ Шлиссельбургѣ, переговорилъ съ нѣсколькими капралами стражи, и въ ночь на 5 іюля 1764 г. вызвалъ солдатъ, приказалъ имъ зарядить ружья и сталъ требовать отъ коменданта крѣпости и отъ двухъ офицеровъ, спеціально приставленныхъ сторожить Іоанна Антоновича, чтобы они освободили узника; получивъ отказъ, онъ приказалъ зарядить пушку, чтобы выстрѣлами изъ нея разрушить дверь каземата и вывести плѣнника; тогда ему предложено было войти свободно, онъ вошелъ—и нашелъ бездыханное тѣло: Іоаннъ Антоновичъ былъ убитъ своими стражами согласно инструкціи. Тогда Мировичъ покорно отдался въ руки властей. Извѣстіе обо всемъ этомъ императрица получила отъ Н. И. Панина въ Ригѣ, гдѣ она находилась, совершая поѣздку по прибалтійскимъ губерніямъ. Екатерина сохранила наружно полное спокойствіе, но ускорила свое возвращеніе въ столицу; она опасалась, что, быть-можетъ, покушеніе Мировича было подготовлено, имѣло за собою какую-нибудь партію; тщательное слѣдствіе доказало, что никакихъ сообщниковъ у Мировича не было и что предпріятіе его было поистинѣ безразсудно. Мировичъ былъ судимъ и казненъ.

Это была послѣдняя въ царствованіе Екатерины попытка овладѣть верховною властью или хотя бы оказать энергичное воздѣйствіе на волю императрицы; Пугачевъ принялъ имя Петра III, но онъ, конечно, ни на минуту не расчитывалъ захватить престолъ.

Въ первые же мѣсяцы своего царствованія Екатерина поручила Н. И. Панину составить проектъ преобразованія высшаго управленія Россіи, и 29 декабря 1762 г. ею подписанъ былъ манифестъ объ учрежденіи императорскаго совѣта, но затѣмъ съ этимъ дѣломъ разыгралась какая-то, не совсѣмъ еще разъясненная исторія: манифестъ уже по подписаніи былъ надорванъ, неизвѣстно въ точности когда, но въ близкое къ подписанію время, и императорскій совѣтъ учрежденъ не былъ. Иногда видятъ въ этомъ доказательство того, что императрица первоначально должна была уступать какой-то партіи, добивавшейся ограниченія императорской власти, но затѣмъ почувствовала себя настолько сильною, что смогла отказать въ уступкѣ. Мы думаемъ, однако, что тутъ было лишь предположеніе императрицы улучшить высшее управленіе имперіи, попытки же ограничить власть государыни, намъ кажется, тутъ видѣть нельзя. Проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ и не встрѣтилъ ни въ комъ изъ нихъ сочувствія. Тотъ высшій органъ управленія, который предполагалось учредить, вовсе не получалъ такой связи съ другими учрежденіями имперіи, которая бы давала ему возмож-

ность играть большую роль помимо императрицы. Тѣ самыя лица, которыя были предположены въ члены этого совѣта, разсматривали, по повелѣнію императрицы, уже послѣ подписанія манифеста — повидимому, даже послѣ того, какъ онъ былъ лишенъ силы,—жалованную грамоту дворянству, данную Петромъ Ѳеодоровичемъ: императрица не опасалась, слѣдовательно, тѣхъ самыхъ лицъ, которыя должны были быть назначены членами этого совѣта.

Въ связи съ проектомъ совѣта былъ разработанъ проектъ реформы Сената и всѣхъ центральныхъ учрежденій; имъ императрица воспользовалась почти безъ измѣненій. 15 декабря 1763 г. былъ обнародованъ манифестъ, который составилъ своего рода эпоху въ исторіи гражданскаго управленія Россіи, такъ какъ окончательно раздѣлилъ понятія о государственной службѣ и о частномъ кормленіи. Въ XVII в. въ видѣ обычнаго, признаннаго способа вознагражденія за службу воеводамъ и другимъ представителямъ администраціи давалось право собирать съ населенія, подъ общимъ именемъ «кормовъ», разные сборы, которые опредѣлялись произвольно и разсматривались какъ вознагражденіе за трудъ. Петръ Великій пытался устранить этотъ пережитокъ старины, и служащимъ въ учрежденныхъ имъ коллегіяхъ было назначено жалованье отъ казны, но послѣ его кончины, въ видахъ ложно понимаемой экономіи, жалованье сохранено было лишь высшимъ чинамъ, всѣмъ же прочимъ предоставлено было содержаться «акциденціями», т.-е. доходами отъ просителей, со строгимъ предписаніемъ не вымогать взятокъ, а довольствоваться тѣмъ, что будутъ давать добровольно; надо ли говорить, какое широкое поле открывалось этимъ для развитія взяточничества, помимо того уже, что закрѣплялось крайне нежелательное смѣшеніе понятія объ исполненіи должности и понятія о правѣ на доходъ. Теперь было назначено денежное жалованіе всѣмъ служащимъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, и съ этого времени стала у насъ возможна борьба со взяточничествомъ.

По новому учрежденію Сенатъ и всѣ коллегіи были раздѣлены на департаменты; каждый департаментъ получалъ въ свое завѣдываніе опредѣленную часть дѣлъ, изъ числа входившихъ въ компетенцію даннаго учрежденія, и рѣшалъ эти дѣла самостоятельно, на правахъ всей коллегіи, и только дѣла важнѣйшія разсматривались въ соединенномъ собраніи всѣхъ департаментовъ; этимъ достигалось значительное ускореніе дѣлопроизводства. Особенно благотворное значеніе имѣло усиленіе дѣятельности Сената. Онъ былъ раздѣленъ на шесть департаментовъ—четыре въ Петербургѣ и два въ Москвѣ; между столицами дѣла распредѣлялись, какъ прежде между Сенатомъ и его конторой, на основаніи принципа географическаго: однѣ губерніи были подвѣдомы петербургскимъ департаментамъ, другія — московскимъ; департаменты получили въ

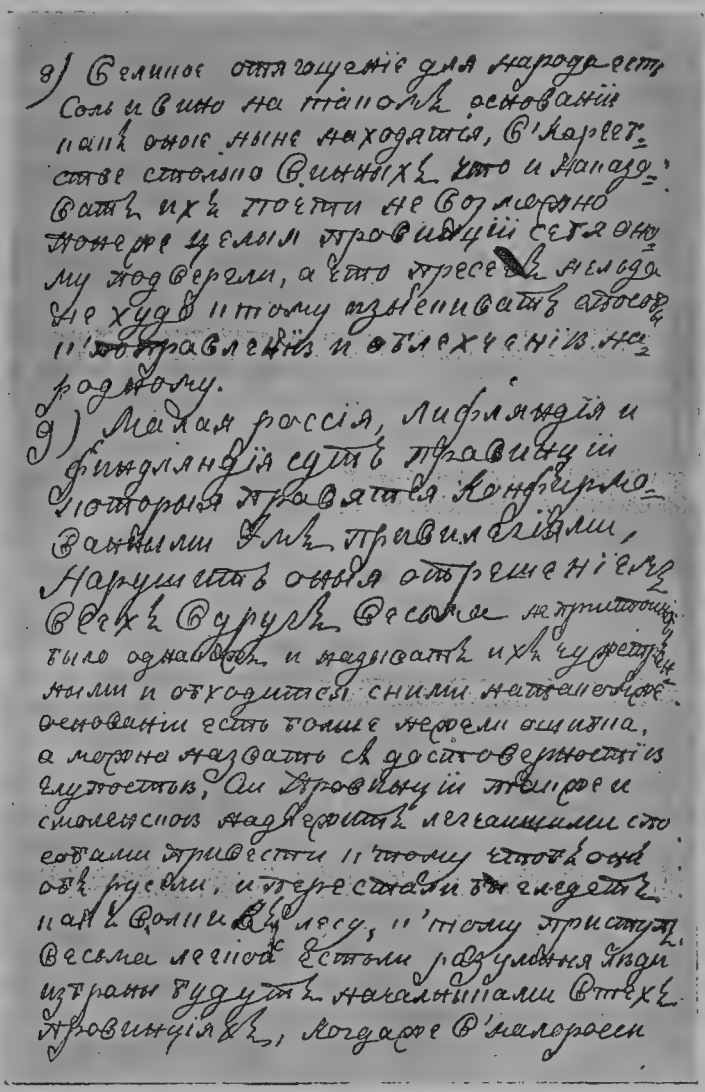
свое завѣдываніе каждый опредѣленныя отрасли государственнаго управленія. Дѣла текущія, для которыхъ существовали достаточныя и ясныя узаконенія, получали окончательное разрѣшеніе въ департаментахъ, но для этого было необходимо, чтобы тамъ состоялось рѣшеніе единогласное не только присутствовавшихъ на разсмотрѣніи даннаго дѣла сенаторовъ, но и всѣхъ сенаторовъ департамента: отсутствовавшіе члены департамента должны были слушать дѣло на дому и дать свое мнѣніе; къ единогласному рѣшенію сенаторы были обязаны прійти и могли не соглашаться только въ томъ случаѣ, если находили, что для даннаго случая нѣтъ подходящаго узаконенія. Если не оказывалось подходящаго закона, или если прямо возникалъ вопросъ о новомъ постановленіи законодательнаго характера или о новой, ранѣе не существовавшей комбинаціи дѣйствій нѣсколькихъ учрежденій—когда, напр., въ какомъ-либо дѣлѣ должны были участвовать нѣсколько коллегій,—то вопросъ обязательно разсматривался въ общемъ собраніи, и всѣ новыя законодательныя постановленія непремѣнно восходили на утвержденіе императрицы. При Сенатѣ оставался генералъ-прокуроръ, имѣвшій обширную власть надъ сенатской канцеляріей и широкія права по наблюденію за всею дѣятельностью Сената; въ каждый департаментъ было назначено по одному оберъ-прокурору; оберъ-прокуроры, подъ общимъ руководствомъ генералъ-прокурора, исполняли въ департаментахъ ту роль, которая по отношенію ко всему Сенату лежала на генералъ-прокурорѣ.

Такая организація Сената оказалась весьма цѣлесообразною. Установленіе шести департаментовъ, т.-е. шести полноправныхъ и одновременно работающихъ въ составѣ Сената присутствій, дало Сенату возможность съ бо̀льшимъ вниманіемъ относиться ко всѣмъ административнымъ и судебнымъ вопросамъ, доходившимъ до него, и оказывать больше вліянія на дѣятельность подчиненныхъ ему учрежденій. Императрица весьма внимательно слѣдила за работами Сената. Она неоднократно, особенно въ первые годы, присутствовала въ общихъ собраніяхъ Сената и постоянно получала отъ генералъ-прокурора доклады о его работахъ; на ея утвержденіе восходили, кромѣ новыхъ узаконеній, всѣ сенатскія рѣшенія по судебнымъ дѣламъ, если приговоръ влекъ за собою высшія степени наказанія; императрица почти всегда смягчала сенатскіе приговоры: полагаемые по силѣ законовъ они являлись часто слишкомъ суровыми. Въ первые же годы царствованія императрица ограничила случаи примѣненія пытокъ, а послѣ изданія Наказа, не уничтоживъ пытокъ окончательно общимъ закономъ, повелѣла Сенату предписать всѣмъ судебнымъ мѣстамъ, чтобы они въ примѣненіи пытокъ непремѣнно строго руководились главою десятой Наказа комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, а въ этой главѣ съ самою страстною убѣдительностью была доказана жестокость и безполезность пы-

токъ. И ни разу императрица не отступила отъ этого запрета примѣнять пытки; въ нѣсколькихъ случаяхъ—очень немногочисленныхъ — учрежденія представляли о необходимости примѣнить пытку, и всегда это вело лишь къ тому, что они получали замѣчаніе, что не должно было и дѣлать подобныхъ представленій. Заслуживаютъ также вниманія заботы императрицы о содержимыхъ подъ стражею обвиняемыхъ и о заключенныхъ по суду: въ ея царствованіе было издано много указовъ о томъ, чтобы дѣла, по которымъ содержатся колодники, были разсматриваемы немедленно, чтобы судьба этихъ колодниковъ, особенно несовершеннолѣтнихъ, была по возможности смягчаема. И если повтореніе указовъ, съ одной стороны, свидѣтельствуетъ, что они не были исполняемы со всею строгостью, то, съ другой стороны, непрерывный рядъ ихъ ясно говоритъ о томъ, какое вниманіе обращала на это дѣло императрица. Въ теченіе царствованія Екатерины такіе преступники, какъ тяжелой памяти Салтычиха, замучившая много своихъ крѣпостныхъ—несомнѣнно, она была душевно-больная,—или Жуковъ, убившій мать и сестру, были подвергаемы особымъ наказаніямъ, обставленнымъ такимъ церемоніаломъ, который имѣлъ цѣлью выдвинуть нравственный ужасъ совершенныхъ преступленій. Съ другой стороны, были попытки оказать вниманіе и хорошимъ чувствамъ, проявляемымъ преступниками. Такъ, въ первые годы царствованія произошелъ такой случай: въ лѣсу былъ найденъ человѣкъ, убитый однимъ ударомъ топора, и тутъ же схвачены два крестьянина, родные братья—и каждый изъ братьевъ упорно утверждалъ, что убилъ именно онъ, а не его братъ: каждый принималъ на себя вину и тяжелое наказаніе, слѣдовавшее за преступленіе; императрица простила виновнаго и приказала случай этотъ распубликовать въ газетахъ. Въ общемъ Сенатъ работалъ удовлетворительно; за 34 года царствованія Екатерины можно отмѣтить не болѣе 10 случаевъ, когда императрица дѣлала Сенату упреки за неосновательность рѣшеній; чаще приходилось государынѣ требовать болѣе скорыхъ рѣшеній, но встрѣчаются и случаи благодарности Сенату за хорошую работу. Все внутреннее управленіе въ царствованіе Екатерины совершалось, можно сказать, именно Сенатомъ и государынею, и заслуги ихъ тутъ очень велики. При непосредственномъ участіи Сената были осуществлены всѣ реформы царствованія; всѣ подробности, требовавшія разрѣшенія при проведеніи въ жизнь новыхъ учрежденій, разрабатывалъ Сенатъ и, оцѣнивая его дѣятельность въ общемъ, нельзя не признать въ ней и внимательнаго отношенія къ запросамъ жизни и умѣлаго ихъ разрѣшенія.

При вступленіи Екатерины на престолъ генералъ-прокуроромъ былъ А. И. Глѣбовъ, человѣкъ чрезвычайно способный, но безъ твердыхъ принциповъ; онъ позволялъ себѣ принимать участіе въ весьма неблаговидныхъ финансовыхъ операціяхъ и въ началѣ

1764 г., когда это раскрылось, былъ отставленъ отъ должности; генералъ-прокуроромъ назначенъ былъ кн. А. А. Вяземскій, который до того времени былъ генералъ-квартирмейстеромъ, т. - е. исполнялъ приблизительно тѣ обязанности, которыя теперь лежатъ на интендантствѣ. Въ самомъ началѣ царствованія онъ былъ отпра-



Страница «Секретнѣйшаго наставленія» кн. А. А. Вяземскому.
Оригиналъ въ Государственномъ Архивѣ въ Петербургѣ.

вленъ съ особымъ порученіемъ на Уралъ, гдѣ происходили серьезныя волненія заводскихъ крестьянъ. Онъ отлично понялъ положеніе всего заводскаго округа, утишилъ благоразумными мѣрами волненія и представилъ императрицѣ очень ясное и безпристрастное изложеніе дѣла, затрагивавшаго крупные денежные интересы

вліятельнѣйшихъ фамилій. Своими дѣйствіями кн. Вяземскій заслужилъ полное довѣріе императрицы, она поручила ему важнѣйшій постъ имперіи, и новый генералъ-прокуроръ оправдалъ довѣріе государыни. Кн. Вяземскій не былъ человѣкомъ обширнаго государственнаго ума, онъ не увлекался широкими перспективами, обольщавшими иногда и Екатерину, онъ былъ зато человѣкъ неподкупной честности, удивительной работоспособности и отлично зналъ всю администрацію имперіи; онъ былъ самымъ подходящимъ помощникомъ императрицы и исполнителемъ ея предначертаній. Съ теченіемъ времени въ его рукахъ сосредоточилось почти самостоятельное управленіе нѣсколькими отраслями администраціи, и прежде всего финансами; свой высокій постъ онъ сохранилъ до самой своей кончины въ 1793 г.

При назначеніи Вяземскаго генералъ-прокуроромъ Екатерина дала ему особое «Секретнѣйшее наставленіе». Императрица требовала въ немъ отъ Вяземскаго правды и только правды, обѣщая ему за то всегдашнюю свою поддержку; далѣе она обращала его вниманіе на важнѣйшіе, стоявшіе на очереди, вопросы финансоваго управленія и излагала свое мнѣніе о двухъ партіяхъ въ Сенатѣ, изъ которыхъ одна, по ея словамъ, состояла изъ людей вполнѣ добросовѣстныхъ, но не особенно выдающихся въ умственномъ отношеніи, другая же—изъ людей съ болѣе широкими взглядами, но не внушавшихъ государынѣ полнаго довѣрія, потому что они преслѣдовали свои частные интересы; государыня просила Вяземскаго относиться къ той и другой партіи безпристрастно. Замѣчательны въ этой инструкціи слова Екатерины по поводу нѣкоторыхъ притязаній окраинъ имперіи: «Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями. Нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бъ было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостью. Сіи провинціи надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки къ лѣсу; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ ввѣкъ и имя гетманское исчезло, не токмо бы персона какая произведена была въ оное достоинство».

И взглядамъ этимъ государыня всегда оставалась вѣрна: съ Эстляндскаго дворянства она приказала немедленно взыскать 50.000 р., которые дворянство это «выманило себѣ въ минувшее послѣднее правленіе, воспользуясь только тогдашнимъ къ чужестраннымъ націямъ пристрастіемъ, не постыдившись таковыми причинами умножать убытки Россіи»; и когда многіе города прибалтійскихъ губерній просили у Екатерины подтвержденія своихъ привилегій—какъ и ранѣе они представляли всякому новому госу-

дарю такую же просьбу,—то, конечно, они были очень счастливы, когда привилегіи эти были подтверждены, и никогда не мечтали получить что-либо большее. Екатерина неуклонно повторяла, что нѣмецкіе подданные имперіи должны непремѣнно усвоивать русскій языкъ, и достигла того, что русскій языкъ употреблялся въ дѣлопроизводствѣ прибалтійскаго края; въ совершенномъ согласіи съ такимъ направленіемъ стоитъ и резолюція императрицы на доложенныхъ ей претензіяхъ лифляндскихъ депутатовъ въ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія: «они подданные Россійской имперіи, а я не Лифляндская императрица, а Всероссійская».

Такъ же относилась императрица Екатерина и къ Малороссіи. Елизавета Петровна, питая особенное расположеніе къ Разумовскимъ, малороссамъ по происхожденію, возстановила въ Малороссіи гетманское достоинство и возвела въ гетманы гр. К. Г. Разумовскаго, брата своего фаворита. Гетманское правленіе стремилось и теперь, какъ прежде, къ тому, чтобы Малороссія какъ можно болѣе получала облегченій отъ тягостей, неизбѣжно связанныхъ съ общеимперскимъ управленіемъ, и добилась для Малороссіи весьма существенныхъ въ финансовомъ отношеніи льготъ: многихъ податей и повинностей, падавшихъ на великорусскія области, Малороссія совсѣмъ не несла. Екатерина рѣшила положить конецъ такому ненормальному порядку. Такъ какъ гетманъ Разумовскій не былъ склоненъ проводить уменьшеніе льготъ Малороссіи, то Екатерина очень ясно дала ему понять, что ей будетъ пріятно, если онъ сложитъ съ себя это званіе; послѣ нѣкотораго колебанія гр. Разумовскій, видя продолжающіяся деликатныя, но твердыя настоянія государыни, подалъ просьбу объ отставкѣ. Онъ былъ уволенъ 10 ноября 1764 г. самымъ милостивымъ образомъ, а для управленія Малороссіею была учреждена въ Глуховѣ, тогдашнемъ главномъ городѣ края, малороссійская коллегія, составленная пополамъ изъ великорусскихъ и малорусскихъ членовъ. Президентомъ этой коллегіи и генералъ-губернаторомъ Малороссіи былъ назначенъ гр. П. А. Румянцевъ, знаменитый впослѣдствіи полководецъ, человѣкъ истинно государственнаго ума; до самаго введенія новыхъ губернскихъ учрежденій онъ и управлялъ всею Малороссіею съ большимъ благоразуміемъ и твердостью.

Изъ мѣръ относительно другихъ центральныхъ учрежденій надо отмѣтить возстановленіе (12 мая 1763 г.) коллегіи экономіи, которая получила вновь въ свое управленіе доходы съ монастырскихъ имуществъ, учрежденіе коллегіи медицинскаго факультета (12 ноября 1763 г.), которой поручено было заботиться о снабженіи провинціи медицинскимъ персоналомъ: до того времени было едва по одному врачу на каждую губернію. Очень важныя мѣры предполагалось провести черезъ камеръ-коллегію. По идеѣ Петра Великаго она должна была управлять финансами и даже, до из-

вѣстной степени, руководить экономическою жизнью страны; однако съ теченіемъ времени функціи коллегіи свелись только къ управленію питейными сборами и нѣкоторыми маловажными статьями государственныхъ доходовъ. Екатерина назначила президентомъ камеръ-коллегіи молодого и просвѣщеннаго кн. Б. А. Куракина, а послѣ его кончины, послѣдовавшей черезъ годъ съ небольшимъ, одного изъ образованнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ, А. П. Мельгунова. Предполагалось не только сдѣлать камеръ-коллегію «настоящимъ мѣстомъ общественнаго въ имперіи хозяйства, но стремиться къ тому, чтобы струи коронныхъ доходовъ и всеобщаго обогащенія не были отводимы отъ настоящей его цѣли, но содѣйствовали общему государственному хозяйству». Возникало предположеніе совершенно новое для русской администраціи XVIII в.: образовать цѣлую сѣть областныхъ органовъ, которые должны были стоять въ непосредственной связи съ камеръ-коллегіей и содѣйствовать ей въ достиженіи указанной цѣли. Къ сожалѣнію, эти пожеланія остались только свидѣтельствомъ широкихъ и благихъ намѣреній государыни, осуществленія же не получили: благодаря большимъ доходамъ съ монастырскихъ имуществъ и повышенію доходовъ отъ соляной торговли, явившемуся вслѣдствіе пониженія цѣны соли, правительство настолько хорошо справилось съ финансовыми затрудненіями, которыя возникли какъ результатъ войны, что финансовыя реформы не казались уже настоятельными, а затѣмъ другія работы отвлекли вниманіе государыни и правительства.

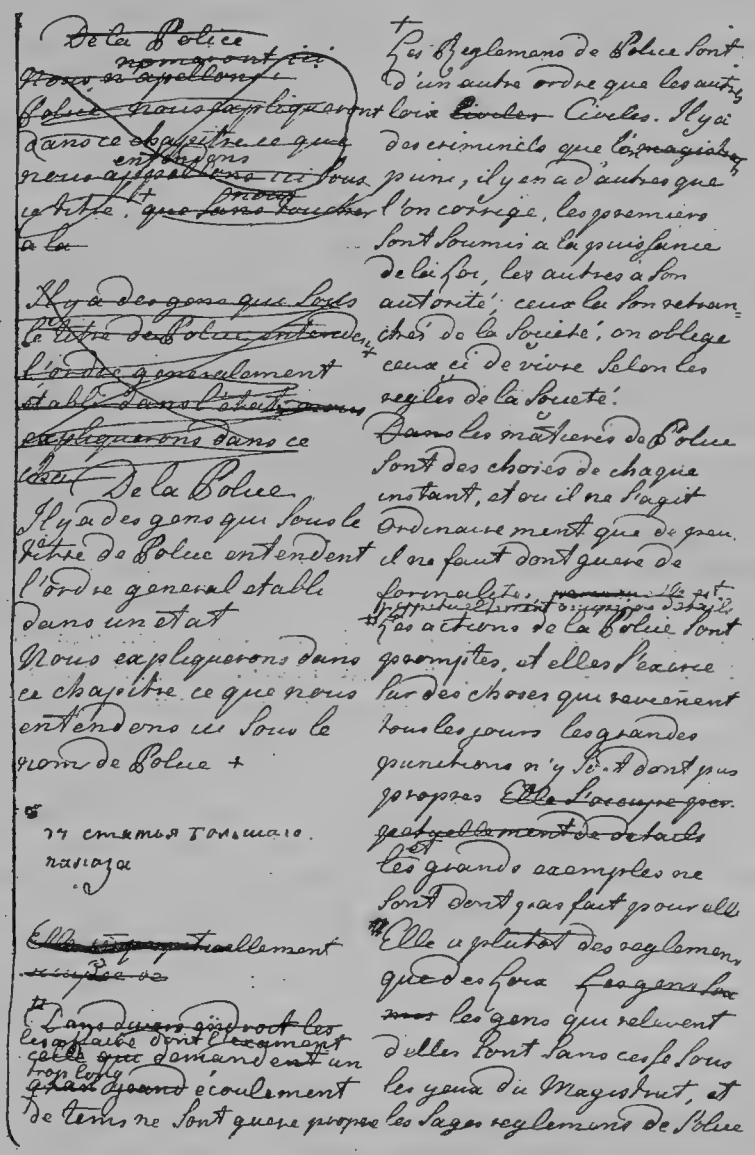
Многіе вопросы внутренняго управленія были передаваемы Екатериною въ первые годы ея царствованія на обсужденіе спеціальнымъ комиссіямъ. Особая комиссія разсматривала организацію сухопутныхъ и морскихъ силъ — по ея докладу введены были нѣкоторыя измѣненія и, между прочимъ, изданъ новый рекрутскій уставъ; была учреждена комиссія о россійской коммерціи, особыя комиссіи разсматривали вопросы о торговлѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городовъ. Конечно, это вопросы такого рода, что въ нихъ сколько-нибудь значительныя улучшенія не могутъ быть достигнуты быстро, но нельзя не отмѣтить, что на такіе вопросы было обращено серьезное вниманіе; къ тому же, подъ вліяніемъ личныхъ взглядовъ императрицы, они разрѣшались, вообще говоря, въ смыслѣ ограниченія различныхъ привилегій и предоставленія большей свободы участникамъ торговой дѣятельности. Образованы были торговыя компаніи, одна въ Нижнемъ-Новгородѣ, другая для торговли въ Средиземномъ морѣ; учреждены были торговые консулы во многихъ пунктахъ, гдѣ ихъ ранѣе не было. Развитіе экономическаго благосостоянія страны вообще постоянно занимало императрицу, и въ первые годы удалось провести нѣсколько полезныхъ въ этомъ отношеніи мѣръ: было упорядочено денежное обращеніе установленіемъ доброкачественной монеты, питейные

и соляные сборы реорганизованы настолько удачно, что 20 лѣтъ они оставались въ хорошемъ состояніи; обращено было большое вниманіе на развитіе и улучшеніе путей сообщенія, учреждено нѣсколько новыхъ почтовыхъ трактовъ въ прибавку къ очень немногимъ существовавшимъ уже ранѣе; оказывалась всегда широкая помощь городамъ, которые пострадали отъ пожаровъ. Въ первый же годъ царствованія предпринята была обширная продажа казенныхъ земель, главнымъ образомъ тѣхъ участковъ, которые уже находились во владѣніи у частныхъ лицъ. Продажа эта, производившаяся по очень умѣренной цѣнѣ, доставила казнѣ чувствительное воспособленіе, а за частными лицами укрѣпила занятые ими участки. Вопросъ объ урегулированіи частнаго землевладѣнія—вопросъ первостепенной важности не только для экономической жизни страны, но и въ отношеніи общественной жизни; онъ не успѣлъ еще въ Россіи получить къ тому времени удовлетворительнаго разрѣшенія; не разъ предпринимались попытки межеванія, но ихъ не удавалось довести до желаемаго конца, главнымъ образомъ, потому, что обыкновенно обмежеваніе земель соединяемо было съ провѣркою правъ на владѣніе, а это чрезвычайно осложняло всю операцію. Въ 1765 г. приступлено было къ такъ называемому «генеральному межеванію», при которомъ опредѣлялись лишь границы дачъ и ихъ площади, а провѣрки правъ на владѣніе не производилось. Дѣло межеванія вела особая экспедиція при Сенатѣ, находившаяся подъ непосредственнымъ управленіемъ генералъ-прокурора и подъ постояннымъ наблюденіемъ императрицы; оно шло въ теченіе всего царствованія Екатерины; въ 30 лѣтъ было обмежевано свыше 140 милліоновъ десятинъ, т.-е. почти по 5.000.000 десятинъ ежегодно, тогда какъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, съ 1754 г. по 1761 г., обмежевано было менѣе 60 тысячъ десятинъ. Межеваніе было однимъ изъ очень важныхъ дѣлъ царствованія; кромѣ хозяйственныхъ удобствъ, являвшихся прямымъ послѣдствіемъ установленія твердыхъ границъ земельныхъ участковъ, межеваніе устранило на будущее время огромное количество судебныхъ дѣлъ, которыя постоянно возникали между ближними родственниками и положительно заполняли собою умственные интересы тогдашнихъ людей. Цѣлый рядъ мѣръ затѣмъ принятъ былъ, чтобы привлечь въ Россію переселенцевъ изъ другихъ государствъ. Обширныя пространства плодороднѣйшихъ земель оставались еще въ то время въ Россіи незаселенными. Особыми манифестами вызываемы были изъ другихъ странъ желающіе поселиться въ Россіи; имъ давались средства для переѣзда, безплатно отводилась земля и предоставлялись разныя льготы; ближайшее руководство всѣмъ этимъ дѣломъ было возложено Екатериною на канцелярію опекунства иностранныхъ, учрежденную 22 іюля 1763 г.; президентомъ ея былъ назначенъ гр. Г. Г. Орловъ. Колонизація шла не быстрымъ шагомъ, но непрерывно—и въ обширныхъ степяхъ По-

волжья и въ Малороссіи возникли поселенія трудолюбивыхъ колонистовъ, несмотря на то, что иностранныя правительства вовсе недружелюбно относились къ такого рода мѣрамъ русскаго. Удалось, кромѣ того, возвратить довольно значительное число бѣглыхъ, скрывавшихся по разнымъ случаямъ въ Польшу: въ ихъ числѣ были и дезертиры, и преступники, бѣжавшіе отъ наказаній, и, всего болѣе, раскольники; теперь раскольникамъ была обезпечена свобода совѣсти, преступникамъ обѣщано, въ случаѣ выхода въ указанный срокъ, прощеніе—и вернулись очень многіе. Правительство Екатерины, впрочемъ, не останавливалось и предъ отправкою въ предѣлы Польши небольшихъ военныхъ командъ, если узнавало, что польскія власти задерживаютъ желающихъ выйти въ Россію; такія посылки вызывали жалобы поляковъ, но на жалобы эти не обращали вниманія. Упомянемъ еще заботы правительства Екатерины объ распространеніи шелководства, объ улучшеніи табаководства и, особенно, о постепенномъ введеніи въ общее употребленіе картофеля; продуктъ этотъ, въ началѣ царствованія Екатерины бывшій рѣдкою новинкою, получилъ затѣмъ широкое распространеніе.

Наконецъ необходимо упомянуть цѣлый рядъ мѣръ по народному образованію, призрѣнію и здравію. Въ Москвѣ была учреждена обширная Павловская больница, въ Петербургѣ и Москвѣ основаны воспитательные дома, изданы наставленія о сбереженіи жизни младенцевъ; были расширены программы кадетскихъ корпусовъ, увеличено количество обучающихся въ корпусахъ юношей, создано первое въ Россіи учебное заведеніе для дѣвочекъ, основано первое въ Россіи ученое общество, такъ называемое Вольное Экономическое (1765), организована Академія Художествъ. Въ ряду мѣръ по обезпеченію народнаго здравія особенно замѣчательна отважная рѣшимость императрицы привить оспу себѣ и своему сыну. Предохранительная прививка оспы изрѣдка примѣнялась въ Россіи и ранѣе, но обслѣдовано ея примѣненіе не было, и не только огромное большинство общества, но и многіе представители тогдашней медицины относились къ этому съ чрезвычайнымъ недовѣріемъ. Екатерина лѣтомъ 1768 г. пригласила англійскаго доктора Димсдаля и привила себѣ оспу тайно отъ всѣхъ, кромѣ самыхъ приближенныхъ лицъ, а затѣмъ, когда операція эта прошла совершенно благополучно, привита была оспа и вел. кн. Павлу Петровичу. Когда стало извѣстно, что привита была оспа государынѣ и наслѣднику, это произвело сенсацію не только въ Россіи, но и по всей Европѣ; Людовикъ XV высказалъ неодобреніе такой неблагоразумной рѣшимости—самъ онъ впослѣдствіи отъ оспы и умеръ. Сенатъ, высшіе чины и члены комиссіи для составленія проекта новаго уложенія въ особой аудіенціи приносили свои благодаренія. Сенатъ восхвалялъ ту «великодушную смѣлость» государыни, съ какою она «показала чаяніе смертныхъ

превосходящую милость», когда, «несмотря на зрѣлость лѣтъ своихъ и несравненно большую противъ младенчества опасность, изъ любви къ отечеству предприняла не только собственную свою особу опыту новоизобрѣтеннаго оспопрививанія вдать, но симъ



Листъ изъ чернового рукописи Наказа.
Рукопись хранится въ Императорской Академіи Наукъ.

своимъ великодушнымъ примѣромъ возбудить и ободрить сонзволила и вселюбезнѣйшаго сына своего и наслѣдника на то же поступить». Императрица благодарила Сенатъ и сказала, между прочимъ, что, поступивъ такъ, она лишь «исполнила часть долга званія своего, ибо, по слову евангельскому, добрый пастырь полагаетъ

душу свою за овцы. Вы можете увѣрены быть,—прибавила она,—что нынѣ и паче усугублять буду мои старанія и попеченія о благополучіи всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ вообще и каждаго особо». Въ память выздоровленія императрицы послѣ привитія оспы было установлено особое празднованіе 21 ноября.

На этомъ мы и покончимъ обзоръ внутренней дѣятельности Екатерины въ первые годы царствованія; нашъ краткій очеркъ едва даетъ понятіе о разнообразіи ея трудовъ и далеко не рисуетъ съ необходимою полнотою того, что въ это время было совершено или предпринято. Но работа безъ опредѣленнаго плана, безъ намѣченной программы, направленная на удовлетвореніе лишь случайно выдвигаемыхъ жизнью запросовъ, не казалась достаточною государынѣ. По ея словамъ, въ первые же годы царствованія изъ прошеній, ей поданныхъ, изъ дѣлъ Сената и разныхъ коллегій, изъ сенаторскихъ разсужденій и изъ частныхъ бесѣдъ она поняла, что на многіе случаи нѣтъ достаточныхъ законовъ, а разныя случайно изданныя распоряженія другъ другу противорѣчатъ и не соотвѣтствуютъ сложившимся привычкамъ и взглядамъ; всѣ, по словамъ Екатерины, требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ. «Я,—говоритъ Екатерина,—вывела у себя въ умѣ заключеніе, что образъ мыслей вообще, да и самый гражданскій законъ, не можетъ получить поправленія инако, какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ, мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, потомъ писать наказъ комиссіи уложенія». Императрица рѣшила, такимъ образомъ, обратиться къ реформамъ систематическимъ и для того созвала ставшую знаменитой Комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Екатерина сочла нужнымъ привлечь къ участію въ разработкѣ новаго лучшаго законодательства выборныхъ людей—она обратилась къ тому способу, который въ XVI и особенно въ XVII вѣкахъ былъ на Руси явленіемъ обыкновеннымъ и приносилъ благіе результаты, а въ XVIII в. примѣнялся нѣсколько разъ, но безъ успѣха: нѣсколько разъ приказано было съѣхаться выборнымъ именно для работъ надъ составленіемъ законовъ, но дѣло какъ-то не налаживалось. Теперь императрица поручала выборнымъ сочинить проектъ новаго уложенія, который долженъ былъ поступить на разсмотрѣніе Сената совмѣстно съ коллегіями, послѣ чего, съ внесенными ими перемѣнами, долженъ былъ быть представленъ на утвержденіе императрицы. Это предпріятіе императрицы обратило на себя большое вниманіе въ Западной Европѣ. На рѣшенія Екатерины вліяли разныя соображенія; ее, безспорно, привлекала мысль совершить такое дѣло, которое должно было заслужить одобреніе выдающихся ученыхъ и писателей, дававшихъ тонъ общественному мнѣнію; но вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина и искренно вѣрила въ пользу заду-

маннаго ею дѣла; она была убѣждена, что идеи, усвоенныя ею, обезпечиваютъ торжество истины и общую пользу: утверждать это можно потому, что впослѣдствіи, утративъ эту вѣру, Екатерина сама и говоритъ, что теперь она уже не вѣритъ въ то, въ чемъ прежде была совершенно убѣждена. Въ руководство выборнымъ Екатерина дала свой знаменитый Наказъ, въ которомъ она—по ея выраженію—«обобрала для пользы двадцати милліоновъ» книгу Монтескье, этотъ «молитвенникъ для государей». Наказъ императрицы Екатерины былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки и во Франціи былъ запрещенъ, какъ произведеніе чрезмѣрно либеральное.

Наказъ представляетъ собою почти сплошь извлеченія изъ нѣсколькихъ сочиненій по государственному праву, самой же императрицѣ принадлежитъ менѣе одной пятой текста Наказа; всего больше заимствованій изъ Монтескье и Беккаріи. Въ Наказѣ говорится о вопросахъ права государственнаго и права уголовнаго, о сословіяхъ, о воспитаніи, о финансовомъ управленіи. Общія идеи его—идеи просвѣтительной философіи XVIII в.; государыня развиваетъ мысли о законности вообще, о связи и взаимодѣйствіи законовъ и нравственности, о вредѣ жестокихъ наказаній, проводитъ мысль, что наказаніе должно быть не местью преступнику со стороны государства, а служить лишь, какъ она выражается, лѣкарствомъ больного общества. Относительно пытокъ, ихъ безцѣльности и несправедливости въ Наказѣ читаемъ страстную проповѣдь въ главѣ X, посвященной вопросу о судѣ; глава эта, обширнѣйшая въ Наказѣ, заимствована императрицею изъ замѣчательнаго трактата Беккаріи; быть-можетъ, эта глава—десятая не случайно: въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича глава «О судѣ» тоже десятая.

Глава XI Наказа трактуетъ о положеніи крестьянъ. Въ напечатанной редакціи она очень не велика и вопроса о крѣпостномъ правѣ прямо не ставитъ; но по бумагамъ Екатерины видно, что первоначально она предполагала провести болѣе рѣшительныя мѣры относительно крѣпостного права. Пришлось сдѣлать большія сокращенія противъ первоначальнаго текста по совѣту тѣхъ лицъ, которымъ императрица давала свой Наказъ прочитать до его опубликованія; эти лица во всѣхъ другихъ частяхъ Наказа сдѣлали только самыя незначительныя сокращенія, но глава XI послѣ разсмотрѣнія ими вышла съ перемѣнами весьма существенными. Въ двухъ слѣдующихъ главахъ, посвященныхъ вопросамъ «о рукодѣліи и торговлѣ» и «о размноженіи народа въ государствѣ», проводятся мысли, что необходимо справедливѣе раздѣлить между подданными тягости государственнаго строительства, такъ какъ только отъ улучшенія быта бѣднѣйшихъ классовъ можно ожидать желательныхъ плодовъ и для размноженія народа и для накопленія богатствъ. Четыре слѣдующія главы говорятъ о воспитаніи и о сословіяхъ —

сословный строй признается единымъ полезнымъ для процвѣтанія государства; двѣ послѣднія главы посвящены спеціальнымъ вопросамъ законодательства. Въ общемъ, Наказъ для тогдашняго общества былъ книгою въ высшей степени полезною: въ сознаніе всѣхъ тѣхъ людей, которые были призваны въ комиссію и неоднократно прослушали Наказъ, онъ внесъ много новыхъ и полезныхъ идей, онъ будилъ мысль, выдвигалъ такіе вопросы, которые еще не ставились и даже не допускались для гласнаго обсужденія.

14 декабря 1766 г. былъ изданъ манифестъ о созывѣ въ Москвѣ на лѣто 1767 г. Комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Депутатовъ должны были прислать всѣ высшія правительственныя учрежденія, дворяне каждаго уѣзда, жители каждаго города, черносошные (т.-е. государственные) крестьяне каждой провинціи, затѣмъ—по особымъ опредѣленіямъ—казаки и инородцы; всего должно было собраться свыше 500 депутатовъ. Депутаты получали особыя привилегіи, охранявшія ихъ личность и обезпечивавшія ихъ отъ преслѣдованій судебныхъ мѣстъ; избиратели приглашаемы были дать своимъ избраннымъ наказы, и наказовъ этихъ привезено было свыше тысячи, такъ какъ многіе депутаты, особенно отъ крестьянъ и городовъ со смѣшаннымъ населеніемъ, какъ, напр., отъ Казани, Астрахани, привезли по нѣсколько наказовъ.

Въ началѣ 1767 г. императрица переѣхала въ Москву; ее сопровождали, какъ всегда, Сенатъ, Синодъ и нѣкоторыя коллегіи, оставлявшія на это время въ Петербургѣ особыя присутствія съ правами департаментовъ. Въ концѣ апрѣля императрица изъ Москвы поѣхала въ Тверь и отсюда отправилась въ путешествіе по Волгѣ; ее сопровождала свита въ 20 чел.; въ Ярославлѣ присоединились еще пять посланниковъ, аккредитованныхъ при императрицѣ,—они были приглашены сопутствовать ей въ поѣздкѣ. Эскадра изъ нѣсколькихъ галеръ, на которыхъ всего экипажа было почти 2000 чел., медленно спускалась по теченію рѣки; императрица выходила на берегъ въ каждомъ городѣ, а иногда и при другихъ остановкахъ; населеніе встрѣчало ее съ восторгомъ: нерѣдко едва можно было ей итти, такъ тѣсно окружалъ ее народъ; она обворожала своею привѣтливостью и вниманьемъ каждаго, кому приходилось къ ней обращаться. Было подано ей много и просьбъ, свидѣтельствовавшихъ, что внутреннее управленіе, дѣйствительно, очень плохо и требуетъ многихъ реформъ; но вообще путешествіе произвело на государыню и ея спутниковъ отличное впечатлѣніе. Особенно интересовало всѣхъ пребываніе въ Казани, гдѣ императрица провела время съ 26 мая по 1 іюня; по тогдашнимъ научнымъ взглядамъ Казань считалась уже въ Азіи; городъ этотъ, еще и донынѣ сохраняющій много оригинальнаго въ своемъ внѣшнемъ видѣ, тогда еще болѣе имѣлъ видъ восточнаго города; къ тому же сюда собралось множество магометанскихъ подданныхъ Россіи изъ отдаленныхъ областей восточной Европы. Императрица

писала отсюда шутливыя письма Вольтеру, очень забавляясь мыслью, что она, ученица и поклонница просвѣщенныхъ философовъ, находится въ Азіи, имя которой тогда являлось синонимомъ всякаго застоя. Во время плаванія на галерахъ Екатерина вмѣстѣ со своими приближенными переводила книгу Мармонтеля «Велизарій»; автору послано было по этому поводу привѣтственное письмо отъ трудившихся въ переводѣ, а изданіе книги посвящено было епископу тверскому Гавріилу. 8 іюня въ Симбирскѣ Екатерина сошла съ галеры и 22 іюня сухимъ путемъ пріѣхала въ Москву.

30 іюля была торжественно открыта Комиссія для сочиненія проекта новаго уложенія. Императрица имѣла парадный выходъ въ Успенскій соборъ, затѣмъ во дворцѣ депутаты приносили присягу и были пожалованы къ рукѣ; императрица вручила генералъ-прокурору обрядъ управленія комиссіей, и съ 31 іюля комиссія начала работать. Согласно обряду послѣ избранія маршала и членовъ частныхъ комиссій первымъ дѣломъ стояло прочтеніе Наказа. Онъ произвелъ огромнѣйшее впечатлѣніе на слушателей. По словамъ дневной записки третьяго засѣданія, въ которомъ чтеніе было окончено, «надлежитъ отдать справедливость всему почтенному господъ депутатовъ собранію, что оное оказало себя достойнымъ получить данный ему Наказъ: прилежаніе, восхищеніе, и—если смѣю сказать—жадность, съ которыми слушано было сіе сочиненіе, довольно сіе доказываютъ. Сердечное движеніе, чувствіе, до высшей степени доведенное, на лицахъ всѣхъ были начертаны. Многіе плакали, но сіи слезы умножились, когда прочли статью, въ которой сказано: «Боже сохрани, чтобы послѣ окончаніи сего законодательства былъ какой народъ болѣе справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ. Намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено—несчастіе, до котораго я дожить не желаю». Нѣтъ основаній сомнѣваться, что общее впечатлѣніе собранія передано тутъ вѣрно; конечно, теперь Наказъ никого своимъ содержаніемъ такъ не тронетъ, но для своего времени онъ, дѣйствительно, весьма выгодно отличался отъ правительственныхъ актовъ, съ какими обыкновенно приходилось имѣть дѣло, и вызвалъ искреннее восхищеніе. Собраніе рѣшило поднести императрицѣ титулъ Великой, Премудрой и Матери отечества. 12 августа состоялась аудіенція. Императрицѣ предложены были эти титулы въ адресѣ, составленномъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Отъ имени императрицы вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ сказалъ отвѣтную рѣчь, а сама государыня присовокупила еще слѣдующія слова: «О званіяхъ же, кои вы желаете, чтобы я отъ васъ приняла, на сіе отвѣтствую: на Великая—о моихъ дѣлахъ оставляю времени и потомству безпристрастно судить, Премудрая—никакъ себя таковою назвать не могу, ибо одинъ Богъ премудръ, и Матерь отечества — любить Богомъ врученныхъ мнѣ подданныхъ я за долгъ званія моего почитаю, быть любимою отъ нихъ есть мое желаніе».

Депутаты работали въ общихъ собраніяхъ и въ частныхъ комиссіяхъ, которыхъ было образовано около 20; до конца 1767 г. комиссія засѣдала въ Москвѣ, затѣмъ, съ возвращеніемъ императрицы въ Петербургъ, сюда перенесены были и засѣданія комиссіи. Императрица живо ими интересовалась; въ Москвѣ она нѣсколько разъ наблюдала ихъ съ хоръ Грановитой палаты; генералъ-прокуроръ и маршалъ комиссіи А. И. Бибиковъ постоянно докладывали ей о ходѣ работъ и неоднократно получали указанія. Работы комиссіи были прерваны въ 1769 г., когда война съ Турціей потребовала присутствія въ арміи многихъ лицъ, которыя состояли членами комиссіи. Общія засѣданія были тогда отсрочены, частныя же комиссіи продолжали работать. Предполагалось созвать впослѣдствіи вновь и всю комиссію, но это предположеніе не осуществилось.

Не только новаго уложенія, но и проекта его комиссія не составила, такъ что дѣла, для котораго она была созвана, не исполнила; но работы ея прошли далеко не безслѣдно; напротивъ, онѣ повлекли за собою не мало существенныхъ перемѣнъ. Императрица Екатерина писала 12 лѣтъ спустя: «Комиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поѣхали въ армію. Наказъ комиссіи уложенія ввелъ единство въ правленіе и въ разсужденія не въ примѣръ больше прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ, стали знать волю законодавца и по ней поступать». Дѣйствительно, наказы, привезенные депутатами, послужили матеріаломъ для дальнѣйшаго законодательства Екатерины; высказанными въ этихъ наказахъ пожеланіями и сообщенными въ нихъ свѣдѣніями государыня широко воспользовалась въ своемъ знаменитомъ Учрежденіи для управленія губерніями Россійской имперіи (1775 г.), отчасти въ грамотахъ дворянству и городамъ, въ узаконеніяхъ о торговлѣ и полиціи. Но работы комиссіи имѣли еще и другой, не столь очевидный, однако, не менѣе важный результатъ: онѣ способствовали развитію и распространенію государственныхъ идей въ широкомъ кругу, и члены комиссіи затѣмъ вносили въ свою дѣятельность результаты такого вліянія; не очень давно отыскался обширный сборникъ изъ нѣсколькихъ десятковъ томовъ, содержащій общее обозрѣніе управленія Россійской имперіи, составленный въ одной изъ частныхъ комиссій; такая работа не могла остаться безъ замѣтнаго и полезнаго вліянія не только на лицъ, непосредственно ее исполнявшихъ, но и на болѣе обширный кругъ.

Въ послѣднее время работъ комиссіи въ ней выдвинулся вопросъ о положеніи крѣпостныхъ и раздались голоса—правда, довольно немногочисленные—о необходимости ограничить злоупотре-

ленія помѣщиковъ своею властью, т.-е., иначе говоря, о необходимости ограничить самое ихъ право на крестьянъ. Вопросъ этотъ былъ выдвинутъ депутатомъ отъ козловскаго дворянства Коробьинымъ и вызвалъ очень оживленныя пренія. Высказывался даже взглядъ, что самый роспускъ комиссіи объясняется въ значительной степени тѣмъ, что вопросъ о крѣпостныхъ принялъ направленіе, которое не соотвѣтствовало интересамъ дворянъ и видамъ правительства. Конечно, война была лишь предлогомъ, чтобы распустить депутатовъ, хотя во время войны было дѣйствительно нелегко вести и такое важное дѣло. Причина же роспуска большого собранія комиссіи была та, что двухлѣтняя работа убѣдила съ несомнѣнностью, что новаго уложенія комиссія составить не можетъ, такъ какъ вообще многолюдныя собранія пригодны для обсужденія уже выработанныхъ проектовъ, а составить новый они почти неспособны, для дальнѣйшихъ же законодательныхъ работъ были уже собраны въ наказахъ драгоцѣнныя данныя. Постановка въ комиссіи вопроса о крѣпостномъ правѣ, несомнѣнно, нимало не встревожила Екатерину. Пренія по этому вопросу доказывали, что значительное большинство комиссіи не сочувствовало радикальному измѣненію существовавшихъ отношеній; не только ни одинъ наказъ отъ дворянъ не говорилъ о желаніи подобныхъ перемѣнъ, но чуть ли не всѣ наказы отъ горожанъ и разночинцевъ и даже отъ казенныхъ крестьянъ содержали просьбы о разрѣшеніи и людямъ этихъ сословій владѣть крѣпостными, что по закону составляло право только дворянъ. Большинство комиссіи по этому вопросу было, конечно, гораздо консервативнѣе императрицы. Лично императрица Екатерина, вѣроятно, сочувствовала идеѣ полнаго уничтоженія крѣпостного права; но и въ этотъ моментъ, и въ теченіе всего своего царствованія она должна была отказаться отъ мысли о коренной реформѣ. Ей пришлось уступить не только потому, что возведеніемъ на престолъ она была въ значительной степени обязана дворянамъ, изъ которыхъ сплошь состояли гвардейскіе полки — хотя, конечно, и это обстоятельство играло нѣкоторую роль; главною причиною было то, что русское общество того времени еще не созрѣло для такой реформы, если имѣть въ виду, конечно, большинство сколько-нибудь образованныхъ людей того времени, а не единичныя только личности. Большинство—и очень значительное—совершенно не представляло себѣ даже возможности устроить жизнь иначе, чѣмъ на основѣ крѣпостного труда. И удивимся ли мы этому, удивимся ли и тому, что императрица Екатерина не сдѣлала какой-либо энергичной попытки провести реформу, которой сочувствовала, если только вспомнимъ, сколько потребовалось энергіи и настойчивости со стороны императора Александра II для того, чтобы провести реформу 19 февраля, несмотря на то, что въ столѣтіе, протекшее отъ начала царствованія Екатерины до 1861 г., совершилось множество событій, повліявшихъ на развитіе просвѣ-

щенія вообще и, въ частности, болѣе правильныхъ взглядовъ на положеніе крестьянъ. Если обратить на это вниманіе, то станетъ ясно, что Екатерина, не русская по происхожденію, занявшая престолъ не съ безспорными правами, не могла сдѣлать чего-либо существеннаго для улучшенія быта крестьянъ иначе, какъ путемъ насильственнымъ; Екатерина, вступившая на престолъ путемъ революціи противъ своего мужа, была слишкомъ умна, чтобы вызвать революцію во всемъ русскомъ государствѣ.

Мы дошли до начала первой турецкой войны и обратимся теперь къ обозрѣнію внѣшней политики Екатерины, такъ какъ война была вызвана дѣйствіями Россіи именно въ этой области; упомянемъ только вкратцѣ о совѣтѣ при Высочайшемъ Дворѣ, который возникъ въ связи съ турецкою войною. Для общаго обсужденія мѣропріятій, вызываемыхъ ею, императрица немедленно по объявленіи войны созвала, по совѣту съ гр. Н. И. Панинымъ, ближайшихъ своихъ сотрудниковъ: гр. А. Г. Разумовскаго, гр. Н. И. и П. И. Паниныхъ, гр. З. Г. Чернышова, князя А. М. Голицына—генералъ-аншефа и кн. А. М. Голицына—вице-канцлера, кн. А. А. Вяземскаго, кн. М. Н. Волконскаго и гр. Г. Г. Орлова. Совѣтъ этотъ имѣлъ первое засѣданіе 4 ноября 1768 г.; 17 января 1769 г. было сообщено Сенату объ его учрежденіи, для того, чтобы Сенатъ распубликовалъ объ этомъ и приказалъ всѣмъ правительственнымъ мѣстамъ давать отвѣты на запросы, съ какими можетъ обратиться къ нимъ совѣтъ. Этотъ совѣтъ дѣйствовалъ въ теченіе всего царствованія Екатерины и впослѣдствіи былъ преобразованъ въ Государственный Совѣтъ. Императрица придала новому учрежденію значеніе совѣта при своей особѣ—онъ никогда и нигдѣ не выступалъ въ ряду правительственныхъ учрежденій; онъ разсматривалъ то, что поручала ему разсмотрѣть императрица, давалъ свои заключенія, которымъ императрица и слѣдовала обыкновенно, но не всегда; въ какія-либо дѣловыя сношенія съ Сенатомъ, или съ какимъ-либо другимъ учрежденіемъ совѣтъ не вступалъ, его учрежденіе не внесло никакихъ измѣненій въ государственное право или государственное устройство имперіи, такъ какъ онъ имѣлъ дѣло единственно съ императрицей, которая обращалась къ нему, чтобы знать по какому-либо вопросу мнѣніе людей, пользовавшихся ея личнымъ довѣріемъ.

IV.

Внѣшняя политика.—Война съ Турціей.—Чума.—Пугачевъ.

Императрицѣ Екатеринѣ немедленно по воцареніи пришлось принять непосредственное участіе въ дѣлахъ внѣшней политики,—самая активная роль въ этой отрасли государственнаго управленія всегда составляетъ одну изъ прерогативъ государя — и императрица сразу вступила на тотъ путь, которому осталась неиз-

мѣнно вѣрною до конца: не увлекаясь никакими громкими словами, она стремилась достигнуть реальныхъ выгодъ для Россіи, какъ она ихъ понимала, конечно. Если она даже и ошибалась въ опредѣленіи ихъ, то она отлично понимала, что подъ увлекающими иногда проповѣдями объ отвлеченной справедливости и о благѣ всего человѣчества часто скрывается забота о собственныхъ выгодахъ, когда онѣ исходятъ отъ гражданъ чужихъ государствъ, или индиферентизмъ, если только не скрытное недоброжелательство къ своему народу, когда въ такомъ духѣ проповѣдуютъ граждане своего государства.

Прежде всего предстояло рѣшить вопросъ объ отношеніи къ Пруссіи. Шестилѣтняя борьба съ нею была внезапно прекращена, Петръ Ѳеодоровичъ заключилъ даже союзъ съ Пруссіей, не потребовавъ никакого вознагражденія для Россіи за тѣ огромныя жертвы, которыя она принесла въ эту войну, хотя Фридрихъ II былъ въ такомъ стѣсненномъ, почти отчаянномъ положеніи, что пошелъ бы на уступки и весьма существенныя, если бы цѣною ихъ могъ купить хоть нейтралитетъ Россіи. Новой государынѣ предстояло рѣшить: соблюдать ли миръ, заключенный Петромъ Ѳеодоровичемъ, или союзъ, заключенный Елизаветою Петровною. Екатерина избрала первое, отчасти потому, что за тѣ шесть мѣсяцевъ, когда Россія уже не была воюющею стороною, положеніе Фридриха значительно улучшилось, такъ что возобновлять борьбу значило подвергаться новому риску, отчасти потому, что и Австрія и Франція склонялись къ миру, наконецъ, въ извѣстной степени вѣроятно и потому, что опасалась оставлять вооруженныя силы въ рукахъ генераловъ, настроеніе которыхъ не было ей вполнѣ извѣстно, тѣмъ болѣе, что главнокомандующій былъ новый, назначенный Петромъ Ѳеодоровичемъ, гр. П. А. Румянцевъ. Ему предписано было немедленно сдать команду П. И. Панину, за вѣрность котораго вполнѣ ручался его братъ Н. И. Панинъ, ближайшій сотрудникъ Екатерины, пользовавшійся ея полнымъ довѣріемъ. Румянцевъ обидѣлся и вышелъ въ отставку, но вскорѣ, какъ только стало ясно, что положеніе внутри государства достаточно спокойно, Екатерина очень милостивымъ письмомъ пригласила Румянцева вновь на службу и такимъ образомъ вернула государству этого полезнѣйшаго слугу, высоко даровитаго полководца и администратора. Екатерина сдѣлала попытку принять участіе въ переговорахъ которыми заканчивалась Семилѣтняя война, но тогдашнее международное положеніе Россіи было еще такъ не высоко, что притязаніе это было встрѣчено недружелюбно, и пришлось примириться съ тѣмъ, что война закончена была общимъ миромъ безъ участія въ немъ Россіи.

Примиреніе Россіи съ Пруссіей возобновляло старинныя недружелюбныя отношенія къ Россіи со стороны Франціи. Пути этихъ двухъ державъ издавна сталкивались почти помимо ихъ же-

ланія. Франція, въ борьбѣ своей съ нѣмецкими государствами, давно установила дружественныя отношенія съ Турціей, Польшей и Швеціей, которыя были полезны ей въ этой борьбѣ; но эти три государства были въ то же время ближайшими сосѣдями Россіи и имѣли съ нею множество неразрѣшенныхъ—быть можетъ и неразрѣшимыхъ къ обоюдному удовольствію—споровъ. Франція, для которой эти споры были и неясны и совершенно чужды, естественно поддерживала своихъ союзниковъ противъ Россіи. Не безъ большихъ усилій удалось установить сближеніе Франціи и Россіи противъ Фридриха, да и оно было неискренно и непрочно. Теперь, прекративъ борьбу съ Пруссіей, оба государства снова заняли по отношенію другъ къ другу положеніе недоброжелательное; французское министерство возобновило попытку нанести уколъ самолюбію русскаго правительства и опять попробовало отказать въ признаніи за русскими государями императорскаго титула, признаннаго Франціею позже всѣхъ другихъ державъ въ 1744 г.; Екатерина отклонила эту попытку такъ энергично, что больше вопросъ объ этомъ уже не поднимался.

Неожиданно обнаружилъ совершенно неумѣстныя притязанія датскій дворъ. Ссылаясь на то, что по законамъ Германской имперіи женщины не могутъ быть ни государями, ни регентами, король датскій заявилъ, въ качествѣ родственника Голштинскаго дома, притязанія на опеку надъ вел. кн. Павломъ Петровичемъ, какъ герцогомъ Голштинскимъ. Формально онъ былъ правъ, но, конечно, невозможно было допустить къ опекунству владѣтеля, у котораго съ опекаемымъ были давнія и еще неразрѣшенныя несогласія настолько значительныя, что съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ, и ничѣмъ инымъ, какъ расчетомъ на непрочность положенія новой государыни, не могли быть объясняемы эти притязанія. Екатерина написала: «По мнѣнію датскаго короля я неспособна управлять маленькимъ кусочкомъ голштинской земли, а народъ, который занимаетъ треть извѣстнаго свѣта, единодушно вручилъ мнѣ власть надъ собою. Я императрица Россіи, и я худо оправдала бы надежды народа, если бы имѣла низость вручить опеку надъ моимъ сыномъ, наслѣдникомъ русскаго престола, иностранному государству, которое оскорбило меня и Россію своимъ необыкновеннымъ поведеніемъ. Я знаю, что въ римской имперіи это первый случай, но это случай—особенный, и съ помощью Божіей я заставлю это признать». Датское правительство извинилось, и опека надъ голштинскими владѣніями Павла Петровича осталась за Екатериною.

Важнѣе всѣхъ этихъ, сравнительно второстепенныхъ, вопросовъ были отношенія къ Польшѣ. Было полное основаніе ожидать скорой кончины короля польскаго, слѣдовательно, новыхъ выборовъ, а при этомъ въ Польшѣ всегда возобновлялась упорная борьба партій, и сосѣднимъ государствамъ, если они желали имѣть въ

Польшѣ вліяніе, было совершенно необходимо принимать дѣятельное участіе въ событіяхъ, которыя разыгрывались въ такое время въ Польшѣ. Россія была заинтересована въ дѣлахъ Польши болѣе, чѣмъ какая-либо другая европейская держава—правительство Екатерины прямо это высказывало. Мы не говоримъ уже о томъ, что и Россія и Польша имѣли притязанія на одинѣ и тѣ же области; и помимо этого постоянно было множество поводовъ къ вмѣшательству въ польскія дѣла, даже если бы къ такому вмѣшательству и не стремиться. Разныя недоразумѣнія, неизбѣжно возникающія на границахъ, всегда вызывали дальнѣйшія жалобы и неудовольствія, такъ какъ центральная власть въ Польшѣ не обладала достаточнымъ авторитетомъ, чтобы заставить своихъ подданныхъ исполнять требованія, которыя она признавала законными; православные подданные Польши, по трактатамъ находившіеся подъ своего рода покровительствомъ Россіи, вѣчно имѣли основанія приносить жалобы, по существу справедливыя, на различныя притѣсненія,—все это давно давало русскому правительству достаточно поводовъ и основаній вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши. Со времени Петра Великаго въ Польшѣ чувствуется уже постоянное и сильное вліяніе Россіи; Елизавета Петровна принимала защиту православныхъ въ Польшѣ очень близко къ сердцу. Представлялось заманчивымъ и даже дѣйствительно было выгодно не только упрочить въ Польшѣ русское вліяніе, но и прямо дѣлать за ея счетъ территоріальныя пріобрѣтенія. Намѣреніе русскаго правительства воспользоваться первымъ удобнымъ для этого случаемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, а недостатки польской конституціи и готовность высшихъ чиновъ республики принимать денежныя подачки и дѣйствовать зато по указаніямъ русскаго посла давали возможность вмѣшаться во внутреннія дѣла Польши каждую минуту.

Едва пришло извѣстіе о кончинѣ короля польскаго, какъ Екатерина созвала особое совѣщаніе и на немъ вскрыла пакетъ, лежавшій у нея уже нѣсколько времени съ собственноручною ея надписью: «С. С. К. П. Окромѣ меня никому не распечатывать»—четыре первыя буквы означали: «Случай смерти короля польскаго». Въ этомъ пакетѣ находилась записка, поданная гр. Чернышовымъ, и въ ней развивалась мысль, что необходимо воспользоваться перемѣною на польскомъ престолѣ, чтобы присоединить къ Россіи нѣкоторыя области отъ Польши.

Извѣстно, что таковъ и былъ конецъ русско-польскихъ отношеній. Россія пріобрѣла обширныя части Польши, другія части были взяты Австріей и Пруссіей, и Польша въ концѣ царствованія Екатерины перестала существовать, какъ государство. Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтимъ важнѣйшіе моменты въ событіяхъ, приведшихъ къ такому результату, здѣсь же установимъ общую точку зрѣнія на этотъ фактъ, такъ какъ польскіе раздѣлы до сихъ поръ

вызываютъ споры не только о томъ, кто игралъ въ нихъ главную роль, но еще болѣе о томъ, выгодны или невыгодны были они для Россіи, и даже подвергаются оцѣнкѣ съ точки зрѣнія нравственной.

На вопросъ о томъ, выгодны или невыгодны были для Россіи раздѣлы Польши, очень трудно, если не невозможно, дать совершенно неоспоримый отвѣтъ, потому что нельзя показать, какъ сложились бы безъ этого факта всѣ тѣ отношенія, которыя имъ затрагиваются. Трудно доказывать, что Польша могла бы сохранить свое самостоятельное существованіе впослѣдствіи, разъ она въ данную эпоху не могла отстоять своей независимости; если бы пронеслась благополучно для нея гроза, окончательно ее сломившая, то какъ доказать, что рано или поздно, съ бо̀льшимъ или меньшимъ сопротивленіемъ, кто-нибудь не уничтожилъ бы независимости Польши: съ того времени исчезло много государствъ, паденіе которыхъ вовсе не казалось близкимъ въ то время, когда Польшу давно уже почитали приговоренною къ гибели. А когда государство польское потеряло бы независимость, то кто-нибудь изъ сосѣдей воспользовался бы этимъ для своего усиленія, и, конечно, Россіи было выгодно не дать усилиться другому, не усилившись соотвѣтственно и самой. Доказать, что Россія могла бы всѣ выгоды обратить въ свою пользу, другими словами, что она могла бы подчинить себѣ одной всю Польшу,—совершенно невозможно: Европа никогда не допустила бы такого усиленія Россіи. Если мы вспомнимъ, что захватъ Фридрихомъ Силезіи навлекъ на него двѣ тяжелыя войны и борьба лишь случайно окончилась въ его пользу, если Петръ Великій только послѣ двадцатилѣтней борьбы могъ удержать свои пріобрѣтенія отъ Швеціи, несравненно меньшія, чѣмъ Польша, при чемъ Западная Европа занята была другою борьбою и только потому не вмѣшалась въ войну Россіи со Швеціей, то совершенно ясно, что никогда не было бы допущено поглощеніе Россіей Польши, которая давно уже считалась членомъ европейской семьи государствъ. Итакъ, подчиненіе Польши одной Россіи должно быть признано невозможнымъ; сохраненіе Польшею самостоятельности представляется весьма мало вѣроятнымъ: съ середины XVII в. до перваго раздѣла Польши не менѣе десяти разъ возникали и обсуждались въ дипломатическихъ переговорахъ проекты такого раздѣла. При такихъ условіяхъ участіе Россіи въ раздѣлѣ приходится признать неизбѣжнымъ.

Что касается оцѣнки польскихъ раздѣловъ, какъ дѣла безнравственнаго, неблагороднаго, то вѣдь всѣ завоеванія таковы же, какъ раздѣлы Польши; завоеваніе въ томъ и состоитъ, что сильнѣйшій подвергаетъ слабѣйшаго тому, отъ чего этотъ послѣдній пытался избавиться, но безуспѣшно. Турки завоевали Балканскій полуостровъ—это находятъ невыгоднымъ для европейскихъ

народовъ, съ турками борются, но никто не ставитъ вопроса, имѣли ли турки нравственное право покорять сербовъ или болгаръ. Попытку такого же расчлененія русской земли, какому подвергалась Польша, она сама производила на полтора столѣтія ранѣе, отнимая отъ Московскаго государства Сѣверщину и Смоленскъ. Особенно неосновательно подходитъ съ такими требованіями къ русскимъ дѣятелямъ XVIII ст.: вѣдь едва пришло 100 лѣтъ съ того времени, когда въ Западной Европѣ примѣнялся еще принципъ: «cujus regio, ejus religio», обязывавшій подданныхъ слѣдовать въ религіи своему государю,—правило, конечно, гораздо болѣе затрогивавшее нравственное чувство. Вообще въ XVII и въ XVIII вв. никому изъ государственныхъ дѣятелей и въ голову еще не приходило при комбинаціяхъ съ тою или другою областью справляться съ желаніемъ населенія; они стремились усилить свое государство, дѣлая пріобрѣтенія, такъ какъ тогда единственнымъ средствомъ усилить государство почиталось увеличеніе числа его подданныхъ, и надо разъ навсегда признать, что русскіе государственные дѣятели не были обязаны—да и не могли—дѣйствовать иначе, чѣмъ дѣйствовали всѣ другіе, съ кѣмъ приходилось имъ имѣть дѣло, когда они преслѣдовали тѣ или другія цѣли, достиженіе которыхъ было важно и для русскаго государства и для русскаго народа. Въ отношеніи къ Польшѣ русскіе государственные дѣятели поступали совершенно такъ же, какъ поступали въ подобныхъ случаяхъ всѣ остальные тогдашніе дѣятели,—и наша задача только представить, какъ они дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ, общемъ у нихъ съ другими государствами.

Смерть короля польскаго была уже раньше поставлена Екатериною и Панинымъ какъ «терминъ нашихъ дѣйствій въ Польшѣ», и едва получено было въ ноябрѣ 1764 г. достовѣрное сообщеніе о кончинѣ короля Августа II, какъ сразу дѣла польскія были выдвинуты на первый планъ. Твердо рѣшено было болѣе не допускать выбора на польскій престолъ иностраннаго принца, а доставить корону польскую Станиславу-Августу Понятовскому,—тому самому, который былъ такъ близокъ къ Екатеринѣ въ началѣ 50-хъ годовъ. Впрочемъ, это рѣшеніе было принято въ совѣщаніи только самыхъ близкихъ къ государынѣ особъ; его держали въ строжайшей тайнѣ, и сообщено оно было только русскому послу въ Варшавѣ; офиціально же объявлено было о твердо принятомъ намѣреніи не допускать болѣе избранія принцевъ саксонскаго дома, такъ какъ продолжительное соединеніе короны польской и саксонской представляетъ множество опасностей для польскихъ вольностей; по официальнымъ заявленіямъ императрица желала предоставить полякамъ совершенно свободный выборъ. Пришлось вести въ Польшѣ довольно сложную игру, потому что тамъ сразу же появилось нѣсколько претендентовъ и изъ иностранныхъ принцевъ, и изъ поляковъ, а нѣкоторые иностранные дворы открыто поддержи-

вали своихъ кандидатовъ. Когда удалось достигнуть того, что наиболѣе шансовъ опредѣлилось въ пользу Понятовскаго, котораго поддерживали очень вліятельные родственники его, князья Чарторыйскіе, то иностраннымъ дворамъ было объявлено изъ Петербурга, что такое рѣшеніе есть, очевидно, добрая воля всей польской націи; самому Понятовскому изъ Петербурга писали, что избраніе его обезпечено, безъ сомнѣнія, его высокими личными качествами. Но въ секретной перепискѣ русскихъ дипломатовъ между собою указывается другая и, очевидно, истинная причина: Понятовскаго рѣшено было возвести на тронъ потому, что безъ поддержки Россіи онъ не имѣлъ никакихъ шансовъ достигнуть такого положенія, и потому онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, долженъ уступать всѣмъ требованіямъ, какія будутъ предъявлены съ русской стороны къ нему, какъ къ королю. Понятовскій охотно пользовался поддержкою русской императрицы; онъ бралъ деньги, какія она ему посылала, просилъ и еще денегъ, и получалъ ихъ; онъ расчитывалъ, что его «поддержитъ та рука, которую онъ любилъ», и все, полученное отъ Россіи, мечталъ употребить на то, чтобы улучшить положеніе Польши, усилить свое отечество. Это свидѣтельствуетъ о его любви къ родинѣ и съ этой стороны дѣлаетъ ему честь; но это же не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы онъ имѣлъ настоящій государственный умъ. Конечно, какъ полякъ, онъ и могъ и долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы улучшить положеніе Польши; но и Екатерина, какъ русская императрица, и могла и должна была употреблять силы и средства, какія заимствовала она отъ русскаго народа, не на то, чтобы усиливать историческаго соперника Россіи, а именно наоборотъ, чтобы его ослабить. Та и другая сторона преслѣдовали свои цѣли, по существу совершенно однородныя: та и другая сторона желали обратить силы соперника на служеніе своимъ цѣлямъ. Достигла успѣха Россія—потому ли, что она была сильнѣе, потому ли, что ея слуги лучше дѣйствовали, это вопросъ второстепенный. И если Екатерина поступала не искренно, преслѣдуя такія цѣли, которыхъ она не считала возможнымъ раскрыть и не раскрыла, то она имѣла дѣло съ противниками, которые тоже были не менѣе ея вооружены всѣми средствами скрытности и ловкости: ей приходилось бороться и противъ происковъ Фридриха, который, если было выгодно, не останавливался ни предъ какимъ обманомъ, и противъ Австріи, тоже не останавливавшейся ни предъ чѣмъ и дѣйствовавшей всегда съ самымъ беззастѣнчивымъ эгоизмомъ, и, наконецъ, то заодно съ поляками, то противъ нихъ, такъ какъ они мѣняли свои условія и отказывались исполнять обѣщанія съ легкостью, почти невѣроятною.

Путемъ ловкихъ переговоровъ, путемъ подкуповъ, наконецъ и помощью военной силы Екатерина и ея отличный помощникъ въ управленіи иностранными дѣлами Н. И. Панинъ достигли избра-

нія Станислава Понятовскаго въ короли. Тогда они немедленно предъявили ему тѣ требованія, имѣя въ виду которыя они доставляли ему корону. Понятовскій былъ изумленъ тѣмъ, что отъ него требуютъ совсѣмъ не того, чего онъ ожидалъ, пытался противиться, но долженъ былъ уступить твердости Екатерины. По ея волѣ православные подданные Польши получили всѣ политическія права, съ нѣсколькими ничтожными ограниченіями, при чемъ въ перепискѣ съ русскимъ посломъ въ Варшавѣ Панинъ прямо высказывалъ мысль, что и не надо доставлять этимъ диссидентамъ положенія столь хорошаго, чтобы они не чувствовали необходимости въ постоянной поддержкѣ Россіи. Самое же главное было то, что все польское государственное устройство, при которомъ Польша, какъ это было ясно, никогда не могла подняться изъ своей политической слабости, было поставлено подъ гарантію Россіи—Россія получала, такимъ образомъ, право препятствовать всякому улучшенію государственнаго строя Польши, какое нашла бы невыгоднымъ для себя.

Къ веснѣ 1768 г. русская политика достигла наивысшаго своего торжества въ Польшѣ, и—какъ это часто бываетъ—чрезмѣрное преобладаніе одной силы вызвало усиленное сопротивленіе ей многихъ другихъ: въ полякахъ пробудилась рѣшимость и готовность на крайнія жертвы, чтобы вывести свое отечество изъ печальнаго его положенія, французское правительство удвоило свои старанія создать Россіи политическія затрудненія, а давнишняя ревность Турціи довела до того, что осенью 1768 г. Турція объявила Россіи войну по ничтожному поводу, изъ-за такого столкновенія на границахъ, какія происходятъ постоянно и легко улаживаются мирнымъ путемъ, пока нѣтъ непремѣннаго желанія начать войну.

Выступленіе Турціи произвело въ Польшѣ чрезвычайное впечатлѣніе. Поляки были убѣждены въ торжествѣ турокъ и сразу перемѣнили тонъ относительно Россіи; русскія предложенія выслушивались уже далеко не съ такимъ вниманіемъ, какъ прежде, поляки предъявляли со своей стороны новыя условія и прямо заявляли, что начало войны измѣняетъ всѣ прежнія обязательства и обѣщанія. Въ Петербургѣ войною были встревожены. Турція казалась тогда очень опаснымъ врагомъ, и при всей рѣшимости вести войну энергично не было полной увѣренности въ успѣхѣ, по крайней мѣрѣ въ успѣхѣ быстромъ. Поэтому Екатерина и Панинъ готовы были сдѣлать полякамъ нѣсколько довольно значительныхъ уступокъ, лишь бы не затронуто было существо достигнутыхъ результатовъ; но во всякомъ случаѣ они далеко не обнаружили такой податливости, какую ожидали встрѣтить поляки. Переговоры объ уступкахъ затянулись, а послѣ лѣта 1770 г. успѣхи русскаго оружія дали Екатеринѣ возможность не только удержать занятое въ Польшѣ положеніе, но осуществить и тѣ притя-

занія, которыя до того времени оставались только въ области желаній и мечтаній.

Войну съ турками рѣшено было въ Петербургѣ вести наступательную. Серьезныя военныя дѣйствія не могли начаться скоро, потому что при тогдашнихъ путяхъ сообщенія сосредоточить значительныя военныя силы можно было только по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ январѣ 1769 г. сдѣлали набѣгъ крымскіе татары; они проникли въ Екатеринославскую провинцію и около мѣсяца разбойничали въ предѣлахъ Россіи; на мѣстахъ находились лишь незначительныя военныя команды и онѣ удерживали татаръ, сколько могли; погибло до 200 чел., до 2.000 уведено въ плѣнъ, угнано свыше 30.000 головъ скота, сожжено до 1.200 дворовъ. Это былъ уже послѣдній въ русской исторіи татарскій набѣгъ! — впрочемъ, съ того времени не прошло еще и 150 лѣтъ.

Съ началомъ 1769 г. выступили въ поле двѣ арміи: кн. А. М. Голицына, силою до 80.000 человѣкъ, и гр. П. А. Румянцева, силою около 40.000 чел.; еще 40.000 охраняли границы Россіи около Азова и со стороны Кавказа. Голицынъ дѣйствовалъ медленно; онъ производилъ осторожныя операціи около турецкой крѣпости Хотина и овладѣлъ ею, когда турецкій гарнизонъ покинулъ крѣпость, недостаточно снабженную припасами. Послѣ этого кн. Голицынъ былъ съ почетнымъ награжденіемъ отозванъ отъ арміи, начальникомъ главныхъ силъ назначенъ Румянцевъ, а его бывшая армія подчинена гр. П. И. Панину. Румянцевъ обнаружилъ замѣчательныя дарованія полководца. Когда армію пришлось размѣстить на зимнія квартиры, онъ умѣлъ обставить солдатъ такъ, что почти не было среди нихъ эпидемическихъ заболѣваній, которыя въ ту эпоху жестоко свирѣпствовали въ случаяхъ большого скопленія войскъ въ одномъ мѣстѣ; прибывавшія изъ Россіи части Румянцевъ дѣятельно подготовлялъ къ предстоящему походу. 23 апрѣля 1770 г., въ день св. Георгія Побѣдоносца, Румянцевъ двинулся впередъ. 23 мая онъ получилъ отъ императрицы письмо: «Не спрашивали римляне, когда гдѣ ихъ было два или, много, три легіона, въ какомъ числѣ противъ нихъ непріятель, но гдѣ онъ?—наступали на него и поражали, и немногочисленіемъ своего войска побѣждали многособранныя противъ нихъ толпы; а мы—русскіе; милости Божескія за правость нашу въ сей войнѣ съ нами, я васъ имѣю надъ войскомъ командиромъ, храбрость войскъ извѣстна; итакъ, я, о благополучнѣйшихъ успѣхахъ моля Всевышняго, надѣюсь на Его покровительство».

Въ началѣ іюля Румянцевъ на берегахъ р. Ларги встрѣтился съ войскомъ крымскаго хана, и 7 іюля, имѣя всего 23.000 чел., одержалъ полную побѣду надъ 80.000 татарскимъ войскомъ. Съ удивительно вѣрнымъ расчетомъ двинулъ онъ войска въ атаку непріятельскаго лагеря, начальники отдѣльныхъ отрядовъ замѣчательно точно выполнили приказанія вождя — они были очень

просты и ясны,—солдаты и офицеры проявили поразительную храбрость. За эту побѣду Румянцевъ получилъ I степени только что учрежденнаго ордена св. Георгія; онъ былъ первымъ кавалеромъ этого почетнѣйшаго ордена. Слухъ о пораженіи крымскаго хана побудилъ визиря, медленно переправлявшагося черезъ Дунай, быстрѣе двинуться противъ русскихъ. 21 іюля Румянцевъ, имѣя лишь 20.000 чел.,—нѣкоторую часть своихъ силъ онъ долженъ былъ отрядить для охраны противъ татаръ — встрѣтилъ на берегу р. Кагула войско визиря, въ которомъ считалось не менѣе 150.000 чел., правда, наполовину нерегулярныхъ войскъ. Визирь не допускалъ и мысли, чтобы совершенно незначительная колонна русскихъ рѣшилась его атаковать, и не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности. Но Румянцевъ снова напалъ съ невѣроятною смѣлостью и съ удивительною стремительностью; онъ самъ былъ въ огнѣ и среди рукопашной схватки, въ которую скоро обратилась эта битва, и опять русскіе одержали полную побѣду. Изъ ставки визиря Румянцевъ послалъ донесеніе императрицѣ. «Да позволено мнѣ будетъ, всемилостивѣйшая государыня,—писалъ онъ между прочимъ,—настоящее дѣло уподобить дѣламъ древнихъ римлянъ, коимъ Ваше Императорское Величество велѣли мнѣ подражать: не такъ ли армія Вашего Императорскаго Величества теперь поступаетъ, когда не спрашиваетъ, какъ великъ непріятель, а ищетъ только, гдѣ онъ». Румянцевъ объѣзжалъ войска и благодарилъ ихъ; «Ты прямой солдатъ!», кричали ему солдаты, обожавшіе своего вождя; императрица произвела Румянцева въ фельдмаршалы.

Нѣсколько ранѣе была одержана важная побѣда русскимъ флотомъ, но извѣстіе о ней дошло въ Петербургъ уже послѣ донесеній о побѣдахъ при Ларгѣ и Кагулѣ.

Въ самомъ началѣ войны рѣшено было снарядить эскадру въ Средиземное море, въ расчетѣ поднять противъ Турціи грековъ и южныхъ славянъ, о которыхъ—надо замѣтить—были въ то время лишь очень неясныя и сбивчивыя свѣдѣнія. Главнымъ начальникомъ всей экспедиціи былъ назначенъ гр. А. Г. Орловъ, ближайшими его помощниками было нѣсколько опытныхъ моряковъ изъ русскихъ и изъ англичанъ, приглашенныхъ на русскую службу. Экспедиція встрѣчена была въ Европѣ съ нескрываемою насмѣшкою; никто не думалъ, что русскій флотъ сколько-нибудь серьезная величина. Однако русскіе корабли благополучно обогнули Европу и въ началѣ 1770 г. появились въ водахъ Архипелага. Сухопутныхъ предпріятій экспедиція не могла организовать, не имѣя достаточныхъ силъ для десанта, но крейсируя около Дарданеллъ затрудняла торговое движеніе. Здѣсь гр. Орловъ нашелъ турецкій флотъ, стоявшій въ узкомъ проливѣ между берегомъ Малой Азіи и островомъ Хіосомъ; 24 іюня произошло столкновеніе, послѣ котораго турецкій флотъ, сильно постра-

давшій отъ возникшаго на немъ пожара, скрылся въ сосѣднюю бухту Чесменскую. На военномъ совѣтѣ начальниковъ русской эскадры рѣшено было сжечь турецкій флотъ — и 26 іюня весь русскій флотъ вошелъ тоже въ гавань, затѣмъ охотники лейтенантъ Ильинъ и кн. Гагаринъ и двое англичанъ, Дугласъ и Мекензи, на особыхъ поромахъ, нагруженныхъ смолою, сѣрой, порохомъ и другими легковоспламеняемыми горючими матеріалами, направились къ турецкимъ кораблямъ; не обращая вниманія на сильный огонь непріятеля, они достигли линіи его судовъ, особыми приспособленіями прикрѣпили къ деревяннымъ кораблямъ свои брандеры, подожгли ихъ и отчалили въ шлюпкахъ. Быстро распространился пожаръ съ подожженнаго корабля на другіе—и къ вечеру 26 іюня турецкій флотъ былъ совершенно уничтоженъ; уцѣлѣлъ отъ огня лишь одинъ корабль, но и онъ сталъ добычею русскихъ.

Императрица съ искреннею радостью и съ большою пышностью праздновала эти побѣды; не только совершались благодарственныя молебствія, устраивались иллюминаціи, не только щедро награждены были всѣ участники битвъ и вѣстники побѣдъ,—императрица съ однимъ изъ такихъ извѣстій вышла изъ внутреннихъ покоевъ къ собравшимся на куртагъ и сама не разъ повторила подробности полученныхъ донесеній; за торжественнымъ обѣдомъ она оказала особое вниманіе престарѣлой матери фельдмаршала Румянцева и въ особенно милостивыхъ выраженіяхъ пила за здоровье побѣдителя; по случаю Чесменской побѣды было устроено своего рода торжественное прославленіе основателя русскаго флота, Петра Великаго.

Исходъ войны послѣ кампаніи 1770 г. былъ ясенъ, но еще не близокъ; война длилась послѣ того еще четыре года, и русское оружіе имѣло постоянно перевѣсъ, испытавъ лишь нѣсколько незначительныхъ неудачъ. Турки не выставляли болѣе въ открытое поле значительныхъ армій, а ограничивались обороною крѣпостей по Дунаю; тѣмъ не менѣе, нѣсколько турецкихъ корпусовъ были разбиты и въ открытомъ полѣ, и Румянцевъ переходилъ неоднократно за Дунай; подъ начальствомъ Румянцева особенно выдвинулись генералъ Вейсманъ, убитый потомъ подъ Силистріей, Г. А. Потемкинъ и А. В. Суворовъ. Кн. В. М. Долгоруковъ, смѣнившій въ 1771 г. гр. П. И. Панина въ командованіи второю арміей, проникъ въ Крымъ, занялъ въ немъ важные пункты и достигъ того, что крымскіе татары согласились отложиться отъ Турціи и просили Россію содѣйствовать признанію ихъ независимыми. Вопросъ объ этомъ и былъ затѣмъ главнымъ спорнымъ пунктомъ на мирныхъ переговорахъ, которые въ 1772 г. велись въ Фокшанахъ, гдѣ русскими уполномоченными были гр. Г. Г. Орловъ и Обресковъ и гдѣ переговоры не привели къ положительнымъ результатамъ, а затѣмъ—на переговорахъ въ 1774 г., когда ихъ велъ самъ Румянцевъ. Турки

отлично понимали, что ихъ согласіе на независимость Крыма равносильно признанію ими себя не въ силахъ удержать въ своей власти сѣверный берегъ Чернаго моря, и что независимый отъ Турціи Крымъ очень скоро перейдетъ во власть Россіи. По тѣмъ же самымъ основаніямъ съ русской стороны особенно настаивали на этомъ пунктѣ, указывая на то, что, давши уже крымскимъ татарамъ обѣщаніе добиться ихъ независимости, Россія не можетъ не исполнить этого обѣщанія. 5 іюля 1774 г. Румянцевъ согласился на просьбу визиря начать мирные переговоры, но только съ тѣмъ, что военныя дѣйствія не будутъ прекращены на ихъ время и что миръ будетъ заключенъ къ 10 іюля—и въ полномъ смыслѣ слова подъ громъ орудій миръ былъ, дѣйствительно, под-

Часть Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора.
Оригиналъ хранится въ Москвѣ въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

писанъ 10 іюля 1774 г. близъ Силистріи, въ дер. Кучукъ-Кайнарджи. Россія получила Азовъ, Керчь, Еникале, Кинбурнъ, области въ Кабардѣ, значительныя торговыя льготы и $4^1/_2$ милл. руб. контрибуціи; крымскіе татары признаны независимыми; всѣмъ турецкимъ подданнымъ, возстававшимъ въ теченіе войны противъ своего правительства, обезпечено полное прощеніе. Этотъ миръ былъ отпразднованъ въ Москвѣ въ 1775 г. тѣмъ болѣе пышно, что къ этому времени удалось покончить и другія серьезныя и трудныя дѣла, возникшія въ теченіе войны.

Россію во время этой войны посѣтила въ небывалыхъ размѣрахъ чума. И ранѣе эта ужасная болѣзнь сопровождала каждую войну съ Турціей: она всегда развивалась на театрѣ войны вслѣдствіе совершеннаго отсутствія санитарныхъ предосторожностей;

во внутреннюю Россію, однако, чума обыкновенно не проникала, поражая лишь нѣкоторыя пограничныя области. Но теперь сношенія арміи со страною были слишкомъ часты и продолжительны, и чума была занесена въ глубь Россіи. Уже въ 1770 г. она появилась въ Кіевѣ, Сѣвскѣ и другихъ городахъ этого района; въ декабрѣ 1770 г. умерло нѣсколько человѣкъ непонятою тогда болѣзнью въ Москвѣ въ военномъ госпиталѣ; скоро эту болѣзнь пришлось признать очень заразительною и чрезвычайно опасною. Главнокомандующій въ Москвѣ, престарѣлый фельдмаршалъ гр. П. С. Салтыковъ, доносилъ императрицѣ о положеніи Москвы въ успокоительномъ топѣ, а затѣмъ сообщилъ о полномъ прекращеніи болѣзни. Однако онъ очень ошибся: вѣроятно, подчиненные до извѣстной степени скрывали отъ Салтыкова истину, а врачи и дѣйствительно не умѣли опредѣлить, съ чѣмъ приходится имѣть дѣло. Въ февралѣ 1771 г. болѣзнь вдругъ съ большою силою вспыхнула на суконной фабрикѣ: шерсть получалась съ юга, а сама шерсть и шерстяныя матеріи особенно способны сохранять и передавать такого рода заразу. Рабочіе этой фабрики въ страхѣ разсѣялись по всему городу, и по всей Москвѣ болѣзнь стала прогрессировать съ ужасающей быстротою. Трудно вообразить себѣ условія, болѣе благопріятныя для развитія ея, чѣмъ тѣ, какія были въ Москвѣ. Въ огромномъ городѣ не было и рѣчи о какомъ-либо санитарномъ надзорѣ, о какихъ-либо мѣрахъ предосторожности; на всю Москву не было и десяти докторовъ; существа болѣзни никто не зналъ, способы борьбы съ нею были совершенно неизвѣстны; всѣ предохранительныя мѣры ограничивались совѣтомъ нюхать чеснокъ и деготь или уксусъ; о заразительности чумныхъ больныхъ, особенно же о заразительности вещей, остававшихся послѣ умершихъ, лишь немногіе имѣли ясное понятіе; умершихъ хоронили въ самомъ городѣ около церквей, въ наскоро вырытыхъ неглубокихъ могилахъ. Болѣзнь быстро приняла ужасные размѣры: къ лѣту умирало уже свыше 200 чел. въ день, а къ осени—почти по тысячѣ. Жителей охватила паника; кто могъ, уѣзжалъ изъ города, оставалась по преимуществу наиболѣе бѣдная и наименѣе просвѣщенная часть населенія, и — какъ всегда бываетъ при такого рода бѣдствіяхъ — распространялись самые нелѣпые слухи о мнимыхъ виновникахъ мора и объ умышленномъ отравленіи людей. Чернь волновалась, дурные инстинкты толпы готовы были проявиться во всемъ своемъ безобразіи — и когда зараза достигла особенной силы, и столица была покинута почти всѣми представителями власти и самимъ главнокомандующимъ, а архіепископъ Амвросій принялъ мѣры, чтобы прекратить сборища у Варварскихъ воротъ, гдѣ предъ образомъ Боголюбской Богородицы, по слухамъ о какихъ-то чудесахъ отъ него, служили молебны огромныя толпы и этимъ лишь способствовали распространенію заразы—въ Москвѣ 15 сентября 1771 г. вспыхнулъ бунтъ.

Толпа пьяныхъ, обезумѣвшихъ отъ продолжительнаго страха людей, рѣшила убить архіепископа. Во всей Москвѣ въ это время оказалось едва 100 чел. солдатъ: всѣ остальные изъ небольшого гарнизона были въ окрестностяхъ на карантинахъ, поставленныхъ по всѣмъ дорогамъ; съ такими силами предотвратить убійство не удалось. 16 сентября буяны отыскали Амвросія въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ онъ укрылся, и звѣрски убили его. На другой день толпа стала ломиться въ Кремль, требуя уничтоженія карантиновъ, запрещенія лѣкарямъ морить народъ и освобожденія всѣхъ, захваченныхъ въ послѣдніе дни за буйство; но генералъ Еропкинъ, имѣвшій повелѣніе императрицы принять въ свое особое вѣдѣніе всѣ мѣры по борьбѣ съ чумой, собралъ уже до 300 солдатъ и разсѣялъ толпу пушечными и ружейными выстрѣлами; свыше 100 чел. было убито, 249 арестовано; остальные разбѣжались и болѣе не было уже попытокъ произвести безпорядокъ.

Уже за нѣсколько дней до этого печальнаго происшествія въ Петербургѣ были очень встревожены донесеніями отъ Салтыкова, который вдругъ сталъ слать вѣсти весьма безпокойныя, тогда какъ до того времени представлялъ положеніе столицы въ свѣтѣ слишкомъ розовомъ. Императрица съ самаго начала болѣзни въ Москвѣ отнеслась къ этому очень серьезно; она старалась не обнаруживать никакого безпокойства, въ письмахъ къ своимъ иностраннымъ корреспондентамъ отрицала самое существованіе въ Москвѣ какой-либо странной и опасной болѣзни, но въ то же время настаивала на усиленныхъ мѣрахъ предосторожности и даже на полной изоляціи Москвы, но Салтыковъ постоянно противился такимъ мѣропріятіямъ, находя, что примѣненіе ихъ къ такому большому городу, какъ Москва, совершенно невозможно. Теперь, когда положеніе въ Москвѣ оказалось критическимъ, Екатерина пожелала сама отправиться туда, чтобы на мѣстѣ принимать необходимыя мѣры; отъ этого рѣшенія ее отговорили въ Совѣтѣ, и въ Москву поѣхалъ съ чрезвычайными полномочіями гр. Г. Г. Орловъ. Съ большою отвагою этотъ дѣйствительно безстрашный человѣкъ рѣшился подвергнуться всѣмъ опасностямъ пребыванія въ самомъ очагѣ заразы, которыя и въ дѣйствительности были ужасны, а казались еще ужаснѣе. Прибывъ въ Москву, Орловъ энергичными мѣрами быстро возстановилъ тишину и порядокъ; особенное вниманіе обратилъ онъ на санитарныя мѣропріятія—съ этого именно времени запрещено было хоронить умершихъ внутри городовъ около церквей. Болѣзнь утихла сравнительно быстро; однако въ разныхъ мѣстностяхъ около Москвы она держалась нѣсколько лѣтъ, то ослабѣвая, то вновь вспыхивая. Предосторожности противъ распространенія заразы были принимаемы до сентября 1776 г., и только тогда болѣзнь признана была окончательно прекратившеюся. Число жертвъ этой чумы съ точностью опредѣлить едва ли возможно; во всякомъ случаѣ оно было

очень велико. Когда императрица въ одномъ изъ писемъ къ Гримму говоритъ, что чума унесла не менѣе 100.000 чел., она, вѣроятно, близка къ истинѣ и, навѣрно, не преувеличиваетъ.

Едва кончились тревоги по поводу Москвы, какъ возникли новыя, и сильнѣйшія, безпокойства: въ областяхъ Яицкаго, нынѣ Уральскаго, казачьяго войска вспыхнуло возмущеніе, развившееся въ большой и опасный бунтъ. Много обстоятельствъ сложилось особенно неблагопріятно, и въ результатѣ ихъ достигла такого сильнаго развитія такъ называемая Пугачевщина. Изъ этихъ обстоятельствъ главнымъ, безспорно, было вообще тяжелое положеніе низшаго класса и крайняя его невѣжественность, благодаря которой массы считали Пугачева дѣйствительно императоромъ: когда стало извѣстно о его намѣреніи вступить въ бракъ, то множество народа искренно выражало наивное недоумѣніе, какъ это можетъ быть, когда государыня Екатерина Алексѣевна жива; имѣются и другія доказательства, что очень многіе вѣрили въ то, что Пугачевъ есть императоръ Петръ Ѳеодоровичъ. Главную роль въ бунтѣ играло казачество и инородческое населеніе юго-восточныхъ областей Россіи. Восточныя окраины Россіи въ теченіе всего XVIII в. представляли собою области еще далеко незамиренныя: до 90-хъ годовъ XVIII ст. ежегодно десятки и, вѣроятно, даже сотни русскихъ людей были уводимы въ плѣнъ кочевниками; мѣстные инородцы жили еще въ понятіяхъ кровавой мести и съ неудовольствіемъ подчинялись законной власти, шедшей въ разрѣзъ съ такими понятіями. Многія требованія, исполненіе которыхъ совершенно необходимо въ сколько-нибудь цивилизованномъ обществѣ, вызывали среди нихъ глубокое недовольство. Естественно, что въ такую среду селились и русскіе люди, приблизительно такъ же смотрѣвшіе на жизнь; сюда шли самые неспокойные элементы, люди, которые не дорожили мирною, трудовою жизнью, не были способны накоплять богатства, а искали быстрой смѣны отдыха разгуломъ и готовы были легкомысленно спускать то, что попадало въ ихъ руки путемъ грабежа и насилій. Конечно, и администрація этихъ областей была наихудшею администраціею тогдашней Россіи; въ такіе отдаленные, безпокойные и вмѣстѣ скучные пункты и тогда не шли, какъ не идутъ и теперь, элементы хорошіе, находящіе приложеніе своимъ силамъ и способностямъ въ условіяхъ гораздо болѣе пріятныхъ. Насъ не удивляетъ поэтому, что казаки были недовольны многими дѣйствіями представителей центральной власти. Еще съ конца царствованія Елизаветы Петровны шли у казаковъ длинные споры съ мѣстною администраціею, доходившіе иногда до вооруженныхъ столкновеній. Съ началомъ турецкой войны рѣшено было двинуть въ армію часть казацкаго войска, переформировавъ и перевооруживъ его примѣнительно къ новымъ порядкамъ, введеннымъ въ русской арміи, и на этой почвѣ возникло множество недоразумѣній. Казаки

слали въ Петербургъ съ особыми ходоками жалобы; но въ Петербургѣ не склонны были допускать возраженія противъ недавно введенныхъ порядковъ, а казаки не желали подчиняться новымъ требованіямъ и находились въ состояніи сильнаго броженія. Въ 1771 г. казаки почти совсѣмъ не исполнили приказанія содѣйствовать удержанію калмыковъ, когда эти, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ предѣлахъ Россіи, въ количествѣ до 200.000 чел. покинули русскіе предѣлы и ушли въ среднеазіатскія степи. Въ томъ же 1771 г. при одной вспышкѣ разногласій съ властями былъ убитъ казаками ген. Траубенбергъ; наказаніе виновныхъ не заставило массу покориться, а лишь болѣе ее озлобило. Наконецъ, мѣры, принимавшіяся противъ распространенія чумы, вызвали здѣсь одно раздраженіе, и почти полное отсутствіе въ провинціи военныхъ силъ, отвлеченныхъ войною съ Турціей, придавало смѣлость всѣмъ, кто не дорожилъ своимъ покоемъ и не склоненъ былъ щадить покой другихъ. Только въ самой значительной крѣпости края, въ Оренбургѣ, было подъ ружьемъ до 3.000 чел., въ другихъ укрѣпленіяхъ края гарнизоны считались десятками человѣкъ, въ внутреннихъ же городахъ имперіи не было и такихъ командъ. И когда создалось такое положеніе, что противъ значительной шайки, нападавшей вооруженною силой на города и даже укрѣпленія, приходилось выдвигать едва сотни человѣкъ, а иногда и десятки, притомъ почти исключительно инвалидовъ, то совершенно естественно, что разбои могли достигнуть размѣровъ весьма значительныхъ. Такъ въ дѣйствительности и случилось. Давнее тяжелое положеніе крестьянъ, съ полнымъ основаніемъ недовольныхъ своимъ состояніемъ, ихъ полное невѣжество, существованіе буйнаго элемента, казачества, къ этому времени особенно раздраженнаго, полное обнаженіе обширныхъ областей отъ всякой организованной военной силы,—все это вмѣстѣ создало возможность тѣхъ ужасныхъ сценъ, какія разыгрались во время Пугачевщины. Бурное движеніе готово было проявиться — и вспыхнуло, какъ только нашелся человѣкъ, около котораго оно могло сколько-нибудь соорганизоваться. Такимъ человѣкомъ оказался донской казакъ Зимовейской станицы Емельянъ Пугачевъ.

Пугачевъ родился въ 1740 г.; съ 17-ти лѣтъ онъ несъ обязательную для казаковъ военную службу, былъ въ походахъ Семилѣтней войны, затѣмъ въ Польшѣ, наконецъ въ турецкой войнѣ. Здѣсь онъ расхворался и былъ отпущенъ домой; въ 1770 г. онъ помогалъ одному своему свойственнику, задумавшему бѣжать на Кавказъ, но побѣгъ не удался; Пугачевъ былъ арестованъ. Изъ-подъ ареста онъ скоро бѣжалъ и больше двухъ лѣтъ бродилъ по разнымъ мѣстамъ южной Россіи, отъ Днѣпра до Урала; онъ мечталъ собрать толпу казаковъ и уйти на Кубань, въ турецкія владѣнія. Въ самое тревожное время, въ ноябрѣ 1772 г., когда при-

шло рѣшеніе по дѣлу объ убійствѣ Траубенберга, Пугачевъ былъ въ Яицкомъ городкѣ; тутъ, среди разныхъ толковъ съ недовольными казаками, которые говорили иногда и о слухахъ, будто императоръ Петръ Ѳеодоровичъ живъ, Пугачевъ рѣшился принять на себя имя покойнаго государя. За XVIII в. извѣстно въ Россіи до десятка случаевъ, когда какой-нибудь заболтавшійся въ жизни человѣкъ называлъ себя государемъ; обыкновенно для такихъ самозванцевъ дѣло быстро оканчивалось тѣлеснымъ наказаніемъ и ссылкою. Но теперь мысль выставить въ своей средѣ якобы законнаго государя упала на казачество какъ искра на порохъ. Казаки желали бороться противъ правительства—и человѣкъ, объявившій, что онъ императоръ, былъ какъ нельзя больше желателенъ для нихъ. 17 сентября 1773 г. на хуторѣ казака Толкачева былъ прочитанъ безграмотно написанный отъ имени Петра Ѳеодоровича манифестъ, въ которомъ казакамъ объявлялось, что они жалуемы землями и рыбными ловлями, раскольникамъ, что они жалуемы крестомъ и бородою,—и толпа казаковъ бросилась въ Яицкій городокъ. Такъ началась Пугачевщина.

Движеніе распространилось по среднему теченію Урала. Маленькія крѣпостцы, защищенныя обыкновенно только земляным валомъ или, въ лучшемъ случаѣ, деревяннымъ частоколомъ, и гарнизономъ изъ 20 — 30 инвалидовъ, одна за другою переходили въ руки бунтовщиковъ; они казнили военныхъ начальниковъ съ ихъ семьями, казнили и тѣхъ изъ команды, кто хотѣлъ сохранить вѣрность долгу; большинство командъ присоединялось къ мятежникамъ; въ началѣ октября 1773 г. бунтовщики появились подъ Оренбургомъ и въ теченіе почти полугода пытались имъ овладѣть, но гарнизонъ, съ ген. Рейнсдорпомъ во главѣ, отстоялъ городъ. Какъ всегда бываетъ, возстаніе сопровождалось буйствомъ, насиліями, безсмысленнымъ истребленіемъ имущества.

Въ Петербургъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ пришло 14 октября. Императрица взглянула на все это весьма серьезно. По обсужденіи дѣла въ Совѣтѣ рѣшено было послать противъ мятежниковъ отряды, которые можно было наскоро собрать въ Москвѣ и въ приволжскихъ городахъ; начальникомъ былъ назначенъ ген.-м. Каръ, только что отличившійся въ Польшѣ. Собрать оказалось возможнымъ силы очень небольшія: до 600 регулярныхъ хорошо обученныхъ и вооруженныхъ солдатъ, до 1.600 инвалидовъ и около 1.200 вооруженныхъ крестьянъ. Выѣзжая изъ Москвы, однако, Каръ высказывалъ только опасеніе, какъ бы мятежники не разсѣялись до его прихода на мѣсто. Но когда въ началѣ ноября онъ двинулся къ Оренбургу, то оказалось, что силы мятежниковъ достигаютъ уже 10.000 чел., и Каръ поспѣшно отступилъ, а одинъ отрядъ, высланный имъ впередъ, былъ совершенно истребленъ. Отъ слишкомъ оптимистическаго взгляда на свою задачу Каръ перешелъ сразу въ противоположную крайность, совершенно растерялся и

уѣхалъ въ Москву, гдѣ появленіе его вызвало, съ одной стороны, чрезвычайное смущеніе, а съ другой—негодованіе. Объясненія Кара, въ которыхъ онъ причиною отъѣзда выставлялъ свою болѣзнь, были признаны неудовлетворительными, и онъ былъ исключенъ со службы. Послѣ этой неудачной попытки погасить возстаніе оно вспыхнуло съ большею силой; теперь борьба съ нимъ была поручена маршалу комиссіи уложенія, ген.-пор. А. И. Бибикову.

Бибиковъ прибылъ 25 декабря 1773 г. въ Казань; сюда собрано было уже нѣсколько тысячъ войска. Населеніе обширнаго города было въ ужасномъ страхѣ: мятежныя шайки приближались, а слухи преувеличивали ихъ размѣры и опасность отъ нихъ. Бибиковъ нашелъ положеніе болѣе серьезнымъ, чѣмъ ожидалъ, но онъ не растерялся; спокойною твердостью и энергіей онъ ободрилъ населеніе; дворяне и чиновники выразили готовность принять активное участіе въ борьбѣ и доставленіемъ ратниковъ и личнымъ участіемъ въ походѣ. Донесеніями объ этомъ императрица осталась очень довольна и въ отвѣтномъ рескриптѣ Бибикову, именуя себя тоже казанскою помѣщицею, поручала объявить свое благоволеніе казанскому дворянству и увѣрить его, что она ставитъ своею обязанностью «благосостояніе и безопасность дворянства почитать ничѣмъ нераздѣлимо съ безопасностію императорскаго дома и имперіи». Бибиковъ раннею весною 1774 г. двинулъ къ Оренбургу и къ среднему теченію Урала серьезныя силы; въ серединѣ марта кн. Голицынъ нанесъ мятежникамъ сильнѣйшее пораженіе подъ крѣпостью Татищевой. 23 марта Оренбургъ былъ освобожденъ отъ осады. Пугачевъ, едва ускакавшій подъ Татищевой, бросился теперь къ востоку, а потомъ къ сѣверу, на уральскіе заводы; онъ нашелъ поддержку у башкировъ и у многочисленныхъ заводскихъ крестьянъ. Но теперь движеніе, во главѣ котораго онъ стоялъ, превратилось въ полномъ смыслѣ слова въ разбойничій набѣгъ: толпы Пугачева грабили, что могли, и бѣжали далѣе; силы мятежниковъ были еще такъ велики, что никакое поселеніе, безъ спеціальной воинской силы, не могло его ни отразить, ни удержать; было очевидно, однако, что противъ регулярныхъ войскъ, руководимыхъ такимъ опытнымъ и энергичнымъ генераломъ, какъ Бибиковъ, мятежники не устоятъ. Но 9 апрѣля 1774 г. Бибиковъ умеръ въ Бугульмѣ, приблизительно на полпути между Казанью и Оренбургомъ, куда онъ выѣхалъ, чтобы быть ближе къ мѣсту дѣйствій — и не стало человѣка, объединившаго всѣ мѣропріятія по борьбѣ съ бунтовщиками и дѣйствовавшаго благоразумно и энергично.

Пугачевъ немедленно этимъ воспользовался; онъ круто повернулъ съ Урала и бросился къ Казани. Сюда спѣшили и отряды правительственныхъ войскъ, но мятежники опередили ихъ на одинъ сутки, 12 іюля разграбили казанскій посадъ и удалились, предавъ его пламени; кремль города, куда укрылись жители, уцѣ-

лѣлъ, мятежники не рѣшились ни штурмовать его, ни осаждать, но городъ выгорѣлъ за исключеніемъ едва шестой части. На другой день явился къ Казани Михельсонъ, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ и счастливыхъ предводителей въ борьбѣ противъ Пугачева; онъ и здѣсь нанесъ толпамъ Пугачева сильное пораженіе, но преслѣдовать не могъ, потому что люди были крайне утомлены, а лошади отъ быстраго движенія пали почти всѣ. 15 іюля Пугачевъ, собравъ до 15.000 чел. своего сброда, самъ напалъ на Михельсона подъ Казанью же, но снова былъ рѣшительно разбитъ; до 10.000 чел. сдались Михельсону. Пугачевъ бѣжалъ съ толпою въ 3 или 4 тысячи человѣкъ—и 17 іюля переправился на правый берегъ Волги. Онъ теперь бѣжалъ уже для своего спасенія и, вѣроятно, расчитывалъ на то, что правый берегъ почти лишенъ войскъ, а тѣмъ, которыя сражались съ нимъ ранѣе, переправиться не такъ легко. Здѣсь къ Пугачеву пристали въ большомъ количествѣ крестьяне и по требованію мятежниковъ убили многихъ помѣщиковъ; да и нельзя удивляться что крестьяне въ большинствѣ случаевъ не противились: они всегда и всюду были несравненно слабѣе неожиданно надвигавшейся на нихъ толпы; скорѣе удивительно, что все-таки были случаи, когда крестьяне сопротивлялись и спасали своихъ помѣщиковъ, несмотря на грозившую имъ за это жестокую месть пугачевцевъ. Пугачевъ распространялъ слухи, что хочетъ итти на Москву, и вызвалъ этимъ великій переполохъ въ дворянствѣ центральныхъ губерній, но въ дѣйствительности онъ просто стремился спастись по дорогѣ, свободной отъ войскъ, на Донъ, гдѣ надѣялся найти поддержку у казаковъ. Пройдя по дорогѣ къ западу отъ Казани всего 150 вер., Пугачевъ круто повернулъ на югъ; онъ быстро прошелъ, сжигая и грабя, что можно, и жестоко истребляя помѣщиковъ и чиновниковъ, черезъ города Цивильскъ, Курмышъ, Алатырь, Саранскъ, Пензу, Саратовъ. Подъ Царицынымъ его догналъ Михельсонъ и окончательно разсѣялъ его шайку. Пугачевъ съ небольшимъ числомъ спутниковъ переправился снова на лѣвый берегъ Волги, думая спастись въ степяхъ, но былъ выданъ своими ближайшими сообщниками.

Въ Петербургъ извѣстіе о сожженіи Казани и о переправѣ Пугачева на правый берегъ Волги пришло 21 іюля. Оказывалось, что послѣ почти полугодовой борьбы съ мятежниками, они не только не приведены къ покорности, но приближаются къ самому большому и богатому городу имперіи. Положеніе дѣлъ представлялось чрезвычайно опаснымъ. На собраніи Совѣта, немедленно созванномъ, императрица заявила, что намѣрена ѣхать сама въ Москву и оттуда руководить борьбою. О сужденіяхъ въ этомъ засѣданіи и въ ближайшее послѣ него время мы случайно имѣемъ два совершенно интимныхъ письма: Н. И. Панина къ брату, П. И. Панину, и самой Екатерины къ Г. А. Потемкину. Не-

подлежитъ никакому сомнѣнію, что и Н. И. Панинъ и Екатерина писали, не думая, что письма эти станутъ извѣстны впослѣдствіи тысячамъ людей, и потому писали совершенно откровенно; и письма ихъ чрезвычайно любопытны.

Н. И. Панинъ пишетъ, что заявленіе императрицы вызвало у членовъ Совѣта «безмолвіе великое»; когда долго никто ничего не говорилъ, государыня, по словамъ Панина, «къ нему одному обратясь, съ большимъ вынужденіемъ требовала», чтобы онъ ей «сказалъ, хорошо или дурно она сіе сдѣлаетъ»; онъ отвѣтилъ, «что не токмо не хорошо, но и бѣдственно въ разсужденіи цѣлости всей имперіи, что когда она такимъ образомъ займется безпосредственно волнованіемъ одной столь презрительной черни, тогда начнется неизбѣжно разрушеніе и погибель всей Россійской монархіи, и что не можетъ быть истиннаго сына отечества, который бы хотѣлъ дожить до сего злоключительнаго пункта. Ея Величество тутъ съ чувствительнымъ движеніемъ доказывала, какую пользу произвесть можетъ ея повсюду присутствіе, и весьма противъ меня подкрѣпляема была Г. А. Потемкинымъ»; остальные молчали или говорили нерѣшительно. «Ты легко, мой любезный другъ,—продолжаетъ Панинъ,—познаешь, какъ мой духъ распаленъ былъ... Я рѣшился на слѣдующій поступокъ. Послѣ обѣда взялъ фаворита (т.-е. Потемкина) особенно и, облича дерзость его мыслей, которой ни лѣта, ни практика ему не могутъ дозволить, и повторя резоны, мною сказанные, угрожающіе разрушеніемъ имперіи, объявилъ ему, что на отвращеніе сего я самъ рѣшился ѣхать противъ Пугачева, или отвѣтствовать за тебя, мой любезный другъ, что ты при всей своей дряхлости возьмешь на себя спасать отечество, хотя бы то надобно тебя на носилкахъ нести (гр. П. И. Панинъ жестоко страдалъ, повидимому, ревматизмомъ), если только государыня того желаетъ, или же она никого лучше тебя избрать не можетъ, и чтобы онъ пошелъ съ симъ моимъ объявленіемъ къ Ея Величеству. Я скоро потомъ вошелъ самъ къ ней и то же самое пересказалъ. Излишне будетъ подробно описывать всѣ тѣ разговоры, которые при семъ происходили, а довольно только сказать, что государыня, будучи весьма растрогана симъ моимъ поступкомъ, божилась предо мною, что она никогда не умаляла своей къ тебѣ довѣренности, что она совершенно увѣрена, что никто лучше тебя отечество не спасетъ»...; «я завтрашній день испросилъ себѣ на примышленіе обряда, съ каковымъ тебѣ поручено быть должно сіе дѣло, послѣ завтра же съ онымъ ѣду въ Петербургъ». Послѣ 28 іюня 1762 г. императрица Екатерина едва ли переживала другой столь же напряженный день. На назначеніе П. И. Панина съ очень широкими полномочіями Екатерина согласилась болѣе неохотно, чѣмъ показалось Н. И. Панину. Вотъ что писала она Потемкину, вѣроятно, 16 іюля: «Увидишь, голубчикъ, изъ приложенныхъ при семъ штукъ, что господинъ графъ Панинъ изъ братца своего

изволитъ дѣлать властителя съ безпредѣльною властью въ лучшей части имперіи, т.-е. Московской, Нижегородской, Казанской, Оренбургской губерніи, а sous-entendu есть и прочія; что если сіе я подпишу, то не токмо князь Волконскій (тогдашній главнокомандующій въ Москвѣ), но я сама ни малѣйше не сбережена, но предъ всѣмъ свѣтомъ перваго врага и мнѣ персональнаго оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ имперіи хвалю и возвышаю».

Эти два письма, безусловно интимныя и, слѣдовательно, правдивыя, представляютъ высокій историческій интересъ. Они не одинаково изображаютъ моментъ—какъ и при всякомъ спорѣ, при всякомъ разногласіи каждая сторона чувствуетъ пунктъ разногласія по-своему; положеніе Екатерины менѣе выгодно, потому что оказались безуспѣшными всѣ прежде взятыя мѣры, принимавшіяся ею самою. Это, дѣйствительно, смутило ее, она не нашла въ себѣ силы и теперь дѣйствовать единственно по собственному усмотрѣнію и склонилась—хотя не безъ колебанія—послѣдовать совѣту человѣка, которому она привыкла вѣрить, котораго всегда уважала; не легко далось ей это рѣшеніе, но мы не видимъ тутъ у Екатерины опасенія за себя; одна не совсѣмъ ясная фраза въ такой наскоро написанной запискѣ свидѣтельствуетъ лишь о волненіи писавшаго. И Екатерина и Панинъ тревожились по вопросу, который одинъ былъ важенъ для нихъ обоихъ, по вопросу: вѣрное ли принято рѣшеніе въ этомъ исключительной важности случаѣ; ни изъ того, ни изъ другого письма нельзя вывести, чтобы по существу вопросъ шелъ не о томъ, о чемъ прямо говорится, а о чемъ-то другомъ, — о борьбѣ Екатерины и Панина за первую роль, какъ иногда истолковываютъ этотъ, къ тому же вообще исключительный, моментъ. Этого не было. Екатерина и ея ближайшій совѣтникъ имѣли предъ глазами одну цѣль, ту самую, о которой они и говорили: прекратить бѣдственное для государства возстаніе и привести дѣла въ нормальный порядокъ.

Черезъ день наступило начало успокоенія, и Екатерина называла этотъ день счастливѣйшимъ своей жизни: курьеръ отъ Румянцева привезъ вѣсть о заключеніи мира и о томъ, что уже ѣдетъ на мѣсто бунта Суворовъ, котораго императрица давно желала послать туда; раньше его не отпускалъ Румянцевъ, утверждая, что Суворовъ необходимъ при арміи. Еще 21 іюля на лошадяхъ были двинуты нѣкоторыя пѣхотныя части въ Москву; теперь направлены были на востокъ и новыя силы.

29 іюля состоялось назначеніе П. И. Панина; 2 августа рескриптъ объ этомъ пришелъ къ нему въ Москву; онъ собиралъ здѣсь и направлялъ войска, 17 августа выѣхалъ самъ; на театръ дѣйствій онъ прибылъ въ концѣ августа, когда Суворовъ и Михельсонъ уже доканчивали уничтоженіе шаекъ Пугачева: 2 октября прибылъ Панинъ въ Симбирскъ, а наканунѣ сюда привезенъ

былъ Пугачевъ; Суворовъ неотлучно слѣдовалъ у самой той телѣги, въ которой везли самозванца; по ночамъ стоянки освѣщались факелами. Пугачевъ былъ доставленъ въ Москву; подъ общимъ руководствомъ генералъ-прокурора кн. А. А. Вяземскаго было произведено слѣдствіе о всемъ бунтѣ; по непремѣнной волѣ императрицы пытка не была примѣняема. Затѣмъ изъ членовъ Сената, Синода, президентовъ коллегій и особъ первыхъ трехъ классовъ была образована особая высшая судная комиссія. «Пожалуйста,— писала императрица Вяземскому,—помогайте всѣмъ внушить умѣренность, какъ въ числѣ, такъ и въ казни преступниковъ. Противное человѣколюбію моему прискорбно будетъ. Не должно быть лихимъ для того, что съ варварами дѣло имѣемъ». 29, 30 и 31 декабря происходили засѣданіи судной комиссіи. Пугачевъ и пять главнѣйшихъ его пособниковъ приговорены были къ смертной казни, 25 чел. къ тѣлесному наказанію и каторгѣ. Приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе 10 января 1775 г., при чемъ Пугачевъ, приговоренный къ четвертованію, былъ прямо обезглавленъ и уже послѣ того отсѣчены у него руки и ноги — точно извѣстно, что такъ поступлено было по секретному повелѣнію императрицы.

Послѣ уничтоженія главнаго ядра мятежниковъ, собравшагося около Пугачева, бунтовщики сами стали являться съ повинною, и въ октябрѣ уже не было ничего слышно о разбояхъ; императрица проявила полную готовность прощать бунтовавшихъ. Обширному краю грозилъ голодъ, и императрица приняла рядъ мѣръ къ обезпеченію населенія продовольствіемъ; Панину дано право широко распоряжаться всякими суммами, которыя могли оказаться на мѣстахъ; въ пострадавшихъ отъ бунта мѣстностяхъ временно прекращено было винокуреніе, отсроченъ сборъ всякихъ недоимокъ, и за 1774 г. подати повелѣно собирать только за послѣднюю треть года; кромѣ того, для разныхъ выдачъ имущественно пострадавшимъ былъ отпущенъ отъ казны милліонъ рублей, сумма по тому времени очень значительная.

Въ связи съ турецкою войною велись весьма важные дипломатическіе переговоры между Россіей, Пруссіей и Австріей; они закончились первымъ раздѣломъ Польши, подписаннымъ 25 іюля 1772 года. Установить съ неоспоримою точностью роль и значеніе въ этомъ дѣлѣ каждаго изъ трехъ его участниковъ чрезвычайно трудно; по самому существу дѣла переговоры велись втайнѣ, съ большою осторожностью и каждый изъ трехъ участниковъ не очень довѣрялъ двумъ другимъ: каждый опасался, что два другіе могутъ соединиться и, подѣливъ нѣсколько больше выгодъ между собою, ограничить участіе въ дѣлежѣ третьяго; въ современной перепискѣ по этому дѣлу особенно много недомолвокъ, попытокъ скрыть свои истинныя желанія; впослѣдствіи же дипломаты государствъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, различно рисовали свою роль въ немъ подъ вліяніемъ различныхъ соображеній; къ этому

эпизоду съ особеннымъ основаніемъ могутъ быть примѣнены слова, что языкъ данъ человѣку и для того, чтобъ выражать свои мысли, и для того, чтобъ ихъ скрывать. Мы не будемъ поэтому слѣдить за всѣми перипетіями этихъ переговоровъ, а изложимъ въ краткихъ чертахъ существенные моменты этого событія.

Осенью 1770 года, ознаменованнаго блестящими побѣдами Румянцева, австрійцы заняли нѣсколько пограничныхъ польскихъ округовъ, ссылаясь на свои старыя, къ тому же не безспорныя, притязанія на нихъ. Въ это время въ Петербургѣ гостилъ пр. Генрихъ, братъ короля Фридриха II, и въ одной изъ бесѣдъ съ нимъ императрица, коснувшись этого факта, выразилась, что такъ же могутъ, пожалуй, занять тѣ или другія области Польши и другіе ея сосѣди, потому что такія основанія, какъ у Австріи, найдутся и у другихъ. Съ этого заявленія начались переговоры. Панинъ выждалъ, пока Фридрихъ и австрійскіе дипломаты выскажали свои притязанія, а тогда и онъ со своей стороны опредѣлилъ часть, которую желала получить себѣ Россія, соглашаясь зато ограничить свои требованія отъ Турціи: доставить ей возможно выгоднѣйшій миръ очень старалась Австрія. По соглашенію трехъ дворовъ Австрія получила наибольшую часть, Пруссія—доходную и особенно для нея важную, Россія вернула себѣ тѣ области, которыя въ древнее время составляли часть русской земли: императрица и Панинъ особенно выдвигали, что Россія только возвращаетъ то, что было нѣкогда у нея захвачено; «Отторженная возвратихъ» читается и на медали, вычеканенной по случаю этихъ пріобрѣтеній. Согласіе Польши на отдѣленіе части территоріи было получено лишь 18 сентября 1774 г., послѣ длинныхъ проволочекъ, но безъ рѣшительнаго сопротивленія; фактически отдѣленіе было частію произведено еще въ сентябрѣ 1771 года. Европейскіе дворы отнеслись очень холодно къ протестамъ Польши, которые были представлены имъ.

Въ январѣ 1775 г. императрица прибыла въ Москву и осталась тутъ почти годъ. Къ лѣту пріѣхалъ Румянцевъ—его ожидали, чтобы начать празднованіе мира. Было устроено широкое народное гулянье съ декораціями, долженствовавшими аллегорически изображать славу русскаго оружія и пріобрѣтенія отъ Турціи: Румянцевъ, гр. А. Г. Орловъ, кн. В. М. Долгорукій, кн. А. М. Голицынъ и гр. П. И. Панинъ были щедро награждены титулами, орденами, брильянтовыми шпагами, деньгами и роскошными вещами; всѣ сборы, наложенные спеціально на время войны, были отмѣнены; кромѣ того, отрѣшено около 30 мелочныхъ сборовъ, доставлявшихъ казнѣ всего около 200.000 р. въ годъ, но весьма стѣснительныхъ для населенія и не повсемѣстныхъ. Пребываніе въ Москвѣ очень понравилось императрицѣ Екатеринѣ: она встрѣчала теперь совсѣмъ не тотъ пріемъ, какой видѣла въ 1762 г.

7 ноября 1775 г. Екатерина обнародовала свое знаменитое Учрежденіе для управленія губерній Всероссійской имперіи.

Согласно этому закону имперія дѣлилась на губерніи, а губерніи—на уѣзды такъ, чтобы губернія заключала отъ трехсотъ до четырехсотъ тысячъ жителей, а уѣздъ—отъ 20 до 30 тысячъ; во главѣ губерній ставились губернаторы, и обыкновенно по двѣ губерніи поручались одному намѣстнику или генералъ-губернатору; на эту должность императрица назначала людей, лично ей извѣстныхъ, какъ выдающіеся администраторы—и надо сказать, что выборъ ея въ большинствѣ случаевъ былъ удаченъ. Въ губерніяхъ создавались особыя учрежденія для дѣлъ административныхъ и особыя для судебныхъ; часть служащихъ опредѣлялась по назначенію, часть избиралась мѣстными жителями на основаніи принципа сословности; были созданы особые суды для каждаго сословія: для разбора дѣлъ между казенными крестьянами—нижнія расправы въ уѣздныхъ городахъ и верхнія расправы въ губернскихъ, для дѣлъ городскихъ жителей—городовые магистраты, для суда между дворянами—нижніе уѣздные и верхніе земскіе суды; во всѣ эти суды члены избирались представителями соотвѣтственныхъ сословій; въ каждой губерніи учреждались двѣ палаты: уголовнаго и гражданскаго суда съ назначенными отъ короны членами; въ эти палаты поступали дѣла низшихъ судовъ по апелляціи, на палаты была апелляція въ Сенатъ. Въ каждой губерніи учреждался еще совѣстный судъ, въ которомъ дѣла разбирались въ случаѣ согласія тяжущихся подчиниться рѣшенію этого суда, рѣшенія же въ немъ постановлялись по внутреннему убѣжденію судьи. Административныя обязанности въ уѣздѣ были вручены нижнему земскому суду, съ выборными членами отъ дворянъ, а во всей губерніи—губернскому правленію, съ членами по назначенію. Финансы вѣдались казенными палатами и директорами экономіи, учебная и санитарно-медицинская часть—приказами общественнаго призрѣнія, дѣла по опекѣ надъ малолѣтними—дворянскими опеками и сиротскими судами. Во многихъ провинціальныхъ и уѣздныхъ мѣстахъ введены прокуроры, являвшіеся блюстителями законности; скоро они оказались не на высотѣ задачи, но идея ихъ учрежденія заслуживаетъ полной похвалы.

Губерніи по новому учрежденію открывались постепенно: въ ноябрѣ 1775 г. открыты были двѣ первыя—Тверская и Смоленская, въ 1785 г.—42-ая, Кавказская; затѣмъ послѣдовалъ восьмилѣтній перерывъ, а потомъ съ 1793 по 1796 г. учреждено еще 8 губерній изъ областей, полученныхъ по второму и третьему раздѣламъ Польши.

При многихъ несовершенствахъ устройство это было для своего времени большимъ шагомъ впередъ сравнительно съ тѣмъ, какое имъ замѣнялось. Новыя учрежденія приблизили управленіе къ управляемымъ, и впервые послѣ долгаго промежутка вре-

мени привлечены были къ нѣкоторому участію въ отправленіи государственныхъ функцій представители мѣстнаго общества; если во многихъ случаяхъ они не сумѣли воспользоваться предоставленными имъ правами, то не лишенъ значенія самый фактъ, что правительство вступило на тотъ путь, котораго съ тѣхъ поръ уже не покидало. Учрежденіе о губерніяхъ оказалось очень жизненно: почти безъ всякихъ перемѣнъ дѣйствовало оно около 40 л., а съ незначительными — просуществовало почти столѣтіе, вплоть до реформъ императора Александра II. Чрезвычайно большое значеніе имѣло новое устройство для развитія общественной жизни въ провинціи: періодическіе съѣзды для избранія должностныхъ лицъ сближали общество, создавали общіе интересы, участіе въ дѣлахъ суда и управленія будило мысль; провинціальная жизнь послѣ Учрежденія получила огромное развитіе сравнительно съ временемъ предшествовавшимъ, когда дворяне, попадая въ свои помѣстья, не имѣли тамъ рѣшительно никакихъ общихъ интересовъ и, можно сказать, дичали въ одиночествѣ, такъ какъ чуть не единственными интересами оставались для нихъ тяжбы съ сосѣдями, а развлеченіе можно было искать почти только въ винѣ и охотѣ. Императрица Екатерина при составленіи этого закона въ широкой степени воспользовалась тѣми пожеланіями, которыя были высказаны въ наказахъ членамъ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія и вообще ея работами—этимъ и объясняется примѣнимость и жизненность Учрежденія.

Областная реформа имѣла и другое, весьма важное значеніе. По идеѣ императрицы новыя учрежденія должны были замѣнить центральныя коллегіи; задачи, лежавшія на коллегіяхъ, переходили частями въ вѣдѣніе губернскихъ правленій, палатъ, судовъ и директоровъ экономіи; въ каждой губерніи мѣстныя учрежденія вѣдали теперь тѣ дѣла, которыя прежде рѣшались исключительно и непосредственно въ учрежденіяхъ центральныхъ. Къ концу 80-хъ годовъ, когда новыя учрежденія были введены уже повсюду, коллегіи были постепенно закрыты, кромѣ трехъ: коллегіи иностранныхъ дѣлъ, военной и адмиралтействъ, которыя были сохранены. Это повлекло за собою глубокія послѣдствія, повидимому, не предусмотрѣнныя императрицею. Дѣло въ томъ, что съ уничтоженіемъ коллегій дѣла, нуждавшіяся въ разрѣшеніи Сенатомъ, поступали въ него безъ той предварительной разработки и подготовки, какую получали они прежде въ коллегіяхъ. Приходилось поэтому уже въ Сенатѣ подготовлять ихъ къ слушанію и рѣшенію, принимая во вниманіе представленія разныхъ генералъ-губернаторовъ и взаимныя соотношенія разныхъ вѣдомствъ и мѣстъ, которыхъ могли касаться новыя учрежденія; въ Сенатѣ уже приходилось собирать нужныя справки, согласовать новыя постановленія съ прежними и т. д. Все это перешло въ руки генералъ-прокурора, который былъ начальникомъ и руководи-

телемъ сенатской канцеляріи—и генералъ-прокуроръ мало-по-малу сталъ особымъ самостоятельнымъ органомъ власти, дѣйствующимъ параллельно съ Сенатомъ и въ иныхъ случаяхъ съ такими полномочіями, какія въ XVIII ст. не предоставлялись въ Россіи отдѣльному должностному лицу, а это подготовило постепенно образованіе центральнаго управленія на началахъ министерскихъ.

Императрица Екатерина очень цѣнила свое Учрежденіе о губерніяхъ; она говорила, что это наиболѣе зрѣлое изъ ея произведеній, лучше котораго она уже ничего не создастъ; въ такомъ взглядѣ нельзя не признать значительной доли правды; дѣйствительно, законодательныя работы Екатерины, предпринятыя послѣ Учрежденія, или не были доведены до конца, или не имѣли такого значенія, какъ ея областная реформа. Дѣятельность правительства во вторую половину царствованія Екатерины сосредоточилась, главнымъ образомъ, на проведеніи въ жизнь новой организаціи мѣстнаго управленія съ разными дополнительными къ ней распоряженіями. Наиболѣе крупными законодательными актами этого времени были жалованная грамота дворянству и жалованная грамота городамъ, обѣ изданныя 21 апрѣля 1785 г., но эти узаконенія не вносили чего-либо существеннаго новаго, они лишь систематизировали и подтверждали ранѣе данныя права и преимущества сословій. Дворянству была дарована свобода отъ тѣлесныхъ наказаній, подтверждены всѣ его привилегіи и дано право образовывать губернскія и уѣздныя дворянскія общества съ правами юридическихъ лицъ: они могли имѣть капиталы и совершать разныя дѣянія, направленныя на пользу даннаго общества; губернскія дворянскія собранія получили важное право обращаться съ ходатайствами прямо къ Верховной власти; городскимъ жителямъ дано болѣе законченное гильдейское устройство, намѣченное еще въ 1775 году. 19 февраля 1786 г. было распубликовано Сенатомъ повелѣніе императрицы, чтобы слова «челобитье», «бьетъ челомъ» и подпись «рабъ» такой-то не употреблялись въ дѣловыхъ бумагахъ, а были бы замѣняемы словами «прошеніе», «проситъ» и «вѣрноподданный»; эти измѣненія знаменуютъ, конечно, извѣстное отношеніе государыни къ нѣкоторымъ вопросамъ, но существеннаго значенія не имѣло запрещеніе именоваться «рабомъ», когда существовали милліоны крѣпостныхъ. 28 іюня 1782 г. изданъ былъ манифестъ, распространившій права собственниковъ земли и на всѣ богатства, въ нѣдрахъ ея находившіяся. До того времени минеральныя богатства считались собственностью государства; новое распоряженіе указывало на перемѣну отношенія правительства къ вопросу о частной собственности гражданъ вообще, реальное же значеніе оно имѣло лишь для тѣхъ мѣстностей, гдѣ находились руды, а для остальныхъ оставалось довольно безразличнымъ. 8 октября 1782 г. былъ изданъ Уставъ благочинія или полицейскій, опредѣлившій основы благоустройства городовъ, число которыхъ съ введеніемъ губернской

реформы значительно возросло. За этотъ же періодъ времени былъ проведенъ рядъ финансовыхъ мѣръ, весьма замѣтно отразившихся на народной жизни; но въ отношеніи финансовъ дѣйствія Екатерининскаго правительства было наименѣе успѣшны:многія мѣропріятія въ этой отрасли государственнаго управленія были неудачны, и Россіи въ послѣдующее время долго приходилось считаться съ серьезными затрудненіями, начало которыхъ коренится въ царствованіи Екатерины.

Финансовая система Россіи за все царствованіе Екатерины II покоилась на тѣхъ же основахъ, на какихъ установилъ ее Петръ Великій: главную часть государственныхъ доходовъ доставляли сборы подушные, винные и соляные, всѣ же остальные давали приблизительно четверть бюджета доходовъ. Вся тяжесть обложенія падала, слѣдовательно, на низшій, бѣднѣйшій классъ населенія, и продолжительное сохраненіе такого положенія вещей, возможнаго только при томъ условіи, что не оказывалось новыхъ источниковъ доходовъ, свидѣтельствовало, что въ экономическомъ отношеніи государство не прогрессировало. Въ царствованіе Екатерины всѣ вообще поборы значительно возросли: въ первые годы казна собирала около 16 милл. руб. въ годъ, въ послѣдніе — свыше 70, т.-е. въ четыре съ половиною раза болѣе; населеніе Россіи за время Екатерины II возросло вдвое—слѣдовательно, къ концу царствованія каждому жителю приходилось нести вдвое болѣе тяжелое податное бремя. Расходы возросли еще значительнѣе. Всего болѣе увеличились расходы на внутреннее управленіе: въ началѣ царствованія они составляли менѣе 40% всѣхъ расходовъ, къ концу — 50%; расходы на армію и флотъ, сравнительно, уменьшились: въ началѣ царствованія они были равны 46%, въ концѣ—40%; расходы на дворъ остались въ одной и той же величинѣ — менѣе 10% всего бюджета. По суммѣ расходы приблизительно съ начала турецкой войны превышали доходы, и на покрытіе недостатка правительство Екатерины получало средства путемъ заключенія займовъ, первыхъ въ исторіи Россіи XVIII в.; къ концу царствованія образовался государственный внутренній и внѣшній долгъ въ размѣрѣ около 240.000.000 руб.; такимъ образомъ правительство израсходовало впередъ почти три полныхъ годовыхъ бюджета. Значеніе сказаннаго станетъ яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ настоящее время государственный долгъ Россіи, представляющій сумму колоссальную, равняется, тѣмъ не менѣе, всего четыремъ годовымъ бюджетамъ Россіи, слѣдовательно, за 115 лѣтъ, протекшихъ со времени Екатерины II, пришлось перебрать впередъ, сверхъ того, что было перебрано при ней, всего одинъ годовой бюджетъ.

До извѣстной степени финансовое бремя, возложенное Екатерининскимъ правительствомъ на народъ, искупается тѣми выгодами, какія были пріобрѣтены благодаря войнамъ, для которыхъ, главнымъ образомъ, займы заключались: Россія получила обшир-

ныя области на западѣ и богатѣйшія области по сѣверному берегу Чернаго моря, не говоря уже о томъ, что вся черноземная часть Россіи была избавлена отъ постоянныхъ татарскихъ набѣговъ, чрезвычайно мѣшавшихъ развитію благосостоянія этихъ областей. Но есть всѣ основанія думать, что расходы, необходимые для этихъ войнъ, потрясли государственные финансы Россіи не такъ сильно, какъ чрезвычайно неудачная финансовая операція, совершенная въ 1786 году.

Съ началомъ первой турецкой войны въ Россіи впервые прибѣгли къ выпуску ассигнацій, до того времени въ Россіи обращались только металлическія деньги: золото въ количествѣ совершенно ничтожномъ, серебро—въ довольно ограниченномъ, преобладала же мѣдная монета. Въ виду расходовъ, вызванныхъ войною, рѣшено было выпустить 1 милл. руб. ассигнаціями, обезпечивъ постоянный и безпрепятственный ихъ размѣнъ внесеніемъ въ банкъ такой же суммы мѣдными деньгами. Сравнительно съ мѣдною монетою, чрезвычайно тяжелою и потому неудобною для передвиженія сколько-нибудь значительныхъ суммъ—изъ пуда мѣди чеканилось всего 16 руб.,—ассигнаціи представляли столько удобствъ, что весьма быстро получили очень широкое распространеніе. Правительство получило, такимъ образомъ, значительное подкрѣпленіе своихъ рессурсовъ безъ малѣйшихъ признаковъ неблагопріятнаго вліянія ассигнацій на денежное обращеніе внутри страны. Такой результатъ внушилъ убѣжденіе, что возможны и даже полезны дальнѣйшіе выпуски ассигнацій; къ нимъ стали прибѣгать все чаще и чаще и къ 1774 г. ассигнацій было выпущено уже 20 милл. руб. Въ виду того, что стало замѣтно нѣкоторое паденіе ихъ курса по сравненіи съ серебромъ, правительство заявило, что больше выпускать ассигнацій оно уже не будетъ. Но такъ какъ, параллельно съ паденіемъ курса ассигнацій, возвысились цѣны на всѣ продукты, то для правительства возникли новыя затрудненія, были сдѣланы новые выпуски и къ 1785 г. въ обращеніи было уже свыше 45 милл. ассигнаціями, курсъ же на нихъ все падалъ и финансовыя затрудненія казны увеличивались. Тогда гр. А. П. Шуваловъ представилъ проектъ значительно увеличить количество ассигнацій съ тѣмъ, чтобы раздать крупныя суммы взаемъ дворянамъ и купечеству для развитія сельскаго хозяйства однихъ и торговли другихъ; этимъ имѣлось въ виду создать новыя цѣнности, увеличить богатство страны, а слѣдовательно, и средства государственнаго казначейства. По существу мысль эта вѣрная, но задуманное предпріятіе относится къ числу тѣхъ, въ которыхъ вопросъ объ исполненіи важнѣе, пожалуй, чѣмъ самая идея, положенная въ его основу. Выпустить новыя ассигнаціи было легко; усилить ими обороты страны было возможно, но все же гораздо труднѣе, а какъ это сдѣлать—въ этомъ-то и былъ вопросъ самый существенный и самый трудный; успѣхъ предпріятія все-

го болѣе зависѣлъ отъ того, какъ это будетъ выполнено, достаточно ли обдуманы мѣры, окажется ли, наконецъ, просто умѣнье провести такую крупную финансовую операцію. Между тѣмъ всѣ документы по этому дѣлу, разсмотрѣнные въ Совѣтѣ и имъ принятые, поражаютъ своей неосновательностью, непрактичностью и прямо ошибочными расчетами. Широкія и блестящія перспективы, какія развертывалъ гр. А. П. Шуваловъ, увлекли членовъ Совѣта и восторжествовали подъ возраженіями кн. А. А. Вяземскаго, которыя были по существу справедливы, но очень слабо имъ обоснованы. Согласно утвержденному императрицею 28 іюня 1786 г. докладу было выпущено сразу около 56 милл. руб. ассигнацій, такъ что вся сумма ихъ достигла 100 милл. руб.; изъ этого числа предположено было 22 милл. раздать взаймы дворянству, 11 милл.—купечеству; изъ остальныхъ думали 15 милліоновъ отложить на случай войны, 4 милл. употребить на улучшеніе дорогъ и 6—на погашеніе части государственнаго долга.

Этотъ новый, самый большой выпускъ ассигнацій почти сразу уронилъ ихъ на 10% сравнительно съ прежнею ихъ стоимостью, а черезъ нѣсколько лѣтъ ассигнаціи цѣнились уже на 40% ниже металлическихъ денегъ. Составители проекта, оказывается, совершенно не вѣрно представляли себѣ положеніе денежнаго рынка. Самое же худое было то, что они допустили почти невѣроятную ошибку въ расчетахъ, а именно, представили дѣло такъ, что будто бы казна уже сразу можетъ располагать тѣми суммами, которыя были бы собраны въ теченіе около 20 лѣтъ въ видѣ процентовъ съ тѣхъ 33 милл. руб., которые должны были быть розданы взаемъ дворянамъ и купечеству, при чемъ суммы эти были высчитаны въ предположеніи, что всѣ 33 милл. будутъ помѣщены на проценты сразу и что процентныя деньги будутъ поступать съ совершенною аккуратностью. На дѣлѣ же подъ проценты ничего роздано не было: такъ какъ сочли въ своемъ распоряженіи сразу весьма значительныя средства, то сразу же стали дѣлать разные расходы, на покрытіе которыхъ не было никакихъ другихъ денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя предполагалось раздать для приращенія процентами; онѣ и были издержаны. Къ началу 90-хъ годовъ всѣ вновь выпущенныя ассигнаціи были израсходованы; пришлось опять выпустить новыя вопреки торжественнѣйшему обѣщанію, данному 28 іюня 1786 г., не увеличивать впредь числа ассигнацій; пришлось дѣлать и внѣшніе займы.

Эта-то несчастная операція и разстроила сильнѣйшимъ образомъ все государственное хозяйство послѣдняго десятилѣтія Екатерининскаго царствованія и съ ея послѣдствіями пришлось очень долго считаться государству.

V.

Послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II.

Съ восьмидесятыхъ годовъ начинается послѣдній періодъ царствованія Екатерины II. Императрица приближалась уже къ шестидесятилѣтнему возрасту, утрачивала до нѣкоторой степени свои силы и энергію, не могла уже работать съ прежнею интенсивностью, а слава и успѣхи, какими сопровождалась до этого времени ея дѣятельность, повели къ тому, что она слишкомъ увѣровала въ свои дарованія, въ свою способность торжествовать надъ препятствіями и устранять всякія затрудненія. Она стала слишкомъ высоко цѣнить свою работу, на весьма второстепенныя по своему значенію свои дѣянія смотрѣла какъ на что-то очень важное, и такъ велико было постоянно ея личное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, что съ этого времени замѣчается ослабленіе всей правительственной дѣятельности, и въ жизни государства получаютъ развитіе многія нежелательныя явленія. Реформы, произведенныя Екатериною ранѣе, были, безспорно, весьма важны. Созваніе комиссіи 1767 г. обогатило правительство многими важными свѣдѣніями о внутреннемъ положеніи государства, а депутаты имѣли возможность ознакомиться со многими новыми для нихъ и плодотворными идеями; губернскою реформою былъ сдѣланъ большой шагъ къ упорядоченію провинціальнаго управленія и къ улучшенію нѣкоторыхъ общественныхъ отношеній на всемъ пространствѣ имперіи; но на пути преобразованій императрица слишкомъ рано остановилась: многаго, что было необходимымъ продолженіемъ начатаго, сдѣлано не было. Мѣстному обществу дано было участіе въ управленіи, но коренной недугъ всего тогдашняго государственнаго строя—чрезмѣрно строгое сословное раздѣленіе и безправное положеніе огромнаго большинства подданныхъ— остался въ прежней силѣ. Для устраненія этого не было сдѣлано ничего существеннаго, между тѣмъ какъ съ того времени, когда при Петрѣ III обязательная служба дворянъ была отмѣнена, владѣніе крѣпостными крестьянами перестало быть, какъ было оно прежде, однимъ изъ способовъ вознаграждать помѣщиковъ за службу государству, а обратилось въ привилегію, и, какъ бываетъ со всякой привилегіей, стало развиваться съ особою силой именно въ томъ направленіи, которое было наименѣе желательно и полезно. Когда дворянство было призвано къ участію въ мѣстномъ управленіи, это была, конечно, мѣра крупная и плодотворная, но необходимы были и энергичное руководительство новыми учрежденіями, и строгій надзоръ, чтобы обязанности не разсматривались по старой привычкѣ какъ право, чтобы выборные служили дѣйствительно цѣлямъ государственнымъ и общественнымъ, а не личнымъ или

сословнымъ, не говоря уже о томъ, чтобы они дѣйствовали въ предѣлахъ закона и вообще строго исполняли свои обязанности. Контроль, наблюденіе за органами власти составлялъ самое слабое мѣсто правительственной дѣятельности за все царствованіе Екатерины II; извѣстно много случаевъ большихъ злоупотребленій и очень рѣдко влекли они за собою какія-нибудь послѣдствія для виновниковъ и исправленіе сдѣланнаго зла.

Въ данномъ случаѣ до извѣстной степени вліяли общіе взгляды тогдашнихъ людей, которые были склонны приписывать чрезмѣрную важность той или другой мысли, тому или другому положенію, и думали, что достаточно высказать истину, чтобы ей было обезпечено быстрое торжество, чтобы она быстро вошла въ жизнь и принесла всѣ свои плоды; они почти упускали изъ виду, что часто столь же важенъ самый процессъ осуществленія того, что высказано. Императрица и большинство ея совѣтниковъ были искренно убѣждены, что они сдѣлали если не все, то почти все, и во всякомъ случаѣ исполнили главную часть задачи, когда дали лучшія учрежденія, — и за осуществленіемъ новыхъ законоположеній они слѣдили уже съ ревностью далеко недостаточною. Но даже и помимо такого ошибочнаго взгляда, на ослабленіе правительственной дѣятельности вліяло то, что ни императрица, ни кто-либо изъ ея ближайшихъ сотрудниковъ не обладали въ такой степени административными талантами и энергіей, чтобы заставить дѣйствовать вполнѣ успѣшно такую сложную и громоздкую машину, какою стала тогдашняя администрація Россіи. Если же припомнить, что одновременно съ реформою областного управленія уничтожены были существенно важные органы управленія центральнаго, то намъ не представится страннымъ тотъ фактъ, что къ концу царствованія Екатерины II администрація дѣйствовала далеко не вполнѣ удовлетворительно, и общее положеніе и государства и народа было, пожалуй, тяжелѣе, чѣмъ въ началѣ этого царствованія, проникнутаго, безспорно, наилучшими цѣлями. Безпорядки и въ назначаемой и въ выборной администраціи, медленность въ теченіи дѣлъ, взяточничество и злоупотребленія всякаго рода за послѣднія 15 лѣтъ царствованія Екатерины не ослабѣвали, а развивались. Экономическое положеніе населенія стало тяжело и пришли въ большое разстройство финансы государства, въ зависимости отъ того факта, что съ конца 70-хъ годовъ Екатерина вступила на новый путь въ политикѣ внѣшней. Экономическое развитіе страны давало возможность вести ту традиціонную внѣшнюю политику, какая указывалась Россіи всею ея исторіей, которой и придерживались русскіе государи вплоть до послѣдней четверти XVIII в.; усиліямъ, какихъ требовала отъ государства отъ народа эта политика, удовлетворяли тогдашнія средства Россіи. Вступая на новые пути, начиная политику несравненно болѣе широкую и активную, Екатерина должна была по-

ставить вопросъ: достаточны ли для этого средства тогдашней Россіи, и если уже рѣшалась на болѣе грандіозныя предпріятія, то должна была обратить особенное вниманіе на то, чтобы укрѣпить рессурсы казны и развивать народныя богатства. Этого сдѣлано не было, и экономическое благосостояніе Россіи подверглось большимъ испытаніямъ, такъ что послѣднія 10 — 15 лѣтъ царствованія и въ этомъ отношеніи являются наиболѣе тяжелыми.

Выступить на поприщѣ всемірно-исторической политики съ планами несравненно болѣе широкими, чѣмъ тѣ, которые она унаслѣдовала и проводила ранѣе, императрица была побуждена стеченіемъ многихъ обстоятельствъ. Въ то самое время, когда достигнуты были Россіею противъ Турціи и Польши весьма крупные успѣхи, обстоятельства во всей Европѣ сложились такъ, что давали Россіи полную свободу дѣйствій. Фридрихъ II такъ нуждался въ обезпеченіи пріобрѣтенныхъ имъ ранѣе важныхъ выгодъ, что искалъ во что бы то ни стало союза съ Россіей, и хотя срокъ союза, который былъ заключенъ у него съ Россіей, истекалъ только въ 1772 г., онъ уже въ 1769 г. добился продолженія договора еще на 8 лѣтъ, считая со дня истеченія перваго союза, т.-е. до 31 марта 1780 г.; въ это время уже шла у Россіи война съ Турціей, и Фридрихъ платилъ условленныя субсидіи, но онъ шелъ на то, чтобы и впередъ платить ихъ. Непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ русско-турецкой войны вспыхнуло возстаніе сѣверо-американскихъ колоній Англіи; вскорѣ въ борьбѣ метрополіи съ ними приняла участіе и Франція, и благодаря этому Польша лишилась поддержки своей старинной и вѣрной защитницы, а Россія могла усилить свое вліяніе въ царствѣ до такой степени, что русскій посолъ являлся, можно сказать, русскимъ намѣстникомъ Польши: все дѣлалось здѣсь по волѣ Россіи. Въ 1778 г. въ Германіи чуть не вспыхнула новая война между Пруссіей и Австріей по слѣдующему поводу. Въ концѣ 1777 г. умеръ бездѣтнымъ баварскій курфирстъ, и Австрія возымѣла намѣреніе захватить значительную часть его наслѣдства, явно не желая считаться съ законными правами болѣе близкихъ, но и болѣе слабыхъ родственниковъ умершаго князя; присоединеніе этихъ земель должно было вознаградить Австрію за потери, понесенныя въ борьбѣ съ Фридрихомъ. Со своей стороны король прусскій не желалъ допускать усиленія Австріи, и отношенія обострились до того, что съ обѣихъ сторонъ были выставлены въ поле войска. Фридрихъ убѣждалъ Екатерину вмѣшаться въ это дѣло, толкуя въ такомъ смыслѣ свой договоръ съ Россіею, но Екатерина отказалась исполнить эту просьбу. Тогда Фридрихъ устроилъ такъ, что мелкіе владѣтели, которымъ угрожали притязанія Австріи, представили русской императрицѣ просьбу явиться посредницею въ возникшемъ спорѣ. Этимъ случаемъ Екатерина воспользовалась и отправила въ Германію кн. Н. В. Репнина, вслѣдъ за которымъ долженъ былъ явиться въ Германію и корпусъ

русскихъ войскъ, если бы Австрія настаивала на своихъ притязаніяхъ. Австрія нашла невозможнымъ начинать вооруженную борьбу; споръ рѣшился въ маѣ 1779 г. на конгрессѣ, созванномъ въ г. Тешенѣ: Австрія сдѣлала всѣ уступки, какихъ отъ нея требовали. Такой исходъ вмѣшательства Екатерины былъ, конечно, крупнымъ успѣхомъ и явнымъ признаніемъ силы Россіи: за 17 лѣтъ до этого времени Пруссія и Австрія не допустили Россію до участія на Губертсбургскомъ конгрессѣ, которымъ заканчивалась война, веденная и Россіей, теперь Германія преклонилась предъ рѣшеніемъ Екатерины. Черезъ годъ Екатеринѣ выпалъ новый блестящій дипломатическій успѣхъ.

Въ то время еще не было выработано правилъ, ограждающихъ во время морскихъ войнъ права нейтральныхъ государствъ. Воюющія державы, пользуясь тѣмъ, что ихъ флоты были уже вооружены, весьма безцеремонно относились къ судамъ державъ невоюющихъ; подъ самыми фантастическими предлогами онѣ захватывали ихъ, невоюющія же державы, не имѣя наготовѣ вооруженной морской силы, не могли защищать интересы своего мореплаванія. Вопросъ, какъ бороться съ такими насиліями, давно обсуждался, но не удавалось найти удовлетворительнаго его разрѣшенія. Во время войны Франціи и Англіи случаи подобныхъ захватовъ возобновились, и однажды пострадало русское судно. Императрица Екатерина не пожелала оставить этого безъ возмездія—и напала на чрезвычайно удачную идею; по ея указаніямъ ее разработали Панинъ и Бакунинъ, и русское правительство сдѣлало въ 1780 г. «декларацію о защитѣ нейтральнаго торговаго мореплаванія». Постепенно къ декларациіи этой присоединились всѣ европейскія государства, и она получила значеніе общаго международнаго соглашенія, которое съ тѣхъ поръ и соблюдается повсемѣстно. Основныя положенія этого знаменитаго акта, дѣйствительно, справедливы и замѣчательно просты. Каждое нейтральное судно признано подъ общею защитою всѣхъ нейтральныхъ державъ; насиліе, причиненное одному нейтральному кораблю, навлекаетъ тяжелыя послѣдствія на всѣ суда виновной державы, въ какихъ бы гаваняхъ они ни находились; очевидно, что предъ угрозою общаго воздѣйствія всякая держава останавливалась. Екатерина очень гордилась этимъ актомъ, который, по ея словамъ, родился изъ ея головы, какъ Аѳины изъ головы Зевса, и, дѣйствительно, имѣла право гордиться имъ.

Такимъ образомъ обстоятельства оправдывали рѣшимость Екатерины начать внѣшнюю политику болѣе энергичную, болѣе смѣлую,. и въ то же самое время представился поводъ перемѣнить ее кореннымъ образомъ. Императоръ Іосифъ II, только что вступившій на престолъ, убѣдился послѣ неблагопріятнаго для Австріи исхода спора за баварское наслѣдство, что въ Германіи ему не удастся сдѣлать пріобрѣтеній, которыя бы вознаградили

Австрію за недавнія потери. Но онъ не переставалъ думать о подобномъ вознагражденіи—и пришелъ къ мысли искать его на счетъ Турціи. Императоръ Іосифъ зналъ, что императрица Екатерина подготовляетъ присоединеніе къ Россіи Крыма, чего, по всѣмъ вѣроятіямъ, нельзя было сдѣлать безъ вооруженной борьбы; для Австріи представлялась возможность получить нѣкоторыя выгоды, принявъ участіе въ предстоящей войнѣ; надо было только рѣшить, съ кѣмъ избрать союзъ. Іосифъ избралъ союзъ съ Россіей, и первые же шаги его въ этомъ направленіи были встрѣчены съ полнымъ сочувствіемъ. Императрица, дѣйствительно, уже рѣшила присоединить къ Россіи Крымъ, не останавливаясь предъ войною съ Турціей; даже больше: блестящія побѣды въ первой войнѣ съ Портою, прежде страшною для всей Европы, и рядъ дальнѣйшихъ успѣховъ на поприщѣ внѣшней политики такъ увлекли Екатерину, что въ головѣ ея возникъ такъ называемый «греческій проектъ», планъ—или, вѣрнѣе сказать, фантазія,—съ которымъ императрица не разставалась уже до конца жизни. Сущность его состояла въ намѣреніи изгнать турокъ изъ Европы и подѣлить ихъ европейскія владѣнія. Планъ этотъ былъ чисто кабинетнымъ произведеніемъ, въ немъ нечего искать какихъ-либо слѣдовъ знакомства съ этнографическими и историческими условіями Балканскаго полуострова; но какъ мало задумывались тогда надъ подобными вопросами, можно судить по тому, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II существовалъ даже такой химерическій планъ: воспользоваться неурядицами въ Персіи, занять Баку, Дербентъ, Гилянь и, назвавъ все это Албаніей, образовать независимое государство для второго внука Екатерины, Константина Павловича. Екатерина предполагала, изгнавъ турокъ, возстановить Греческую имперію, на престолъ ея посадить вел. кн. Константина Павловича, а на берегахъ Дуная образовать независимое государство Дакію: она должна была раздѣлять Россію отъ греческой имперіи и служить доказательствомъ—которому, конечно, не вѣрили и сами составители проекта,— что послѣдняя отъ Россіи совершенно независима. Готовность императора германскаго войти въ виды русской государыни относительно восточныхъ дѣлъ еще болѣе усилила ея увлеченіе этимъ проектомъ. Гр. Н. И. Панинъ, талантливѣйшій сотрудникъ Екатерины въ управленіи внѣшними дѣлами, сходилъ со сцены; онъ болѣлъ и въ 1783 г. умеръ; первую роль въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ сталъ играть А. А. Безбородко, человѣкъ рѣдкихъ дарованій; но по характеру своему, къ сожалѣнію, онъ не былъ способенъ въ чемъ-либо возражать государынѣ.

Въ 1780 г. Іосифъ II пріѣхалъ въ Могилевъ, куда прибыла и императрица Екатерина; здѣсь въ интимныхъ бесѣдахъ они произвели другъ на друга очень хорошее впечатлѣніе. Іосифъ II проѣхалъ потомъ въ Петербургъ, въ Москву и вообще провелъ въ Россіи около мѣсяца. Екатерина и Іосифъ рѣшили между собою

много очень важнаго: они согласились вступить въ союзъ съ цѣлью сдѣлать пріобрѣтенія на счетъ Турціи; наступленіе на имперію оттомановъ было отложено до перваго удобнаго случая; союза съ Пруссіей Россія по окончаніи срока уже не имѣла въ виду возобновлять. Достойно упоминанія для характеристики того времени, что уже совершенно рѣшенный союзъ Россіи съ Австріей чуть было не разстроился, потому что Іосифъ II, самъ сдѣлавшій первые шаги, не пожелалъ допустить, чтобы въ текстѣ формальнаго договора была примѣнена такъ называемая «альтернатива», т.-е. попеременное упоминаніе на первомъ мѣстѣ то одного изъ договаривающихся государей, то другого, и требовалъ, чтобы повсюду имя его, какъ императора германскаго, стояло на первомъ мѣстѣ. Екатерина съ своей стороны не находила возможнымъ согласиться на это, и одно время казалось, что союзъ не будетъ заключенъ. Нашелся, однако, исходъ: вмѣсто подписанія договора Екатерина и Іосифъ обмѣнялись письмами тожественнаго содержанія, подписанными въ одинъ и тотъ же день; и эти письма признаны были равносильными формальному договору о союзѣ.

Обѣ стороны старались держать свое соглашеніе втайнѣ, но оно, конечно, стало извѣстно всѣмъ. Поворотъ политики Россіи сталъ вполнѣ ясенъ, какъ только не былъ возобновленъ по истеченіи срока союзъ съ Пруссіей; при очевидныхъ военныхъ приготовленіяхъ Россіи на югѣ имперіи сближеніе ея съ Австріей не оставляло сомнѣній въ общемъ характерѣ ближайшихъ намѣреній петербургскаго и вѣнскаго дворовъ. Эти обстоятельства сейчасъ же создали Россіи рядъ дипломатическихъ затрудненій. Пруссія стала явно недоброжелательно дѣйствовать по отношенію Россіи всюду, гдѣ представлялась для этого возможность. Франція съ опасеніями смотрѣла на замыслы противъ Турціи, которая въ теченіе столѣтій была ея союзницею, такъ что расчеты на Турцію входили чуть ли не во всѣ политическія комбинаціи Франціи. Англія имѣла въ Турціи множество коммерческихъ интересовъ, а противъ Екатерины питала особое раздраженіе послѣ того, какъ на просьбу англійскаго посла уступить внаемъ Англіи русскій корпусъ для борьбы противъ возставшихъ американскихъ колоній русская государыня отвѣтила отказомъ почти въ оскорбительной формѣ, искренно возмущенная тѣмъ, что ее считали способною на такой поступокъ. Наконецъ вообще всѣ державы всегда недружелюбно глядятъ—и должны такъ глядѣть—на попытки какого-либо государства присвоить себѣ исключительную роль, на претензіи одного государства по своему произволу распоряжаться судьбами другихъ, а въ данномъ случаѣ Россія и Австрія, безспорно, намѣревались распорядиться судьбами Турціи по собственному произволу.

Теперь Екатерина и Потемкинъ пошли прямо и увѣренно къ присоединенію Крыма, которое давно уже было ими рѣшено. Найти

поводъ осуществить рѣшеніе было нетрудно. Въ Крыму шла жестокая борьба партій, смѣнялись ханы; Шагинъ-Гирей, возведенный русскою стороною, былъ скоро свергнутъ, затѣмъ онъ опять водворился при поддержкѣ русскаго военнаго отряда и произвелъ безпощадную расправу со своими противниками. Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ крымское правительство не могло удерживать татаръ отъ привычныхъ имъ грабежей на русскихъ границахъ, еще менѣе могло оно обезпечить интересы и безопасность русскихъ подданныхъ въ Крыму. Полная неурядица въ ханствѣ давала русскому правительству право говорить, что «татары по невѣжеству и дикости ихъ неспособны къ существованію въ образѣ области вольной и независимой», а постоянныя возстанія противъ той партіи, которая держалась Россіи, служили основаніемъ утверждать, что Крыму грозитъ опасность быть снова подчиненнымъ Турціи—и въ апрѣлѣ 1783 г. объявлено было о присоединеніи къ Россіи Крыма, Тамани и Кубанской области, во избѣжаніе того, чтобы они не были захвачены Турціей, и въ обезпеченіе большихъ убытковъ, причиненныхъ татарами имперіи и опредѣленныхъ въ 12 милл. рублей. Таковы были въ то время обаяніе и слава Екатерины, что вѣсть о присоединеніи Крыма Россіею принята была въ Константинополѣ съ тупою покорностью; о событіи просто молчали. Гордая этимъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ, Екатерина черезъ нѣсколько лѣтъ начала помѣчать важнѣйшіе манифесты двумя годами: царствованія Всероссійскаго и царствованія Таврическаго. Императрица рѣшила посѣтить вновь пріобрѣтенный богатый край и этимъ какъ бы санкціонировать, закрѣпить принадлежность его Россіи.

Знаменитое путешествіе императрицы Екатерины II въ Крымъ состоялось въ 1787 году. 2 января государыня выѣхала изъ Петербурга въ Царское Село, 7-го — отсюда въ Кіевъ. Цѣлое общество ѣхало съ государыней: гр. А. А. Безбородко, гр. И. Г. Чернышевъ, И. И. Шуваловъ, гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, А. В. Храповицкій, послы: французскій — гр. Сегюръ, австрійскій — гр. Кобенцель и англійскій—Фицъ-Гербертъ; на пути присоединились къ путешествующимъ кн. Потемкинъ, гр. Румянцевъ, гр. Суворовъ и принцъ де-Линь. Въ Кіевъ императрица прибыла по зимнему пути 29 января и осталась здѣсь почти три мѣсяца. Сюда съѣхалось большое число иностранцевъ изъ Польши, Австріи, Франціи, даже изъ Испаніи, желавшихъ увидать знаменитую государыню; ихъ встрѣтили любезно, хотя, повидимому, они ждали болѣе торжественнаго пріема. Въ это время замѣчалась уже склонность Екатерины преувеличивать заслуги своихъ любимцевъ и даже, въ угоду имъ, до нѣкоторой степени игнорировать труды другихъ—и Румянцевъ, генералъ-губернаторъ Малороссіи, мало получилъ знаковъ удовольствія государыни; окружающіе ее дѣлали видъ, будто въ управленіи Румянцева оказывается много недостатковъ и даже военныя силы, бывшія подъ его начальствомъ, находили въ состо-

яніи не вполнѣ удовлетворительномъ; напротивъ, все признавалось превосходнымъ въ областяхъ, управляемыхъ Потемкинымъ.

22 апрѣля императрица отправилась изъ Кіева внизъ по Днѣпру на галерахъ; 25-го у Канева, гдѣ граница Польши касалась Днѣпра, привѣтствовалъ русскую государыню король польскій Станиславъ Августъ. Онъ расчитывалъ встрѣтить женщину, которая когда-то была такъ къ нему привязана, что была способна забыть положеніе русской великой княгини, а увидѣлъ могущественную императрицу, которая благосклонно принимала его, поставленнаго ею короля. Онъ давалъ очень ясно понять, что желалъ бы продлить встрѣчу хоть на два дня, но ему было отказано подъ тѣмъ предлогомъ, что необходимо спѣшить, чтобы не заставить ожидать императора Іосифа. Плаваніе цѣлой флотиліи по рѣкѣ хотя и широкой, но не очень многоводной, не обошлось безъ нѣкоторыхъ инцидентовъ, но въ общемъ оно вышло очень пріятной прогулкой. Время года было отличное; въ интимномъ кружкѣ, собиравшемся ежедневно около Екатерины, царили свобода и веселье; интересные разговоры о разныхъ вопросахъ исторіи, литературы, искусства, смѣнялись живой бесѣдой, веселыми шутками, остроумными экспромптами, въ которыхъ отличались гр. Сегюръ и, особенно, пр. де-Линь, одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей до-революціонной аристократіи и одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего времени. Берега Днѣпра были оживлены толпами народа; говорили, будто тысячами собирали сюда людей издалека почти насильно, чтобы дать иллюзію богатой и населенной мѣстности, тогда какъ въ дѣйствительности она представляла чуть не пустыню. Но такіе разсказы, вѣроятно, преувеличены. Вполнѣ возможно, что жители сходились сами, чтобы любоваться невиданнымъ зрѣлищемъ большого числа пышно разукрашенныхъ галеръ, на которыхъ ѣдетъ сама государыня. Подобное зрѣлище вполнѣ способно было тогда собрать большія толпы: когда на русскихъ рѣкахъ появились первые пароходы, то люди шли за 25, за 30 верстъ, чтобы посмотрѣть на такую диковинку, а въ данномъ случаѣ любопытство было еще болѣе возбуждено. Достигнувъ мѣста, гдѣ изъ-за пороговъ плаваніе невозможно, путешественники направились далѣе къ Херсону въ экипажахъ и на всемъ дальнѣйшемъ пространствѣ— какъ прямо говорятъ Сегюръ и де-Линь—ѣхали степью совершенно ровною и совершенно безлюдною. Эти спутники императрицы не легко освоились съ мыслью, что можно мчаться въ теченіе сутокъ и не видать населенныхъ пунктовъ и даже вообще людей. Здѣсь, слѣдовательно, ничего не было сдѣлано, чтобы прикрасить внѣшній видъ области, по которой проѣзжала государыня — болѣе чѣмъ вѣроятно, что и во время плаванія по Днѣпру не было сдѣлано ничего исключительнаго; путь украшался лишь въ такой мѣрѣ, въ какой это было совершенно естественно при слѣдованіи государыни, о попыткѣ же обмануть ее, намъ кажется, не можетъ быть рѣчи.

Крайне преувеличены также и разсказы объ издержкахъ, будто бы связанныхъ съ этимъ путешествіемъ. Толки объ этомъ доходили и до Екатерины и ею были опровергнуты. Теперь по финансовымъ документамъ можно установить, что, дѣйствительно, расходы по путешествію не достигали исключительно высокихъ цифръ, но тогда вообще всякія поѣздки обходились, по теперешнимъ нашимъ понятіямъ, очень дорого.

Императоръ Іосифъ получилъ отъ Екатерины приглашеніе принять участіе въ ея поѣздкѣ въ Крымъ, но приглашеніе это показалось ему столь холоднымъ, что онъ думалъ даже не воспользоваться имъ и поѣхалъ только по настояніямъ своего министра кн. Кауница. Іосифъ прибылъ прямо въ Херсонъ на нѣсколько дней раньше, чѣмъ Екатерина, и послѣ краткаго отдыха отправился къ ней навстрѣчу; узнавъ объ этомъ, Екатерина ускорила свой переѣздъ сколько было можно. Высокіе путешественники встрѣтились подъ Кайданами и 12 мая вмѣстѣ вернулись въ Херсонъ. Этотъ городъ началъ обстраиваться только за 6 лѣтъ до этого времени. Въ немъ были заложены большіе доки, укрѣпленія и обширныя казармы; конечно, очень многое оставалось еще недодѣланнымъ; много зданій, исполненныхъ лишь вчернѣ, были задрапированы, по случаю прибытія высокихъ гостей, матеріями, но и въ этомъ нельзя видѣть намѣренія скрыть дѣйствительное ихъ состояніе,—такая попытка была бы просто смѣшна; это были по возможности роскошныя украшенія города къ торжественному случаю. Императрица была въ восторгѣ отъ всего, что видѣла, да и императоръ Іосифъ, не стѣснявшійся въ кругу приближенныхъ критиковать кой-что видѣнное, признавалъ, что въ Херсонѣ сдѣлано очень много и что флотъ и крѣпость превзошли его ожиданія. Изъ Константинополя прибыли въ Херсонъ посланники: русскій, Булгаковъ, и австрійскій, Гербертъ; здѣсь былъ съ особою торжественностью спущенъ корабль «Іосифъ II», и пышно отпразднованъ день рожденія императора. Екатерина думала выйти въ открытое море на одномъ изъ кораблей, но предъ Херсономъ появилась цѣлая турецкая флотилія, и императрица уступила, хотя и не безъ возраженій, совѣтамъ своихъ приближенныхъ и отказалась отъ своего намѣренія; конечно, оно было неблагоразумно по смѣлости: нельзя было поручиться за сдержанность каждаго изъ турецкихъ командировъ. 17 мая императрица и императоръ въ экипажахъ двинулись въ Крымъ, 22—прибыли въ Севастополь. Путешественники были въ восхищеніи отъ чудныхъ картинъ южной природы, а Екатерина дважды поразила Сегюра и де-Линя своею смѣлостью: одинъ разъ лошади понесли ея тяжелую карету по крутому спуску съ поворотами, была большая опасность несчастнаго паденія экипажа—государыня сохранила полное спокойствіе; въ другой разъ, за нѣсколько дней до этого, Екатерина, встрѣченная конною депутаціею отъ татаръ, только что подчинив-

шихся Россіи, поѣхала далѣе подъ эскортомъ ихъ однихъ, и пр. де-Линь и графъ Сегюръ, независимо одинъ отъ другого, вспоминаютъ въ своихъ мемуарахъ, какъ удивлялись они смѣлости императрицы, которая лишь съ двумя-тремя мужчинами и нѣсколькими дамами довольно долго ѣхала среди сотенной толпы мусульманъ, далеко оставивъ за собою всю остальную свиту. Полюбовавшись дивною бухтою Севастополя, поговоривъ о томъ, что до Петербурга оттуда 1500 в., а до Константинополя — двое сутокъ плаванія, Екатерина двинулась въ обратный путь, черезъ Байдарскую долину, Бахчисарай и Симферополь. 2 іюня въ Бериславлѣ Екатерина и императоръ Іосифъ разстались. 7 іюня государыня пріѣхала въ Полтаву, 8 іюня здѣсь былъ смотръ войскамъ и маневръ, повторившій Полтавскую битву; гр. Сегюръ съ чувствомъ вспоминаетъ, что ему казалось, по выраженію лица императрицы, будто въ ней, дѣйствительно, кровь Петра Великаго. 27 іюня Екатерина прибыла въ Москву, 11 іюля возвратилась въ Царское Село.

Это совмѣстное путешествіе двухъ монарховъ возбудило въ Европѣ много толковъ; оно не могло не раздражить турокъ, напомнивъ всему міру въ такой громкой формѣ объ отнятіи у нихъ Крыма. Пруссія и Англія заключили между собою соглашеніе не допускать дальнѣйшихъ усиленій Австріи—очевидно, соглашеніе это было направлено и противъ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда Россія стала бы дѣйствовать совмѣстно съ Австріей. Франція, со своей стороны, подстрекала Турцію начать борьбу противъ Россіи, прежде чѣмъ Россія приготовится къ ней вполнѣ—и въ серединѣ іюля Булгаковъ, заговорившій послѣ поѣздки въ Херсонъ рѣшительнымъ тономъ, получилъ, въ свою очередь, требованіе, чтобы удалены были изъ разныхъ городовъ русскіе консулы, которые навлекли на себя обвиненіе, что они внушаютъ турецкимъ подданнымъ славянамъ и грекамъ недовольство Портою, и чтобы очищены были русскими отрядами нѣкоторыя области Кавказа, а 5 августа отъ Булгакова потребовали признаніе Крыма независимымъ, и когда онъ, какъ само собою разумѣется, отказался даже передать это требованіе, онъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, и Россіи была объявлена война.

Положеніе Россіи, казалось бы, было гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ при началѣ первой турецкой войны въ 1769 г.: русскіе владѣли теперь многими пунктами, которые тогда были опорными для турецкихъ войскъ, имѣли на Черномъ морѣ флотъ, сами готовились къ войнѣ; повидимому, можно было ожидать успѣховъ, если не такихъ блестящихъ и громкихъ, какъ тогда, то солидныхъ. Но вышло наоборотъ: эта война шла несравненно медленнѣе и не отмѣчена такими блестящими успѣхами, какъ первая. Причины этому были и внѣ Россіи, и внутри ея. Къ числу первыхъ относилось то, что теперь противъ Россіи было недоброжелательство многихъ державъ: Англія не скрывала своего нежеланія видѣть русскій флотъ

въ Средиземномъ морѣ, Пруссія и Польша заняли явно враждебное положеніе, а Швеція и дѣйствительно напала на Россію. Внутренними причинами меньшихъ успѣховъ были прежде всего самомнѣніе и самоувѣренность Екатерины и Потемкина. Они давно мечтали о войнѣ, готовились къ ней, но совершенно позабывали, что ихъ дѣйствія не представляютъ чего-то непостижимаго для другихъ; они забывали, что будущіе противники ихъ отлично понимаютъ ихъ намѣренія и не станутъ ждать, когда Россіи всего удобнѣе будетъ на нихъ напасть, а, напротивъ, могутъ напасть на Россію, когда это удобнѣе имъ. Затѣмъ сказались вредныя послѣдствія и того, что Екатерина, приближаясь къ старости, начала цѣнить не столько заслуги, оказываемыя государству, сколько ту или другую личность, ей самой болѣе или менѣе пріятную. Избѣгать этой ошибки—рѣдкій удѣлъ даже самыхъ выдающихся умовъ; раньше Екатерина въ этомъ отношеніи была почти безупречна; тогда она выдвигала на первыя роли не тѣхъ, кого любила, а тѣхъ, кто могъ быть полезенъ самому дѣлу; но теперь, состарѣвшись, она въ значительной степени утратила эту замѣчательную способность. Потемкинъ завидовалъ Румянцеву — и въ угоду любимцу замѣчательный администраторъ и полководецъ устраненъ былъ отъ активнаго участія въ войнѣ; во главѣ всѣхъ распоряженій по войнѣ поставленъ былъ Потемкинъ, и сохранилъ это мѣсто, хотя при первыхъ же неудачахъ онъ растерялся и оказался далеко не на высотѣ ввѣренной ему задачи. Теперь, когда Екатерина поддалась своей личной склонности къ такимъ второстепеннымъ и даже ничтожнымъ личностямъ, какъ Ланской, Дмитріевъ-Мамоновъ, Зубовъ, и каждаго изъ нихъ въ два-три года осыпала такими почестями и наградами, какихъ не получили Румянцевъ и Суворовъ за тридцать лѣтъ своей замѣчательной дѣятельности, теперь она не могла уже находить такихъ помощниковъ, которые прежде, пока она не только ставила выше всего чисто государственные интересы, а исключительно ихъ и имѣла въ виду, всегда появлялись около нея. Но если временами, среди успѣховъ, славы и счастья, дремали въ душѣ государыни высокія чувства, которыя прежде господствовали въ ней, то они не угасли окончательно—и глубокую вѣру въ русскій народъ, сознаніе величія того сана, который она носила, Екатерина имѣла случай проявить и въ эту войну.

До конца 1787 г. ничего значительнаго на театрѣ войны не произошло; турки произвели двѣ попытки высадиться и утвердиться у Кинбурна; въ случаѣ ихъ успѣха русскій черноморскій флотъ былъ бы очень стѣсненъ; но обѣ попытки были отбиты Суворовымъ. Съ наступленіемъ 1788 г. начали военныя дѣйствія и австрійцы. Екатерина обнаруживала большую твердость духа; на письма Потемкина, который растерялся отъ первыхъ же неудачъ и совсѣмъ палъ духомъ, когда лѣтомъ 1788 г. сильная буря причинила страшныя потери русскому флоту, императрица отвѣчала

спокойно, говорила, что неудачи неизбѣжны, но что она будетъ твердо продолжать начатое дѣло, и рѣшительно отклонила всякія предположенія очистить Крымъ, что предлагалъ, хотя и осторожно, Потемкинъ. Австрійцы дѣйствовали вяло. Потемкинъ лѣтомъ 1788 года осадилъ Очаковъ, и 6 декабря 1788 г. эта крѣпость, отчаянно защищавшаяся, была взята штурмомъ; храбрость русскихъ удивила всю Европу.

Въ это самое время на сѣверѣ имперіи появился новый врагъ. Русскій флотъ готовился итти изъ Балтійскаго моря въ Средиземное, когда вдругъ король шведскій Густавъ III началъ поспѣшно вооружаться и принялъ въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ весьма высокомѣрный тонъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1772 г., когда Россія была занята турецкою войною и бунтомъ Пугачева, король Густавъ произвелъ въ Швеціи насильственное измѣненіе конституціи, усилилъ королевскую власть и ослабилъ значеніе сейма, легко поддававшагося иноземному золоту; теперь Густавъ вообразилъ, что настало время добиться такихъ цѣлей, которыя всякій, сколько-нибудь серьезный умъ, призналъ бы совершенно недостижимыми. Опираясь на давно заключенный союзъ съ Турціей,—союзъ, остававшійся тайною для всѣхъ другихъ государствъ, Густавъ вдругъ подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ прислалъ въ Петербургъ ультиматумъ, о которомъ гр. Сегюръ сказалъ Екатеринѣ: «Мнѣ кажется, что шведскій король, очарованный обманчивымъ сномъ, вообразилъ, что онъ уже одержалъ три большія побѣды».—«Если бы даже онъ и одержалъ ихъ,—отвѣчала съ горячностью Екатерина, — если бы онъ владѣлъ уже Петербургомъ и Москвой, я показала бы ему, что̀ можетъ сдѣлать, стоя даже на развалинахъ государства, женщина съ сильнымъ характеромъ, во главѣ храбраго и преданнаго отечеству народа». Густавъ—какъ это нимало правдоподобно — дѣйствительно приглашалъ придворныхъ дамъ на балъ въ Петергофѣ и говорилъ, что низвергнетъ въ Петербургѣ статую Петра Великаго. Онъ обнародовалъ обширный манифестъ о причинахъ войны и допустилъ въ немъ множество искаженій истины и необдуманныхъ выходокъ, такъ что возраженіе на этотъ странный документъ, составленное при ближайшемъ участіи Екатерины, было очень убѣдительно и въ этомъ литературномъ состязаніи Екатерина вполнѣ восторжествовала надъ своимъ противникомъ.

Густавъ сдѣлалъ, во всякомъ случаѣ, странную ошибку: онъ не дождался ухода русскаго флота изъ Балтійскаго моря и началъ войну какъ разъ тогда, когда флотъ былъ совершенно готовъ и находился еще въ Финскомъ заливѣ. Высказывалось мнѣніе, что, задержавъ флотъ, Густавъ оказывалъ существенную услугу Турціи. Но успѣхи русскаго флота въ Средиземномъ морѣ были еще проблематичны, надо было еще дойти туда, а серьезные успѣхи шведовъ при отсутствіи флота были болѣе чѣмъ вѣроятны. Поло-

женіе Екатерины было, тѣмъ не менѣе, очень затруднительно: на сѣверѣ Россіи почти не было войска, шведы же начали наступленіе и по сухопутной границѣ, шедшей всего верстахъ въ 50-ти отъ Петербурга, а въ случаѣ успѣха на морѣ могли сдѣлать дессантъ и на южномъ берегу Финскаго залива. Но способности Густава къ веденію войны оказалось еще меньше, чѣмъ въ составленіи ультиматумовъ и манифестовъ. Несмотря на малочисленность русскихъ военныхъ силъ, на недаровитость начальствовавшихъ ими генераловъ — сначала гр. В. П. Мусина-Пушкина, а затѣмъ Игельстрома,—на сухомъ пути не произошло ничего важнаго и никакихъ успѣховъ шведы не одержали. Большое затрудненіе встрѣтилъ Густавъ еще въ томъ, что часть войскъ отказала ему въ повиновеніи, такъ какъ по законамъ Швеціи король не могъ начинать войны наступательной безъ согласія сейма; нѣкоторые офицеры даже вступили въ сношенія съ русскими военачальниками. Королю не удалось сломить сопротивленія, и онъ уѣхалъ въ столицу, чтобы тамъ получить необходимыя полномочія. Въ это время въ Швецію изъ Норвегіи—по условіямъ давняго договора Россіи и Даніи — вступилъ датскій корпусъ. Эта диверсія, однако, послужила больше на пользу Швеціи, чѣмъ Россіи: Пруссія и Англія такъ рѣшительно пригрозили Даніи за вмѣшательство, что датчане остановились и вскорѣ заключили миръ; но появленіе на шведской территоріи чужого войска вызвало въ Швеціи большой подъемъ патріотизма, а личное геройство Густава, оказанное имъ въ осажденномъ датчанами Готенбургѣ, куда король явился, привлекло къ нему симпатіи подданныхъ, такъ что на сеймѣ зимою 1788 — 1789 г. онъ успѣлъ завершить начатое имъ въ 1772 г. измѣненіе конституціи и имѣлъ теперь право продолжать войну. Въ теченіе 1789 г. русскіе одержали довольно значительные успѣхи на морѣ у Роченсальма. Въ 1790 г. шведы начали энергичное наступленіе, съ цѣлью прорваться у Кронштадта; нападеніе ихъ на флотъ, стоявшій у Ревеля, было отражено; несмотря на это, самъ король двинулся къ Кронштадту. 23 и 24 мая происходилъ упорный бой у Сейскара; въ Петербургѣ слышны были выстрѣлы и чувствовался пороховой запахъ. Шведы были разбиты, и флотъ ихъ запертъ у Выборга; для короля, по повелѣнію Екатерины, было послано судно со съѣстными припасами; не было невѣроятно, что королю придется сдаться въ плѣнъ,—но онъ успѣлъ, съ отчаянными усиліями и огромными потерями, прорваться и уйти, а вскорѣ счастье перешло на его сторону: на томъ самомъ мѣстѣ при Роченсальмѣ, гдѣ въ маѣ 1789 г. былъ разбитъ шведскій флотъ, 28 іюня 1790 г. потерпѣлъ страшное пораженіе русскій флотъ, находившійся подъ командою принца Нассау-Зигена. Екатерина была потрясена—и тѣмъ замѣчательнѣе отвѣтъ, данный ею Нассау-Зигену, когда онъ, возвращая всѣ русскіе ордена, просилъ отставки и военнаго суда надъ собою.

«Боже мой,—писала государыня,—кто же не имѣлъ крупныхъ неудачъ въ жизни? Развѣ не было несчастныхъ дней у величайшихъ полководцевъ? Покойный король прусскій истинно великъ бывалъ именно послѣ неудачъ, тогда-то онъ и блисталъ, какъ никогда—всѣ думали, что все потеряно, а онъ тутъ и побѣждалъ врага, Петръ Великій девять лѣтъ испытывалъ только пораженія—и побѣдилъ подъ Полтавой... Будьте выше судьбы и идите снова на врага»... Положеніе было, дѣйствительно, серьезно; представлялось весьма вѣроятнымъ, что при новыхъ успѣхахъ Швеціи на Россію нападетъ и Пруссія. Но Екатерина держалась такъ, какъ и прилично—выражаясь ея же словами—императрицѣ Всероссійской, чувствующей за собою 16.000 верстъ, десятки милліоновъ подданныхъ и имѣющей армію, 100 лѣтъ пріученную къ побѣдамъ: она энергично собирала войска и писала Потемкину и Циммерману: «Конечно, никакая человѣческая власть не заставитъ меня сдѣлать что-либо не въ интересахъ имперіи или несоотвѣтствующее достоинству короны, которую я ношу»; «законы принять отъ прусскаго короля мнѣ не сродно, а Россіи и еще менѣе». Послѣ пораженія флота въ Петербургѣ распространилось смущеніе. Интересную сцену изъ этого времени передаетъ гр. Сегюръ. По его словамъ, изъ очень высокихъ сферъ пошли слухи, что императрица намѣревается уѣхать въ Москву и что приготовлены уже по всѣмъ станціямъ лошади. «Я,—разсказываетъ Сегюръ,—отправился вечеромъ во дворецъ, надѣясь найти какое-либо разъясненіе или хоть намекъ. Императрица принимала своихъ гостей любезно какъ всегда и совершенно спокойно спросила меня, нѣтъ ли какихъ интересныхъ новостей. Я передалъ ей объ этомъ слухѣ. «Ну и что же? Вы вѣрите?», спросила она меня. Я отвѣтилъ, что источникъ слуховъ, повидимому, заставляетъ ему вѣрить, но что я, зная императрицу, не вѣрю. «И вы хорошо дѣлаете, — сказала Екатерина.—Я, конечно, въ Москву не уѣду, и если куда пойду, то лишь съ войсками противъ врага. Но лошади дѣйствительно приготовлены — для того, чтобы по возможности скорѣе подвозить войска, которыя отовсюду спѣшатъ къ столицѣ». И не можетъ быть сомнѣнія, что именно такъ и было рѣшено у императрицы. Вѣдь если бы ей представлялось возможнымъ, что она въ какомъ бы то ни было случаѣ уѣдетъ, то заводить подобную бесѣду и безъ всякой нужды подвергнуть себя опасности, что придется нарушить такъ рѣшительно сдѣланныя заявленія, не имѣло бы никакого смысла. Въ дѣйствительности въ самое опасное время Екатерина переѣхала въ Петергофъ, всего ближе къ мѣсту сраженій. Побѣда, одержанная шведскимъ флотомъ, дала Густаву III возможность завести переговоры о мирѣ, а энергично снаряженная новая русская эскадра, готовая опять вступить въ бой, сдѣлала короля шведскаго очень сговорчивымъ— и 3 августа 1790 г. былъ подписанъ миръ въ дер. Верелѣ, у устья Кюмени. Обѣ стороны остались совершенно при своихъ прежнихъ

владѣніяхъ, единственнымъ результатомъ было то, что не упоминалось болѣе о гарантированіи Россіею шведскаго государственнаго устройства. Конечно, это было выигрышемъ Швеціи, но по существу вполнѣ призрачнымъ: вѣдь Россія могла вліять на шведское устройство только тогда, когда имѣла достаточно силы, чтобы провести желательныя рѣшенія, и тогда договоръ никакъ не могъ препятствовать ея дѣятельности въ этомъ направленіи; ничтожество успѣха Швеціи особенно ярко при сравненіи съ тѣми хвастливыми заявленіями, съ какими выступилъ Густавъ. Экономическія послѣдствія этой войны были для Швеціи очень тягостны; Густавъ III вскорѣ жизнью своею заплатилъ за тѣ бѣды, какія навлекъ онъ своимъ неразумѣемъ на свое государство.

Борьба съ Турціей была серьезнѣе, но возбуждала менѣе опасеній и безпокойствъ, потому что къ ней готовились и на югѣ было собрано довольно войска. 1789 годъ ознаменованъ былъ двумя блестящими побѣдами Суворова. Въ іюлѣ турки въ огромныхъ силахъ появились противъ австрійской арміи, и главнокомандующій ею, пр. Кобургскій, съ тревогой просилъ помощи у Суворова. Суворовъ съ неслыханною тогда быстротою явился и настоялъ на немедленной атакѣ турецкаго лагеря—и 20 іюля 1789 г. была одержана русскими и австрійцами рѣшительная побѣда подъ Фокшанами; 5 августа Суворовъ одержалъ новую блистательную побѣду при Рымникѣ. Воспользовавшись тѣмъ, что въ февралѣ 1790 г. умеръ императоръ Іосифъ II, турки заключили миръ съ Австріею въ августѣ 1790 г.; преемникъ Іосифа II, его братъ Леопольдъ II, предложилъ было даже свое посредничество, но Екатерина отклонила его и продолжала борьбу одна. Осенью былъ осажденъ Измаилъ, крѣпость, почитавшаяся неприступною, и 11 декабря того же года Суворовъ взялъ его кровопролитнѣйшимъ приступомъ. 1791 годъ былъ отмѣченъ успѣшными дѣйствіями русскаго флота на Черномъ морѣ, нѣсколькими удачами на Кавказѣ и блестящею побѣдою кн. Репнина при Мачинѣ на европейскомъ театрѣ войны. Въ Константинополѣ давно уже освободили Булгакова и желали мира; переговоры велъ сначала Потемкинъ, но онъ умеръ 5 октября 1791 г.—въ степи, по дорогѣ въ свой любимый Николаевъ, куда онъ поѣхалъ, чувствуя себя очень больнымъ. Миръ былъ заключенъ графомъ Безбородко въ Яссахъ 29 декабря 1791 года. Россія пріобрѣла небольшую область съ г. Очаковымъ, Крымъ признанъ принадлежащимъ Россіи, затѣмъ подтверждены условія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Для Россіи укрѣпленіе за собою Крыма было, конечно, важнымъ результатомъ, но нельзя все-таки не видѣть, что удалось достигнуть очень немногаго сравнительно съ тѣми иллюзіями, съ какими начинали войну Іосифъ II и Екатерина. Впрочемъ, политическое положеніе Европы такъ осложнилось, что окончаніе войны съ Турціей было очень важно уже само по себѣ.

Съ 1789 г. во Франціи совершались событія, въ водоворотъ которыхъ была постепенно вовлечена вся Европа,—событія, значеніе которыхъ чувствуется, быть-можетъ, еще до нашихъ дней. Въ это время отношенія старой монархической Европы совершенно перемѣшались. Отдѣльныя государства Европы въ разное время и въ разныхъ комбинаціяхъ вступали въ борьбу противъ революціонной Франціи, но эти выступленія оканчивались неизмѣнно успѣхами этой послѣдней, отчасти потому, что французы дѣйствовали съ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, отчасти—и, можетъ-быть, главнымъ образомъ—потому, что, выступая противъ Франціи, правительства преслѣдовали, кромѣ борьбы съ революціей, и свои частные интересы, сводили между собою старые счеты, которые лишь прикрывались борьбою противъ революціи. Не только входить въ подробности всѣхъ этихъ событій, но и въ общихъ чертахъ обрисовать ихъ въ нашемъ очеркѣ совершенно невозможно, и мы должны ограничиться напоминаніемъ, что въ эти годы шли сложныя, запутанныя дипломатическія сношенія, въ которыхъ общіе вопросы тысячами нитей переплетались съ самыми эгоистическими стремленіями отдѣльныхъ державъ. Должна была принять участіе въ этой работѣ и Екатерина.

То, что разыгрывалось во Франціи, оставалось Екатеринѣ на первыхъ порахъ столь же неяснымъ, какъ и всѣмъ другимъ государственнымъ людямъ тогдашней Европы. Екатеринѣ казалось, что происходящіе во Франціи безпорядки объясняются исключительно слабостью и неумѣлостью французскаго министерства и дерзкою распущенностью нѣсколькихъ демагоговъ. Поклонница просвѣтительной философіи, она, какъ и другіе ея современники, раздѣлявшіе ея общія воззрѣнія, думала, что, какъ только станутъ широко извѣстны труды философовъ XVIII в., немедленно распространится просвѣщеніе, сознаніе ненужности нѣкоторыхъ предразсудковъ, и всѣ тотчасъ же искренно преклонятся предъ разумомъ и его безошибочными рѣшеніями, настанетъ, однимъ словомъ, золотой вѣкъ. Выступленія возбужденной черни съ ея жестокостью и грубостью удивили и возмущали Екатерину; якобинцы и всякіе демагоги внушали ей отвращеніе и презрѣніе, и все, что было близко или казалось близкимъ имъ по духу, Екатерина презирала и считала необходимымъ для блага и чести человѣчества подавлять и искоренять. Такимъ настроеніемъ объясняются дѣйствія императрицы Екатерины за эти годы и во внѣшней и во внутренней политикѣ. Подъ вліяніемъ его она сурово отнеслась къ Новикову и Радищеву.

Новиковъ былъ человѣкъ мягкаго сердца, страстно любившій просвѣщеніе и имѣвшій одну цѣль—содѣйствовать всякими путями нравственному улучшенію людей. Къ этой цѣли онъ шелъ широкою благотворительностью и просвѣтительною дѣятельностью; онъ развилъ изданіе книгъ и журналовъ въ такой мѣрѣ, которая да-

леко превосходила все, что въ этомъ отношеніи дѣлалось въ Россіи ранѣе. Никакихъ политическихъ, а тѣмъ болѣе революціонныхъ, цѣлей онъ не преслѣдовалъ; онъ соединился съ обществомъ масоновъ, которые стремились къ такимъ же цѣлямъ, какъ онъ, но считали нужнымъ удовлетворять нѣкоторымъ неяснымъ запросамъ человѣческаго духа и допускали разные таинственные обряды, держа втайнѣ и нѣкоторыя части своего ученія. Но существовали въ Европѣ и другія тайныя общества, ставившія себѣ цѣли не въ области нравственности, а въ области практической политики. Такъ какъ и тѣ и другія общества скрывали многое изъ своихъ дѣйствій, то правительства различали ихъ неясно — и когда, особенно съ началомъ французской революціи, проявилась дѣятельность нѣкоторыхъ политическихъ обществъ, правительство съ недовѣріемъ и опасеніемъ стало смотрѣть на всякія тайныя общества; присоединилось неудовольствіе и по поводу несомнѣнныхъ сношеній масоновъ съ вел. кн. Павломъ Петровичемъ. Новиковъ былъ арестованъ, къ нему предъявлено было обвиненіе, что онъ издаетъ книги, развращающія вѣру, его книгоиздательство было закрыто, и въ 1792 г. онъ по суду заключенъ въ крѣпость. Что касается Радищева, то въ 1790 г. онъ былъ сосланъ въ Сибирь за изданіе книги «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Теперь совершенно ясно, что книга эта не только не имѣла, но и не могла имѣть большого значенія. Содержаніе ея, хотя авторъ и возставалъ въ ней съ жаромъ противъ крѣпостного права, не представлялось особенно новымъ по существу: противъ крѣпостного права сказано было кое-что уже въ Наказѣ и еще больше говорилось въ комиссіи 1767 г.; новостью былъ лишь тонъ книги Радищева, мѣстами, дѣйствительно, очень рѣзкій, — особенно тамъ, гдѣ говорилось о «тиранахъ». Появленіе книги такъ написанной, какъ разъ въ то время, когда во Франціи дѣло явно шло къ низверженію королевской власти, показалось опаснымъ и навлекло на автора тяжелую кару. Во всякомъ случаѣ не надо забывать, что за все свое 34-лѣтнее царствованіе Екатерина II только дважды, къ Новикову и Радищеву, отнеслась съ большею строгостію, чѣмъ бы можно было ожидать; никакихъ другихъ преслѣдованій за преступленія въ печати или въ области проповѣдыванія тѣхъ или другихъ идей при ней не было.

Сильнѣе отразилось вліяніе французской революціи на внѣшней политикѣ императрицы.

Со времени гарантіи Россіею польскаго государственнаго устройства и перваго раздѣла Польши, въ Польшѣ, какъ мы уже говорили, установилось безусловное преобладаніе Россіи. Такое положеніе дѣлъ вызывало сильное неудовольствіе у многихъ польскихъ гражданъ, и совершенно естественно было ожидать какой-нибудь попытки возстать противъ него, какъ только обстоятельства сложатся для этого благопріятно. Удобный, повидимому, моментъ насту-

пилъ, когда Россіи пришлось вести одновременно двѣ войны, благопріятный исходъ которыхъ въ первые два года не представлялся несомнѣннымъ; къ тому же Пруссія въ это время всѣми мѣрами старалась создать для Россіи въ Польшѣ затрудненія. Осенью 1788 г. сейму была представлена прусская нота, въ которой король высказывалъ неодобреніе союзу Польши съ Россіею и выражалъ готовность содѣйствовать всѣми средствами «этой знаменитой націи» къ тому, чтобы она возстановила свою прежнюю силу, независимость и славу. На поляковъ внушенія подобнаго рода всегда оказывали сильное вліяніе; теперь же, когда повсюду общество волновалось событіями во Франціи, которыя въ Польшѣ ощущались съ особенною живостью, прусскія внушенія сильно подѣйствовали. На сеймѣ начались рѣчи противъ Россіи и ея гарантіи, скоро принявшія характеръ страстный и тонъ, прямо оскорбительный для Россіи и для императрицы. Король Станиславъ Августъ пытался остановить это увлеченіе, но онъ самъ не отличался спокойствіемъ и трезвостью ума и скоро былъ захваченъ общимъ движеніемъ. Рѣшено было отвергнуть русскую гарантію и произвести въ государственномъ устройствѣ реформы, которыя, вѣроятно, оказались бы полезными для Польши, если бы удалось ихъ осуществить, но этого-то какъ разъ и нельзя было ожидать, потому что усиленіе Польши вовсе не входило въ расчеты сосѣднихъ государствъ. И та самая Пруссія, которая теперь толкала поляковъ на путь борьбы съ Россіей, въ самомъ близкомъ будущемъ доказала неопровержимо, что руководствовалась въ данномъ случаѣ вовсе не заботою о выгодахъ Польши, а только стремленіемъ создать осложненія для Россіи.

3 мая 1791 г. провозглашена была въ Польшѣ новая конституція. Положеніе русскаго посла и всей русской партіи стало очень тяжелымъ; ими гнушались, ихъ открыто оскорбляли; правоторговли русскихъ подданныхъ, обезпеченное трактатами, было фактически уничтожено; нѣсколько маркитантовъ арміи, дѣйствовавшей противъ Турціи, было даже казнено. Все это и особенно отказъ отъ гарантіи было вызовомъ по отношенію къ Россіи, котораго Екатерина, конечно, не могла оставить безнаказаннымъ; при первыхъ извѣстіяхъ о новой конституціи она заявила, что «сумасбродство этого народа хуже дѣйствій парижскихъ якобинцевъ», и что она ни предъ чѣмъ не остановится въ борьбѣ съ ними. Екатерина ожидала только, когда Россія получитъ свободу дѣйствій, а что поводъ къ вмѣшательству представится скоро, въ этомъ она была твердо убѣждена. «Мы, — писала она, — какъ прежде, такъ и теперь останемся спокойными зрителями до тѣхъ поръ, пока сами поляки не потребуютъ отъ насъ помощи для возстановленія прежнихъ законовъ республики». Ждать пришлось недолго. Въ Польшѣ не было единодушія, многіе были недовольны новыми порядками, составилась конфедерація для защиты прежнихъ вольно-

стей, и Екатерину просили о помощи. Война со Швеціей и съ Турціей была уже кончена къ началу 1792 г., и въ апрѣлѣ 1792 г. русскія войска вступили въ Польшу. Въ офиціальной декларації русское правительство ссылалось на старинныя свои обязательства охранять прежніе порядки республики и на просьбы многихъ ея подданныхъ исполнить на дѣлѣ эти обязательства. Конечно, въ дѣйствительности главною причиною было старое желаніе усилиться на счетъ Польши, а къ нему присоединилось еще раздраженіе противъ якобинскаго духа, который, по убѣжденію Екатерины, руководилъ поляками. Русскія войска встрѣтили слабое сопротивленіе; король долженъ былъ присоединиться къ конфедераціи, поднявшейся противъ конституціи 3 мая. Скоро Екатерина могла опять располагать судьбами Польши. Король прусскій не оказалъ полякамъ обѣщанной помощи. Только что окончилось полнымъ неуспѣхомъ его столкновеніе съ Франціей; вознаградить себя чѣмъ-либо за понесенныя потери представлялось ему весьма желательнымъ, и когда Екатерина дала ясно понять свое рѣшеніе отнестись къ Польшѣ очень строго, король прусскій немедленно же выразилъ согласіе на это, съ тѣмъ, чтобы и Пруссіи дана была часть польскихъ земель. Польша оказалась совершенно не въ силахъ противиться Россіи и Пруссіи, и онѣ произвели въ 1793 г. второй раздѣлъ Польши. Россія получила около 4.500 кв. миль съ 3 милл. населенія къ востоку отъ линіи, идущей отъ Двинска на Пинскъ, т.-е. остававшіяся за Польшею часть Бѣлоруссіи и Украйны и часть Полѣсья и Волыни; Пруссія получила чрезвычайно цѣнныя для нея гавани на Балтійскомъ морѣ, съ Данцигомъ въ томъ числѣ. Созванный для окончанія этого дѣла сеймъ сопротивлялся, сколько можно было сопротивляться словами, и съ меньшимъ неудовольствіемъ согласился на уступку областей Россіи, чѣмъ Пруссіи, — еще живо у всѣхъ было въ памяти, что именно Пруссія вызвала то движеніе, которое оканчивалось такъ печально.

Но вторичное отторженіе отъ государства цѣлыхъ областей произвело въ Польшѣ сильнѣйшее волненіе; событія во Франціи и безъ того уже возбуждали поляковъ, теперь же негодованіе противъ правительства, утратившаго въ глазахъ народа и послѣдній авторитетъ, достигло высшаго предѣла; большая партія готовилась свергнуть чужое иго и возстановить конституцію 3 мая. Въ Варшавѣ стоялъ отрядъ русскихъ войскъ, безъ присутствія котораго жизни сторонниковъ Россіи грозила опасность и было бы невозможно пребываніе въ столицѣ русскаго посла. 6 апрѣля 1794 г., въ Великій четвергъ, заговорщики напали на русскія войска, воспользовавшись тѣмъ, что цѣлые отряды были безъ оружія въ церквахъ; прежде чѣмъ удалось сколько-нибудь организовать оборону, было перерѣзано свыше 2.000 чел. русскихъ солдатъ; лишь съ величайшими усиліями и огромными потерями удалось пробиться изъ го-

рода остальнымъ. Поляки рѣшили биться на-смерть противъ русскихъ и пруссаковъ; главное начальство всѣми польскими силами было ввѣрено Ѳаддею Костюшкѣ. Въ Варшавѣ водворилась полная анархія; король потерялъ всякое значеніе; всѣмъ распоряжался спеціально созданный верховный правительственный совѣтъ, но и онъ не могъ удержать чернь, и въ Варшавѣ произведена была дикая расправа съ многими лицами, внушавшими подозрѣніе демагогамъ. Впрочемъ, все это продолжалось недолго: команда русскими войсками была вручена Суворову. Въ іюлѣ уже польскія войска потерпѣли серьезныя пораженія. 28 сентября Костюшко былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ, 4 ноября Суворовъ взялъ штурмомъ Прагу, укрѣпленное предмѣстье Варшавы, и столица Польши сдалась на милость побѣдителя. 5 января 1795 г. подписано было соглашеніе между Россіей, Австріей и Пруссіей, въ силу котораго остававшіяся еще части прежней Польши должны были быть подѣлены между ними такъ, чтобы каждое государство получило пріобрѣтенія, пропорціональныя его силамъ и населенію, и чтобы взаимныя сношенія ихъ силъ остались прежними; окончательно было все это установлено уже въ началѣ 1797 года. Россія получила около 2.000 кв. миль, Австрія—около 1.000, Пруссія—700 кв. миль съ г. Варшавой, Пруссія была очень недовольна размѣрами части, отведенной Австріи, но должна была примириться съ этимъ.

Паденіе Польши повлекло рѣшеніе судьбы Курляндіи, которая была самостоятельнымъ герцогствомъ, состоящимъ лишь въ ленной зависимости отъ Польши; теперь ей предстояло избрать, къ какому государству поступить въ подданство. Экономическіе интересы и политическія связи давно прочно скрѣпили Курляндію съ Россіей. Курляндское дворянство актами 17 и 18 марта 1795 г. рѣшило просить о присоединеніи герцогства къ Россіи; на это, само собою разумѣется, послѣдовало согласіе. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины вспыхнула война съ Персіей; она была прекращена Павломъ немедленно по восшествіи его на престолъ.

Король шведскій Густавъ III былъ убитъ въ 1793 г. на придворномъ балу полковникомъ Анкерштремомъ; на престолъ вступилъ сынъ Густава III, Густавъ IV Адольфъ. Регентъ королевства, герцогъ Зюдерманландскій, пришелъ къ мысли упрочить спокойствіе Швеціи и ея экономическое положеніе брачнымъ союзомъ молодого короля съ одною изъ дочерей вел. кн. Павла Петровича. 3 августа 1796 г. король шведскій и регентъ прибыли въ Петербургъ. Молодой король понравился въ царской семьѣ, и ему понравилась великая княжна Александра Павловна; казалось, что бракъ можетъ быть заключенъ не только по политическимъ расчетамъ, но и по сердечной склонности. На 11 сентября назначено было торжественное обрученіе — но оно не состоялось. Вопросъ о сохраненіи

русскою великою княжною и въ замужествѣ православнаго исповѣданія, на чемъ Екатерина твердо настаивала, не былъ окончательно выясненъ на предшествовавшихъ совѣщаніяхъ, и трудно сказать, на кого падаетъ вина этого: ближайшіе ли помощники императрицы слишкомъ понадѣялись, что въ послѣднюю минуту молодой король не рѣшится отказать въ тѣхъ уступкахъ, о которыхъ былъ споръ, или Густавъ IV неожиданно проявилъ то взбалмошное упрямство, которое было ему врожденно и довело его потомъ до необходимости отречься отъ престола. Какъ бы то ни было, но когда императрица ожидала въ присутствіи всего двора прибытія короля для обрученія, ей должны были доложить, что король отказался отъ намѣренія вступить въ бракъ съ великою княжною. Императрица Екатерина особенно любила эту свою внучку; неожиданный разрывъ сватовства ее чрезвычайно поразилъ; ея здоровье вдругъ ухудшилось; она перемогалась еще около полутора мѣсяца, но утромъ 4 ноября 1796 г. была найдена случайно вошедшимъ старымъ слугою безъ чувствъ на полу: ее сразилъ ударъ, и, не приходя въ себя, императрица Екатерина скончалась вечеромъ 6 ноября 1796 года.

VI.

Императрица Екатерина II въ домашнемъ быту.

Въ обзорѣ царствованія императрицы Екатерины II намъ постоянно приходилось говорить о трудахъ самой императрицы. Екатерина II, дѣйствительно, работала много, постоянно и регулярно. Всего больше времени и силъ она посвящала трудамъ управленія и законодательства, но и сверхъ того много читала, писала, интересовалась самыми различными областями умственной дѣятельности; въ этихъ занятіяхъ она находила отдыхъ отъ трудовъ царственныхъ и въ нихъ же почерпала новыя идеи и новыя силы для плодотворныхъ работъ законодательныхъ и административныхъ. Къ постоянной и большой работѣ былъ приспособленъ весь укладъ ея жизни.

Императрица обыкновенно проводила время съ конца сентября до середины мая въ Петербургѣ, остальную часть года — въ загородныхъ дворцахъ, по преимуществу въ Царскомъ Селѣ; работы императрицы не прерывались и въ лѣтніе мѣсяцы, но все-таки лѣто было временемъ отдыха, и свои досуги императрица посвящала по преимуществу садоводству, которое очень любила. За исключеніемъ какихъ-нибудь особенныхъ случаевъ время императрицы было распредѣлено чрезвычайно точно и жизнь ея шла очень правильно и единообразно.

Императрица вставала и зимою и лѣтомъ очень рано—около 6 часовъ; съ помощью двухъ горничныхъ она быстро совершала весьма незатѣйливый туалетъ, затѣмъ переходила въ небольшую комнату

рядомъ со спальней и немедленно принималась за работу; тутъ она обдумывала и подготовляла государственные акты, писала своимъ корреспондентамъ, занималась своими литературными и историческими трудами, вообще дѣлала то, въ чемъ не требовалось ей немедленнаго участія постороннихъ лицъ; отрываясь на нѣсколько минутъ отъ работы, императрица выпивала нѣсколько чашекъ крѣпкаго кофе, уже ожидавшаго ее, и время отъ времени бросала кусочки печенья или сахара своимъ любимымъ собачкамъ. Въ 9 часовъ императрица возвращалась въ спальню и начинала здѣсь работать со своими помощниками. Ежедневно являлся къ ней съ докладомъ оберъ-полицмейстеръ; генералъ-прокуроръ докладывалъ по понедѣльникамъ и четвергамъ, вице-канцлеръ — по субботамъ, оберъ-прокуроръ Синода и генералъ-рекетмейстеръ, черезъ котораго шли прошенія непосредственно на Высочайшее имя приносимыя—по средамъ и т. д. Въ случаѣ важныхъ дѣлъ каждый изъ лицъ, имѣвшихъ докладъ у императрицы, могъ просить пріема въ любой день и всегда былъ принимаемъ немедленно; во второй половинѣ царствованія Безбородко, въ рукахъ котораго было сосредоточено множество дѣлъ, бывалъ у государыни ежедневно. Доклады этихъ лицъ занимали полчаса или часъ; затѣмъ императрица работала со своими статсъ-секретарями, которыхъ было у нея обыкновенно 3 — 4 человѣка; съ ними государыня разсматривала самыя разнообразныя доходившія до нея дѣла: жалобы на высшія учрежденія, просьбы о разныхъ милостяхъ, доклады Сената и коллегій и т. д.; черезъ секретарей же давала она свои рѣшенія; на очень большомъ числѣ документовъ имѣются собственноручныя резолюціи Екатерины II или подписанныя ею надписи, сдѣланныя по ея указаніямъ ея секретарями. Въ этомъ проходило время до 12 часовъ или до половины перваго; тогда занятія прекращались, и императрица начинала свой туалетъ. Въ небольшой уборной она одѣвала то платье, въ которомъ оставалась весь день, если не случалось какой-либо особой церемоніи, затѣмъ переходила въ официальную уборную, гдѣ доканчивала туалетъ уборомъ головы и добавленіемъ нѣсколькихъ украшеній къ платью, обыкновенно очень простому. Это былъ такъ называемый малый выходъ; допускались къ нему лишь самыя приближенныя лица, и присутствовать при немъ было высокою честью; въ послѣднее десятилѣтіе жизни Екатерины тутъ всегда бывали ея внуки, которыхъ государыня очень любила; во время туалета императрица бесѣдовала съ окружающими. Около часу въ началѣ царствованія и около двухъ въ концѣ его императрица шла къ обѣду. Къ столу государыни приглашались лица, которыя были къ ней близки, или тѣ, кому она желала оказать особый почетъ; обыкновенно обѣдало человѣкъ 12—15, рѣдко больше, часто меньше; иногда, особенно въ случаѣ недомоганія, Екатерина кушала во внутреннихъ покояхъ, съ двумя-тремя лицами; только въ торжественные дни число обѣдающихъ

съ императрицей достигало 30 — 35 чел. и лишь въ исключительныхъ превышало сто. Столъ былъ весьма простой; императрица сама кушала очень мало. Обыкновенно во время обѣда была музыка — играли то на кларнетахъ, то на кларнетахъ и волторнахъ, то на гусляхъ; въ торжественные дни была итальянская вокальная и инструментальная музыка, въ простые же дни иногда обѣдали и безъ музыки. Послѣ обѣда, продолжавшагося не болѣе часа, императрица удалялась и снова занималась — рѣже дѣлами государственными, чаще же тѣмъ, что ее интересовало спеціально. Въ эти же часы императрица обыкновенно совершала свои выѣзды по Петербургу; до обѣда она выѣзжала рѣже и обыкновенно для посѣщенія сенатскихъ засѣданій. Императрица нерѣдко посѣщала высшихъ представителей петербургскаго общества. Графъ Шереме-

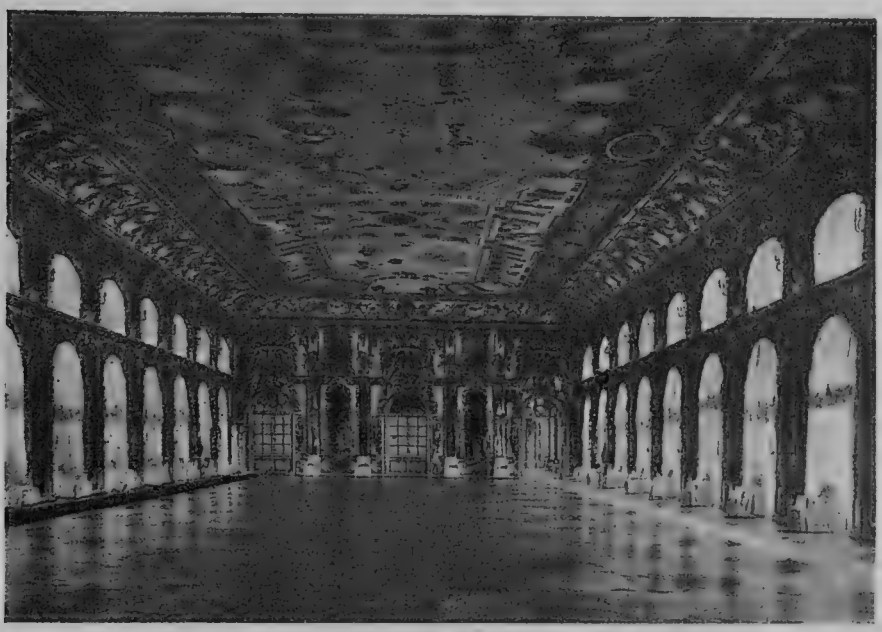
Большой Царскосельскій дворецъ.

тевъ, гр. Строгановъ, гр. Разумовскій, гр. Орловы, гр. Чернышевы, Нарышкины, Бецкій, Сиверсъ, Елагинъ, Мельгуновъ и др. нерѣдко принимали у себя государыню и днемъ, и къ обѣду, иногда и на вечернее кушанье и балы. Въ эти же часы государыня посѣщала Смольный институтъ, подолгу оставаясь тамъ въ кругу дѣтей совершенно запросто. На масленицѣ, особенно въ началѣ царствованія, выѣзды принимали характеръ оживленнаго, иногда даже шумнаго веселья, но и тогда сохраняли они такой тонъ, что никого не шокировали. Нерѣдко также императрица удостаивала своимъ присутствіемъ свадьбы разныхъ лицъ; свадьбы придворныхъ почти всегда совершались при дворѣ, и императрица обыкновенно благословляла молодую къ вѣнцу; еще чаще присутствовала императрица при крещеніи новорожденныхъ — эту честь оказывала она очень часто людямъ самаго скромнаго положенія.

Около 6 — $6^1/_2$ часовъ императрица выходила въ одинъ изъ покоевъ дворца, гдѣ уже заранѣе собирались лица, имѣвшія пріѣздъ ко двору, — это были такъ называемые куртаги. Государыня обходила присутствующихъ и запросто бесѣдовала, затѣмъ играла въ карты, въ шахматы, иногда на бильярдѣ; бывала на куртагахъ музыка, бывали куртаги и безъ музыки; иногда устраивались импровизированные танцы для молодежи, обыкновенно съ очень небольшимъ числомъ участниковъ: случалось, что танцовали всего 6 — 8 паръ. Иногда въ эти же часы давались на придворномъ театрѣ русская опера, русская трагедія, французская комедія, итальянская опера, балетъ; эти зрѣлища занимали обыкновенно часа $1^1/_2$; въ какомъ количествѣ собирались тутъ зрители, являвшіеся, конечно, лишь по приглашенію, можно судить по тому, что на представленіи комедіи «О, время!», когда было извѣстно, что написана она самою императрицею, число присутствующихъ было отъ 250 до 300 чел.: Петербургъ тогда былъ еще очень небольшимъ городомъ и только къ началу XIX в. число жителей въ немъ дошло до 200.000. Къ концу царствованія, когда устроенъ былъ великолѣпный Эрмитажъ, съ его драгоцѣнными художественными собраніями, императрица проводила свои вечера обыкновенно въ немъ. На всѣхъ собраніяхъ въ ея присутствіи неизмѣнно царила простота, свобода и самый благородный, простой тонъ; императрица давала этотъ тонъ и умѣла безошибочно допускать въ свое общество только тѣхъ, кто понималъ его и самъ умѣлъ его держаться. Изрѣдка устраивались во дворцѣ маскарады, ихъ посѣщала и Екатерина, когда была молода, и оставалась иногда до 3 — 4 часовъ ночи, но обыкновенно она удалялась во внутренніе покои около 9 — 10 часовъ и въ 11 уже почивала. Такъ шла жизнь государыни въ теченіе всего ея царствованія.

Совершенно естественно, что на пространствѣ 34-лѣтняго царствованія вкусы Екатерины не оставались постоянно одинаковыми: временами ее интересовало одно, временами другое. Первое время императрица Екатерина усиленно занималась государственными дѣлами, особенно законодательствомъ; за это время особенно много ея рѣшеній по дѣламъ сенатскимъ и по докладамъ важнѣйшихъ коллегій; издавъ въ 1767 г. Наказъ, черезъ 10 лѣтъ—Учрежденіе о губерніяхъ и еще черезъ десять — грамоты городамъ и дворянству, она больше уже не дала столь же важныхъ государственныхъ актовъ; труды по реформѣ Сената, по уголовному уложенію и финансовой организаціи, которыми занималась императрица Екатерина II послѣ выше перечисленныхъ, остались неоконченными: и силы императрицы съ годами ослабѣли, и самыя работы эти требовали спеціальныхъ познаній и умѣній, какими императрица не обладала. Въ законодательныхъ трудахъ Екатерины II принимали участіе ея статсъ-секретари, но играли они всегда чисто служебную роль: они дѣлали иногда по ея указаніямъ разныя извлеченія и выписки,

поправляли слогъ въ окончательной редакціи, все же главнѣйшее и даже всѣ важнѣйшія частности всегда были установлены самою императрицею: всѣ черновики и Наказа и Учрежденія о губерніяхъ писаны сплошь рукою императрицы и даже по нѣсколько разъ, потому что Екатерина неохотно вносила поправки въ разъ написанный текстъ, а предпочитала прямо переписать заново и при этомъ измѣнить то, что представлялось необходимымъ исправить. Но какъ ни были значительны и по объему и по содержанію эти законодательные акты, они далеко не занимали всего



Парадный залъ въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ.

времени и вниманія Екатерины, и она работала еще въ очень многихъ областяхъ; она говорила, что не можетъ прожить дня, не написавъ ничего, что видъ бумаги и чернилъ вызываетъ въ ней почти непреодолимое желаніе писать. И литературное наслѣдіе Екатерины II огромно. Академія Наукъ издала въ 12 большихъ томахъ ея литературныя и историческія произведенія; переписка ея съ Гриммомъ и другими корреспондентами содержитъ около 4.000 листовъ, бумаги по составленію Наказа — около 1.000, по реформѣ Сената—столько же, если не больше, и т. д. Въ серединѣ царствованія Екатерина помѣстила нѣсколько статей въ журналѣ «Всякая Всячина», и написала нѣсколько комед'й; онѣ не представляютъ собою чего-либо необычайнаго но лучшія изъ нихъ — «О, время!», «Именины г-жи Ворчалкиной», «Госпожа Вѣстникова съ семьею» — по своему времени произведенія не безъ достоинствъ и въ смыслѣ литературномъ уступаютъ лишь самымъ

лучшимъ комедіямъ того времени. По другимъ подобнымъ произведеніямъ и особенно по запискамъ и мемуарамъ можно видѣть, что типы общества того времени обрисованы чрезвычайно удачно и правдиво, поскольку правдивость изображенія допускалась господствовавшими тогда литературными пріемами и вкусами; такъ какъ императрица не имѣла возможности вступать въ частыя или близкія сношенія съ тѣми кругами, какіе выведены въ ея лучшихъ комедіяхъ, то объяснять житейскую ихъ правду можно отчасти бесѣдами Владиславлевой, которая была до 1757 г. камерфрау Екатерины: по словамъ Екатерины эта женщина была одарена большою наблюдательностью, отлично разсказывала и передала ей множество свѣдѣній о жизни петербургскаго общества. Но главную роль играла тутъ наблюдательность самой Екатерины, ея способность дорисовывать себѣ характеры по нѣсколькимъ черточкамъ, на поверхностный взглядъ едва уловимымъ. Екатерина была одарена настоящимъ литературнымъ дарованіемъ: ея «Записки» не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Это произведеніе было написано Екатериною безъ всякаго посторонняго участія и оно больше всѣхъ другихъ ея сочиненій отмѣчено яркимъ талантомъ; мѣткость характеристикъ, живость многихъ сценъ сдѣлали бы честь любому романисту въ Россіи не только XVIII в., но и начала XIX в.; въ русской литературѣ XVIII в., довольно богатой подобнаго рода произведеніями, нѣтъ другихъ записокъ, столь же интересныхъ и увлекательныхъ; если въ нихъ иныя частности представляются не совсѣмъ точно изложенными, а кое-что освѣщено иногда односторонне и спеціально избраннымъ свѣтомъ, то литературнаго достоинства записокъ это не уменьшаетъ.

Въ 80-хъ годахъ императрица Екатерина участвовала въ журналѣ «Собесѣдникъ любителей русской словесности», который издавался кн. Дашковой при Академіи Наукъ. Она помѣстила тутъ, подъ названіемъ «Были и небылицы», рядъ полушутливыхъ статей, своего рода фельетонъ. Не заключая въ себѣ чего-либо особенно выдающагося, и эти статьи не хуже большинства подобныхъ произведеній въ тогдашнихъ журналахъ. Къ этому же періоду времени относится рядъ сценическихъ произведеній государыни: оперы «Ѳедулъ съ дѣтьми», «Февей», «Горе-богатырь Косометовичъ», сценическое представленіе «Начальное правленіе Олега» и др.; они уже значительно слабѣе комедій, писанныхъ въ 70-хъ годахъ; государыня состарѣлась и такъ какъ раньше, когда она писала произведенія болѣе значительныя, ими слишкомъ восторгались, то теперь Екатеринѣ стало казаться, что хорошо все, ею написанное. Въ этихъ произведеніяхъ Екатеринѣ принадлежитъ уже сравнительно небольшая часть, обыкновенно общая идея пьесы и отдѣльныя сцены; значительныя части, написанныя стихами, сочинены уже не государыней, а ея помощниками—Храповицкимъ и другими; но отвѣтственность за эти произведенія

ложится, конечно, цѣликомъ на Екатерину, и къ литературной ея славѣ они ничего не прибавляютъ. Свидѣтель совершенно независимый и безпристрастный, гр. Сегюръ, воздавая часто великія хвалы уму и такту государыни, говоритъ, что ему иногда бывало просто неловко присутствовать на представленіи этихъ оперъ и видѣть, что такая умная женщина занимается такими «ребячествами».

По мѣрѣ того, какъ подрастали внуки, императрица стала снабжать ихъ подходящимъ для нихъ чтеніемъ; съ этою цѣлью

Зеркальный кабинетъ имп. Екатерины въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ.

она написала сказки о царевичѣ Февеѣ и царевичѣ Хлорѣ и азбуку. Эти произведенія весьма выгодно выдѣляются въ небогатой тогда и у насъ и въ Европѣ дѣтской литературѣ; съ фабулою, вполнѣ доступною дѣтскому пониманію, въ нихъ соединены нравоученія не глубокія, но во всякомъ случаѣ несравнимыя съ тѣми пошлостями, какими наполнены многія другія дидактическія произведенія того времени. Отчасти съ цѣлью поучать внуковъ императрица начала заниматься русскою исторіею — и увлеклась этою работой. Плодомъ ея явились «Записки касательно Россійской исторіи».

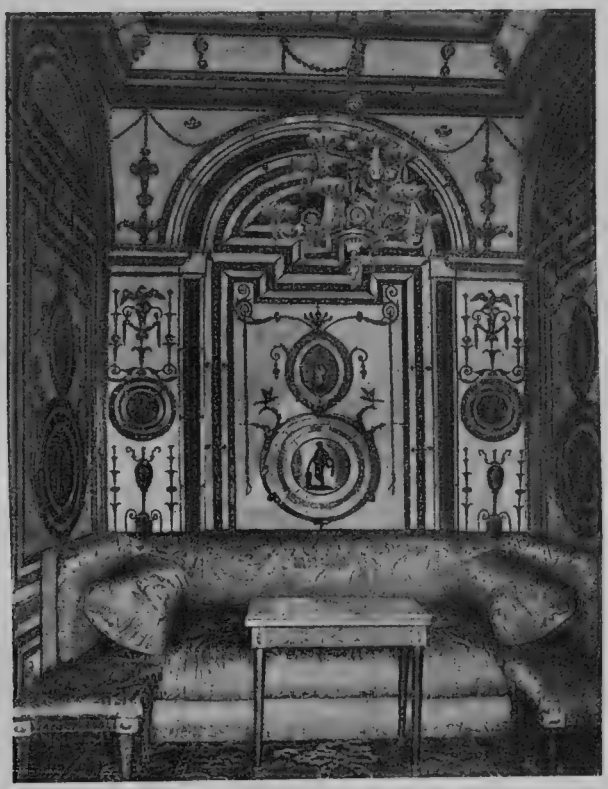
Это рядъ выписокъ изъ лѣтописей, приведенныхъ въ хронологическій порядокъ; научное значеніе этихъ работъ совершенно незначительно; въ нихъ отсутствуютъ историческая критика и научный методъ, онѣ представляютъ собою произведеніе вполнѣ дилетантское, но все же эти работы императрицы гораздо выше историческихъ писаній Сумарокова. Конечно, написанное Екатериною по исторіи значительно уступаетъ трудамъ кн. М. М. Щербатова, но, тѣмъ не менѣе, свидѣтельствуетъ о незаурядномъ интересѣ къ знанію. Екатерина готовилась, сколько могла, серьезно къ своей исторіи; она не ограничивалась историческими писаніями Вольтера, которыя долго для многихъ были единственнымъ источникомъ научныхъ свѣдѣній, она читала, между прочимъ, и Гиббона. Заинтересовалась государыня также и лингвистическими наблюденіями, которыя всегда останавливаютъ на себѣ вниманіе болѣе или менѣе пытливыхъ умовъ, когда впервые предстаютъ предъ ними въ связи съ историческими работами — и Екатерина занялась составленіемъ сравнительнаго словаря многихъ языковъ; филологическія соображенія Екатерины теперь прямо смѣшны, но въ этой области тогда и профессіональные ученые недалеко ушли отъ нея.

Императрица Екатерина отлично знала французскую литературу XVIII в., но нѣмецкая осталась ей совершенно чужда: въ то время, когда складывались міровоззрѣніе и литературные вкусы Екатерины, въ Германіи почти ничего замѣчательнаго не было, и великія произведенія Лессинга, Гете и Шиллера появились тогда, когда Екатерина была совершенно сложившимся человѣкомъ; эти созданія нѣмецкаго генія шли слишкомъ въ разрѣзъ со всѣмъ, къ чему привыкли люди, выросшіе на французской литературѣ XVII — XVIII вв.; они не завоевали вниманія Екатерины; Фридрихъ II, умершій всего за 10 лѣтъ до Екатерины, тоже не зналъ еще великихъ произведеній нѣмецкаго генія, хотя для пробужденія и подъема его онъ сдѣлалъ такъ много.

Интересовалась, наконецъ, Екатерина и успѣхами наукъ естественныхъ и здѣсь, съ присущею ей чуткостью, останавливала свое вниманіе на сочиненіяхъ дѣйствительно выдающихся; «Эпохи натуры» Бюффона весьма ее заинтересовали; она вступила въ переписку съ этимъ великимъ естествоиспытателемъ и оказала ему знаки милостиваго вниманія.

Что касается области искусства, то императрицу Екатерину можно считать насадительницею въ Россіи интереса и любви къ твореніямъ великихъ художниковъ. Не легко указать въ этой области что-либо значительное, что появилось бы въ Россіи еще до царствованія Екатерины II; во всякомъ случаѣ, до нея произведенія искусства Западной Европы считались въ Россіи единицами. Екатерина не щадила средствъ на пріобрѣтеніе высокихъ созданій искусства; она собрала сокровища, которыя составили основу

Эрмитажа — и во всемъ мірѣ послѣ нея уже никому не удалось собрать коллекцій, столь же замѣчательныхъ: тѣ собранія Европы, которыя превосходятъ Эрмитажъ, возникли гораздо ранѣе, чѣмъ этотъ послѣдній. Императрица съ большою охотою пріобрѣтала картины, статуи, рисунки, гравюры, рѣзные камни, художественные предметы обстановки; лично ее особенно интересовали нѣкоторые художники, какъ, напр., Менгсъ, Терезина Маронъ, Анжелина Кауфманъ, Гюберъ, которыхъ теперь никто не ставитъ въ ряды



Будуаръ императрицы Екатерины II въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ.

геніевъ, но Екатерина пріобрѣла и такія произведенія, которыя навѣки будутъ украшеніемъ и гордостью всякаго собранія. Усерднымъ и добросовѣстнымъ пособникомъ русской императрицы въ этихъ ея трудахъ были Гриммъ въ Парижѣ и отчасти Рейффенштейнъ, другъ Гете, въ Римѣ. Впрочемъ, не надо преувеличивать затратъ, на эти собранія произведенныхъ. Всѣ счеты Гримма сохранились; ихъ полнота и точность могутъ быть доказаны неоспоримо. Оказывается,что всего черезъ его руки прошло въ 20 лѣтъ около $1^1/_2$ милл. руб., т.-е. по 75000 р. въ годъ въ среднемъ, при чемъ много расходовалось изъ тѣхъ же суммъ на такія

издержки, какъ изданіе сочиненій Вольтера (100.000 р.), на пенсіи художникамъ и ученымъ, и выдачи эмигрантамъ; если сравнить эти цифры съ тогдашнимъ государственнымъ бюджетомъ Россіи, то увидимъ, что для своего времени эти траты представляли собою то, что теперь составляли бы 2 милл. руб. въ годъ; конечно, это немного, и надо скорѣе жалѣть, что не удалось употребить на подобные расходы суммъ болѣе крупныхъ.

Императрица Екатерина въ теченіе всего своего царствованія вела обширную корреспонденцію со многими выдающимися людьми своего времени. Мы оставляемъ въ сторонѣ тѣ письма, которыми она обмѣнивалась съ Фридрихомъ II прусскимъ, съ его братомъ Генрихомъ, съ Іосифомъ II и другими коронованными особами, хотя и въ этихъ письмахъ отводилось много мѣста предметамъ и вопросамъ, ничего общаго съ политикой не имѣющимъ. Помимо этого, списокъ корреспондентовъ Екатерины II очень великъ: въ числѣ ихъ видимъ г-жу Жоффрэнь, салонъ которой славился въ Парижѣ, г-жу Бьелке въ Гамбургѣ, даму, близкую родительницѣ государыни; далѣе видимъ писателей и ученыхъ, какъ Вольтеръ, Дидро, Д'Аламберъ, Мармонтель, Мерсье-де-ля Ривьеръ, Бюффонъ, докторъ Циммерманъ, знаменитаго скульптора Фальконета, принца де-Линя и др.; всего больше писемъ Екатерины къ Мельхіору Гримму и отъ него къ государынѣ. Гриммъ былъ нѣмецъ по происхожденію; онъ былъ представителемъ при французскомъ дворѣ отъ герцогства Саксенъ-Готскаго и, можно сказать, вполнѣ натурализировался въ Парижѣ. Въ XVIII в. частная что переписка вообще имѣла совсѣмъ другой характеръ и значеніе, чѣмъ теперь. Весьма слабое развитіе періодической печати побуждало корреспондентовъ сообщать другъ другу много того, что теперь становится всѣмъ извѣстно изъ газетъ; при этомъ естественно приходилось иногда высказываться по разнымъ поводамъ, такъ что переписка принимала характеръ своего рода трактатовъ по вопросамъ политики, литературы, науки, морали и т. д. Такова именно и была переписка Екатерины съ упомянутыми лицами. Особенно интересна, разнообразна по содержанію и значительна по объему переписка государыни съ Гриммомъ, длившаяся съ середины 70-хъ годовъ до кончины императрицы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта переписка переходитъ какъ бы въ дневникъ Екатерины: въ иные періоды государыня писала Гримму ежедневно и черезъ 2 — 3 мѣсяца отсылала ему цѣлую тетрадь. Гриммъ, дважды посѣтившій Петербургъ, былъ горячо привязанъ къ Екатеринѣ; объ этомъ свидѣтельствуютъ не только письма его къ ней, но и воспоминанія послѣ ея кончины. Екатерина платила ему также полнымъ довѣріемъ, высоко цѣнила его деликатность и тактъ и не разъ высказывала, что съ нимъ бесѣдуетъ особенно охотно, такъ какъ чувствуетъ большое сходство въ общемъ складѣ его и своего ума. Она настаивала, чтобы Гриммъ уни-

чтожалъ ея письма, и, повидимому, настаивала вполнѣ искренно, а обстоятельства доказали, что она не напрасно тревожилась по этому вопросу: одно изъ писемъ ея къ пр. де-Линю по неосторожности послѣдняго было списано, а затѣмъ и опубликовано — и вызвало бурю негодованія; въ Парижѣ во время революціи чернь разграбила домъ Гримма, отчасти именно за сношенія его съ императрицей; но письма Екатерины были Гриммомъ уже заблаговременно спасены въ надежномъ мѣстѣ. Между тѣмъ были особыя причины, по которымъ Екатерина не желала, чтобы ея письма къ Гримму стали извѣстны: въ нихъ она откровеннѣе, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ, и не щадитъ ни современныхъ ей государей, ни наиболѣе вліятельныхъ общественныхъ дѣятелей, ни самой себя наконецъ, такъ какъ писала Гримму рѣшительно обо всемъ. Со своимъ старымъ корреспондентомъ она дѣлилась и личнымъ горемъ, когда ее постигала смерть близкихъ ей людей, и личными радостями, когда она находила въ комъ-либо около себя—иногда и увлекаясь—исключительныя качества ума и сердца, и своими радостями при видѣ подраставшихъ внуковъ, которыхъ старая бабушка горячо любила. Преобладающее содержаніе переписки Екатерины съ Гриммомъ составляютъ бесѣды о литературѣ и искусствѣ и о политическихъ событіяхъ времени. Чрезвычайно объемистая переписка эта является драгоцѣннымъ источникомъ, черезъ который мы знакомимся со всѣмъ, что интересовало Екатерину, что занимало ее помимо обязанностей ея сана, и общее впечатлѣніе отъ писемъ Екатерины самое благопріятное, какъ въ смыслѣ широты ея интересовъ, такъ и въ смыслѣ характера ея отношеній къ себѣ и къ другимъ людямъ. Со стороны Гримма переписка проникнута восторгомъ предъ дарованіями и дѣлами государыни и переполнена такими восхваленіями, которыя, въ концѣ-концовъ, не могли не оказать на Екатерину извѣстнаго вліянія. Екатерина знала, что другія царственныя особы тоже имѣли корреспондентовъ, могла безъ ошибки сказать, что и онѣ не прочь были читать себѣ диѳирамбы, но знала, что другимъ принцамъ и принцессамъ такихъ писемъ, какъ ей, не писали; она не могла не заключить изъ этого, что она превосходитъ ихъ своими достоинствами.

Гриммъ и нѣкоторые другіе корреспонденты воскуряли русской императрицѣ настоящій ѳиміамъ. «Catherine la Grande» — это еще самый обычный и самый умѣренный изъ комплиментовъ, которые расточались предъ Екатериной; къ ней примѣнялись эпитеты, въ свое время данные императору Титу: ее именовали «humani generis decus et solatium», ее называли «славою Германіи, радостью Россіи, гордостью Европы»; «императрица всѣхъ сердецъ», «безсмертная императрица» — титулы, часто ей даваемые; ей говорили, что ея письма производятъ такое же чарующее впечатлѣніе, какъ картины Рафаэля, что самъ Тацитъ не могъ бы писать лучше, чѣмъ она—«Маркъ-Аврелій-Катерина». И Вольтеръ и Гриммъ прямо примѣняли

къ ней священныя пѣснопѣнія, составляли цѣлыя богослуженія въ честь ея, въ которыхъ читалось: «Catharina nostra, quae es in Rossia», пѣлось «Te, Catharinam, laudamus», и произносился какъ бы Символъ Вѣры начинавшійся такъ: «Вѣрую въ Екатерину единую, хотя и Вторую»; по ея адресу примѣнялись и нѣкоторыя изъ пѣснопѣній, введенныхъ Лютеромъ. Сколько бы мы ни отбросили во всемъ этомъ преувеличеній, иногда переходящихъ мѣру, остается фактомъ, что наиболѣе выдающіеся люди вѣка писали Екатеринѣ такъ, какъ не писали они никому изъ другихъ государей своего времени. При этомъ несомнѣнно, что Гриммъ, авторъ наиболѣе лестныхъ для Екатерины писемъ, былъ человѣкъ истинно благородной души; въ этомъ нельзя не убѣдиться, читая, какъ относился онъ предъ Екатериной о другихъ людяхъ, особенно же о тѣхъ, кто бывалъ государынѣ неугоденъ, какъ старался онъ въ такихъ именно случаяхъ быть осторожнымъ въ своихъ словахъ; онъ никогда не сказалъ во всей своей перепискѣ чего-либо такого, что могло бы кому-нибудь повредить или даже просто казаться неблагопріятной инсинуаціей. Въ его письмахъ на ряду съ множествомъ такихъ преувеличенныхъ, чрезмѣрныхъ похвалъ много выраженія и настоящей, сердечной преданности, глубокаго, искренняго уваженія. Такое соединеніе могло лишь еще болѣе вліять на того, къ кому обращены письма, и если несомнѣнно, что похвалы иностранныхъ корреспондентовъ содѣйствовали тому, что Екатерина увѣровала въ свои исключительныя достоинства, нѣсколько преувеличенныя ея поклонниками, то можно удивляться и тому, что эти письма оказали только то вліяніе, какое оказали, а не гораздо большее.

Семейная жизнь императрицы сложилась неудачно. Послѣ смерти нелюбимаго и ее не любившаго мужа она осталась одна съ восьмилѣтнимъ сыномъ, и кромѣ сына у нея, можно сказать, никого родныхъ не было; она никогда не допускала къ себѣ въ Россію никого изъ своей нѣмецкой родни. Въ одномъ письмѣ къ г-жѣ Бьелке, съ которою Екатерина была очень откровенна, она говоритъ, что охотно окажетъ поддержку нѣкоторымъ своимъ родственникамъ, но пріѣзда ихъ въ Россію не желаетъ: «это слишкомъ напомнило бы царствованіе Петра Ѳеодоровича», объясняетъ она; Екатерина считала, что при отсутствіи въ Россіи другихъ представителей царскаго дома кромѣ ея и ея сына, она, не будучи русскою по происхожденію, сдѣлала бы безтактность по отношенію ко всему русскому народу, если бы окружила себя роднею нѣмецкою. Въ царствованіе Екатерины II въ Россію пріѣзжали прусскіе принцы, король шведскій, императоръ германскій, но только съ визитами политическаго характера; кромѣ нихъ пріѣзжали, лишь въ сопровожденіи своихъ ближайшихъ родственницъ, нѣмецкія принцессы въ качествѣ невѣстъ для русскихъ великихъ князей, на бракосочетанія были приглашаемы ихъ родственники — и только; лишь въ концѣ царствованія въ Петербургѣ по-

явился братъ цесаревны Маріи Ѳеодоровны, но онъ отличался чрезвычайно непріятнымъ характеромъ и скоро оставилъ Россію. Того, что называется родственнымъ чувствомъ, Екатерина словно совсѣмъ не имѣла; во всякомъ случаѣ, ставъ русскою императрицею, она какъ бы совсѣмъ забыла о всѣхъ, кто приходился ей сродни какъ нѣмецкой принцессѣ, а завѣщаніе, или, лучше сказать, наброски завѣщанія, писанные въ 1792 г., Екатерина заканчиваетъ такими словами: «Для блага имперій Россійской и греческой совѣтую отдалить отъ дѣлъ и совѣтовъ оныхъ имперій принцевъ Виртембергскихъ и съ ними знаться, какъ возможно менѣе, равномѣрно отдалить отъ совѣтовъ обоихъ полъ (т.-е. того и другого пола) нѣмцевъ».

Неблагопріятно сложились и отношенія Екатерины къ сыну. Извѣстно, что немедленно по рожденіи вел. кн. Павелъ Петровичъ былъ взятъ на свое попеченіе императрицею Елизаветою Петровною, Екатерина же была отстранена отъ его воспитанія; но едва ли это обстоятельство могло повліять на отношеніе матери къ сыну, тѣмъ болѣе, что съ 8-лѣтняго возраста сына Екатерина опять имѣла его всегда съ собою. До 15—16-лѣтняго возраста вел. кн. Павла Петровича отношенія его и матери не оставляли желать ничего лучшаго. Въ эти годы Екатерина часто писала своимъ корреспондентамъ о сынѣ съ самымъ сердечнымъ, теплымъ чувствомъ, такимъ же чувствомъ проникнуты и письма ея къ сыну и многочисленныя записки къ Н. И. Панину, воспитателю Павла, въ которыхъ государыня спрашивала о великомъ князѣ и посылала ему привѣты. Впослѣдствіи, когда отношенія между императрицей и ея сыномъ установились холодныя, совершенно измѣнился и тонъ писемъ; и если за это время письма ясно отражаютъ ихъ чувства другъ къ другу, то есть всѣ основанія думать, что императрица, не скрывавшая своихъ недобрыхъ чувствъ къ сыну, когда онъ былъ уже взрослымъ человѣкомъ, не выражала ему притворной любви и въ первыя 10 лѣтъ царствованія, а дѣйствительно относилась къ нему хорошо: конечно, скорѣе могли быть причины прикрывать дурныя отношенія къ взрослому сыну, чѣмъ надѣвать личину въ отношеніяхъ къ ребенку и юношѣ. Отношенія испортились тогда, когда великому князю было лѣтъ 18—20. Къ этому времени опредѣленно обрисовался характеръ и весь духовный обликъ цесаревича, и стало совершенно ясно, что великій князь унаслѣдовалъ слишкомъ много душевныхъ и умственныхъ свойствъ своего отца и что съ матерью у него очень мало общаго: тотъ кругъ вопросовъ и идей, который интересовалъ Екатерину, былъ чуждъ и даже враждебенъ Павлу, его, наоборотъ, привлекало то, что Екатеринѣ казалось мелкимъ и недостойнымъ вниманія; великій князь въ отношеніи къ окружающимъ проявлялъ рѣзкость, вспыльчивость, склонность къ необдуманнымъ рѣшеніямъ, тогда какъ Екатерина относилась всегда къ людямъ съ внимательностью и

деликатностью. Великій князь обнаруживалъ полное нежеланіе — или, быть-можетъ, и въ самомъ дѣлѣ былъ неспособенъ — измѣнить свои интересы и привычки, а для императрицы не могло остаться тайною, что онъ лишь при ней сдерживалъ себя, въ дѣйствительности же относился недружелюбно ко всѣмъ, кто ее окружалъ, и считалъ чуть не всѣ дѣйствія матери ошибочными и неосновательными. И тамъ, гдѣ онъ оказывался въ положеніи, которое давало ему возможность выразить свое критическое отношеніе къ дѣйствіямъ матери—при заграничныхъ дворахъ—онъ не умѣлъ воздержаться отъ отзывовъ очень рѣзкихъ, хотя казалось бы, что именно въ этихъ случаяхъ подобная критика была особенно неумѣстна. Быть-можетъ, на поведеніе Павла Петровича вліяла мысль, что ему принадлежитъ право на тронъ, который заняла его мать. Но и въ такомъ случаѣ надо признать, что онъ неправильно представлялъ себѣ положеніе дѣла и избралъ не тотъ путь для своего поведенія, который можно бы назвать наилучшимъ. Онъ не долженъ былъ забывать, что не было въ то время закона, который бы обезпечивалъ ему право наслѣдованія отцу, что порядокъ престолонаслѣдія не былъ опредѣленъ строго, и что только путемъ перенесенія нормъ гражданскаго права въ область вопросовъ права государственнаго можно было доказывать права сына наслѣдовать отцу на престолѣ; но такое перенесеніе было, очевидно, не неоспоримо, и почти съ такимъ же основаніемъ можно было бы выводить и право каждаго изъ сыновей государя на часть имперіи. Великій князь Павелъ Петровичъ долженъ былъ бы примириться съ создавшимся положеніемъ даже и не только на основаніи вышеуказанныхъ соображеній, а еще и потому, что онъ не могъ не понимать — и дѣйствительно это понималъ отлично, — что для него невозможно заставить мать уступить ему власть, такъ какъ многочисленнѣйшіе и могущественнѣйшіе круги общества, несомнѣнно, желали, чтобы она сохраняла за собой престолъ, который заняла. Со всѣми этими идеями великій князь не могъ справиться; онъ чувствовалъ, что сила вещей подчиняетъ его себѣ, и не хотѣлъ или не могъ съ этимъ примириться. У цесаревича создались съ матерью тѣ худыя отношенія, которыя образуются иногда въ нѣдрахъ семьи и являются столь же тягостными, сколь и неизмѣнимыми; причины раздора были и, такъ сказать, государственныя, и часто личныя, и послѣднія были сильнѣе и глубже первыхъ. Какъ во всякомъ семейномъ разладѣ рѣшить, на чьей сторонѣ главная вина, невозможно, и приходится лишь признать несомнѣнный и печальный фактъ. Съ обѣими супругами Павла Петровича Екатерина пыталась установить возможно лучшія отношенія, но это удавалось лишь на очень короткое время; и первая и вторая супруги вел. кн. Павла Петровича въ отношеніяхъ его къ матери считали правымъ его одного—и семейный раздоръ сохранялся въ полной силѣ.

Дѣтей вел. кн. Павла Петровича, особенно двухъ старшихъ его сыновей Александра и Константина, Екатерина любила чрезвычайно; можно сказать, что на нихъ она направила весь запасъ любви къ младшему поколѣнію, какой былъ въ ея сердцѣ. Съ первыхъ дней жизни великіе князья поступали на попеченіе бабушки, и она ухаживала за внуками такъ, что больше и лучше заботиться о нихъ не могла и мать. Физическое воспитаніе этихъ дѣтей Екатерина поставила очень хорошо: ея внуки росли въ условіяхъ, которыя затѣмъ повсюду были признаны наиболѣе цѣлесообразными — безъ излишней нѣги, на чистомъ воздухѣ, съ возможностью свободно играть, сколько хотѣлось ребенку. И мальчики росли здоровыми, веселыми и очень милыми, особенно старшій. Бабушка восхищалась Александромъ чрезвычайно; онъ, дѣйствительно, наполнялъ ея жизнь; всякій шагъ въ его умственномъ развитіи она подмѣчала съ восторгомъ и восхищалась, находя, что ея внукъ необычайно развитъ и обнаруживаетъ наклонности, исключительно хорошія. Нельзя безъ симпатіи читать, какъ императрица пишетъ Гримму о своемъ любимомъ внукѣ, присоединяя тутъ же собственноручный рисунокъ рубашечки, которую онъ носитъ. Согласно взглядамъ своего времени, Екатерина твердо вѣрила въ возможность воспитаніемъ создать новую породу людей, развитой разумъ которыхъ будетъ вѣрнѣйшимъ руководителемъ и избавитъ человѣка отъ всякихъ крайностей и ошибокъ, вызываемыхъ, по мнѣнію адептовъ этого ученія, лишь недостаточно просвѣщеннымъ умомъ. И ей казалось, что въ лицѣ Александра она воспитываетъ именно такого совершеннаго человѣка, и что онъ принесетъ величайшую пользу людямъ. Его будущая роль рисовалась ей тѣмъ величественнѣе, что она мечтала устранить своего сына отъ престолонаслѣдія и передать власть прямо старшему своему внуку, горячо любимому Александру Павловичу. Но дѣйствительность жестоко обманула императрицу, хотя при ея жизни и не раскрылась съ полною ясностью. Вел. кн. Александръ Павловичъ оказался въ обстановкѣ совершенно исключительной; онъ росъ между царицей бабушкой и вѣроятнымъ наслѣдникомъ ея, своимъ отцомъ, между двумя людьми, которые, можно сказать, ни въ чемъ другъ съ другомъ не сходились и оба могли сыграть чрезвычайно важную роль въ его жизни — бабушка, какъ полновластная, въ каждую данную минуту, рѣшительница судьбы его и его отца, отецъ — какъ болѣе чѣмъ вѣроятный таковой же властелинъ въ ближайшемъ будущемъ; этимъ создавалась цѣпь положеній, въ которыхъ было чрезвычайно трудно сохранить расположеніе обѣихъ сторонъ, не оскорбить одну и не раздражить другую, сохраняя видъ полнаго прямодушія не выдать одной сторонѣ того, что̀ другая повѣряла ему какъ великую тайну. Вел. кн. Александръ Павловичъ въ совершенствѣ справился съ этою труднѣйшею задачею. Онъ оказался необычайно способ-

нымъ привлекать къ себѣ сердца, быть ежеминутно на стражѣ, никогда ни словомъ не проговориться, никогда не выдать себя ни жестомъ, ни миной; онъ былъ посвященъ бабушкой въ ея планы относительно его отца — и сумѣлъ выразить ей полное согласіе подчиниться ея волѣ, съумѣлъ въ то же время ничѣмъ не скомпрометировать себя предъ отцомъ и не вызвать его подозрѣніе. Съ отцомъ онъ увлекался тѣмъ, что Екатерина пренебрежительно называла «военными мелкостями», и заслужилъ одобреніе своего родителя, чрезвычайно взыскательнаго въ этомъ отношеніи, и не вызвалъ неудовольствія бабушки, которая на эти занятія вообще смотрѣла съ неудовольствіемъ. До конца дней императрица пребывала въ сладостномъ убѣжденіи, что ея обожаемый внукъ безусловно съ ней откровененъ и безусловно раздѣляетъ ея мысли и вкусы. Въ послѣдніе мѣсяцы жизни Екатерины даже ей стало ясно, что многія выходки вел. кн. Константина Павловича не могутъ уже быть объясняемы, какъ полудѣтскія шалости, а знаменуютъ недоброе сердце и дурной характеръ; но старшій внукъ попрежнему былъ утѣшеніемъ бабушки, доживавшей уже седьмой десятокъ лѣтъ и пережившей крушеніе многихъ надеждъ и упованій, которыя она питала съ молодости и, пожалуй, считала близкими къ осуществленію.

Событія послѣднихъ годовъ XVIII ст., особенно французская революція, вызвали большую перемѣну во взглядахъ и настроеніи императрицы. Почти всю жизнь она, какъ и другіе послѣдователи «просвѣтительной» философіи XVIII в., прожила въ убѣжденіи, что все на землѣ не только вѣрно, но и быстро идетъ къ лучшему, что впереди и даже близокъ золотой вѣкъ. Революція, вспыхнувшая для этихъ людей совершенно неожиданно, разрушила эту вѣру. Въ письмахъ къ Гримму все чаще и чаще останавливается императрица на этомъ вопросѣ и съ трогательнымъ смущеніемъ сознается, что не вѣритъ больше въ свой просвѣщенный вѣкъ, и что будущее рисуется ей въ мрачномъ свѣтѣ, послѣ того какъ она убѣдилась, что изъ тѣхъ ученій, которыя казались ей вѣрными источниками только блага, сдѣланы выводы, на практикѣ дающіе столько горя и зла. Мы отмѣчали выше, что Екатерина, какъ и другіе люди того времени, считала очень легкими перемѣны къ лучшему; какъ умная женщина Екатерина поняла, хотя и къ концу жизни, что улучшенія могутъ быть достигаемы только однимъ путемъ — путемъ труда.

Вызываетъ нареканія противъ императрицы Екатерины неоднократная смѣна ея фаворитовъ. Вполнѣ оправдать въ этомъ отношеніи государыню нельзя, но въ исторіи Екатерины императрицы эти факты ея жизни должны занимать мѣсто почти лишь постольку, поскольку она допускала то или другое лицо играть роль въ дѣлахъ государственныхъ не по его заслугамъ, а исключительно по положенію фаворита; кромѣ того, чтобы понять

это явленіе въ его истинномъ значеніи, необходимо не упускать изъ виду и особыя условія того времени, и нѣкоторые факты личной жизни Екатерины. Строгость нравовъ вообще, и въ частности семейныя добродѣтели, оцѣнивались въ XVIII в. совершенно иначе, чѣмъ теперь. Популярная философія того времени въ своей борьбѣ противъ религіи затрогивала не разъ и вопросы нравственности и объявляла ненужнымъ или незначительнымъ многое такое, что еще незадолго до того почиталось непоколебимымъ и обязательнымъ, — а всегда бываетъ, что изъ положенія, брошеннаго въ толпу, многіе дѣлаютъ выводы далеко болѣе рѣшительные и крайніе, чѣмъ тѣ, какіе представлялись естественными первымъ носителямъ этихъ новыхъ идей; въ результатѣ разрушительной борьбы противъ извѣстныхъ положеній въ области мысли обыкновенно являются потрясенія и сосѣдственныхъ областей человѣческаго духа. Невысокій уровень нравственности въ концѣ XVIII в. вообще въ Европѣ явленіе неоспоримое. Въ частности, семейная жизнь многихъ государей того времени была ничуть не лучше, чѣмъ семейная жизнь Екатерины, и изъ придворныхъ нравовъ многихъ государствъ можно указать факты, далеко оставляющіе за собою все, что происходило при дворѣ Екатерины. Екатерина къ тому же не знала настоящаго семейнаго счастья со своимъ мужемъ — и развѣ тотъ, кто самъ безъ грѣха, подниметъ на нее камень за то, что она искала этого счастья съ другими избранниками сердца. Она всегда горячо привязывалась, искренно увлекалась тѣмъ, кого удостаивала любви, жила въ значительной степени одной съ нимъ жизнью: совершенно ясно чувствуются разныя настроенія Екатерины, когда ей былъ близокъ Орловъ, когда Потемкинъ, Ланской, Дмитріевъ-Мамоновъ, Зубовъ. Очень часто Екатерина ошибалась въ своихъ избранникахъ, надѣляла ихъ въ своемъ воображеніи достоинствами, какихъ они не имѣли, но она всегда была вполнѣ искренна въ своемъ увлеченіи. Ни съ однимъ изъ людей, которыхъ Екатерина любила, она не разошлась такъ, чтобы было что-нибудь непріятное, тѣмъ болѣе оскорбительное для другой стороны, и если съ нѣкоторыми, разочаровавшись, разставалась довольно легко, то и тогда вполнѣ щадила самолюбіе и достоинство ихъ, а во многихъ случаяхъ отношенія были порваны не государыней. Главною причиною удаленія Гр. Орлова, почти 15 лѣтъ пользовавшагося расположеніемъ Екатерины, была глубокая страсть, вспыхнувшая въ его сердцѣ къ молодой и прекрасной Зиновьевой. Корсаковъ и Дмитріевъ-Мамоновъ измѣнили сами императрицѣ, и, какъ ни была она опечалена и оскорблена этимъ, она милостиво отнеслась къ своимъ невѣрнымъ друзьямъ. Потемкинъ былъ извѣстенъ Екатеринѣ съ дня ея воцаренія какъ энергичный офицеръ, но завоевалъ онъ расположеніе государыни и былъ ею приближенъ послѣ того, какъ въ минуты растерянности, наступившія при извѣстіяхъ о неожиданныхъ успѣхахъ Пугачева, онъ обратился къ императрицѣ съ горячимъ

письмомъ, въ которомъ говорилъ ей о своей готовности беззавѣтно ей служить — и до конца дней Потемкина Екатерина чрезвычайно высоко цѣнила этого оригинальнаго человѣка, соединявшаго въ своемъ характерѣ самыя странныя противоположности. Изъ всѣхъ окружающихъ Екатерину онъ былъ самымъ смѣлымъ администраторомъ, и государыня, сама одаренная энергіей и дѣйствительно много и разнообразно работавшая, искавшая энергіи и самостоятельности и въ другихъ, находя эти качества у Потемкина болѣе, чѣмъ у кого-либо другого, за нихъ особенно его цѣнила и прощала ему многое. Смерть Ланского причинила императрицѣ тяжелую и глубокую печаль; нельзя безъ сочувствія читать ея отчаянныя письма къ Гримму послѣ этой потери, выражающія искреннее горе; при всемъ умѣньи государыни владѣть собой ея неутѣшную тоску видѣли всѣ окружающіе и объ ихъ участіи, которое мало-по-малу вернуло ей интересъ къ жизни, она вспоминала съ трогательною признательностью. Наименѣе извинителенъ, безспорно, фаворъ Зубова, который какъ личность безусловно уступалъ и Орлову и Потемкину, и въ совершенно молодыхъ годахъ былъ вознесенъ уже состарившеюся императрицею на такое положеніе, котораго до него никто не занималъ, и получилъ важнѣйшее вліяніе на всѣ дѣла имперіи безъ малѣйшихъ на то правъ по своему уму и дѣятельности. Но за исключеніемъ его и Потемкина фавориты императрицы, повторяемъ, въ дѣлахъ государственныхъ участія почти не имѣли; государыня предоставляла имъ главную роль въ томъ, что составляло ея домашную, личную, интимную жизнь. Корсаковъ любилъ музыку — въ угоду ему улучшалась въ Петербургѣ опера; Ланской любилъ картины — онѣ усиленно пріобрѣтались, для Дмитріева-Мамонова была собрана великолѣпная коллекція камней. Не надо преувеличивать также и расходовъ, которые произведены были на фаворитовъ; императрица щедро одаривала ихъ, но она и вообще была щедра; дѣйствительно, цѣлыя состоянія получили братья Орловы, Потемкинъ, почти 15 лѣтъ занимавшій положеніе генералъ-губернатора четырехъ губерній, и Зубовъ; точно опредѣлить расходы этого рода нелегко, и мы, во всякомъ случаѣ, этимъ не займемся; но что они далеко ниже тѣхъ суммъ, о которыхъ съ полною увѣренностью говорятъ нѣкоторые современники, не имѣвшіе никакой возможности опредѣлить ихъ точно, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Нѣтъ также ни малѣйшаго сомнѣнія и въ томъ, что всякіе разсказы о распущенности нравовъ, будто бы открыто царившей при дворѣ Екатерины, являются плодомъ празднаго и злостнаго вымысла. Какъ разъ наоборотъ: неоспоримо, что весь внѣшній порядокъ двора былъ въ высшей степени правиленъ, и не только безусловно приличенъ, но скорѣе даже чопоренъ и торжественъ. Противъ всякихъ инсинуацій въ противоположномъ смыслѣ можно выставить сообщенія двухъ современниковъ, которые оба писали

послѣ смерти Екатерины, оба принадлежатъ къ числу свидѣтелей наиболѣе достовѣрныхъ и точныхъ, и оба отлично знали высшее общество и дворъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ столицахъ Европы—мы имѣемъ въ виду принца де-Линя и гр. Сегюра. Оба они совершенно согласно подчеркиваютъ, что при дворѣ Екатерины царили такая серьезность и скромность, какъ ни при какомъ другомъ дворѣ, что государыня была чрезвычайно мила и любезна въ обращеніи, любила веселье и шутки, но что всѣ шутки были непремѣнно строго приличны. Графъ Сегюръ пишетъ, что однажды онъ попробовалъ разсказать, въ самой осторожной формѣ, одинъ анекдотъ нѣсколько фривольнаго характера — и какъ только стало замѣтно, что въ разсказѣ есть нѣкоторая двусмысленность, императрица Екатерина очень ловко однимъ вопросомъ дала другое направленіе разговору, и анекдотъ остался недосказаннымъ, хотя Сегюръ утверждаетъ, что въ большинствѣ наиболѣе приличныхъ салоновъ Парижа подобный разсказъ былъ бы принятъ съ общимъ удовольствіемъ.

Мы изложили дѣятельное и богатое событіями царствованіе и прослѣдили жизнь императрицы Екатерины, не скрывая ея слабостей и ошибокъ. Попытаемся же въ заключеніе обрисовать опредѣленнѣе основныя черты ея умственнаго и нравственнаго строя и представить себѣ императрицу Екатерину какъ личность.

Наше вниманіе привлекаютъ прежде всего умственныя дарованія Екатерины II, и по мѣрѣ того какъ мы знакомимся съ ея жизнью и дѣятельностью, уваженіе къ ея выдающемуся уму все усиливается. Мы не поставимъ императрицу Екатерину въ рядъ такихъ дѣятелей, которые указываютъ новые пути или налагаютъ отпечатокъ своего генія на цѣлыя эпохи. Такимъ великимъ умомъ Екатерина не обладала: въ своихъ общихъ взглядахъ и въ политической дѣятельности она была не провозвѣстницею новыхъ идей, ею самою созданныхъ, а ученицею, которая слѣдовала опредѣленнымъ, выработаннымъ уже, доктринамъ. Но многіе изъ дѣятелей, которые далеко ниже людей геніальныхъ, все же стоятъ высоко надъ людьми средними — и Екатерина занимаетъ выдающее мѣсто среди этихъ людей. Она проявила свой умъ почти во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Ея участіе въ дѣлахъ государственныхъ было постоянно и весьма значительно — и ея царствованіе отмѣчено замѣчательными узаконеніями, блестящими успѣхами въ области внѣшнихъ сношеній, пріобрѣтеніями обширныхъ областей, войнами, слава которыхъ никогда не померкнетъ, и огромнымъ движеніемъ въ умственномъ развитіи общества. Императрица интересовалась литературой — и кромѣ нѣсколькихъ хорошихъ комедій оставила вы-

соко замѣчательные мемуары. Императрица любила искусство—и интересъ къ нему она почерпнула прямо въ своемъ собственномъ духѣ: она поняла интересъ и важность этой отрасли человѣческаго генія ранѣе, чѣмъ имѣла возможность познакомиться съ великими художественными произведеніями. Интересовалась императрица и научною дѣятельностью и повсюду и во всемъ всегда умѣла угадать и почувствовать дѣйствительно цѣнное и миновать мелкое, лишенное серьезнаго внутренняго содержанія. Коротко говоря, Екатерина интересовалась самыми различными проявленіями человѣческой дѣятельности и во всемъ умѣла стать высоко и понять все лучшее, все великое.

Съ обширнымъ, живымъ и яснымъ умомъ Екатерина II соединяла истинно великій духъ: она была смѣлая и безстрашная, твердая въ опасностяхъ женщина. Ни одного момента не видимъ мы въ ея исторіи, когда бы она была испугана, растерялась, а удивительную смѣлость она показывала многократно — и въ день восшествія на престолъ, и подвергаясь прививанію оспы, которая долго внушала большинству настоящій ужасъ, и въ Крыму среди татаръ, и въ столицѣ, почти лишенной войска, подъ ежечаснымъ ожиданіемъ появленія враговъ. Ничего не предпринимая въ огражденіе своей безопасности, годами жила Екатерина подъ охраной лишь дворцовой прислуги тогда, когда въ Гатчинѣ и Павловскѣ были батальоны, которые могли бы повторить тотъ день 28 іюня, подъ страхомъ котораго жилъ все свое царствованіе ея сынъ. Екатерина вѣрила въ свою звѣзду и въ силу своей власти надъ людьми, и жила спокойно.

Съ энергическимъ характеромъ, съ твердымъ духомъ Екатерина соединяла чары обворожительнѣйшей женщины. Въ обращеніи она была мила и любезна, и вмѣстѣ величественна, въ бесѣдѣ внимательна, остроумна и интересна; люди, знавшіе всѣ дворы Европы, называли русскую императрицу любезнѣйшею въ мірѣ женщиною, и нѣсколько человѣкъ вспоминали, что приближались къ императрицѣ Екатеринѣ со страхомъ и волненіемъ, ожидая встрѣтить надменную, избалованную общимъ поклоненіемъ особу, которая говоритъ обдуманными, серьезными фразами—а встрѣчали женщину простую, удивительно любезную и привѣтливую; сама Екатерина замѣчала, что иногда при появленіи ея люди цѣпенѣли — она сравнивала впечатлѣніе, ею производимое, съ впечатлѣніемъ отъ Медузиной головы. Но это продолжалось недолго: императрица Екатерина умѣла обворожать и привлекать къ себѣ всѣ сердца. Ея поведеніе всегда отличалось ровностью, достоинствомъ и благожелательствомъ; и она проявляла эти качества по отношенію ко всѣмъ, кто имѣлъ счастіе къ ней приближаться. Своихъ дворцовыхъ слугъ она очаровывала снисходительностью и шутливымъ отношеніемъ къ ихъ неисправностямъ; отъ своихъ партнеровъ переносила рѣзкія вспышки за свои ошибки въ картахъ; ея статсъ-секретари иногда

возвышали голосъ, отстаивая предъ государыней то, что̀ казалось имъ правымъ дѣломъ,—и всѣ одинаково обожали свою государыню. Ея внимательность и чуткость къ чужому горю, даже старательно скрываемому, ея благодарность за вниманіе къ ея печалямъ, трогаютъ и свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, объ большомъ желаніи дѣлать людямъ добро и пріятное. Надо ли напоминать, что въ теченіе всего ея царствованія, одного изъ продолжительнѣйшихъ въ русской исторіи, не было ни единаго случая какой-нибудь опалы, рѣзкаго и суроваго отношенія къ кому-либо изъ людей, почтенныхъ ранѣе довѣріемъ государыни,—и надо ли напомнить, какъ часто это случалось и при ея теткѣ и при ея внукѣ, не говоря уже о сынѣ. Около императрицы Екатерины всѣ чувствовали себя спокойно; всякій зналъ, что его достоинству и чувству самоуваженія не грозитъ ни малѣйшей опасности. Императрица Екатерина старалась сдѣлать пріятное всѣмъ, съ кѣмъ сталкивалась. Одного иностранца, ея спутника въ путешествіи, поражало, что императрица останавливается во многихъ городахъ «для отдохновенія», какъ объявлялось, а вмѣсто того цѣлый день принимаетъ представляющихся и бесѣдуетъ съ ними до полнаго утомленія; съ обычной въ кругу императрицы смѣлостью онъ заговорилъ объ этомъ съ государыней, и она ему объяснила, что не хочетъ лишать удовольствія тѣхъ, кто находитъ счастіе въ возможности сказать что-нибудь монархинѣ и услышать что-нибудь изъ ея устъ. Отправляясь въ Казань, а потомъ въ Крымъ, императрица Екатерина выучила по нѣскольку татарскихъ фразъ — и произвела этимъ величайшее впечатлѣніе. Въ такомъ отношеніи императрицы къ своимъ подданнымъ нельзя не видѣть проявленія съ ея стороны замѣчательнаго вниманія къ чувствамъ простыхъ людей. Императрица Екатерина, конечно, не только никогда не сказала, но никогда и не подумала того, что сказалъ ея преемникъ французскому эмигранту: «Знайте, что здѣсь только тотъ что-нибудь значитъ, съ кѣмъ я говорю, и пока я съ нимъ говорю». «Я люблю людей съ заслугами», говорила Екатерина и доказывала это на дѣлѣ; она говорила еще, что заслугъ не уважаетъ только тотъ, кто самъ ихъ не имѣетъ...

Наконецъ мы должны отмѣтить глубокую любовь императрицы Екатерины къ Россіи, искреннее уваженіе къ русскому народу, признаніе за собой обязанности служить ему, работать для его величія, славы и счастья. Въ данномъ случаѣ безразлично, какъ представляла она себѣ счастье и величіе Россіи и правильно ли ихъ понимала: искренно вѣрить и вѣрно служить можно вѣдь и идеѣ ошибочной; но что величіе и слава Россіи, какъ понимала ихъ Екатерина, были въ ея глазахъ постоянно высшею цѣлью и служеніе имъ первою обязанностью—это не подлежитъ сомнѣнію. И нѣкоторыя ея современники и нѣкоторые наши современники замѣчали согласно, что Екатерина составила себѣ слишкомъ пре-

увеличенное представленіе о достоинствѣ своемъ, какъ императрицы Всероссійской—но намъ ли, русскимъ, ставить это въ упрекъ русской государынѣ?! Екатерина, дѣйствительно, имѣла такой взглядъ—и въ этомъ, конечно, лишь право ея на нашу особую благодарность. Съ первыхъ шаговъ своихъ въ Россіи Екатерина поставила себѣ цѣлью понравиться императрицѣ, великому князю и народу, и въ этомъ стремленіи «понравиться народу» лежитъ, главнымъ образомъ, секретъ всѣхъ ея успѣховъ. Она сдѣлала все, что могла, чтобъ заставить забыть, что она не русская по происхожденію, и, между прочимъ, въ теченіе всей своей жизни настойчиво стремилась усвоить себѣ русскій языкъ и съ половины царствованія владѣла имъ въ совершенствѣ. Народъ чрезъ тѣхъ своихъ представителей, которые видѣли это стараніе чужой принцессы заслужить расположеніе русскихъ людей, зналъ это и отвѣтилъ ей со своей стороны любовью, призналъ ее своею. И для всѣхъ царствующихъ особъ Екатерина считала абсолютно необходимымъ заслужить любовь народа, она ставила это цѣлью и указывала къ этому пути и обѣимъ своимъ невѣсткамъ; отлично зная, что это условіе популярности, она, тѣмъ не менѣе, требовала, чтобы этимъ путемъ шли и первая и вторая супруга ея сына и наслѣдника, съ которымъ у императрицы были очень натянутыя отношенія: обязанность для царствующей особы заслужить любовь своего народа была въ глазахъ Екатерины выше другихъ соображеній. «Я—императрица Всероссійская, и худо бы я отвѣчала надеждамъ націи, если бы имѣла низость поручить опеку надъ русскимъ великимъ княземъ иностранному государю», писала Екатерина въ первый годъ своего царствованія — и то же отношеніе къ русскому народу, какое выразилось въ этихъ словахъ, она неизмѣнно высказывала въ теченіе всей своей жизни; можно указать нѣсколько случаевъ, что черезъ 10—15 лѣтъ императрица почти дословно говорила то же, что писала раньше,— вѣдь не запоминала же она разъ сказанную фразу, она, конечно, просто писала то, что думала постоянно. «Надо отдать справедливость русскому народу, — писала она въ 1767 г. Вольтеру, — это прекрасная почва, на которой хорошій посѣвъ всходитъ очень скоро». «Благодаря этой войнѣ,—писала государыня тому же корреспонденту въ 1771 г.,—узнаютъ Россію, увидятъ, что это народъ храбрый, неутомимый, что въ немъ много выдающихся людей, съ качествами, которыя создаютъ героевъ» — и впослѣдствіи Екатерина утверждала неоднократно, что въ Россіи много весьма замѣчательныхъ, выдающихся людей. О русской гвардіи она писала Гримму, что ни одинъ европейскій государь не имѣетъ десятитысячнаго корпуса съ такимъ духомъ, какъ русская гвардія. Въ одномъ письмѣ въ 1791 г. императрица выразилась такъ: «Это государство сдѣлало для меня чрезвычайно много, и я думаю, что всѣ мои собственныя способности, неустанно направленныя на его пользу, благо и высшіе

интересы, едва ли достаточны, чтобы я могла расплатиться съ нимъ»; въ разное время Гримму и Потемкину — обоимъ, съ которыми переписывалась Екатерина, какъ будто говоря сама съ собою, по ея выраженію — она писала: «Все, что могу я сдѣлать для Россіи, — это только капля въ морѣ», — а когда въ 1789 г. прошли ложные слухи о ея почти безнадежной болѣзни, она писала: «Вы сообщаете мнѣ, что безумцы говорятъ: нѣтъ болѣе Екатерины!— но если бы и въ самомъ дѣлѣ ея болѣе не существовало, то имперія Россійская существовала бы тѣмъ не менѣе; она-то ужъ, конечно, не такова, чтобы ее разрушили короли прусскій и шведскій и султанъ». «Я всю жизнь употребляла на поддержаніе блеска Россіи, и потому неудивительно, что для меня невыносимы несправедливости и обиды, ей причиняемыя»; «что я оскорбленія короля прусскаго принимаю съ нетерпѣніемъ и съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ и прилично, — писала она Потемкину, — за сіе прошу меня не осуждать, ибо я бы не достойна была своего мѣста и званія, если бы я сего чувства въ душѣ не имѣла». «Законы принять отъ прусскаго короля, — писала императрица по поводу неблагопріятнаго отношенія Пруссіи къ намъ во время шведской войны,—мнѣ не сродно, а Россіи и еще менѣе». Подобныхъ выписокъ можно бы привести еще очень много. Но, думаемъ, и сдѣланныхъ нами достаточно, чтобы подтвердить, что уваженіе къ Россіи, любовь къ ней, стремленіе ей служить постоянно одушевляли императрицу Екатерину и руководили ея дѣйствіями.

Такъ думала и чувствовала императрица Екатерина — и въ этомъ доказательства ея ума и великой души, право ея на нашу благодарность и въ значительной степени объясненіе ея успѣховъ. А русскій народъ, любимый и уважаемый своею государыней, платилъ ей тоже любовью и въ ея царствованіе обнаружилъ такія великія силы, такія дарованія и столько понесъ трудовъ и на созданіе себѣ лучшихъ условій жизни и на помощь утѣсненнымъ своимъ собратьямъ, что въ немногія другія эпохи проявилъ такую же широкую, блестящую и богатую результатами дѣятельность.

Деревянный Лѣтній дворецъ, въ которомъ родился императоръ Павелъ Петровичъ. Стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Инженерный замокъ.

ИМПЕРАТОРЪ

Павелъ I Петровичъ

(1754 — 1796 — 1801).

I.

Императоръ Павелъ Петровичъ, сынъ Петра Ѳеодоровича и Екатерины Алексѣевны, родился 20 сентября 1754 г. въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ дворцѣ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ затѣмъ построенъ былъ Михайловскій дворецъ, нынѣшній Инженерный замокъ. Рожденіе этого младенца имѣло огромное значеніе. Въ то время вся русская Императорская фамилія состояла изъ императрицы Елизаветы Петровны, ея племянника, цесаревича Петра Ѳеодоровича, и его супруги, цесаревны Екатерины Алексѣевны; сынъ великокняжеской четы являлся залогомъ продолженія династіи, и потому его рожденіе было встрѣчено великою радостью и отпраздновано пышными торжествами. Новорожденный былъ взятъ на свое попеченіе императрицею, и родительницѣ почти не дозволялось видѣть сына: было въ обычаяхъ той эпохи, что принцы воспитывались или подъ непосредственнымъ наблюденіемъ царствующей особы, если она желала этимъ заняться, или на рукахъ спеціально назначенныхъ лицъ, при чемъ строго соблюдался этикетъ двора, иногда не дававшій родителямъ почти никакого участія въ воспитаніи ихъ дѣтей—такъ бывало во

Императоръ Павелъ I.
1754—1801.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

Франціи при Людовикѣ XIV, такъ впослѣдствіи поступала Екатерина, когда родились ея внуки.

Великій князь росъ въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ держали тогда въ Россіи дѣтей богатыхъ фамилій, которыя имѣли возможность создать у себя обстановку, почитавшуюся наилучшей: младенца держали въ теплѣ, подъ надзоромъ мамокъ, нянекъ и другихъ старыхъ женщинъ, которыя слѣдили, чтобы дитя не ушиблось, и удерживали его отъ дѣтскихъ рѣзвостей; возможно, что отчасти благодаря такой обстановкѣ Павелъ Петровичъ часто хворалъ въ дѣтствѣ и юности; впрочемъ, и отецъ его, Петръ Ѳеодоровичъ, не отличался хорошимъ здоровьемъ. Когда великому князю пошелъ пятый годъ, къ нему опредѣленъ былъ Ѳедоръ Дмитріевичъ Бехтѣевъ; онъ началъ учить великаго князя грамотѣ. 29 іюня 1760 г. къ великому князю былъ назначенъ гофмейстеромъ Никита Ивановичъ Панинъ, который и оставался при Павлѣ Петровичѣ до его вступленія въ бракъ. Петръ Ѳеодоровичъ и когда былъ наслѣдникомъ, и когда сталъ императоромъ, почти не интересовался сыномъ; въ манифестѣ его о воцареніи наслѣдникъ упомянутъ не былъ, но, повидимому, это объясняется лишь неумѣлою редакціей, такъ какъ присяга приносилась на имя императора и наслѣдника его, великаго князя Павла Петровича. Въ рѣшительный день 28 іюня 1762 г. Павелъ Петровичъ былъ въ Петербургѣ; немедленно по прибытіи Екатерины въ столицу онъ былъ помѣщенъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ безотлучно находился первые дни и Сенатъ; въ манифестѣ о воцареніи Екатерины онъ былъ объявленъ наслѣдникомъ.

Обученіемъ и воспитаніемъ великаго князя завѣдывалъ Н. И. Панинъ. Онъ постарался собрать около наслѣдника лучшія силы, какія тогда можно было найти, но строго опредѣленнаго, серьезно обдуманнаго плана какъ воспитанія, такъ и обученія не было выработано: великаго князя учили одновременно и началамъ ариѳметики, и физикѣ, и даже астрономіи: очевидно, подъ именемъ серьезныхъ наукъ разумѣлось сообщеніе самыхъ первоначальныхъ свѣдѣній; съ науками гуманитарными предполагалось знакомить великаго князя болѣе путемъ бесѣдъ и чтенія, чѣмъ путемъ уроковъ. Законоучителемъ и частымъ собесѣдникомъ великаго князя былъ Платонъ, впослѣдствіи знаменитый митрополитъ московскій; онъ сумѣлъ заслужить любовь и уваженіе своего ученика и развилъ въ немъ религіозное чувство. Разныя отрасли естественныхъ наукъ преподавалъ Павлу Петровичу академикъ Эпинусъ, другіе предметы проходили съ нимъ состоявшіе при немъ «кавалеры» Остервальдъ и Порошинъ; изъ нихъ послѣдній, человѣкъ высокихъ душевныхъ качествъ и искренно привязанный къ своему ученику, оставилъ драгоцѣнныя записки; къ сожалѣнію, по какой-то закулисной интригѣ, онъ въ 1766 г. былъ назначенъ въ провинцію командовать однимъ изъ армейскихъ полковъ.

и скоро умеръ. Когда великому князю исполнилось 14 лѣтъ, ему даны были товарищи въ лицѣ кн. А. В. Куракина и гр. А. Г. Разумовскаго. Въ штатъ лицъ, занимавшихся съ цесаревичемъ, входили въ это время Левекъ, Лафермьеръ, Николай — все люди просвѣщенные, причастные къ литературѣ; они дали Павлу Петровичу то общее образованіе, какое получали тогда представители высшаго европейскаго общества. Къ столу великаго князя Н. И. Панинъ приглашалъ нерѣдко виднѣйшихъ представителей администраціи, а иногда и писателей Сумарокова и Елагина. Съ 14-ти же лѣтъ цесаревичъ началъ знакомиться съ науками общественными и съ практикою государственнаго управленія; руководителемъ его въ этихъ занятіяхъ былъ Г. Н. Тепловъ, довольно видный дѣятель въ рядахъ тогдашней администраціи. Но заинтересовать великаго князя Тепловъ не сумѣлъ; сухіе, схоластическіе пріемы преподаванія юридическихъ наукъ, практиковавшіеся въ XVIII в., оттолкнули великаго князя, который, какъ и его отецъ, не былъ вообще склоненъ къ отвлеченному мышленію. Тщательно устранено было изъ программы занятій Павла Петровича все, что имѣло отношеніе къ военному дѣлу, особенно къ его мелочамъ; съ военными сферами великій князь вступалъ въ соприкосновеніе лишь постольку, поскольку это было совершенно неизбѣжно; болѣе знакомили его съ морскимъ дѣломъ, по званію генералъ-адмирала, которое пожаловала ему Екатерина въ самомъ началѣ царствованія.

По тому времени воспитаніе Павла Петровича было поставлено очень хорошо, и онъ производилъ на тѣхъ, кому приводилось его видѣть, самое благопріятное впечатлѣніе; его называли даже наилучше воспитаннымъ принцемъ въ Европѣ; конечно, нельзя и сравнивать, какъ учили и воспитывали его и какъ его отца. Отношенія Павла Петровича къ матери были въ эти годы отличными. Екатерина, когда ей приходилось бывать не вмѣстѣ съ сыномъ, постоянно посылала Панину записочки, освѣдомляясь о здоровьи сына, и поручала передать ему отъ нея привѣтствія; когда великій князь былъ при матери, Екатерина очень радовалась его обществу, и неоднократно сообщала г-жѣ Бьелке, съ которою поддерживала дружескую и откровенную переписку, о томъ, сколько удовольствія доставляетъ ей сынъ, и хвалилась, что и сама имѣетъ счастье отлично забавлять его. Нѣтъ никакихъ основаній не вѣрить искренности и правдивости этихъ писемъ: впослѣдствіи, когда отношенія между матерью и сыномъ стали дурными—это съ полной ясностью отражается и въ ихъ перепискѣ. Екатерина не скрывала тогда своихъ недобрыхъ чувствъ къ сыну, и потому мы должны заключать, что прежде, когда письма были другого характера, они продиктованы были и чувствами другими.

Если относительно императрицы Екатерины надо было сказать, что съ ея воцареніемъ личная жизнь ея совершенно отступаетъ на второй планъ предъ ея государственною дѣятельностью,

то объ императорѣ Павлѣ надо сказать какъ разъ наоборотъ: въ его исторіи всего важнѣе его личная жизнь, наполненная, въ сущности, двумя фактами: дурными отношеніями его къ матери и развитіемъ такихъ сторонъ въ его характерѣ, которыя отравили жизнь и самого государя и всѣхъ его окружающихъ. Ключъ къ пониманію и оцѣнкѣ всей дѣятельности императора Павла мы найдемъ, только уяснивъ себѣ развитіе его характера.

Едва великій князь началъ приходить въ юношескій возрастъ, какъ стало замѣтно, что всѣ умственные его вкусы, всѣ стороны характера, вся вообще внутренняя жизнь его и его матери совершенно различны, можно сказать прямо противоположны; въ лицѣ Павла Петровича выросъ рядомъ съ Екатериною человѣкъ, быть-можетъ, наименѣе къ ней близкій по всѣмъ своимъ свойствамъ; рѣдко мать и сынъ имѣютъ между собою такъ мало общаго, какъ имѣли императрица Екатерина и ея наслѣдникъ; они расходились едва ли не по всякому вопросу, по которому вступали въ соприкосновеніе, и съ каждымъ годомъ между ними усиливался и усиливался разладъ.

Причины этого видятъ обыкновенно въ обстоятельствахъ дѣтскихъ лѣтъ Павла Петровича: придаютъ большое значеніе тому факту, что первыя семь лѣтъ жизни онъ росъ вдали отъ матери; полагаютъ, что сверженіе съ престола Петра Ѳеодоровича, и особенно его смерть, произвели чрезвычайно глубокое впечатлѣніе на душу маленькаго великаго князя и внушили ему подозрительность къ матери, никогда не переставшую оказывать свое вліяніе; говорятъ, что у Павла Петровича развилась привычка критически и съ неодобреніемъ относиться къ дѣятельности императрицы подъ вліяніемъ разговоровъ, какіе велись около него въ дѣтскіе его годы, разговоровъ, въ которыхъ дѣятельность Екатерины часто подвергалась критикѣ и осужденію. Наконецъ, тою внутреннею борьбою, которую приходилось великому князю переносить, переживая всѣ эти впечатлѣнія, объясняютъ его раздражительность и неуравновѣшенность.

Намъ кажется, однако, что указанныя обстоятельства не объясняютъ характера императора Павла; суть вопроса — не дурныя отношенія его къ матери, а его неуравновѣшенность, раздражительность, неосновательная подозрительность и отсутствіе всякой послѣдовательности. Дурныя отношенія къ матери — чѣмъ бы они ни объяснялись — еще не влекутъ за собою дурныхъ отношеній ко всѣмъ другимъ людямъ, и изъ тяжелыхъ личныхъ переживаній не вытекаетъ неизбѣжно несдержанность и раздражительность; скорѣе наоборотъ: гораздо чаще вырабатываются въ такихъ обстоятельствахъ замкнутость, скрытность, умѣнье владѣть собой—какъ, напр., и выработались эти свойства у императора Александра Павловича. И если необходимость скрывать въ молодости свои истинныя чувства вызвала у Павла Петровича крайнюю раздражительность, а

дурныя отношенія къ матери привели къ жестокости относительно всѣхъ другихъ, то для этого должны были быть какія-нибудь особыя основанія въ природѣ самого великаго князя. Притомъ же, вліяніе нѣсколько особыхъ условій дѣтскихъ лѣтъ великаго князя, по нашему убѣжденію, очень преувеличивается. Разлука въ раннемъ дѣтствѣ для большинства людей не могла бы имѣть вліянія на всю послѣдующую жизнь; событіе 28 іюня 1762 г. великій князь, конечно, долго не понималъ въ его истинномъ значеніи, да и отца своего онъ видалъ еще меньше, чѣмъ мать; подробности трагедіи 6 іюля онъ, почти несомнѣнно, узналъ значительно позже: если бы онъ услышалъ о нихъ въ дѣтствѣ, то при его неумѣньи скрывать свои чувства мы знали бы по чему-нибудь, когда ему стало все извѣстно, и тогда были бы невозможны тѣ хорошія отношенія, какія, несомнѣнно, существовали, у него съ матерью до 16—17 лѣтъ. Наконецъ, нельзя думать, чтобы Павелъ Петровичъ выносилъ какія-то особенно неблагопріятныя для Екатерины впечатлѣнія изъ бесѣдъ, которыя велись около него въ юношескіе его годы; мы только больше знаемъ, благодаря запискамъ Порошина, о томъ, что̀ около него говорилось, но изъ этого не слѣдуетъ, что и въ самомъ дѣлѣ неодобрительнаго объ Екатеринѣ говорилось больше, чѣмъ, напр., говорила Екатеринѣ объ императрицѣ Елизаветѣ принцесса-мать, вообще не отличавшаяся сдержанностью; что Вильямсъ и Понятовскій при Екатеринѣ весьма неуважительно отзывались объ Елизаветѣ Петровнѣ — это несомнѣнно; не подлежитъ сомнѣнію также, что и предъ Петромъ Ѳеодоровичемъ дурно говорили о русской императрицѣ его голштинскіе собутыльники, вообще не находившіе достаточно презрительныхъ словъ для всего русскаго; наконецъ, вел. кн. Александръ Павловичъ провелъ всю юность подъ впечатлѣніемъ безпощадной критики своего отца, критики, исходившей отъ очень авторитетнаго лица, отъ самой императрицы. Ни у кого изъ этихъ лицъ, однако, не развилось такого отрицательнаго отношенія къ своимъ старшимъ родственникамъ, которое было бы хотя близко къ тому чувству, какое питалъ Павелъ Петровичъ къ своей матери въ послѣднія 25 — 30 лѣтъ ея жизни — чуть ли не единственный примѣръ постоянства, имъ проявленный. Мы должны, поэтому, придти къ выводу, что не отношеніями къ матери объясняются дурныя стороны характера Павла Петровича, а наоборотъ — дурными качествами его характера объясняются всѣ его поступки и по отношенію ко всѣмъ окружающимъ, и по отношенію къ матери, тѣмъ болѣе, что уже Порошинъ подмѣтилъ въ 10-лѣтнемъ великомъ князѣ ту же нетерпѣливость, ту же раздражительность, ту же неосновательность желаній, а часто и рѣшеній, которыя развились впослѣдствіи до чрезмѣрности; всѣ эти свойства были, очевидно, врождены великому князю, составляли самую основу всего его духовнаго склада, и измѣнить ихъ было невозможно. Одинъ фактъ очень ясно это до-

казываетъ: изъ окружавшей великаго князя обстановки было тщательнѣйшимъ образомъ устранено все, что могло напоминать «военныя мелкости», — но онъ, въ возрастѣ 22 л., увидалъ въ Берлинѣ маршировку, вахтпарады — и оказалось, что именно этого жаждала его душа, что именно этого ему недоставало, эти интересы сразу же увлекли его, заполнили на все послѣдующее время чуть не всю его духовную жизнь.

Характеръ Павла Петровича объясняется тѣмъ, что онъ унаслѣдовалъ самыя противоположныя черты своихъ родителей. Физическій складъ, основныя черты ума и характера, — все это у него отцовское и все это ничего общаго не имѣло съ духовнымъ строемъ его матери, отъ которой, въ то же время, Павелъ Петровичъ унаслѣдовалъ энергію, желаніе дѣятельности. Уравновѣсить то и другое ему не было дано, и, пожалуй, это было невозможно; а человѣкъ, одаренный отъ природы почти несоединимыми свойствами, не могъ не быть глубоко несчастливъ, особенно въ такомъ положеніи, въ какое судьба поставила Павла Петровича. Онъ могъ имѣть, и дѣйствительно имѣлъ самыя лучшія побужденія; но какъ только онъ начиналъ дѣйствовать, — роковымъ образомъ онъ приходилъ къ рѣшеніямъ и поступкамъ, вреднымъ и тяжелымъ для него и для другихъ.

Отъ Петра Ѳеодоровича Павелъ Петровичъ получилъ такъ много, что рѣдко сынъ наслѣдуетъ отъ отца больше. Весь физическій обликъ у него отцовскій, отцовское слабое здоровье, отцовское подергиваніе плечомъ. Въ характерѣ Павла Петровича съ дѣтства, въ молодыхъ годахъ и до кончины, ярко выразилось отсутствіе смѣлости, даже сказать прямо—проявлялась странная трусость; во всемъ родѣ трусливы были лишь Петръ Ѳеодоровичъ и Павелъ Петровичъ. Примѣровъ трусости Павла Петровича много и изъ временъ ранняго дѣтства, когда чуть не каждое новое лицо, начиная съ императрицы Елизаветы, внушало ему страхъ, и изъ временъ юности, когда осколокъ стекла въ кушаньѣ нагналъ на него почти паническій страхъ, и мысль, что его хотятъ отравить. Перепугался великій князь Павелъ Петровичъ и въ 1776 г., возвращаясь изъ Берлина, повѣривъ какимъ-то пустячнымъ слухамъ, будто готовится на него покушеніе. Все царствованіе его было какимъ-то кошмаромъ страха, который онъ не могъ иногда скрыть даже на вахтпарадахъ, когда ему вдругъ казалось, что ружья зарядятъ боевыми патронами и убьютъ его. Отъ отца унаслѣдовалъ Павелъ Петровичъ и странную его жестокость, какую-то жесткость чувства; слова Екатерины о Петрѣ Ѳеодоровичѣ, что видъ чужихъ страданій не вызывалъ въ немъ чувства жалости, а лишь больше его ожесточалъ, въ полной мѣрѣ примѣнимы и къ Павлу. Наконецъ, неудержимая болтливость Петра Ѳеодоровича, неоднократно обнаруженная имъ полная неспособность сохранить какую-нибудь тайну, является также въ числѣ ярко выраженныхъ чертъ характера Павла Петровича.

Совершенно таковъ же, какъ у Петра Ѳеодоровича, былъ и складъ ума у Павла Петровича: та же склонность къ мелочамъ и неумѣнье обнимать сложные вопросы, та же неспособность къ отвлеченному мышленію, то же неумѣнье связывать идеи, дѣлать правильные выводы и оцѣнивать свои поступки. По силѣ ума Павелъ Петровичъ далеко превосходилъ своего родителя — это было, вѣроятно, нѣкоторое наслѣдіе матери,—но по всему складу умъ его былъ совершенно такой же, какъ у отца. Петръ Ѳеодоровичъ не имѣлъ никакихъ умственныхъ интересовъ и почти ничего не читалъ; Павелъ Петровичъ въ молодости читалъ лучшія сочиненія по вопросамъ права и политики, дѣлалъ изъ нихъ выписки, говорилъ иногда и въ своихъ письмахъ и запискахъ о незыблемыхъ законахъ, опредѣляющихъ права гражданъ и ихъ свободу, онъ введенъ былъ, слѣдовательно, въ кругъ передовыхъ идей вѣка; но ничто изъ нихъ не укоренилось въ его умѣ, онъ не могъ примѣнять ихъ и во всей своей дѣятельности шелъ въ разрѣзъ со всякими понятіями о свободѣ и правѣ. Наконецъ, въ довершеніе сходства Павла Петровича со своимъ отцомъ, и въ его развитіи произошла около 17—18 лѣтъ рѣзкая перемѣна, какъ произошла она въ развитіи и Петра Ѳеодоровича.

Унаслѣдовавъ отъ отца весь складъ его ума, Павелъ Петровичъ отъ матери получилъ нѣкоторую энергію и активность; но неуравновѣшенная достаточно широкимъ и сильнымъ умомъ эта активность выражалась у него дѣятельностью безпокойной, лихорадочной, можно, пожалуй, сказать судорожной. Его умъ — неясный, неглубокій и непослѣдовательный — совершенно не соотвѣтствовалъ тому огромному количеству задачъ и возможностей, какое предъ нимъ открывалось и на которое его постоянно толкала жажда дѣятельности. Подвергнуть обсужденію тѣ мысли и предположенія, которыя являлись у него иногда совершенно внезапно и овладѣвали его умомъ нерѣдко тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе было въ нихъ истинно глубокаго значенія, Павелъ Петровичъ былъ неспособенъ; онъ не могъ управлять тѣми волевыми импульсами, какіе въ немъ возникали. Онъ жаждалъ дѣятельности — и былъ совершенно неспособенъ къ той, какой непремѣнно хотѣлъ; онъ желалъ работать — и не умѣлъ ни начать, ни продолжать никакого дѣла и гнѣвался безмѣрно на все, что его окружало, такъ какъ всегда считалъ причиной неудачъ не свои ошибки, которыхъ не замѣчалъ, а предполагаемое умышленное противодѣйствіе своимъ намѣреніямъ со стороны другихъ. Въ этомъ вся трагедія жизни Павла Петровича. Дурныя отношенія его къ матери — это лишь сдержанныя выраженія того гнѣва, которому онъ отдавался вполнѣ по отношенію ко всѣмъ другимъ людямъ. Невозможность счастливо прожить жизнь и благополучно царствовать надъ великимъ государствомъ лежали въ самомъ Павлѣ Петровичѣ. Послѣдствія несчастной духовной его организаціи проявились

немедленно, какъ только онъ получилъ возможность дѣйствовать безъ вліянія могучей сдерживающей силы, какою была для него воля императрицы Екатерины. Павелъ Петровичъ началъ царствовать 42 лѣтъ, въ пору полнаго расцвѣта всѣхъ силъ. И какимъ явился онъ предъ глазами исторіи на престолѣ въ это время, такимъ же явился бы онъ, когда бы ни получилъ власть, потому что не какія-либо внѣшнія обстоятельства сдѣлали его такимъ, какимъ знаетъ его исторія, а врожденныя ему качества, предоврати́ть вліяніе и послѣдствія которыхъ было, повидимому, внѣ власти человѣческой.

II.

20 сентября 1772 г. великому князю Павлу Петровичу исполнилось 18 лѣтъ, но день этотъ не былъ отмѣченъ рѣшительно ничѣмъ особеннымъ; возможно, что императрица Екатерина желала этимъ показать полную неосновательность какихъ-то предположеній, будто съ этого времени она допуститъ своего сына къ нѣкоторому участію въ дѣлахъ правленія. Павелъ Петровичъ прямо не обнаруживалъ никакихъ претензій на это, но, повидимому, полагалъ, что его совѣты могутъ быть нужны его матери, находившейся въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и царствовавшей — съ большими успѣхами — уже десять лѣтъ.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ великаго князя къ гр. А. Разумовскому, ближайшему его другу въ это время. «Я составилъ себѣ планъ поведенія на будущее время, который изложилъ гр. Панину, и онъ его одобрилъ—это искать какъ можно чаще сближеній съ матерью, пріобрѣтая ея довѣріе, какъ для того, чтобы по возможности предохранить ее отъ внушеній и интригъ, которыя могли бы быть начаты противъ нея, такъ и для того, чтобы имѣть нѣкоторую защиту и поддержку на случай, что захотятъ противодѣйствовать моимъ намѣреніямъ... Отсутствіе иллюзій, отсутствіе безпокойства, поведеніе ровное и соотвѣтственное обстоятельствамъ — вотъ мой планъ... Я обуздываю свою горячность, сколько могу, и ежедневно встрѣчаю поводъ, чтобы работать умомъ и примѣнять къ дѣлу мои идеи. Не переходя въ сплетничаніе, я сообщаю гр. Панину обо всемъ, что мнѣ кажется неправильнымъ или сомнительнымъ»...

29 сентября 1773 г. Павелъ Петровичъ вступилъ въ бракъ съ принцессою Вильгельминою Гессенъ-Дармштадтской, получившею имя Натальи Алексѣевны. Гр. Н. И. Панинъ былъ при этомъ осыпанъ милостями и освобожденъ отъ званія гофмейстера молодого двора. Первое время у молодой четы были, повидимому, наилучшія отношенія съ императрицей, но скоро великая княгиня Наталья Алексѣевна потеряла въ значительной степени расположеніе государыни: Екатерина находила, что у нея мало умственной

живости, что она упряма и обнаруживаетъ слишкомъ мало вниманія къ тому, чему Екатерина придавала огромное значеніе: она не желала учиться по-русски и не заботилась о томъ, чтобы понравиться въ Россіи. Желая поставить великаго князя со времени его женитьбы въ положеніе совершенно взрослаго и самостоятельнаго человѣка, Екатерина въ ноябрѣ 1772 г. предложила ему приходить къ ней утромъ по два раза въ недѣлю, чтобы она могла знакомить его съ дѣлами государственными — и лѣтомъ 1774 г. Павелъ Петровичъ уже подалъ матери «Разсужденіе о государствѣ вообще, относительно числа войскъ, потребнаго для защиты онаго, и касательно обороны всѣхъ предѣловъ». Въ разсужденіи этомъ великій князь развивалъ ту мысль, что для Россійской имперіи необходимъ покой, и затѣмъ заявлялъ, что Россія должна поэтому отказаться отъ наступательныхъ войнъ и обратить все вниманіе лишь на то, чтобы быть въ силахъ отразить всякое нападеніе: съ этою цѣлью онъ предлагалъ подраздѣлить имперію на своего рода военные округа, покрыть ее сѣтью военныхъ поселеній и дать заблаговременно строжайшія и точнѣйшія наставленія на каждый возможный случай всѣмъ «отъ фельдмаршала до послѣдняго рядового» такъ, чтобы «никто, отъ фельдмаршала до солдата, не могъ извиняться недоразумѣніемъ, начиная о мундирныхъ вещахъ, кончая о строѣ». Оканчивалось «Разсужденіе» такими словами: «Показавъ теперь все то, что къ равновѣсію потребно, и какую военная часть связь и пропорцію имѣть должна въ разсужденіи всего государства, я совершилъ намѣреніе себя сдѣлать полезнымъ государству, писавъ сіе отъ усердія и любви къ отечеству, а не по пристрастію или корысти, въ такое время, гдѣ, быть-можетъ, многіе, забывъ первые два подвига, заставившіе меня писать, слѣдуютъ двумъ послѣднимъ, а что больше — еще и жертвуя всѣмъ тѣмъ, чего святѣе быть не можетъ. А чему я былъ самъ очевидцемъ и узналъ самъ собою вещи и, какъ вѣрный сынъ отечества, молчать не могъ».

На Екатерину это произведеніе ея сына могло произвести только самое неблагопріятное впечатлѣніе. Въ немъ, прежде всего, не было и тѣни тѣхъ восхваленій, которыя Екатерина слышала постоянно со всѣхъ сторонъ, къ которымъ она уже и привыкла; въ «Разсужденіи», напротивъ, чувствовалось отрицательное отношеніе ко всей государственной дѣятельности императрицы — и вмѣстѣ съ тѣмъ «Разсужденіе» было по существу совершенно несостоятельно. Безтактно, конечно, было представить безъ прямо выраженнаго государынею желанія подобную записку какъ разъ въ такое время, когда только что разыгравшаяся Пугачевщина не могла не сдѣлать Екатерину особенно щепетильною къ подобному вмѣшательству въ ея дѣла. Большая незрѣлость мысли видна была въ сужденіяхъ о вредѣ завоевательныхъ войнъ и въ безусловномъ восхваленіи лишь войнъ оборонительныхъ: было ясно,

что авторъ «Разсужденія» почиталъ всѣ прежнія войны Россіи завоевательными — и, безспорно, онъ очень въ этомъ ошибался. Наконецъ, чрезвычайная незрѣлость и неосновательность вмѣстѣ съ непомѣрнымъ самомнѣніемъ сквозили въ словахъ: «показавъ все, что нужно», и въ намѣреніи дать заблаговременно точнѣйшія предписанія всѣмъ и на всякіе случаи, не говоря уже о томъ, что главнѣйшее «нужное» заключалось для великаго князя между «мундирными вещами» и строемъ. Все это шло настолько въ разрѣзъ съ системою Екатерины, съ ея мыслями о роли ея и ея помощниковъ, что не сближенію сына съ матерью, а только большему ихъ разладу могла содѣйствовать эта записка.

15 апрѣля 1775 г. скончалась послѣ неудачныхъ родовъ вел. кн. Наталья Алексѣевна; цесаревичъ былъ въ ужасномъ горѣ. Но когда Павлу Петровичу стали извѣстны нѣкоторыя письма его скончавшейся супруги къ гр. А. Г. Разумовскому, онъ быстро успокоился и 13 іюня того же года уже выѣхалъ въ сопровожденіи большой свиты въ Берлинъ. Тамъ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ Вюртембергскою принцессой Софіей-Доротеей, которая обращала на себя вниманіе императрицы Екатерины еще предъ первымъ бракомъ Павла Петровича; тогда она не могла стать невѣстою русскаго великаго князя вслѣдствіе своей крайней молодости; теперь Екатерина пожелала женить на ней Павла Петровича.

10 іюля великій князь пріѣхалъ въ Берлинъ и былъ встрѣченъ весьма торжественно и любезно Фридрихомъ II. Король прусскій чествовалъ своего гостя смотрами и парадами, и порядки прусской арміи совершенно увлекли великаго князя; невѣста Павлу Петровичу понравилась, и 13 іюля состоялось обрученіе. Уѣзжая изъ Берлина, великій князь передалъ невѣстѣ особую записку, въ которой давалъ ей рядъ совѣтовъ. Сравнивая это наставленіе съ тѣмъ, какое дано было Екатеринѣ ея отцомъ, нельзя не отдать безусловнаго предпочтенія совѣтамъ Павла Петровича; его инструкція вполнѣ выдерживаетъ сравненіе и съ тою, какая составлена была по повелѣніе Екатерины для невѣстъ всѣхъ русскихъ великихъ князей, но произведеніе Павла Петровича отличается все-таки нѣсколько мелочнымъ характеромъ.

Въ началѣ августа Павелъ Петровичъ вернулся въ Россію; 31 августа пріѣхала въ Царское Село нареченная невѣста; императрица встрѣтила ее чрезвычайно привѣтливо. Женихъ и невѣста очень нравились другъ другу, и бракъ ихъ являлся въ полной мѣрѣ бракомъ по взаимной склонности. Бракосочетаніе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны — такъ наречена была невѣста — состоялось 26 сентября 1776 г. въ церкви Зимняго дворца.

Въ жизни Павла Петровича наступилъ теперь едва ли не самый счастливый періодъ. Въ теченіе цѣлаго года согласіе между цесаревичемъ и императрицею, кажется, ничѣмъ не было нарушаемо. Но

внутреннія причины давно установившагося разлада сохраняли свою силу и значеніе; коренное различіе всего умственнаго и душевнаго склада матери и сына существовало попрежнему, любви между ними не было, поэтому согласіе ихъ должно было порваться по первому же представившемуся случаю—и порвалось. Когда 12 декабря 1777 г. у Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны родился сынъ Александръ, Екатерина немедленно взяла его на свое попеченіе, такъ же поступила она и при рожденіи второго внука, Константина. Непреклонная воля императрицы взять къ себѣ внуковъ, несмотря на огорченіе, причиненное этимъ Маріи Ѳеодоровнѣ, доказываетъ, конечно, что искренней любви къ сыну и невѣсткѣ у императрицы не было; впрочемъ, принимая на свое исключительное попеченіе будущаго наслѣдника престола, императрица по понятіямъ того времени не совершала чего-либо исключительнаго, но тѣмъ не менѣе, было ясно, конечно, что она поступала такъ въ убѣжденіи, что великокняжеская чета не сумѣетъ воспитать русскаго великаго князя такъ, какъ почитала это нужнымъ Екатерина; упорное же нежеланіе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны примириться съ волей государыни свидѣтельствовало, что и они, со своей стороны, также находили, что Екатерина не воспитаетъ ихъ дѣтей хорошо; на этомъ вопросѣ вновь проявилось и утвердилось взаимное недовѣріе Екатерины и Павла. Вліяніе Маріи Ѳеодоровны оказывалось не примиряющимъ, а скорѣе раздувающимъ ссору, хотя и помимо ея воли: Марія Ѳеодоровна, относившаяся къ мужу, можно сказать, съ обожаніемъ, считала цесаревича всегда во всемъ безусловно правымъ—и онъ еще болѣе чувствовалъ и дѣйствительныя, и мнимыя свои обиды. А въ это время явился еще новый поводъ къ охлажденію и недовольству: Екатерина измѣнила направленіе внѣшней политики и отъ союза съ Пруссіей обращалась къ союзу съ Австріей, Павелъ Петровичъ же оставался попрежнему поклонникомъ Фридриха и сторонникомъ союза съ Пруссіей; онъ не стѣснялся выражать свое неодобреніе политикѣ матери, а она попрежнему не обращала вниманія на его мысли и чувства. Въ дѣлахъ правленія цесаревичъ не принималъ никакого участія — и выхода въ этомъ отношеніи не было. По понятіямъ того времени было совершенно невозможно поставить наслѣдника у какого-нибудь второстепеннаго, не самостоятельнаго дѣла, дать же ему какое-нибудь приличное его сану дѣло было тоже невозможно: Екатерина отлично знала, какъ ея наслѣдникъ относится къ ея ближайшимъ сотрудникамъ—онъ этого не скрывалъ, и въ 1782 г. сказалъ при одномъ изъ иностранныхъ дворовъ, что, какъ только получитъ власть, велитъ ихъ «отодрать» и выгонитъ. При такихъ условіяхъ участіе Павла Петровича въ дѣлахъ правленія внесло бы лишь неурядицу и послужило бы источникомъ множества непріятностей. Павелъ Петровичъ посвящалъ свое время обуче-

нію небольшого отряда собственнаго своего войска и теоретическимъ размышленіямъ о военномъ дѣлѣ; онъ вступалъ по этому поводу въ переписку съ М. Ѳ. Каменскимъ, впослѣдствіи фельдмаршаломъ, и съ гр. П. И. Панинымъ. Что Каменскій сочувственно относился къ мыслямъ цесаревича — это неудивительно: онъ самъ былъ человѣкъ неуравновѣшенный, странный; но непонятно, какъ гр. П. И. Панинъ не удержался отъ лести по поводу этихъ раз-

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.
Съ портрета, писаннаго Фальконетомъ, ок. 1776 года.
Въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

мышленій, тогда какъ они или не шли далѣе общихъ фразъ, или оказывались самыми мелочными и вполнѣ неосновательными, какъ это видно изъ воинскаго Устава, который былъ введенъ Павломъ Петровичемъ немедленно же по воцареніи.

Между тѣмъ у цесаревича и Маріи Ѳеодоровны возникло желаніе путешествовать по Европѣ; великая княгиня мечтала повидать свою родню, великій князь былъ радъ пожить нѣкоторое время съ совершенно новыми людьми. Императрица охотно пошла

навстрѣчу ихъ желанію, но заставила ихъ сдѣлать ей весьма нелегкую для нихъ уступку: они должны были не заѣзжать въ Берлинъ.

19 сентября 1781 г. великокняжеская чета выѣхала изъ Петербурга; при разставаніи съ дѣтьми великая княгиня такъ разстроилась, что нѣсколько разъ падала въ обморокъ. Есть основаніе думать, что она и великій князь опасались какихъ-то шаговъ императрицы относительно ихъ во время этого путешествія. Ничего подобнаго, какъ извѣстно, не случилось; самая мысль, что Екатерина стала бы прибѣгать къ какимъ-либо уловкамъ, свидѣтельствуетъ о совершенно невѣрномъ пониманіи ея характера: если бы Екатерина рѣшилась на какой-нибудь шагъ относительно своего сына, его присутствіе не помѣшало бы ей осуществить свою волю, и скорѣе было бы неудобно, если бы въ такой моментъ цесаревичъ находился за границей. Возможно, что Екатерина угадала изъ отчаянія Маріи Ѳеодоровны при разлукѣ съ дѣтьми что-нибудь подобное и, конечно, была этимъ очень недовольна; холодностью и даже недоброжелательствомъ вѣютъ ея письма къ путешественникамъ, съ внѣшней стороны, впрочемъ, вполнѣ любезныя.

Черезъ Псковъ, Полоцкъ, Могилевъ, Черниговъ и Кіевъ высокіе путешественники, принявшіе имя графа и графини Сѣверныхъ, достигли Польши, были привѣтствованы королемъ Станиславомъ, затѣмъ въ Троппау были встрѣчены императоромъ Іосифомъ II и 10 ноября прибыли въ Вѣну. Въ этой столицѣ, среди всякаго рода празднествъ, провели они время до 9 января, когда выѣхали въ Италію, гдѣ посѣтили Венецію, Падую, Римъ, Неаполь и снова Римъ; пробывъ въ вѣчномъ городѣ 3 недѣли, они посѣтили Флоренцію, Туринъ и 7 мая 1782 г. пріѣхали въ Парижъ. Здѣсь они были приняты королемъ Людовикомъ XVI и Маріей-Антуанеттой, да и всѣмъ обществомъ, съ величайшимъ радушіемъ и пышностью: одно время все модное называлось въ Парижѣ русскимъ; цесаревичъ очаровывалъ всѣхъ: Павелъ Петровичъ всю жизнь былъ очень любезенъ и сдержанъ съ иностранцами, и только относительно подданныхъ русскаго государя онъ проявлялъ всю свою несдержанность. Въ Парижѣ, гдѣ графъ и графиня Сѣверные провели ровно мѣсяцъ, Павелъ Петровичъ получилъ очень непріятныя извѣстія отъ матери: она писала, что его адъютантъ Бибиковъ арестованъ, потому что въ письмахъ его къ кн. А. Куракину найдены неуважительные отзывы о всемъ, совершавшемся въ Петербургѣ, и заявленіе, что онъ желалъ бы быть полезнымъ цесаревичу не на словахъ только, но и на дѣлѣ; императрица сообщала, что перехваченъ и отвѣтъ кн. А. Куракина, сопровождавшаго цесаревича, отвѣтъ, въ которомъ этотъ ближайшій другъ Павла Петровича говорилъ, что образъ мыслей Бибикова раздѣляется всѣми честными людьми. Павелъ Петровичъ былъ очень раздраженъ, и когда король спросилъ его однажды: неужели

правда, что въ его свитѣ нѣтъ человѣка, на котораго великій князь могъ бы вполнѣ положиться, онъ сказалъ такъ, что слышали очень многіе: «Мнѣ было бы очень жаль, если бы при мнѣ была вѣрная мнѣ собака: я не успѣлъ бы выѣхать изъ Парижа, какъ мать моя приказала бы бросить ее въ воду съ камнемъ на шеѣ».

Оставивъ Парижъ, путешественники черезъ Австрійскія Нидерланды прибыли 21 іюля въ замокъ Этюпъ, около Монбельяра, принадлежавшій родителямъ Маріи Ѳеодоровны, и здѣсь болѣе мѣсяца провели исключительно въ семейномъ кругу, затѣмъ, снова черезъ Вѣну, вернулись въ Россію и 20 ноября 1782 г. прибыли въ Петербургъ. Въ Россіи они начали свой прежній, уединенный образъ жизни. 31 марта 1783 г. умеръ гр. Н. И. Панинъ, къ которому до конца его дней цесаревичъ сохранилъ уваженіе и любовь, хотя послѣднее время видался съ нимъ рѣдко, потому что Панинъ по нездоровью часто жилъ внѣ Петербурга. Вскорѣ послѣ этого императрица имѣла съ сыномъ разговоръ по политическимъ вопросамъ; Павелъ Петровичъ записалъ эту бесѣду и прибавилъ въ концѣ: «Довѣренность мнѣ многоцѣнна, первая и удивительная». Рѣчь шла о предположенномъ занятіи Крыма; о бесѣдѣ этой мы знаемъ лишь по изложенію ея у Павла Петровича — и изъ этого разсказа получается впечатлѣніе, что императрица не могла быть ею довольна: такіе вопросы и полувозраженія, какъ, напр. вопросъ, выгоднѣе ли Россіи видѣть въ Польшѣ наслѣдственныхъ королей и изъ поляковъ ли, или изъ чужихъ принцевъ, не могли не казаться нѣсколько запоздалыми, чуть не наивными въ устахъ тридцатилѣтняго великаго князя; съ другой стороны, по изложенію Павла Петровича представляется, что его замѣчанія какъ будто основательнѣе словъ императрицы—въ его передачѣ, разумѣется; весьма возможно, что такое отношеніе великаго князя къ обсуждаемому вопросу почувствовала и императрица — и больше уже не бесѣдовала никогда съ своимъ сыномъ о государственныхъ дѣлахъ; она дѣлала опыты этого въ 1773 г. и теперь; оба оказались неудачными.

6 августа 1783 г. императрица подарила цесаревичу мызу Гатчино. Павелъ Петровичъ занялся здѣсь хозяйствомъ, а главное — устройствомъ своего собственнаго военнаго корпуса. Съ поѣздки въ Берлинъ въ 1775 г. онъ увлекся всѣмъ, что имѣло отношеніе къ военнымъ экзерциціямъ, муштровкѣ, парадамъ. Мало-по-малу эта наслѣдственная склонность развилась у Павла Петровича положительно въ страсть; занятіе военнымъ дѣломъ — въ смыслѣ ученій, карауловъ, парадовъ—поглотило и все время, и всѣ интересы Павла Петровича. Въ 1782 г. онъ имѣлъ въ Павловскѣ отрядъ въ 60 чел.; въ 1783 г. прибавлено было еще сто, а черезъ пять лѣтъ въ этомъ подобіи арміи было уже около 2.500 ч.

Собираясь въ путешествіе на югъ, Екатерина желала взять съ собой обоихъ старшихъ внуковъ — и это предположеніе вы-

звало необычайно упорное сопротивленіе со стороны великой княгини и великаго князя. Почему-то поѣздка эта представлялась имъ крайне опасною для ихъ дѣтей; они умоляли императрицу или оставить внуковъ въ Петербургѣ или позволить ѣхать и имъ. Екатерина съ раздражительностью стояла на своемъ первоначальномъ рѣшеніи; Павелъ Петровичъ, наконецъ, написалъ собственноручно письмо Потемкину, къ которому вообще относился крайне непріязненно, прося его повліять на государыню въ желательномъ смыслѣ. Но прежде чѣмъ письмо это могло дойти до Потемкина, дѣло рѣшилось само собою: вел. кн. Константинъ захворалъ, и Екатерина, не желая останавливать поѣздки, для которой были сдѣланы уже всѣ приготовленія, уѣхала на югъ одна.

Когда вспыхнула турецкая война, Павелъ Петровичъ началъ просить у матери позволенія отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Само собою разумѣется, что Екатерина не могла отпустить сына туда, гдѣ всѣмъ распоряжался Потемкинъ, къ которому цесаревичъ питалъ и открыто высказывалъ презрѣніе и ненависть. Екатерина отказала на томъ основаніи, что цесаревна должна была скоро стать снова матерью. Съ началомъ кампаніи 1788 г. великій князь возобновилъ свои просьбы, и Екатерина согласилась на поѣздку его къ арміи, дѣйствовавшей противъ Швеціи. Тотчасъ же оказалось, что государыня была права, не разрѣшивъ ему ѣхать въ армію Потемкина: Павелъ Петровичъ былъ въ походѣ всего около двухъ мѣсяцевъ и уже успѣлъ вступить въ ссору съ главнокомандующимъ гр. В. П. Мусинымъ-Пушкинымъ, хотя ранѣе онъ былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Насколько несомнѣнно было, что цесаревичъ окажется неспособнымъ сохранить въ походѣ хладнокровіе и благоразуміе, видно изъ того, что Марія Ѳеодоровна писала къ одному изъ сопровождавшихъ цесаревича приближенныхъ, умоляя его беречь всячески наслѣдника отъ какого-либо несоотвѣтствующаго его положенію шага. Павелъ Петровичъ былъ въ одной незначительной перестрѣлкѣ. 18 сентября онъ былъ отозванъ императрицею въ Петербургъ въ виду близкаго конца кампаніи.

Послѣ этого до конца жизни Екатерины цесаревичъ уже и не пытался играть какую-нибудь роль въ государственномъ управленіи; онъ все рѣже и рѣже появлялся при дворѣ и жилъ въ Гатчинѣ, почти исключительно погрузившись въ тотъ особый міръ, который онъ около себя создалъ. Въ Гатчинѣ все имѣло особый видъ, видъ прусской крѣпости на военномъ положеніи. Общество цесаревича составляли люди, совершенно не достойные чести дѣлать компанію наслѣднику великой державы — изъ нихъ никто и не оставилъ по себѣ сколько-нибудь доброй памяти. Грубость тона, грубость нравовъ были среди нихъ обязательны; интересовъ, кромѣ военной муштры, не признавалось; въ гатчинскія войска шли многіе изъ людей, потерпѣвшихъ какую-нибудь

непріятность по службѣ, часто люди съ запятнаннымъ прошлымъ; по отзыву гр. Ростопчина лучшій изъ нихъ достоинъ былъ колесованія. Въ ихъ обществѣ цесаревичъ питалъ свое раздраженное самолюбіе, давалъ волю своей необузданной вспыльчивости, опускался нравственно. Особенно преслѣдовала Павла Петровича мысль, что положеніе, такъ тяготившее его, создалось благодаря отсутствію точнаго закона, опредѣляющаго порядокъ престолонаслѣдія, и около этого времени онъ составилъ тотъ актъ о престолонаслѣдіи, который затѣмъ торжественно объявилъ во время своей коронаціи; актъ этотъ и понынѣ сохраняетъ свою силу. По странному стеченію обстоятельствъ, около этого же времени занята была тѣмъ же вопросомъ и Екатерина, только она разрѣшала его прямо въ противоположномъ направленіи, собираясь назначить своимъ преемникомъ в. кн. Александра Павловича, минуя его отца.

Французская революція, шедшая противъ всѣхъ представленій Павла Петровича о святости сана монарха и коснувшаяся такъ ужасно той царственной семьи, среди которой цесаревичъ незадолго до того видѣлъ блестящій и радушный пріемъ, произвела потрясающее впечатлѣніе на него. Теперь ему всюду чудился якобинскій духъ, и малѣйшее противорѣчіе или неисполненіе его воли представлялось ему проявленіемъ революціоннаго духа и выводило его изъ себя. Очень встревожило наслѣдника дѣло Новикова. Нѣкогда онъ вступалъ въ какія-то совершенно невинныя сношенія съ мартинистами; теперь онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, чувствовалъ отвращеніе отъ всякихъ тайныхъ обществъ, но все-таки ему пришлось давать нѣкоторыя объясненія на вопросы по поводу мартинистовъ, представленные ему отъ имени императрицы, — и это чрезвычайно волновало Павла Петровича. Раздражительность его разрушила и его семейную жизнь, прежде столь счастливую. Съ первыхъ лѣтъ второго брака цесаревича при его супругѣ въ числѣ фрейлинъ состояла Екатерина Ивановна Нелидова, дѣвушка некрасивая, но съ выдающимся умомъ и большимъ характеромъ. Она питала пламенную, но совершенно платоническую любовь къ великому князю, дѣлала все возможное чтобы успокаивать духъ Павла, и пріобрѣла надъ его волей и умомъ такое вліяніе, что у Маріи Ѳеодоровны возникло вполнѣ понятное, хотя и совершенно неосновательное, чувство ревности. Она не сумѣла его скрыть, и первыя же проявленія этого чувства со стороны супруги вызвали у Павла Петровича сильнѣйшую вспышку гнѣва; онъ сталъ оказывать великой княгинѣ явное неудовольствіе, а Нелидовой преувеличенное вниманіе—и въ домѣ его создались такія натянутыя отношенія, что Нелидова удалилась въ Смольный монастырь, гдѣ она получила воспитаніе. Марія Ѳеодоровна имѣла вскорѣ съ нею объясненіе и съ тѣхъ поръ вѣрила ей безусловно; Нелидова снова явилась въ обществѣ цесаревича, но его умъ и сердце съ этихъ

поръ уже не принадлежали такъ безусловно, какъ прежде, тому семейному кружку, въ который входили онъ, его супруга и Нелидова: за это время преобладающее вліяніе на Павла Петровича пріобрѣлъ Ив. Пав. Кутайсовъ, турчонокъ, вывезенный изъ одной деревушки на Дунаѣ, крещеный и занимавшій при Павлѣ Петровичѣ сначала мѣсто брадобрея, затѣмъ гардеробмейстера, впослѣдствіи возведенный въ графы. Съ этихъ поръ начался рядъ уже непрекращавшихся интригъ въ кругу людей, ближайшихъ къ цесаревичу. Невозможность удержать его довѣріе и ежеминутная опасность потерять его расположеніе и милость побуждали окружающихъ быть постоянно на чеку, слѣдить другъ за другомъ и подготовлять немилость и паденіе другимъ, чтобы отвратить ихъ отъ себя.

Бракъ вел. кн. Александра Павловича повергъ цесаревича въ новыя тревоги: женатый сынъ являлся еще болѣе возможнымъ наслѣдникомъ Екатерины. Но вышло такъ, что послѣ свадьбы вел. кн. Александръ Павловичъ, напротивъ, сблизился съ отцомъ: научныя занятія великаго князя съ этого времени почти прекратились, и онъ, и братъ его Константинъ занялись болѣе прежняго военною службою; императрица разрѣшила имъ проходить ее подъ руководствомъ отца. Скрывая отъ государыни, сколько времени и вниманія отдаютъ они военному дѣлу, они положительно увлеклись имъ: и въ Александрѣ Павловичѣ также сказалась въ этомъ отношеніи наслѣдственность.

Проекту выдать за молодого шведскаго короля великую княжну Александру Павелъ Петровичъ не сочувствовалъ; часто появляясь при большомъ Дворѣ во время пребыванія въ Петербургѣ шведскихъ гостей, цесаревичъ былъ постоянно мраченъ, а когда переговоры были прерваны, онъ страшно разгнѣвался и, встрѣтившись на другой день съ королемъ, круто повернулся къ нему спиною и быстро отошелъ, не проговоривъ ни слова; въ этотъ же день, 12 сентября 1796 г., вечеромъ, простившись съ императрицею, онъ уѣхалъ въ Гатчину. Это было послѣднее свиданіе его со своею родительницею.

5 ноября утромъ великій князь разсказывалъ въ Гатчинѣ своимъ приближеннымъ, что видѣлъ странный сонъ: ему казалось, что какая-то сила поднимала его кверху; не разъ онъ просыпался и, когда засыпалъ, сонъ этотъ продолжался; замѣтивъ, что великая княгиня не спитъ, цесаревичъ спросилъ ее—оказалось, что и она видѣла подобный же сонъ. День протекалъ обыкновеннымъ порядкомъ. Послѣ прогулки наслѣдникъ съ супругой пообѣдали на гатчинской мельницѣ и возвращались во дворецъ, когда въ началѣ 3-го часа встрѣтили быстро скачущаго гусара, который доложилъ, что изъ Петербурга прибылъ шталмейстеръ гр. Н. А. Зубовъ съ какимъ-то весьма важнымъ извѣстіемъ. Первою мыслью Павла Петровича было, что дѣло касается рѣшенія императрицы

о престолонаслѣдіи — и когда онъ услышалъ, что императрица при смерти, имъ овладѣло такое волненіе, что, по мнѣнію приближенныхъ, послѣдствія этой минуты никогда вполнѣ не изгладились. Немедленно Павелъ Петровичъ помчался съ супругою въ Петербургъ; по дорогѣ имъ попадалось навстрѣчу множество курьеровъ, которыхъ по собственному побужденію послали разныя лица.

Было около 9 часовъ вечера, когда Павелъ Петровичъ прибылъ въ Зимній дворецъ. Его встрѣтили уже какъ императора; великіе князья Александръ и Константинъ были въ гатчинскихъ мундирахъ. Прибывшіе немедленно прошли въ покой, гдѣ лежала императрица; она еще дышала, но была безъ сознанія. Павелъ Петровичъ расположился въ маленькомъ кабинетѣ рядомъ и немедленно началъ распоряжаться; множество лицъ наполняло дворецъ, и постоянно прибывали одинъ за другимъ его гатчинцы; всѣ, кого требовали къ Павлу Петровичу, не могли явиться къ нему иначе, какъ черезъ ту комнату, гдѣ лежала въ агоніи Екатерина; нѣтъ никакого сомнѣнія, что Павелъ Петровичъ просто случайно упустилъ изъ виду это неудобство, но недосмотръ этотъ произвелъ очень тягостное впечатлѣніе. По повелѣнію Павла Петровича немедленно начато было собираніе бумагъ въ кабинетѣ умиравшей государыни: онъ «самъ началъ собирать оныя прежде всѣхъ», записано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ: онъ искалъ манифеста о престолонаслѣдіи; по указанію Зубова и Безбородко бумаги были найдены и тутъ же уничтожены. Еще Екатерина дышала, а князю Барятинскому, одному изъ участниковъ переворота 28 іюня 1762 г., приказано было удалиться изъ дворца.

Крѣпкій организмъ Екатерины долго боролся; императрица испустила послѣднее дыханье вечеромъ 6 ноября, въ десять часовъ безъ четверти; въ четверть перваго ночи принесена была присяга въ церкви Зимняго дворца, и въ ту же ночь императоръ Павелъ спеціально отправилъ Растопчина къ гр. А. Г. Орлову, который былъ боленъ, чтобы привести его къ присягѣ, и на другой день доложить ему, какъ это произойдетъ; Растопчинъ исполнилъ волю государя — и вспоминалъ впослѣдствіи, что «не примѣтилъ въ гр. Орловѣ ни малѣйшаго движенія трусости или подлости». На другой день, 7 ноября, уже состоялся вахтпарадъ въ Петербургѣ; вокругъ дворца были поставлены будки, выкрашенныя какъ въ Гатчинѣ; во дворцѣ шелъ гулъ отъ смѣняемыхъ карауловъ. Новое царствованіе явно отмѣчаемо было новымъ духомъ новаго государя.

Павелъ рѣшилъ съ погребеніемъ Екатерины соединить перенесеніе праха Петра Ѳеодоровича изъ Александро-Невской лавры въ Петропавловскій соборъ. 19 ноября прахъ Петра Ѳеодоровича былъ вынутъ изъ земли, положенъ въ богато украшенный гробъ и поставленъ среди храма; надъ нимъ производилось чтеніе и совершались панихиды. 25 ноября утромъ прибылъ въ храмъ Павелъ

Петровичъ; войдя въ царскія врата, онъ взялъ съ престола корону и возложилъ ее на себя, затѣмъ подошелъ къ тѣлу родителя, снялъ съ себя корону и возложилъ ее на гробъ. Въ тотъ же день въ Зимнемъ дворцѣ гробъ съ тѣломъ усопшей императрицы былъ поставленъ на особо уготованное мѣсто, подъ величественнымъ траурнымъ балдахиномъ. 2 декабря съ пышною церемоніею было перевезено изъ лавры во дворецъ тѣло Петра Ѳеодоровича и поставлено рядомъ съ прахомъ Екатерины на одномъ и томъ же катафалкѣ; 5 декабря оба гроба одновременно перенесены въ Петропавловскій соборъ. 18 декабря останки императора и императрицы были преданы землѣ. «Россію хоронятъ», замѣтилъ присутствовавшій при печальной церемоніи англійскій посолъ.

III.

Царствованіе Павла Петровича, продолжавшееся 4 года 4 мѣсяца 4 дня, нельзя изложить сколько-нибудь полно въ краткомъ очеркѣ: въ этотъ небольшой промежутокъ времени было издано огромное число распоряженій, произведены безчисленныя перемѣны въ администраціи, такъ что много мѣста потребовалось бы для одного перечисленія ихъ; притомъ же мѣропріятія осуществлялись безъ какого-либо плана, важное перемѣшивалось съ второстепеннымъ и даже ничтожнымъ, ничто не было сдѣлано сразу окончательно, а немедленно или чѣмъ-нибудь дополнялось, или отмѣнялось частями, то въ довольно важныхъ, что въ пустячныхъ сторонахъ: характеръ и умственный складъ Павла Петровича проявились немедленно въ полной яркости. Мы ограничимся поэтому тѣмъ, что отмѣтимъ нѣкоторые моменты, наиболѣе существенные или хотя бы болѣе опредѣленные, а затѣмъ представимъ характеристику положеній дѣлъ и общественнаго настроенія, которыя создались въ результатѣ дѣйствій Павла Петровича и повели къ перемѣнѣ на престолѣ.

Съ воцареніемъ Павла Петровича на первое мѣсто выдвинулся тотчасъ же элементъ военный. Вахтпарадъ совершался ежедневно въ присутствіи государя и считался среди важнѣйшихъ въ государственной жизни дѣяній; дворецъ, еще недавно оживленный разфранченною толпой изящныхъ придворныхъ, наполнился людьми, которые прежде не смѣли и мечтать о чести быть въ такой близости отъ монархини; окрики часовыхъ, шумъ марширующихъ, стукъ эспантоновъ — особыхъ палокъ, которыя составляли теперь необходимую часть парадной формы, — ежеминутно нарушали торжественную тишину, прежде царившую во дворцѣ; старые, заслуженные сановники пугливо сторонились предъ новымъ элементомъ, который держалъ себя какъ побѣдители въ завоеванномъ городѣ; войскамъ дана была форма, давно введенная въ гатчинскомъ войскѣ, поражавшая своею причудливостью

и странностью; всѣ полки немедленно должны были начать обучаться новой военной экзерциціи, и старые, почтенные генералы занимались ею подъ руководствомъ молодыхъ гатчинскихъ офицеровъ. Немедленно произведены были многочисленныя перемѣны въ администраціи. Только Безбородко сохранилъ свое мѣсто и вліяніе; первое время императоръ отнесся милостиво и къ кн. П. А. Зубову, но черезъ мѣсяцъ уже ему повелѣно было выѣхать изъ Петербурга, и затѣмъ на него посыпались начеты за расходы, произведенные имъ на его прежнихъ должностяхъ. Перемѣны въ администраціи совершались непрерывно: никто изъ лицъ, занимавшихъ сколько-нибудь видное мѣсто, не сохранилъ его спокойно въ теченіе четырехлѣтняго царствованія, большинство же успѣло испытать въ это время не по одному разу смѣну милости немилостью; пять разъ, напр., смѣнились при Павлѣ Петровичѣ генералъ-прокуроры. Новиковъ и Радищевъ были возвращены изъ ссылки и заточенія; Костюшкѣ и другимъ плѣннымъ полякамъ возвращена свобода; въ началѣ февраля 1797 г. Суворовъ былъ отставленъ отъ службы и посланъ въ свое скромное помѣстье жить подъ надзоромъ особо приставленнаго къ нему полицейскаго чиновника за то, что «отнесся», по выраженію указа, «къ Его Величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, то ему дѣлать нечего въ службѣ». 3 января 1797 г., на одномъ сенатскомъ докладѣ о впавшемъ въ преступленіе дворянинѣ, императоръ написалъ: «какъ скоро дворянство снято, то уже и привилегіи до него не касаются, по чему и впредь поступать» — этимъ возстановлены были тѣлесныя наказанія для дворянъ, давно не примѣнявшіяся по резолюціямъ предшественницы Павла, а затѣмъ и отмѣненныя прямо дворянскою грамотою. Вскорѣ послѣ коронаціи императоръ подтвердилъ это распоряженіе; если толковать его, какъ шагъ къ уравненію предъ закономъ не-дворянъ съ дворянами, то и тогда можно ли не признать, что итти къ такой цѣли надо было путемъ прямо противоположнымъ — смягчая наказанія не-дворянъ, а ни въ какомъ случаѣ не распространяя на болѣе широкій кругъ прежнія, жестокія наказанія. Сдѣлалъ императоръ въ началѣ своего царствованія попытку облегчить раскрытіе злоупотребленій, но не умѣлъ довести ее до полезнаго результата: у Зимняго дворца поставленъ былъ ящикъ, куда всякій могъ опускать свою просьбу, и она попадала непремѣнно прямо въ руки государя. Но скоро ящикъ этотъ былъ убранъ, такъ какъ въ немъ оказалось нѣсколько дерзкихъ пасквилей, чрезвычайно разгнѣвавшихъ Павла. Затѣмъ разрѣшено было приносить свободно въ Сенатъ жалобы на злоупотребленія властей, но въ результатѣ скопилось столько жалобъ, что всѣ онѣ были оставлены безъ послѣдствій, почти даже безъ разсмотрѣнія.

Въ началѣ 1797 г. Павелъ отправился въ Москву, и 5 апрѣля, въ самый день Св. Пасхи, состоялось его коронованіе. Во время

этой торжественной церемоніи императоръ самъ, стоя на тронѣ, прочелъ фамильный актъ о престолонаслѣдіи; затѣмъ прочтено было учрежденіе объ Императорской фамиліи, учрежденіе объ россійскихъ орденахъ, въ которые не введены были ордена св. Георгія и св. Владиміра; Нелидова успѣла за нѣсколько дней умолить государя не уничтожать ордена св. Георгія, и по прочтеніи акта императоръ сказалъ: «А орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія остается на прежнемъ своемъ основаніи такъ, какъ и статутъ его», орденъ же Владиміра, учрежденный императрицей Екатериной, остался исключеннымъ изъ числа русскихъ орденовъ и былъ возстановленъ уже преемникомъ Павла. Въ тотъ же день роздано было приближеннымъ государя 82.000 душъ и изданъ указъ о трехдневной барщинѣ крестьянъ; послѣдній указъ былъ редактированъ такъ неудачно, что его можно было понимать столько же какъ повелѣніе, какъ и совѣтъ или даже простое сужденіе. Крестьянство между тѣмъ начало волноваться. При воцареніи Павла впервые приказано было, чтобы присяга новому императору принесена была и крестьянами; это толковалось какъ предвѣстіе скораго перечисленія помѣщичьихъ крестьянъ въ государственные—и весною же 1797 г. въ нѣсколькихъ мѣстахъ разыгрались крестьянскія волненія. Повидимому, они не были особенно серьезны, но императора очень встревожили; немедленно были двинуты довольно значительные отряды войска, и когда одному изъ нихъ пришлось примѣнить оружіе, Павелъ наградилъ командующаго генерала звѣздою св. Анны,—орденомъ, который онъ особенно цѣнилъ.

Изъ Москвы Павелъ Петровичъ совершилъ поѣздку по западу Россіи, посѣтилъ Смоленскъ, Могилевъ, Вильно, Ковно, Гродно, Митаву, Ригу и Нарву; повсюду онъ осматривалъ войсковыя части, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ было найдено, что недостаточно усвоена новая экзерциція, оставлены были особые инструкторы, но вообще этою поѣздкою государь остался доволенъ. Съ 6 по 12 іюля того же года императоръ со всею фамиліею провелъ на Балтійскомъ морѣ, инспектируя флотъ. 5 мая 1798 г. императоръ снова выѣхалъ черезъ Москву въ Казань, затѣмъ посѣтилъ Нижній-Новгородъ, Ярославль, Тихвинъ, Новую Ладогу и Шлиссельбургъ и вернулся въ Павловскъ 11 іюня; опять онъ повсюду осматривалъ войсковыя части.

Внѣшняя политика Россіи испытала при Павлѣ Петровичѣ нѣсколько крутыхъ перемѣнъ. Ихъ тоже приходится почти что только перечислить, потому что совершенно невозможно не только открыть въ этихъ перемѣнахъ какую-нибудь систему, но для нѣкоторыхъ нелегко подыскать даже объясненіе.

Первоначально Павелъ заявилъ непремѣнное желаніе дать имперіи миръ и отмѣнилъ наборъ, объявленный на 1797 г. незадолго до кончины Екатерины. Но скоро послѣдовала полная пе-

ремѣна. Какъ политику Петра III опредѣляли голштинскія отношенія, такъ политику Павла стали опредѣлять отношенія мальтійскія. 4 января 1797 г. Павелъ Петровичъ принялъ подъ свое покровительство орденъ мальтійскихъ рыцарей, а 29 ноября 1798 г. возложилъ на себя и званіе гроссмейстера ордена; между тѣмъ весною этого года Мальта была занята генераломъ Бонапарте, когда онъ плылъ въ Египетъ. Занятіе Мальты настолько раздражило императора, что онъ рѣшилъ энергично выступить противъ революціонной Франціи. Въ 1797 и 1798 гг. было произведено два большихъ набора; императоръ заключилъ союзъ съ турецкимъ султаномъ, суверенныя права котораго были нарушены высадкою французовъ въ Египтѣ, и съ австрійскимъ императоромъ; была сформирована армія, которая должна была сообща съ австрійцами дѣйствовать въ Италіи; милостивымъ рескриптомъ 4 февраля 1799 г. Суворовъ былъ вызванъ изъ деревни и назначенъ главнокомандующимъ. Знаменитый походъ 1799 г. покрылъ русское оружіе блестящею, немеркнущею славою; неслыханные подвиги русскихъ солдатъ и побѣды Суворова никогда не забудутся всемірной исторіей. Только австрійскій гофкригсратъ былъ недоволенъ дѣйствіями Суворова и такъ явно старался не содѣйствовать русской арміи, что императоръ разсердился и приказалъ Суворову вести войско обратно въ Россію. Но и на самого побѣдоноснаго вождя государь прогнѣвался за то, что во время похода не исполнялись, какъ несоотвѣтствующія самой природѣ военнаго дѣла, многочисленныя требованія новаго воинскаго устава, подготовленнаго Павломъ Петровичемъ еще въ періодъ его гатчинскаго уединенія. Въ то же время Павелъ Петровичъ разгнѣвался и на Пруссію, которая ни ранѣе, ни теперь не выражала желанія вести борьбу противъ Франціи: дипломатическія сношенія съ Пруссіей были прекращены и даже уничтожено русское посольство при берлинскомъ дворѣ; 15 іюля 1799 г. Павелъ Петровичъ объявилъ войну Испаніи за то, что она не борется противъ Франціи, — впрочемъ, на дѣлѣ эта война ничѣмъ не выразилась. Въ 1800 г. союзъ съ Австріей былъ порванъ за недобросовѣстное отношеніе къ русской арміи, дѣйствовавшей въ Италіи, и императоръ готовился къ войнѣ съ Англіей; было забыто, что Англія одна вела до того времени непрерывную борьбу съ Франціей, противъ которой такъ вооружился Павелъ Петровичъ, но Англія удерживала Мальту, отнятую ею у французовъ— и этого было довольно въ глазахъ Павла Петровича, чтобы начать войну. Павелъ вознамѣрился напасть на англійскія владѣнія въ Индіи и приказалъ донскому атаману Орлову двинуться въ походъ на Индію. Казаки выступили, но не успѣли пройти сколько-нибудь далеко, какъ вступилъ на престолъ Александръ Павловичъ и вернулъ ихъ. Совершенно безпримѣрно то легкомысліе, съ какимъ было предписано это движеніе; не было подготовлено рѣшительно ничего — ни снарядовъ, ни запасовъ, ни лошадей; нечего уже и

говорить о томъ, что не было ни малѣйшаго понятія о разстояніи, какое надо пройти, ни о характерѣ мѣстности; государь высказывалъ просто увѣренность, что до Индіи «казаки легко дойдутъ въ четыре мѣсяца». Въ томъ же 1800 г. Павелъ обнаружилъ намѣреніе примириться и съ Франціею, основывая свое рѣшеніе на томъ, что во Франціи, несмотря на отсутствіе законной власти, возстановляется твердое правительство, а въ началѣ 1801 г. Павелъ предполагалъ для прекращенія уже 11 лѣтъ тянущихся войнъ пригласить всѣхъ европейскихъ государей въ назначенное мѣсто и сразиться съ ними на поединкѣ...

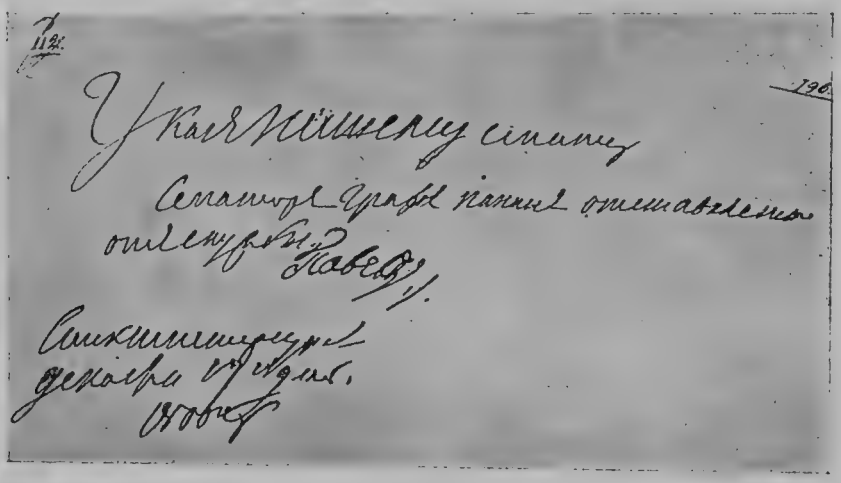
Изъ узаконеній Павла Петровича, помимо упомянутыхъ выше, наиболѣе видными являются уставъ воинскій и уставъ военнаго флота, опубликованные первый 29 ноября 1796 г., второй—25 февраля 1797 г. Тотъ и другой представляютъ собою весьма объемистыя книги, каждая около 400 — 450 стр. обыкновенной печати; чтобы уставъ воинскій могъ поспѣть къ 29 ноября 1796 г., онъ долженъ былъ быть сданъ въ печать въ самые же первые дни новаго царствованія: онъ, очевидно, былъ давно уже изготовленъ, обдуманъ и въ подробностяхъ обработанъ еще тогда, когда Павелъ былъ наслѣдникомъ и въ Гатчинѣ занимался почти исключительно устройствомъ своего войска, которое теперь онъ ставилъ образцомъ для всей русской арміи; все прежнее, «потемкинское», какъ выражался Павелъ, онъ страстно ненавидѣлъ. Уставъ воинскій поэтому заслуживаетъ особаго вниманія. Согласно съ давнишнею идеею Павла въ немъ прежде всего съ чрезвычайною пунктуальностью регулируются всѣ мелочи ежедневной дѣятельности отдѣльныхъ воинскихъ частей, всѣ подробности ученій, оружейныхъ, алебардныхъ и эспантонныхъ пріемовъ, порядки карауловъ, отдачи почестей и т. д.; сверхъ того, онъ содержитъ своего рода наставленія къ веденію войны вообще, и въ этой части съ особенною яркостью выдвигается узкое и жалкое доктринерство, его диктовавшее. Даже очень небольшія извлеченія изъ него даютъ достаточное представленіе о томъ уставѣ, въ которомъ могли быть предъявлены подобныя требованія. Начальнику отдѣльной части, напр., предписывалось предъ началомъ боя «разсмотрѣть, какое дѣло предпринимается: наступательное или оборонительное, предумышленное ли или нечаянное» — хотя очевидно, что возможность «разсмотрѣть заранѣе» и «нечаянность» несовмѣстимы; атаковать непріятеля въ лагерѣ предписывается только тогда, когда нападающій «весьма увѣренъ», что онъ сильнѣе противника, и что «удастся напасть прежде, нежели онъ сядетъ на лошадей и устроится въ боевой порядокъ»; трудно понять, какого противника представляли себѣ составители этихъ предписаній, когда они говорятъ: «весьма полезно атаковать непріятеля съ тылу, гдѣ онъ, конечно (!?), не взялъ предосторожности, и тогда атака навѣрно успѣхъ имѣть будетъ»... «и тѣмъ лучше, когда она будетъ сдѣлана до утренней зари», прибавляетъ

глубокомысленно авторъ этого устава; есть предписаніе немедленно отступать, если конвоирующая что-либо часть будетъ атакована въ пути, и неоднократно повторено требованіе, чтобы во время боя и штурма всѣ ружейные пріемы и вообще всѣ движенія дѣлались такъ, какъ на ученьи...

Во внутреннемъ управленіи Павла Петровича можно отмѣтить только одну общую черту — это борьбу противъ всего сдѣланнаго при Екатеринѣ. Перекраивались границы губерній, уѣздовъ, измѣнялись имена городовъ, открывались закрытыя коллегіи— и сейчасъ же снова передѣлывались; въ губерніяхъ прибалтійскихъ и въ русской части Финляндіи вводились вновь прежнія мѣстныя учрежденія и уничтожались общеимперскія, отлично дѣйствовавшія уже около 15 лѣтъ; дворянскія общества неоднократно урѣзывались въ своихъ правахъ; на многія должности, замѣщавшіяся въ силу Учрежденія о губерніяхъ по выборамъ, должностныя лица были назначаемы; губернаторамъ, которые по Учрежденію не могли присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ, приказано присутствовать на нихъ; запрещено дворянскимъ обществамъ обращаться съ прошеніями прямо къ государю и т. д.; и всѣ эти мѣропріятія не были введены какимъ-нибудь общимъ, единымъ законодательнымъ актомъ, а издавались совершенно случайно. Сколько-нибудь ровнымъ, прежнимъ ходомъ шли лишь работы по межеванію да по приглашенію иностранныхъ колонистовъ. Финансовое управленіе императрицы Екатерины преемникъ ея подвергъ суровой критикѣ. Въ манифестѣ 17 декабря 1797 г. онъ говорилъ: «По вступленіи Нашемъ на Всероссійскій Императорскій престолъ, входя по долгу Нашему въ различныя части государственнаго управленія, при самомъ начальномъ ихъ разсмотрѣніи увидѣли Мы, что хозяйство государственное, невзирая на учиненныя въ разныя времена умноженія доходовъ, отъ продолженія черезъ многіе годы безпрерывной войны и отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ, яко о прошедшихъ, излишнимъ считаемъ распространяться, подвержено было крайнимъ неудобностямъ. Расходы превышали доходы. Недостатокъ годъ отъ году возрасталъ, умножая долги внутренніе и внѣшніе, къ наполненію же части таковаго недостатка заимствованы были средства, большій вредъ и разстройства за собою влекущія». Но ни одного изъ указанныхъ недостатковъ не удалось устранить, напротивъ: немедленно были повышены подушные сборы на 25%, тогда какъ за все время Екатерининскаго царствованія они были повышены всего на 40%, и черезъ годъ выпущено ассигнацій больше, чѣмъ выпустила ихъ Екатерина въ 17 лѣтъ, съ 1769 г. по 1785.

Такого рода дѣятельность уже сама по себѣ не могла не дать нежелательныхъ результатовъ; пріемы же управленія ежечасно причиняли вредъ государственнымъ дѣламъ, расшатывали уваженіе къ власти и вызывали сначала недоумѣніе, затѣмъ по-

давленное недовольство и, наконецъ, привели къ общему и почти страстному озлобленію. На всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы множество людей испытывали совершенно незаслуженную жестокость. Солдатъ въ полномъ смыслѣ слова истязали на ученьяхъ и за малѣйшія провинности жестоко наказывали; офицеровъ подвергали оскорбленіямъ, разжалованіямъ, ссылкамъ и вообще несообразно строгимъ взысканіямъ; малѣйшая провинность, а иногда и просто ложный доносъ, сдѣланный по злобѣ, навлекали немедленно арестъ, суровое заточеніе, ссылку безъ суда; часто съ такою же быстротою наказанные прощались и даже получали столь же несоразмѣрныя награды, но еще вопросъ: утѣшали наказанныхъ подобныя милости, или только увеличивали раздраженіе, доказавъ, какъ неосновательно была причинена имъ обида. Спокойнымъ



Снимокъ съ собственноручнаго указа императора Павла Петровича.

себя не чувствовалъ никто и ни въ какомъ положеніи. Павелъ Петровичъ, стремившійся все рѣшать самъ, обнаруживалъ стремленіе входить во всѣ стороны жизни, касаться такихъ мелочей, которыя по существу не имѣютъ сколько-нибудь серьезнаго значенія, но прикосновеніе къ которымъ вызываетъ—и совершенно справедливо — чрезвычайное раздраженіе. Немедленно по воцареніи Павелъ Петровичъ запретилъ ношеніе костюмовъ, которые прежде совершенно не привлекали вниманія правительства, а ему казались связанными съ французскою революціей. По городу были направлены группы солдатъ и полицейскихъ, которые обрывали у прохожихъ фраки, срывали и портили круглыя шляпы и т. д. Затѣмъ было запрещено употребленіе нѣкоторыхъ словъ и предписано замѣнять ихъ другими, спеціально указанными; такъ, нельзя было писать и говорить «докторъ», «училище», «ямщикъ», и т. п., а велѣно говорить «лѣкарь», «школа», «фурманъ», а черезъ нѣсколько дней приказано во множественномъ числѣ говорить не

«фурманы», а «фурлейты», но въ единственномъ не «фурлейтъ», а «фурманъ»; списокъ такихъ словъ былъ довольно великъ и постоянно разрастался; подъ страхомъ наказанія приказано было императорскую яхту «Эммануилъ» именовать не яхтой, а фрегатомъ, и т. п. Въ дѣятельности своей Павелъ Петровичъ не только проявлялъ абсолютный произволъ, но какъ будто стремился дѣлать это какъ можно чаще и рѣзче, и впечатлѣніе небезопасности, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, столь тягостное и для всякаго отдѣльнаго человѣка и для цѣлаго общества, ежедневно усиливалось совершенно неожиданными, ничѣмъ необъяснимыми перемѣнами въ администраціи, массовыми исключеніями со службы и такими почти невѣроятными мѣрами, какъ объявленіе въ приказѣ выговора одному уже умершему генералу. И отъ всего этого страдалъ, вѣроятно, не меньше никого другого самъ виновникъ всего этого, несчастный императоръ Павелъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что онъ искренно желалъ въ каждую минуту наилучшихъ результатовъ и прибѣгалъ къ мѣрамъ крутымъ и даже жестокимъ лишь въ убѣжденіи, что такимъ способомъ дѣйствій онъ быстрѣе и вѣрнѣе достигнетъ намѣченнаго имъ блага; но столь же ясно и неоспоримо, что онъ совершенно не умѣлъ находить ни причинъ явленій, представлявшихся ему вредными, ни мѣръ къ достиженію цѣлей, къ какимъ стремился; то несоотвѣтствіе между его способностями и задачами, предъ которыми онъ стоялъ, несоотвѣтствіе, выше нами указанное, лишь затрудняло дѣла и приближало съ неумолимою необходимостью какую-нибудь катастрофу. Старшій сынъ императора въ письмѣ отъ 27 сентября 1797 г. къ своему любимому наставнику Лагарпу далъ живую и довольно полную картину общаго положенія въ первый же годъ новаго царствованія. Онъ признаетъ, что, начавши хорошо, императоръ скоро не могъ уже продолжать дѣйствовать такъ, какъ началъ. Мы знаемъ, что быстро и неудержимо развивались въ его поступкахъ наименѣе желательные и наиболѣе вредные пріемы; чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ положеніи, какое создалось къ концу царствованія, надо еще много усилить мрачныя тѣни въ картинѣ, какую набросалъ вел. кн. Александръ, — не легко это сдѣлать, потому что и нарисованная имъ слишкомъ мрачна. Вотъ что онъ говорилъ при всей своей осторожности: «Я не буду распространяться объ общемъ горѣ и сожалѣніи, вызванномъ кончиною императрицы, которыя, къ несчастью, ежедневно усиливаются до сихъ поръ. Мой отецъ по вступленіи на престолъ рѣшилъ преобразовать все. Первые его шаги были, дѣйствительно, блестящи, но продолженіе не соотвѣтствовало началу. Все было перевернуто вверхъ дномъ сразу, и это только увеличило безпорядокъ въ дѣлахъ, который господствовалъ и до того. Военные чуть не все свое время тратятъ на парады; во всемъ остальномъ нѣтъ рѣшительно никакого плана. Сегодня приказы-

вается то, что черезъ мѣсяцъ будетъ запрещено; представленій никакихъ не терпятъ, развѣ что уже зло какое-нибудь совершилось. Благо государства вовсе не принимается ни въ какой расчетъ. Господствуетъ полнѣйшій произволъ, дѣлается, что придетъ въ голову. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя совершены; прибавьте еще самую неумѣренную строгость, пристрастность и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Всѣ назначенія дѣлаются только по фавору, заслуги совсѣмъ не принимаются въ расчетъ. Бѣдное мое отечество находится въ положеніи, которое трудно себѣ представить. Земледѣлецъ угнетенъ, торговля стѣснена, свобода и личная безопасность уничтожены—вотъ картина положенія Россіи». Вел. кн. Константинъ Павловичъ въ концѣ царствованія своего отца выразился такъ: «Отецъ мой объявилъ войну здравому разсудку съ твердымъ рѣшеніемъ никогда не заключать съ нимъ мира». Наконецъ, одинъ изъ лучшихъ людей своего времени, Карамзинъ, такъ говоритъ о царствованіи Павла въ знаменитой запискѣ своей «О древней и новой Россіи», представленной имъ императору Александру Павловичу: «Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому удивленію россіянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды—прелесть, унизилъ чины и ленты расточительностью въ оныхъ, легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; презирая душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ и соорудилъ гробницу! Замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса Россія даже не боялась и мыслить; нѣтъ, говорили смѣло, умолкали единственно отъ скуки и частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности. Вотъ дѣйствіе Екатерининскаго человѣколюбиваго царствованія: оно не могло быть истреблено въ четыре года Павлова и доказывало, что мы были достойны имѣть правительство мудрое, законное, основанное на справедливости».

Послѣдній годъ жизни Павла Петровича былъ особенно тяжелъ и ему и всѣмъ его окружавшимъ; всякое спокойствіе въ его

семьѣ было разрушено, когда онъ увлекся А. П. Лопухиной; императрицу Марію Ѳеодоровну Павелъ Петровичъ подозрѣвалъ въ намѣреніи повторить «дѣйство» 1762 г.; обоихъ сыновей, особенно старшаго, онъ тоже подозрѣвалъ — и грозилъ вел. кн. Александру Павловичу судьбою царевича Алексѣя Петровича за то, что нашелъ у него на столѣ томъ сочиненій Вольтера, раскрытый на трагедіи «Brutus»; не представляется невѣроятнымъ, что онъ временами помышлялъ объявить своимъ наслѣдникомъ одного изъ вюртембергскихъ принцевъ. Раздражительность Павла Петровича принимала размѣры прямо болѣзни; проявленія вспыльчивости и жестокости его становились все чаще и ужаснѣе.

При такомъ положеніи созрѣлъ заговоръ. Во главѣ его сталъ приближеннѣйшій къ императору человѣкъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ. Въ началѣ 1797 г. императоръ Павелъ послалъ его рескриптъ съ прямымъ обвиненіемъ въ подлости, а черезъ два года довѣрилъ важнѣйшія должности. Въ заговорѣ участвовалъ кн. П. А. Зубовъ, сначала обласканный, затѣмъ оскорбленный императоромъ, затѣмъ снова приближенный къ нему; въ заговоръ вступили и многіе офицеры. Рѣшено было принудить императора къ отреченію; графъ Паленъ далъ понять и великому князю Александру Павловичу, что это рѣшеніе будетъ осуществлено во всякомъ случаѣ...

Въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 г. заговорщики вошли въ спальню императора въ Михайловскомъ замкѣ и предъявили ему требованіе, чтобы онъ отрекся отъ престола. Императоръ гнѣвно отвѣтилъ отказомъ, объясненіе приняло бурный характеръ—и императоръ оказался мертвъ...

«Кто былъ несчастливѣе Павла?!» восклицаетъ Карамзинъ, и нельзя не повторить съ нимъ этихъ словъ. Павелъ Петровичъ имѣлъ наилучшія намѣренія; его душѣ не чужды были даже рыцарскіе порывы — онъ проявлялъ ихъ не разъ предъ иностранцами, предъ людьми, надъ которыми не чувствовалъ въ своихъ рукахъ власти. Но шапка Мономаха была ему слишкомъ тяжела, и царствованіе его было печально и ужасно и ему, и родинѣ.

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ, воздвигнутый въ память Отечественной войны.

ИМПЕРАТОРЪ
Александръ I Павловичъ.

(1777 — 1801 — 1825).

I.

Дѣтство и юность.

Александръ I родился 12 декабря 1777 г. Царская семья тогда состояла всего изъ трехъ лицъ: Екатерины II, наслѣдника ея в. кн. Павла Петровича и его супруги Маріи Ѳеодоровны; рожденіе сына-первенца у наслѣдника престола радостно было встрѣчено населеніемъ. Будущій императоръ Россіи росъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Екатерины II, чрезвычайно любившей своего внука; въ дѣло его воспитанія и образованія она вложила много ума и сердца своего; она любила съ нимъ заниматься, писала для него сказки, записки по русской исторіи, объясняла географію по глобусу.

Императоръ Александръ I.
1777—1825.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

Императоръ Александръ I.

1777— 1825.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

Въ письмахъ своихъ къ близкимъ людямъ Екатерина всегда съ восторгомъ говоритъ о «господинѣ Александрѣ». Ребенокъ, позже юноша, Александръ много заимствовалъ отъ своей царственной бабки, хотя въ душѣ онъ никогда не любилъ ея; приглядываясь своимъ пытливымъ умомъ къ дѣятельности Екатерины, стараясь всегда ей нравиться, угадывать ея мысли и желанія, Александръ нечувствительно перенялъ многое изъ ея замѣчательнаго искусства править, обращаться съ людьми, выбирать слугъ и т. п. Больше любилъ онъ отца и мать; вспыльчивый, сумрачный, раздражительный Павелъ Петровичъ, тѣмъ не менѣе, привлекалъ къ себѣ своихъ дѣтей; можетъ-быть, то положеніе, которое онъ занималъ тогда при большомъ дворѣ, располагало дѣтей въ его пользу; отъ отца Александръ унаслѣдовалъ мечтательность, религіозность, любовь къ военной службѣ, симпатіи къ Пруссіи: юноша Александръ съ удовольствіемъ служилъ въ гатчинскихъ войскахъ своего отца; тамъ, между прочимъ, онъ сблизился съ А. А. Аракчеевымъ, единственнымъ человѣкомъ, къ которому онъ сохранилъ дружбу до самаго гроба. Александръ Павловичъ росъ и воспитывался вмѣстѣ съ братомъ своимъ Константиномъ, который на полтора года былъ моложе его, и съ сестрами Александрой, Маріей и Екатериной; съ двумя послѣдними, особенно съ Екатериной, онъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ; вмѣстѣ они весело проводили время и, уже будучи императоромъ, Александръ Павловичъ любилъ отдохнуть въ обществѣ сестеръ, вспомнить старое. Большое вліяніе на Александра имѣлъ его наставникъ и другъ Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ. Въ изящныхъ, привлекательныхъ лекціяхъ-бесѣдахъ Лагарпъ знакомилъ своего царственнаго воспитанника съ исторіей, съ законами строенія общества и государства; краснорѣчиво Лагарпъ внушалъ Александру начала правды, уваженіе къ личности, къ свободѣ. Лагарпъ сумѣлъ выдѣлиться среди другихъ учителей и воспитателей и всецѣло завладѣть симпатіями своего воспитанника; Александръ всегда признавалъ себя ученикомъ Лагарпа, въ первые годы правленія своего обращался къ нему за совѣтами, да и впослѣдствіи далъ много доказательствъ своей чрезвычайной благодарности и признательности къ Лагарпу. Вліяніе Лагарпа и проповѣдуемыхъ имъ идей не было, однако, глубокимъ, ибо оно шло въ разрѣзъ съ основами міровоззрѣнія Александра; оно придало духовному его облику благородную, изящную форму, но не проникло въ глубь его души. Остальные воспитатели и учителя особеннаго вліянія на развитіе характера Александра не имѣли; они дали кругъ извѣстныхъ знаній, нѣкоторыя привычки—и только; Александръ ко всѣмъ имъ впослѣдствіи относился очень хорошо и главнаго своего воспитателя, гр. Н. И. Салтыкова, чрезвычайно чтилъ и оказывалъ ему полное довѣріе. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ Александръ поставленъ былъ между двумя совершенно различными дворами: большимъ Екатерининскимъ и малымъ

Гатчинскимъ; положеніе его временами было очень тяжелое. Александру не исполнилось еще полныхъ 16-ти лѣтъ, когда онъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Баденской Луизой-Августой, принявшей имя Елизаветы Алексѣевны. Бракъ этотъ не былъ счастливъ, хотя первыя десять лѣтъ супруги прожили очень дружно и впослѣдствіи относились другъ къ другу съ уваженіемъ, а подъ конецъ жизни опять сблизились; дѣтей у нихъ было двое, двѣ дѣвочки, Марія и Елизавета, умершія въ младенчествѣ. Хотя Екатерина очень любила Александра, но она не призывала его къ правительственной дѣятельности; Александръ скучалъ и привыкалъ къ разсѣянному образу жизни; онъ сходился съ нѣкоторыми офицерами и молодыми людьми при дворѣ, которые получили такое же образованіе, какъ онъ самъ, съ которыми онъ могъ бы поговорить по душѣ о событіяхъ во Франціи, невольно привлекавшихъ къ себѣ общее вниманіе. Ученикъ Лагарпа не могъ сойтись во взглядахъ на революцію ни съ состарившеюся Екатериною, ни съ отцомъ своимъ, приходившимъ въ раздраженіе отъ одного упоминанія о революціи. При дворѣ нашлось, однако, нѣсколько молодыхъ людей, которые не все порицали изъ происходившаго во Франціи; вокругъ Александра образовался кружокъ, въ который входили: кн. А. А. Чарторыйскій, Н. Н. Новосильцевъ, гр. П. А. Строгановъ и В. П. Кочубей. Не видно, однако, чтобы Александръ выработалъ себѣ цѣльное міровоззрѣніе: къ этому онъ относился недостаточно серьезно и при большомъ дворѣ говорилъ одно, въ интимномъ кружкѣ — другое, въ Гатчинѣ—третье. Послѣдній годъ царствованія Екатерины для него былъ очень тяженъ: Екатерина непремѣнно хотѣла видѣть его своимъ преемникомъ, требовала отъ него согласія на это и получила; въ то же время, по требованію отца, онъ присягнулъ на вѣрность ему. Внезапная смерть Екатерины 6 ноября 1796 г. вывела Александра изъ затруднительнаго положенія; онъ мечталъ уже отказаться отъ правъ на престолъ и жить частною жизнью. Въ царствованіе Павла Петровича обстановка, въ которой оказался Александръ, стала опредѣленнѣе, но хуже. На Александра были возложены должности командира Семеновскаго полка, петербургскаго генералъ-губернатора; отношенія его къ Аракчееву окрѣпли и стали весьма дружественны; кажется, Аракчеевъ часто многое дѣлалъ за наслѣдника престола, и благодаря его трудамъ Александръ не разъ избѣгалъ неудовольствія вспыльчиваго и требовательнаго государя-отца; тогда же Александръ сошелся со многими семеновскими офицерами; полкъ этотъ навсегда — до печальной исторіи въ самомъ концѣ царствованія — остался любимою воинской частью Александра; кружокъ его интимныхъ друзей распался, такъ какъ Павелъ умышленно назначилъ его членовъ на службу внѣ Петербурга, но друзья поддерживали отношенія перепискою; Лагарпъ еще при Екатеринѣ долженъ былъ покинуть Россію; съ нимъ Александръ также переписывался.

Съ первыхъ же дней новаго царствованія Александръ и особенно его супруга почувствовали тяжесть создавшагося положенія. Но это положеніе стало еще труднѣе, когда до Александра стали доходить выраженія неудовольствія, ропота общественнаго; къ сожалѣнію, около него не было въ это время никого, кто могъ бы дать ему добрый совѣтъ въ трудныхъ обстоятельствахъ. Александръ узналъ о заговорѣ, который имѣлъ цѣлью лишить престола его отца, такъ какъ всѣ отношенія иностранныя и внутреннія запутывались до нельзя, да и становилось страшно оставлять управленіе государствомъ въ рукахъ столь неуравновѣшеннаго государя, какимъ былъ Павелъ I. Дѣло не могло быть сдѣлано безъ согласія Александра; оно должно было быть совершено явно, на глазахъ у всѣхъ. Александръ колебался, отсрочивалъ; наконецъ онъ согласился на томъ условіи, что жизни его отца ничто не угрожаетъ, но взять это дѣло въ свои руки не рѣшился и впослѣдствіи горько раскаивался въ своей нерѣшительности. Въ ночь съ 11 на 12 марта Павла Петровича не стало.

II.

Начало царствованія Александра Павловича.

12 марта 1801 г. среди общаго ликованія вступилъ на престолъ Александръ Павловичъ; онъ слышалъ вокругъ себя громкую радость по поводу того, что прекратилось царствованіе его отца; онъ видѣлъ вокругъ себя все веселыя лица и среди нихъ—тѣхъ, которые считали себя въ правѣ руководить имъ.

Александръ вѣрно оцѣнилъ свое положеніе и осторожно сталъ искать выхода изъ него. По самому характеру своему онъ какъ нельзя лучше могъ успокоить взбаламученное море тогдашнихъ отношеній. Обществу и народу онъ явилъ милостивое лицо; первыми мѣрами залѣчилъ раны прошлаго, въ цѣломъ рядѣ манифестовъ громко заявилъ народу свое непремѣнное желаніе посвятить свои силы на пользу общую, ввести въ русскую жизнь твердыя начала законности. Начиналась весна «прекрасныхъ Александровыхъ дней». Дѣятельность правительства получила характеръ очень шумный и милостивый. Одинъ за другимъ слѣдовали манифесты, именные указы, рескрипты, и въ каждомъ изъ нихъ русское общество читало дорогія и пріятныя обѣщанія, что государь будетъ править по законамъ и сердцу Екатерины Великой, чтобы вознесть Россію на верхъ славы; что пользы свои онъ сольетъ съ пользами вѣрноподданныхъ; что въ единомъ законѣ поставляетъ начало и источникъ народнаго блаженства и т. п. Тогда же уничтожена Тайная экспедиція, учрежденъ Непремѣнный (государственный) Совѣтъ (30 марта 1801); вскорѣ обнародованъ извѣстный указъ о правахъ и обязанностяхъ Сената (5 іюня). Своими дѣйствіями пра-

вительство безусловно держало общество въ напряженіи, волновало его, давало основанія возникать мечтаніямъ. И всѣ теперь — и царь, и его окружающіе, и сенаторы—заговорили о законности. Что это значило?

Обыкновенно думаютъ, что при этомъ подразумѣвалось хаотическое, даже безобразное состояніе органовъ центральнаго управленія; суды указываютъ, что въ странѣ едва ли кто могъ тогда опредѣлить, что такое «законъ», какое различіе между «закономъ», «указомъ», «приказаніемъ». Все это совершенно вѣрно: понятіе «законъ» было у насъ неопредѣленно, управленіе безпорядочно, судъ невозможенъ и т. д. Казалось бы, что при такомъ юридическомъ невѣжествѣ трудно и думать о законности, тѣмъ болѣе, что большинство населенія было въ крѣпостной зависимости отъ своихъ владѣльцевъ. Общество и правящіе круги заговорили о законѣ, потому что были взволнованы образомъ дѣйствій покойнаго Павла I и обстоятельствами, при которыхъ Александръ вступилъ на престолъ. Благомыслящіе люди хотѣли установить такой порядокъ, чтобы впредь подобныя грустныя явленія въ русской жизни не повторялись. Съ этой точки зрѣнія и надо смотрѣть на тѣ оживленные споры, которые завязались тогда около вопросовъ управленія. Слово «конституція» громко вслухъ не было сказано, или, правильнѣе, его произнесъ одинъ Александръ, выражавшій тогда желаніе дать какъ можно скорѣе конституцію. Но какъ только онъ его произнесъ, его друзья-совѣтники, члены негласнаго комитета, начали отговаривать государя отъ намѣренія дать ее.

Около Александра скоро послѣ его восшествія на престолъ собрались друзья его юности: гр. П. А. Строгановъ, кн. А. А. Чарторыйскій, Н. Н. Новосильцевъ и гр. В. П. Кочубей; они образовали такъ называемый «негласный комитетъ», который вмѣстѣ съ государемъ изучалъ состояніе Россіи, положеніе дѣлъ и реформы, которыя слѣдовало ввести. Въ кружокъ этотъ не входили, но тѣсно примыкали къ нему Лагарпъ, отчасти Н. С. Мордвиновъ, гр. А. Р. Воронцовъ. Члены кружка всѣ принадлежали къ тогдашней высшей аристократіи. Въ русской жизни они представляли новый типъ, который явился слѣдствіемъ манифеста о вольности дворянства и той западно-европейской образованности, которая широкою струей начала вливаться въ верхніе слои русскаго общества съ половины XVIII вѣка. Европейски-образованные, матеріально обезпеченные, сближавшіеся съ аристократическими кружками Европы, не чуждые, — конечно, въ весьма ограниченной степени,— демократическихъ принциповъ 1789 г., молодые и благородные, они готовы были отдать свои силы на пользу родины. Но они тогда имѣли свою программу и соглашались работать подъ условіемъ проведенія въ жизнь этой программы. Это явленіе новое въ послѣ-петровской Руси. Неофиціальный комитетъ болѣе походитъ на «избранную раду» Грознаго,

чѣмъ на государственныхъ дѣятелей XVII — XVIII вв., воспитанныхъ въ суровой школѣ обязательной службы, въ идеяхъ Правды воли монаршей. Такіе слуги, конечно, очень полезны, и упомянутыя лица оказали бы Россіи и Александру огромную услугу, если бы они обладали и другими свойствами мужей истинно-государственныхъ. Быстрымъ возвышеніемъ они обязаны были своему происхожденію и положенію, а не выдающимся способностямъ. Они были хорошо образованы, но знаній спеціальныхъ по тѣмъ отраслямъ управленія, во главѣ которыхъ они стали, у нихъ не было; не было у нихъ ни ремесленной сноровки дѣльцовъ, поднявшихся снизу, ни даже правительственной, а тѣмъ болѣе государственной традиціи. Въ лѣтописяхъ русской государственности это все новыя фамиліи, ранѣе не встрѣчавшіяся въ ряду крупныхъ дѣятелей. Въ Петербургѣ они пользовались очень громкой репутаціей, особенно кн. А. Чарторыйскій и Н. Н. Новосильцовъ; но иностранные дипломаты находили ихъ значительно ниже ихъ славы. Многочисленныя и многорѣчивыя записки, донесенія и мнѣнія ихъ отличаются нерѣдко ученическимъ характеромъ, обличаютъ въ составителяхъ людей, пытающихся найти вѣрный путь; но это не политики большого государства. Авторы этихъ мнѣній необыкновенно самоувѣрены и самодовольны, но общими разсужденіями плохо прикрываютъ свое незнаніе и неумѣнье повернуть обстоятельства въ желательномъ направленіи. До извѣстной степени — ихъ несчастіе, что съ первыхъ же шаговъ имъ пришлось частью бороться, частью только соперничать съ искусными западно-европейскими дѣятелями.

По мнѣнію негласнаго комитета сначала слѣдовало широкими административными и общественными реформами улучшить положеніе въ странѣ, а потомъ уже чрезъ нѣсколько лѣтъ можно думать о введеніи представительства народнаго. Необходимѣйшимъ условіемъ также комитетъ почиталъ тайну реформы и то условіе, чтобы ни у кого не могло быть сомнѣнія въ томъ, что реформу даетъ царь по своему собственному, свободному желанію. Между тѣмъ многочисленные противники друзей Александра, вельможи и сотрудники Екатерины, согласно указывали на Сенатъ, какъ на органъ, который при лучшихъ условіяхъ можетъ быть дѣйствительнымъ хранителемъ русскихъ законовъ и законности въ жизни. Односторонне объясняя причины паденія Сената честолюбіемъ и алчностью многочисленныхъ временщиковъ, люди этого направленія полагали необходимымъ укрѣпить Сенатъ, введя, напр., въ его составъ членовъ, выбираемыхъ дворянскими обществами, установивъ несмѣняемость сенаторовъ, окончательность приговоровъ Сената и право дѣлать представленія въ тѣхъ случаяхъ, когда новые законы окажутся противорѣчащими старымъ. Слѣдовало, по этому мнѣнію, дать право Сенату требовать объясненій и отчета отъ управляющихъ всѣми вѣдомствами.

Въ этихъ предположеніяхъ не заключается ничего конституціоннаго. Однако противники, либералы-друзья Александра и Лагарпъ, встревожились, тѣмъ болѣе, что Александръ сначала какъ будто сочувствовалъ этимъ планамъ. Негласный комитетъ увидѣлъ въ этомъ умаленіе правъ государя; онъ опасался, что государю свяжутъ руки. Опасенія эти были не безъ основанія. Боролись два направленія: екатерининское и новое. Легко можно себѣ представить, въ какомъ духѣ сталъ бы дѣйствовать на такихъ началахъ устроенный Сенатъ: всякое движеніе въ сторону уравненія сословныхъ правъ встрѣчало бы представленія Сената о противорѣчіи съ законами. Молодой партіи нетрудно было разбить доводы сторонниковъ Сената и указать болѣе точно причины паденія его авторитета. Негласный комитетъ хотѣлъ сохранить за Сенатомъ лишь судебное значеніе, находя, что правительственныя и законосовѣщательныя функціи его должны быть переданы другимъ органамъ. Члены негласнаго комитета на первое мѣсто выдвигали введеніе въ Россіи министерской или единоличной формы управленія по примѣру Западной Европы, какъ способа лучше обезпечивать быстроту, точность, единство и законность управленія. Однако, что касается законности и единства, они не могли не видѣть, что на Западѣ законность достигалась хорошо устроенной отвѣтственностью министровъ предъ какимъ-либо учрежденіемъ, а единство — политическимъ единомысліемъ лицъ, составляющихъ кабинетъ. Ни перваго, ни второго у насъ не было. Напротивъ, должно было опасаться, что новые министры, каждый отдѣльно докладывая государю, будутъ испрашивать у него противорѣчащія высочайшія резолюціи. Въ виду этого негласный комитетъ пошелъ на компромиссъ: онъ проектировалъ нѣкоторую отвѣтственность министровъ предъ Сенатомъ и особое учрежденіе Комитета Министровъ, въ которомъ государь выслушивалъ бы совмѣстные доклады министровъ и сообща со всѣми ими принималъ бы рѣшенія по дѣламъ управленія. Въ такомъ духѣ и произведена была реформа 1802 г. 8 сентября, учрежденіе министерствъ.

Реформа эта оказалась очень неудачной. Министерства организованы были слабо; правильнѣе сказать, что манифестомъ 8 сентября учреждены были лишь должности министровъ, такъ какъ коллегіи были сохранены, только между ними и государемъ стали теперь министры. Сенату указъ 8 сентября 1802 г. далъ важное право представлять государю въ тѣхъ случаяхъ, когда Сенатъ усмотритъ противорѣчіе между новымъ указомъ и прежнимъ; Сенату же предоставлено было разсмотрѣніе министерскихъ отчетовъ. Очень скоро право представленія было отнято, ибо Сенату было разъяснено, что право это относится только къ указамъ прошлыхъ царствованій. Отчетовъ министровъ Сенату не пришлось разсматривать, такъ какъ только одинъ Кочубей внесъ въ Сенатъ свой отчетъ за первый годъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Надо было очень плохо знать русскую жизнь, чтобы полагать, будто учрежденіе, въ которомъ предсѣдательствуетъ государь, а членами состоятъ довѣреннѣйшіе его сотрудники, можетъ остаться въ той второстепенной роли, которую ему назначила реформа 1802 г., между тѣмъ въ 1802 — 1805 гг. императоръ Александръ почти не пропускалъ засѣданій Комитета Министровъ.

Благодаря такому совершенно исключительному вниманію государя къ Комитету, въ немъ сосредоточилась почти вся правительственная дѣятельность. Въ то время, какъ работа Непремѣннаго Совѣта чрезвычайно упала, Комитетъ Министровъ разсматривалъ государственныя смѣты, принималъ мѣры для покрытія дефицитовъ, утверждалъ штаты, устанавливалъ новыя раздѣленія губерній, даже иногда обсуждалъ вопросы внѣшней политики, т.-е. Комитетъ Министровъ становился и законосовѣщательнымъ учрежденіемъ. Государю нерѣдко подавали жалобы на рѣшенія Сената; иногда самъ Александръ, слѣдя за какимъ-нибудь дѣломъ, оставался недоволенъ Сенатомъ. Въ обоихъ случаяхъ Александръ приказывалъ или пересмотрѣть дѣло въ комитетѣ, или спрашивалъ у комитета, какъ понудить Сенатъ къ болѣе совершенной работѣ; случалось, что и самъ комитетъ при слушаніи какого-либо дѣла обращалъ вниманіе государя на неправильныя, по его мнѣнію, дѣйствія Сената. Конечно, положенія комитета получали силу только по утвержденіи ихъ государемъ и если Сенатъ получалъ выговоръ или замѣчаніе, то лишь отъ имени государя, но фактически вышло, что не Сенатъ наблюдалъ за законномѣрностью министровъ, а наоборотъ. Еще хуже дѣла пошли послѣ того, какъ Комитетъ Министровъ сдѣлался учрежденіемъ; съ 1808 г. государь въ немъ больше уже не бывалъ, ему лишь представляли на утвержденіе журналы комитета. Тогда министры, по замѣчанію Кочубея, «уже безъ стѣсненія на телѣгахъ» стали возить дѣла въ комитетъ; обсужденіе дѣлъ превратилось въ заслушиваніе ихъ и оправдывалась поговорка: рука руку моетъ; комитетъ сталъ весьма удобнымъ для министровъ учрежденіемъ, чрезъ который имъ легко было добиться и новаго указа, и изъятія изъ обычнаго порядка, и измѣненія стараго закона. Вышло именно то, чего опасались больше всего въ 1801 — 1802 гг., когда обсуждалась реформа: надѣялись ввести въ управленіе больше законности и законномѣрности, а вышло самовластіе министровъ. Министерская система на первыхъ порахъ принесла больше вреда, чѣмъ пользы.

Неудивительно, что мыслящіе люди въ виду такой неудачи важной реформы охвачены были безпокойствомъ и тревогою. Правительство въ 1801 — 1802 гг. такъ много говорило о своемъ желаніи водворить законность, давало обѣщанія, а они остались неисполненными. Одни изъ первыхъ громко порицать новый порядокъ, и въ частности Комитетъ Министровъ, стали бывшіе члены негласнаго комитета, съ 1807 г. совсѣмъ разошедшіеся со своимъ царствен-

нымъ другомъ. Историкъ не можетъ забыть, что они предложили устроить комитетъ, что на первыхъ порахъ они были его душой; положеніе, данное комитету въ 1808 г., не было по существу новымъ, оно закрѣпило за комитетомъ ту структуру, которую онъ получилъ въ 1802 — 1805 гг. Главная вина падаетъ на Александра. Если онъ не захотѣлъ передать какому-либо учрежденію дѣйствительный надзоръ за закономѣрностью управленія, то послѣ тѣхъ категорическихъ обѣщаній, которыя онъ давалъ, онъ самъ долженъ былъ взять на себя этотъ надзоръ и въ той или другой мѣрѣ его осуществлять. Это было бы очень трудно, потребовало бы большого вниманія; очень можетъ-быть, что чрезъ нѣсколько лѣтъ Александръ и утомился отъ этой работы, но мы не видимъ, чтобы онъ это дѣлалъ.

Недовольны остались обѣ партіи — и приверженцы Екатерининскихъ временъ и «либералы». Первое выступленіе Александра вышло неудачнымъ.

Немного вышло и изъ многихъ разговоровъ по крестьянскому вопросу. Противники крѣпостного права были; нѣкоторые изъ нихъ (напр., Кайсаровъ) говорили и писали съ большимъ одушевленіемъ, называя это явленіе «ужаснымъ чудовищемъ, исчадіемъ ада», выражали надежду, что оно «будетъ уничтожено благословеннымъ геніемъ человѣчества»; возмущался и государь, читая объявленія о продажѣ людей. Но не было лицъ, которыя могли бы указать удобные для государства способы, чтобы покончить съ рабствомъ. Противники крѣпостничества понимали, что рѣшить этотъ вопросъ было не такъ просто: мало освободить, надо было освободить хорошо, обезпечить хозяйственный бытъ крестьянъ. Даже только что цитированный нами писатель, ярый противникъ рабства, и тотъ говорилъ: «того, кто долгое время былъ лишенъ свѣта, нужно пріучать къ нему понемногу»; «было бы безуміемъ дать 20-и милліонамъ рабовъ возможность полнѣйшей свободы дѣйствій». Государь надѣялся на сочувствіе самихъ владѣльцевъ крестьянъ; поэтому онъ съ большою радостью принялъ предложеніе С. П. Румянцева и сдѣлалъ изъ него законъ 1803 г. о свободныхъ (вольныхъ) хлѣбопашцахъ. Основа этого акта — добровольное соглашеніе владѣльцевъ съ крестьянами объ отпускѣ послѣднихъ на волю съ землею; соглашенія эти всякій разъ должны были представляться на утвержденіе государя въ тѣхъ видахъ, чтобъ крестьянскій бытъ былъ хорошо обезпеченъ. На основаніи этого закона всего въ царствованіе Александра I освобождено было немного болѣе 40.000 душъ крестьянъ; слѣдовательно, большихъ практическихъ послѣдствій законъ этотъ не имѣлъ, развѣ что указалъ правительству на необходимость вступить на иной путь, чѣмъ путь добровольныхъ соглашеній. Въ продолженіе всего царствованія Александръ весьма благосклонно относился къ крестьянамъ. Въ тѣхъ довольно многочисленныхъ случаяхъ, когда акты объ увольненіи составлены были

съ нарушеніемъ формы, государь всегда давалъ резолюцію, благопріятную для крестьянъ. Къ жалобамъ крестьянъ на помѣщиковъ государь относился всегда внимательно и весьма рѣшительно отклонялъ попытки воспретить крестьянамъ подавать лично просьбы государю. «Многія уже просьбы, — писалъ онъ, — принесенныя мнѣ, оказались справедливыми, хотя мѣстное начальство и не доносило министерству о противозаконныхъ дѣйствіяхъ помѣщиковъ; сверхъ того, извѣстно мнѣ, что были случаи, гдѣ крестьяне, жалующіеся на помѣщиковъ, въ замѣну удовлетворенія были еще наказываемы». Александръ установилъ очень важное правило, чтобъ всякій приговоръ, которымъ присуждалось къ наказанію болѣе семи лицъ, непремѣнно представляли бы на Высочайшее разсмотрѣніе, и смотрѣлъ на дѣло совсѣмъ не съ формальной стороны. Въ одномъ случаѣ, напр., 114 крестьянъ всѣми инстанціями приговорены были къ разнымъ наказаніямъ; государь нашелъ, что крестьяне имѣли справедливыя причины быть недовольными, и приказалъ ихъ освободить отъ наказанія, а начальствующихъ подвергнуть наказанію. Помѣщиковъ, изобличенныхъ въ жестокости обращенія, Александръ часто отдавалъ подъ опеку, исключалъ со службы, предавалъ суду; крайне негодовалъ онъ, узнавая, что въ его государствѣ люди продаются безъ земли, иногда открыто, на ярмаркахъ. Но сколько-нибудь значительныхъ законодательныхъ мѣръ о крестьянахъ (исключая крестьянъ Прибалтійскаго края) не было проведено; уничтожить зло онъ оказался не въ силахъ. Освобожденіе крестьянъ Прибалтійскаго края безъ земли доказываетъ, что вопросъ этотъ тогда далеко не созрѣлъ еще и не былъ вполнѣ выясненъ, хотя и были проекты, предлагавшіе выкупную операцію.

III.

Внѣшняя политика Александра I до Отечественной войны.

Не менѣе трудная задача представлялась Александру и въ политикѣ внѣшней. Международное положеніе Россіи требовало самаго внимательнаго отношенія, и въ то же время обстоятельства не позволяли медлить.

Вся Европа была въ огнѣ уже нѣсколько лѣтъ, когда Александръ вступилъ на престолъ. Передъ гигантской борьбой революціонной Франціи съ Европой кажутся ничтожными продолжительныя коалиціонныя войны XVI — XVIII ст., — Тридцатилѣтняя, Семилѣтняя, за разныя наслѣдства и т. п. На карту поставлено было основное начало европейскаго общежитія — самостоятельность и свобода отдѣльныхъ государствъ. Какое положеніе въ этой борьбѣ должна была занять Россія?

Она стояла какъ бы на распутьи трехъ дорогъ. Пользуясь своимъ географическимъ положеніемъ въ сторонѣ отъ главнаго театра

войны, увѣренная въ томъ, что революція не можетъ заразить умы ея населенія, Россія, по мнѣнію нѣкоторыхъ, могла уклониться отъ борьбы и даже воспользоваться общимъ замѣшательствомъ для окончанія нѣкоторыхъ своихъ дѣлъ и счетовъ; Россія могла присоединиться къ общей коалиціи противъ Франціи, и, наконецъ, она могла за дорогую цѣну продать свой союзъ и свою помощь Франціи.

Всматриваясь въ событія глубже, нельзя не признать, что выборъ былъ болѣе ограниченъ. Оставаться нейтральною Россія не могла. При Екатеринѣ, благодаря возвращенію западно-русскихъ земель и пріобрѣтеніямъ на югѣ, Россія выросла въ первостепенную державу. Изъ государства, которое еще и послѣ Петра къ Европѣ собственно прикасалось на небольшомъ пространствѣ отъ Западной Двины до Финскаго залива и свои торговые и экономическіе интересы сосредоточивало на Балтійскомъ морѣ, Россія стала державой, пограничная линія которой съ Европою начиналась отъ Финскаго залива и оканчивалась на Черномъ морѣ, въ которое текли по плодоносной, черноземной равнинѣ многоводныя, широкія рѣки. Здѣсь, на Черномъ морѣ, открывались новые рынки русской торговлѣ; черезъ Черное море Россія получила доступъ и къ богатымъ рынкамъ Средиземнаго моря. Результаты эти были слѣдствіемъ уничтоженія Польши, какъ государства. Въ обстоятельствѣ этомъ крылась не малая опасность. Возстановленіе Польши, о чемъ мечтали и хлопотали поляки, не хотѣвшіе мириться съ происшедшимъ, даже возстановленіе части Польши грозило, при тогдашнемъ настроеніи польскаго народа, большими осложненіями всѣмъ тремъ державамъ-союзницамъ, раздѣлившимъ Речь Посполитую; но наибольшими затрудненіями угрожало оно именно Россіи, потому что для Россіи пріобрѣтенія ея были и больше, и важнѣе: одно дѣло было бы для Пруссіи потерять Познань и даже Данцигъ, или для Австріи—Галицію, другое—для насъ Западную Русь: мы теряли въ такомъ случаѣ свое кровное, и если бы русскіе откинуты были снова къ Западной Двинѣ и Днѣпру, то было бы трудно отстаивать черноморскія владѣнія. Поляки же въ постигшей ихъ горькой участи искали помощи, главнѣйшимъ образомъ, у Франціи, не признавшей раздѣловъ Польши.

Франція угрожала намъ не въ одной Польшѣ; гораздо сильнѣе она грозила со стороны Балканскаго полуострова. Египетская экспедиція, утвержденіе Франціи въ Италіи, подступы къ Иллиріи, постоянныя связи и заигрыванья съ греками, — все угрожало насущнымъ и исконнымъ интересамъ Россіи. До Екатерины восточный вопросъ для русскихъ былъ вопросомъ національно-религіознымъ: на Черномъ морѣ мы ничего не имѣли и желали изгнать турокъ изъ Европы. Со временъ Екатерины Россія заняла совершенно исключительное положеніе. Русскіе консулы играли роль губернаторовъ въ Турціи, Черное море считалось моремъ закрытымъ, по которому плавали только турецкія и русскія суда. Въ Архипелагѣ мы имѣли острова, и Дарданельскій про

ливъ открытъ былъ для прохода русскихъ военныхъ кораблей. Англія — вскорѣ главная и опаснѣйшая наша противница на Ближнемъ Востокѣ — тогда, еще не боясь Россіи, скорѣе благопріятствовала нашимъ шагамъ на Босфорѣ. Для Россіи стало существенно важно, кто будетъ владѣть ключами Чернаго моря, Босфоромъ и Дарданеллами. Если эти ключи не въ нашихъ рукахъ, то предпочтительнѣе было, чтобъ они оставались въ турецкихъ, чѣмъ попали бы во враждебныя намъ руки — французовъ, австрійцевъ или кого другого.

Два эти пункта — Польша и Турція — и не позволяли Россіи уклониться отъ борьбы, ибо иначе вопросы эти могли быть рѣшены безъ участія нашего. Было, слѣдовательно, два выхода: или противъ Франціи, или съ Франціей противъ Европы.

Очень многое говорило за то, что Россія должна соединиться съ остальною Европою противъ Бонапарта. Старыя традиціи связывали насъ съ Пруссіей и Австріей: мы привыкли съ ними дѣлать дѣла, вмѣстѣ съ ними мы раздѣлили Польшу; онѣ были наши старыя знакомыя, ничѣмъ намъ неугрожавшія, напротивъ, постоянно между собой соперничавшія и обращавшіяся къ намъ. Франція, напротивъ, въ продолженіе всего XVIII в. была нашимъ главнымъ противникомъ, вредившимъ Россіи гдѣ только можно. Теперь Франція обнаруживала совершенно невѣроятныя притязанія, Франція распространяла идеи, которыя угрожали спокойствію государствъ; наконецъ, во главѣ Франціи стоялъ человѣкъ, прочность положенія котораго не могла не вызывать сомнѣній. Трудно было предсказать, что произойдетъ во Франціи послѣ удаленія Бонапарта; разумно ли было связывать судьбу Россіи съ судьбою «выскочки», хотя и геніальнаго. Противъ Франціи рѣшительно выступала Англія, съ которой у Россіи были не только дружественныя политическія отношенія, но и экономическія, такъ какъ Англія была главнымъ покупателемъ нашего сырья. Прекращеніе торговли съ Англіей угрожало и финансовымъ интересамъ страны, и интересамъ вліятельныхъ классовъ имперіи: они всѣ стояли на сторонѣ Англіи; въ этомъ они заинтересованы были и матеріально, и нравственно, ибо, воспитанные французами-эмигрантами, эти русскіе столько же любили старую королевскую Францію, сколько ненавидѣли санкюлотовъ революціи. Поскольку человѣческій разумъ могъ предвидѣть, казалось невѣроятнымъ, чтобы Франція могла устоять противъ остальныхъ государствъ континента, поддерживаемыхъ англійскими деньгами. Наконецъ, вступая въ борьбу съ хищникомъ Бонапартомъ, не становился ли русскій царь во главѣ прекраснаго дѣла свободы народовъ, защиты слабыхъ отъ сильнаго. Итакъ, было гораздо больше данныхъ за дѣйствія противъ Франціи.

Но почему такъ нерѣшительны были обѣ старыя наши сосѣдки—Австрія и Пруссія, послѣдняя особенно? Почему онѣ скользили, можно сказать, по союзамъ; отчего онѣ съ такою легкостью

склонны были переходить съ одной стороны на другую; сегодня война съ Франціей, завтра — союзъ. Разбитыя сегодня на-голову, онѣ не теряли спокойствія духа и хладнокровно запрашивали себѣ новыхъ территорій, какъ будто онѣ побѣдили. Дѣло въ томъ, что шла борьба по преимуществу между Франціей и Англіей изъ-за мірового господства, нѣсколько иначе понимаемаго и выражаемаго обоими противниками. Франція потому и не могла насладиться успѣхами своихъ побѣдъ, что Англія не давала ей мира, и Франція истощала всѣ усилія, чтобы принудить Англію къ миру. Обѣ стороны знали, чего онѣ хотѣли, обѣ стремились къ міровому господству; Англіи, впрочемъ, довольно было господства на морѣ. Другія же государства, главнымъ образомъ, Австрія и Пруссія, втянутыя въ борьбу, преслѣдовали свои цѣли — увеличить свои силы и земли; вознагражденіемъ для Пруссіи могъ быть и Ганноверъ, но могла быть и Саксонія, можно было найти его и въ другомъ мѣстѣ; Австрія искала себѣ вознагражденій и въ Баваріи, и въ Италіи, и на Балканскомъ полуостровѣ.

Очевидно, что положеніе Россіи было не безвыгодно, но требовалось большое знаніе, искусство и опытность, чтобы опредѣлить ясно роль Россіи и то, чего ей нужно добиваться. Иначе безразлично, какую сторону она ни приметъ, она рисковала таскать каштаны изъ огня для другихъ; да и достоинство и силы Россіи не позволяли ей принять участіе въ этой борьбѣ только въ качествѣ союзника той или другой стороны. Если многое было противъ Франціи, то многое было и за нее. Географически несоприкасавшіяся, оба государства эти не имѣли смежныхъ интересовъ, легко могли размежеваться; союзъ съ Наполеономъ со временемъ можно было обратить въ союзъ Россіи и Франціи, основанный на взаимныхъ выгодахъ; если Бонапартъ казался лукавымъ и невѣрнымъ союзникомъ, то Меттернихи, Луккезини и Гаугвицы также не должны были внушать къ себѣ довѣрія; они были только сортомъ помельче.

Къ рѣшенію этой труднѣйшей задачи и приступилъ императоръ Александръ. Къ несчастью его и Россіи, почти всѣ окружавшіе императора—и дипломаты школы Екатерины (гр. Морковъ, А. Р. и С. Р. Воронцовы, Колычевъ), и молодые его друзья — были рѣшительно на сторонѣ Англіи, ненавидѣли, частью презирали Наполеона. На ряду со всевозможными обвиненіями Бонапарта, какъ человѣка и правителя, они выставляли предъ государемъ достойное всякой хвалы поведеніе Англіи; они были англоманами больше самихъ англичанъ. Александръ относился къ международному положенію болѣе чутко и осторожно, чѣмъ они, но и въ этомъ вопросѣ не обнялъ дѣла во всей его широтѣ и не обнаружилъ яснаго, опредѣленнаго пониманія; поэтому дѣйствія его отличались непослѣдовательностью. Россіи, конечно, угрожала опасность и въ Польшѣ, и на Балканскомъ полуостровѣ, но опасность

эта была еще только въ возможности. Во всякомъ случаѣ, обстоятельства давали руководителямъ русской политики возможность зрѣло обдумать дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, выбрать для выступленія вполнѣ удобный моментъ и приготовиться такъ, чтобы выступленіе Россіи соотвѣтствовало ея силѣ и значенію. Ничего подобнаго Александръ не сдѣлалъ. Трудно даже сказать, чѣмъ собственно руководствовался онъ при первомъ своемъ выступленіи: сознаніемъ ли опасности, грозившей реальнымъ интересамъ Россіи, или желаніемъ явиться защитникомъ угнетаемыхъ Наполеономъ народовъ. Повидимому, въ умѣ Александра были соображенія и того, и другого порядка. Организовано же дѣло было такъ.

Россія выступала въ защиту всѣхъ угнетенныхъ народовъ; но ближайшею цѣлью для Чарторыйскаго, официальнаго руководителя внѣшней политики Россіи, было возстановленіе Польши въ границахъ 1772 г. Изъ дѣйствій государя слѣдуетъ, что если онъ и принималъ этотъ планъ, то только частью. Онъ поѣхалъ въ Пулавы, гдѣ ознакомился лично съ очень многими представителями высшаго польскаго общества, но отказался ѣхать изъ Пулавъ въ Варшаву, чтобы провозгласить тамъ себя королемъ возрожденной имъ Польши, на чемъ настаивалъ Чарторыйскій. Вмѣсто этого Александръ вступилъ въ дружественные переговоры съ Пруссіей и затѣмъ самъ поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ закрѣпилъ клятвою у гроба Фридриха Великаго дружбу свою съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, и такъ какъ Пруссія отказалась присоединиться къ союзникамъ, то тяжесть борьбы падала на австрійскія и русскія войска, при чемъ австрійцамъ пришлось дѣйствовать раньше, чѣмъ подошли новыя русскія силы; союзники давали себя разбить поодиночкѣ.

Самую слабую сторону этого выступленія составляли отношенія къ Пруссіи; совершенно ясно, что только въ союзѣ съ обѣими державами—Австріей и Пруссіей—Россіи стоило воевать противъ Франціи: и предыдущія и послѣдующія событія доказали, что такая коалиція вполнѣ возможна, но, какъ извѣстно, даже это не было достигнуто, хотя польскія дѣла безъ соглашенія съ Пруссіей рѣшить было нельзя. Мало того, Австрія не была готова и намѣревалась начать военныя дѣйствія нѣсколько позже, Россія ее торопила. Въ заключеніе всего главнокомандующій нашей арміей, Кутузовъ, не былъ хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ. Императоръ и его молодые друзья увѣрены были въ полной побѣдѣ.

20 ноября 1805 г. подъ Аустерлицемъ союзники потерпѣли рѣшительное пораженіе. Послѣ этого Александръ вывелъ свои войска изъ Австріи, которая поспѣшила заключить миръ съ Франціей (Пресбургскій), не упоминая даже въ договорѣ о Россіи. Что должны были думать современники русскіе? Для чего-то повели русское войско въ далекую Богемію, похоронили на чужбинѣ значительную его часть и съ остатками вернулись въ Россію. Русское

войско уже забыло, что значитъ пораженіе въ большомъ дѣлѣ, и вдругъ мы были разбиты въ присутствіи своего государя, который впервые послѣ Петра былъ при своей арміи. Самолюбіе Александра должно было очень страдать: въ Россіи, впрочемъ, широко пронеслось слово «измѣна»; Александра не осуждали, а жалѣли, но едва ли отъ этого Александру было легче. Было бы полбѣды, если бы на этомъ можно было прекратить дѣло, но потерпѣвшій пораженіе не воленъ прекратить войну, когда захочетъ. Опасаясь враждебныхъ дѣйствій Франціи на Востокѣ, Александръ въ іюнѣ 1806 г. заключилъ союзъ съ Пруссіей; въ сентябрѣ вспыхнула война между Франціей и Пруссіей; скоро прусскія войска были совсѣмъ разбиты, Берлинъ занятъ французами; король прусскій удалился въ Мемель и просилъ помощи Александра. Александръ не колебался, немедленно двинуты были полки на помощь Пруссіи. Про это выступленіе приходится сказать почти то же, что о первомъ. Общее положеніе ухудшилось: Австрія уже разбита, Пруссія тоже; было почти несомнѣнно, что война съ Пруссіей окончится возстановленіемъ Польши; Турція готовилась напасть. При такомъ положеніи возможны были два исхода: или перенести невзгоды, какъ слѣдствіе неудачной политики, позволившей Наполеону разбить Австрію, или вступить въ рѣшительную борьбу съ Франціей и подготовиться ко всѣмъ случайностямъ этой войны. Александръ не сдѣлалъ ни перваго, ни второго, а повелъ недостаточно сильное войско на помощь Пруссіи, уже совершенно безсильной. Россія опять выступила не самостоятельно, а въ качествѣ союзницы, борьбу же приходилось вести ей одной. Къ серьезной войнѣ съ Франціей Россія была не готова.

Битвы подъ Прейсишъ-Эйлау и Пултускомъ были нерѣшительны. Зима 1806—1807 гг. и французамъ пришлась очень тяжело. Наполеонъ понялъ, что безъ поддержки сильной державы ему не добиться мира съ Англіей, и искалъ союзника. Онъ колебался между Польшей, Австріей и Россіей. Отъ Польши онъ скоро отказался; посѣтивъ Варшаву, онъ увидѣлъ, что поляки-войско и поляки-государство двѣ совершенно разныя вещи; насколько первые ему нравились, настолько варшавскій сеймъ его разочаровалъ. Къ союзу съ Австріей его очень склонялъ Талейранъ; Наполеонъ самъ потомъ сказалъ Меттерниху, что охотнѣе бы заключилъ союзъ съ ними, какъ европейцами, чѣмъ съ русскими медвѣдями, которыхъ слѣдовало бы прогнать опять въ ихъ лѣса, но... Мы знаемъ, что значило это «но»: «медвѣди» сражались куда лучше австрійцевъ. Думы Наполеона мы знаемъ по его перепискѣ. Думъ Александра не знаемъ, можемъ только догадываться; друзьямъ его казалось, что онъ безцѣльно бродилъ по улицамъ Тильзита, лорнируя прохожихъ...

Подъ Фридландомъ Наполеонъ въ іюнѣ 1807 г. разбилъ русское войско. Александръ заговорилъ о перемиріи, Наполеонъ — о

мирѣ. Оба императора свидѣлись на историческомъ плоту, поставленномъ посреди Нѣмана у г. Тильзита. Здѣсь заключенъ былъ не только миръ Россіи съ Франціей, но союзъ и тѣсная дружба обоихъ государей. Какъ это могло случиться? Какъ рѣшился Александръ столь круто повернуть свою политику?

Различно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Однимъ казалось, что молодой, неопытный, колеблющійся Александръ былъ очарованъ, загипнотизированъ Наполеономъ, подпалъ подъ его вліяніе, другіе, напротивъ, полагаютъ, что Александръ обманулъ, провелъ Наполеона, притворился ненавистникомъ Англіи, получилъ выгодный миръ и потихоньку приготовился къ войнѣ.

Можно ли допустить, что Александръ обошелъ, обманулъ Наполеона? Наполеонъ совсѣмъ не такой человѣкъ, котораго можно было бы провести. Условія Тильзитскаго мира вовсе не выгодны для Россіи: то, чего опасались, совершилось: не подъ своимъ именемъ, но на дѣлѣ, Польша была возстановлена, и этимъ русской политикѣ и государственнымъ интересамъ нанесенъ несомнѣнный ущербъ; положеніе это признаютъ и французскіе историки, но они оправдываютъ Наполеона тѣмъ, что, заключая союзъ съ Александромъ, онъ долженъ былъ принять мѣры на случай смерти Александра, если бы его преемникъ пошелъ другой дорогой. Это вѣрно; но какой же это союзъ, когда одна сторона дѣлаетъ другой самую большую непріятность? Россія примыкала къ континентальной системѣ, и этимъ Англія, врагъ Франціи, обрекалась на медленную смерть; Россія же по Тильзитскому договору получала лишь кажущуюся выгоду: она выходила изъ войны безъ матеріальнаго ущерба и даже увеличивала нѣсколько свою территорію; поэтому можно было въ глазахъ народа представить окончаніе войны во всякомъ случаѣ не какъ пораженіе; было пощажено и самолюбіе Александра; но ущербъ нравственный былъ очень значителенъ. Александръ не только терялъ ореолъ защитника народовъ противъ тиранніи Бонапарта, но и становился въ одну категорію съ тѣми многочисленными государями Германіи, которые, въ союзѣ съ Наполеономъ, увеличивали свои владѣнія, Россія теряла самостоятельное мѣсто и начинала дѣйствовать какъ спутница Франціи. Всѣ выгоды Россіи отъ договора были въ будущемъ: Наполеонъ разрѣшалъ сдѣлать завоеванія и даже заботливо объяснялъ новому союзнику, въ какихъ именно мѣстахъ ему надо исправить границы. Такъ именно и былъ понятъ трактатъ русскимъ обществомъ: негодованіе было сильное, и неизвѣстно, что больше раздражало, предстоявшая ли война съ Англіей или потеря Россіей самостоятельности. Фикція двухъ великихъ имперіей—Запада и Востока, подѣлившихъ между собою міръ,—не могла закрыть глаза русскимъ, которые боялись, какъ бы не увидѣть въ одинъ прекрасный день только одну имперію.

Условія мира были выгодны для Наполеона и тяжелы для Александра. Почему же Александръ пошелъ на такія условія? Многіе полагаютъ, что, принимая эти условія, онъ уже думалъ о томъ, какъ уничтожить ихъ; что онъ выгадывалъ время, необходимое для подготовки новой войны.

Въ 1805—1807 гг. Александръ не былъ Макіавелли; про его дѣйствія можно сказать много—что они были легкомысленны, стремительны, своенравны, что онъ не жалѣлъ своего народа, что онъ былъ упрямъ, но по правдѣ надо добавить, что его поступки были юношески горячи, благородны и рыцарственны... Истинный характеръ отношеній Александра къ Наполеону въ Тильзитѣ раскрывается послѣ Тильзита, въ 1807—1808 гг.: когда противъ Александра поднялась, можно сказать, буря въ обществѣ, когда къ нему съ упреками-мольбами обращались его близкіе, даже родная мать, когда онъ зналъ о всеобщемъ недовольствѣ,—почему онъ, такой чуткій къ мнѣніямъ другихъ о себѣ и хитрый, молчалъ? Ужели недостаточно было нѣсколькихъ намековъ, жестовъ даже, чтобы успокоить общество; вѣдь онъ былъ такой мастеръ на подобные пріемы. Что за выгода была ему принять на себя особаго рода мученичество и видѣть, что всѣ кругомъ считаютъ его обманутымъ? ради чего онъ разошелся съ людьми, которыхъ раньше уважалъ? Но еще болѣе сильное впечатлѣніе производятъ его продолжительныя бесѣды съ Коленкуромъ въ 1807—1808 гг. Жутко и больно читать отчеты Коленкура о разговорахъ его съ царемъ.

Поведеніе Александра объясняется его увѣренностью, что рѣшительные успѣхи русскаго оружія на Дунаѣ сдѣлаютъ франко-русскій союзъ народнымъ. Постоянно возвращаясь къ словеснымъ обѣщаніямъ Наполеона въ Тильзитѣ, Александръ постоянно допытывался, когда же Наполеонъ намѣренъ привести въ дѣйствіе свои слова, когда онъ пойдетъ во главѣ своей арміи на Турцію, гдѣ сойдутся оба императора. Онъ заговаривалъ объ этомъ такъ настойчиво, что изъ Франціи пришелъ, наконецъ, положительный отвѣтъ, но Наполеонъ за это требовалъ себѣ новаго вознагражденія и указывалъ его тамъ, гдѣ Александръ не могъ согласиться: Наполеонъ требовалъ себѣ Силезіи и низведенія Пруссіи въ разрядъ государствъ, не имѣющихъ права имѣть армію! Наполеонъ грубо прибавлялъ, что пруссаки отъ этого будутъ счастливѣе и богаче. Потомъ, завязнувъ въ Испаніи, онъ согласился, назначилъ свиданіе для установленія срока, потомъ свиданіе безъ срока... Если бы Александръ не мечталъ о завоеваніяхъ на Востокѣ, онъ не сталъ бы раздражать своего «союзника» напоминаніями о Востокѣ, не сталъ бы торговаться изъ-за Дарданеллъ. Во время переговоровъ съ Коленкуромъ у Александра наполовину срывались жестокія слова о цѣнѣ союза. Такими словами онъ не усыплялъ Наполеона, а напротивъ—будилъ.

Но это слова, а дѣйствія? Ужели это приготовленіе къ войнѣ съ Франціей послѣ Аустерлица, Эйлау и Фридланда, вести четыре войны съ 1808 г.: со шведами, съ Англіей, съ Турціей и Персіей?

Кажется ясно, что Александръ добросовѣстно исполнялъ принятыя на себя обязательства. Что же могло заставить его такъ круто перемѣнить систему? Прежде всего была ли у него опредѣленная система? Онъ выступилъ противъ Наполеона во имя угнетенныхъ народовъ, но едва ли кто станетъ утверждать, что защита угнетенныхъ народовъ составляла систему или даже принципъ политики Александра. Не разъ, когда обстоятельства угнетали Александра, онъ старался привлечь къ себѣ эти самые угнетенные народы, но онъ забывалъ о нихъ въ дни счастья или спокойствія. Такъ, уже въ 1806 г. русское правительство вступило въ переговоры съ славянскимъ населеніемъ Турціи — съ болгарами, сербами, босняками и герцеговинцами: въ 1806 г. Александръ далъ слово маленькой республикѣ Семи Острововъ, что онъ не положитъ сабли своей въ ножны, пока не добьется ихъ самостоятельности. Предъ войной 1812 г. на эти народы возлагались особыя надежды, но на Вѣнскомъ конгрессѣ для нихъ не было ничего сдѣлано, несмотря на напоминанія. Такой принципъ не гармонировалъ бы и съ міросозерцаніемъ Александра; уже второе его выступленіе въ 1806 гг. вызвано было въ нѣкоторой степени личнымъ его отношеніемъ— оскорбленнымъ самолюбіемъ и дружбою къ Фридриху-Вильгельму.

Александръ мѣнялъ въ Тильзитѣ—и уже не въ первый разъ— не систему, а союзника: сначала онъ имѣлъ союзникомъ Франца австрійскаго, потомъ Фридриха-Вильгельма прусскаго, теперь Наполеона. Перемѣнить союзника его заставило то же, что заставило Наполеона искать его союза. Онъ боялся продолженія войны, въ ней онъ рисковалъ бы больше, чѣмъ Наполеонъ: войско было разбито, оборона страны на случай непріятельскаго нашествія не только не устроена, даже не намѣчена. Наполеонъ тоже не хотѣлъ продолженія войны. Между тѣмъ условія Тильзитскаго договора позволяли Александру съ кажущимся успѣхомъ окончить крайне неудачныя его выступленія 1805—1807 гг.: Россія не имѣла видныхъ потерь. Были потери нравственныя, но разобрался ли въ нихъ Александръ? никто изъ русскихъ не былъ свидѣтелемъ бесѣды двухъ императоровъ; могъ ли Александръ полагать, что унижается предъ Наполеономъ, если онъ расчитывалъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ осуществить грезы Екатерины — стать господиномъ Константинополя и Дарданеллъ. Честолюбіе, желаніе славы въ гораздо большей степени руководило Александромъ, чѣмъ мечта объ освобожденіи народовъ. Его любимая сестра, Екатерина Павловна, съ которой онъ былъ особенно откровенъ, первоначально вовсе не прияла въ негодованіе отъ Тильзита; она соглашалась примириться съ этимъ миромъ, если границами Россіи будутъ, какъ утверждаютъ городскіе слухи, Висла

и Дунай, ибо тогда Россія станетъ неприступна и недоступна! Вотъ о чемъ мечтала она, глава враждебной Наполеону партіи. У Александра въ карманѣ уже былъ договоръ, въ которомъ границами назначались Торнео и Дунай и были обѣщаны Босфоръ и Дарданеллы. Александръ расчитывалъ на завоеванія въ Турціи, эти успѣхи примирили бы русское общество и народъ съ Тильзитомъ. Вопросъ сводился къ тому, можно ли было повѣрить Наполеону? Почти всѣ окружающіе Александра говорили «нѣтъ», онъ самоувѣренно сказалъ «да». Самоувѣренность Александра вообще была велика; она его наслѣдственная черта. Самоувѣренные поступки Петра III и Павла часто были вполнѣ необоснованны, у Александра были основанія. Не слѣдуетъ забывать и того, что Александръ иначе относился тогда къ Наполеону, чѣмъ его окружающіе. Онъ не могъ не оцѣнить исключительнаго генія Наполеона; онъ былъ пораженъ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ Наполеонъ сумѣлъ покорить себѣ Францію послѣ революціи; онъ искренно былъ восхищенъ французскими учрежденіями и порядками. Тильзитъ отразился у него не только въ политикѣ внѣшней, но и во внутренней. Бесѣды съ Наполеономъ объ управленіи народами, о ихъ счастьи были менѣе изящны и краснорѣчивы, чѣмъ бесѣды Лагарпа, но зато болѣе проникновенны и навсегда оставили слѣдъ въ душѣ Александра. Таково уже свойство умовъ, самостоятельно не работающихъ, наитіемъ не одаренныхъ: повторять послѣднія слова науки, которыя въ области государствовѣдѣнія мѣняются довольно скоро.

Александръ и Наполеонъ заключили Тильзитскій договоръ, потому что оба считали его выгоднымъ для себя: выгоды Наполеона были налицо, выгоды Александра — въ будущемъ. Въ виду настроеній русскаго общества Александръ былъ очень заинтересованъ, чтобъ Наполеонъ сдержалъ свои обѣщанія. Но Наполеонъ и не думалъ о нихъ. Съ каждымъ курьеромъ, пріѣзжавшимъ къ Коленкуру изъ Парижа, вѣра Александра въ Наполеона колебалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось сознаться въ своей ошибкѣ, тѣмъ болѣе непріятной, что очень многіе предостерегали отъ нея. Послѣ долгихъ споровъ, переговоровъ обѣ стороны пришли къ заключенію, что личное свиданіе лучше устранитъ возникшія недоразумѣнія. Встрѣча состоялась въ Эрфуртѣ въ сентябрѣ 1808 года. Здѣсь Александръ убѣдился, что онъ былъ обманутъ Наполеономъ, что Наполеонъ и не помышлялъ о походѣ въ Индію черезъ Турцію, что Тильзитомъ Наполеонъ воспользовался для завоеванія Испаніи. Съ этого времени Наполеонъ, какъ человѣкъ, утратилъ всякое довѣріе Александра; отсюда Александръ и написалъ извѣстныя свои письма къ матери и сестрѣ, по которымъ онѣ могли видѣть измѣнившееся положеніе вещей; здѣсь же стоитъ фраза: «riга bien, qui riга le dernier». Хотя союзъ съ Наполеономъ былъ торжественно подтвержденъ, но какъ только Александръ рѣшилъ измѣнить свою политику, онъ немедленно объявилъ объ этомъ

своимъ близкимъ. Александръ на этотъ разъ не повернулъ руль круто, а лишь осторожно началъ мѣнять курсъ. Во-первыхъ, онъ сохранялъ убѣжденіе въ превосходствѣ Наполеона, какъ полководца и правителя; затѣмъ подъ руками у него не было новой комбинаціи, къ войнѣ съ Франціей онъ вовсе не былъ готовъ, и, наконецъ, все еще расчитывалъ въ союзѣ съ Наполеономъ значительно укрѣпить границы имперіи, такъ какъ въ Эрфуртѣ было постановлено, что Россія имѣетъ право домогаться на сѣверѣ всей Финляндіи, на югѣ — княжествъ Молдавіи и Валахіи. Александръ рѣшилъ выгадывать время и за всякую услугу Франціи требовать соотвѣтственнаго вознагражденія для Россіи. На условіяхъ равенства онъ готовъ былъ продолжать союзъ съ Франціей, хоть и не имѣлъ довѣрія къ личности Наполеона. Офиціально отношенія обоихъ императоровъ остались дружественными; Наполеонъ, кажется, не подмѣтилъ перемѣны въ настроеніи русскаго государя. Вернувшись въ Россію, Александръ дѣятельнѣе прежняго взялся за окончаніе шведской войны и продолженіе турецкой, а равно и за преобразованія внутреннія въ духѣ французскаго устройства.

IV.

Преобразованія внутреннія. — Сперанскій.

Во время этой заграничной поѣздки Александръ еще разъ убѣдился въ превосходствѣ гражданскаго управленія за границей сравнительно съ нашимъ. Мысль укрѣпить свое государство и внутри овладѣваетъ снова Александромъ. Теперь онъ сталъ гораздо самостоятельнѣе, у него предъ глазами примѣръ Наполеона; къ услугамъ его всегда дѣловые совѣты французовъ и даже, если нужно, сами французы. Наполеонъ готовъ былъ содѣйствовать укрѣпленію Россіи внутреннему и внѣшнему, и не мало сдѣлали французы-инженеры: они исправили, между прочимъ, укрѣпленія Кронштадта и другихъ портовъ. Съ прежними друзьями своими, членами негласнаго комитета, Александръ простился послѣ Тильзита; не легко было ему найти новыхъ слугъ. Всего труднѣе Александру было замѣстить два поста: министра иностранныхъ дѣлъ и посла въ Парижѣ. На первое мѣсто онъ назначилъ гр. Н. П. Румянцева; къ способностямъ его особеннаго довѣрія онъ не питалъ, но Румянцевъ былъ чуть не единственнымъ сторонникомъ «французской» системы. Впрочемъ, назначеніе это особой важности не имѣло, такъ какъ иностранныя дѣла государь велъ самъ и вмѣшивался во всѣ мелочи этой части; многое шло помимо Румянцева и помимо пословъ, аккредитованныхъ при дворѣ; Александръ нерѣдко посылалъ подъ разными предлогами молодыхъ людей, напр., Нессельроде, Чернышова и др., которымъ довѣрялъ чрезвычайно важныя порученія. Посломъ въ Парижъ Александръ назначилъ вполнѣ преданнаго

себѣ человѣка, гр. П. А. Толстого, но Толстой былъ очень сдержанъ съ Наполеономъ и его дворомъ, и послѣ Эрфурта замѣненъ былъ кн. А. Б. Куракинымъ; однако важнѣйшіе переговоры шли мимо и Куракина... Военное министерство государь ввѣрилъ гр. Аракчееву; съ 1807 г. Аракчеевъ быстро пошелъ въ гору. Аракчеевъ чуть ли не одинъ не оставилъ государя послѣ Тильзита. Онъ никогда не позволялъ себѣ осуждать систему или политику своего повелителя и всегда былъ исполнитель не за страхъ, а за совѣсть. Бѣдный, неродовитый дворянинъ, онъ не имѣлъ иной опоры, кромѣ милости царя. Коленкуръ, понимавшій военное дѣло, хвалилъ и выдвигалъ Аракчеева. Честный, исполнительный, Аракчеевъ умѣлъ и другихъ заставлять работать. Александръ не могъ не дорожить такимъ слугой; остальные министры ничѣмъ не выдѣлялись. По дѣламъ внутреннимъ государь выбралъ себѣ сотрудникомъ М. М. Сперанскаго. Такъ же какъ и Аракчеевъ, Сперанскій не имѣлъ никакихъ связей въ петербургскомъ обществѣ; такъ же, какъ и первый, онъ всецѣло зависѣлъ отъ государя. Александръ расчитывалъ имѣть въ Сперанскомъ такого же работоспособнаго и покорнаго сотрудника въ дѣлахъ внутренняго управленія, какого для военныхъ дѣлъ имѣлъ въ гр. Аракчеевѣ. Сходные по положенію, они были совершенно различны по характерамъ: Аракчеевъ былъ практикъ, Сперанскій — теоретикъ.

Сперанскому поручено было чрезвычайно трудное дѣло: частью онъ долженъ былъ редактировать мысли государя по государственному управленію, частью долженъ былъ самъ измыслить нѣкоторыя реформы. Стать редакторомъ мыслей Александра было нелегко, потому что мысли его были весьма неясны; измыслить реформы Сперанскій вовсе не былъ подготовленъ ни образованіемъ своимъ, ни предыдущей службой, такъ какъ во главѣ живого, не бумажнаго дѣла, онъ не стоялъ. Но какъ бы то ни было, Александръ окружилъ себя теперь людьми вполнѣ отъ него зависимыми, «своими», и чрезъ ихъ посредство надѣялся создать въ Россіи такую же сильную правительственную машину, какъ во Франціи. Кажется, въ 1808 — 1809 гг. послѣ Эрфурта онъ не предвидѣлъ еще въ скоромъ будущемъ войны и расчитывалъ, что успѣетъ провести свои реформы во время мира. Онъ не думалъ уступать мнѣніямъ петербургскихъ и московскихъ кружковъ: указомъ 3 апрѣля 1809 г. онъ потребовалъ отъ аристократіи дѣйствительной службы въ правительственныхъ учрежденіяхъ, а указомъ 6 августа того же года сильно повысилъ научный цензъ для лицъ, состоящихъ на службѣ. Оба эти указа вызвали большое раздраженіе въ обществѣ. Недовольный настроеніемъ высшихъ классовъ, государь остановился на мысли создать учебныя заведенія, въ которыхъ дѣти дворянства могли бы подготовляться въ желательномъ для правительства духѣ для государственной службы. Мысль эта и была осуществлена въ 1811 г. учрежденіемъ Царскосельскаго лицея. Послѣ указа

6 августа и основанія лицея только лица, прошедшія курсъ въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ могли занимать среднія и высшія должности: Александръ хотѣлъ укрѣпить администрацію полнымъ переустройствомъ ея на новыхъ началахъ. Тотчасъ послѣ возвращенія изъ Эрфурта онъ усиленно сталъ работать со Сперанскимъ по этимъ вопросамъ; они много читали, объ многомъ бесѣдовали; не осталось безъ вліянія, прямого или косвеннаго, французское устройство. Изъ Парижа посовѣтовали Александру для скорѣйшаго окончанія шведской войны вызвать финляндскихъ quasi-депутатовъ и уговориться съ ними; онъ принялъ совѣтъ и не имѣлъ причины раскаиваться. Коленкуръ показывалъ Александру конституцію, приготовленную въ Парижѣ для испанцевъ; Александръ нашелъ, что она, безъ сомнѣнія, привлечетъ много людей на сторону Франціи. И у насъ къ этому времени среди высшаго служилаго класса широко распространено было мнѣніе, что привлеченіе народнаго представительства къ законодательной дѣятельности, особенно финансовой, утроитъ, учетверитъ силу правительства. Сперанскому и приказано было на основаніи мыслей государя составить такой планъ переустройства управленія, въ которомъ было бы мѣсто и народному представительству. Несомнѣнно, что самая идея принадлежала Александру. По положенію своему Сперанскій никогда не рѣшился бы самъ предложить подобнаго плана; онъ былъ слишкомъ уменъ и остороженъ, чтобъ предлагать государю политическую реформу. «Не я ихъ предложилъ, — писалъ впослѣдствіи Сперанскій государю, — я ихъ нашелъ совершенно образовавшимися въ Вашемъ умѣ». Сперанскій позже съ негодованіемъ отвергалъ обвиненіе, будто Государственный Совѣтъ умалилъ власть государя, и доказывалъ противное. Многочисленные обвинители, всюду искавшіе предлоговъ для обвиненія Сперанскаго въ умаленіи самодержавія, нападавшіе на невинныя формулы, въ родѣ: «внявъ мнѣнію Совѣта», на «контрасигнированіе министровъ», ни словомъ не обмолвились о главной части плана—порядкѣ законодательномъ. Это даетъ полное основаніе думать, что плана въ его цѣломъ никто не видѣлъ: черновикъ плана былъ на дому у Сперанскаго, а изъ чистыхъ экземпляровъ — одинъ, на русскомъ языкѣ, находился у государя, другой, на французскомъ, предназначался для принца Ольденбургскаго, супруга Екатерины Павловны; слѣдовательно, планъ составленъ былъ только для государя.

Александръ намѣтилъ себѣ въ 1809 г. программу, подобно тому, какъ онъ намѣтилъ ее себѣ, будучи наслѣдникомъ престола, когда, по словамъ Чарторыйскаго, онъ успокоился только послѣ того, какъ ему написали конституцію, которую онъ хотѣлъ обнародовать немедленно по вступленіи на престолъ; такую же программу съ конституціей въ концѣ намѣчали члены негласнаго комитета. Совершенно такой же порядокъ намѣчался и теперь: улуч-

шеніе администраціи, изданіе свода законовъ, улучшеніе финансовъ и въ заключеніе—политическая реформа; такъ же, какъ въ дни негласнаго комитета, все это должно было оставаться въ тайнѣ, и государь себѣ предоставлялъ опредѣлить время, когда онъ найдетъ удобнымъ это сдѣлать. Нѣтъ основаній полагать, что Александръ былъ неискренень въ своемъ намѣреніи. Тайну зналъ одинъ Сперанскій, — не сталъ бы Александръ только рисоваться предъ однимъ своимъ статсъ-секретаремъ. Кромѣ примѣра Наполеона, умѣвшаго когда нужно давать конституцію, Александръ въ лицѣ Наполеона же имѣлъ примѣръ отъ противнаго: многочисленные агенты Александра не оставляли его въ невѣдѣніи насчетъ недовольства Франціи образомъ правленія. И всѣ наши конституціоналисты того времени съ негодованіемъ отзываются о французской системѣ, какъ своего рода издѣвательствѣ надъ народнымъ представительствомъ. Сверхъ того, недовольный настроеніемъ аристократическихъ кружковъ Петербурга и Москвы, Александръ могъ расчитывать, что въ Думѣ его правительство найдетъ опору противъ притязаній этого класса.

Зная предшествовавшую реформаторскую дѣятельность Александра, можно было сомнѣваться, чтобы государь теперь довелъ дѣло до конца. Ошибка Сперанскаго и заключалась въ томъ, что онъ не принялъ во вниманіе эту сторону характера государя и искренно увѣровалъ, что черезъ два года, въ началѣ 1812 г., Россія получитъ новое политическое бытіе. Сперанскій и до 1809 г., и послѣ 1812 г., въ своихъ многочисленныхъ запискахъ считалъ Россію не готовой для конституціоннаго правленія и правильно указывалъ, что̀ надо было создать, и что̀ уничтожить до дарованія Россіи конституціи. Къ сожалѣнію, Сперанскій не былъ способенъ съ твердостью отстаивать свои убѣжденія предъ государемъ. Принявъ довольно неопредѣленныя желанія государя за непремѣнную его волю, Сперанскій спѣшилъ доказать, что всѣ препятствія можно одолѣть въ сравнительно короткій срокъ; не было, напр., свода законовъ, основного условія законности, но Сперанскій увѣрялъ, что черезъ 4 мѣсяца гражданское уложеніе будетъ уже разсмотрѣно новымъ Государственнымъ Совѣтомъ, хотя проекта этого уложенія не было еще и у него самого. Финансы были разстроены, но они будутъ быстро улучшены: планъ финансовыхъ реформъ уже зрѣлъ въ головѣ Сперанскаго. Сперанскій понималъ, конечно, что трудно установить законность въ странѣ, гдѣ было крѣпостное право, но полагалъ возможнымъ дать всему населенію общегражданскія права и положить, что никто безъ суда наказанъ быть не можетъ; что никто не обязанъ исполнять вещественныхъ повинностей по произволу другого,—а лишь по закону или добровольнымъ условіямъ,—но сколько времени потребовалось на одно только составленіе подобныхъ добровольныхъ условій! да и согласилось ли бы тогдашнее дворянство промѣнять свои владѣльческія права

на политическія, предлагаемыя планомъ Сперанскаго: однихъ темныхъ слуховъ о замыслахъ Сперанскаго было достаточно, чтобъ его рѣшительно возненавидѣло огромное большинство дворянъ. Невольно напрашивается параллель между Сперанскимъ и членами негласнаго комитета. Послѣдніе по положенію своему имѣли гораздо больше основаній желать политической реформы, но они уговаривали Александра не спѣшить съ тѣмъ, что̀ должно быть вѣнцомъ продолжительной и напряженной работы; Сперанскій, стоявшій совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, брался устроить дѣло въ небольшой періодъ, можетъ-быть и потому, что боялся, какъ бы государь не обратился къ другому.

Въ октябрѣ 1809 г. планъ былъ готовъ, а въ концѣ года государь рѣшилъ вводить его постепенно; на первую очередь поставлено было новое образованіе Государственнаго Совѣта. 1 января 1810 г. Совѣтъ въ новомъ составѣ былъ открытъ рѣчью государя. Только три-четыре лица, призванныя на главные посты, имѣли возможность прочитать новое «образованіе». Такая спѣшность имѣла невыгодныя стороны: новое «образованіе» не всѣми было понято, какъ слѣдуетъ; нѣкоторымъ казалось, что Совѣту присвоено было законодательное значеніе, чѣмъ умалена была самодержавная власть государя. На дѣлѣ, въ «Образованіи» Совѣта ничего подобнаго нѣтъ, и совершенно ясно, что онъ является только законосовѣщательнымъ учрежденіемъ при государѣ. Сперанскій, очевидно, стремился установить на практикѣ важное различіе между «закономъ» и «указомъ»; отнынѣ закономъ въ русской жизни становилось то, что принято было Совѣтомъ и одобрено государемъ; другія изъявленія воли монаршей облекались въ формы указовъ, рескриптовъ и манифестовъ. Современники придавали, напротивъ, большое значеніе внѣшнимъ формамъ; торжественное открытіе Совѣта государемъ, наименованіе членовъ его законодательнымъ сословіемъ, формула утвержденія «внявъ мнѣнію...» въ связи съ распространившимися слухами о рѣшеніи государя утверждать только мнѣнія большинства, позволили нѣкоторымъ, даже виднымъ членамъ новаго Совѣта (напр., Н. С. Мордвинову), смотрѣть на Совѣтъ, какъ на такое учрежденіе, установленіемъ котораго самодержавная власть сама себѣ поставила границы.

Несмотря на нѣкоторыя частичныя ошибки, Сперанскій въ общемъ хорошо поставилъ Совѣтъ; въ такомъ видѣ, почти безъ перемѣны, онъ просуществовалъ 95 л., до 1905 года. Несомнѣнно, удалась Сперанскому и реформа министерствъ. Сперанскій вывелъ центральные органы управленія изъ того промежуточнаго состоянія, въ которое ихъ поставила реформа 1802 г.; онъ придалъ имъ строго единоличный характеръ; отнынѣ министръ обладалъ большою полнотою власти, дѣла управленія по различнымъ вѣдомствамъ распредѣлены были правильнѣе, такъ какъ число министерствъ и главныхъ управленій было увеличено почти вдвое, съ 8 до

14; въ учрежденіи министерствъ Сперанскій слѣдовалъ французской системѣ; неудачно только были организованы министерства внутреннихъ дѣлъ и новое министерство полиціи. Надо, однако, сказать что реформы этого рода суть легчайшія; имѣя въ своемъ распоряженіи денежныя суммы, нетрудно увеличить число центральныхъ органовъ, нетрудно и лучше распредѣлить дѣла между ними.

Полное уничтоженіе коллегіальнаго строя въ министерствахъ, усиленіе министерской власти ставило передъ Сперанскимъ еще настойчивѣе ту задачу, которую не удалось разрѣшить реформѣ 1802 г., именно вопросъ, какъ организовать единство управленія и отвѣтственность министровъ. Къ 1810 — 1811 гг., когда переустроивались министерства, уже выяснилось, что существенная часть плана не будетъ осуществлена въ скоромъ времени; вопросъ о войнѣ съ Франціей висѣлъ уже въ воздухѣ, и не время было думать о введеніи такой важной реформы. Тогда Сперанскій пришелъ къ тому же, къ чему въ 1802 г. пришелъ негласный комитетъ, т.-е. рѣшилъ, что если нельзя устроить отвѣтственность министровъ предъ законодательнымъ собраніемъ, то остается сдѣлать министерство отвѣтственнымъ предъ Сенатомъ. Такъ естественно выплылъ вопросъ о Сенатѣ. Сперанскій былъ близокъ членамъ негласнаго комитета; возможно, что онъ отчасти былъ ихъ вдохновителемъ. Ихъ идеи, что въ Сенатѣ смѣшаны разные виды власти, онъ вполнѣ раздѣлялъ, почему и предлагалъ раздѣлить Сенатъ на два: правительствующій и судный. Сенатъ правительствующій есть собственно Комитетъ Министровъ; такъ какъ кругъ вѣдомства этихъ двухъ учрежденій постоянно смѣшивался, то казалось логическимъ одно изъ нихъ уничтожить, и Сперанскій находилъ, что лучше уничтожить Комитетъ Министровъ, хотя бы изъ уваженія къ старому имени Сената. Министры и нѣкоторыя особо назначенныя лица образовывали Правительствующій Сенатъ, который имѣлъ двоякія засѣданія: для важныхъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ государя, для дѣлъ обыкновенныхъ — канцлера. Этимъ путемъ Сперанскій надѣялся, какъ и въ 1802 г., сократить личные доклады министровъ и достигнуть нѣкотораго единства въ управленіи. Сперанскій не рѣшался такому учрежденію довѣрить дѣла, требовавшія особой тайны: они должны были разсматриваться государемъ въ Кабинетѣ.

Судебный Сенатъ Сперанскій прежде всего дѣлилъ на четыре Сената по округамъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани; половину его членовъ предполагалось сдѣлать выборными отъ дворянскихъ обществъ; приговоры Сената—окончательны, и жаловаться на нихъ государю нельзя; только тѣ приговоры, которые влекли за собою лишеніе чести и дворянства, подлежали утвержденію государя, амнистія оставалась прерогативой короны. Поставленный такъ Сенатъ могъ дать странѣ независимый, хорошій судъ. Но и въ такомъ видѣ реформа не прошла. Лица, близкія къ Але-

ксандру, возстали въ Совѣтѣ противъ окончательности сенатскихъ приговоровъ, усматривая въ этомъ умаленіе самодержавной власти; какъ можно, разсуждали они, при настоящемъ печальномъ состояніи правосудія лишить народъ возможности обращаться къ царю, котораго народъ почитаетъ верховнымъ и праведнымъ судьею. Возражали и противъ выборныхъ сенаторовъ. Наконецъ немало членовъ Совѣта находило, что «не время (1811 г.) теперь мѣнять учрежденія, къ которымъ всѣ привыкли». Государь утвердилъ предложеніе Сперанскаго, но отсрочилъ введеніе его до другого времени. Оно не увидѣло свѣта; Сенатъ остался въ прежнемъ своемъ положеніи, явно неудовлетворительномъ; напротивъ того, Комитетъ Министровъ, какъ бы соперникъ Сената, выигралъ.

Административныя реформы Сперанскаго были, вообще говоря, удачны. Гораздо менѣе счастливъ былъ съ составленіемъ свода и преобразованіями по государственному хозяйству.

Слишкомъ хорошо извѣстно, какъ нуждалась тогда вся Россія въ сводѣ законовъ, и сколько было попытокъ дать сводъ законовъ или уложеніе. Отсутствіемъ свода объяснялась наличность многихъ несовершенствъ тогдашней жизни, оно указывалось, какъ главное препятствіе для проведенія реформы. Сперанскій взялся за это дѣло, по порученію Александра, съ осени 1808 г. Онъ не имѣлъ тогда знаній для столь сложнаго дѣла. Оно представлялось ему весьма легкимъ, особенно при существованіи прославленнаго кодекса Наполеона. Изъ этихъ трудовъ Сперанскаго ничего не вышло; впослѣдствіи онъ самъ пошелъ совершенно другимъ путемъ и тогда далъ Россіи Сводъ Законовъ. Непріятное впечатлѣніе должно было произвести, что послѣ торжественнаго объявленія въ манифестѣ 11 января 1810 г., что первая часть гражданскаго уложенія уже готова и что другія части за ней непрерывно послѣдуютъ, Россія такъ и не увидѣла обѣщаннаго уложенія.

Вторымъ дѣломъ, которымъ занялся Совѣтъ, было разсмотрѣніе новаго финансоваго плана.

Положеніе государственнаго хозяйства въ 1810 г. характеризуется слѣдующими цифрами. По смѣтѣ доходовъ исчислено было 105 милл. руб., расходовъ—230 милл. руб., ассигнацій въ обращеніи было уже 517 милл. руб. О сокращеніи расходовъ думать было нечего, такъ какъ предстояла война. Оставалось поднять доходы; Сперанскій къ этому и шелъ и имѣлъ право идти, потому что уже давно новыхъ налоговъ не вводилось, а паденіе ассигнаціоннаго рубля было весьма выгодно массѣ плательщиковъ; но возвышеніе налоговъ всегда и вездѣ вызываетъ ропотъ. Сперанскій увеличилъ налоги настолько, что уже по смѣтѣ на 1812 г. доходы исчислены были въ 300 милл. руб., но именно эта скорость и вызвала столько нареканій на правительство; она была во всякомъ случаѣ не нормальна, хотя, можетъ-быть, въ виду исключительныхъ событій

и необходима. Увеличеніе доходовъ сопровождалось цѣлымъ рядомъ обѣщаній населенію; но обѣщанія эти не исполнялись. Сперанскій считалъ необходимымъ изъять какъ можно скорѣе ассигнаціи изъ обращенія и установить денежное обращеніе на неизмѣнномъ основаніи, именно на серебрѣ. Поэтому ассигнаціи объявлены были государственнымъ долгомъ, объявлено было также, что новыхъ выпусковъ ассигнацій не будетъ; назначенъ цѣлый рядъ мѣръ для погашенія ассигнацій, каковы внутренній заемъ и продажа казенныхъ ненаселенныхъ земель; время для этихъ операцій было очень неудачное: при быстромъ ростѣ расходовъ отважиться на сокращеніе ассигнацій было рискомъ, въ области государственнаго хозяйства непозволительнымъ. Продажа казенныхъ ненаселенныхъ земель дала казнѣ ничтожную сравнительно сумму и въ то время причинила большой вредъ казеннымъ крестьянамъ: до этой продажи, если въ казенныхъ волостяхъ обнаруживалось малоземелье, крестьянъ свободно передвигали на незанятыя земли, которыхъ тогда было много. Теперь, въ связи съ продажею земель, переселенія были запрещены и это повело къ тому, что въ 20-хъ годахъ ревизіи хозяйства казенныхъ крестьянъ мѣстами обнаружили нищенское ихъ положеніе, какъ результатъ малоземелья. Количество же ассигнацій не только не уменьшилось, но увеличилось: въ 1812 г. ихъ пришлось выпустить на 142 милл. руб., въ 1813 г.— на 120 милл. руб., къ 1824 г. ассигнаціонный долгъ возросъ до 833 милл. руб.; курсъ ихъ упалъ въ 1812 г. до того, что за ассигнаціонный рубль давали 20 коп. сер., и тогда правительству пришлось объявить, что всѣ подати и налоги могутъ быть платимы исключительно ассигнаціями. О нѣкоторыхъ налогахъ объявлялось, что они вводятся на годъ, а потомъ они обращались въ постоянные.

Все это вызвало вполнѣ понятный ропотъ. Роптали теперь уже не только представители военнаго класса и чиновничество, но и рядовое дворянство, взволнованное повышеніемъ подушной, новою переписью, новыми налогами. Винить во всемъ этомъ только Александра или Сперанскаго нельзя; отвѣтственность съ ними раздѣляетъ и Государственный Совѣтъ, эти мѣры разсматривавшій и одобрявшій.

Сперанскаго, умнаго и талантливаго человѣка, императоръ Александръ безусловно переоцѣнилъ. Если съ помощью и въ союзѣ съ Наполеономъ Александръ расчитывалъ покрыться славой завоевателя, то Сперанскій предназначался на то, чтобы провести преобразованія внутреннія и дать царю славу Юстиніана. Неглубоко вникающій, поверхностный умъ Александра не разобралъ истинныхъ сторонъ дарованія Сперанскаго, талантливѣйшаго редактора, но вовсе не практическаго дѣльца. Сперанскій виновенъ, если о винѣ его можетъ быть рѣчь, еще менѣе: онъ обнаружилъ слишкомъ большую самоувѣренность, самонадѣянность, нѣкоторую хвастливость и

неискренность; онъ не имѣлъ мужества отказаться отъ предлагаемыхъ занятій, не имѣлъ скромности истиннаго знатока дѣла; но вѣдь не онъ напрашивался на многочисленныя должности, а его просили ихъ принять. Если бы у него была другая школа, другія традиціи, можетъ-быть, онъ и созналъ бы свое легкомысліе. Около государя стоялъ Совѣтъ, въ который, казалось, собранъ былъ цвѣтъ тогдашней нашей государственности. Всѣ важнѣйшія мѣры разсматривались въ Совѣтѣ дважды—сначала въ департаментахъ, потомъ въ общемъ собраніи. Не могли не видѣть члены Совѣта, что государственный секретарь обратился въ какого-то министра реформъ и далеко вышелъ изъ рамокъ дѣятельности, очерченной закономъ; они должны были бы найти въ себѣ мужество открыто заявить объ этомъ государю. Въ концѣ-концовъ интрига Сперанскаго свалила; но и для него и для государя было бы лучше, если бы онъ палъ въ открытой борьбѣ съ Совѣтомъ.

Широкая реформа кончилась неожиданно, но по существу почти такъ же, какъ и ея предшественница 1802 г.: 17 марта 1812 г. Сперанскій былъ высланъ въ Нижній-Новгородъ; 20 марта на время отсутствія государя учрежденъ былъ Комитетъ Министровъ «съ особенною властью по всѣмъ вообще дѣламъ государственнаго управленія». Комитетъ Министровъ непрерывно дѣйствовалъ и раньше; дѣло въ особой власти и въ измѣненіи его состава; членами его стали, кромѣ министровъ, предсѣдатели департаментовъ Государственнаго Совѣта; учреждена была и должность предсѣдателя комитета: до этого времени члены комитета предсѣдательствовали по очереди. На эту должность назначенъ былъ гр. Н. И. Салтыковъ, одновременно назначенный предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Произведены были измѣненія и въ Государственномъ Совѣтѣ: образованы засѣданія соединенныхъ департаментовъ; департаменты законовъ и экономіи были соединены; новому департаменту повелѣно пересмотрѣть всѣ мѣры по финансовому управленію, принятыя съ 1810 г., и обсудить способы, которыми можно было бы возстановить довѣріе населенія «къ благонамѣренности и постоянству мѣръ правительства по финансовой части».

Мы уже говорили, что послѣ Эрфуртскаго свиданія Наполеонъ не сразу понялъ ту перемѣну, которая произошла въ Александрѣ. Онъ началъ войну съ Австріей и, согласно договору, потребовалъ русской помощи. Въ Петербургѣ всѣ общественныя симпатіи были на сторонѣ Австріи. Если Наполеонъ уничтожитъ Австрію, какъ Пруссію, разсуждали у насъ, то настанетъ чередъ и Россіи. Съ такимъ взглядомъ согласенъ былъ и Александръ; онъ не скрылъ отъ французскаго посла, что находитъ необходимымъ наказать Австрію, но необходимымъ признаетъ и сохраненіе ея, какъ сильной, первоклассной державы; «это даже въ интересахъ нашего союза, — добавилъ государь, — потому что, въ противномъ случаѣ, мы съ вами

сдѣлаемся сосѣдями». Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ нѣсколько разъ заявлялъ Наполеону, что никоимъ образомъ не можетъ допустить увеличенія Варшавскаго герцогства и не желаетъ, чтобы бывшія польскія земли были отторгнуты отъ Австріи. Военную помощь Наполеону Александръ оказалъ лишь фиктивно. Отправленная противъ Австріи армія подъ начальствомъ кн. С. Ѳ. Голицына ровно ничего не сдѣлала. Внѣ всякаго сомнѣнія, что такой образъ дѣйствій кн. Голицыну былъ предписанъ; кромѣ того, Александръ не хотѣлъ, чтобы русской арміи пришлось сражаться противъ австрійцевъ вмѣстѣ съ польской. Бездѣйствіе своей арміи Александръ оправдывалъ тѣмъ, что у него на рукахъ пять войнъ, изъ нихъ четыре благодаря его союзу съ Наполеономъ. Между тѣмъ у Наполеона былъ критическій моментъ послѣ нерѣшительной битвы при Аспернѣ. Вообще во время этой войны Александръ занялъ опять вполнѣ самостоятельное положеніе и далъ понять Наполеону, что всему есть мѣра. Дальнѣйшіе поступки Наполеона показали, что никакого равенства между собою и Александромъ онъ никогда не допускалъ, и что поведеніе Александра раскрыло ему глаза. Разбивъ австрійцевъ при Ваграмѣ, Наполеонъ принудилъ ихъ просить мира и запросилъ Александра о томъ вознагражденіи Россіи, которое онъ желалъ бы получить. Послѣдній весьма искусно отказался отъ посылки своего уполномоченнаго, ввѣривъ интересы Россіи самому Наполеону, и предупредивъ еще разъ о нежелательности для него увеличенія Варшавскаго герцогства. Наполеонъ двѣ трети отнятой все-таки у Австріи Галиціи отдалъ герцогству, и лишь треть Россіи. Незадолго до этого мира Александръ кончилъ войну со Швеціей, начатую еще въ счастливые дни Тильзита. Швеція рѣшительно отказывалась отъ мира съ Франціей и отъ континентальной системы, и — согласно Тильзитскому договору—Александръ объявилъ Швеціи войну; въ Тильзитѣ было рѣшено, что вознагражденіемъ Россіи должна служить остальная часть Финляндіи. Такъ какъ одновременно съ объявленіемъ войны Швеціи началась и война съ Англіей, и англійскій флотъ весной показался въ Балтійскомъ морѣ, то русская армія, чтобы нанести рѣшительный ударъ шведамъ, должна была пройти холодную, голодную и мало проходимую Финляндію съ юга до сѣвера и затѣмъ спускаться по такимъ же негостепріимнымъ мѣстамъ Скандинавіи. Во время кампаніи Александру былъ данъ изъ Парижа совѣтъ для ускоренія дѣла вступить въ переговоры съ обитателями Финляндіи, вызвать въ Петербургъ ихъ депутацію. Александръ привелъ эту мысль въ исполненіе тѣмъ легче, что такіе переговоры между русскимъ правительствомъ и господствующимъ въ краѣ классомъ происходили еще при Екатеринѣ. При этомъ Александръ далъ финляндцамъ извѣстнаго рода обѣщанія. За нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія войны въ мартѣ 1809 г. онъ созвалъ представителей финскаго народа на сеймъ въ Борго; въ грамотѣ своей, данной

сейму, и въ рѣчи государь обѣщалъ сохранить конституцію края, его коренные законы, религію, нравы и преимущества. Сеймъ выработалъ рядъ постановленій объ управленіи Финляндіи, объ ея милиціи, монетѣ и пр. Постановленія эти съ нѣкоторыми измѣненіями были утверждены Александромъ. Финляндія получила особое отъ имперіи управленіе, во главѣ котораго стоялъ сенатъ, дѣйствовавшій подъ надзоромъ генералъ-губернатора; власть и вѣдомство имперскихъ учрежденій не распространялись на Финляндію, дѣла которой прямо докладывались государю; первымъ докладчикомъ по дѣламъ Финляндіи былъ Сперанскій, но чрезъ два года въ 1811 г. финляндцы добились, что учреждена была особая должность по дѣламъ края, которую занялъ уроженецъ его Ребиндеръ. Нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, чтобы начавшіеся переговоры и сеймъ въ Борго оказали замѣтное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Часть арміи, совершивъ труднѣйшій переходъ по льду черезъ Ботническій заливъ, вступила на шведскую почву вблизи Стокгольма; другой отрядъ шелъ черезъ Торнео. Швеція была принуждена къ миру; тамъ вспыхнула революція, Густавъ IV потерялъ тронъ, и преемникъ его Карлъ XIII поспѣшилъ заключить съ Россіей миръ въ Фридрихсгамѣ, въ сентябрѣ 1809 г., по которому отказался отъ Финляндіи; р. Торнео на сѣверѣ стала нашей границей. Этимъ было завершено великое историческое дѣло, это послѣдній этапъ по длинному и долгому пути обладанія Восточной Европой. Съ того времени, какъ преобразователь, основавъ столицу въ Петербургѣ, пробилъ здѣсь свое историческое окно, ясно стало, что безъ Финляндіи окно это одностворчатое: граница сосѣдняго и враждебнаго государства была слишкомъ близка къ столицѣ; при Елизаветѣ отвоевана была еще часть Финляндіи, но эта страна по самой природѣ могла быть или шведской или русской. Дѣло кончилось въ пользу Россіи и навсегда. Швеція перестала быть врагомъ Россіи; столкновенія, начавшіяся въ XIII в., закончены въ 1809 г.

Не легко было бы Александру опредѣлить свои отношенія къ новому краю. Въ окраинной политикѣ онъ могъ слѣдовать или примѣрамъ Петра Великаго, Елизаветы, Екатерины или выработать свои начала. Важно было, чтобы государь рѣшалъ совершенно свободно, чтобы нельзя было думать, что на тотъ или другой путь онъ вступилъ несвободно. Къ сожалѣнію, Александръ вступилъ въ переговоры съ населеніемъ края до окончанія войны и этимъ связалъ свою волю. Кажется, и тутъ онъ не разобрался въ слѣдствіяхъ. Франція часто поступала такъ, но Франція признавала верховенство народа, а Наполеонъ не стѣснялся, когда находилъ нужнымъ, брать свое слово назадъ. Русскій императоръ не могъ стать на такую точку зрѣнія, не становясь въ противорѣчіе съ самимъ собой. Россія получила Финляндію по миру съ Швеціей, но присягнувшіе Александру въ Борго и оставшіеся

вѣрными финляндцы имѣли основаніе считать, что они сами присоединились къ Россіи на тѣхъ началахъ, о которыхъ была рѣчь въ Борго и въ царскихъ манифестахъ. Не могло быть и сомнѣнія, что слово императора будетъ свято сдержано, и то, что было обѣщано въ Борго, лишало Александра возможности слѣдовать примѣру Петра, Елизаветы и Екатерины и передъ нимъ оставался одинъ путь — обратить Финляндію въ автономную провинцію Россіи, неразрывно соединенную съ имперіей. Автономіи бываютъ разными. Обстоятельства склоняли Александра дать автономію возможно широкую: отношенія къ Финляндіи опредѣлялись тогда, когда надъ Александромъ уже нависла туча будущей войны съ Наполеономъ; онъ вездѣ искалъ союзниковъ въ народахъ, и для него неудобны были бы жалобы финляндцевъ на притѣсненія; напротивъ, свободно и охотно повинующаяся ему Финляндія могла служить наглядным образцомъ уваженія царя къ національнымъ особенностямъ и правамъ. Не чуждо было ему желаніе сдѣлать такъ, чтобы Финляндія осталась вѣрной Россіи и въ томъ случаѣ, если въ ней совсѣмъ не будетъ русскихъ войскъ и если ее снова станетъ манить Швеція; а наслѣдникомъ шведской короны неожиданно сталъ Наполеоновъ маршалъ Бернадотъ. При такихъ условіяхъ Александръ не могъ и мысли допустить о томъ, чтобы въ Финляндіи съ сожалѣніемъ вспоминали о былом шведскомъ господствѣ. Имѣя весьма невысокое мнѣніе о качествѣ русскаго управленія, Александръ, вѣроятно, сталъ бы на путь развитія окраинной автономіи, чтобы привязать сосѣдніе не-русскіе народы къ Россіи не одною силою меча, а и сознаніемъ, что имъ въ Россіи живется лучше; для послѣдующаго, однако, было бы лучше, если бы Александръ не вступалъ въ преждевременныя сношенія съ населеніемъ, а далъ бы все это странѣ послѣ завоеванія ея и заключенія мира. Во всякомъ случаѣ доброжелательная политика по отношенію къ Финляндіи не должна была переходить въ ласкательство новой окраины насчетъ коренныхъ земель. Между тѣмъ манифестомъ 11 декабря 1811 года возвѣщено было присоединеніе къ Финляндіи и той части, которая завоевана была при Петрѣ Великомъ и Елизаветѣ и на «эту старую» Финляндію были распространены всѣ права и преимущества, предоставленныя новой. Мѣры эти были разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ и единогласно приняты. Но если и признавалось желательнымъ сдѣлать крупнѣйшій подарокъ новымъ подданнымъ, пока ничѣмъ еще не заявившимъ себя, то чувство справедливости должно было бы подсказать, что нельзя забывать о русскомъ населеніи въ старой Финляндіи и безвозмездно освобождать Финляндію отъ рекрутской повинности. Во всемъ этомъ много было вниманія къ новымъ подданнымъ; къ сожалѣнію, незамѣтно того же относительно коренной Россіи.

V.

Эпоха Отечественной войны.

До сихъ поръ, до 1812 г., дѣятельность императора Александра не содѣйствовала упроченію его связи съ массою русскаго народа: войны не прекращались съ 1805 г., рекрутскіе наборы увеличились, ежегодно брали по 5 человѣкъ съ 500 душъ, деньги падали въ цѣнѣ, и въ то же время народъ не видѣлъ ни явной, ощутительной выгоды для себя, ни исполненія своихъ мечтаній и надеждъ; войны съ французами тогда совсѣмъ не были такъ народны, какъ войны съ турками, поляками и даже шведами. Народъ жаловался на тяжесть рекрутчины; торговый классъ страдалъ отъ застоя въ торговлѣ. Дворянство, высшіе классы раздражены были общимъ ходомъ политическихъ дѣлъ; имъ казалось, что при другой политической системѣ можно было бы избѣжать разорявшихъ страну событій; преобразованія внутреннія, непонятныя для массъ, только раздражали и волновали дворянство и интеллигенцію: обѣщалось много, выходило совсѣмъ другое. Приближалось, однако, время, когда эти неудовольствія должны были замолкнуть; приближалось нашествіе Наполеона, и въ виду этого грознаго факта забывались старые счеты.

Со времени послѣдней австрійской войны Александръ занялъ по отношенію къ Наполеону самостоятельное положеніе. Онъ не нападалъ на Наполеона, не искалъ случая сдѣлать ему непріятное; онъ соглашался на продолженіе союза, если интересы Россіи будутъ ограждены. По прежнему вниманіе Александра сосредоточивалось на польскихъ дѣлахъ; онъ готовъ былъ примириться съ обидными условіями Шенбрунскаго мира, если Наполеонъ подпишетъ и огласитъ актъ, которымъ обяжется не возстановлять самостоятельности Польши. Значеніе этого документа нравственное; онъ долженъ былъ успокоить русское общественное мнѣніе. За такую сравнительно ничтожную цѣну Наполеонъ сохранилъ бы союзъ съ Россіей. Крайняя умѣренность Александра объясняется тѣмъ, что онъ не хотѣлъ войны; онъ видѣлъ, что политическая обстановка сложилась неблагопріятно для него. По отношенію къ Наполеону онъ въ продолженіе 11 лѣтъ перемѣнилъ три раза систему — и въ результатѣ Россіи приходилось одной вступать въ борьбу съ Франціей, которая была окружена всею континентальной Европой; Александръ чувствовалъ свою вину и желалъ отсрочить борьбу до болѣе благопріятнаго времени, такъ какъ, казалось, что иго Наполеона въ Европѣ не можетъ быть продолжительнымъ. Но это же обстоятельство не позволяло Наполеону медлить. Былъ моментъ, въ который союзъ двухъ государей могъ окрѣпнуть: въ 1810 г. Наполеонъ просилъ руки великой княгини Анны Павловны. При томъ взглядѣ на Наполеона, который сложился у Александра, какъ

на преступнѣйшаго человѣка, исчадіе ада, невозможно было ожидать, чтобы онъ согласился породниться съ Бонапартомъ, чтобы друзья Наполеона стали его друзьями и наоборотъ... Онъ укрылся за авторитетъ своей матери, заявившей, что дочь ея слишкомъ еще молода для брака. Тогда Наполеонъ, еще до полученія офиціальнаго отказа, обратился съ предложеніемъ руки своей къ эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ и отказался ратификовать конвенцію о Польшѣ. Съ 1810 г. обѣ стороны начали готовиться къ войнѣ; Александръ открыто заявилъ, что онъ не нападетъ, что онъ сознаетъ превосходство генія Наполеона и силъ его надъ своими, но что, тѣмъ не менѣе, противъ нападенія будетъ защищаться до послѣдней капли крови, до крайнихъ предѣловъ своей Россіи. Фразу эту онъ повторялъ очень часто, такъ что Коленкуръ и Лористонъ передавали ее въ Парижъ лишь первыми словами... Александръ рѣшился защищаться до послѣдней крайности; но какъ онъ представлялъ себѣ предстоявшую войну, какія мѣры онъ принялъ? Теперь и для него наступило время, когда онъ могъ и долженъ былъ слиться съ своимъ народомъ. Настроеніе Александра совпадало съ мнѣніями многихъ русскихъ; было ясно, что шелъ вопросъ о политическомъ бытіи Россіи; средніе классы и народъ этого не понимали, но ихъ пугалъ и давилъ Наполеонъ; надо было жить въ началѣ XIX в., чтобы понять, какъ тяжело на всѣхъ ложился Бонапартъ.

Александръ былъ хорошо освѣдомленъ о приготовленіяхъ и планахъ Наполеона; сомнѣнія въ томъ, противъ кого дѣлаются обширныя приготовленія, у него не было; не было и страха передъ начавшимся уже движеніемъ французскихъ войскъ къ русской границѣ: на это Александръ отвѣтилъ измѣненіемъ русскаго таможеннаго тарифа, невыгоднымъ для Франціи, и сосредоточеніемъ своихъ войскъ на западной границѣ. Война съ Турціей, которая тянулась съ 1806 г., предъ самымъ нашествіемъ Наполеона была закончена Кутузовымъ, который заключилъ Бухарестскій миръ, Россія получила Бессарабію; объ этомъ мирѣ Россія узнала одновременно съ извѣстіемъ о переходѣ французами Нѣмана.

Предстоявшая война ставила обоихъ противниковъ въ совершенно исключительныя условія: Россія и Франція нигдѣ не соприкасались другъ съ другомъ; моремъ владѣла Англія. Слѣдовательно, для наступательныхъ цѣлей обѣ стороны нуждались въ содѣйствіи союзниковъ. Для Наполеона этотъ вопросъ рѣшался, правда, просто, но зато съ большимъ рискомъ политическимъ: его «союзники» были почти подневольные и соединились съ нимъ изъ страха предъ его силой; пока побѣда была на его сторонѣ, онъ могъ считать свое положеніе обезпеченнымъ и въ тылу; но не только неудача, а просто затяжка военныхъ операцій была чрезвычайно опасна Наполеону. Русскій планъ отступленія онъ предвидѣлъ и боялся его, но расчитывалъ, что у противника не хва-

титъ выдержки. Наполеонъ говорилъ, что цѣль его похода — Вильна, что онъ тамъ остановится и займется устройствомъ возстановленной Польши. Но исполнить этого было нельзя. Природа не положила естественной границы къ востоку отъ Вильны вплоть до самаго Урала и если бы русская армія осталась неразбитой, то Наполеонъ долженъ былъ цѣлые годы занимать Вильну, готовясь къ войнѣ; онъ кормилъ бы свою армію на счетъ Александра, но главными собственниками земель, которыми бы онъ пользовался, были крупные землевладѣльцы той страны, возстановить которую Наполеонъ хотѣлъ, чтобы нанести ударъ Александру. Западная Русь стала бы для Наполеона гораздо опаснѣе Испаніи, ибо въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ стояла бы сильная непріятельская армія, а въ тылу враждебно настроенная Германія. Поэтому для Наполеона оставалось одно: нанести своему врагу ударъ, чтобы онъ просилъ мира.

Трудно было также и положеніе Александра. Способъ обороны подсказывался ему съ разныхъ сторонъ и нѣсколькими лицами, идея продолжительнаго отступленія висѣла въ воздухѣ. Но Александръ долженъ былъ думать не объ одномъ только отраженіи врага: ударъ Наполеону долженъ былъ быть нанесенъ во Франціи. Рѣшаясь на временное отступленіе, Александръ думалъ о наступленіи въ случаѣ успѣха; но какъ только русскія войска переступали бы русскую границу, они оказывались въ непріятельской странѣ. Александръ могъ расчитывать, что его войско отразитъ непріятельское нашествіе, но было очень сомнительно, окажется ли на нашей сторонѣ перевѣсъ и въ наступательной войнѣ Россіи съ Западной Европой. Александръ поэтому тоже искалъ союзниковъ, но не могъ ихъ найти среди государствъ континентальной Европы. Болѣе всего Александръ хотѣлъ заручиться союзомъ Австріи. Съ представителями ея онъ велъ въ Петербургѣ въ 1810—1811 гг. въ строжайшей тайнѣ любопытнѣйшіе переговоры, ярко обрисовывающіе его поведеніе и образъ дѣйствія. Александръ безусловно боялся разрыва съ Наполеономъ; онъ надѣялся, что чрезъ нѣсколько лѣтъ Наполеонъ потеряетъ власть во Франціи. Единственно, чего добился Александръ отъ Австріи—обѣщаніе, что войска ея будутъ дѣйствовать только «по имени». Тогда у него явилась мысль обратиться къ «народамъ», сдѣлать предстоявшую борьбу войною за освобожденіе народовъ. Давно онъ завелъ сношенія съ поляками чрезъ кн. Чарторыйскаго, но неудачно; онъ говорилъ съ литовцами; чрезъ германскихъ патріотовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Штейнъ, онъ расчитывалъ поднять нѣмецкій народъ; въ главной нашей квартирѣ были довѣренные отъ испанцевъ; русское правительство имѣло сношенія съ тирольцами; венгры, такъ какъ ихъ сеймъ ссорился тогда съ Вѣной, вызывали особыя надежды нашего посла въ Вѣнѣ и самого государя; но совершенно исключительная роль предназначалась

балканскимъ христіанамъ: изъ нихъ предполагалось образовать армію въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ и съ нею сдѣлать диверсію въ тылъ французамъ; немалыя надежды возлагались даже на дезертировъ изъ арміи Рейнской конфедераціи: они, какъ и балканскіе славяне, поддерживаемые англійскими деньгами, оружіемъ и флотомъ, должны были также дѣйствовать на сообщенія Наполеонова войска. Едва ли Александръ вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что вышло бы, если бы всѣ эти народы соединились вокругъ него въ цѣляхъ освобожденія своего! Отъ лица этихъ народностей не всегда извѣстныя лица договаривались съ русскимъ правительствомъ, съ самимъ Александромъ, его генералами, и Александръ начиналъ войну связанный уже многочисленными обѣщаніями, хотя никто еще не оказалъ никакихъ услугъ Россіи. Во всякомъ случаѣ едва ли было благоразумно дѣйствовать такъ поспѣшно, какъ это дѣлалъ Александръ. По мѣрѣ удачнаго развитія операцій явились бы союзники настоящіе, съ которыми и надо бы договариваться. Выступая временно въ совершенно непривычномъ для русскаго государя положеніи, Александръ напрасно возбуждалъ надежды, которыхъ не исполнилъ; кромѣ того, онъ значительно ухудшилъ свое положеніе впослѣдствіи, когда обострились отношенія между государемъ и народами.

Тѣмъ временемъ наша армія превосходно дѣлала свое дѣло; она отступала медленно, задерживая непріятеля и не давая ему возможности нанести намъ сколько-нибудь значительное пораженіе. Общее воодушевленіе, сознаніе опасности, въ которой находилась Россія, жажда мести, объединяли рядовыхъ и офицеровъ; сопротивленіе, которое отдѣльные отряды оказывали значительнымъ массамъ непріятеля, навсегда составитъ славу русскаго оружія; армія Наполеона быстро таяла и если въ іюнѣ 1812 г. она была почти въ три раза больше русской, то на Бородинскомъ полѣ она была лишь на одну треть больше: у Наполеона было 130 т., у Кутузова — 100 т. Можетъ-быть, задача наша могла бы быть выполнена лучше: къ сожалѣнію, чувствовалось, что въ такое критическое время въ арміи не было властной руки. Главнокомандующій Барклай-де-Толли не сумѣлъ пріобрѣсти надлежащаго авторитета, да и по характеру былъ слишкомъ нерѣшительнымъ полководцемъ. Пушкинъ опоэтизировалъ его образъ и послѣ не разъ дѣлали попытки создать изъ Барклая главнаго героя 1812 года, павшаго жертвой русскаго невѣжества и слѣпой ненависти къ иноземцамъ. Но подобное представленіе невѣрно: Барклай не могъ бороться съ Наполеономъ: подъ Смоленскомъ онъ едва не погубилъ армію, выйдя на встрѣчу непріятелю, а потомъ до самаго пріѣзда Кутузова держалъ армію въ нервномъ напряженіи, то и дѣло выбирая позицію для боя, а затѣмъ снова отступая. Въ арміи началось броженіе среди высшихъ чиновъ; въ странѣ настроеніе также начало падать. Въ арміи боялись, что будетъ заключенъ

миръ, просили государя отставить канцлера Румянцева, просили назначить другого главнокомандующаго; называли Кутузова, Багратіона и даже гр. Палена, имя котораго связано было съ кончиною императора Павла. Это было прямо оскорбительно для Александра; онъ возмущенъ былъ до глубины души. Государь съ негодованіемъ отвергъ всякую мысль объ увольненіи Румянцева и еще разъ подтвердилъ свое непоколебимое рѣшеніе воевать до конца. Тогда Растопчинъ прислалъ письмо, что Москва считаетъ Барклая и Багратіона одинаково неспособными начальствовать надъ арміей и единогласно высказывается за М. И. Кутузова; въ Петербургѣ общее мнѣніе было также за стараго генерала Екатерининскаго времени. М. И. Кутузову шелъ тогда 68-й годъ. Александръ Павловичъ Багратіона считалъ совершенно незнающимъ стратегіи, Барклаемъ былъ недоволенъ за его дѣйствія послѣ Смоленска, а къ Кутузову питалъ нерасположеніе еще со времени Аустерлица. Но онъ назначилъ главнокомандующимъ того, за кого былъ общій голосъ, т.-е. Кутузова. Новый главнокомандующій остановился на Бородинскомъ полѣ вопреки своимъ убѣжденіямъ: онъ уступилъ горячему желанію войскъ сразиться съ врагомъ, да и не могъ онъ сдать Москвы безъ боя. Наконецъ сбылись надежды Наполеона: передъ нимъ стояла русская армія, онъ могъ разбить ее впрахъ. Но 26 августа послѣ всѣхъ усилій онъ ее все-таки не разбилъ, потерявъ почти половину состава, а русская армія осталась такой же гордой, какъ была. Бородино вѣнчаетъ достойно первую половину кампаніи. «Великая армія» вступила въ Москву обезсиленная и нашла тамъ могилу.

Все это ясно для насъ, но современники судили иначе. Въ странѣ пронесся ропотъ, обвиняли государя за его бездѣйствіе, за то, что онъ покинулъ Москву, не пріѣхалъ защищать ее. Тѣ самые люди, которые недавно говорили, что Александру не слѣдуетъ становиться во главѣ войска, теперь готовы были заподозрить его личную храбрость. При всемъ этомъ чувства страха не было; очень немногіе совѣтовали Александру заключить миръ; можно сказать, всѣ боялись одного, какъ бы государь не заключилъ мира; всѣ, даже недовольные, готовы были на новыя пожертвованія.

Наполеонова армія быстро таяла, русская росла. Какъ велики были жертвы русскаго народа на войну съ французами, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ годъ вступленія Александра на престолъ русская армія состояла изъ 270.000 чел., въ 1812—1815 гг. въ ней числилось 917.000 чел., а съ ополченцами даже 1.237.000 чел.; всего населенія тогда было 15.800.000 муж. пола, считая способными носить оружіе (въ возрастѣ отъ 15 до 35 лѣтъ) треть, или около 5 милл., мы видимъ, что взята была подъ ружье четвертая часть способныхъ носить оружіе. Огромныя усилія были приложены для снабженія такой арміи всѣмъ необходимымъ; чѣмъ

дальше уходила армія, тѣмъ дальше приходилось тянуться крестьянскимъ обозамъ. Съ Тверской и сосѣднихъ губерній потребовали 148.000 подводъ; по раскладкѣ на души — въ Тверской 2 подводы приходилось съ 5 душъ, т.-е. со двора болѣе одной подводы; ясно, что такого числа лошадей во всей губерніи не было. Курская губернія должна была дать 40.000 подводъ на 1.000 верстъ, Лифляндской губерніи пришлось дать 31.000 подводъ на 240 верстъ; кромѣ того, крестьяне тысячами наряжались на устройство дорогъ, на сооруженіе крѣпостей. Армія забирала все, что ей было нужно, у крестьянъ и въ городахъ, она не расплачивалась деньгами, а выдавала квитанціи на забранное. Впослѣдствіи многія дворянскія общества отказались отъ слѣдуемыхъ имъ отъ казны платежей. Тогдашній министръ финансовъ Гурьевъ считалъ, что Россія пожертвовала на войну приблизительно на сумму 200 милл. р. Всѣ требованія арміи нашей, какъ велики они ни были, были выполнены съ избыткомъ; общество и народъ въ продолженіе войны не всѣми дѣйствіями правительства были довольны, но они не подумали въ тяжелую годину сводить счеты; многіе, почти убѣжденные уже въ неуспѣхѣ нашемъ, тѣмъ не менѣе, спѣшили своими пожертвованіями. Въ началѣ войны опасались за сохраненіе порядка, боялись крестьянъ, но за исключеніемъ немногихъ случаевъ обыкновенныхъ крестьянскихъ волненій, ничего не произошло; къ концу 1812 г. даже такимъ людямъ, какъ А. И. Тургеневъ, казалось, что взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ окрѣпли; зимой потянулись къ столицамъ крестьянскіе обозы съ разными припасами; «спасибо святому русскому народу, — въ восторгѣ говорили многіе,—отъ французовъ все прятали и морили ихъ голодомъ, а для насъ навезли всякой всячины».

Съ октября военное счастье перешло на нашу сторону; началось отступленіе Великой арміи; преслѣдовали французовъ наши войска слабѣе, чѣмъ могли бы это сдѣлать, но къ Рождеству не осталось ни одного вооруженнаго непріятеля на русской землѣ.

Кампанія была выиграна. Кто же ее выигралъ? Отвѣтовъ было и будетъ много. Одни укажутъ ближайшія причины неслыханнаго пораженія Наполеона въ его безуміи, другіе — въ политической обстановкѣ, третьи — въ тактическихъ ошибкахъ великаго полководца. Если и были ошибки въ дѣйствіяхъ Наполеона, то было и умѣнье воспользоваться ими; политическая обстановка все время оставалась благопріятной для Наполеона; Австрія и Пруссія не шевельнулись противъ него; австрійскій корпусъ кн. Шварценберга дѣйствовалъ вяло, но пруссаки Іорка — добросовѣстно. Бѣдствія Наполеона кончились сейчасъ же за русской границей; разбитый, потерпѣвшій неслыханное пораженіе, потерявшій полмилліона солдатъ, Наполеонъ въ слѣдующемъ году весною явился уже въ Германію съ новой арміей. Морозы начались за Смоленскомъ, т.-е. когда отступали уже разбитые остатки арміи.

Огромная французская армія разбилась о русскую армію, о русскій народъ. Сначала упорными мелкими боями, потомъ боемъ у Бородина вожди русской арміи обезсилили французскія войска такъ, что дальше Москвы они продвинуться не могли. «Русскіе стяжали право быть непобѣдимыми», сказалъ самъ Наполеонъ про Бородино. Необыкновенную стойкость въ борьбѣ съ врагомъ обнаружилъ весь русскій народъ: помѣщики, крестьяне и горожане уходили отъ непріятеля, оставалось меньшинство; подобнаго явленія Наполеонъ не встрѣчалъ ни въ Германіи, ни въ Италіи, ни въ Австріи; конечно, смѣшно объяснять это какимъ-то полукочевымъ бытомъ, въ которомъ будто бы продолжали жить русскіе въ XIX в.

Главная заслуга побѣдоносной войны принадлежитъ императору Александру Павловичу. Его политика привела Наполеона къ границамъ Россіи, онъ не испугался страшнаго неравенства силъ и, вѣря въ свой народъ, принялъ вызовъ. Когда военное счастье, казалось, оставило русскихъ, даже когда Москва занята была непріятелемъ, Александръ Павловичъ оставался твердъ и непоколебимъ; бѣдствіе не сломило его; онъ обнаружилъ большое пассивное мужество. Признательность потомства къ нему должна возрасти отъ разбора тѣхъ необыкновенныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ протекала война. Императоръ видѣлъ, что извѣстная часть генераловъ его арміи и почти все общество не довѣряютъ его твердости, сомнѣваются въ удачномъ выборѣ командующаго; Александръ отнесся къ этому движенію не съ узкоформальной стороны, а съ большою чуткостью: онъ чувствовалъ сердцемъ свою армію и народъ. Дѣлая войну народной, онъ добровольно ограничилъ свою волю предъ гласомъ народнымъ. Тѣмъ выше его заслуга предъ Россіей.

Однако то, что намъ представляется теперь связнымъ, логически вытекающимъ одно изъ другого, большинству современниковъ казалось совершенно инымъ; не понимая значенія мелкихъ постоянныхъ маленькихъ битвъ, они останавливались лишь на главныхъ явленіяхъ: Наполеонъ вторгся въ Россію, русскіе отступаютъ, Смоленскъ взятъ, новый главнокомандующій, опять отступленіе, наконецъ, Москва занята, Москва сожжена... Казалось, все погибло — и вдругъ, точно по мановенію волшебства сразу все измѣнилось: Наполеонъ отступаетъ, Наполеонъ бѣжитъ! Великой арміи нѣтъ... Русскіе умы поражены были сначала рядомъ несчастій, потомъ удивительной перемѣной. Въ такомъ положеніи, не желая или не будучи въ состояніи разобраться въ причинахъ, многіе—и въ числѣ ихъ императоръ Александръ—въ религіи искали и утѣшенія и указанія на будущее. Мечтательный Александръ, вѣроятно, всегда былъ религіозенъ; но до 1812 года религіозность его была какъ бы заглушена; окруженный легкомысленными вольтерьянцами онъ до 1812 года ея почти не проявлялъ. Съ лѣта 1812 г., разочаровавшись уже въ очень многихъ и во многомъ, обманувшійся столько разъ въ своихъ расчетахъ, Александръ начинаетъ во всемъ

видѣть руку Провидѣнія, направляющую невѣдомыми путями судьбы человѣчества. И успѣхъ въ борьбѣ своей съ Наполеономъ Александръ приписывалъ не себѣ, не своимъ силамъ, не прекрасной арміи своей, не русскому народу, а волѣ Божіей: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему»—вырѣзано на медали въ память 1812 года. Съ лѣта 12 года Александръ ежедневно читаетъ Библію; въ нѣкоторыхъ псалмахъ онъ находитъ живѣйшее сходство съ переживаемымъ. Наполеонъ становится для него исчадіемъ ада, орудіемъ зла, пока торжествующаго на землѣ. Нравственное одиночество, въ которомъ находился Александръ въ то время, когда рѣшалась судьба его имперіи, долгіе, томительные дни и ночи неизвѣстности, изрѣдка чередовавшіеся съ часами печальныхъ вѣстей, способствовали развитію въ Александрѣ такого направленія.

Необыкновенное счастье, вліяніе и могущество достались Александру безъ трудной личной работы, его вынесли и подняли другіе. Новое настроеніе государя, объясненіе имъ причинъ своихъ успѣховъ отразилось на всей послѣдующей дѣятельности Александра не сразу, но постепенно; цѣлью его политики становится не слава и благоденствіе Россіи, а счастье, тишина и миръ всего христіанскаго міра. Зачатки такихъ воззрѣній у Александра замѣтны и ранѣе, теперь они получаютъ полное развитіе; какъ средневѣковый императоръ, онъ будетъ, не принимая титула, стремиться къ тому, чтобы собрать вокругъ своего трона всѣ христіанскія государства. Не одной Россіи посвятитъ онъ свои дальнѣйшіе труды, въ сознаніи его она отойдетъ на второе мѣсто; не она, по пониманію Александра, подняла его на высоту: это сдѣлало Провидѣніе для того, чтобы онъ поборолъ духа зла. Миръ въ Европѣ — вотъ главнѣйшая цѣль его политики; въ жертву ей онъ принесетъ многое, онъ даже будетъ ласковъ со строптивыми и строгъ съ послушными.

Такое направленіе опредѣлилось далеко не сразу; многимъ казалось, и, какъ будто, не безъ основанія, что цѣли императора совсѣмъ другія; обнаружилось, однако, что то, что другіе считали цѣлью, было для него лишь средствомъ.

V.

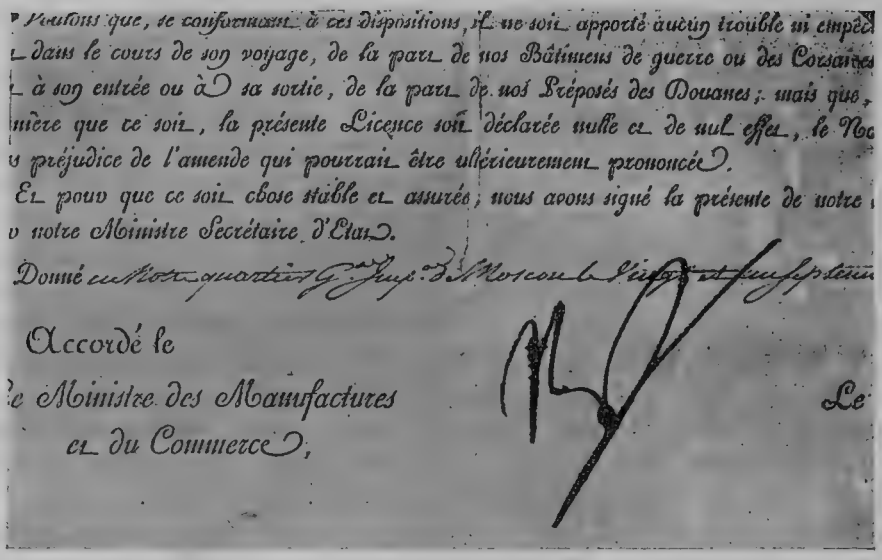
Гегемонія въ Европѣ.—Послѣдніе годы и кончина Александра Павловича.

Вопросъ, что дѣлать дальше, послѣ изгнанія Наполеона, былъ уже давно предрѣшенъ Александромъ: пока не возстановится равновѣсіе въ Европѣ, приблизительно въ границахъ 1792 г., мира не можетъ быть. Опытъ 20 кровавыхъ лѣтъ показалъ, что Россія не менѣе другихъ государствъ Европы заинтересована въ европейскомъ мирѣ; тотъ же опытъ показалъ, что Россія для своего спокойствія должна владѣть Польшей, иначе при всякомъ политическомъ ослож-

неніи, даже не задѣвающемъ прямо интересовъ Россіи, ей грозятъ смуты и серьезныя затрудненія. Ограничиться изгнаніемъ Наполеона изъ Россіи равносильно было лишенію Россіи нравственной побѣды. Александръ понялъ, что высокій жребій указалъ Наполеонъ русскому народу; Александръ понялъ, что Россія будетъ гордиться, если онъ пойдетъ впередъ «съ улыбкой примиренія, съ оливой золотой». Наконецъ, Наполеонъ не просилъ еще мира; онъ даже обѣщалъ полякамъ вернуться къ нимъ весной. Могъ ли при такихъ условіяхъ императоръ медлить и стоять на Нѣманѣ, пока Наполеону не заблагоразсудится подойти къ этой рѣкѣ опять съ новыми полчищами? Не значило ли это отказаться отъ плодовъ побѣды? Эти соображенія даже сторонники противоположнаго мнѣнія признавали основательными. «Онъ (Александръ) смотритъ на это съ другой стороны, которую также совсѣмъ опровергнуть не можно», сказалъ М. И. Кутузовъ.

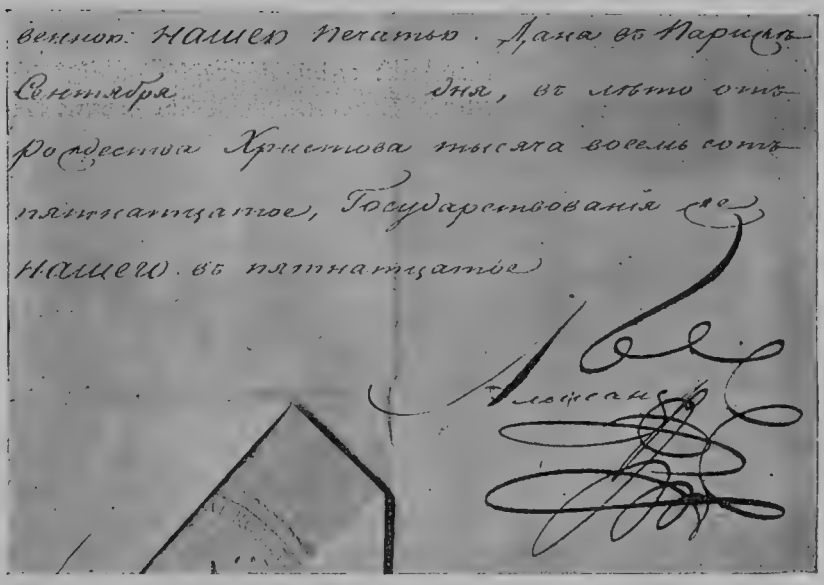
Но начинать войну наступательную въ чуждой намъ Германіи было очень рискованно. Русская армія была весьма слаба: изъ 97.000 чел., съ которыми Кутузовъ выступилъ изъ Тарутина, въ Вильну пришло 27.000 чел. Между тѣмъ не только Наполеонъ не просилъ мира, но и Австрія и Пруссія не присоединялись къ Россіи. Тогда Александръ чрезъ маркиза Паулуччи склонилъ генерала Іорка, командовавшаго прусскимъ корпусомъ въ арміи Наполеона, отложиться отъ французской арміи; поступокъ Іорка поднялъ всю Пруссію и король подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія принужденъ былъ вступить въ союзъ съ Россіей. Правда, Александръ принялъ обязательство не положить оружія до тѣхъ поръ, пока Пруссіи не будетъ возвращено среди европейскихъ державъ мѣсто, принадлежавшее ей до 1806 года; то же было обѣщано Швеціи и Норвегіи. Что же Александръ имѣлъ въ виду для своей Россіи? Конечно, Польшу. Если бы къ Россіи отошли всѣ земли польскія, доставшіяся Пруссіи и Австріи по тремъ раздѣламъ,—вознагражденіе для Россіи надо было бы признать достаточнымъ. Александръ уже тогда предрѣшилъ дать Польшѣ либеральное конституціонное устройство и надѣялся этимъ путемъ удовлетворить польское національное чувство. Послѣдствія показали, что Александръ ошибался: поляки не оцѣнили того, что имъ далъ государь, а русскіе остались недовольны и недоумѣвали, почему народъ, который воевалъ противъ Россіи, получилъ привилегированное положеніе.

Александръ создалъ войну за освобожденіе Германіи, онъ былъ душою коалиціи; много разъ она готова была распасться, но дипломатическіе таланты Александра преодолѣвали затрудненія. Установленіе мира—цѣль Александра; онъ охотно обѣщалъ народамъ либеральныя учрежденія, ибо и въ нихъ видѣлъ залогъ мира. Свои успѣхи онъ приписывалъ исключительно волѣ Провидѣнія, мистицизмъ его значительно окрѣпъ за границей отъ разныхъ случайныхъ встрѣчъ. Наполеонъ для него теперь — орудіе ада,



Подпись Наполеона на указѣ, данномъ въ Москвѣ 27(15) сентября 1812 года.
Хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ.

которое должно быть изгнано, чтобы желанный миръ водворился на землѣ. Поэтому онъ постоянно отвергалъ попытки къ примиренію, которыя Наполеонъ впослѣдствіи дѣлалъ неоднократно. Сомнительно, чтобы Россія могла выиграть много отъ союза съ Наполеономъ, какъ сомнительно, чтобы Наполеонъ, наполовину разбитый и униженный, могъ долго удержаться на французскомъ престолѣ. Посланникъ небесъ — Александръ хотѣлъ господствовать тогда морально: онъ прекрасно отмстилъ пожаръ Москвы тѣмъ благоволеніемъ, которое оказалъ французскому народу. Вскорѣ, однако, новое разочарованіе ждало императора: побѣда надъ геніемъ зла оказалась не такъ легка, да и скрывался онъ не въ одномъ Бонапартѣ. Уже на Вѣнскомъ конгрессѣ Александръ убѣдился, какъ проигрываетъ тотъ, который разсчитываетъ на благодарность людей, избранныхъ и руководящихъ народами. Въ который разъ онъ убѣдился, что сдѣлалъ ошибку, не условившись напередъ во всемъ до самыхъ мелочей, не потребовавъ залога впередъ; вопросъ о вознагражденіи Россіи и Пруссіи вызвалъ неожиданное для Александра сильнѣйшее сопротивленіе, дошедшее до того, что Австрія, Англія и Франція заключили уже союзъ противъ Александра и употребляли усилія, чтобы убѣдить Пруссію присоединиться къ нимъ: Наполеона не было — долой Александра! Дѣло готово было дойти до войны, но Александру помогъ Наполеонъ, который покинулъ о. Эльбу и овладѣлъ Франціею. Наполеонъ опять употреблялъ усилія, чтобы склонить русскаго царя къ союзу съ собой; но это было бы вторымъ Тильзитомъ; Александръ устоялъ предъ искушеніемъ и показалъ Европѣ строго принципіальную политику; онъ простилъ нанесенныя ему



Подпись императора Александра I на указѣ, данномъ въ Парижѣ въ 1815 г. Хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ.

обиды, согласился даже уменьшить вознагражденіе Россіи и снова сталъ во главѣ четвертой коалиціи противъ Наполеона. Битва при Ватерлоо рѣшила участь Наполеона.

Въ короткое время Александръ узналъ двѣ измѣны: недавнихъ своихъ союзниковъ и французскаго народа. Александра мучилъ вопросъ: отчего въ христіанскомъ мірѣ такъ часто зло торжествуетъ надъ добромъ? и онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ не наблюденіями надъ жизнью народовъ и государствъ, не прошлымъ ихъ, а мистическими размышленіями; поэтому отвѣтъ у него былъ очень простой: оттого, что до сихъ поръ великія начала христіанства, завѣты братства и любви, забыты или отодвинуты людьми исключительно въ область частныхъ отношеній; отсюда долгъ государей и его, Александра, перенести священныя начала на отношенія гражданскія, государственныя и международныя. Таково происхожденіе Акта Священнаго Союза.

Въ этомъ выводѣ весь Александръ; это выводъ государя, бывшаго свидѣтелемъ — хотя и отдаленнымъ — революціи и главнымъ дѣятелемъ бурной Наполеоновской эпохи. Все, навѣянное бесѣдами Лагарпа, Екатерины, все прочитанное — смыто событіями и къ 40 годамъ жизни Александра имъ съ необыкновенной силою овладѣло средневѣковое міросозерцаніе и, какъ всегда бываетъ у натуръ мечтательныхъ, онъ успокоивается на поверхности предмета. Было время, когда спасеніе онъ видѣлъ въ законности, но не отдалъ себѣ отчета, въ чемъ же должна выражаться эта самая законность; позже онъ обратился къ «народности», поднималъ ароды», но и не подумалъ спросить, что значитъ «свободная на-

родность»; онъ былъ поэтому удивленъ, когда французы предпочли злодѣя Бонапарта мирному и законному Людовику XVIII. Тогда онъ остановился на великой мысли: сдѣлать христіанскія государства христіанскими не только по имени, но и на дѣлѣ. Но что это значитъ, въ чемъ, собственно, это выразится реально? Какъ быть съ цѣлымъ рядомъ явленій въ жизни государственной, тѣмъ болѣе международной, которыя не могли быть оправданы христіанскимъ ученіемъ? Очень скоро многіе увидѣли въ Актѣ Священнаго Союза намѣреніе освободить балканскіе народы отъ мусульманскаго ига; это казалось вполнѣ послѣдовательнымъ для государя, утверждавшаго христіанскій союзъ. Но Александръ сейчасъ же опровергалъ приписываемое ему намѣреніе; тогда стали усматривать въ Актѣ Священнаго союза лишь желаніе прикрыть реакцію, неисполненіе данныхъ во время войны за освобожденіе обѣщаній, прикрытыя высокимъ авторитетомъ евангелія. Это невѣрно, Александръ надѣялся искренно достичь своего идеала. Александръ бралъ на себя поддержаніе и сохраненіе европейскаго мира. Онъ видѣлъ, что причины войны лежатъ глубже, чѣмъ онъ раньше предполагалъ; благодаря обстоятельнымъ донесеніямъ Поццо ди-Борго онъ понялъ, что Бонапартъ былъ выразителемъ стремленій наиболѣе энергичной части французской націи; что армія и «якобинцы» не удовлетворены положеніемъ Франціи, какъ оно опредѣлилось не только вторымъ, но и первымъ парижскимъ миромъ; что они заинтересованы и матеріально въ продолженіи войны. Такъ опредѣлилась трудная задача, которую бралъ на себя Александръ: сдерживать правительства отъ взаимныхъ войнъ и держать народы въ подчиненіи установленной власти. На всякую революцію онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на начало войны. Жизнь жестоко посмѣялась надъ нимъ: въ народахъ онъ думалъ найти союзниковъ для достиженія мира, и народы же оказывались главнымъ препятствіемъ для мира! Но Александръ взялъ на себя эту задачу, и бремя это онъ возложилъ на Россію.

Здѣсь поворотный пунктъ его политики: теперь онъ не только обращалъ Россію въ средство для достиженія своего идеала, но и самый идеалъ этотъ теперь шелъ рѣшительно въ разрѣзъ съ тѣмъ, какъ понимало свою задачу русское общество. Оно гордилось своимъ царемъ, который освобождалъ народы Европы отъ чужеземнаго ига, оно готово было на матеріальныя жертвы ради высокой цѣли; но оно вознегодовало, когда Александръ сдѣлалъ изъ Россіи страшилище народовъ, и самъ превратился въ суроваго владыку сѣвера, предъ которымъ склонились всѣ народы.

Полный мыслей о поддержаніи мира и порядка въ Европѣ, Александръ возвращался въ Россію въ 1815 г. Съ нетерпѣніемъ ждала родина прославленнаго героя; Россія надѣялась имѣть вознагражденіе за понесенные труды и жертвы. Но царь въ умѣ своемъ назначилъ Россіи новую службу. Главнѣйшее его вниманіе было

обращено на армію: Россія должна содержать большую армію, которую государь въ любой моментъ могъ бы направить туда, гдѣ возникнетъ опасность для общаго мира. Кромѣ того, вниманіе Александра было раздвоено между дѣлами русскими и обще-европейскими. Раздѣлить, какъ раньше думалъ Александръ, свою власть съ народнымъ представительствомъ, теперь онъ не могъ: свою задачу стража мира онъ могъ осуществлять, лишь обладая всею полнотою власти. Выходъ изъ такого положенія Александръ нашелъ въ слѣдующемъ: текущее управленіе Россіей передалъ онъ гр. Аракчееву, себѣ взялъ болѣе близкія своему сердцу дѣла обще-европейскія. Въ 1812—1815 гг. управленіе въ корень расшаталось, развились самыя вопіющія злоупотребленія, возникали многочисленныя и сильныя крестьянскія волненія. Но государь не думалъ о коренныхъ реформахъ: онъ надѣялся, что бдительное око Аракчеева будетъ строго карать виновныхъ. Управленіе попрежнему осталось сосредоточеннымъ въ Комитетѣ Министровъ, положенія котораго просматривалъ гр. Аракчеевъ, надписывалъ на нихъ свои замѣчанія, а на основаніи ихъ Александръ полагалъ свои резолюціи.

Въ заботахъ объ усиленіи военныхъ силъ Россіи Александръ рѣшилъ устроить военныя поселенія. Къ соображеніямъ финансоваго и политическаго характера присоединялись у Александра и соображенія нравственныя: онъ страдалъ, когда представлялъ себѣ своихъ солдатъ, 25 лѣтъ тянущихъ тяжелую лямку безъ надежды на существенную награду и потомъ больными, увѣчными, безъ обезпеченія, увольняемыхъ въ отставку. Устройствомъ военныхъ поселеній онъ надѣялся устранить всѣ эти недостатки, армія довольствовалась бы собственнымъ земледѣльческимъ трудомъ, молодое поколѣніе будущихъ воиновъ вырастало бы въ военной обстановкѣ; старослужилые получали бы земельную собственность и семейную обстановку. Страна давала сразу огромный капиталъ — казенныхъ крестьянъ и ихъ землю — но за это навсегда освобождалась отъ большей части расходовъ на военное дѣло. Въ основаніи была уже крупная ошибка: съ теченіемъ времени армія совсѣмъ отдѣлилась бы отъ страны; военныя поселенія образовали бы укрѣпленные лагери, изъ которыхъ армія господствовала бы надъ мирною страною. Затѣмъ, конечно, не все то хорошо въ жизни, что хорошо на бумагѣ. Насадить такое огромное казенное хозяйство — дѣло чрезвычайно трудное, требующее очень многихъ добросовѣстнѣйшихъ исполнителей. Надо было, кромѣ того, считаться съ духовной стороной крестьянина, для котораго ужасна была мысль, что вдругъ его забреютъ, а при этой системѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поголовно всѣ казенные крестьяне стали военными поселенцами. Если казакъ есть военный поселенецъ, то сколько вѣковъ свободно вырабатывался этотъ типъ. Для успѣха дѣла надо было измѣнить самую душу русскаго крестьянина,—къ сожалѣнію, этого Александръ очень часто не замѣчалъ. Дѣло поручено было Аракчееву. Матеріально онъ поставилъ эту часть

блистательно. Постепенно при Александрѣ въ военныя поселенія перешло до 150.000 нижнихъ чиновъ, 76.000 инвалидовъ, 154.000 кантонистовъ; всего населенія подъ управленіемъ Аракчеева было 750.000 чел. Израсходовано было на военныя поселенія 18 милл. руб., но уже въ 1825 г. они имѣли собственный капиталъ въ 30 милл. р.; въ счетъ затраченнаго не входитъ земля, до 2.400.000 дес. отведенная подъ поселеніе. Но пріучить крестьянъ къ поселеніямъ, примирить ихъ съ новыми условіями быта Аракчеевъ совсѣмъ не могъ, для этого нуженъ былъ совершенно другой человѣкъ; до сихъ поръ въ народѣ сохранилась жуткая память о дѣятельности гр. Аракчеева. Императоръ Александръ обнаружилъ удивительную настойчивость въ проведеніи военныхъ поселеній; онъ не хотѣлъ слышать возраженій противъ нихъ, и никто, ни братья его, ни даже императрица-мать не рѣшались передавать просьбы крестьянъ поселенческихъ округовъ государю.

Другимъ важнымъ послѣдствіемъ акта Священнаго Союза во внутренней политикѣ была попытка Александра обосновать правительство, просвѣщенное христіанскимъ благочестіемъ. Было учреждено министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, порученное кн. А. Н. Голицыну, другу императора, который пережилъ такой же религіозный кризисъ, какъ и государь. Учрежденіе это больно ударило по обѣимъ частямъ—и по церкви, и по просвѣщенію. Александръ къ православной церкви относился внимательно, хотѣлъ изъять духовенство отъ матеріальной зависимости отъ прихожанъ, — впрочемъ, это ему не удалось; переустроилъ и лучше обезпечилъ духовныя училища, имѣвшія до него чрезвычайно скудныя средства; распространеніе христіанства императоръ ревностно поддерживалъ, но отнюдь не принужденіемъ, а убѣжденіемъ. Библейское общество, которому очень покровительствовали государь и кн. Голицынъ, въ продолженіе 9 лѣтъ (1812 — 1821) напечатало 129 изданій Библіи полностью и отдѣльными частями, въ числѣ 675.600 экземп., на 29 языкахъ. Но общество это было какъ бы дщерью Британскаго библейскаго общества, носило въ себѣ слишкомъ много англійскаго и протестантскаго, и этимъ возбудило вскорѣ сильное неудовольствіе нашего духовенства. Послѣ учрежденія соединеннаго министерства правительственныя права Синода были очень стѣснены и стали распространяться сочиненія, противныя духу православной церкви. Тогда въ 1824 г. митр. Серафимъ при большой поддержкѣ арх. Фотія и гр. Аракчеева обратился къ государю съ обвиненіями противъ кн. Голицына. Александръ, послѣ нѣкотораго колебанія, возвратилъ Синоду прежнее положеніе.

Первые годы своего царствованія Александръ много сдѣлалъ для успѣховъ русскаго просвѣщенія и образованія; преобразованы были старые университеты, основано два новыхъ, нѣсколько спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній—Главный Педагогическій

Институтъ, Демидовское высшее училище, Институтъ кн. Безбородко, Институтъ путей сообщенія; изъ-за границы выписывали профессоровъ, щедро давали деньги на переводы иностранныхъ трудовъ, на развитіе дѣятельности ученыхъ обществъ; расширены и преобразованы были среднеучебныя заведенія на началахъ всесословности; устраивались приходскія школы, строились грандіозные планы превращенія Россіи въ новыя Аѳины; населеніе, положимъ, не очень стремилось въ правительственныя школы, но правительство прибѣгало къ сильнымъ мѣрамъ, чтобы заставить учиться. Но послѣ того, какъ нѣмецкіе университеты приняли участіе въ національно-конституціонномъ движеніи, у насъ были приняты строгія мѣры относительно высшаго образованія; люди, окружавшіе Голицына, заговорили о «безбожныхъ» университетахъ, о преподаваемомъ «тонкомъ ядѣ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ», открыто стали говорить о громадномъ злѣ, которое университетъ принесетъ Россіи; Магницкій, напр., находилъ полезнымъ публично разрушить Казанскій университетъ. Въ 1824 г. Голицына смѣнилъ А. С. Шишковъ, который враждебно относился какъ къ философскому либерализму первой половины времени Александра I, такъ и къ космополитическому мистицизму кн. Голицына; онъ хотѣлъ построить все образованіе на чистотѣ вѣры и на вѣрности государю и отечеству.

Военныя поселенія, гоненія на науку, обиды православной церкви, постоянныя отсутствія государя изъ Петербурга, часто изъ Россіи, все это волновало общество, порождало недовольство. Даже текущія дѣла останавливались, и чувствовалась какая-то общая разслабленность управленія. Рѣчь государя при открытіи въ 1818 г. польскаго сейма въ Варшавѣ,—рѣчь, въ которой онъ намекнулъ на свое желаніе даровать Россіи такой же образъ правленія какъ и Польшѣ, возбудила на короткое время надежды однихъ, испугъ другихъ; начали жаловаться на предпочтеніе, оказываемое окраинамъ, на невниманіе государя къ своему народу.

Въ 1820 — 1822 гг. 15 губерній Россіи постигъ сильнѣйшій голодъ; помѣщики отказывались кормить своихъ крестьянъ. Трудно бороться съ голодомъ и теперь, тогда же при бездорожьѣ было еще труднѣе; прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ мѣрамъ, одинаково недѣйствительнымъ: запрещали вывозъ хлѣба изъ пострадавшихъ губерній, запрещали винокуреніе, но отъ этого погибалъ скотъ; давали ссуды и крестьянамъ (казеннымъ), и помѣщикамъ; но мѣры эти мало помогали. Любимая идея того времени—образовать путемъ ежегодныхъ отчисленій полный годовой продовольственный запасъ, оказалась утопической, не было ни хлѣба ни капиталовъ...

Среди общаго недовольства, затрудненій внѣшнихъ и внутреннихъ, оканчивалась эта достопамятная эпоха, которую Меттернихъ назвалъ «романомъ» Россіи; задача, принятая на себя Александромъ, оказывалась непосильной и ему, и Россіи. Русское общество разочаровалось въ государѣ; Александръ это чувствовалъ и зналъ, но не

могъ найти выхода. Греческое возстаніе ставило его въ почти безысходное положеніе: съ одной стороны, тамъ дѣйствовали «революціонеры», съ другой — это была борьба измученнаго православнаго населенія противъ турокъ; съ одной стороны, это было средство разссорить Россію съ Австріей и тѣмъ отвлечь вниманіе отъ главнаго врага, революціи, съ другой—оставить грековъ на произволъ судьбы значило для Россіи потерять свое привилегированное положеніе на Востокѣ; мѣсто ея уже стремилась занять Англія. Александръ уже рѣшился воевать съ Турціей, когда смерть неожиданно унесла его. 1 сентября 1825 г. Александръ въ послѣдній разъ покинулъ Петербургъ; онъ поѣхалъ съ больной супругой Елизаветой Алексѣевной устроить ея пребываніе на югѣ, въ Таганрогѣ. Оттуда онъ сдѣлалъ поѣздку по Крыму и вернулся къ женѣ въ Таганрогъ уже совсѣмъ больной. При разставаніи съ жизнью проявились лучшія стороны характера Александра. Терпѣливо переносилъ онъ мученія, все время наблюдая, чтобы за нимъ ухаживали какъ можно меньше. 19 ноября 1825 г. его не стало. «Незримый путешественникъ»—такъ называли его при жизни—умеръ въ Таганрогѣ, и когда почти на границѣ Европы и Азіи скончался монархъ, дѣяніями своими заполнившій страницы исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ первой четверти XIX в., нѣкоторые усомнились въ его смерти, полагая, что онъ скрылся таинственно гдѣ-то далеко...

Издавна въ Европѣ шла борьба между государствами и между народами изъ-за первенства и господства. Боролись германцы и романцы, Габсбурги и Бурбоны. Съ особою силою возгорѣлась эта борьба съ конца XVIII в.: обновленная Франція шла отъ побѣды къ побѣдѣ, предводительствуемая самимъ геніемъ войны; міру угрожало уже не преобладаніе Франціи, а господство, гегемонія ея надъ всей Европой. Вдругъ, послѣ 1812 г., къ всеобщему изумленію, гегемонія перешла въ руки русскаго царя. Александръ Павловичъ далъ миръ и тишину измученнымъ двадцатилѣтней войной христіанскимъ народамъ; почти сорокъ лѣтъ послѣ этого Западная Европа не знала войны. И не только миръ далъ онъ Европѣ: немного въ Европѣ государствъ, новѣйшую исторію которыхъ можно было бы излагать, не обращаясь къ личности русскаго монарха; послѣднія десять лѣтъ онъ былъ королемъ королей Европы и наложилъ печать на современную ему исторію Германіи, Австріи, Франціи, Италіи. Неудивительно, что около его имени образовалась цѣлая литература на всѣхъ языкахъ; неудивительно, что западно-европейское общественное мнѣніе и наука въ общемъ очень часто враждебно относятся къ памяти Александра Павловича: его дѣятельность задѣвала столько разнородныхъ интересовъ. Для писателей французовъ Наполеонъ сталъ давно народною гордостью; преданы забвенію его грѣхи, можетъ-быть, преступленія. Но наша литература и наука не сдѣлали изъ Александра героя.

Мало того, съ очень давняго времени, еще отъ современниковъ Александра мы читаемъ больше враждебныхъ о немъ отзывовъ; разочаровался въ немъ и Пушкинъ, новѣйшая исторіографія наша также рисуетъ Александра то какимъ-то безвольнымъ дѣятелемъ, то чѣмъ-то въ родѣ Макіавелли или Борджіо.

Несомнѣнно, что величіе подвига, совершеннаго русскимъ народомъ подъ предводительствомъ Александра, не примирило съ нимъ многихъ, не слило въ глазахъ потомства царя и народъ въ одно неразрывное цѣлое: какъ будто бы все это свершилось помимо Александра Павловича. Нерѣдки въ нашей исторіи примѣры, что общество холодно встрѣчало новаго государя, но обыкновенно первые же сколько-нибудь значительные успѣхи разбивали ледъ. Съ Александромъ случилось какъ разъ напротивъ: рѣдко кто изъ нашихъ государей былъ такъ сердечно привѣтствованъ при появленіи его на престолѣ, какъ Александръ; но затѣмъ общество и государь стали расходиться и даже пережитыя вмѣстѣ опасности и счастье 1812 — 1815 годовъ не сблизили царя съ народомъ. Очевидно, между государемъ и народомъ его было въ чемъ-то основномъ глубокое различіе.

Внукъ Петра III, сынъ Павла I, Александръ унаслѣдовалъ изъ ихъ міросозерцанія одну существенную черту. Въ основѣ міросозерцанія первыхъ двухъ несчастливыхъ государей лежало понятіе о самодовлѣющемъ самодержавіи, имѣющемъ свои собственные обязанности и интересы, отличные отъ пользы подданныхъ. Такое міровоззрѣніе было главною причиною несчастія Петра III и Павла I, ибо оно было явленіемъ новымъ на Руси, гдѣ государи издревле не различали своихъ выгодъ отъ пользы земской; такое явленіе было особенно чуждо и непонятно послѣ Петра Великаго, Елизаветы, Екатерины II, никогда даже не умѣвшихъ отдѣлить себя, представить себя отдѣльно отъ Россіи. Петръ Великій далъ живой обликъ государя перваго работника и слуги государства; Екатерина возвела это положеніе въ теорію. Петръ III и Павелъ I, напротивъ, смотрѣли на Россію, какъ на средство для выполненія ими обязанностей, свыше возложенныхъ на нихъ, однимъ имъ доступныхъ. Та же мысль лежала въ основѣ міровоззрѣнія Александра. Онъ былъ, однако, настолько образованъ, что не только не высказалъ этого прямо, но даже старался внушить своимъ подданнымъ какъ разъ противное. Въ началѣ царствованія онъ не разъ далъ торжественныя обѣщанія, что никогда «не раздѣлитъ пользъ своихъ отъ благосостоянія своихъ подданныхъ, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей» его и воли. Но пользу и благосостояніе своей страны Александръ понималъ по-своему. Его влекла слава, точно героя древности или средневѣковья. Первую половину своего царствованія онъ добывалъ славу и добился ея, во вторую онъ заботливо охранялъ добытое. Онъ добился первенства въ Европѣ не для того, чтобы

сдѣлать свой народъ болѣе богатымъ, образованнымъ, свободнымъ, а для того, чтобы собрать подъ свое собственное верховенство христіанскую Европу и дать ей миръ. Достиженіе и сохраненіе верховенства немыслимы безъ огромныхъ затратъ матеріальныхъ и нравственныхъ со стороны народа; въ глазахъ Александра это мало значило сравнительно съ высокою цѣлью, поставленной имъ себѣ. Живого чувства народности у такого государя не могло быть, ибо идеалъ его средневѣковый; не было этого чувства и у Александра. Онъ вообще мало интересовался настроеніемъ низшихъ слоевъ: въ Финляндіи онъ не замѣчалъ финновъ, въ Прибалтійскомъ краѣ — эстовъ и латышей, въ Зѳападной Руси — русскихъ. Нельзя сказать, чтобы онъ къ этимъ массамъ былъ совершенно равнодушенъ: онъ волновался, если узнавалъ, что они голодаютъ, терпятъ жестокія притѣсненія, но онъ какъ будто считалъ, что политическая жизнь не для нихъ, что имъ безразлично, въ какомъ государствѣ они находятся, только бы жить въ государствѣ благоустроенномъ; въ политическомъ отношеніи онѣ для него были нулемъ. Если онъ и говорилъ о народахъ, строилъ иногда планы на народныхъ стремленіяхъ, онъ имѣлъ, главнѣйшимъ образомъ, въ виду правящіе классы, дворянство и интеллигенцію. Верхній классъ населенія Финляндіи составляли шведы — настроеніе ихъ не только интересовало Александра, но онъ старался удовлетворить ихъ такъ же, какъ поляковъ круга Чарторыйскихъ и Огинскихъ. Такихъ взглядовъ держался не одинъ Александръ, но у другихъ дѣятелей они смягчались живымъ чувствомъ народности, сознаніемъ своего племени. Притомъ соперникъ-побѣдитель Наполеона долженъ былъ бы заглянуть болѣе глубоко въ народъ; развѣ не характерно, что даже послѣ 1812 г. Александръ предполагалъ Западную Русь присоединить къ Польшѣ; онъ этого не сдѣлалъ, но самое предположеніе характеризуетъ его отношеніе къ народу.

Какъ носитель высшей самодовлѣющей власти, Александръ былъ очень самоувѣренъ, тоже подобно своему отцу и дѣду. Важныя рѣшенія, чреватыя послѣдствіями, онъ принималъ часто неожиданно отъ окружающихъ, вопреки ихъ совѣтамъ. Рѣшенія государя падали иногда на голову ближайшихъ его сотрудниковъ, какъ снѣгъ съ неба. Таковъ, напр., его отъѣздъ въ Берлинъ осенью 1805 г., когда его другъ и министръ Чарторыйскій звалъ его въ Варшаву; такъ заключенъ былъ договоръ въ Тильзитѣ; такъ возникъ актъ Священнаго Союза. И принятыхъ рѣшеній Александръ держался иногда очень стойко, упрямо, несмотря на отговоры лицъ, мнѣніемъ которыхъ онъ въ другихъ случаяхъ дорожилъ; тяготѣніе къ Пруссіи, союзъ съ Наполеономъ, военныя поселенія вызывали представленія со стороны очень многихъ, но императоръ оставался глухъ къ совѣтамъ и даже давалъ понять, что они ему непріятны; лица, хорошо знавшія Александра, избѣгали вообще ему противорѣчить прямо изъ боязни, что государь займетъ такое упорное положеніе. Во вторую поло-

вину царствованія Александра понятія его о власти окрѣпли, потому что получили религіозное основаніе. До памятнаго 1812 года Александръ относился къ религіи, повидимому, равнодушно; но съ этого времени онъ сталъ глубоко-религіознымъ человѣкомъ, и въ этомъ отношеніи онъ разошелся со своимъ народомъ, такъ какъ вѣрованія его имѣли мистико-протестантскую окраску. Устойчивости въ его вѣрованіяхъ не было, онъ сталъ вѣрующимъ въ такомъ уже возрастѣ (около 35 лѣтъ), когда люди не могутъ вполнѣ подчиниться авторитету другихъ, но въ то же время умъ самого Александра не могъ самостоятельно разобраться въ спорныхъ вопросахъ христіанскихъ вѣроученій. Позже онъ страстно искалъ истины, охотно бесѣдовалъ со многими сектантами, мистиками, обращался и къ римско-католической церкви, привлекали его вниманіе и наши монахи-отшельники—люди духа. Не отличаясь самъ устойчивостью въ вѣрѣ, Александръ былъ снисходителенъ въ этомъ отношеніи и къ другимъ; онъ исключительное явленіе въ русской исторіи; до него она знала или государей глубоко-православныхъ и потому строго относившихся къ иновѣрцамъ, тѣмъ болѣе къ сектантамъ, или государей, смотрѣвшихъ на религію съ государственной точки зрѣнія и довольно равнодушныхъ къ православію: Александръ былъ глубоковѣрующій и въ то же время вѣротерпимый государь. Уже изъ предыдущаго можно видѣть, что умъ Александра не принадлежитъ къ той категоріи умовъ, которые называются государственными. Умъ Александра былъ тонкій, способный усвоивать весьма разнообразныя свѣдѣнія, но умъ поверхностный, неглубокій, не очень сильный и во всякомъ случаѣ не самобытный. Онъ получилъ очень хорошее образованіе: Екатерина дала ему, помимо разнаго рода свѣдѣній, практическій курсъ, какъ надо царствовать; рѣдко вѣдь кто обладалъ этимъ искусствомъ въ такомъ совершенствѣ, какъ она а Александръ имѣлъ возможность наблюдать ее очень близко, и что бы онъ про нее ни говорилъ впослѣдствіи, на дѣлѣ онъ перенялъ немало манеры управленія отъ своей бабки. Лагарпъ въ увлекательной формѣ ознакомилъ его съ обязанностями государя, разъяснилъ ему сущность отношеній гражданскихъ и государственныхъ, показалъ привлекательные образцы владыкъ друзей человѣчества, внушилъ, какія реформы онъ долженъ провести въ русскую жизнь. Все это Александръ усваивалъ легко, съ увлеченіемъ, но не глубоко, не проработывая своимъ умомъ; къ тому же и познанія сообщались ему въ такой формѣ, что едва ли у него были опредѣленныя понятія въ области наукъ государственныхъ и общественныхъ; незамѣтно, чтобы онъ интересовался этими областями знаній, и, кажется, онъ ничего самъ по этимъ вопросамъ не писалъ, какъ и вообще у него не было желанія пріобрѣсти литературную славу. Часто Александра въ первую половину царствованія считали реформаторомъ; но онъ довольно странный реформаторъ: два раза — въ 1801 — 1804 гг. и въ

1809 — 1812 гг. — пытался онъ перестроить свое государство, оба раза возвѣщалъ предстоящія реформы съ необычною въ русской жизни торжественностью и рѣшительностью, оба раза громко обѣщалъ водворить законность въ нашей жизни—и оба раза реформа не оканчивалась; императоръ отступалъ предъ первыми же сдѣланными ему возраженіями, и то, что получалось, было нисколько не лучше дореформеннаго. Затѣмъ, достигнувъ послѣ войны небывалаго авторитета, опытности, располагая временемъ мира, вернулся ли Александръ къ возвѣщеннымъ давно реформамъ? Онъ и не вспомнилъ о нихъ. Развѣ можно его въ этомъ отношеніи сравнивать не только съ Петромъ Великимъ, но и Екатериною и Александромъ II, даже съ Николаемъ I. У Александра всегда такая разница между задуманнымъ и осуществленнымъ, что многимъ казалось, не дѣлаетъ ли онъ все это лишь для успокоенія общества. Послѣднее предположеніе невѣрно. Умъ Александра консервативный, вовсе не желавшій реформы. Какъ человѣкъ образованный, молодой свидѣтель эпохи Екатерины, современникъ Наполеона, онъ считалъ своимъ долгомъ приступать къ реформамъ, но приступалъ безъ того внутренняго огня или хотя бы воодушевленія, которое отличаетъ настоящихъ реформаторовъ; онъ ставилъ себѣ большую, трудную задачу, не обдумавъ подробно, въ какой мѣрѣ, какимъ путемъ можно добиться желаемаго. Практика его сплошь и рядомъ шла противъ задуманныхъ имъ преобразованій; кромѣ того, въ вопросахъ внутренняго управленія онъ былъ нѣсколько лѣнивъ, мало вникалъ, а потомъ текущее управленіе совсѣмъ почти передалъ гр. Аракчееву; онъ не былъ такъ работоспособенъ, какъ Петръ, Екатерина, Николай I. Николай Павловичъ имѣлъ гораздо менѣе теоретическихъ познаній по государственному праву, но постоянною работою, вниканіемъ, онъ превосходно усвоилъ себѣ механизмъ высшихъ учрежденій и потомъ строго его контролировалъ; Александра эта область не привлекала.

Несамостоятельностью ума Александра объясняется и то, что при всей своей самоувѣренности и при высокомъ мнѣніи о своей власти онъ постоянно находился подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ. Лагарпъ, члены негласнаго комитета, Наполеонъ, мистики, Фотій, Меттернихъ — всѣ эти очень непохожія другъ на друга личности овладѣвали по очереди умомъ Александра; сильный умъ, твердый характеръ могли легко овладѣть Александромъ, конечно, до увлеченія чѣмъ-либо новымъ.

Въ вопросахъ военныхъ и дипломатическихъ онъ былъ и освѣдомленъ и самостоятеленъ. Уже послѣ Тильзита онъ самъ велъ внѣшнюю политику, почти не имѣя министровъ иностранныхъ дѣлъ. Дипломатическіе переговоры онъ очень любилъ; тѣмъ не менѣе, онъ нерѣдко и въ нихъ дѣлалъ промахи. Частью это зависѣло отъ его самоувѣренности: всѣ важнѣйшіе акты своего царствованія онъ рѣшалъ вовсе безъ совѣта, иногда вопреки мнѣнію окружающихъ. Его

многочисленныя ошибки происходили и отъ поверхностности его знанія, его представленій о предметѣ; какъ государь онъ не могъ изучить дѣла такъ, какъ бы это долженъ былъ сдѣлать министръ или довѣренный секретарь; не полнымъ знаніемъ его или даже недостаточно точнымъ воспроизведеніемъ его разговоровъ пользовались въ ущербъ интересамъ Россіи; наконецъ по свойству ума своего, онъ не всегда сразу уяснялъ себѣ принципіальную сторону дѣла. Такимъ же, какъ дипломатъ, онъ былъ и военнымъ. Онъ мечталъ о военной славѣ, мечталъ водить свои полки въ бой. Но талантовъ вождя онъ не обнаружилъ, хотя находился часто на поляхъ битвъ и нерѣдко распоряжался. Войны 1812 — 1815 гг. выиграны были не благодаря военному таланту Александра или личнымъ его трудамъ по устройству арміи. Онъ не только не Наполеонъ, онъ и не Петръ. Онъ любилъ судить о военномъ дѣлѣ и относительно своихъ генераловъ былъ судья очень строгій. Кромѣ того, въ военномъ дѣлѣ онъ придавалъ огромное значеніе внѣшности, выправкѣ, точнѣйшему исполненію очень замысловатыхъ пріемовъ ружейныхъ и маршировки. Такого рода экзерциціи онъ любилъ и самъ ими много занимался, будучи уже императоромъ. Это тоже наслѣдственная черта. Она много разъ вызывала недоумѣніе въ литературѣ, даже и военной: зачѣмъ было отвлекать армію, по справедливости считавшуюся едва ли не лучшею въ Европѣ, къ занятіямъ, которыя могли убить ея живой духъ; были же другія стороны въ военномъ дѣлѣ, гораздо болѣе важныя, очень слабо еще представленныя въ нашихъ войскахъ. Вопросъ этотъ надо ставить нѣсколько шире: Александръ, такъ же какъ и его отецъ, имѣлъ иныя понятія о дисциплинѣ и службѣ, чѣмъ большинство русскихъ; едва ли также они удовлетворены были тѣмъ положеніемъ, которое заняла наша армія за XVIII вѣкъ. Мы, русскіе, служимъ не совсѣмъ такъ, какъ за границей; а у Александра мѣрка была заграничная, въ частности прусская, хотя позже, присматриваясь къ Наполеону, онъ въ бесѣдѣ съ Коленкуромъ часто оправдывался, такъ сказать, бѣдностью своей въ слугахъ и качествами службы; ему служили не такъ, какъ Наполеону. Извѣстно съ весьма давняго времени, что русскіе самодержцы въ выборѣ своихъ слугъ гораздо ограниченнѣе, чѣмъ конституціонные государи; сознавалъ это еще Іоаннъ Грозный. Александръ къ тому же самъ былъ человѣкъ формы: всегда изящный, затянутый, онъ и отъ другихъ требовалъ того же; стоитъ посмотрѣть на его подпись съ замѣчательнымъ завиткомъ, чтобы опредѣлить, что форма, внѣшность для этого государя значатъ много; долго долженъ былъ онъ упражняться, чтобы всегда выдѣлывать этотъ завитокъ; на столѣ у него всегда были особымъ образомъ очищенныя перья, только ими онъ и писалъ. Затѣмъ, имѣя высокое представленіе о своей власти, Александръ всегда, а съ годами все больше, хотѣлъ имѣть слугъ, которые бы исполняли его волю безпрекословно и за

совѣсть, а не только за страхъ. Власть государя слишкомъ высока, чтобы онъ могъ, безъ боязни уронить ее, часто наказывать, даже сердиться; въ систему Александра входило быть милостивымъ и мягкимъ въ обращеніи, тѣмъ болѣе въ приговорахъ, которые требовали подписи. Взглядъ правильный, но онъ можетъ быть проведенъ въ жизнь безъ ущерба для дѣла лишь подъ условіемъ, что низшія инстанціи исполняютъ законъ во всей его строгости. На этомъ прежде всего основана дружба Александра къ Аракчееву; изъ близкихъ къ Александру лицъ это былъ единственный, который вполнѣ удовлетворялъ «прусскимъ» наклонностямъ государя. Человѣкъ честный, не только въ томъ смыслѣ, что онъ не бралъ взятокъ и не просилъ ничего для себя у государя, Аракчеевъ обращалъ на себя вниманіе государя и тѣмъ порядкомъ, въ которомъ онъ держалъ порученныя ему вѣдомства; Коленкуръ, вполнѣ компетентный въ военномъ дѣлѣ, хвалитъ и выдвигаетъ Аракчеева, какъ человѣка, способнаго хорошо и быстро выполнять всякое порученіе. Всегда исполнительный, замѣчательно работоспособный Аракчеевъ постепенно упрочивалъ свое положеніе; привязанность Александра къ нему росла съ годами.

Такія требованія Александра отъ служащихъ, военныхъ въ частности, были одною изъ крупныхъ причинъ недовольства имъ, на этой почвѣ создалось немало недоразумѣній, переданныхъ потомству. Русскій человѣкъ при исполненіи обязанностей любитъ вносить въ дѣло «свое», Александръ этого не допускалъ и сердился, когда замѣчалъ это; русскимъ казалось, что государь имъ предпочитаетъ иностранцевъ, особенно лицъ нѣмецкаго происхожденія. Въ этомъ отношеніи Александръ и его подданные весьма расходились, и съ годами разладъ этотъ становился все ощутительнѣе. Не могли сгладить этого разлада внѣшніе пріемы Александра. Своимъ обхожденіемъ онъ менѣе всего напоминалъ отца своего или дѣда; по пріемамъ онъ былъ «сущій прельститель»; когда хотѣлъ, онъ былъ очарователенъ, всегда вѣжливъ и любезенъ, держалъ себя просто, привѣтливо и въ то же время безъ всякаго панибратства; собесѣдникъ его всегда чувствовалъ, что съ нимъ говоритъ государь. Александръ умѣлъ уважать въ окружающихъ лѣта ихъ, положеніе; врагъ всякаго этикета, онъ любилъ бесѣдовать о дѣлахъ во время прогулокъ, запросто заходилъ къ своимъ министрамъ, приглашалъ ихъ къ себѣ любезными записочками. Какою трогательною заботливостью онъ окружилъ Н. П. Румянцева, когда тотъ пріѣхалъ въ Вильну: государь положительно игралъ роль любезнаго хозяина. Когда Кутузовъ сталъ было развивать свои доводы противъ предположеній государя, Александръ заставилъ старика замолчать тѣмъ, что обнялъ и поцѣловалъ его. Государь такъ обходился не только съ близкими, окружающими, но и совершенно незнакомыми: онъ любилъ во время прогулокъ бесѣдовать со встрѣчными, хотя бы они принадлежали къ низшимъ

классамъ; въ путешествіи, на прогулкѣ Александру Павловичу нерѣдко приходилось оказывать услуги встрѣчнымъ. Иногда любезность Александра переходила даже границы и производила впечатлѣніе, будто онъ заискивалъ, старался понравиться. Сильное впечатлѣніе производятъ бесѣды Александра съ Коленкуромъ: царь тогда интересуется всѣмъ, что касается Наполеона, до мелочей включительно, тоже внимательно разспрашиваетъ объ окружающихъ Наполеона; тогда онъ такъ неумѣренно восхищался дѣлами и дѣйствіями французскаго правительства, что невольно являлось подозрѣніе, не говорится ли все это только для того, чтобы было доведено до свѣдѣнія Наполеона? Черта эта была замѣчена современниками; русскіе въ Парижѣ въ 1814 г. непріятно поражены были тѣмъ крайне любезнымъ тономъ, которымъ Александръ обращался къ недавнимъ врагамъ Россіи, особенно, если сравнить его обхожденіе со своими войсками. Черта эта объясняется въ извѣстной степени положеніемъ Александра въ юности. Екатерина чрезмѣрно любила Александра съ перваго дня его жизни, она сама его воспитывала, учила, не могла достаточно наговориться о немъ, нахвалиться имъ—и она вскружила ему голову, заставила его повѣрить въ свое совершенство. Сердце Александра, однако, не лежало къ ней, его тянуло больше къ суровому, мрачному отцу; тѣмъ не менѣе, Александръ, чувствуя свою полную зависимость отъ Екатерины, не только скрывалъ истинныя свои чувства, но и постоянно старался увѣрить всѣхъ, кромѣ самихъ близкихъ друзей, въ глубокой своей привязанности къ императрицѣ. Одновременно онъ далъ согласіе Екатеринѣ принять престолъ послѣ ея смерти и присягу отцу въ томъ, что признаётъ его своимъ государемъ. Невесело прошла его юность; при кажущемся блескѣ своего положенія, онъ не имѣлъ своей воли ни въ чемъ; его молодая супруга опредѣлила это положеніе при Екатеринѣ: «мы жили въ золотой клѣткѣ». Еще труднѣе Александру стало при Павлѣ: были моменты, когда онъ опасался за свою участь, когда имѣлъ основаніе думать, что престолъ перейдетъ другому. Сколько времени наслѣдникъ престола чувствовалъ полную свою зависимость отъ случая, каприза, чужой воли...

Съ воззрѣніями, нѣсколько устарѣвшими, народу чуждыми, Александръ, обладая умомъ простымъ, не самостоятельнымъ, большою самоувѣренностью, вступилъ на престолъ въ одну изъ самыхъ бурныхъ эпохъ исторіи. Судьба дала ему прекраснѣйшую въ мірѣ корону, многочисленный преданный народъ, великолѣпное войско; но судьба же дала ему противниковъ и соперниковъ необыкновенно сильныхъ, богато одаренныхъ лучшими дарами природы.

Зимній дворецъ въ Петербургѣ.

ИМПЕРАТОРЪ
Николай I Павловичъ.

(1796—1825—1855).

I.

Дѣтство и юность императора Николая Павловича. — Его воцареніе.

«Сегодня, — писала 25 іюня 1796 года Екатерина Гримму, — въ три часа мамаша (великая княгиня Марія Ѳеодоровна) родила большущаго младенца, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него — басъ, которымъ онъ кричитъ оглушительно. Длиной онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки его почти равны моимъ. Въ жизнь мою не видала подобнаго рыцаря. Если онъ будетъ продолжать такъ, какъ началъ, его братья будутъ карлами по сравненію съ этимъ колоссомъ». По установившемуся уже обыкновенію новорожденный членъ императорской фамиліи, третій внукъ императрицы, началъ воспитываться подъ непосредственнымъ надзоромъ самой Екатерины; внукъ радовалъ ее своимъ необыкновенно быстрымъ физическимъ развитіемъ. «Рыцарь Николай,—писала она 5 іюля,— уже три дня ѣстъ кашу, такъ какъ хочетъ ѣсть поминутно; думаю, что никогда восьмидневный младенецъ не получалъ подобнаго угощенія; это неслыхано. У нянекъ просто руки опускаются; если такъ продолжится, то въ шесть недѣль придется отнять его отъ груди. Онъ всѣхъ обводитъ глазами и поворачиваетъ голову не хуже меня». Первоначально великій князь ввѣренъ былъ женскому надзору; его главной воспитательницей Екатерина назначила графиню Ливенъ, а няней — шотландку миссъ Лайонъ; нѣсколько позже видимъ около Николая еще г-жу Адлербергъ. Екатерина скончалась 6 ноября того же 1796 г., и Николай Павловичъ зналъ ее, конечно, только по разсказамъ. Зато образъ отца живыми чертами

врѣзался въ памяти сына. Каждое утро младшія дѣти императора спускались къ нему, когда онъ причесывался, и Николай Павловичъ навсегда запомнилъ, какъ отецъ его, въ бѣломъ шлафрокѣ, сидѣлъ въ простѣнкѣ между окнами, пока парикмахеръ завивалъ ему букли. Павелъ всегда былъ ласковъ, привѣтливъ и веселъ со своими младшими дѣтьми, и Николай Павловичъ не понималъ, почему чувство страха охватывало окружавшихъ его женщинъ при видѣ его добраго и ласковаго отца. Какъ только ребенокъ сталъ носить мужское платье, на него надѣвали уже своеобразный костюмъ, нѣсколько напоминавшій мундиръ того полка, шефомъ котораго онъ былъ. На рѣдкость хорошая память Николая Павловича сохранила эпизодъ изъ очень ранняго дѣтства, весьма характерный для всей обстановки его первыхъ лѣтъ: когда ему было три года, императоръ отворилъ однажды калитку въ саду и сказалъ: «Поздравляю тебя, Николаша, съ новымъ полкомъ: я тебя перевелъ изъ Конной гвардіи въ Измайловскій полкъ въ обмѣнъ съ братомъ». Павелъ часто измѣнялъ цвѣта военныхъ мундировъ и въ зависимости отъ этого Николай Павловичъ носилъ куртку и панталоны то оранжеваго, то вишневаго, то краснаго цвѣтовъ.

Игрушками дѣтей — Николай Павловичъ воспитывался вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ и сестрою Анной — почти сплошь были ружья, пистолеты, барабаны, пушки и другіе предметы военнаго вооруженія и снаряженія. Величайшимъ удовольствіемъ для ребенка было смотрѣть на маневры войскъ и на парады; поэтому и самымъ чувствительнымъ наказаніемъ считалось лишеніе его этихъ зрѣлищъ. Однако грома пушечныхъ выстрѣловъ мальчикъ долго не выносилъ и впадалъ въ большое безпокойство, заслышавъ ихъ. Запомнилъ ребенокъ переѣздъ въ сырой, непривѣтливый Михайловскій замокъ, гдѣ всѣмъ было неудобно и страшновато. Помнилъ онъ и страшное утро 12 марта, когда на глазахъ его передъ лежащею на диванѣ матерью судорожно рыдалъ старшій братъ, новый императоръ Александръ. Когда Николаю Павловичу минуло 14 лѣтъ, т.-е. какъ разъ тогда, когда всего удобнѣе было бы направить вниманіе великаго князя на другіе предметы, была сформирована лейбъ-гвардіи дворянская рота и службѣ въ этой ротѣ Николай Павловичъ отдался вполнѣ онъ носилъ въ ней чинъ штабсъ-капитана и именовался «Романовъ третій»; сохранилось до 50 его собственноручныхъ записокъ и приказовъ по этой ротѣ. Жизнь роты была чисто военная: рота несла караулы въ нѣкоторыхъ комнатахъ Зимняго дворца, участвовала въ церемоніяхъ. Императоръ Александръ отдавалъ приказы по ротѣ и давалъ ея офицерамъ отвѣтственныя порученія. Николай Павловичъ, отдаваясь всею душою жизни своей роты, привыкъ здѣсь къ военной дисциплинѣ, привыкъ придавать громадное значеніе внѣшности: онъ привыкъ цѣнить образцовую выправку во фронтѣ, сродился съ военной обстановкой, закалился въ ней, можетъ-быть, даже нѣ-

сколько загрубѣлъ въ этой обстановкѣ. Служба въ ротѣ имѣла большое вліяніе на весь складъ характера Николая Павловича; рота нѣсколько напоминала потѣшныхъ Петра Великаго, но именно только напоминала, ибо Петръ самъ создалъ организацію своихъ потѣшныхъ и, постоянно развивая ихъ упражненія, велъ ихъ къ настоящему военному дѣлу, а въ дворянской гвардейской ротѣ не было ни походовъ, ни маневровъ, ни примѣрныхъ сраженій, и служба, ограниченная караулами и участіемъ въ церемоніяхъ да обученіемъ строю, пріучала только къ дисциплинѣ и къ внѣшней выправкѣ. Конечно, совмѣстная жизнь съ товарищами, сознаніе отвѣтственности содѣйствовали развитію великаго князя; работа въ ротѣ сблизила его съ дѣйствительностью, съ окружающими; возможно, что она ознакомила его практически съ русскою обстановкою; Николай Павловичъ больше любилъ и лучше зналъ Россію, чѣмъ его старшій братъ. Вліяніе этой службы въ ротѣ долго еще сказывалось въ жизни Николая Павловича: онъ любилъ называть себя ротнымъ командиромъ, а людскія отношенія всегда готовъ былъ строить на началахъ воинской дисциплины. Въ теченіе всего царствованія своего онъ такъ понималъ обязанности служащихъ, отъ 14 класса до 1-го включительно, что каждый долженъ дѣлать и судить исключительно о томъ, что ему ввѣрялось по занимаемому имъ мѣсту. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ навсегда остался очень требовательнымъ къ внѣшнему виду служащихъ.

Едва ли справедливо сѣтовать, что великому князю давали съ юныхъ лѣтъ такое исключительно-военное направленіе. Трудно бороться съ природой, у Николая Павловича же склонность къ военному дѣлу, несомнѣнно, была весьма сильная; къ наукамъ гуманитарнымъ у него не было влеченія. Затѣмъ, воспитывался онъ въ исключительно-военное время, въ героическую эпоху,—эпоху наполеоновскихъ войнъ. Мальчикомъ онъ видѣлъ знаменитаго Суворова, слышалъ безчисленные разсказы объ этомъ героѣ-вождѣ; въ умѣ его запечатлѣлся образъ геніальнаго полководца. Походъ въ Италію противъ французовъ, войны 1805—1807 гг., войны турецкая, шведская,— все это всецѣло заполняло воображеніе великаго князя. Тогда почти всѣ дворяне считали своимъ долгомъ поступать въ военную службу; смѣло можно сказать, что армія притягивала къ себѣ лучшія силы страны, и человѣкъ, желавшій быть полезнымъ родинѣ, становился военнымъ. При такихъ условіяхъ трудно было ожидать, чтобы великихъ князей можно было отвлечь отъ военнаго дѣла. Да если и допустить, что таковы были дѣйствительно желанія Маріи Ѳеодоровны, то императоръ Александръ, напрягавшій тогда всѣ силы свои въ борьбѣ съ Наполеономъ, признавалъ превосходство своего соперника въ военномъ дѣлѣ и, приписывая это преимущество отчасти тому, что Бонапарте прошелъ всѣ ступени службы военной, жалѣлъ о пробѣлахъ своего воспитанія. Возможно, что въ царской семьѣ уже тогда провидѣли высокій

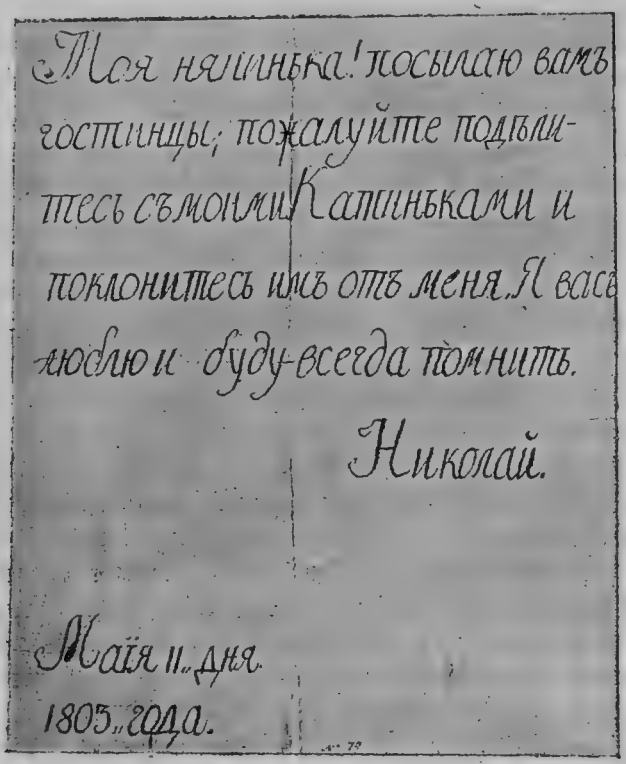
жребій великаго князя Николая и что поэтому Александръ настаивалъ на военномъ воспитаніи брата.

Изученіе другихъ наукъ не отвлекло великаго князя отъ пристрастія къ военному дѣлу: его учили древнимъ языкамъ, но Николай Павловичъ получилъ навсегда предубѣжденіе противъ греческаго языка; Шторхъ читалъ ему политическую экономію, Балугьянскій — энциклопедію права, Кукольникъ — естественное право. Но отвлеченные предметы не отвѣчали складу ума великаго князя. Онъ мыслилъ всегда конкретно, образами и всякая теорія отъ него ускользала. Изъ наукъ гуманныхъ больше всего Николай Павловичъ полюбилъ исторію; героическіе образы прошлаго прельщали его умъ и воображеніе; историческіе вкусы его вполнѣ соотвѣтствовали основѣ его міросозерцанія: героемъ его въ нашемъ прошломъ сталъ Петръ Великій; державную же свою бабку онъ недолюбливалъ. Успѣшнѣе шли его занятія въ области наукъ точныхъ: онъ очень интересовался физикой, прикладными знаніями, недурно рисовалъ, немного гравировалъ на мѣди; рисованію его учили Шебуевъ и Кипренскій; сюжеты его рисунковъ — военные типы, военныя сцены. Генералы Сухтеленъ и Опперманъ, полковникъ Маркевичъ и Джолити преподавали ему военныя науки — фортификацію, тактику, стратегію. Этими отраслями знанія Николай Павловичъ занимался съ большимъ рвеніемъ. Опперманъ не довольствовался одними только уроками, но велъ съ ученикомъ своимъ бесѣды, давалъ Николаю Павловичу разбирать трактаты и сочиненія; все это очень нравилось великому князю. Такъ въ лицѣ великаго князя вырабатывался исключительно военный человѣкъ; весь складъ его ума и характера, его познанія были военные; въ теоріи, какъ и въ жизни, военные интересы перевѣшивали остальные, хотя обстановка той эпохи, въ которую онъ началъ свою дѣятельность, могла бы способствовать увлеченію не только военными дѣлами, но и вопросами гражданскаго устройства и управленія.

Изъ лѣтъ своего отрочества и ученія Николай Павловичъ самыя лучшія воспоминанія сохранилъ о графинѣ Ливенъ и о своей нянѣ, миссъ Лайонъ; главный же его воспитатель, генералъ Ламздорфъ, не пользовался особою любовью своего августѣйшаго воспитанника; Николай Павловичъ, по свойственному ему чувству долга, оказывалъ ему всевозможное почтеніе, хотя Ламздорфъ, по общимъ отзывамъ, былъ весьма грубъ съ великимъ княземъ въ его дѣтскіе годы.

По характеру великій князь въ это время былъ очень самоувѣренъ, самолюбивъ, грубоватъ съ своими людьми, но очень застѣнчивъ въ обществѣ людей ему малоизвѣстныхъ. Уже въ это время опредѣлились основныя черты его духовнаго облика, сохранившіяся на всю жизнь: необыкновенно развитое чувство долга, уваженіе къ старшимъ, полное подчиненіе авторитету. Эти черты, развитыя воспитаніемъ, присущи были самой природѣ князя. Онѣ

роднятъ его съ его отцомъ и старшимъ братомъ; только сравнительно съ первымъ Николай Павловичъ былъ человѣкомъ уравновѣшеннымъ, а по сравненію со вторымъ болѣе цѣльнымъ человѣкомъ, чѣмъ тотъ, выросшій подъ вліяніемъ Екатерины и Лагарпа. Младшіе въ точности должны исполнять предписанія старшихъ, старшіе — предписанія закона или устава, — таковъ девизъ Николая Павловича; онъ никогда не позволялъ себѣ критиковать дѣйствія старшихъ, Александръ Павловичъ навсегда для него остался ангеломъ, благодѣтелемъ; мать для него — лучшая изъ матерей.


Моя няпинька! посылаю вамъ гостинцы; пожалуйте подьлитесь съ моими Катиньками и поклонитесь имъ отъ меня. Я васъ люблю и буду всегда помнить.

Николай.

Маія 11 дня 1805 года.

Письмо в. кн. Николая Павловича.
Хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Съ начала военныхъ дѣйствій 1812 г. великій князь рвался въ войска; но это не входило въ расчеты ни Александра, ни Маріи Ѳеодоровны, и только въ 1814 г. оба младшіе великіе князя были вызваны въ дѣйствующую армію; но ѣхали они такъ долго, такъ часто ихъ задерживали, что они прибыли въ Парижъ уже по окончаніи военныхъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе путешествіе это имѣло большое значеніе въ жизни Николая Павловича; онъ впервые познакомился съ Западной Европой, сблизился съ прусскими принцами Фридрихомъ-Вильгельмомъ и Вильгельмомъ, особенно съ послѣднимъ; въ это время заложены основанія его чрез-

вычайной приверженности къ Пруссіи и ея военному строю. Въ Парижѣ къ нему приставленъ былъ генералъ Паскевичъ, занявшій потомъ, въ его царствованіе, первое мѣсто среди его сотрудниковъ. Николай Павловичъ чрезвычайно привязался къ знающему, храброму и скромному генералу, начальнику дивизіи, одному изъ героевъ 12 года. Въ бесѣдахъ съ Паскевичемъ великій князь пополнялъ свои военныя познанія. Въ 1816 г. Николай Павловичъ путешествовалъ по Россіи, при чемъ опять-таки главное его вниманіе обращено было на войска, преимущественно на внѣшній видъ ихъ.

Эпоху въ его жизни составилъ 1817 г., годъ его брака съ прусской принцессой Шарлоттой, дочерью Фридриха-Вильгельма; бракъ этотъ въ царской семьѣ задуманъ былъ давно; впрочемъ, Николай Павловичъ и его невѣста горячо полюбили другъ друга, такъ что политика въ данномъ случаѣ совпала съ сердечными влеченіями. Бракъ этотъ былъ очень счастливъ; прусская принцесса, принявшая имя Александры Ѳеодоровны, создала своему супругу семейную обстановку, въ которой онъ нуждался. Нѣсколько мечтательная, сантиментальная и мистически настроенная Александра Ѳеодоровна дополняла и измѣняла къ лучшему слишкомъ прямолинейную и нѣсколько жесткую натуру Николая Павловича. Въ семьѣ своего тестя Николай Павловичъ принятъ былъ какъ родной сынъ; здѣсь тоже онъ нашелъ ту теплоту, то сердце, которыя отсутствовали въ окружавшей его обстановкѣ до брака. Шероховатость и грубоватость его пріемовъ нѣсколько смягчается подъ вліяніемъ супруги; высшія же его наклонности — къ искусству и литературѣ—получаютъ благодаря ей полное развитіе. Дѣйствительную службу Николай Павловичъ сталъ нести тоже лишь со времени своего брака, когда былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ по инженерной части и командиромъ бригады 1 пѣхотной гвардейской дивизіи. На первой должности показалъ съ большимъ блескомъ административный талантъ. Инженерная часть поставлена была въ Россіи тогда весьма слабо; во время союза съ Франціей императоръ Александръ поспѣшилъ воспользоваться французскою помощью, и немало французовъ-инженеровъ—съ генералами Де-Воланомъ и Бетанкуромъ во главѣ — поступили тогда на русскую службу, русскихъ же инженеровъ почти не было. Главною своею задачею Николай Павловичъ поставилъ созданіе русскаго инженернаго корпуса, чтобы устранить необходимость приглашать изъ-за границы военныхъ зодчихъ; второю задачею его было—обезопасить русскія границы крѣпостями. Николай Павловичъ съ любовью принялся за порученное ему дѣло. Въ первомъ своемъ приказѣ, обѣщая быть ходатаемъ предъ государемъ за всѣхъ исправныхъ служакъ, великій князь напоминалъ, что не проститъ ни малѣйшаго упущенія и будетъ взыскивать по всей строгости законовъ. Прежде всего онъ озаботился, чтобы инженерные чины всегда сознавали себя военными, а не

чиновниками, чтобъ всѣ отношенія между ними были построены на военной дисциплинѣ; онъ потребовалъ отъ нихъ строжайшаго исполненія строевыхъ уставовъ и даже на техническую службу ихъ смотрѣлъ какъ на строевую. Въ управленіи инженерными войсками Николай Павловичъ проявилъ общія черты своего характера: онъ былъ строгъ; тамъ, гдѣ другіе находили дѣло исполненнымъ порядочно, онъ не оставался доволенъ; узнавалъ ли онъ, что кирпичъ хуже, что камни недостаточно обтесаны, что постройка обошлась дороже,— онъ выражалъ свое неудовольствіе въ приказахъ, не щадя самолюбія высшихъ чиновъ, даже своего наставника и руководителя генерала Оппермана, ибо обычное его правило: старшіе виноваты, если младшіе худо сдѣлали свое дѣло. Но великій князь не щадилъ и себя: когда рухнули слуцкія ворота, онъ наложилъ денежныя взысканія на подрядчика, на всѣхъ лицъ, наблюдавшихъ за постройкой, и на самого себя, какъ на утвердившаго планъ постройки. Сказывались въ это время и прусскія симпатіи Николая Павловича: одинъ изъ фортовъ Бобруйской крѣпости назвалъ онъ фортомъ Фридриха-Вильгельма; иногда онъ пріѣзжалъ на осмотръ въ сопровожденіи прусскихъ генераловъ, которые очень злоупотребляли довѣріемъ великаго князя. Немало заботъ приложилъ Николай Павловичъ на созданіе военнаго техническаго училища, необходимость котораго ясно имъ сознавалась. 24 ноября 1819 года возникло Главное Инженерное училище, дѣлившееся на офицерскіе (позже Академія) и кондукторскіе классы (позже училище); въ офицерскихъ классахъ читались исключительно спеціальные предметы; въ кондукторскихъ—математика и военные предметы, иностранные языки, исторія и географія. Николай Павловичъ весь отдался устройству этого училища, часто его посѣщалъ, старался найти для него лучшихъ преподавателей, гордился первыми успѣхами питомцевъ училища. Цѣль была имъ достигнута, и армія получила военныхъ инженеровъ, въ которыхъ такъ нуждалась.

Рожденіе 17 апрѣля 1818 г. у Николая Павловича сына-первенца, Александра, измѣнило положеніе Николая въ царской семьѣ; ни императоръ Александръ, ни братъ его Константинъ не имѣли дѣтей; можно предполагать, что и до брака Николаю Павловичу дѣлались намеки на высокую будущность, его ожидавшую, но въ 1819 г. Александръ Павловичъ говорилъ объ этомъ съ Николаемъ уже опредѣленно, и въ переговоры былъ посвященъ и принцъ Вильгельмъ прусскій. Рожденіе маленькаго Александра больше всѣхъ обрадовало императрицу Марію Ѳеодоровну; съ этого времени Николай Павловичъ и его супруга стали ея любимѣйшими дѣтьми, и она почти не скрывала своего желанія видѣть преемникомъ Александра—Николая; цесаревичъ Константинъ давно уже просилъ развода съ великой княжной Анной Ѳеодоровной; до сей поры не соглашавшаяся императрица-мать теперь дала свое согласіе, и скоро цесаревичъ вступилъ въ новый бракъ съ графиней

Грузинской, получившей титулъ княгини Ловичъ; 14 января 1822 г. цесаревичъ обратился съ письмомъ на имя государя, въ которомъ категорически отказался отъ престола и просилъ передать престолъ тому, кому онъ принадлежитъ послѣ него, и тѣмъ самымъ «утвердить навсегда непоколебимымъ положеніе нашего государства». Александръ Павловичъ, по совѣщаніи съ матерью своей, далъ согласіе на эту просьбу. «Намъ обоимъ, — т.-е. ему и Маріи Ѳеодоровнѣ, писалъ онъ,— остается, уваживъ причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній». Однако, только черезъ годъ съ лишкомъ распоряженіе объ этомъ облечено было силою закона. Государь поручилъ архіепископу Филарету составить манифестъ. 16 августа 1823 года проектъ Филарета съ нѣкоторыми поправками былъ утвержденъ и подписанъ государемъ и отосланъ въ Москву съ собственноручною на конвертѣ надписью: «Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей смерти открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣйствія»; списки съ манифеста хранились въ Петербургѣ въ Государственномъ Совѣтѣ, Синодѣ и Сенатѣ. Объ этомъ знали обѣ императрицы—Елизавета Алексѣевна, впрочемъ, не совсѣмъ точно,— Николай Павловичъ, кн. А. Н. Голицынъ, гр. А. А. Аракчеевъ и, конечно, архіепископъ Филаретъ. О причинахъ, по которымъ столь важное государственное дѣло не было тогда же обнародовано, можно только догадываться: вѣроятно, Александръ Павловичъ не предполагалъ, что его такъ скоро постигнетъ смерть, Константинъ могъ умереть раньше него, и тогда дѣло устранвалось бы само собой. Важно установить, что самъ Николай Павловичъ былъ освѣдомленъ о томъ, что по смерти Александра престолъ наслѣдуетъ онъ, а не Константинъ.

30 августа 1825 года Николай Павловичъ въ послѣдній разъ видѣлся съ императоромъ Александромъ: великій князь вечеромъ этого дня отправился въ Бобруйскъ, а 1 сентября императоръ Александръ покинулъ Петербургъ навсегда. 20 сентября Николай Павловичъ вернулся изъ своей поѣздки. 17 ноября въ Петербургъ пришло первое извѣстіе о легкой простудѣ императора, 22-го ноября получены были извѣстія, возбудившія сильнѣйшее безпокойство въ царской семьѣ и въ обществѣ; 25 ноября узнали, что государь пріобщился св. Таинъ, что положеніе его не безнадежно, но очень опасно; 27 ноября, въ то время, какъ въ церкви Зимняго дворца совершалось молебствіе о здравіи государя, пришла роковая вѣсть о его кончинѣ, послѣдовавшей 19 ноября въ Таганрогѣ. Печальная вѣсть не застала Николая Павловича врасплохъ: онъ уже обдумалъ свое поведеніе и, хотя зналъ объ отреченіи Константина,

все же рѣшилъ, что первымъ дѣйствіемъ по полученіи рокового извѣстія должна быть присяга новому государю—императору Константину I. Сообразно съ этимъ онъ и поступилъ: какъ только прошли первые моменты оцѣпенѣнія и ужаса, охватившаго всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви, Николай Павловичъ самъ присягнулъ на вѣрность императору Константину, затѣмъ присягнули воинскія части, дежурившія во дворцѣ, а генералу Воинову, командиру гвардейскаго корпуса, приказано было привести къ присягѣ всѣ гвардейскіе полки. Только послѣ этихъ распоряженій и дѣйствій Николай Павловичъ отправился къ своей матери, тѣмъ временемъ нѣсколько оправившейся отъ перваго потрясенія, и разсказалъ ей обо всемъ, сдѣланномъ имъ. Совершенно ясно, что Николай Павловичъ поступилъ, строго обдумавъ свои дѣйствія. Онъ воспользовался первымъ моментомъ общаго замѣшательства, чтобы привести въ исполненіе свой планъ. Уже послѣ этого, когда дѣло было сдѣлано, произошло знаменательное засѣданіе Государственнаго Совѣта, на которомъ великій князь убѣдилъ членовъ Совѣта, чтобы они послѣдовали его примѣру, и присяга ихъ Константину.

Что заставило Николая Павловича поступить такъ рѣшительно, сразу сжечь корабли? Какимъ образомъ человѣкъ, столь проникнутый чувствомъ долга и воинской дисциплины, сталъ распоряжаться тамъ, гдѣ распоряженія должны были исходить отъ другихъ? Налицо были министры, военный генералъ-губернаторъ, Государственный Совѣтъ, Сенатъ и Синодъ. Конечно, положеніе великаго князя было очень трудное: ему приходилось вступить на престолъ помимо старшаго брата; трудность и щекотливость этого положенія усугубилъ императоръ Александръ тѣмъ, что не обнародовалъ манифеста 1823 года. Большинство сановниковъ того времени видѣли въ попыткѣ Николая Павловича великодушіе, рыцарство: Константинъ отказался въ пользу Николая, Николай—въ пользу Константина. Съ точки зрѣнія обыкновенныхъ смертныхъ, жребій государя представляется завидною долею, величайшимъ счастьемъ; но едва ли такъ смотрятъ тѣ, на которыхъ падаетъ этотъ высокій жребій; принять престолъ—для этого надо гораздо болѣе великодушія и мужества, чѣмъ для того, чтобы отказаться отъ него. Есть намеки, что въ эти трудные дни Николай слѣдовалъ совѣтамъ гр. Милорадовича, петербургскаго военнаго губернатора, который не скрылъ отъ великаго князя нерасположенія къ нему многихъ офицеровъ гвардіи, которые, по словамъ Милорадовича, «привыкли подавать голосъ» при вступленіи на престолъ государя. Это нерасположеніе, несомнѣнно, существовало: строгій, крутой и грубоватый въ пріемахъ Николай особенно проигрывалъ рядомъ съ любезнымъ и обходительнымъ Александромъ. Если это было такъ, образъ дѣйствій Николая получаетъ другую окраску; но врядъ ли Николай Павловичъ отказывался отъ престола по соображеніямъ, указаннымъ гр. Милорадовичемъ. Императоръ Александръ не обнародовалъ своей

воли; имѣла ли его воля силу закона послѣ его смерти—это было вопросомъ юридическимъ, который могъ вызвать, да и вызвалъ въ Совѣтѣ, разныя толкованія. Ставить свое вступленіе на престолъ въ зависимость отъ того или другого рѣшенія Совѣта Николай не могъ по своимъ взглядамъ.

Николай Павловичъ могъ догадываться, что объявленіе воли покойнаго императора можетъ внести смуту въ умы. Если въ засѣданіи 27 ноября въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣнія по вопросу: необнародованный законъ есть ли законъ? — раздѣлились, то тѣмъ болѣе могло раздѣлиться и общее мнѣніе и возникла бы масса болѣе или менѣе апокрифическихъ объясненій, почему императоръ Александръ не обнародовалъ своей воли; могло бы даже казаться, что Николай Павловичъ получилъ престолъ благодаря рѣшенію Государственнаго Совѣта. Для монархиста, какимъ всегда былъ Николай Павловичъ, получать престолъ въ силу акта, оспариваемаго хотя частью общества, было непріемлемо. Отсюда его желаніе уничтожить, сдѣлать несуществующимъ этотъ актъ и предоставить все снова на волю старшаго брата. Торжественный отказъ Константина отъ престола, особенно сдѣланный лично въ Петербургѣ, устраивалъ бы дѣло наилучшимъ образомъ, недовольные должны бы были замолчать, а Николай Павловичъ вступилъ бы на престолъ въ силу непререкаемаго коренного закона 1797 года. Но цесаревичъ, рѣшительно подтвердивъ свой отказъ отъ престола, не менѣе рѣшительно отказался пріѣхать въ Петербургъ; о торжественномъ, личномъ отказѣ не могло быть болѣе и рѣчи. Положеніе становилось угрожающимъ: переговоры между Петербургомъ и Варшавою, гдѣ проживалъ цесаревичъ, затянулись; общество и народъ недоумѣвали и были смущены извѣстіями изъ Варшавы, что тамъ присяга принесена была Николаю Павловичу. Теперь стало ясно, что и въ Петербургѣ не легко будетъ объяснить народу отказъ Константина отъ престола послѣ принесенія присяги ему; требованіе новой присяги послѣ только что данной не могло не смутить населеніе. Возможность вооруженнаго столкновенія, пролитія крови представилась въ Петербургѣ почти уже неизбѣжнымъ послѣдствіемъ создавшагося страннаго положенія вещей. Положеніе стало еще тягостнѣе, когда 12 декабря Николай Павловичъ изъ донесенія Дибича узналъ о существованіи въ арміи обширнаго заговора. Императоръ Александръ давно зналъ о немъ, но держалъ это втайнѣ отъ Николая Павловича; можетъ-быть, стороною великій князь что-нибудь и слыхалъ, но онъ не могъ и подозрѣвать, что дѣло зашло такъ далеко, что въ заговорѣ замѣшаны полковники и генералы. 12 же декабря Николай Павловичъ получилъ замѣчательное по искренности письмо Я. И. Ростовцева, тогда молодого офицера Егерскаго полка, въ которомъ тотъ въ самой категорической формѣ извѣщалъ Николая Павловича, что онъ многихъ раздражилъ противъ себя, что

при новой присягѣ вспыхнетъ возмущеніе. Ростовцевъ предвидѣлъ ужасныя послѣдствія этого возмущенія. «Совѣтъ, Сенатъ, можетъ-быть, гвардія будутъ за васъ, военныя поселенія и отдѣльный кавказскій корпусъ рѣшительно будутъ противъ васъ»... Ростовцевъ умолялъ великаго князя не принимать пока короны и въ заключеніе просилъ казнить его, если день воцаренія пройдетъ тихо. Письмо это усугубило тревогу Николая Павловича; онъ ясно видѣлъ угрожавшую ему опасность; онъ пытался посовѣтоваться съ лицами, которыя, казалось, должны были знать ближе обстоятельства таинственнаго заговора; но оба спрошенныхъ имъ лица, гр. Милорадовичъ и кн. Голицынъ, сами были не освѣдомлены.

Николай Павловичъ не испугался, но увидѣлъ, что медлить болѣе нельзя и, получивъ вторичный отказъ цесаревича, принялъ корону и назначилъ на 14 декабря принесеніе присяги. 13 декабря готовъ былъ написанный Сперанскимъ манифестъ, въ которомъ подробно, ясно и весьма обстоятельно изложено было все дѣло. Опасенія сбылись: 14 декабря пришлось силой усмирить вооруженное возстаніе. «Ваше желаніе сбылось, я — императоръ, но, Боже мой, какою цѣною, цѣною крови моихъ подданныхъ! — писалъ Николай Павловичъ цесаревичу Константину.—Милорадовичъ раненъ смертельно, Шеншинъ, Фредериксъ, Стюрлеръ—тяжело; рядомъ съ этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ сколько сценъ утѣшительныхъ для меня, для насъ!..»

Событія 14 декабря, особенно послѣ того какъ стали извѣстны нити обширнаго заговора, широко распространившагося въ арміи, и цѣли заговорщиковъ: вооруженное возстаніе, цареубійство, измѣненіе формы правленія, потрясли Николая Павловича до глубины души; отъ этихъ впечатлѣній онъ не могъ избавиться до конца дней. Въ царствованіе императора, котораго вся царская семья чтила какъ ангела, сложился заговоръ, имѣвшій цѣлью убить его и устранить всю его семью! Въ царствованіе императора, покрывшаго Россію славою безсмертною, среди его военныхъ сподвижниковъ, главнымъ образомъ его гвардіи, зрѣлъ заговоръ противъ него! Чтобы правильно оцѣнить впечатлѣніе, произведенное на Николая Павловича 14-ымъ декабря, надо войти въ психологію его и лицъ, его окружавшихъ. Смотрѣвшимъ на дѣятельность императора Александра со стороны, его сподвижникамъ, его подданнымъ, конечно, видны были и тѣневыя стороны царствованія; для нихъ образованіе заговора было понятнѣе, хотя и изъ нихъ большинство недоумѣвало, почему именно славному побѣдителю Наполеона готовился столь страшный жребій. Иное дѣло лица царской семьи, почти боготворившія Александра, болѣе другихъ видѣвшія и чувствовавшія, какъ высоко была вознесена Россія при немъ. Императоръ Николай получалъ не только русскій престолъ, но и связанное съ тѣмъ первенство въ Европѣ. Его охватывало чувство стыда при мысли о томъ, что̀ скажутъ въ Европѣ: государь,

спасшій Европу отъ революціи, просмотрѣлъ революцію у себя дома! Или онъ правилъ своей страной, какъ Фердинандъ испанскій, Людовикъ XVIII и другіе?—Императоръ Николай не только пораженъ былъ въ своихъ рыцарскихъ чувствахъ, не только оскорбленъ былъ за Россію и за войско, которому онъ былъ такъ преданъ: послѣ этого онъ навсегда остался въ убѣжденіи, что революція сторожитъ Россію, что Россія не дальше отстоитъ отъ революціи, чѣмъ остальныя государства Европы.

На дѣлѣ же, какъ ни печально было событіе 14 декабря, оно совсѣмъ не имѣло такого громаднаго значенія. Прежде всего совершенно вѣрны были слова Милорадовича, сказанныя имъ принцу Евгенію Вюртембергскому въ отвѣтъ на замѣчаніе того, что гвардія ни при чемъ, если престолъ переходитъ за отреченіемъ Константина къ Николаю: «Совершенно справедливо,— отвѣтилъ графъ, — имъ не слѣдуетъ имѣть голосъ, но это у нихъ обратилось уже въ привычку, почти въ инстинктъ». Милорадовичъ былъ совершенно правъ. Но только до 14 декабря 1825 г. гвардія, а съ нею и дворянство, выражая нерѣдко неудовольствіе лицомъ, занимавшимъ престолъ, всегда стояли за самодержавіе, т.-е. гарантію общаго блага видѣли просто въ замѣнѣ одного лица другимъ. Теперь же дѣло шло не о лицѣ, а о порядкѣ; заговоръ вспыхнулъ при вступленіи на престолъ Николая I, но это было случайностью, онъ долженъ былъ вспыхнуть раньше. Несомнѣнно, слѣдовательно, что въ настроеніи гвардіи, которая попрежнему оставалась представительницею дворянства, произошла крупная перемѣна, глубокій переворотъ, если въ средѣ, упорно отстаивавшей въ XVIII в. самодержавіе, явились лица, которыя склонялись къ конституціонной монархіи и даже къ республикѣ. Эта перемѣна произошла въ царствованіе Александра I, но первые ея признаки стали намѣчаться еще ранѣе. Измѣненія въ настроеніи гвардіи происходили подъ вліяніемъ двухъ главныхъ причинъ. Прежде всего политика Александра I была антидворянская; онъ не долюбливалъ дворянство, какъ классъ; дворянство также не любило Александра. Въ XVIII вѣкѣ росли права дворянства; къ концу царствованія Екатерины дворянство окрѣпло, сорганизовалось, почувствовало новыя силы и получило возможность сообща отстаивать свои права предъ государствомъ. При Павлѣ права этого сословія неожиданно стали умаляться, и, несмотря на перемѣну царствованія, умаленіе это продолжалось: всѣ созданія Александра, Сперанскій, Аракчеевъ, союзъ съ Наполеономъ, военныя поселенія, даже Священной Союзъ, имѣли между собою то общее, что вели къ уменьшенію значенія дворянства. Быстро вырастала бюрократія, гражданская и военная, оттѣснившая дворянство съ мѣстъ по государственной службѣ; въ то же время непрекращавшіеся разговоры объ уничтоженіи крѣпостного права, въ связи съ довольно быстрымъ ростомъ русской промышленности, указывали дворянству, что не-

долго оно останется главнымъ распорядителемъ народнаго труда. Уже эти условія создавали почву недовольства дворянства политикой государя. Весьма чувствительна была наша гвардія, какъ и вся армія, ко внѣшней политикѣ государя. Въ 1812 г. не безъ труда она добилась своего, вынудивъ правительство къ борьбѣ съ Наполеономъ. Но борьба эта оказалась гораздо болѣе трудной, чѣмъ ожидалъ господствующій классъ; война 12 года принесла разореніе многимъ дворянскимъ семьямъ и въ то же время результаты войны не соотвѣтствовали его вожделѣніямъ. Послѣдовалъ миръ. Но войско всегда любитъ и должно любить войну: офицеры того, Наполеоновскаго, времени вели совершенно исключительную жизнь, полную опасностей, тревогъ, бѣдствій и неудобствъ, зато полную славы, сознанія высоты своего служенія; офицеры были свидѣтелями и участниками паденія и созиданія царствъ, они были героями народа, они быстро подвигались по службѣ. Всему этому насталъ конецъ; за днями возбужденія послѣдовали тоскливые, сѣрые дни спокойствія и мира; походная жизнь смѣнилась гарнизонной, битвы и бои—однообразными ученіями, быстрая карьера — долговременной лямкой въ офицерскихъ чинахъ. Такое настроеніе увеличивало недовольство; возможно, конечно, что при обычныхъ условіяхъ оно улеглось бы или приняло бы формы безобидной и тихой, хотя и ворчливой оппозиціи, но перемѣна на престолѣ, да еще необычная, этому не способствовала.

Сравнительно долго съ 1813 г. войска пробыли за границей, гдѣ ихъ привѣтствовали какъ освободителей, и гдѣ они могли только гордиться ролью своего государя, великодушнаго защитника народовъ. Можетъ-быть, до походовъ 1813—14 гг. офицерство смотрѣло на революцію, какъ на величайшее бѣдствіе; но теперь офицеры своими глазами видѣли, что царь сохраняетъ и защищаетъ во Франціи многія установленія революціи. Въ Парижѣ много русскихъ офицеровъ поступило въ массонскія ложи; въ ложахъ они получали политическое воспитаніе, начинали интересоваться новыми знаніями и офицерство вернулось изъ-за границы другимъ. Прежде офицеры довольно равнодушно относились къ солдатамъ и, пожалуй, раздѣляли мнѣніе объ различномъ происхожденіи дворянъ и крестьянъ,—во время войны обѣ стороны сблизились, стали боевыми товарищами: сколько невзгодъ было перенесено вмѣстѣ, сколько обидъ перечувствовано, сколько разъ солдаты спасали жизнь, здоровье, не говоря уже объ имуществѣ, офицеровъ. Что ждало солдатъ впереди, что ждало ратниковъ ополченія, которые должны были вернуться подъ власть своихъ господъ и ихъ приказчиковъ?

Кромѣ того, императоръ Александръ много говорилъ, много обѣщалъ такого, чего не сдѣлалъ вовсе; слова, раздававшіяся съ высоты престола до 1812 г. о законѣ и законности, роль императора-освободителя Европы, упорная защита имъ либеральныхъ учрежденій —все

это не могло остаться безъ послѣдствій. Наконецъ была еще одна черта въ дѣятельности императора Александра, которая не могла не вызвать протеста: послѣ 1812 г. онъ велъ ненаціональную внѣшнюю политику; онъ обратилъ Россію въ «страшилище народовъ»; Финляндіи и Польшѣ, побѣжденнымъ русскимъ оружіемъ, онъ далъ конституціонное устройство и не далъ его своей Россіи. Побѣдители оказывались въ худшемъ, низшемъ положеніи сравнительно съ побѣжденными,—этого, конечно, не могли спокойно перенести люди, имѣвшіе чувство собственнаго достоинства.

Недовольныхъ среди дворянства было много; конечно, только немногіе понимали, что если ихъ сословіе хочетъ сохранить за собою положеніе, оно должно выступить не за свои только права, а за права всего русскаго народа; декабристы сознавали это и въ своихъ предположеніяхъ не забывали ни солдатъ, ни крѣпостного крестьянства, ни духовенства, ни промышленниковъ.

Пока они говорили объ этомъ и вообще о неустройствахъ въ Россіи, сочувствіе имъ было обезпечено. Но какимъ образомъ, однако, возможно было имъ перейти отъ словъ къ дѣлу? Наиболѣе разсудительные изъ нихъ не могли не сознавать, что ихъ пропаганда идетъ очень малоуспѣшно: въ самомъ дѣлѣ, послѣ десяти лѣтъ пропаганды суду предано было по самому строгому слѣдствію лишь 121 человѣкъ. Конечно, число сочувствующихъ заговору было значительно больше, чѣмъ число преданныхъ суду; главные заговорщики принимали мѣры къ уменьшенію числа лицъ, состоящихъ въ обществѣ. Они рѣшили дѣйствовать въ духѣ людей XVIII вѣка, если только не временъ болѣе отдаленныхъ. Дѣятели XVIII в., вѣря въ могущество разума, пытались облагодѣтельствовать родъ людской вопреки его желанію. Совершенно такъ же разсуждалъ и Пестель, главный руководитель и теоретикъ движенія; вооруженное возстаніе и цареубійство были выставлены, какъ надежнѣйшее средство для водворенія новаго порядка. Декабристы принадлежали къ категоріи людей, которые полагаютъ, что меньшинство, какъ бы оно незначительно ни было, имѣетъ право вести огромное большинство, не спрашиваясь этого большинства, разъ ставитъ себѣ благія цѣли и преслѣдуетъ общее благо.

Декабристы почти всѣ были военные, люди сравнительно молодые, большинство въ возрастѣ 20—35 лѣтъ, по общественному положенію дворяне и часто изъ лучшихъ фамилій; въ общемъ, это были люди съ положеніемъ, и передъ многими изъ нихъ развертывалась блестящая карьера. Декабристы жертвовали многимъ въ настоящемъ и будущемъ, жертвовали въ пользу низшей братіи; если нѣкоторые главари и разсчитывали захватить власть въ свои руки, то большинство дѣйствовало совершенно безкорыстно и самоотверженно. Тѣмъ удивительнѣе, что люди такого гуманнаго направленія не остановились передъ ужасными планами цареубійства и вооруженнаго возстанія. Въ своихъ мемуарахъ и запискахъ

декабристы объ этой сторонѣ дѣла или умалчиваютъ, или говорятъ вскользь, или, наконецъ, утверждаютъ, что убійство не входило въ ихъ планы, что это были лишь горячія слова, неосторожно срывавшіяся съ языка, о которыхъ на слѣдующій день забывали; по запискамъ декабристовъ, которыя всѣ писаны гораздо позднѣе, движеніе имѣло болѣе мирный характеръ. Надо думать, что имъ самимъ было неловко признаваться въ замыслѣ цареубійства; возможно, что со временемъ имъ самимъ казалось, что то были лишь мимолетныя сорвавшіяся слова. Но несомнѣнно, что преступную мысль о цареубійствѣ раздѣляли очень многіе члены тайныхъ обществъ; никто не развивалъ ее такъ послѣдовательно, какъ Пестель, у котораго она составляла необходимый пунктъ разработанной имъ программы революціи. То, что произошло 14 декабря, нельзя назвать иначе, какъ вооруженнымъ возстаніемъ; болѣе пылкіе члены общества и раньше нѣсколько разъ пытались поднять возстаніе: они его едва не начали въ Бобруйскѣ въ 1823 г.; затѣмъ въ 1825 г. въ лагерѣ подъ Лещинымъ. Въ междуцарствіе, наступившее по кончинѣ императора Александра, они начали дѣйствовать.

Въ раскрытіи заговора императоръ Николай проявилъ большую энергію; многимъ изъ обвиняемыхъ первые допросы дѣлалъ онъ лично. Память его избавлена была бы отъ многихъ нареканій, если бы онъ воздержался отъ непосредственнаго участія въ разслѣдованіи движенія. Онъ совершенно правильно имѣлъ возвышенное представленіе о царской власти; съ такимъ представленіемъ плохо вяжутся тѣ допросы, которые онъ производилъ обвиняемымъ, привозимымъ прямо въ Зимній дворецъ; то, за что осуждали Петра, не должно было повториться въ XIX в. Конечно, это лишній разъ доказываетъ, какъ глубоко потрясенъ былъ императоръ: жизнь его, его семьи, всего, что было ему дорого, висѣла на волоскѣ. Государь не могъ не поразиться удивительнымъ невѣдѣніемъ полиціи и всѣхъ лицъ, обязанныхъ охранять его особу. Ему не къ кому было обратиться, ибо никто, кромѣ Аракчеева и Дибича, не былъ посвященъ въ тайну существованія этихъ обществъ; но Дибичъ былъ далеко, а Аракчеевъ весьма недвусмысленно отказался дать какія-либо показанія по этому дѣлу. Николай Павловичъ первоначально настроенъ былъ очень сильно противъ заговорщиковъ; какъ и цесаревичъ, онъ сначала думалъ, что попались не главные дѣятели, а что главные скрываются; онъ довольно долго подозрѣвалъ Мордвинова, сенатора Муравьева-Апостола, Баранова; подозрѣніе падало и на Сперанскаго. Особенно взволнованъ былъ государь извѣстіемъ о мятежѣ, вспыхнувшемъ въ Черниговскомъ полку; онъ считалъ, что подъ командой генерала князя С. Волконскаго можетъ быть 6—7 тысячъ вооруженныхъ бунтовщиковъ; изъ первыхъ уже показаній онъ узналъ, что и въ Польшѣ есть тайное общество, съ которымъ сносились члены русскихъ обществъ. Впрочемъ, общій духъ и спо-

койствіе утѣшали государя: родители приводили къ нему своихъ дѣтей, чтобы онъ ихъ «примѣрно наказалъ и чтобы семьи ихъ очищены были отъ подобныхъ существъ». Постепенно изъ показаній декабристовъ предъ императоромъ развертывалась картина задуманнаго переворота; многія подробности поразили его въ самое сердце; «Якубовичъ сознался,—писалъ онъ цесаревичу,—что намѣревался убить нашего ангела, и Орловъ (Мих.) зналъ это!» Николаю Павловичу казалось, что онъ долженъ отомстить за поруганную честь Россіи: «не будетъ снисхожденія къ нимъ... Чего бы мнѣ это ни стоило, я доберусь до основанія».

Читая донесенія слѣдственной комиссіи, испытывая отвращеніе къ преступному замыслу, Николай Павловичъ усматривалъ уже руку Божію, которая дала созрѣть этому дѣлу, чтобы даже невѣрующихъ просвѣтить въ томъ, «что не можетъ продолжаться далѣе господствовавшій до сихъ поръ порядокъ и что если не уничтожить его съ корнемъ, то рано или поздно взойдутъ подобные же плоды. Если и послѣ этого найдутся неисправимые— во всякомъ случаѣ за нами остается право и возможность доказать необходимость мѣръ дѣйствительныхъ и суровыхъ противъ всякаго покушенія на порядокъ, установленный и освященный вѣками славы». Слова знаменательныя въ устахъ императора. Николай Павловичъ въ отличіе отъ очень многихъ русскихъ государей XVIII и XIX вв. никогда не позволялъ себѣ критически отзываться о дѣятельности своихъ предшественниковъ; государь понималъ, что такой критикой,—всегда легкой, часто привлекательной,—колеблется уваженіе къ основнымъ принципамъ монархіи. Къ дѣятельности своего предшественника и брата Николай Павловичъ относился съ особаго рода благоговѣніемъ, и, тѣмъ не менѣе, у него вырвались подъ сильнымъ впечатлѣніемъ обвинительнаго акта слова осужденія; къ конституціоннымъ разговорамъ Александра онъ, вѣроятно, и раньше относился неодобрительно, но считалъ своимъ долгомъ при жизни брата не выражать этого. Теперь въ интимномъ письмѣ онъ высказалъ основную идею своего управленія: идеи этой онъ никогда и не скрывалъ: «порядокъ, установленный вѣками славы, т.-е. самодержавіе, останется въ Россіи и строго наказанъ будетъ всякій за малѣйшее покушеніе на него».

Судъ только что еще начался, но главный приговоръ императоръ уже зналъ. «Не знаю, въ какой именно день это (судъ) кончится, затѣмъ наступитъ день ужасный, о которомъ не могу думать безъ трепета — день казни! Я предполагаю ее произвести на плацу крѣпости; тогда же будетъ совершена заупокойная служба во временномъ храмѣ св. Исаакія по всѣмъ погибшимъ 14 декабря и благодарственный молебенъ за спасеніе наше и избавленіе родины отъ всѣхъ золъ» (письмо 6 іюня). Верховный судъ вынесъ свое рѣшеніе чрезъ мѣсяцъ; онъ раздѣлилъ подсудимыхъ, всѣхъ ихъ было 121 человѣкъ, на одиннадцать разрядовъ; наиболѣе винов-

ные—пятеро—Пестель, Рылѣевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, М. Бестужевъ и Каховскій — поставлены были внѣ разряда и приговорены къ смерти черезъ четвертованіе; весь первый разрядъ — 31 лицо—къ смерти черезъ отсѣченіе головы, 2 и 3 разряды—на пожизненную каторгу, 4-й—на 15 лѣтъ каторги и т. д. Императоръ Николай пяти осужденнымъ внѣ разряда опредѣлилъ смертную казнь чрезъ повѣшеніе; всему первому разряду смертная казнь замѣнена ссылкою въ «вѣчную» каторжную работу, 6 лицамъ даже каторгой на 20 лѣтъ и т. д., т.-е. огромному большинству убавлено наказаніе; но нѣкоторымъ смягченія не было дано (напр., Н. и М. Бестужевымъ, Розену), и одному (Цебрикову) оно было даже увеличено. 14 іюля государь могъ считать дѣло о декабристахъ покончennымъ. Въ письмѣ къ брату отъ этого числа онъ, извѣщая его о совершившейся казни, успокаивалъ его, что онъ остается на стражѣ и зорко будетъ слѣдить, чтобы не повторялись подобныя попытки.

II.

Первое время царствованія.

Строго наказавъ участниковъ возстанія, императоръ не думалъ однимъ страхомъ суровой кары предотвратить навсегда подобныя покушенія; онъ хорошо изучилъ показанія декабристовъ и понималъ, что лучшимъ средствомъ для спокойствія въ будущемъ было бы устраненіе многаго того, на что жаловались декабристы. Онъ постарался прежде всего вывести общество и населеніе изъ того состоянія оцѣпенѣнія, въ которомъ оно пребывало послѣдніе годы Александровскаго времени. Россія увидѣла монарха молодого, полнаго силъ, увѣреннаго въ себѣ, твердаго, гордаго своей страной, славолюбиваго. Твердою рукою Николай Павловичъ взялся за кормило. Воззрѣнія государя были ясны и просты. Задачей своей онъ ставилъ сохраненіе самодержавнаго строя во всей неприкосновенности; онъ сталъ на стражѣ противъ всякихъ попытокъ поколебать этотъ строй. Въ сохраненіи его онъ видѣлъ залогъ счастья и славы Россіи. Сравнительно съ предшествовавшимъ царствованіемъ такая постановка основного вопроса русской жизни выигрывала въ ясности и положительности; она полагала конецъ неопредѣленнымъ обѣщаніямъ, опасеніямъ однихъ, надеждамъ другихъ. Императоръ Николай самъ такъ мыслилъ и хотѣлъ добиться того, чтобы и всѣ въ Россіи мыслили объ этомъ предметѣ одинаково съ нимъ; въ послѣднемъ отношеніи онъ бралъ на себя задачу непосильную. Но слава Россіи, ея могущество требовали развитія ея силъ; заставить замолчать своихъ политическихъ противниковъ, сломить недовольство и ропотъ общества, вселить духъ бодрости въ народѣ императоръ могъ только дѣятельнымъ улучшеніемъ условій

жизни. Такъ императоръ и понималъ свою задачу: ему и его правительству вся власть, но его правительство должно быть освѣдомлено обо всемъ, происходящемъ въ Россіи, оно должно само устранять неудобства, вводить улучшенія; только при такомъ условіи, — императоръ это понималъ, — можно было требовать, чтобы народъ и общество оставались спокойными, довѣряясь правительству, увѣренные, что оно не оставитъ безнаказаннымъ ни одного нарушенія закона, ни одной обиды слабому. Задача огромная; молодой, сильный, государь бралъ львиную часть ея на свои плечи. Онъ разсчитывалъ, что онъ справится съ задачей, многое усмотритъ лично, другое скажутъ ему довѣренныя лица. Отсюда личный характеръ эпохи.

Молодой императоръ оживилъ прежде всего общество; онъ и его супруга любили балы, маскарады, зрѣлища, пріемы; послѣ скучной, почти отшельнической жизни Александра Павловича и Елизаветы Алексѣевны, дворъ опять сталъ центромъ столичной жизни. Императоръ любилъ повеселиться послѣ работы. Онъ безусловно былъ такой работникъ на тронѣ, какихъ немного видѣла Россія. Онъ умѣлъ работать; въ строго опредѣленные дни и часы ему доставлялись бумаги, при чемъ государь былъ недоволенъ, если чрезъ мѣру усердный чиновникъ представлялъ ихъ раньше назначеннаго времени; государь внимательно прочитывалъ ихъ, отъ зоркаго его взгляда не ускользали ошибки и даже описки; нерадивыхъ старшихъ чиновъ, полагавшихся во всемъ на подчиненныхъ, нерѣдко постигала кара за плохо составленный журналъ. Гнѣвъ и сердце свое государь высказывалъ прямо, рѣзко, по-военному и часто съ объявленіемъ выговора въ присутствіи многихъ и занесеніемъ въ журналъ. На видномъ дѣльцѣ того времени, Гежелинскомъ, управлявшемъ дѣлами Комитета Министровъ, государь показалъ примѣръ, какая участь ждетъ лѣнивыхъ слугъ, обманувшихъ его довѣріе: Гежелинскій былъ разжалованъ въ солдаты; даже близкіе люди, министры, получали грозные выговоры отъ государя; выговоры его, какъ и многія резолюціи, жестки, лаконичны, подчасъ грубы. Николай Павловичъ, далѣе, замѣтилъ, что многіе и изъ высшихъ чиновъ уклоняются отъ исполненія служебныхъ обязанностей; члены Государственнаго Совѣта не ѣздили въ совѣтъ, министры манкировали засѣданіями Комитета Министровъ, крупные видные чиновники выпрашивали себѣ продолжительные отпуски; но государь считалъ, что «всякое правило должно быть равно съ 1-го до 14-го класса»; мало того: со старшихъ онъ требовалъ большаго; даже министръ, не пріѣзжавшій на засѣданіе, долженъ былъ указать дѣйствительную причину отсутствія, а не ссылаться на служебныя обязанности.

Этими мѣрами Николай Павловичъ улучшилъ внѣшній видъ тогдашняго управленія, къ тому же онъ самъ лично много ѣздилъ, заѣзжалъ въ разныя учрежденія, даже такія, какъ губернское правленіе, и вездѣ строго взыскивалъ за опаздыванія, за

грязь и неряшливость. Но государь не ограничивался внѣшностью; необыкновенно внимательно онъ читалъ всѣ дѣла, предлагаемыя къ его подписи. Журналы Комитета Министровъ за первые года испещрены его резолюціями очень подробными, поясняющими отношеніе государя къ данному случаю; по нимъ видно, что государь учился дѣлу правленія, вырабатывалъ основы воззрѣнія и въ то же время училъ другихъ — министровъ и членовъ Совѣта. Николай Павловичъ не допускалъ, чтобы въ Россіи были люди иначе мыслящіе, чѣмъ онъ; тѣмъ болѣе онъ не могъ допустить, чтобы ближайшіе его сотрудники и совѣтники мыслили не такъ, какъ онъ; совѣты ему нужны были не столько по существу дѣла, сколько для того, чтобы удобнѣе и легче проводить въ жизнь царскія рѣшенія. Съ первыхъ шаговъ онъ и домогался поставить своихъ сотрудниковъ на свою точку зрѣнія и достигъ своей цѣли: онъ образовалъ особыхъ людей Николаевскаго типа, отличныхъ и по внѣшности и по сужденіямъ своимъ. Съ благоговѣніемъ относясь къ памяти старшаго брата, Николай Павловичъ не произвелъ сразу крупныхъ измѣненій въ составѣ высшей администраціи; лишь съ 1827 г. онъ усиленно сталъ замѣнять прежнихъ дѣятелей новыми, да и то изъ видныхъ Александровскихъ же дѣятелей: на мѣсто Лопухина предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ назначенъ былъ В. П. Кочубей, военнымъ министромъ вмѣсто стараго Татищева—А. И. Чернышевъ, также пользовавшійся большимъ довѣріемъ покойнаго императора; во главѣ морского вѣдомства, впрочемъ, поставленъ былъ кн. А. С. Меншиковъ, котораго Александръ недолюбливалъ; иностранными дѣлами въ царствованіе Николая завѣдывалъ Нессельроде, Закревскій въ 1828 г. сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Ливенъ въ томъ же году смѣнилъ престарѣлаго Шишкова, Долгоруковъ — въ 1827 г. Лобанова-Ростовскаго. Такъ въ 1827 — 1828 гг. нѣсколько освѣжилась высшая администрація; изъ значительныхъ лицъ Александровскаго времени удалены были съ признаками немилости лишь гр. А. А. Аракчеевъ и А. П. Ермоловъ; послѣдняго замѣнилъ на Кавказѣ Паскевичъ. Николай Павловичъ дорожилъ людьми; ему очень хотѣлось бы привлечь въ службу все лучшее, все даровитое въ Россіи. Онъ понималъ то невыгодное впечатлѣніе, которое произведено было казнью, ссылкою столь многихъ лицъ. И Николай Павловичъ умѣлъ обращаться съ людьми, умѣлъ дѣлать уступки; однимъ изъ его пріемовъ было обращеніе къ лучшимъ рыцарскимъ чувствамъ души. Какъ человѣкъ умный, онъ сразу оцѣнилъ значеніе Пушкина и успѣлъ привлечь его на свою сторону. Пушкинъ не былъ участникомъ тайнаго общества, но былъ знакомъ съ очень многими декабристами; нѣкоторые декабристы въ своихъ показаніяхъ прямо указывали на стихи поэта, дышащіе свободою, какъ на одну изъ причинъ своего увлеченія. Государь, который и самъ любилъ русскую литературу, захотѣлъ и

поэта заставить работать вмѣстѣ и въ одномъ направленіи съ собою и въ значительной степени успѣлъ въ этомъ. Послѣ свиданія въ Москвѣ въ 1826 г. поэтъ не только сталъ благодаренъ императору за свободу свою, но и вообще сталъ весьма оптимистично смотрѣть на будущее Россіи: «въ надеждѣ славы и добра гляжу впередъ я безъ боязни», написалъ онъ; поэту принадлежитъ уподобленіе Николая Петру; предъ образованными кругами, смущенными гибелью Рылѣева и др., онъ рѣшительно взялъ правленіе государя и его самого подъ свою защиту и охарактеризовалъ первые годы новаго царствованія словами: «онъ бодро, честно правитъ нами; Россію вдругъ онъ оживилъ войной, надеждами, трудами...»; нѣсколько позже, когда А. П. Ермоловъ обратился къ государю съ просьбою о принятіи его опять на службу, онъ съ удовольствіемъ исполнилъ эту просьбу.

Въ первые годы своего управленія Николай Павловичъ обратилъ большое вниманіе на внѣшнюю политику, въ отношеніяхъ внутреннихъ онъ хотѣлъ сначала изучить положеніе страны, намѣтить и обсудить необходимыя реформы. Николай I начиналъ съ того же, какъ Александръ. Но какая разница въ постановкѣ дѣла! Тогда независимые друзья императора свободно строили вмѣстѣ съ своимъ царственнымъ другомъ широкіе планы на ряду почти съ публичнымъ обсужденіемъ важнѣйшихъ задачъ государственной жизни; теперь образованъ былъ небольшой замкнутый «комитетъ 6 декабря 1826 г.»: Кочубей — предсѣдатель, члены: гр. Толстой, Васильчиковъ, кн. Голицынъ, Дибичъ и Сперанскій; этотъ комитетъ долженъ былъ разобраться въ вопросахъ центральнаго и мѣстнаго управленія, указать, поскольку и какія измѣненія были бы желательны. Императоръ Николай, какъ и его предшественникъ, любилъ учреждать особые и притомъ секретные комитеты, подготовлявшіе реформы; опасаясь волновать общество, онъ приказывалъ нѣсколькимъ назначеннымъ лицамъ обсудить то или другое дѣло. Такъ поступлено было и въ данномъ случаѣ. Самъ государь въ комитетѣ этомъ не участвовалъ, онъ лишь читалъ его журналы, но мысли и желанія его—въ каждомъ постановленіи комитета. Душою комитета сталъ Сперанскій, бывшій вдохновитель неофиціальнаго комитета; предсѣдатель комитета, Кочубей, нѣкогда находилъ проекты Сперанскаго недостаточно либеральными, но никто не узнаетъ въ ихъ незначительныхъ предложеніяхъ прежнихъ Сперанскаго и Кочубея; Сперанскій, впрочемъ, сохранилъ вполнѣ всю ясность и даже блескъ юридическаго мышленія. Основными вопросами были опять вопросы о Комитетѣ Министровъ, учрежденіи, по мысли неофиціальнаго комитета, временномъ, случайно усилившемся послѣ паденія Сперанскаго, во время войны 1812 года и въ послѣдовавшее управленіе Аракчеева. Теперь не было ни войны, ни Аракчеева, а попрежнему Комитетъ Министровъ оставался въ центрѣ управленія. И попрежнему нельзя было раз-

граничить кругъ вѣдомствъ Комитета, Государственнаго Совѣта и Сената; попрежнему министры вносили въ Комитетъ массу дѣлъ, изъ которыхъ многія они могли бы разрѣшать собственною властью; легко также чрезъ Комитетъ проходили всевозможныя изъятія изъ законовъ. Принципіальный противникъ Комитета Министровъ Сперанскій и теперь настоялъ на необходимости упраздненія его, но, упраздняя его, члены комитета 6 декабря проектировали учрежденіе особаго присутствія или совѣщанія Министровъ, на что Николай Павловичъ совершенно вѣрно замѣтилъ: «предполагаемое совѣщаніе министровъ при малѣйшей неясности въ опредѣленіи круга его вѣдомства можетъ постепенно и нечувствительно присвоить себѣ особенное мѣсто въ управленіи подобно нынѣшнему Комитету Министровъ». Далѣе, давно уже было обращено вниманіе на множество судебныхъ инстанцій въ Россіи и, тѣмъ не менѣе, весьма печальное состояніе правосудія: лично государь всегда былъ обременяемъ множествомъ жалобъ, подаваемыхъ ему на судебныя рѣшенія Сената; государь, не имѣя возможности самъ разбираться въ сложныхъ дѣлахъ, прошедшихъ столько инстанцій, приказывалъ разбирать ихъ или въ Государственномъ Совѣтѣ или въ Комитетѣ Министровъ, такъ что эти учрежденія, вопреки «Образованію», становились частью судебными органами; въ прежнее царствованіе Сперанскій и другіе надежнѣйшимъ средствомъ для уничтоженія этого зла считали сдѣлать судебныя рѣшенія Сената окончательными; теперь объ этомъ не было и рѣчи, а проектируется созданіе особаго присутствія изъ чиновъ Государственнаго Совѣта для разбора судебныхъ дѣлъ; съ формальной стороны это предположеніе какъ будто бы и достигало нѣкоторой цѣли, но по существу все оставлено въ прежнемъ положеніи. И теперь, какъ при Александрѣ, правительство ощущало большой недостатокъ въ лицахъ, которыхъ оно могло бы назначать съ пользой для дѣла въ Сенатъ. Николай Павловичъ часто бывалъ недоволенъ рѣшеніями Сената, крайне недоволенъ онъ остался и при личномъ своемъ посѣщеніи Сената, когда, пріѣхавъ туда въ присутственные часы, нашелъ тамъ одного сенатора Дивова; при Александрѣ проектировали сдѣлать половину сенаторовъ выборными отъ дворянства, теперь — назначать не только тайныхъ совѣтниковъ, но и д. ст. совѣтниковъ. Для реформы мѣстнаго управленія принята мѣра Сперанскаго, проведенная имъ въ Сибири: общія присутствія изъ старшихъ представителей вѣдомствъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. Въ весьма важномъ законѣ «о состояніяхъ» комитетъ пошелъ, конечно, не по дорогѣ знаменитаго «плана» Сперанскаго, а, напротивъ, старался тверже разграничить состоянія и затруднить переходъ изъ одного сословія въ другое. Комитетъ не обошелъ крестьянскаго вопроса; онъ принялъ, по предложенію Сперанскаго, длинный и долгій путь постепенныхъ мѣръ, послѣ которыхъ можно было ограничить крестьянскія работы и повинности условіями, опредѣленными въ дого-

ворахъ съ помѣщиками. Приняты комитетомъ были и предложенія Сперанскаго о дворовыхъ людяхъ; основная мысль ихъ — рядомъ мѣръ, съ одной стороны, затруднить увеличеніе этого класса, а съ другой — ускорить его сокращеніе.

Положенія комитета 6 декабря сравнительно съ проектированными мѣрами предыдущаго царствованія очень блѣдны; къ тому же они не были непосредственно осуществлены, только законъ о состояніяхъ прошелъ Государственный Совѣтъ, но и онъ послѣ возраженій Константина Павловича оставленъ безъ движенія; эти положенія цѣнны тѣмъ, что указываютъ, какъ скоро императоръ Николай наложилъ свою печать на всѣхъ окружающихъ его, даже на старыхъ сотрудниковъ императора Александра; они служатъ показателемъ и той крайней осторожности, съ которою новый императоръ приступалъ къ реформѣ.

Рѣшительнѣе Николай Павловичъ приступилъ къ реформѣ образованія. Въ манифестѣ 13 іюля 1826 г. государь ясно высказалъ, что несчастное событіе 14 декабря онъ считаетъ прямымъ послѣдствіемъ ложнаго направленія учебной системы. По взгляду государя, которому онъ остался вѣренъ до конца своихъ дней, учебныя заведенія должны не только учить, но и воспитывать въ строго государственномъ направленіи, въ уваженіи основъ русской жизни — самодержавія, православія и народности. Много декабристовъ получило воспитаніе отъ гувернеровъ-иностранцевъ; государь поэтому желалъ взять все вообще воспитаніе русскаго юношества подъ правительственный надзоръ и отрицательно относился къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ. Но и въ манифестѣ 13 іюля государь требовалъ содѣйствія общества: «Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ». Кромѣ того, императоръ желалъ, чтобы получаемое юношами образованіе не дѣлалось средствомъ для перехода изъ низшихъ состояній въ высшія, а чтобы дѣти каждаго сословія получали приличествующее имъ образованіе. Политическая сторона въ вопросѣ народнаго просвѣщенія опять выдвигалась на первый планъ, и учебная система подчинялась видамъ правительства. Для переустройства учебно-воспитательнаго дѣла учрежденъ былъ также особый комитетъ 14 мая 1826 г. Къ сотрудничеству по этому дѣлу привлеченъ былъ—вѣроятно неожиданно для себя—и А. С. Пушкинъ, которому государь приказалъ написать записку о воспитаніи юношества въ Россіи; записка была представлена; но, конечно, не дѣло поэта писать такіе доклады. Къ 1828 г. реформированы низшая и средняя школы. Матеріально школы поставлены были гораздо лучше прежняго. Приходскія училища предназначены для людей «самыхъ нижнихъ состояній», уѣздныя училища — для дѣтей «купцовъ, ремесленниковъ и городскихъ обывателей», гимназіи — для дѣтей дворянъ и чиновниковъ; введены были семиклассныя гимназіи съ однимъ

латинскимъ языкомъ, и только нѣсколько гимназій при университетахъ съ обоими древними языками. Николай Павловичъ былъ очень раздосадованъ, узнавъ, что въ числѣ лицъ, занимавшихся обученіемъ и воспитаніемъ, оказалось много старовѣровъ, молокане, бывшая актриса, разстрига-дьяконъ; онъ понималъ, что это дѣлается и по невѣжеству родителей и по трудности найти учителей; ему хотѣлось добиться того, чтобы всѣ домашніе учителя, наставники, гувернеры, даже дядьки имѣли бы соотвѣтствующіе аттестаты и свидѣтельства. Правила были изданы, но едва ли они достигли цѣли.

Министерская система управленія пришлась какъ нельзя больше по характеру и складу императора Николая; въ теченіе своего царствованія онъ почти не измѣнялъ сущности этихъ органовъ управленія; онъ значительно увеличилъ число высшихъ центральныхъ органовъ управленія, при чемъ государь предпочиталъ новыя отрасли управленія брать подъ непосредственное свое наблюденіе. Вслѣдствіе этого чрезвычайно разрослась собственная Его Величества канцелярія. Въ самомъ началѣ своего царствованія, едва прошли декабрьскіе дни, государь обратилъ вниманіе на то, что въ Россіи не было Свода Законовъ. Къ главному дѣятелю по работамъ надъ Сводомъ Законовъ въ предшествовавшее царствованіе, М. М. Сперанскому, Николай Павловичъ относился сначала нѣсколько подозрительно; но уже въ январѣ 1826 г. Сперанскій представилъ государю нѣсколько дѣловыхъ записокъ; Николай Павловичъ рѣшилъ вести дѣло составленія свода подъ своимъ личнымъ присмотромъ, и для этой цѣли учреждено было II отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, во главѣ котораго государь поставилъ все-таки не Сперанскаго, а своего прежняго учителя М. А. Балугьянскаго; руководительство работами ввѣрено было Сперанскому, но Балугьянскому было сказано: «Смотри же, чтобъ онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810 г.: ты у меня будешь въ отвѣтѣ».

Послѣ декабрьскихъ дней государь былъ пораженъ тѣмъ, что о такомъ большомъ заговорѣ въ Петербургѣ почти ничего не знали; онъ находилъ, что и онъ самъ, и министры очень плохо освѣдомлены о томъ, что дѣлаютъ и говорятъ въ Россіи. Того, что во многихъ государствахъ достигалось посредствомъ печати, государь хотѣлъ достигнуть чрезъ учрежденіе высшей полиціи. Въ 1826 г. образованъ корпусъ жандармовъ и секретная полиція; вѣдомство это и получило наименованіе III отдѣленія. Имперія была раздѣлена на семь округовъ; въ каждой губерніи находился жандармскій штабъ-офицеръ, наблюдавшій за дѣйствіями администраціи, настроеніемъ населенія, разговорами и т. п. Первымъ начальникомъ III отдѣленія былъ А. Х. Бенкендорфъ.

Впрочемъ, не только этого рода дѣла преимущественно занимали государя: неопредѣленному, выжидательному настроенію общества онъ хотѣлъ дать выходъ, хотѣлъ пріободрить свой

народъ. Уже 6—7 лѣтъ маленькій христіанскій народъ бился, чтобы отстоять право на жизнь. Ждать далѣе, пока Турція или Европа усмирятъ, наконецъ, возстаніе, становилось невозможнымъ. Императоръ Николай такъ же, какъ его братъ, опасался революціи и особой любви къ Греціи и къ грекамъ не питалъ. Но онъ былъ моложе, энергичнѣе Александра. Къ тому же, пока руки Россіи были связаны европейскимъ концертомъ, Англія спѣшила на Востокѣ занять мѣсто, исконно принадлежавшее Россіи; и императоръ Николай озаботился прежде всего тѣмъ, чтобы лишить Англію возможности дѣйствовать одной и дѣйствовать такъ, какъ она хочетъ. Ради этого онъ 6 іюля 1827 г. заключилъ договоръ съ Англіей о началахъ, на которыхъ должно было совершиться умиротвореніе Греціи; Франція первая примкнула къ этому договору. «Такимъ образомъ,—писалъ императоръ Николай,—руки у нихъ связаны и слѣдствіемъ договора будутъ не республика и не республики, а прекращеніе враждебныхъ дѣйствій и со стороны турокъ и со стороны грековъ, а равно и возстановленіе торговли въ тѣхъ краяхъ, обстоятельство слишкомъ важное для нашего юга, которое я не могу довѣрить ни англичанамъ, ни моему другу Меттерниху». Цесаревичъ Константинъ Павловичъ увидѣлъ въ этомъ шагѣ крушеніе системы Александра и поспѣшилъ напомнить своему державному брату, что съ Запада идетъ революція, съ Запада она и придетъ, и что враги порядка умышленно отвлекаютъ вниманіе Россіи на Востокъ. Николай Павловичъ въ своемъ отвѣтѣ соглашался, что Западъ дѣлалъ, дѣлаетъ и будетъ дѣлать все возможное, чтобы насъ занимать на Востокѣ и парализовать наши силы, «но вѣдь это, — продолжалъ императоръ, — завѣтъ нашего ангела (Александра): покончимъ съ этимъ вѣчнымъ источникомъ раздора, но кончимъ скоро и хорошо, чтобы потомъ быть ко всему готовыми». Въ этихъ словахъ государя объясненіе его политики: молодой и энергичный онъ по-военному, натискомъ сдѣлаетъ то, чего хотѣлъ добиться Александръ, но на что онъ не рѣшался. Николай Павловичъ намѣревался неменѣе строго смотрѣть за Западомъ, хотѣлъ устранить прежде всего досадное препятствіе и водворить вездѣ миръ; онъ положилъ дѣйствовать твердо и расчитывалъ, что именно эта твердость и готовность къ войнѣ испугаютъ турокъ. Два, совершенно различные вопроса создавали наши споры съ Турціей: толкованіе трактата 1812 г., хитро, неясно редактированнаго М. И. Кутузовымъ, и дѣло греческое. Относительно перваго вопроса Николай Павловичъ быстро добился самъ, что Порта аккерманскою конвенціей 25 сентября 1826 г. признала выгодное для Россіи толкованіе. Относительно Греціи государь хотѣлъ дѣйствовать сообща съ другими. Слишкомъ самоувѣренно, конечно, онъ полагалъ, что договоромъ 6 іюля связалъ руки Англіи; проявленная имъ твердость не испугала турокъ, не испугали ихъ и успѣхи русскаго оружія въ Персіи.

Послѣдовалъ Наваринскій бой, который справедливо доставилъ такое большое удовольствіе Николаю. Но онъ преувеличивалъ значеніе этой славной битвы, ожидая, что три союзныхъ флота быстро возстановятъ порядокъ; любопытна его фраза, что флоты поступятъ такъ же и съ греками, если тѣ не бросятъ безчестное (infame) дѣло, которое дѣлаютъ. «Я настаиваю на этомъ,—пишетъ императоръ, — чтобы самымъ торжественнымъ образомъ доказать, что въ этомъ дѣлѣ мы не греки и не турки, что мы настоимъ всѣми средствами на окончаніи безславной (infame) борьбы съ той и другой стороны и что мы добиваемся только порядка и спокойствія». Помимо того, что такое отношеніе къ дѣлу Греціи едва ли можно назвать правильнымъ или соотвѣтствующимъ настроенію православнаго русскаго народа; не оправдали ожиданій императора и событія, послѣдовавшія за Наварином; три флота болѣе не соединялись; союзники больше вмѣстѣ не дѣйствовали, а весь гнѣвъ турокъ и султана обратился на Россію. Султанъ торжественно объявилъ, между прочимъ, что онъ принялъ въ Аккерманѣ предложенія Россіи только для того, чтобы выиграть время, что Россія возбудила грековъ на бунтъ и т. п. Тогда манифестомъ 14 апрѣля 1828 г. императоръ Николай объявилъ Турціи войну. Предъ войною онъ далъ великимъ европейскимъ державамъ обѣщаніе, пожалуй даже обязательство, не искать никакихъ завоеваній или исключительныхъ выгодъ какъ торговыхъ, такъ и политическихъ. Это была большая ошибка: вѣдь это было отказомъ отъ традицій русской политики на Востокѣ. Въ такое время, когда Россія ни въ комъ не нуждалась и стояла во главѣ Европы, она, неся огромныя издержки и проливая кровь своихъ сыновъ, заранѣе отказывалась отъ всякаго вознагражденія, кромѣ денежнаго; выходило, что Россіи какъ бы позволяли воевать на условіи, что она все устроитъ, усмиритъ, потушитъ своею кровью пожаръ—и отойдетъ въ сторону; союзныя державы получили основаніе и въ будущемъ домогаться того же. Это выступленіе Россіи — первое послѣ Отечественной войны — съ политической стороны не было продумано; въ самомъ началѣ царствованія императоръ вступилъ на путь, оказавшійся столь роковымъ для него: чрезъ тридцать лѣтъ восточныя дѣла привели систему Николая къ полному крушенію, а силу и значеніе Россіи—къ значительному умаленію. Но въ Россіи война эта была встрѣчена сочувственно; въ глазахъ населенія она имѣла характеръ религіозной борьбы противъ исконнаго врага; политическая обстановка ея осталась, конечно, неизвѣстной народу. Императоръ Николай былъ одушевленъ большими надеждами; онъ условился на всякій случай, что если— чего Боже упаси — Турція будетъ (въ Европѣ) уничтожена совсѣмъ, то ни Россія ни кто другой ничего не получатъ изъ турецкаго наслѣдства. Государь самъ отправился на театръ войны. На время своего отсутствія для разрѣшенія дѣлъ и вопросовъ, не

терпѣвшихъ отлагательствъ, учредилъ онъ особую верховную комиссію; въ нее вошли: Кочубей, А. Н. Голицынъ и П. А. Толстой, которымъ государь вполнѣ вѣрилъ; секретнымъ указомъ на случай кончины государя правителемъ государства назначенъ былъ в. к. Михаилъ Павловичъ. Главнокомандующимъ былъ назначенъ фельдмаршалъ Витгенштейнъ, который 1813 г. оказался вовсе не на высотѣ своего положенія и самъ просилъ объ увольненіи его отъ должности главнокомандующаго. Военныя дѣйствія пошли не особенно удачно. Армія на Дунаѣ быстро таяла отъ болѣзней. Турки держались оборонительныхъ дѣйствій, наша армія осаждала или блокировала Силистрію, Шумлу и Варну. Только въ концѣ сентября сдалась Варна; это былъ единственный крупный успѣхъ кампаніи. Императоръ, выказавшій не разъ большую личную храбрость и отвагу, настойчивость и рѣшительность, вернулся въ Петербургъ; здѣсь кн. Васильчиковъ убѣдилъ его, что одна изъ причинъ относительныхъ неуспѣховъ нашей арміи было двоеначаліе; Николай Павловичъ согласился съ этимъ и больше никогда уже не водилъ лично свои полки въ бой; попрежнему предаваясь военному дѣлу, онъ взялъ отнынѣ на себя подготовку и воспитаніе войскъ; впрочемъ, и впослѣдствіи онъ часто давалъ указанія и прямыя приказанія своимъ главнокомандующимъ. Главнокомандующимъ арміей въ Европейской Турціи назначенъ былъ Дибичъ. Дѣйствіями въ Азіи подъ начальствомъ Паскевича были очень успѣшны.—Среди этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ Николая Павловича постигло большое личное горе: черезъ нѣсколько дней послѣ его пріѣзда въ Петербургъ, на его рукахъ скончалась, 24 октября 1828 г., обожаемая имъ мать, императрица Марія Ѳеодоровна; послѣ ея кончины было образовано IV отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, которой поручено было завѣдывать многочисленными благотворительными учрежденіями, находившимися подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ скончавшейся императрицы.

Между тѣмъ Франція высадила десантъ въ Мореѣ, и союзныя государства (Австрія, Франція, Англія) усиленно стали хлопотать о заключеніи мира и успокоеніи Греціи. Такое посредничество не могло нравиться императору Николаю. Ему, конечно, хотѣлось, чтобы турки съ своими предложеніями обратились къ нему; для этого нужно было нанести сильный ударъ, но пока на европейскомъ театрѣ войны этого не удавалось сдѣлать. Весною 1829 г. Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву, чтобы вѣнчаться польскою короною; изъ Варшавы онъ съѣздилъ въ Берлинъ, гдѣ велъ переговоры о турецкихъ дѣлахъ; вернувшись для коронованія въ Варшаву, Николай Павловичъ обрадованъ былъ извѣстіемъ о полной и рѣшительной побѣдѣ, одержанной Дибичемъ при Кулевчѣ. Затѣмъ пала Силистрія, Дибичъ перешелъ Балканы и 8 августа овладѣлъ Адріанополемъ. Русская армія до-

шла сюда въ числѣ всего около 17.000 чел., но христіанское населеніе Турціи, оказывая русской арміи всевозможныя услуги, ждало только увѣренія съ нашей стороны, что оно не будетъ покинуто нами; наступалъ, слѣдовательно, моментъ, когда можно было исправить допущенныя ошибки и попытаться уничтожить владычество оттомановъ въ Европѣ. Императоръ чувствовалъ это; онъ созвалъ въ Петербургѣ особый комитетъ изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ, какъ Кочубей, А. Н. Голицынъ, П. А. Толстой, Нессельроде, Дашковъ и Чернышевъ, для обсужденія вопроса, какое положеніе должна занять Россія въ случаѣ паденія Оттоманской Порты. Комитетъ пришелъ къ единогласному заключенію — и оно было одобрено государемъ—что для Россіи гораздо выгоднѣе сохраненіе Турціи, чѣмъ неудобства, сопряженныя съ ея разрушеніемъ; поэтому паденіе Порты признано не соотвѣтствующимъ истиннымъ интересамъ Россіи. Послѣ этого былъ заключенъ Адріанопольскій миръ; Россія получила устье Дуная съ островами; въ Азіи— все побережье до пристани св. Николая, Ахалкалаки и Ахалцыхъ; права Молдавіи и Валахіи были расширены: эти дунайскія княжества стали почти независимы; Сербіи обезпечены права, выговоренныя ей въ 1812 г.; Босфоръ и Дарданеллы объявлялись открытыми для торговыхъ судовъ всѣхъ націй, военная контрибуція опредѣлена въ 10 милл. черв. Относительно Греціи Порта обязалась принять условія, выработанныя державами. Первоначально русскія предложенія не шли такъ далеко, чтобы требовать независимости Греціи; но когда начались военныя дѣйствія, то Австрія и Англія,—вѣроятно, въ расчетѣ создать въ Греціи соперницу Россіи на Балканахъ,—поспѣшили выступить съ проектами независимости Греціи. Императоръ Николай на это вполнѣ согласился и, чтобы скорѣе кончить дѣло, предложилъ Портѣ скинуть съ контрибуціи 1 милл. чер. за признаніе независимости Греціи; султанъ охотно принялъ это предложеніе.

Императоръ былъ очень доволенъ миромъ; на поведеніе своихъ «союзниковъ» онъ не обратилъ должнаго вниманія: его вниманіе снова обращено было на положеніе дѣлъ на Западѣ. Въ августѣ 1829 г. цесаревичъ Константинъ Павловичъ отправился за границу; оттуда онъ часто писалъ своему державному брату и предсказалъ государю революцію въ Бельгіи. Николай Павловичъ и раньше дѣлалъ неоднократно представленія въ Парижѣ, совѣтуя Карлу X не отнимать того, въ чемъ онъ присягалъ,—все было напрасно. Вспыхнула іюльская революція 1830 г., и королемъ оказался Луи-Филиппъ; затѣмъ послѣдовала революція бельгійская. Императоръ Николай сначала не хотѣлъ признавать новаго порядка вещей; онъ былъ убѣжденъ, что Австрія и Пруссія раздѣляютъ его взгляды. Велико было его негодованіе, когда онъ узналъ, что оба союзника поспѣшили признать совершившійся фактъ, даже не посовѣтовавшись съ нимъ. «Нашъ языкъ съ Австріей и Пруссіей

долженъ быть всегда тотъ же, надо выяснить имъ опасность того пути, которымъ они идутъ, выяснить имъ, что они удаляются отъ начала союза; что мы никогда не сдѣлаемъ подобной ошибки, потому что иначе мы будемъ свидѣтелями неминуемой гибели прекраснаго дѣла; выяснить имъ, что во время опасности мы готовы всегда летѣть на помощь тѣмъ нашимъ союзникамъ, которые вернутся къ прежнимъ нашимъ началамъ; но что въ противномъ случаѣ никогда Россія не пожертвуетъ имъ ни своими деньгами, ни драгоцѣнной кровью своихъ солдатъ». Вотъ какъ понималъ свою задачу государь въ 1830 г. Ни турецкая война, ни поведеніе союзниковъ въ 1830 г., ни совѣты и убѣжденія близкихъ лицъ не заставили его измѣнить основную точку зрѣнія. Борьба со всякимъ проявленіемъ народной воли, въ чемъ бы оно ни выразилось, гдѣ бы это не происходило,—вотъ его рѣшеніе; всякое правительство, исповѣдующее эти начала, въ правѣ расчитывать на вооруженное содѣйствіе русскаго императора. То, къ чему осторожно подходилъ Александръ I, то прямо и открыто императоръ Николай призналъ своею главною цѣлью, своею священной обязанностью.

Императоръ Николай призналъ Луи-Филиппа королемъ въ формѣ очень обидной и для самого Луи-Филиппа и для Франціи, не назвалъ перваго даже «добрымъ братомъ», какъ это принято между государями; и далѣе, въ продолженіе всего царствованія Луи-Филиппа, императоръ Николай наносилъ мелкіе удары самолюбію короля французовъ. Совсѣмъ уже было невыгодно изъ-за личныхъ отношеній къ королю терять расположеніе и союзъ сильнаго и богатаго народа.

Въ то же время особый врагъ напалъ на Россію. Еще въ концѣ Александровскаго царствованія въ приволжскихъ губерніяхъ появилась заразительная болѣзнь, «cholera morbus», какъ называли ее доктора. Въ 1829 г. холера производила уже сильныя опустошенія въ Оренбургскомъ краѣ; лѣтомъ 1830 г. она охватила все Закавказье, перешла въ Астрахань, откуда стала распространяться вверхъ по Волгѣ, и скоро Саратовъ представилъ ужасную картину города, почти оставленнаго жителями, наполненнаго мертвецами. Болѣзнь эта появилась тогда впервые; доктора не знали ни ея свойствъ, ни способовъ распространенія, ни, тѣмъ болѣе, средствъ борьбы съ нею. Николай Павловичъ, по первымъ же извѣстіямъ объ усиленіи болѣзни, назначилъ комиссію, во главѣ которой поставилъ министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго, и лично слѣдилъ за ея работами; стали устраивать карантины, но они только стѣсняли населеніе и вызывали ропотъ. Въ сентябрѣ болѣзнь появилась въ Москвѣ. Митр. Филаретъ успокаивалъ народъ, призывалъ его къ молитвѣ, власти спѣшили объяснить народу болѣзнь; немало усилій къ этому приложилъ М. П. Погодинъ: подъ его редакціей выходили особыя вѣдомости-бюллетени о состояніи города; Погодинъ подражалъ Растопчинскимъ афишамъ 1812 года. Николай Павловичъ поспѣшилъ пріѣхать въ Москву; его пріѣздъ оживилъ,

поднялъ падающій духъ въ городѣ. Восемь дней государь провелъ въ зараженномъ городѣ, обходя больницы, утѣшая больныхъ. Никто бы не осудилъ государя, если бы онъ уѣхалъ изъ зараженнаго города; пріѣздъ его въ Москву былъ подвигомъ — это уже черта Николая Павловича: не бояться опасности, самому показывать всѣмъ примѣръ. Пушкинъ, не пожелавшій тогда открыть своего имени, написалъ: «Онъ не бренной смертью окруженъ, нахмурясь ходитъ межъ одрами и хладно руку жметъ чумѣ и въ умирающемъ умѣ рождаетъ радость». Николай Павловичъ заслужилъ эти прекрасные стихи. Хомяковъ по тому же поводу писалъ: «каковъ царь! Право, рѣдкій примѣръ смѣлости и великодушія. Безъ лести можно его хвалить и въ стихахъ и прозѣ». Выдержавъ установленный карантинъ въ Твери, государь возвратился въ Петербургъ. Холера продолжала распространяться.

Совершенно неожиданно 25 ноября 1830 г. государь получилъ извѣстіе о возстаніи, вспыхнувшемъ въ Варшавѣ 17 ноября.—Такъ какъ правиломъ Николая Павловича было не нарушать безъ причины слова, даннаго государемъ, то онъ, по воцареніи своемъ, оставлялъ устройство Польши и ея отношеніе къ Россіи въ такомъ видѣ, въ какомъ опредѣлились они при Александрѣ I. Намѣстникомъ въ Польшѣ былъ Константинъ Павловичъ. Константинъ Павловичъ былъ характера вспыльчиваго, властнаго, не всегда могъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но къ Польшѣ и полякамъ онъ неизмѣнно относился съ любовью. Онъ вполнѣ усвоилъ намѣренія покойнаго императора: примирить два народа, сдѣлать изъ поляковъ вѣрныхъ сыновъ Россіи; Польшѣ сохранялось ея привилегированное положеніе; объ обрусѣніи Польши не было и рѣчи. Императоръ Николай не любилъ Польшу и поляковъ; до возстанія 1830 г. онъ умѣлъ подавлять въ себѣ эти чувства; отношеніе его Польшѣ было безусловно спокойное, хотя, конечно, холодное сравнительно съ отношеніемъ Александра I. Съ вступленіемъ на престолъ Николая Павловича выяснилось, что объ возвращеніи Царству Польскому Западной Руси не можетъ быть и рѣчи. Кіевскій военный губернаторъ сталъ домогаться, чтобы въ судебныхъ мѣстахъ всего края дѣлопроизводство шло на русскомъ языкѣ. Обращено было вниманіе на неудобныя статьи Литовскаго статута, дѣйствовавшаго въ то время въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши. Заговоръ декабристовъ раскрылъ существованіе тайныхъ обществъ въ Царствѣ; поляки, уличенные въ сношеніяхъ съ декабристами, преданы были особому суду въ Варшавѣ. Дѣло это очень интересовало Николая Павловича. Приговоръ послѣ 4-лѣтней волокиты былъ почти оправдательный, потому что, если два лица и были приговорены къ трехлѣтнему слишкомъ заключенію въ тюрьму, то, за зачетомъ времени, проведеннаго ими подъ стражей, они получили свободу, равно какъ и остальные оправданные. Государь, какъ это видно изъ переписки его съ цесаревичемъ, остался очень недоволенъ такимъ

рѣшеніемъ, но, въ концѣ-концовъ, странный приговоръ приписанъ былъ недостаткамъ уголовнаго кодекса Царства. Убѣжденный братомъ, что поляки его вѣрные подданные, онъ и самъ заботился о большемъ сближеніи русскихъ съ поляками. По его желанію цесаревичъ прислалъ къ нему поляка унтеръ-офицера, который былъ сдѣланъ дядькой при его старшемъ сынѣ, наслѣдникѣ, дабы юный Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ военными пріемами—польскія войска славились своей выправкой, что̀ составляло предметъ гордости Константина Павловича—незамѣтно выучился и польскому языку. Когда вспыхнула турецкая война, Николай Павловичъ хотѣлъ двинуть польскія войска на театръ военныхъ дѣйствій; это было бы, конечно, службою Россіи, и обѣ арміи на поляхъ битвъ заключили бы тѣсный братскій союзъ; и въ военномъ отношеніи выгода была бы несомнѣнна: польское войско оказалось бы на театрѣ военныхъ дѣйствій гораздо скорѣе гвардіи, шедшей изъ Петербурга. Но цесаревичъ употребилъ все свое вліяніе и пустилъ въ ходъ всѣ доводы, чтобы отклонить государя отъ задуманнаго дѣла; между прочимъ, тутъ онъ произнесъ знаменитую фразу: «война портитъ солдатъ»,—фразу, раскрывающую весь смыслъ той суровой муштры, которую проводили императоръ Павелъ и Аракчеевъ. Николай Павловичъ уступилъ: въ походѣ 1828 — 1829 гг. приняли участіе только нѣсколько волонтеровъ-офицеровъ польской арміи. Цесаревичъ постоянно писалъ государю о состояніи умовъ, и всегда весьма успокоительно. Только въ письмѣ отъ 13 октября онъ не скрылъ, что вотъ уже нѣсколько дней, какъ къ нему поступаютъ анонимныя письма о готовящемся возстаніи, что полиціи до сихъ поръ не удалось поймать авторовъ писемъ, и что «студенты шалятъ».

Между тѣмъ возстаніе давно подготовлялось въ Польшѣ; подъ вліяніемъ французскихъ и бельгійскихъ событій оно вспыхнуло 17 ноября 1830 года. Государь о вспыхнувшемъ мятежѣ узналъ 25 ноября и на слѣдующій день объявилъ о немъ на разводѣ офицерамъ гвардіи. Его настроеніе опредѣлилось сразу, и когда чрезъ нѣсколько времени цесаревичъ, позабывъ свои неудачи, выступилъ ходатаемъ за польское дѣло, то Николай Павловичъ поставилъ вопросъ прямо: «Могу ли я выбирать: если изъ двухъ, Россіи и Польши, одна должна погибнуть, кто изъ нихъ долженъ пасть?»

Съ вопросомъ о владѣніи Западною Русью связанъ былъ вопросъ о политическомъ бытіи Россіи, какъ первоклассной державы; допустить образованіе самостоятельной Польши, при такихъ условіяхъ ея возстановленія, конечно, императоръ Николай не могъ. Для Россіи наступило критическое время; попытка Александра миромъ кончить распрю двухъ народовъ оказалась неудачною и не по винѣ русскаго народа. Должно пожалѣть о неудачѣ плана Александра, еще больше о томъ кровопролитіи, которое послѣдовало, о чувствѣ взаимной ненависти, которое поднялось у обоихъ народовъ, но нельзя не признавать неоспоримой истины, что Западная Русь есть

исконная русская земля, и что отчужденіе ея отъ Россіи не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ началомъ распаденія Русской имперіи. Гораздо менѣе понятно, на что разсчитывали поляки, вызывая Россію на неравный бой, и если у нихъ былъ расчетъ на иноземное вмѣшательство, то тѣмъ основательнѣе политика Николая Павловича.

Мятежъ очень озаботилъ государя. Сначала онъ тревожился за судьбу своего брата; конечно, ни слова упрека не вышло изъ устъ императора Николая. Императоръ не прочь былъ отъ примирительнаго образа дѣйствій; онъ даже принялъ двухъ поляковъ посланцевъ, Любецкаго и Езерскаго, хотя какъ частныхъ лицъ. Но миссія эта ни къ чему не привела; довольно сказать, что Езерскій предлагалъ отправить его, Езерскаго, въ Варшаву съ такими словами: «Поляки! Я недоволенъ вами, вы измѣнили чести, но я даю вамъ возможность поправить это: немедленно же идите въ Галицію и Познань, я вамъ ихъ дарю». Императоръ былъ очень огорченъ, что усмиреніе возстанія затянулось; Дибичъ дѣйствовалъ очень вяло, возстаніе разрасталось и перекинулось въ Литву и на Волынь; сеймъ избралъ новаго короля въ лицѣ Адама Чарторыжскаго, котораго Николай Павловичъ и называлъ «мой преемникъ Адамъ I». Въ самомъ концѣ мая отъ холеры скончался Дибичъ, а 15 іюня 1831 г. и Константинъ Павловичъ въ Витебскѣ. 22 іюня вспыхнулъ холерный бунтъ въ Петербургѣ; 23-го Николай Павловичъ прибылъ въ Петербургъ, проѣхалъ на Сѣнную и усмирилъ взволнованный народъ твердыми, сильными словами. Едва сталъ успокаиваться Петербургъ, какъ получены были извѣстія о страшномъ бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ; холера, конечно, была предлогомъ: военные поселенцы обвиняли въ невѣдомой болѣзни офицеровъ и врачей и избивали ихъ; войска дѣйствовали противъ мятежниковъ очень вяло; во время этого ужаснаго бунта, сравнительно недалеко отъ столицы, обнаружилась вся опасность военныхъ поселеній: эту большую силу искусные люди могли направить по-своему; къ бунтующимъ поселянамъ стали присоединяться помѣщичьи крестьяне. Но взбунтовавшіеся поселяне скоро одумались и послали ходоковъ просить прощенія у государя; государь принялъ ихъ, говорилъ имъ строго; въ военныя поселенія посланъ былъ гр. А. Ѳ. Орловъ, а затѣмъ поѣхалъ и самъ Николай Павловичъ. Виновные преданы были военному суду; постепенно военныя поселенія были очень сокращены; къ 27 августа была взята Варшава Паскевичемъ, назначеннымъ на мѣсто Дибича.

III.

Внутренняя политика Николая Павловича въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Замиреньемъ Польши окончилась бурная эпоха 1830—1831 гг. жизни Николая I. Характеръ государя, его взгляды сложились давно; но, преданный памяти своего старшаго брата, онъ считалъ

долгомъ поддерживать по мѣрѣ силъ и возможности его установленія. Священный союзъ, Польша со своимъ привилегированнымъ положеніемъ и военныя поселенія—вотъ тѣ главныя новости, которыя императоръ Николай получилъ въ наслѣдство отъ Александра. Послѣднія двѣ почти погибли въ эту бурную смутную эпоху; это развязывало руки императору; особенно Польша служила значительнымъ препятствіемъ въ его системѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Присущее ему чувство справедливости заставляло его сдерживать нѣсколько проявленія своей воли въ управленіи Россіей, разъ онъ долженъ былъ это дѣлать по отношенію къ Польшѣ. Въ послѣдней онъ былъ государь конституціонный, — отсюда рядъ новыхъ понятій, которыя не могли не оставить слѣдовъ въ дѣятельности императора Николая. Теперь этого не было; событія 1830—1831 гг., счастливо закончившіяся, окончательно образовали духовный обликъ императора Николая; онъ вышелъ изъ нихъ правителемъ законченнымъ, зрѣлымъ и даже опытнымъ. Опытъ былъ односторонній: волненія Польши, волненія военныхъ поселеній, бунтъ холерный, чумный въ Севастополѣ; за границей — нѣсколько революцій. Куда ни бросалъ онъ свой взоръ, всюду видѣлъ необходимость твердой, сильной власти. Если и раньше онъ мало былъ склоненъ къ проявленію общественной самодѣятельности, если и раньше немного онъ ждалъ отъ содѣйствія населенія, то отнынѣ онъ не ждалъ отъ общества ничего. «На Бога надѣйся, самъ не плошай», говорилъ онъ не разъ и все управленіе взялъ на себя, по частямъ передовѣряя его сравнительно немногимъ лицамъ, пользовавшимся его довѣріемъ.

Послѣ бурной эпохи 1830—1831 гг. 17—18 лѣтъ до Венгерской кампаніи Россія наслаждалась миромъ, и императоръ Николай могъ свободно и спокойно посвятить себя работѣ по внутреннему управленію. Самодержавіе полное, ничѣмъ не ограниченное кромѣ совѣсти монарха и завѣтовъ христіанства—вотъ основное начало системы императора Николая. Конечно, его власть и до этого времени была настолько неограничена, что, казалось, дальше некуда было и итти. Императоръ Николай хотѣлъ уничтожить даже всякую тѣнь умаленія его власти, которая могла падать на него со стороны окружающихъ его государственныхъ установленій. Гр. Клейнмихель испросилъ высочайшее разрѣшеніе по вѣдомству министра внутреннихъ дѣлъ, не сказавъ ни слова послѣднему; послѣдній долго возражалъ, и, наконецъ, дѣло дошло до Государственнаго Совѣта; но когда государь узналъ объ этомъ, онъ сказалъ: «И меня тамъ будутъ судить; надѣюсь, что мнѣ не запретятъ приказывать». Послѣ этого въ Государственномъ Совѣтѣ никто не рѣшился отмѣтить нарушеніе порядка гр. Клейнмихелемъ; сдѣлалъ это наслѣдникъ престола,—сдѣлалъ, вѣроятно, по указанію государя, и, тѣмъ не менѣе, въ журналѣ замѣчаніе наслѣдника изложено было, какъ высочайшая резолюція. Когда Комитетъ Министровъ на томъ осно-

ваніи, что по закону дѣти-дворяне не лишаются своего достоинства за преступленія отцовъ, рѣшился было въ 1831 г. нѣсколько заступиться за права дворянства по поводу проекта отдачи въ кантонисты дѣтей виновной польской шляхты, государь очень разсердился, увидѣвъ въ этомъ отступленіе отъ вопроса. Комитетъ долженъ былъ, по мнѣнію государя, указать ему удобнѣйшіе способы къ исполненію его воли, а вовсе не основанія для отмѣны ея.

Совершенно такъ же государь относился къ Синоду. Николай Павловичъ былъ искренно вѣрующій и набожный человѣкъ. Но вѣра его была спокойная и разсудительная; православную церковь онъ признавалъ неотдѣлимою отъ русской народности, чтилъ и берегъ ее отъ всякихъ покушеній извнѣ и изъ ея среды: онъ строго относился къ старовѣрамъ, къ сектантамъ; но онъ не хотѣлъ знать ни свободы въ церкви, ни свободной церкви: его отношеніе къ вѣрѣ отличалось великорусской преданностью, но безъ тѣни увлеченія: государство оберегаетъ церковь, а церковь за это поддерживаетъ существующій государственный порядокъ; ни малѣйшаго вмѣшательства въ дѣла государственныя со стороны представителей церкви государь не терпѣлъ; какъ человѣкъ строгаго порядка не допускалъ онъ и излишняго усердія въ дѣлѣ вѣры. Къ Синоду государь относился какъ ко всякому другому подвѣдомственному учрежденію, и въ немъ онъ рѣшительно не любилъ отдѣльныхъ мнѣній, разногласій. «Въ догматахъ вѣры,—писалъ онъ,—разногласія быть не можетъ и не должно; посему впредь строго запрещаю вамъ входить съ подобнымъ докладомъ, который совершенно выходитъ изъ всякаго приличія». Но и единогласныя мнѣнія Синода, особенно по бракоразводнымъ дѣламъ, иногда отвергались государемъ; бывали случаи, что онъ приказывалъ признать законными браки, которые канонически не допускались. Главный сотрудникъ императора Николая по духовнымъ дѣламъ, гр. Н. А. Протасовъ (1836 — 1855 г.), пользовался исключительнымъ довѣріемъ государя и въ Синодѣ распоряжался самовластно; знаменитѣйшій іерархъ русской церкви Филаретъ московскій пробовалъ было отстаивать нѣкоторую самостоятельность членовъ синода; но Протасовъ искусно подвелъ его подъ неудовольствіе государя, когда у студентовъ академіи оказались листы съ неправильнымъ переводомъ священнаго писанія; Филаретъ счелъ нужнымъ въ 1842 г. просить объ отпускѣ въ епархію свою, и Николай Павловичъ написалъ: «можетъ ѣхать»—и болѣе Филаретъ уже не былъ вызываемъ въ Синодъ; съ другими архіереями Протасовъ обращался еще круче.

По усмиреніи возстанія императоръ Николай принялъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя должны был на будущее время сдѣлать невозможной междоусобную войну въ Россіи. Политику государя въ Польшѣ проводилъ снабженный особыми полномочіями намѣстникъ, Паскевичъ, гр. Эриванскій, кн. Варшавскій. «Я твердо устою,—писалъ Николай Павловичъ,—въ рѣшимости ни на волосъ не отступать

отъ принятыхъ правилъ и чѣмъ они (поляки) будутъ хуже, тѣмъ я строже буду и тѣмъ хуже для нихъ». Польша сохранила свое особое устройство съ нѣкоторыми ограниченіями, отдѣльное управленіе, свои законы и языкъ. Правительство и здѣсь обратило особое вниманіе на воспитаніе юношества, расчитывая образовать новое поколѣніе въ духѣ болѣе благопріятномъ для Россіи. Далѣе вниманіе правительства привлекло положеніе крестьянства; были введены обязательные договоры, которыми регулировались отношенія крестьянъ и землевладѣльцевъ. Въ царствѣ Польскомъ правительство надѣялось со временемъ имѣть классы населенія, на которые оно впослѣдствіи могло бы опереться; въ общемъ и императоръ Николай, и кн. Паскевичъ держали этотъ край въ повиновеніи вооруженною силой; большая армія, опиравшаяся на нѣсколько первоклассныхъ крѣпостей, стояла въ царствѣ.

Другое дѣло — Западная Русь. Политика императора Николая въ этомъ краю значительно отличается отъ его общей политики. До польскаго возстанія 1830—1831 г. правительство не совсѣмъ ясно понимало, что это край русскій; почти 35 лѣтъ— отъ вступленія Павла I на престолъ — правительство наше не принимало никакихъ мѣръ для болѣе тѣснаго соединенія края съ коренной Россіей. Вступивъ въ борьбу съ поляками, Николай Павловичъ не могъ не замѣтить, что господствующее численно населеніе западнаго края—русское, исповѣдующее частью православную вѣру, частью уніатскую; это русское населеніе были крѣпостные крестьяне, находившіеся во владѣніи помѣщиковъ-поляковъ; затѣмъ мѣщане и духовенство, оборонявшееся отъ католичества. Въ политикѣ своей императоръ Николай не опирался на низшіе элементы общества; онъ опирался на бюрократію, на войска, на дворянство, но въ Западномъ краѣ онъ измѣнилъ свою систему. Положеніе западно-русскаго, особенно бѣлорусскаго, крестьянства и православіе было печальное въ высшей степени. Голодъ 1822 г. раскрылъ предъ правительствомъ ужасную картину нищеты Бѣлоруссіи. Жалкому состоянію здѣсь русскаго народа соотвѣтствовало и жалкое состояніе православной западной русской церкви: бѣдное до нищенства, сгорбленное нуждою, загрубѣвшее духовенство; полусгнившія, деревянныя, пустыя православныя церкви, только по крестамъ отличавшіяся отъ синагогъ, — такова картина положенія господствующей церкви въ Западной Руси. Послѣ усмиренія возстанія учрежденъ былъ Западный комитетъ. Обращено было вниманіе на внѣшность храмовъ; ежегодно стали отпускать 150.000 р. асс. на три юго-западныхъ губерніи для постройки каменныхъ церквей; правительство приглашало богатыхъ землевладѣльцевъ, между которыми были православные, строить такія же церкви въ своихъ земляхъ; назначено было жалованье духовенству и пр. Еще при Александрѣ I управленіе уніатской церковью отдѣлено было отъ управленія церковью римско - католической. Послѣ 1831 г. Д. Н. Блудовъ, тогда

министръ внутреннихъ дѣлъ, по волѣ государя рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ уничтожилъ почти все, что различало и отдѣляло уніатовъ отъ православной церкви, и все, что сближало ихъ съ Римомъ; были преобразованы семинаріи, запрещено посылать ихъ воспитанниковъ въ Виленскую католическую семинарію, введена славянская библія и катихизисъ Филарета, въ уніатскихъ церквахъ устроены иконостасы, вынесены органы, запрещены переходы изъ уніи въ католичество; дѣятельнаго помощника въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ государь нашелъ въ Іосифѣ Сѣмашко, который былъ впослѣдствіи Литовскимъ митрополитомъ. Съ 1837 г. Сѣмашко сталъ отбирать отъ высшаго уніатскаго духовенства подписки о желаніи возсоединиться съ православной церковью, при чемъ принималъ нѣкоторыя мѣры противъ тѣхъ, кто отказывался давать подписки; затѣмъ епископы уніаты составили соборное постановленіе о возсоединеніи, подкрѣпленное подписями 1305 духовныхъ лицъ,—и 25 марта 1839 г. Синодъ принялъ западнорусскую уніатскую церковь въ общеніе съ православною.

При усмиреніи возстанія русскіе крестьяне этого края оказали большія услуги правительству и войскамъ: они захватывали и представляли властямъ дворянъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи, или даже только подготовлявшихся къ тому. Въ началѣ возстанія фельдмаршалъ Сакенъ объявилъ населенію: «вы уже никогда не будете принадлежать тѣмъ помѣщикамъ, которые возстануть противъ законной власти». Теперь военныя власти стали домогаться, чтобъ крестьянъ, справедливо донесшихъ на своихъ господъ, освобождать отъ крѣпостной зависимости. Свободы крестьяне, однако, не получили, такъ какъ имѣнія даже обвиненныхъ помѣщиковъ переходили или къ ихъ родичамъ или, какъ казенныя, сдаваемы были на аренду мѣстнымъ землевладѣльцамъ; понятно, что землевладѣльцы мстили крестьянамъ, тѣмъ болѣе, что мѣстное начальство состояло изъ уроженцевъ края. Правительство увидѣло свою ошибку и до извѣстной степени постаралось ее исправить введеніемъ въ юго-западномъ краѣ «инвентарей», т.-е. описей, въ которыхъ точно изложено было все то, что предоставлялось въ пользованіе крестьянъ, а равномѣрно и всѣ платежи, которые съ нихъ слѣдовали. Эти мѣры, значительно улучшившія положеніе крестьянъ трехъ юго-западныхъ губерній, проведены успѣшно въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ Д. Г. Бибиковымъ, немало потрудившимся надъ закрѣпленіемъ этого края за Россіей; въ Бѣлоруссіи и Литвѣ дѣло составленія инвентарей шло медленнѣе. Положеніе крестьянъ этого края осталось чрезвычайно тяжелымъ; неурожаи повторялись періодически, дворяне были обременены долгами и продовольственными ссудами такъ, что многіе рады были бы развязаться съ крестьянами. По крайней мѣрѣ, когда въ 1847 г. Николай Павловичъ объявилъ свое неудовольствіе витебскому дворянству за то, что инвентари составлялись слишкомъ медленно,

то дворянство просило дозволить ему обсудить коренное измѣненіе въ бытѣ крестьянъ и проявило желаніе даже даровать крестьянамъ совершенную свободу. Изъ этого, однако, ничего не вышло, и въ 1853 г. изъ крестьянъ Витебской и Могилевской губерній (свыше милліона душъ въ обѣихъ) девять десятыхъ находились въ крайней нищетѣ. Государь опять повелѣлъ взять строжайшія мѣры, чтобы инвентари были кончены поскорѣе.

Немного вышло и изъ другихъ мѣръ правительства въ Западномъ краѣ; правда, Литовскій статутъ былъ отмѣненъ, но стремленіе правительства имѣть здѣсь русскую администрацію не удалось. Почти предъ своею смертью императоръ Николай прочелъ письмо митр. Іосифа къ гр. Протасову, въ которомъ митрополитъ жаловался, что православное населеніе Виленской и Гродненской губерній зависитъ почти совершенно отъ произвола католиковъ: и помѣщики, и власти полицейскія и судебныя въ громадномъ большинствѣ принадлежали къ католической вѣрѣ. Рядъ серьезныхъ мѣръ принятъ былъ противъ дворянства Западнаго края; государь былъ очень вооруженъ противъ шляхты, считавшейся дворянами, но не имѣвшей обыкновенно земельной собственности: «шляхта, — писалъ государь, — есть тотъ сбродъ людей, который доискивается дворянства, не имѣя на то ни права, ни документовъ, шатается безъ занятій или находится въ услуженіи и составляетъ классъ самый вредный и развратный». Было приступлено къ повѣркѣ и разбору правъ шляхты; въ 1840 г. государь сдѣлалъ замѣчаніе, что дѣло идетъ очень медленно; къ концу царствованія слишкомъ 80.000 чел., т.-е. чуть не половина шляхты, были лишены дворянскихъ правъ и зачислены въ подушный окладъ.

По отношенію къ настоящему дворянству Западнаго края государь дѣйствовалъ иначе; какъ и до возстанія онъ непремѣнно хотѣлъ втянуть ихъ въ большее общеніе съ остальной Россіей. Николай Павловичъ всегда держался того взгляда, что дворяне должны служить государству, что если этого прямо законъ не требуетъ, то требуетъ этого честь. Просматривая списки дворянъ западныхъ губерній, государь убѣдился, что они рѣшительно уклоняются отъ службы. Тогда государь (въ 1852 г.) предписалъ дворянъ неправославныхъ, уроженцевъ западныхъ губерній, отдавать на службу по достиженію ими 18 лѣтъ. Всѣ эти мѣры, однако, успѣха не имѣли и большею частію были отмѣнены въ началѣ новаго царствованія. Конечно, указанныхъ мѣръ было слишкомъ недостаточно для того, чтобы изъ забитаго вѣками народа образовать стойкіе и сознательные ряды борцовъ за народное дѣло. Дѣлать для западно-русскаго народа больше императоръ не хотѣлъ: это шло бы въ разрѣзъ съ общей его системой; то, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ подъ вліяніемъ мотивовъ политическихъ, и политика его въ этомъ краѣ лишена была воодушевленія. По этимъ же причинамъ государю не легко было найти сотрудниковъ горячихъ и

убѣжденныхъ. Исключая мѣстныхъ уроженцевъ, какъ Іосифъ Сѣмашко и др., вліяніе которыхъ было случайное и преходящее, можно назвать Д. Н. Блудова, Д. Г. Бибикова, Протасова, какъ лицъ, сочувствовавшихъ дѣлу; большинство же дѣятелей мѣстныхъ и въ центрѣ не осмѣливались, конечно, возражать государю прямо, такъ какъ даже Комитетъ Министровъ получалъ замѣчанія за косвенныя возраженія по дѣламъ Западнаго края, но зато они замедляли дѣла, смотрѣли на многое сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что имъ и не привычно было вести политику антидворянскую, да они и опасались, какъ бы возрожденіе народныхъ массъ въ Западной Руси не передалось въ коренныя губерніи. Общій результатъ неутѣшителенъ: несмотря на большую работу 1831—1855 гг., Западный край, какъ показали событія второго польскаго возстанія, вовсе не былъ обезпеченъ за Россіей, и съ 1863 г. пришлось приниматься сызнова за старыя мѣропріятія.

Политика императора Николая I въ Западной Руси получаетъ яркое освѣщеніе сравнительно съ образомъ дѣйствія правительства въ Прибалтійскомъ краѣ. Освобожденные отъ крѣпостной зависимости крестьяне Прибалтійскаго края оставались въ очень тяжеломъ экономическомъ положеніи, такъ какъ земельныхъ надѣловъ они не получили. Выведенное изъ терпѣнія нуждою и безправіемъ эстонское и латышское населеніе края въ сороковыхъ годахъ массами стало переходить въ православіе, расчитывая и на лучшую будущность, и на избавленіе отъ власти нѣмецкаго лютеранскаго духовенства. Казалось бы, что соображенія и политическія и религіозныя должны были бы заставить правительство православнаго государства содѣйствовать увеличенію православной паствы; изъ среды мѣстнаго православнаго духовенства нашлось немало лицъ, которыя усердно взялись за обращеніе эстовъ и латышей въ православіе. Но мѣрами правительства движеніе это было остановлено, какъ вызванное желаніемъ получить матеріальныя выгоды и недовольствомъ отношеніями къ помѣщикамъ: въ Прибалтійскомъ краѣ правительство дѣйствовало совершенно наперекоръ своимъ дѣйствіямъ въ Западномъ краѣ. Объясненіе этому мы найдемъ опять-таки въ личныхъ отношеніяхъ императора Николая къ дворянству Прибалтійскаго края; насколько не любилъ онъ польскаго дворянства, столько же уважалъ дворянство нѣмецкое, несмотря на то, что прибалтійское дворянство не скрывало своихъ стремленій, которыя не могли нравиться императору Николаю: оно упорно домогалось, чтобы за нимъ оставлены были всѣ привилегіи, вытекавшія изъ довольно сомнительныхъ актовъ XVI—XVIII вв., чтобы для трехъ губерній края учреждено было особое верховное мѣсто для судебныхъ дѣлъ, т.-е. чтобъ компетенція Сената не простиралась на эти три губерніи, чтобы дворянство имѣло право завѣдывать Дерптскимъ университетомъ, а желаніе, нѣсколько разъ высказанное императоромъ, чтобъ языкомъ

правительственныхъ учрежденій въ краѣ былъ русскій, встрѣтило возраженія со стороны дворянства; въ 1849—1850 гг. пришлось отложить введеніе русскаго языка въ краѣ, такъ какъ не было достаточнаго числа лицъ, знающихъ русскій языкъ. Цѣль, поставленная Николаемъ I, достигнута была только при Александрѣ III. Несмотря на все это, Николай Павловичъ къ дворянству края относился чрезвычайно благожелательно и лица этого происхожденія преобладали на высшихъ степеняхъ служебной іерархіи. Такимъ образомъ, окраинная политика императора Николая лишена системы, она далеко не принципіальная, напротивъ, направленіе ея зависѣло отъ временныхъ соображеній, даже чувствъ.

Переходя къ внутренней дѣятельности императора Николая I въ періодъ 1831 — 1848 гг., отмѣтимъ прежде всего появленіе Свода Законовъ, столь давно жданнаго. Конечно, этотъ сводъ далекъ былъ отъ совершенства, нечего и сравнивать его съ законодательствомъ Юстиніана или кодексомъ Наполеона; спеціальная критика давно указана въ Сводѣ много ошибокъ, пропусковъ, неточностей, противорѣчій, даже невѣрныхъ началъ. Но при всемъ томъ Сводъ остается великимъ твореніемъ, лучшимъ памятникомъ императору Николаю и его главному сотруднику въ этомъ дѣлѣ, М. М. Сперанскому: выбрать 42.000 статей, расположить ихъ въ порядкѣ систематическомъ—работа гигантская; появленіе Свода не только устраняло текущія затрудненія въ познаніи законовъ, но и было надежнымъ фундаментомъ для настоящихъ кодификаціонныхъ работъ; ученики Сперанскаго—Д. Н. Блудовъ и другіе—могли уже къ 1845 г. приготовить новое Уголовное уложеніе, нѣсколько смягчавшее суровыя наказанія того вѣка. Всегда внимательный и осторожный Николай Павловичъ сейчасъ же замѣтилъ и заволновался, когда оказалось, что число арестантовъ въ 1847 г. значительно превысило число ихъ же за 1845 г. (15 т. чел. противъ 10 т. чел.); но выяснилось, что ослабленіе репрессій тутъ не при чемъ, такъ какъ увеличилось число мелкихъ преступниковъ. Сводъ законовъ и предшествовавшее ему Полное Собраніе Законовъ дали возможность, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставить на твердыхъ началахъ юридическое образованіе въ странѣ: послѣ появленія ихъ стала возможна наука русскаго права.

Слѣдующая важная реформа — реформа денежнаго обращенія. Послѣ Отечественной войны количество выпущенныхъ ассигнацій достигло 834 милл. р., курсъ ихъ на серебро чрезвычайно упалъ — до 25 к. сер. за 100 к. асс. и даже до 20 к. за 100; чтобы удержать ихъ отъ дальнѣйшаго паденія, постановлено было всѣ платежи взыскивать и производить ассигнаціями. Затѣмъ, начиная съ 1817 г., Гурьевъ, тогдашній министръ финансовъ, приступилъ къ сокращенію числа ассигнацій; внѣшніе займы, превышеніе вывоза надъ ввозомъ увеличили въ государствѣ количество металлической монеты; курсъ ассигнацій немного под-

нялся. Преемникъ Гурьева Е. Ф. Канкринъ (1823—1844 г.) постепенно началъ расширять обращеніе металлической монеты; онъ совершенно отказался отъ идеи выкупить всѣ ассигнаціи, но для того, чтобъ наше денежное обращеніе было устойчиво, чтобы устранить народные лажи, которыми спекулянты пользовались въ явный ущербъ населенію, Канкринъ монетною единицею предложилъ сдѣлать серебряный рубль, производить всѣ расчеты этою монетою и узаконить при этомъ отношеніе ассигнацій къ серебряному рублю. Манифестомъ 1 іюля 1839 г. объявлены были начала этой реформы, при чемъ курсъ серебра былъ установленъ такъ: 1 р. сер. = 3 р. 50 к. асс.; черезъ четыре года 1 іюля 1843 г. введены были кредитные билеты, которые казначейство обмѣнивало на серебро по ихъ нарицательной стоимости, рубль за рубль. Реформа эта устранила очень много злоупотребленій.

Къ этому же періоду относится дѣятельность одного изъ главныхъ и блестящихъ сотрудниковъ императора Николая I, С. С. Уварова, министра народнаго просвѣщенія (1833 — 1849). Этому министру удалось провести въ жизнь тѣ политическіе принципы, которые государь указалъ еще въ 1826 г.; С. С. Уварову принадлежитъ философское опредѣленіе политики Николая I, какъ основанной на началахъ православія, самодержавія и народности: школа должна быть предана православной вѣрѣ, чужда всякихъ мистическихъ ученій, откуда бы они не исходили; она воспитываетъ подрастающее поколѣніе въ преданности самодержавію, охраняя его отъ либеральныхъ ученій; школа была народной, такъ какъ она считала Россію самостоятельною, возмужалою, ненуждающеюся въ заимствованіяхъ съ Запада. Эта официальная Уваровская доктрина никоимъ образомъ не должна быть смѣшиваема со слагавшеюся тогда доктриною славянофильскою, съ которой она имѣетъ внѣшнее сходство, ибо славянофилы видѣли въ русскомъ народѣ, въ славянскомъ племени, олицетвореніе высшихъ вѣчныхъ началъ любви и свободы, не укладывавшихся въ рамки Уваровскаго опредѣленія, и мечтали о свободномъ соединеніи всѣхъ славянскихъ народностей подъ главенствомъ Москвы, Уваровъ же признавалъ эти мечты вредною игрою фантазіи. Въ духѣ системы императора Николая Уваровъ усилилъ въ своемъ вѣдомствѣ бюрократическое начало, въ средней школѣ онъ провелъ классическую систему, принятую еще комитетомъ 1826 г., какъ основу образованія; университетамъ при немъ данъ былъ новый уставъ,—уставъ 1835 г., по которому значительно сокращена автономія университетовъ: уничтоженъ университетскій судъ, усилена власть попечителя надъ университетомъ, университетъ непосредственно подчиненъ попечителю; должности ректора и профессоровъ оставлены выборными, хотя министръ получилъ право и назначать профессоровъ по своему усмотрѣнію. Зато значительно

улучшилось матеріальное положеніе университетовъ; императоръ Николай I охотно покровительствовалъ наукѣ и искусству, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы они служили государству; въ университетахъ открытъ былъ цѣлый рядъ новыхъ каѳедръ; конечно, у насъ не хватало ученыхъ, а къ заграничнымъ ученымъ и университетамъ Николай Павловичъ всегда относился нѣсколько подозрительно; поэтому, чтобы не посылать молодыхъ ученыхъ за границу, былъ основанъ профессорскій институтъ въ Дерптѣ; но были отправляемы молодые ученые и за границу: тамъ закончили свое образованіе Неволинъ, Пироговъ, Грановскій, Иноземцевъ, позже Соловьевъ, Срезневскій, Григоровичъ и мн. др.; къ сороковымъ годамъ университетское преподаваніе было очень поднято; въ исторіи Московскаго университета эти годы едва ли не лучшіе.

Русская наука въ царствованіе Николая сдѣлала безусловно весьма значительный шагъ впередъ, благодаря поддержкѣ правительства. Хотя императоръ отрицательно относился къ мечтаніямъ славянофиловъ, онъ, тѣмъ не менѣе, учредилъ при университетахъ каѳедры славянскихъ языковъ и тѣмъ не мало способствовалъ и сближенію молодого русскаго ученаго міра съ міромъ славянскимъ, и ознакомленію русскаго общества со славянствомъ. Наука русской исторіи имѣетъ особыя причины быть благодарной Николаю Павловичу: онъ не только щедро поддерживалъ ученыхъ, но трудное дѣло собиранія письменныхъ источниковъ древней нашей исторіи сдѣлалъ дѣломъ государственнымъ, учредивъ для этого Археографическую комиссію; благодаря его заботливости, развитіе отечественной исторіи не зависѣло уже отъ того, найдутся ли просвѣщенные любители науки и меценаты, готовые жертвовать свои деньги на изданіе источниковъ.

Очень большое вниманіе Николай Павловичъ въ 1831 — 1848 гг. посвятилъ крестьянскому населенію своей Имперіи. Въ 1833 г. Россію постигъ сильнѣйшій неурожай, первый большой неурожай въ это царствованіе; онъ охватилъ 28 губерній и областей. Хлѣбныхъ запасовъ не было; крестьяне мѣстами ѣли хлѣбъ съ примѣсью лебеды, желудей, дубоваго листа; толпы нищихъ, среди которыхъ были не только мѣщане, но и отставные чиновники и офицеры, осаждали власти, требуя, чтобы ихъ спасли отъ голодной смерти; скотъ во многихъ мѣстахъ палъ за отсутствіемъ корма; помѣщики, даже крупные, часто совершенно не могли оказывать необходимую помощь своимъ крестьянамъ. Императоръ Николай при первыхъ же вѣстяхъ разослалъ по пострадавшимъ губерніямъ своихъ генераловъ и флигель-адъютантовъ. Рапорты этихъ лицъ развернули предъ нимъ страшную картину народнаго бѣдствія; его отмѣтки: «ужасно читать», «немедленно же отправить по эстафету предписаніе», «немедленно разсмотрѣть въ Комитетѣ Министровъ и опредѣлить, въ какой степени помочь можно, и сейчасъ же мнѣ предста-

вить, не позже завтра вечеромъ», указываютъ, насколько онъ былъ потрясенъ и взволнованъ. Помощь поселянамъ было оказана щедро; всего на борьбу съ бѣдствіемъ отпущено было почти 30 м. р., сумма по тому времени огромная. При обсужденіи мѣръ помощи населенію въ 1833 г. съ жаромъ ухватились за идею устроить общественныя работы, чтобы дать населенію деньги, но не въ видѣ развращающей даровой помощи, а какъ плату за трудъ. Идея эта очень понравилась государю; работы были назначены, но устроить ихъ такъ, чтобы къ нимъ можно было привлечь хотя бы только значительный процентъ пострадавшихъ, оказалось невозможнымъ. Въ 1839 г. снова былъ неурожай, хотя и меньшій, чѣмъ въ 1833 г.; поселянамъ отпущено было въ помощь 9.500.000 р. асс.; въ 1840 г. опять пришлось отпустить 35 милл. р. асс.; въ 1846 — 1847 гг. снова былъ частный неурожай; до чего дѣло дошло въ Бѣлоруссіи, показываетъ донесеніе г.-ад. П. Н. Игнатьева въ 1853 г.: проѣзжая по Витебской и Могилевской губерніямъ, царскій посланецъ находилъ цѣлыя деревни, въ которыхъ нельзя было отыскать куска хлѣба; мѣстами подавали хлѣбъ, видомъ весьма похожій на торфъ, въ Витебской губерніи крестьяне почти не ѣли хлѣба, а питались грибами — и это въ краю, въ которомъ правительство хотѣло поднять крестьянство.

Николай Павловичъ понималъ, что обыкновенными мѣрами дѣлу не поможешь—и вопросъ о крѣпостномъ правѣ, объ освобожденіи крестьянъ не сходилъ со сцены въ царствованіе императора Николая; въ это царствованіе собрано было десять секретныхъ и тайныхъ комитетовъ, которые послѣдовательно обсуждали этотъ вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія; помѣщики нѣкоторыхъ губерній (Витебской, Смоленской, Тульской) получали отъ государя позволеніе представить ему свои соображенія по этому трудному, но основному вопросу русской жизни. Рѣчь государя въ 1842 г. въ засѣданіи Государственнаго Совѣта яснѣе всего опредѣляетъ его точку зрѣнія: «крѣпостное право въ нынѣшнемъ его положеніи,—сказалъ онъ, — есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное, но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ»; сдѣлавъ ссылку на примѣръ Александра I, потомъ отказавшагося отъ мысли даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, государь прибавилъ: «я также на сіе никогда не рѣшусь». Николай Павловичъ желалъ прежде подготовить почву для освобожденія, затѣмъ найти удобнѣйшіе способы для облегченія выхода крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, наконецъ, улучшить крѣпостной бытъ. Несомнѣнно, что теоретическая сторона вопроса въ Николаевское время было выяснена достаточно; число сторонниковъ освобожденія росло; способствовали этому какъ литература, такъ и экономическое развитіе страны. Въ 40-хъ годахъ на фабрикахъ московскаго района стали предпочитать вольныхъ рабочихъ крѣпостнымъ, поссессіоннымъ; понятно, что для сколько-нибудь сложнаго,

отвѣтственнаго труда крѣпостной уже не годился. Даже въ области земледѣльческаго хозяйства ростъ цѣнъ на землю указывалъ, что для дворянскаго сословія было выгоднѣе сохранить за собой землю и развязаться съ крестьянами. Обсужденія этого вопроса въ многочисленныхъ комитетахъ привело правительство также къ весьма важному выводу, — къ сознанію вреда безземельнаго освобожденія. Но въ практическомъ отношеніи для освобожденія крестьянъ сдѣлано было немного. Въ 1842 г. былъ изданъ законъ объ «обязанныхъ» крестьянахъ, по которому помѣщики, по добровольному соглашенію съ крестьянами, получали право, сохранивъ за собою землю, сдавать ее крестьянамъ въ продолжительную аренду на точно опредѣленныхъ условіяхъ. Государю казалось, что дворяне потому рѣдко прибѣгаютъ къ закону 1803 г., что не желаютъ разставаться съ своими землями, и, утверждая новый законъ, государь расчитывалъ, что онъ будетъ имѣть широкое примѣненіе; на дѣлѣ, однако, законъ 1842 г. имѣлъ еще менѣе примѣненія, чѣмъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ: на основаніи его перешло въ «обязанные» только 24.708 душъ. Закономъ 1847 г. 8 ноября было дозволено крестьянамъ имѣній, продаваемыхъ съ аукціона, выкупаться на волю — этимъ закономъ успѣли воспользоваться только 964 души и въ 1849 г. онъ былъ пріостановленъ въ виду опасеній, что крестьяне нарочно будутъ доводить владѣльцевъ до несостоятельности, чтобы понизить на торгахъ цѣну селеній и т. д. По вопросу объ ограниченіи повинностей крестьянства Николаевское время не внесло новаго, кромѣ введенія инвентарей въ юго-западномъ краѣ; это былъ очень крупный шагъ впередъ, но онъ имѣлъ только мѣстное значеніе. Власть помѣщика наказывать крѣпостныхъ была теперь точно опредѣлена въ законѣ, — суть дѣла отъ этого, конечно, только проиграла. Право помѣщика ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь было видоизмѣнено въ право отсылать крѣпостныхъ отъ себя, дальнѣйшею же судьбою такихъ лицъ распоряжалось государство; продажа крестьянъ безъ земли не была запрещена, но запрещено при продажѣ дробить крестьянскія семьи.

Сильнымъ возраженіемъ противъ освобожденія крестьянъ было положеніе казенныхъ экономическихъ крестьянъ (государственныхъ): совершенно правильно указывали, что и въ хозяйственномъ, и въ нравственномъ отношеніи крестьяне государственные стояли ниже крестьянъ помѣщичьихъ. Объясняется это тѣмъ, что казенные крестьяне были самою беззащитною частію населенія Россіи; среди помѣщиковъ всегда были такіе, которые понимали, что благосостояніе ихъ самихъ связано съ крѣпкимъ хозяйственнымъ бытомъ ихъ крестьянъ; казенные же крестьяне, управляемые чиновниками Министерства Финансовъ, были предметомъ эксплуатаціи всѣхъ мѣстныхъ властей, которымъ только не лѣнь было брать съ нихъ; уже одно то, что они состояли въ Вѣдомствѣ Финансовъ, невыгодно

отражалось на нихъ: министерство видѣло въ нихъ прежде всего статью государственнаго дохода и стремилось къ возможно высокой цифрѣ дохода; оно очень слабо защищало интересы крестьянства предъ мѣстной администраціей и земской полиціей, а главное—отдавало казенное крестьянство въ почти полное распоряженіе откупщиковъ. Слишкомъ извѣстенъ ужасный вредъ, нанесенный русскому населенію продажею водочныхъ питій; но изъ всѣхъ формъ продажи этой—откупная система горшая; а между тѣмъ въ казенныхъ селеніяхъ откупщики вели себя какъ хозяева, нарочно располагая свои заведенія около церквей и волостныхъ избъ; и въ то время, какъ въ великорусскихъ губерніяхъ у помѣщичьихъ крестьянъ 1 кабакъ приходился на 2.700 душъ, въ казенныхъ селеніяхъ 1 кабакъ приходился на 700 душъ. Противники свобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей власти говорили, что съ освобожденіемъ всѣ они опустятся на одинъ уровень съ казеннымъ крестьянствомъ.

Императоръ Николай, убѣдившись, что ему не сдѣлать многаго для крѣпостныхъ крестьянъ, рѣшилъ заняться казенными и поднять ихъ бытъ на возможную высоту. Ради этого имъ выбранъ былъ тотъ путь, въ который онъ такъ всегда вѣрилъ: онъ рѣшилъ создать особое вѣдомство, которое имѣло бы своимъ предметомъ заботу о казенныхъ крестьянахъ; для этого онъ образовалъ V-е отдѣленіе своей канцеляріи; своимъ сотрудникомъ по этому дѣлу Николай Павловичъ выбралъ П. Д. Киселева, одного изъ выдающихся генераловъ Александровской эпохи. Киселевъ давно интересовался крестьянскими дѣлами, имѣлъ большой административный опытъ, такъ какъ съ успѣхомъ стоялъ во главѣ управленія Дунайскими княжествами во время ихъ оккупаціи; въ 1837 г. V-е отдѣленіе переименовано было въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. Киселеву предстояла труднѣйшая задача—поднять благосостояніе 8 милл. душъ, почти половины сельскаго населенія Россіи, средства же его вѣдомства были чрезвычайно ограничены. Управленіе Киселева страдало излишнею попечительностью о крестьянахъ, которые тяготились заботами начальства, помѣщики же скоро успокоились, найдя, что съ Киселевскими порядками они могутъ еще поспорить. Но все-таки бытъ крестьянъ въ общемъ улучшился, и послѣ реформы 1861 г. они были изъяты изъ вѣдомства въ гораздо болѣе лучшемъ положеніи, чѣмъ приняты вѣдомствомъ въ 1834 г.

Для другихъ сословій императоромъ Николаемъ сдѣлано было меньше. Дворянство онъ въ общемъ очень цѣнилъ; въ этомъ отношеніи онъ рѣшительно расходился съ своимъ предшественникомъ, несмотря на печальное начало царствованія — подавленіе дворянскаго мятежа; и дворянство скоро оцѣнило новаго государя, державшагося правила: безъ дворянства нѣтъ и монархіи. Императоръ сколько могъ затруднялъ доступъ въ дворянство; лишь чинъ

дѣйствительнаго статскаго совѣтника или полковника въ военной службѣ и орденъ св. Владиміра 4-й ст. давали при немъ потомственное дворянство. По воззрѣніямъ государя дворяне должны служить государству; онъ всегда съ неудовольствіемъ узналъ о дворянахъ, которые въ молодыхъ лѣтахъ не состояли на службѣ; уклоненіе отъ нея онъ считалъ за проявленіе оппозиціоннаго духа. Въ общемъ дворянство того времени очень охотно несло государственную службу и лишь дворянство Западнаго края уклонялось отъ нея. Государь замѣтилъ, что во многихъ великорусскихъ губерніяхъ дворянство бѣднѣетъ, что у многихъ дворянъ мало земли, что бѣдное дворянство не можетъ давать дѣтямъ приличнаго образованія, быстро опускается и мѣстами почти не отличается отъ однодворцевъ. Государь приказалъ предлагать такимъ дворянамъ переселяться въ Симбирскую и Тобольскую губерніи, гдѣ имъ отводили по 60 — 80 дес. земли. Въ тѣхъ же цѣляхъ — поднять значеніе дворянства въ управленіи—упорядочены были дворянскіе съѣзды и выборы и опредѣленъ цензъ для активнаго выборнаго права.

Менѣе всего сдѣлано было для городовъ, хотя новое городовое положеніе для Петербурга 1846 г. представляетъ шагъ впередъ въ томъ отношеніи, что городское общество образуютъ всѣ слои обывателей—дворяне, почетные граждане, купцы, мѣщане, ремесленники и пр.,—но, впрочемъ, каждое сословіе дѣйствуетъ въ думѣ особо, особо выбираетъ гласныхъ, и общая дума раздѣлялась на пять отдѣленій по сословіямъ; общее собраніе или общая дума собиралась очень рѣдко, а обыкновенно собранія происходили по сословіямъ.

При императорѣ Николаѣ началось русское желѣзнодорожное строительство, хотя при немъ построено было немного дорогъ: Царскосельская, Варшавовѣнская, Николаевская, и начата постройкой линія Петербургъ-Варшава (до Гатчины). Совсѣмъ новое дѣло это началось въ Россіи исключительно по иниціативѣ государя; оба его главныхъ совѣтника въ этой области, гр. Толь, главноуправляющій путями сообщеній, и гр. Канкринъ, министръ финансовъ, были рѣшительными противниками желѣзныхъ дорогъ, ожидая отъ нихъ самыхъ неблагопріятныхъ финансовыхъ результатовъ. Даже профессора Института инженеровъ путей сообщенія читали тогда публичныя лекціи о невозможности въ Россіи устроить сѣть желѣзныхъ дорогъ. Императоръ Николай настоялъ на постройкѣ и имѣлъ удовольствіе видѣть въ концѣ сороковыхъ годовъ, что очень многіе доводы противъ явно оказались несостоятельными. Сооруженіе дороги Москва - Петербургъ императоръ обставилъ такъ, что оно послужило хорошей школой для русскихъ инженеровъ; въ лицѣ скромнаго Чевкина Николай I выдвинулъ замѣчательнаго дѣятеля въ этой области.

IV.

Внѣшняя политика послѣ 1831 г.

По самостоятельному пути пошелъ императоръ Николай и въ политикѣ внѣшней. Уже во время войны 1828 — 1829 гг. онъ примирился съ Турціей; новый порядокъ вещей на Востокѣ — мелкія полусамостоятельныя и полунезависимыя государства съ ихъ внутренней борьбой, частыми смѣнами правительствъ,—не внушалъ довѣрія государю и приводилъ его къ желанію сохранить на Востокѣ status quo. Въ 1830 г. императоръ очень ласково принималъ турецкаго посла, сбавилъ 2 милл. изъ военной контрибуціи и поручилъ послу передать султану, что онъ не понимаетъ, почему бы султану не принять религію огромнаго большинства его подданныхъ, т.-е. православіе. Когда египетскій хедивъ Махмедъ-Али въ 1832 г., подстрекаемый Англіей и Франціей, поднялъ знамя возстанія противъ султана, императоръ Николай предложилъ Турціи свою вооруженную помощь; турки сначала ее отклонили, но послѣ ряда неудачъ падишахъ обратился къ государю съ мольбою о помощи, отъ которой прежде отказывался. Немедленно же войско подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева отплыло на помощь султану—и на азіатскій берегъ Босфора высажены были русскія войска для защиты турокъ въ Константинополѣ... Египетскія войска отступили. Сколько разъ потомъ, вѣроятно, Николай Павловичъ раскаивался въ этомъ шагѣ!.. Результатами такого вмѣшательства Россіи было заключеніеУнкіаръ-Искелессійскаго договора, который устанавливалъ «вѣчный» миръ и своего рода союзъ между Россіей и Турціей, хотя опредѣленно былъ заключенъ договоръ только на восемь лѣтъ. Договоръ подтверждалъ всѣ прежніе трактаты, русскій императоръ принималъ на себя обязательство, въ случаѣ надобности, предоставить въ распоряженіе Порты необходимое число войскъ; султанъ за это обязывался закрыть Дарданеллы для прохода иностранныхъ судовъ. Ункіаръ-Искелессійскій договоръ 1833 г. есть высшая точка русскаго вліянія на дѣла Востока, но императоръ Николай взялъ на себя слишкомъ большую отвѣтственность, ибо этотъ договоръ противорѣчилъ рѣшительно всѣмъ традиціямъ русской политики.

Договоръ этотъ становится совершенно непонятнымъ, когда осенью того же года государь заключилъ въ Мюнхенгрецѣ конвенцію, которая скрѣпила русско-австрійскій союзъ, нѣсколько поколебавшійся во время войны за Грецію. Государь желалъ, въ цѣляхъ болѣе успѣшной борьбы съ революціей, скрѣпить свои отношенія въ Австріи, и въ конвенціи этой онъ значительно поступился русскими интересами въ пользу Австріи, такъ какъ обязался охранять Турцію сообща съ Австріей, т.-е. опять-таки нарушилъ традиціи нашей дипломатіи:

имѣть на Востокѣ руки несвязанныя; Николай I самъ поставилъ дѣйствія Россіи въ связь и въ зависимость отъ дѣйствій Австріи; это было именно то, чего такъ желалъ Меттерних. Если при Александрѣ I Россія и вступала въ соглашенія по дѣламъ Востока, то это дѣлалось съ цѣлью связать руки Франціи. Теперь, когда роли перемѣнились, когда уже Россіи стали бояться въ Европѣ— императоръ Николай самъ пошелъ навстрѣчу западно-европейскимъ дипломатамъ, стремившимся ему связать руки! Но любопытнѣе всего, что въ тайныхъ статьяхъ императоръ договаривался съ Австріей о дѣйствіяхъ обоихъ державъ въ случаѣ паденія Порты, т.-е. Николай Павловичъ и тогда, въ 1833 г., не вѣрилъ въ сколько-нибудь продолжительное существованіе Турціи. Чтобы выйти изъ этихъ противорѣчій, необходимо допустить, что Николай Павловичъ считалъ необходимымъ подѣлиться нѣкоторыми выгодами съ Австріей, дабы совмѣстно съ него вести борьбу противъ революціи на Западѣ; возможно, что Меттернихъ, понявшій рыцарскій характеръ императора, взывалъ къ его великодушію, указывая ему, что Австрія можетъ стать противъ революціи въ Германіи и Италіи лишь при условіи, что она можетъ быть спокойна за Востокъ. Во всякомъ случаѣ интересы Россіи въ 1833 г. были дважды преданы.

Убѣжденіе въ томъ, что Турція безнадежно больна, со времени Мюнхенгреца все болѣе овладѣваетъ государемъ, какъ овладѣваетъ имъ и безпокойство о возможныхъ безпорядкахъ въ случаѣ паденія Турціи. Православныя государства и княжества Востока, обязанныя своимъ существованіемъ Россіи, глубоко разочаровали императора; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ видѣлъ прочныя гнѣзда революціонеровъ; вліяніе Россіи въ Турціи падало, несмотря на Ункіаръ-Искелессійскій договоръ; Россія не извлекла большихъ выгодъ въ Турціи послѣ 1833 г., турки не могли повѣрить, что Россія—ихъ другъ, послѣ того, какъ именно она привела Турцію на край гибели; турки не могли перестать притѣснять христіанъ, и Россія не переставала заступаться за гонимыхъ. Торговыя и культурныя наши связи съ Турціей были очень неразвиты тогда, а молодое поколѣніе турокъ искало сближенія съ Франціей и Англіей.

Императоръ понялъ ошибку 1829—1833 годовъ; онъ убѣдился въ безполезности поддерживать Турцію, и уже въ 1840 г. у него созрѣлъ планъ раздѣла Турціи: Константинополь онъ хотѣлъ видѣть ничьимъ, Дарданеллы въ рукахъ Англіи и Австріи, Босфоръ— въ нашихъ—планъ совершенно утопическій и для Россіи вовсе не выгодный. Около этого же времени Николай Павловичъ сталъ добиваться согласія Англіи на свой планъ. Ошибочно считая свою политику весьма послѣдовательною, Николай Павловичъ такую же послѣдовательность видѣлъ въ политикѣ Англіи; противорѣчіе политики обѣихъ странъ Николай Павловичъ склоненъ былъ приписать недоразумѣніямъ и былъ убѣжденъ, что личными перегово-

рами добьется того, что недоразумѣнія будутъ разсѣяны; онъ не замѣтилъ глубокаго, принципіальнаго различія политики Англіи и политики Россіи: Англія вѣрила въ жизненныя силы Турціи, находила, что всего опаснѣе для Турціи быть въ зависимости отъ Россіи, и хотѣла продлить существованіе Турціи; Англія соглашалась на сохраненіе власти Турціи надъ балканскими народами, чтобы послѣдніе не увеличили силъ Россіи, и безъ того казавшихся опасными; надежнѣйшимъ средствомъ достигнуть всего этого Англія считала соглашеніе европейскихъ державъ по дѣламъ Турціи, которое связали бы руки Россіи. Императоръ Николай, не замѣчая этого, полагалъ, что столь близкая его сердцу борьба съ революціей пойдетъ легче, если Англія будетъ на нашей сторонѣ: подъ вліяніемъ такихъ соображеній онъ приходилъ къ мысли о союзѣ съ Англіей. И этотъ союзъ былъ заключенъ цѣною уступокъ Россіи: по Лондонскому протоколу онъ согласился на гарантію независимости Порты четырьмя державами — Россіею, Англіею, Австріею и Пруссіею; въ 1841 г. къ этому договору присоединилась Франція; Дарданеллы объявлены были закрытыми для судовъ всѣхъ націй, ни одна изъ договаривающихся сторонъ не могла пользоваться въ Турціи исключительными выгодами. Такъ въ промежутокъ 1833—1841 гг. Россія добровольно потеряла все то, что она пріобрѣла вѣковою борьбою съ Турціей. Соглашеніе общеевропейское по восточнымъ дѣламъ было достигнуто; возможность осложненій и революціи избѣгнута—и упадокъ значенія и вліянія Россіи на Востокѣ былъ полный.

Несмотря на блестящее, повидимому, положеніе Россіи въ сонмѣ европейскихъ державъ, отъ внимательнаго взора не могла укрыться надвигавшаяся опасность, которую императоръ Николай, безъ сомнѣнія, чувствовалъ и старался устранить. Попрежнему уязвимыми мѣстами Россіи оставались Польша и Турція. Много времени, почти полстолѣтія, протекло съ того времени, когда впервые, при Александрѣ I, выяснились эти обстоятельства. Условія, въ которыхъ приходилось дѣйствовать нашей дипломатіи, не только не улучшились, а, напротивъ, значительно ухудшились. Во-первыхъ, Польша стала болѣе ожесточеннымъ врагомъ Россіи, чѣмъ была прежде; правда, не было больше Наполеона, который могъ возстановить Польшу; но Бонапартъ былъ сыномъ революціи; революціонное движеніе зрѣло, оно имѣло слишкомъ много корней въ Западной Европѣ; каждое значительное революціонное движеніе могло очень измѣнить карту Европы и вызвать броженіе въ Польшѣ. Отсюда вытекала задача бороться противъ революціи, особенно же не дать ей приблизиться къ русскимъ границамъ. Необходимость поддерживать власть въ Польшѣ вооруженною силой лишала Россію, во-вторыхъ, возможности выступать въ качествѣ державы славянской или, во всякомъ случаѣ, принуждала ее дѣйствовать въ славянскомъ вопросѣ съ большими

оговорками; императоръ Николай, вполнѣ послѣдовательно съ своей точки зрѣнія, соединеніе всѣхъ славянъ подъ главенствомъ Россіи считалъ несбыточными мечтами, которыя, если бы сверхъ всякаго чаянія, осуществились, погубили бы Россію. Еще хуже обстояли дѣла въ Турціи. За пятьдесятъ лѣтъ Россія рѣшительно утратила свое вліяніе на Востокѣ, какъ будто бы не было ни войны за освобожденіе Греціи, ни помощи туркамъ противъ египетскаго хедива, ни знаменитаго Ункіаръ-Искелессійскаго договора. Вліяніе Россіи въ Константинополѣ вытѣснено было англійскимъ вліяніемъ, отчасти французскимъ; еще въ началѣ XIX в. русскія военныя суда проходили свободно Дарданеллы, а въ 1849 г. установлено было, что ничьи—въ томъ числѣ и русскія—военныя суда не могутъ проходить Геллеспонтомъ; терпѣли всякія притѣсненія не только православное населеніе Турціи, но и русскіе паломники и подданные, въ то время, когда всякій англичанинъ былъ въ Турціи особою священною и неприкосновенною. Мало этого, Россія утратила свое вліяніе въ Греціи, отчасти даже въ Сербіи, благодаря тому, что русское правительство непріязненно относилось къ проявленіямъ своей воли со стороны освобожденныхъ народовъ; когда въ Греціи произошелъ переворотъ и введено конституціонное устройство, Николай Павловичъ не одобрилъ этого и отозвалъ своего посланника изъ Аѳинъ; императоръ остался недоволенъ замѣною въ Сербіи династіи Обреновичей династіею Кара-Георгіевичей. Сознаніе упадка русскаго вліянія на Востокѣ привело императора Николая къ мысли о неизбѣжности и неминуемости скораго паденія Оттоманской Порты. Въ тридцатыхъ годахъ государь готовъ былъ поддерживать султана, предлагая ему принять вѣру значительнаго большинства его подданныхъ, т.-е. православіе, въ сороковые же годы у Николая Павловича созрѣла вполнѣ мысль о неминуемомъ паденіи Турціи; объ этомъ свидѣтельствуютъ его разговоры и резолюціи. Когда при Александрѣ Бонапартъ угрожалъ Россіи въ Турціи, можно было расчитывать на извѣстное содѣйствіе Англіи, нынѣ Англія вытѣснила Россію; обращаться къ Франціи, искать ея союза императоръ Николай и не помышлялъ; искать противовѣса Англіи въ Австріи онъ также не могъ: Австрія всегда мѣшала Россіи на Востокѣ. Пруссія была сравнительно слаба и мало заинтересована, чтобы опираться на нее въ восточной политикѣ. Государь рѣшилъ дѣйствовать въ союзѣ съ Англіей; рѣшеніе это принадлежало лично ему. Все прошлое русской дипломатіи, прошлое даже его царствованія, должно было бы остановить императора, по крайней мѣрѣ, заставить его задуматься, обсудить и испробовать новое направленіе, потребовать отъ Англіи извѣстныхъ гарантій; но Николай Павловичъ принялъ рѣшеніе и въ теченіе двѣнадцати лѣтъ слѣдовалъ роковому пути, не замѣчая куда онъ его ведетъ.

Наступилъ 1848 годъ; случилось то, чего ожидалъ и опасался Николай Павловичъ; онъ почувствовалъ тогда, очевидно, приближеніе того страшнаго часа, ради котораго онъ хранилъ священный огонь, возжженный его старшимъ братомъ: сошлись двѣ силы—Революція и Россія, готовыя схватиться; никакого договора между ними не могло состояться; отъ исхода этой борьбы зависѣла надолго исторія человѣчества. Этими словами Тютчева вѣрно выражаются чувства, которыя овладѣли императоромъ Николаемъ по полученіи имъ извѣстій о революціи во Франціи, неистовствахъ въ Парижѣ и о широкомъ распространеніи революціи по всей Европѣ; императоръ выразилъ ихъ прямо въ своемъ знаменитомъ манифестѣ 14 марта 1848 года.

Революція 1848 года замѣтно отразилась на внутренней политикѣ Николая Павловича; она остановила его преобразовательную дѣятельность, усиливъ его и безъ того напряженную опеку надъ Россіей. Печать и литература и безъ того едва прозябали подъ строгою цензурою: теперь строгость была еще усилена; въ самыхъ невинныхъ выраженіяхъ, въ самыхъ простыхъ фразахъ цензура усматривала тайный, противогосударственный смыслъ; становилось почти невозможно что-либо печатать. Немало, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, нашлось людей, которые ради своихъ корыстныхъ цѣлей злоупотребляли довѣріемъ государя и, желая выслужиться, раздували пустяки и изъ мухъ дѣлали слоновъ. Пострадала школа; принужденъ былъ выйти въ отставку гр. Уваровъ, который оказался въ эти годы слишкомъ либеральнымъ, ибо поднятъ былъ вопросъ о томъ, нужны ли Россіи университеты; они были сохранены, но число студентовъ въ каждомъ ограничено комплектомъ въ 300 чел.; преподаваніе государственнаго права и философіи сокращено; въ средней школѣ подвергалась гоненію классическая система, какъ воспитывающая подрастающія поколѣнія въ духѣ республиканской древности. Надзоръ полиціи усиленъ, придавалось очень большое значеніе открытымъ кое-гдѣ тайнымъ обществамъ; участники въ бесѣдахъ у Петрашевскаго приговорены были судомъ къ смертной казни, которую государь замѣнилъ каторжными работами; очень пострадали члены такъ называемаго Кирилло-Меѳодіевскаго кружка Шевченко, Костомаровъ. Снятъ былъ съ очереди вопросъ крестьянскій, приняты строгія мѣры по отношенію къ дворянству западныхъ губерній, усилена власть генералъ-губернаторовъ.

Тѣмъ временемъ революціонное движеніе быстро развивалось во всѣхъ государствахъ Западной Европы, кромѣ Англіи. Движеніе это выливалось въ два главныхъ вида: требованіе верховенства народа и сильный національный подъемъ, охватившій народы; нѣмцы мечтали объ единой и свободной Германіи, итальянцы—о такой же Италіи, венгры и австрійскіе славяне—о независимости отъ нѣмецкаго правительства. Порядокъ, установленный Вѣнскимъ

конгрессомъ, казалось, рушился; многочисленныя нѣмецкія правительства, съ австрійскимъ и берлинскимъ во главѣ, совершенно растерялись и спѣшили сдаться предъ народными требованіями. Одинъ изъ творцовъ постановленій Вѣнскаго конгресса, кн. Меттернихъ, долженъ былъ оставить свой постъ и даже удалиться изъ Вѣны.

Революціонное движеніе могло перебросится въ Польшу и отразиться въ Западной Руси. Правительство виновато въ томъ, что за 18 лѣтъ оно не сумѣло въ Западной Руси достаточно поднять народные слои, на которые могло бы теперь опереться. Но, благодаря военнымъ мѣрамъ, императоръ Николай могъ оставаться сравнительно спокойнымъ за свое государство. По своимъ правиламъ и убѣжденіямъ онъ, конечно, не пожелалъ бы воспользоваться всеобщимъ замѣшательствомъ для того, чтобы свести свои счеты съ Турціей. Императоръ Николай въ движеніи 48 года видѣлъ одну сторону, наиболѣе яркую — революціонное движеніе, національноеже онъ не могъ оцѣнить, такъ какъ пониманія живой народности у него не было. При столь одностороннемъ взглядѣ на движеніе 48 года естественно, что онъ поставилъ задачею поддержать во что бы то ни стало созданіе Вѣнскаго конгресса. Успѣхи революціи онъ объяснялъ слабостью мѣстныхъ правительствъ и готовъ былъ помочь имъ по первому призыву. И когда молодой австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ обратился къ нему съ такою просьбою: помочь противъ возставшихъ венгровъ, онъ двинулъ войско подъ начальствомъ кн. Паскевича, и вскорѣ венгерская армія Гергея положила оружіе предъ русскими. Австрія была спасена. Усмиреніе польскаго возстанія въ 1831 г. вызвало образованіе большого кружка польскихъ эмигрантовъ, которые не безъ успѣха настраивали общественное мнѣніе Европы противъ Россіи; подавленіе венгерскаго возстанія еще усилило такое настроеніе, создавъ Россіи новыхъ враговъ; императоръ Николай пренебрегалъ новою силою и расчитывалъ, что по успокоеніи Европы всѣ правительства тѣснѣе примкнутъ къ Россіи и строго будутъ слѣдовать его системѣ управленія.

Впрочемъ, усмиреніе венгерскаго возстанія до нѣкоторой степени объясняется и государственными соображеніями: пока въ Венгріи было неспокойно, была нѣкоторая опасность для Польши; императоръ могъ, кромѣ того, считать выгоднымъ сохранить Австрію и въ Италіи, дабы отвлечь ея вниманіе отъ Балканскаго полуострова. Менѣе понятна роль императора Николая въ спорѣ Австріи съ Пруссіей. Съ конца 48 года революціонное движеніе стало замѣтно стихать и переходить въ движенія національныя; очень многіе тогда въ Германіи поняли, что единство нѣмецкаго народа можетъ быть достигнуто лишь при поддержкѣ монархической Пруссіи. Самъ прусскій король, Фридрихъ-Вильгельмъ III, относился сочувственно къ этой идеѣ; принцъ прусскій Вильгельмъ, очень

близкій къ Николаю Павловичу, также сочувствовалъ движенію; но Николай Павловичъ остался непоколебимъ: какъ было устроено Вѣнскимъ конгрессомъ, такъ и должно оставаться; сначала лично въ Варшавѣ, позже въ Ольмюцѣ (1850 г.) онъ рѣшительно высказался противъ Пруссіи и, обѣщавъ свою поддержку Австріи, принудилъ ее отказаться отъ всякихъ объединительныхъ попытокъ. Въ Пруссіи любили императора Николая, считали его почти своимъ, расчитывали на него, а теперь стали горько обвинять его въ предательствѣ. Если бы въ данномъ случаѣ русскій государь отнесся дружелюбнѣе къ нѣмецкому народу въ Пруссіи, Россія пріобрѣла бы важнаго союзника. Внѣшнимъ образомъ императоръ восторжествовалъ; въ Варшавѣ онъ былъ положительно распорядителемъ судебъ средней Европы, слово его рѣшило все. Но по всей Германіи создалось сильнѣйшее нерасположеніе къ Россіи.

Какъ разъ въ томъ же 1850 г. сталъ разгораться споръ о святыхъ мѣстахъ. Уже въ 1849 г. едва не дошло до вооруженнаго столкновенія съ Турціей за то, что она не выдавала главарей венгерскаго возстанія, бѣжавшихъ въ Турцію. Въ 1850 г. французскій посолъ, по поводу просьбы православнаго іерусалимскаго патріарха объ исправленіи купола храма Господня, сталъ домогаться передачи семи аркадъ храма гроба Господня католическому духовенству и повелъ споръ очень настойчиво; императоръ Николай особымъ письмомъ къ султану требовалъ сохраненія за православнымъ духовенствомъ его привилегій, Порта же явно склонялась на сторону Франціи. Вопросъ этотъ вскорѣ получилъ тѣсную связь съ вопросомъ о признаніи президента французской республики Наполеона императоромъ Франціи. Луи-Наполеонъ Бонапартъ, племянникъ Наполеона I, сынъ его брата Людовика, короля голландскаго, избранъ былъ президентомъ французской республики въ 1848 г.; онъ явно сталъ стремиться въ возстановленію системы Наполеона I, давшаго странѣ спокойствіе, счастье и славу. Переворотомъ 2 декабря (21 ноября ст. ст.) 1851 г. Луи-Наполеонъ добился того, что ему была ввѣрена исполнительная власть на десять лѣтъ. Было совершенно ясно, что онъ подготовлялъ возстановленіе имперіи. Николай Павловичъ къ дѣятельности Наполеона относился сочувственно; возстановленіе порядка во Франціи его радовало. Но одною изъ статей союзнаго акта 1815 г. домъ Бонапартовъ навсегда былъ лишенъ престола Франціи; слѣдовательно, теперь предъ союзными дворами было затрудненіе: какъ отнестись къ признанію Наполеона императоромъ; Россія, Австрія, Пруссія и Англія вступили заблаговременно между собою въ переговоры, при чемъ сразу выяснилось, что особенно строго придерживался трактата императоръ Николай; скоро державы сошлись въ томъ, что необходимо признать Луи-Наполеона императоромъ; но Луи-Наполеонъ далъ понять, что онъ приметъ титулъ Наполеона III; Россія и Австрія находили

возможнымъ признать его только II, такъ какъ съ ихъ точки зрѣнія Наполеона II никогда не было; Николай Павловичъ находилъ, что для него не можетъ быть вопроса о Наполеонѣ III, такъ какъ «эта цифра—нелѣпость», что обращеніе должно быть только такое: «Его величеству, императору французовъ», а въ подписяхъ не «братъ», а только «Францъ-Іосифъ», «Фридрихъ-Вильгельмъ» и «Николай», и, если возможно, то и «Викторія». Но Англія признала Наполеона и «третьимъ» и «братомъ», Австрія и Пруссія сначала согласились не давать Наполеону титула «братъ» (собственно, вопросъ о «братѣ» возбудила Австрія), но затѣмъ заявили Россіи, что онѣ не могутъ отказать Наполеону въ этомъ титулѣ. Только одинъ русскій императоръ не призналъ Наполеона своимъ «братомъ»; послѣдній принялъ грамоты безъ этого титула, но ни онъ ни вся Франція не забыли оскорбленія, нанесеннаго имъ. Императоръ Николай видѣлъ затрудненія на Востокѣ, зналъ, что ихъ причина Франція и, тѣмъ не менѣе,—а, можетъ-быть, по тому самому,—онъ не пошелъ ни на какія уступки; «государь, по словамъ его канцлера, далъ урокъ Лун-Наполеону, который понесъ наказаніе за то, что онъ самъ противопоставилъ свой демократическій принципъ нашему».

Эти годы, 1848—1852 г., безусловно апогей величія императора Николая; онъ являлся рѣшителемъ судебъ Европы. Но слово этого властелина оказывалось безсильнымъ на Востокѣ.

Николай Павловичъ уже предрѣшилъ, что Турція должна въ скоромъ времени пасть: мысли государя часто возвращаются къ этому предмету, онъ ищетъ себѣ союзниковъ, онъ намѣчаетъ планъ дѣйствій; въ 1852 г. государь предвидѣлъ войну съ Турціей и не сомнѣвался, что война кончится паденіемъ Оттоманской имперіи, несмотря даже на помощь, которую французы окажутъ Портѣ. Государя занимало, какъ поступить дальше; Россіи онъ назначалъ Молдавію и Валахію съ частью Болгаріи, Болгарія и Сербія дѣлались независимыми, Австрія получала побережье Адріатическаго и Эгейскаго морей; Египетъ, Каиръ и Родосъ давались Англіи, Критъ — Франціи, острова Архипелага — Греціи; Константинополь становился вольнымъ городомъ, на Босфорѣ — русскій гарнизонъ, Дарданеллы въ рукахъ австрійцевъ. Въ этихъ расчетахъ не обращено никакого вниманія на народности; цѣль — лишь всѣмъ дать по куску. Въ началѣ 1852 г. Николай Павловичъ старался въ бесѣдахъ съ англійскимъ посланникомъ Сеймуромъ склонить Англію къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. «У насъ на рукахъ,—говорилъ государь,—человѣкъ больной и сильно больной. Я говорю откровенно, что было бы большимъ несчастіемъ, если бы онъ скончался на-дняхъ и въ особенности раньше, чѣмъ будетъ заключено необходимое соглашеніе». Въ согласіи съ Англіей государь расчитывалъ разрубить Гордіевъ узелъ и навсегда покончить съ Восточнымъ вопросомъ. Императоръ хотѣлъ привлечь

на свою сторону и Австрію; когда зимой 1852—1853 г. Австрія изъ-за пограничныхъ дѣлъ грозила Турціи въ ультиматумѣ войной, государь немедленно написалъ Францу-Іосифу: «Ты можешь быть впередъ увѣреннымъ, что если послѣдуетъ война между тобой и Турціей, то это будетъ равносильно тому, что Турція объявила войну мнѣ». Императоръ видѣлъ необходимость возстановить авторитетъ Россіи въ дѣлахъ Востока и искалъ союзниковъ, но въ то же время смутное предчувствіе большой опасности закрадывалось въ его душу. Онъ бодрился, пытался увѣрить себя и другихъ, что Турція безнадежно больной человѣкъ, что стоитъ ему объявить ей войну, какъ поднимутся балканскіе христіане и Турція неминуемо падетъ. Но въ то же время императоръ сознавалъ, что Турцію будутъ поддерживать другіе, будутъ стараться ее оживить.

Императоръ изъ опыта предшествовавшей войны съ Турціей видѣлъ, что наилучшимъ средствомъ нанести рѣшительный ударъ Турціи было бы высадить значительный десантъ поблизости Константинополя; тогда война кончилась бы быстро. Но это было большимъ рискомъ: нашъ десантъ оказался бы въ весьма трудномъ положеніи, если бы на Черномъ морѣ господствовалъ не нашъ флотъ. Императоръ Николай былъ увѣренъ, что турецкій флотъ будетъ разбитъ и уничтоженъ русскимъ, но сознавалъ, что съ флотомъ французскимъ, не говоря уже объ англійскомъ, если тотъ или другой явятся на помощь туркамъ, русскому флоту не сладить. Исходомъ изъ создавшагося труднаго положенія могъ бы быть быстрый и энергичный образъ дѣйствій: предъявленіе ультиматума и немедленно, въ случаѣ отказа, высадка десанта. Подобный образъ дѣйствія былъ не въ характерѣ Николая Павловича. Онъ остановился на полумѣрѣ: потребовать отъ Порты удовлетворенія въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ, подтвержденія ею правъ православной церкви въ Турціи и права Россіи дѣлать представленія султану въ случаѣ нарушенія правъ православной церкви; секретныя статьи устанавливали оборонительный союзъ между Россіей и Турціей: Россія обязывалась помогать Турціи и нравственно и вооруженною силою въ случаѣ нападенія на нее съ чьей-либо стороны.

Императоръ Николай явно хотѣлъ поставить Турцію въ зависимое отъ себя положеніе: султанъ признавалъ бы за русскимъ государемъ право протектората надъ многочисленными его православными подданными и за это получалъ вооруженную защиту послѣдняго. Безъ сомнѣнія, требованіе это шло въ разрѣзъ съ Мюнхенгрецкой конвенціей и Лондонскимъ протоколомъ, установившими по дѣламъ Востока европейскій концертъ, и заинтересованныя державы имѣли право говорить, что Россія стремится создать себѣ особо привилегированное положеніе на Востокѣ. Императоръ Николай, слѣдовательно, снова измѣнилъ свою политику; ранѣе согласный на установленіе концерта, императоръ видѣлъ въ этомъ начало соглашенія

на раздѣлъ Турціи; «союзники» его приступили къ этимъ актамъ съ совершенно противоположными взглядами, расчитывая связать Россіи руки и оживить тѣмъ временемъ Турцію. Въ основѣ соглашенія лежитъ нѣчто недоговоренное; соглашенія эти напоминаютъ нѣсколько Тильзитскій договоръ. Увидѣвъ неожиданныя послѣдствія соглашенія, увидѣвъ, что въ Турціи Россія имѣетъ постоянно усиливающагося врага, императоръ считалъ своимъ долгомъ устранить созданную имъ же опасность. Моментъ для этого выбранъ былъ совершенно неудачно: Франція была противъ него, съ Англіей соглашенія не было и можно было догадываться, что она будетъ заодно съ Франціей.

Государь предполагалъ, что Порта не рѣшится отказать ему; въ крайнемъ случаѣ онъ расчитывалъ на поддержку Австріи и Пруссіи. Но всѣ эти расчеты оказались не вѣрны: требованія, представленныя въ Константинолѣ кн. Меншиковымъ, были отвергнуты Портою подъ вліяніемъ пословъ Франціи и Англіи; англо-французскій флотъ немедленно придвинулся къ Дарданелламъ, готовый каждую минуту оказать помощь Турціи. Въ іюнѣ 1853 г. русскія войска заняли княжества; осенью императоръ ѣздилъ на маневры австрійскихъ войскъ въ Ольмюцъ и затѣмъ въ Варшавѣ принималъ императора австрійскаго и короля прусскаго. Изъ разговоровъ съ ними государь вынесъ тягостное впечатлѣніе, что онъ не только не можетъ расчитывать на помощь союзниковъ, но долженъ опасаться перехода ихъ во вражескій станъ. Дипломатія и система Николая I потерпѣли полное крушеніе. Онъ остался одинъ противъ многихъ враговъ. Въ распоряженіи союзниковъ было 108 милл. чел., у императора Николая—60 милл. чел.; ихъ доходы были приблизительно 3 милліарда франковъ, у императора Николая—1 милліардъ франковъ. 20 октября 1853 г. объявлена была война Турціи, 2 апрѣля 1854 г.—Англіи и Франціи.

Силы были неравны; но они нападали, мы защищались, что до нѣкоторой степени уравновѣшивало шансы. Была ли готова Россія встрѣтить врага? Не будемъ повторять извѣстнаго: большая часть населенія Россіи была еще въ крѣпостной зависимости и коснѣла въ невѣжествѣ; средній городской классъ сравнительно съ западно-европейскимъ былъ бѣденъ, малоразвитъ и немногочисленъ; общество не принимало почти никакого участія въ управленіи, въ огромномъ большинствѣ своемъ слабо интересовалось политическою жизнью. Все это были невыгоды Россіи общія; армія, флотъ и казна Россіи были тоже въ неудовлетворительномъ состояніи.

Армія составляла предметъ постоянныхъ заботъ императора, Николай I имѣлъ 1 января 1853 г. на дѣйствительной службѣ 1.000.318 чел. ниж. чин., считая же и безсрочно отпускныхъ, было 1.365.786 нижнихъ чиновъ. Это огромная армія, но резервныхъ войскъ почти не существовало и потому армія сра-

вительно очень быстро таяла, какъ только начинались военныя дѣйствія. Уже въ 1854 г., когда военныя дѣйствія не достигли полнаго развитія, государь видѣлъ, что нужно бы отправить отрядъ въ Крымъ, но писалъ: «Назначить же мнѣ пѣхоту въ сей отрядъ неоткуда, ибо уже ничѣмъ не располагаю», а лѣтомъ 1854 г. войскъ не хватало на оборону и западной границы. Огромное большинство нашей арміи вооружено было старыми кремневыми ружьями, стрѣлявшими не далѣе 300 шаговъ и не скорѣе одного выстрѣла въ минуту и едва 4% арміи вооружены были нарѣзными штуцерами, стрѣлявшими на 800—1200 шаговъ; у французовъ же треть, а у англичанъ даже половина были вооружены штуцерами.

Николай Павловичъ лучше многихъ въ Россіи видѣлъ пользу желѣзныхъ дорогъ, но была одна Николаевская дорога; ничего не было сдѣлано на югѣ для облегченія передвиженій войскъ. Императоръ Николай проявилъ большой интересъ и обычную свою кипучую дѣятельность въ дѣлѣ возсозданія флота; онъ поставилъ себѣ задачей имѣть такой флотъ, который бы могъ успѣшно бороться съ соединеннымъ флотомъ двухъ морскихъ державъ; въ 1853 г. никто не сомнѣвался въ томъ, что мы не можемъ мѣряться съ англичанами на морѣ, но предполагалось, что оборонительную войну флотъ будетъ въ состояніи вести; мы имѣли недурной парусный флотъ, но лѣтъ за 10 до войны въ судостроеніи за границей получили преобладаніе паровыя и притомъ винтовыя суда; Англія и Франція не пожалѣли огромныхъ издержекъ, чтобы завести такой флотъ. У насъ же не было ни подходящихъ доковъ, ни машинъ, ни мастеровъ и заказанные какъ разъ передъ войной въ Англіи винтовые механизмы для нѣсколькихъ военныхъ судовъ, конечно, были конфискованы.

Въ моральномъ отношеніи армія, съ такою доблестью отстаивавшая Севастополь, отличалась отъ арміи 1812—1815 гг. гораздо меньшею живостью и жизненностью: дисциплина наложила на нее свою руку, она послушна, но по сравненію съ тою нѣма и холодна. Съ точки зрѣнія дисциплины армія 1812 г., вѣроятно, оставляла желать очень многаго: она волновалась, она недовольна главнокомандующимъ, она безпокоилась, не будетъ ли преждевременно заключенъ миръ, она просила царя самого принять главное командованіе; но то была отзывчивая, дѣятельная, понимающая обстановку армія, но такъ много въ ней героевъ, геройства, смѣлыхъ и рѣшительныхъ поступковъ; оттого сравнительно часто не очень высоко стоящій чинъ, дивизіонный генералъ, разрушалъ планы самого Наполеона (Невѣровскій, Раевскій), въ той арміи много привычки жить своимъ умомъ. Въ кампаніи 1853—1856 гг. войска болѣе дисциплинированы, но указанныхъ свойствъ нѣтъ; напротивъ, исполняютъ предписанное, придерживаясь буквы, боясь взять что-либо на свою отвѣтственность. Такою же рутиною отмѣ-

чены всѣ дѣйствія войскъ. Огромная армія открываетъ свои дѣйствія на Дунаѣ совсѣмъ неудачно; до объявленія войны Франціей и Англіей не успѣваютъ одержать сколько-нибудь значительныхъ побѣдъ. Въ Крыму она борется оборонительно, тогда какъ всѣ ждали, что, собравшись съ силами, она опрокинетъ непріятельскіе десанты въ море.

Наконецъ денежные рессурсы оказались также мало развитыми. Императоръ Николай унаслѣдовалъ отъ Александра разстроенное финансовое положеніе: 163 милл. р. сер. и 46 м. гос. серіями долга, и на 600 милл. руб. ассигнацій, т.-е. тоже долга. Канкринъ весьма искусно произвелъ девальвацію долга, послѣ чего государственный долгъ къ 1 янв. 1840 г. выразился въ суммѣ 263 милл. р. сер.; къ сожалѣнію, несмотря на девальвацію, расходы постоянно превышали доходы и въ то же время росли недоимки, что являлось тревожнымъ признакомъ тяжелаго положенія народнаго хозяйства, дефициты стали хроническимъ явленіемъ и покрывались займами: къ 1 янв. 1852 г. долгъ возросъ уже до 400 милл. р. с., доходъ 1851 г. равнялся 225 м. р. с., расходъ—261 м. р.; дефициты были огромные: 108 м. р. за 1853 г., 146 м. р. за 1854 г., 282 м. р. за 1856 г.; въ 1857 и 1858 гг. приходилось употребить огромныя суммы за войну, которая стоила странѣ 800 м. р.; къ 1 янв. 1856 г. долги возросли до 533 м. р., дефициты покрывались займами и усиленными выпусками кредитныхъ билетовъ; сначала курсъ ихъ держался весьма прилично: такъ, въ 1852 г. 1 р. кред. равнялся почти 99 к., 1853 г.—99,5 к., въ 1854 г.—94, 2 мет. коп., въ 1855 г.—93 к., въ 1856 г.—98,4 к.

Военныя и дипломатическія неудачи подорвали здоровье Николая Павловича; слишкомъ много пришлось ему пережить и перечувствовать. «Буди воля Божія,—писалъ онъ въ ноябрѣ 1854 г.,—буду нести мой крестъ до истощенія силъ».

Силы оставляли его. 11 февраля Николай Павловичъ долженъ былъ слечь въ постель и съ каждымъ днемъ онъ становился слабѣе. Онъ пріобщился Св. Таинъ, простился съ своей семьей, наслѣднику своему сказалъ: «Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи я люблю васъ больше всего на свѣтѣ». 18 февраля 1855 г. послѣ полудня, императоръ Николай Павловичъ скончался.

Время императора Николая принято называть эпохой реакціи. Это не совсѣмъ справедливо. Реакція противъ чего? Со времени Отечественной войны преобразовательная дѣятельность императора Александра I, не очень значительная и прежде, прекратилась совсѣмъ; мало того, въ послѣдніе годы его царствованія уни-

чтожено было многое устроенное въ первые годы; эпоха 1820—1825 г. характеризуется рѣшительнымъ застоемъ въ дѣлахъ. Такимъ образомъ, прямой реакціи Александровской эпохѣ и не могло быть. Царствованіе Николая I можно назвать реакціоннымъ только по его отношенію къ общественному мнѣнію страны, къ участію общества въ управленіи. По смерти Петра Великаго до 14 декабря 1825 г. общественное мнѣніе дворянства обыкновенно вліяло на политику государства; въ иныя эпохи оно вліяло сильнѣе, въ другія слабѣе, но почти въ каждое царствованіе (кромѣ кратковременныхъ) можно указать нѣсколько важныхъ актовъ правительства, объясняемыхъ воздѣйствіемъ на него того, что составляло въ данную эпоху общество. Императоръ Николай не допускалъ никакого вліянія общества на него, онъ рѣзко отдѣлялъ правительство отъ управляемыхъ; правительство знаетъ, что и когда дѣлать, и онъ бывалъ безусловно недоволенъ за всякое подсказываніе. Правительство можетъ и должно иногда совѣтоваться съ лицами, въ составъ его не входящими, но опять-таки оно знаетъ съ кѣмъ, у кого спросить совѣта. Императоръ Николай любилъ думать, что онъ подражаетъ Петру Великому; еще болѣе онъ любилъ, когда другіе его сравнивали съ Преобразователемъ. И въ дѣйствительности есть немало сходныхъ чертъ между обоими монархами, изъ которыхъ первый создалъ военную славу и мощь Россіи, а второй въ значительной мѣрѣ утратилъ ее. Правительства того и другого отличались большой силою, крѣпостью; оба монарха были удивительные работники на тронѣ, оба смотрѣли на себя какъ на первыхъ, наиболѣе обязанныхъ слугъ государства, оба любили Россію и стремились къ благу ея; оба были ясно и просто вѣрующіе сыновья православной церкви, подчинявшіе, однако, интересы церкви интересамъ государственности; складъ ума обоихъ монарховъ былъ одинаковъ: они оба гораздо лучше усвоивали образы и вещи, чѣмъ мысли, идеи, оба были военные, войско и флотъ считали главнѣйшею частью въ государствѣ, оба поэтому военнымъ дѣламъ посвящали исключительныя заботы и не останавливались предъ издержками, чтобы поставить военную часть на надлежащую высоту; оба они—не полководцы, а организаторы, устроители армій; оба одинаково знанія прикладныя предпочитали знаніямъ теоретическимъ, оба были недурные рисовальщики, инженеры; оба въ управленіе вносили много личнаго, полагаясь больше на личныя впечатлѣнія; оба вели себя на манеръ Гарунъ-аль-Рашида.

Сходство безусловно есть, но есть и различіе. Прежде всего у Николая Павловича не было той силы ума, какой обладалъ талантъ, почти геній Петра, условія правленія были уже совсѣмъ не тѣ: Петръ правилъ сравнительно небольшимъ, въ 12—14 милліоновъ, народомъ, еще не вышедшимъ изъ условій патріархальной жизни; Николай управлялъ огромной имперіей съ 60 милліонами населенія, состоявшаго изъ очень многихъ народовъ, поставленныхъ до него

въ разныя условія по отношенію къ центру. Задача правленія стала гораздо сложнѣе, требованія населенія выше, и система личнаго управленія, вполнѣ пригодная въ XVII—XVIII вв., отжила свой вѣкъ въ половинѣ XIX в. Неизмѣримо сложнѣе стали отношенія международныя. Затѣмъ Петръ—свободенъ, Николай—связанъ: Петръ имѣетъ младенчески чистую вѣру, а Николай знаетъ цѣну знанія, но вмѣстѣ онъ и боится этого знанія; Петръ вѣритъ, что знаніе избавитъ его отъ ужасовъ стрѣлецкихъ и раскольничьихъ мятежей, Николай боится, что знаніе принесетъ съ собой революцію; Петръ распространялъ ученіе и свѣтъ всюду, Николай боялся, какъ бы знаніе не стало средствомъ низшимъ сословіямъ затирать высшія; Петръ искалъ и находилъ сотрудниковъ вездѣ, Николай—только въ немногочисленныхъ рядахъ избранныхъ имъ. Петръ вѣрилъ въ себя, свою власть и свой народъ; онъ не боялся сознаваться въ своихъ ошибкахъ, въ убѣжденіи, что ошибки сознанныя не умаляютъ его авторитета; Николай считалъ населеніе ребятами, но въ то же время боялся, что оно недостаточно уважаетъ власть; въ ошибкахъ ея онъ не только не сознавался, но и старательно прикрывалъ ихъ; Петръ шелъ къ поставленной цѣли, мало заботясь о томъ, въ какомъ видѣ Россія къ ней придетъ; если бы Николай Павловичъ былъ на его мѣстѣ, онъ захотѣлъ бы достичь тѣхъ же результатовъ, но сохранилъ бы всю археологію XVII в., т.-е. и бояръ, и стольниковъ, и приказы, и т. п.

Едва ли при такихъ условіяхъ и въ XVIII в. Николай Павловичъ добился бы результатовъ Петра; но несчастье его удваивалось и утраивалось отъ того, что онъ правилъ въ XIX в., когда другіе народы лихорадочно быстро развивали свои матеріальныя силы. Императоръ Николай велъ Россію впередъ, но медленно, слишкомъ медленно сравнительно съ другими, отчего Россія отставала.

Императоръ Николай не совсѣмъ походилъ на монарховъ XVIII и тѣмъ болѣе XIX вѣка: чувство и сердце часто брали у него верхъ надъ разумомъ. Несмотря на практическій складъ его ума, въ характерѣ его было много идеальнаго, рыцарскаго, совершенно чуждаго мелочности и меркантильности. Онъ былъ рыцарь слова и вѣрилъ другимъ и, къ сожалѣнію, тѣмъ, которые его обманули и покинули.

Кабинетъ императора Александра Николаевича въ Зимнемъ дворцѣ. Въ кабинетѣ этомъ императоръ скончался.

ИМПЕРАТОРЪ

Александръ II Николаевичъ.

(1818—1855—1881).

I.

Юность и время до воцаренія.

Императоръ Александръ II Николаевичъ родился въ Москвѣ 17 апрѣля 1818 года. Родители были въ восторгѣ отъ рожденія первенца-сына. «Впрочемъ,—отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ императрица Александра Ѳеодоровна,—я почувствовала нѣчто серьезное и меланхолическое при мысли, что это маленькое существо призвано стать императоромъ»: сердце матери какъ бы чуяло, что не легка будетъ жизнь ея царственнаго младенца.

Рожденіе Александра Николаевича Жуковскій воспѣлъ въ красивыхъ стихахъ, въ которыхъ высказалъ рядъ вдохновенныхъ пожеланій:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій «человѣкъ»!

Императоръ Александръ II.
1818—1881.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

Императоръ Александръ II.

1818—1881.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

Пожеланія эти сбылись: тридцать семь лѣтъ спустя въ Россіи воцарился одинъ изъ гуманнѣйшихъ государей, какихъ знаетъ исторія, прославившій великими реформами свое имя и эпоху.

Когда Александру Николаевичу исполнилось шесть лѣтъ, его передали изъ женскихъ рукъ въ мужскія; его воспитателемъ былъ назначенъ капитанъ Мердеръ. Это былъ боевой офицеръ, человѣкъ хорошей души и твердаго характера; онъ вполнѣ сознавалъ всю важность лежавшей на немъ отвѣтственности и сумѣлъ, съ одной стороны, развить хорошія стороны сердца и ума своего питомца, съ другой — бороться съ его недостатками. Обстановка первоначальнаго воспитанія будущаго царя-освободителя сложилась очень благопріятно: онъ былъ окруженъ общимъ доброжелательствомъ и любовью, и прежде всего любовью своихъ родителей, которые, однако, не баловали чрезмѣрно своего сына и держали его, по большей части, вдали отъ той пышности, которою были сами окружены: она, конечно, не могла быть благопріятнымъ условіемъ для нормальнаго, здороваго воспитанія ребенка.

Николай Павловичъ опредѣленно высказывалъ, что желаетъ воспитать въ своемъ сынѣ человѣка, раньше чѣмъ сдѣлать изъ него государя. Онъ искалъ своему сыну подходящаго наставника и нашелъ его въ лицѣ извѣстнаго поэта Жуковскаго. Это былъ истинный гуманистъ въ самомъ высокомъ смыслѣ слова, человѣкъ, сумѣвшій и ученику своему внушить уваженіе къ личности и достоинству человѣка, а это качество очень цѣнно въ монархѣ и дѣлаетъ его близкимъ и дорогимъ сердцу народа. Понимая всю важность возложеннаго на него порученія и отвѣтственность передъ родиной за надлежащую подготовку будущаго государя, Жуковскій горячо принялся за дѣло, которое всего его поглотило и стало главнѣйшею цѣлью его жизни. Онъ уѣхалъ за границу и на свободѣ, въ уединеніи, занялся подготовительной работой къ предстоящимъ обязанностямъ и прежде всего составленіемъ плана ученія наслѣдника. «Работы у меня много,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,—на рукахъ моихъ важное дѣло. Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю права и возможности употреблять ни минуты на что-либо другое».

Въ планѣ, составленномъ Жуковскимъ, на первое мѣсто выдвигалась нравственная сторона, моральное воспитаніе, развитіе природныхъ добрыхъ качествъ и борьба съ дурными побужденіями и наклонностями; цѣль ученія — образованіе добродѣтели. Въ систему преподаванія наслѣднику должны были войти, кромѣ предметовъ общаго начальнаго образованія, науки естественныя и гуманитарныя и, наконецъ, вѣнцомъ всего должно было быть систематическое чтеніе лучшихъ произведеній литературы, въ особенности тѣхъ, которыя знакомили бы будущаго императора съ Россіей и русскимъ народомъ. Въ планѣ ученія не были забыты и иностранные языки: наслѣднику предполагалось преподавать французскій,

нѣмецкій, англійскій, польскій и латинскій. Отводилъ нѣкоторое мѣсто Жуковскій и обученію военному дѣлу: ознакомленію съ нимъ предполагалось посвящать ежегодно лѣтнее вакаціонное время (полтора мѣсяца), но, озабочиваясь болѣе воспитать человѣка и монарха, нежели полководца, Жуковскій опасался увлеченія военщиной и не сочувствовалъ раннему появленію наслѣдника въ военной обстановкѣ, на военныхъ торжествахъ и парадахъ. Зная вкусы и наклонности императора Николая Павловича, Жуковскій боялся, чтобы его питомца не увлекли солдатчиной и не потянули бы въ казармы, въ ущербъ умственному и нравственному его развитію. Мысли по этому поводу онъ высказалъ съ мужествомъ истиннаго гражданина императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ письмѣ по поводу появленія наслѣдника на военныхъ парадахъ во время коронаціи Николая Павловича. «Эпизодъ этотъ, государыня, — писалъ онъ, — совершенно излишній въ прекрасной поэмѣ, надъ которой мы трудимся. Ради Бога, чтобы въ будущемъ не было подобныхъ сценъ... Эти воинственныя игрушки не испортятъ ли въ немъ того, что должно быть первымъ его назначеніемъ? Долженъ ли онъ быть только воиномъ, дѣйствовать единственно въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будутъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственность?.. страсть къ военному ремеслу стѣснитъ его душу; онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ отечествѣ — казарму». Великому князю, говоритъ Жуковскій въ другомъ мѣстѣ, нужно быть не солдатомъ, а мужемъ, достойнымъ престола Россіи; для него не столь важно знаніе фронтовой службы, сколько дѣятельное пробужденіе высокихъ качествъ смѣлости, терпѣнія, присутствія духа, осторожности, рѣшительности и хладнокровія; онъ возставалъ противъ излишняго вниманія къ мелочамъ и формалистикѣ тогдашней военной службы, которыя не могли не вліять пагубно на юную, чуткую душу; онъ хотѣлъ, чтобы великій князь, не теряя даромъ драгоцѣннаго времени на военныя забавы, сдѣлался бы впослѣдствіи образованнымъ знатокомъ военнаго дѣла, способнымъ въ нужную минуту стать во главѣ своего народа на защиту чести и славы своей родины. Затѣмъ Жуковскій въ своемъ планѣ ученія останавливался на вопросѣ о товарищахъ наслѣдника и считалъ весьма полезнымъ для занятій его военнымъ дѣломъ образовать полкъ потѣшныхъ наподобіе потѣшныхъ Петра Великаго, но только непремѣнно изъ благовоспитанныхъ дѣтей. Жуковскій находилъ, что главною наукою наслѣдника должна быть исторія, которую онъ называетъ сокровищницею царскаго просвѣщенія. Въ оцѣнкѣ значенія исторіи Жуковскій слѣдуетъ Карамзину. Онъ говоритъ, что исторія наставляетъ опытами прошедшаго, объясняетъ настоящее и даетъ возможность предсказывать будущее. Она знакомитъ государя съ нуждами его страны и вѣка, она воспла-

менитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству; изъ нея извлечетъ государь правила дѣятельности царской. Вотъ что писалъ Жуковскій для своего высокаго воспитанника: «Вѣрь, что власть царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь сему, какъ вѣрили Маркъ-Аврелій и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкой надъ Божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ; законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти; но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ—просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе — оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастнѣйшій судья исполнителей его воли. Мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то-есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ — одно и то же; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ; истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народовъ. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: слѣпое самолюбіе царя, отдаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю. Не обманывайся на счетъ людей и всего земного, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели. Сіе есть вѣра въ Бога! Она защититъ твою душу отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей». Планъ Жуковскаго былъ одобренъ государемъ, впрочемъ, съ нѣкоторыми, существенными измѣненіями. Исключено было преподаваніе латинскаго языка, хотя Жуковскій придавалъ ему и классической литературѣ весьма большое воспитательное значеніе; не было создано полка потѣшныхъ, къ совмѣстнымъ же занятіямъ съ наслѣдникомъ привлекли двухъ его сверстниковъ — Паткуля и графа Віельгорскаго, а въ цѣляхъ военной подготовки онъ былъ зачисленъ въ списки I кадетскаго корпуса.

Въ 1827 году Жуковскій приступилъ къ преподаванію наслѣднику и его товарищамъ. Дѣти вставали въ 6 часовъ утра и послѣ молитвы и ѣды въ 7 часовъ начинали занятія, которыя съ не-

большимъ перерывомъ продолжались до полудня. Затѣмъ были еще послѣобѣденные уроки, а по вечерамъ гимнастика. Главное преподаваніе лежало на самомъ Жуковскомъ, законоучителемъ былъ протоіерей Павскій, математику преподавалъ академикъ Коллинсъ, далѣе были преподаватели англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и польскаго языковъ. При дальнѣйшемъ ученіи число преподавателей увеличивалось. Согласно плану ученія повѣрка пріобрѣтенныхъ на урокахъ знаній производилась на полугодовыхъ и годовыхъ экзаменахъ, происходившихъ обыкновенно въ присутствіи государя.

Александръ Николаевичъ былъ красивый, цвѣтущій мальчикъ, съ добрымъ сердцемъ и чувствительной душой; живой и ясный умъ его быстро схватывалъ все, что ему хотѣлось, память была хорошая, въ занятіяхъ же не всегда хватало усидчивости и прилежанія. Учился онъ въ общемъ очень недурно, хотя и не всегда съ одинаковымъ стараніемъ; Жуковскій послѣ одного изъ экзаменовъ поучалъ его: «владѣй собою, будь дѣятеленъ». Недостатокъ воли рано началъ въ немъ сказываться, точно такъ же какъ и неустойчивое состояніе духа: онъ легко переходилъ изъ одного настроенія въ другое, часто прямо противоположное, легко смѣялся, еще легче плакалъ. Воспитатель его огорчался недостаткомъ у него настойчивости, которая нерѣдко мѣшала ему побѣждать лѣность ума. Онъ любилъ физическія занятія и спортивныя развлеченія, хорошо стрѣлялъ, еще лучше плавалъ, фехтовалъ, ѣздилъ верхомъ. По праздникамъ къ нему собирались сверстники, преимущественно изъ приближенныхъ ко двору нѣмецкихъ фамилій, какъ-то: Фредериксъ, Адлербергъ, Нессельроде, сыновья Мердера. Дѣти старой русской аристократіи и настоящаго русскаго дворянства, которыми естественно бы было окружить царскаго сына, появлялись около него сравнительно въ небольшомъ числѣ: послѣ бунта декабристовъ Николай Павловичъ нѣсколько чуждался не только дворянъ лучшихъ русскихъ фамилій, но и ихъ дѣтей. Собиравшаяся молодежь занималась разными играми, среди которыхъ самой излюбленной была военная игра; ее особенно поощрялъ государь, принимавшій въ ней самъ живое участіе. Вообще Николай Павловичъ, слѣдуя своимъ вкусамъ, замѣтно тянулъ наслѣдника съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ военному обиходу и военнымъ торжествамъ и забавамъ. Онъ опредѣленно отдавалъ предпочтеніе военнымъ наукамъ передъ всѣми прочими отраслями человѣческаго знанія. «Я замѣтилъ,— сказалъ однажды Мердеру государь,—что Александръ показываетъ вообще мало усердія къ военнымъ наукамъ. Я хочу, чтобы онъ зналъ, что я буду непреклоненъ, если замѣчу въ немъ нерадивость по этимъ предметамъ; онъ долженъ быть военный въ душѣ, безъ чего онъ будетъ потерянъ въ нашемъ вѣкѣ»... Въ жертву военному образованію наслѣдника было принесено обученіе его естествознанію. Въ образованіи наслѣдника получился, такимъ образомъ,

пробѣлъ, тѣмъ болѣе досадный, что судьба опредѣлила ему царствовать въ эпоху расцвѣта естествознанія, въ эпоху господства идей, слагавшихся, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ изученія природы, хотя и не всегда умѣлаго.

Гораздо болѣе посчастливилось другой группѣ наукъ — наукамъ юридическимъ. Хотя самъ императоръ Николай Павловичъ относился къ юриспруденціи и ученымъ юристамъ безъ особеннаго сочувствія, а подчасъ и не безъ нѣкотораго презрѣнія, но, тѣмъ не менѣе, онъ допустилъ обученіе наслѣдника законовѣдѣнію, понимая его, правда, болѣе въ смыслѣ практическомъ: ознакомленія съ русскимъ Сводомъ Законовъ, чѣмъ въ смыслѣ ряда научныхъ дисциплинъ. Преподавателемъ былъ очень удачно избранъ М. М. Сперанскій, сподвижникъ Александра Павловича въ первую половину его царствованія и составитель Свода Законовъ. Онъ широко смотрѣлъ на поставленную ему задачу, и его «бесѣды о законахъ», продолжавшіяся около полутора года, представляли серьезный курсъ публичнаго права, который какъ нельзя лучше подготовилъ наслѣдника къ будущей его государственной дѣятельности. Сперанскій былъ проповѣдникъ законности и уваженія къ закону, — эти положенія одушевляли его въ государственной работѣ и руководили имъ при составленіи Полнаго Собранія и Свода Законовъ, ихъ же положилъ онъ въ основаніе своихъ лекцій наслѣднику. Говоря о самодержавной и неограниченной власти русскаго монарха, Сперанскій подчеркивалъ, что законы, волею его созданные, должны быть обязательны для него самого, точно такъ же, какъ и для его подданныхъ, до тѣхъ поръ, покуда они не будутъ отмѣнены или замѣнены новыми законами. Устанавливая принципъ незыблемости законовъ, какъ основаніе государственнаго порядка, Сперанскій поучалъ далѣе, что всякое право, а, слѣдовательно, право самодержавное — право только до тѣхъ поръ, пока оно основывается на правдѣ: тамъ, гдѣ кончается правда и начинается неправда, будетъ уже не право, а самовластіе. Умъ наслѣдника былъ хорошо подготовленъ Жуковскимъ и Мердеромъ къ воспріятію идей, проводившихся въ бесѣдахъ Сперанскаго; добрыя сѣмена падали на хорошо воздѣланную почву и принесли обильные плоды. Главнымъ образомъ благодаря этимъ тремъ лицамъ воспитался монархъ, дѣятельность котораго была проникнута постояннымъ стремленіемъ къ справедливости и глубокимъ уваженіемъ къ законности и закону.

Менѣе удачно поставлено было ознакомленіе наслѣдника съ внѣшними сношеніями Россіи и дипломатической частью. Руководителемъ Александра Николаевича въ этой сферѣ былъ назначенъ старшій совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Брунновъ. Этотъ ограниченный человѣкъ въ своемъ обзорѣ дипломатическихъ сношеній совершенно опускалъ не только эпоху московскихъ царей, но и время Петра Великаго; онъ начиналъ прямо

съ Екатерины II, дипломатическая дѣятельность которой вызывала съ его стороны полное осужденіе. По его мнѣнію, царствованіе Екатерины II создало для Россіи такія затрудненія, которыя еще долго будутъ удручать ея внѣшнюю политику. Брунновъ былъ поклонникомъ Священнаго Союза, которому онъ придавалъ громадное значеніе. Руководящими началами русской политики онъ считалъ «прямодушіе и честность» и полагалъ, что она, — какъ это и было въ то время,—должна сводиться къ тѣсному единенію съ Австріей и Пруссіей и постоянной враждѣ съ Франціей для наилучшаго сохраненія въ Европѣ порядка, созданнаго Вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года. Главная цѣль союза съ нѣмецкими дворами заключалась въ огражденіи Россіи отъ революціонной пропаганды. Австрія и Пруссія служили, по мнѣнію Бруннова, какъ бы заслономъ отъ напора зловредныхъ либеральныхъ идей, гнѣздомъ которыхъ онъ считалъ Францію. Поэтому дружбу и союзъ съ Берлиномъ и Вѣной надо поддерживать во что бы то ни стало,— поддерживать даже и въ томъ случаѣ, если бы съ ихъ стороны не было ни искренности, ни даже лойяльности.

Брунновъ считалъ положеніе Россіи на Востокѣ, созданное славными ея побѣдами надъ Турціей, «неудобнымъ и невыгоднымъ наслѣдіемъ»; принадлежавшее ей право на покровительство единовѣрцамъ называлъ «убыточнымъ»; опредѣленно высказывался противъ всякаго поощренія стремленій къ независимости христіанскихъ народовъ, населявшихъ Балканскій полуостровъ, и задачу Россіи на Востокѣ видѣлъ въ сохраненіи Турецкой имперіи. Эти идеи были въ значительной мѣрѣ повтореніемъ взглядовъ императора Николая Павловича, у котораго онѣ переплетались еще съ родственными симпатіями къ прусской королевской семьѣ. Подъ такимъ вліяніемъ слагались воззрѣнія будущаго императора Александра II на международное положеніе Россіи и внѣшнюю ея политику, и если для сформированія его въ нѣмецко-прусскомъ направленіи было, быть-можетъ, и недостаточно одного вліянія Бруннова, то эта недостаточность пополнялась вліяніемъ отца, мнѣнія котораго Александръ Николаевичъ почиталъ весьма высоко, даже и тогда, когда уже во многомъ обнаружилась безусловная ошибочность ихъ.

Такъ, не безъ нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ, но въ общемъ все же недурно шло дѣло образованія Александра Николаевича и къ двадцатилѣтнему возрасту, когда занятія съ нимъ кончились, онъ обладалъ уже довольно разнообразными и, по нѣкоторымъ отраслямъ знанія, значительными свѣдѣніями. Наслѣдникъ былъ цвѣтущимъ молодымъ человѣкомъ, умѣвшимъ располагать къ себѣ людей самыхъ различныхъ классовъ и общественныхъ положеній. Онъ любилъ повеселиться, потанцовать, поохотиться, охотно присутствовалъ на военныхъ смотрахъ и ученіяхъ, но умѣлъ также поддержать серьезный разговоръ и вникнуть въ сущность серьезнаго дѣла.

Согласно плану Жуковскаго, образованіе Александра Николаевича должно было закончиться путешествіемъ по Россіи, имѣвшимъ цѣлью ознакомить его съ тою страной, въ которой ему предстояло царствовать. Въ путешествіи сопровождали его: генералъ-адъютантъ Кавелинъ, замѣнившій умершаго Мердера, Жуковскій и нѣкоторыя другія лица. Въ виду краткости предоставленнаго на путешествіе времени приходилось ѣхать быстро, лишь съ небольшими остановками въ важнѣйшихъ городахъ: Жуковскій сравни-

Личная библіотека императора Александра Николаевича въ Зимнемъ дворцѣ.

валъ эту поѣздку съ чтеніемъ не самой книги, а одного лишь оглавленія ея.

Первымъ этапомъ на пути былъ Новгородъ, затѣмъ Тверь; далѣе путешественники объѣхали цѣлый рядъ городовъ средней сѣверо-восточной и отчасти южной Россіи, пересѣкли Уралъ и достигли Тобольска, откуда наслѣдникъ направился обратно. Повсюду Александръ Николаевичъ поклонялся святынямъ, осматривалъ достопримѣчательности, присутствовалъ на военныхъ парадахъ и танцовалъ на балахъ, которые давало ему дворянство. Всѣ слои провинціальнаго населенія привѣтствовали наслѣдника очень радушно, народъ окружалъ его толпами, отдѣльныя лица и различныя общественныя группы трогательно старались выказать ему вниманіе, за которое великій князь платилъ самымъ привѣтливымъ и ласко-

вымъ обращеніемъ. Путешествіе продолжалось около трехъ мѣсяцевъ и оставило очень хорошее впечатлѣніе въ наслѣдникѣ. Въ виду быстроты переѣздовъ и краткости остановокъ оно не могло имѣть серьезнаго образовательнаго значенія, но воспитательное его значеніе несомнѣнно: соприкосновеніе съ массой людей разныхъ сословій и положеній, съ которыми цесаревичъ долженъ былъ разговаривать, отвѣчать имъ на привѣтствія, благодарить за радушный пріемъ, содѣйствовало выработкѣ въ немъ такта и умѣнья обращаться съ людьми. Въ программу образованія наслѣдника входило заграничное путешествіе послѣ поѣздки по Россіи. Николай Павловичъ прежде всего, лѣтомъ 1838 г., повезъ старшаго сына къ своему другу, прусскому королю, такъ какъ всегда опредѣленно стремился передать сыну теплыя, родственныя чувства къ прусскому королевскому дому и политическія симпатіи къ прусскому государственному порядку. Вслѣдствіе антипатій императора Франція была исключена изъ числа странъ, которыя долженъ былъ объѣхать наслѣдникъ.

Въ Берлинѣ время было посвящено, главнымъ образомъ, военнымъ смотрамъ, парадамъ и маневрамъ. Изъ Берлина Александръ Николаевичъ съ Кавелинымъ, В. А. Жуковскимъ и еще нѣсколькими лицами отправился въ Швецію. Вмѣстѣ съ наслѣдникомъ поѣхалъ и государь, чтобы навѣстить уважаемаго имъ шведскаго короля Карла Іоганна (бывшаго маршала Бернадотта), энергичнаго союзника Александра I въ борьбѣ съ Наполеономъ. Въ Стокгольмѣ августѣйшіе гости нѣсколько дней осматривали достопримѣчательности города и его окрестности; постояннымъ спутникомъ ихъ былъ наслѣдный принцъ Оскаръ. Изъ Швеціи направились въ Данію, затѣмъ въ Ганноверъ, а оттуда въ Эмсъ, гдѣ наслѣдникъ пилъ воды, оттуда въ Веймаръ, гдѣ онъ съѣхался съ родителями; отсюда всѣ вмѣстѣ направились снова въ Берлинъ. Потомъ Александръ Николаевичъ поѣхалъ въ сѣверную Италію и въ Римъ, гдѣ былъ весьма радушно принятъ папой Григоріемъ XVI. Пребываніе въ Римѣ продолжалось болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Подробно осматривая городъ и его безчисленныя художественныя сокровища, Александръ Николаевичъ, однако, началъ уже скучать по Россіи. «Хотя Италія очень хороша, — писалъ онъ (1839) своему адъютанту Назимову, — но дома все-таки лучше. Завтра отправляемся въ Неаполь, а оттуда далѣе, по назначенному маршруту, такъ чтобы къ 20 іюня быть дома. О, счастливый день. Когда бы онъ скорѣе пришелъ!» Дальнѣйшій путь лежалъ затѣмъ обратно въ Римъ, оттуда въ Вѣну, послѣ которой состоялось посѣщеніе цѣлаго ряда небольшихъ нѣмецкихъ дворовъ. Въ Дармштадтѣ на Александра Николаевича произвела большое впечатлѣніе пятнадцатилѣтняя дочь герцога Людвига принцесса Марія и черезъ годъ она стала его невѣстой. Затѣмъ черезъ Голландію Александръ Николаевичъ направился въ Англію, гдѣ пробылъ

около мѣсяца. Молодая королева Викторія и высшее англійское общество принимали очень радушно и ласково русскаго гостя. Осматривалъ наслѣдникъ по обыкновенію различныя достопримѣчательности и историческіе памятники. Изъ Англіи черезъ Германію Александръ Николаевичъ отправился въ Россію и пріѣхалъ 23 іюня 1839 года въ Петергофъ, пробывъ въ заграничномъ путешествіи болѣе года. 16 апрѣля 1841 года наслѣдникъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Маріей Гессенской, принявшей православіе и нареченной Маріей Александровной.

Съ этого же времени, приблизительно, начинается и ознакомленіе его съ дѣятельностью высшихъ государственныхъ учрежденій, Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и другихъ комитетовъ и комиссій, какъ постоянныхъ, такъ и временно собиравшихся по различнымъ поводамъ. Наслѣдникъ предсѣдательствовалъ и въ секретныхъ комитетахъ, которые обсуждали вопросъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, и уже въ это время познакомился съ тѣмъ предметомъ, надъ которымъ ему впослѣдствіи пришлось много поработать. Впрочемъ, государственная дѣятельность наслѣдника занимала, такъ сказать, второе мѣсто, главное же вниманіе и наибольшее количество времени онъ удѣлялъ военной службѣ. Николай Павловичъ постоянно командировалъ наслѣдника для инспекціонныхъ осмотровъ войскъ, на маневры и различныя военныя торжества или для этой же цѣли бралъ его съ собою. Послужной списокъ наслѣдника (хранящійся въ Сенатскомъ архивѣ) буквально испещренъ фразами: «сопровождалъ государя императора въ такую-то поѣздку для осмотра войскъ»; «былъ командированъ» для такого-то смотра и т. под. Государь былъ очень доволенъ этой стороной дѣятельности наслѣдника, обнаруживавшаго большой интересъ къ военному дѣлу, и наслѣдникъ получилъ длинный рядъ высочайшихъ благодарностей за порученія вышеуказаннаго характера. Императоръ былъ доволенъ своимъ старшимъ сыномъ и вполнѣ ему довѣрялъ; поэтому, какъ только тотъ нѣсколько ознакомился съ ходомъ государственной машины, государь сталъ поручать ему разрѣшеніе текущихъ дѣлъ по центральнымъ учрежденіямъ во время отсутствія своего изъ Петербурга. Наслѣдникъ весьма внимательно относился къ этимъ новымъ для него обязанностямъ и постоянно заслуживалъ одобреніе своего отца.

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ наслѣдникъ сталъ уже вполнѣ взрослымъ человѣкомъ, имѣлъ свою семью, опредѣленный кругъ занятій, свой особый кружокъ приближенныхъ лицъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ придворнаго его штата и нѣсколькихъ адъютантовъ; и вкусы и наклонности его опредѣлились: онъ обнаруживалъ добрый, мягкій характеръ и попрежнему былъ подъ сильнымъ вліяніемъ отца. Къ этому времени лучшіе дѣятели начала царствованія Николая Павловича, какъ Кочубей, Новосильцевъ и Сперанскій, сходятъ одинъ за другимъ въ могилу, и на высшія

должности попадаютъ люди незначительные; самъ императоръ Николай Павловичъ оставляетъ свои прежнія попытки улучшеній управленія и правительственныхъ порядковъ, и въ Россіи прочно водворяется реакція, опиравшаяся на официальное признаніе полнаго благополучія и на систему покорнаго безмолвія. Наслѣдникъ не обнаруживалъ неудовольствія существующимъ порядкомъ и ходомъ вещей; онъ, повидимому, смотрѣлъ на все глазами своего отца и считалъ нормальнымъ все, что происходитъ вокругъ него. Революціонная волна, прокатившаяся по Европѣ въ 1848—1849 гг., обезпокоила русское правительство; хотя пожаръ и далеко, но искры отъ него могутъ долетѣть — и были приняты предохранительныя мѣры; реакція усилилась и стала выливаться въ рядъ придирчивыхъ, какъ бы злобныхъ, распоряженій, стѣснявшихъ до послѣдней степени умственную жизнь страны. Александръ Николаевичъ раздѣлялъ опасенія своего отца и находилъ необходимымъ вести борьбу съ вольнодумствомъ молодежи. Европейскія событія 1848—1849 гг. повліяли на него міровоззрѣніе въ томъ же направленіи, въ какомъ часто вліяютъ революціонныя выступленія народныхъ массъ на имущіе классы и на людей не только мягкихъ характеромъ, но и на людей твердыхъ, вполнѣ закаленныхъ жизнью: Александръ Николаевичъ становился человѣкомъ строго охранительнаго направленія.

Но ошибочная система царствованія Императора Николая Павловича принесла горькіе плоды. Противъ Россіи вооружилось общественное мнѣніе всей Европы и составилась могущественная коалиція. Борьбѣ противъ нашего отечества придавалось большое культурное значеніе, и цѣлью ея должно было быть ослабленіе Россіи, какъ наиболѣе крѣпкаго оплота реакціи. Крымская война почти сразу же обнаружила нашу полную неподготовленность къ серьезнымъ военнымъ дѣйствіямъ, нашу жалкую отсталость отъ цивилизованныхъ странъ Европы. Всѣмъ стало ясно, что тридцатилѣтнее господство показной военщины принесло страшный вредъ не только гражданской жизни Россіи, но и самой арміи, занимавшейся больше церемоніальными маршами, нежели подготовкой къ войнѣ. Правда, солдаты и офицеры сражались какъ львы, но большинство генераловъ были очень плохи и совершенно лишены иниціативы; хуже всего были старшіе начальники: долгое господство безпощадной, суровой и бездушной дисциплины сильно препятствовало и развитію, и движенію самостоятельныхъ и талантливыхъ людей, которые нужны для войны такъ же, какъ для всякаго крупнаго дѣла.

Факты убѣждаютъ человѣка лучше самыхъ краснорѣчивыхъ и мудрыхъ словъ; не могли они не произвести серьезнаго впечатлѣнія и на душу наслѣдника. Обладая яснымъ и просвѣщеннымъ умомъ, онъ такъ же, какъ болѣе образованные и лучшіе его современники, понялъ причину нашихъ бѣдствій и неудачъ,

онъ созналъ ошибочность системы, господствовавшей при его отцѣ и приведшей Россію въ тупикъ, изъ котораго не было видно выхода. Въ міровоззрѣніи его совершился переломъ, онъ, повидимому, понялъ, что такъ дѣло не можетъ идти дальше, что существующій порядокъ вещей отжилъ, что нельзя управлять громадной страной, опираясь лишь на малопросвѣщенное и своекорыстное чиновничество безъ всякой поддержки общественныхъ группъ, онъ понялъ все зло системы господства офиціальной лжи и показной мишуры. Онъ увидѣлъ слабую сторону порядковъ, господствовавшихъ при его отцѣ, хотя и не зналъ еще хорошенько, что̀ именно нужно сдѣлать для улучшенія грустнаго положенія вещей.

Въ эту истинно трагическую для Россіи минуту, когда на политическомъ ея горизонтѣ все сгущались и сгущались грозовыя тучи, а внутри страны царило уныніе, соединявшееся въ наиболѣе передовыхъ группахъ населенія съ раздраженіемъ и озлобленіемъ противъ правительства, скончался 18 февраля 1855 года Николай Павловичъ, и началось славное царствованіе императора Александра II.

II.

Первое время царствованія.

Несмотря на крайнюю затруднительность обстановки воцаренія, императоръ Александръ II проявилъ полное присутствіе духа и твердость. Первой его заботой было въ цѣляхъ скорѣйшаго достиженія возможно почетнаго мира энергичное продолженіе войны. На первомъ пріемѣ иностранныхъ дипломатовъ государь категорически и притомъ съ большимъ подъемомъ сказалъ: «Я готовъ протянуть руку примиренія... но если совѣщанія, которыя откроются въ Вѣнѣ, не приведутъ къ почетному для насъ результату, тогда я, господа, во главѣ вѣрной моей Россіи и весь народъ смѣло вступимъ въ бой». Кромѣ этого, государь упомянулъ, что во внѣшней политикѣ, онъ по примѣру своихъ предшественниковъ будетъ придерживаться началъ Священнаго Союза.

Съ этой стороны, такимъ образомъ, все оставалось, повидимому, по-старому, но во внутренней жизни Россіи сразу почувствовалась перемѣна политическаго курса, повѣяло свѣжимъ духомъ. Образованное общество, съ восторгомъ привѣтствовавшее воцареніе новаго государя, не обманулось въ своихъ надеждахъ, такъ какъ хотя и не было предпринято еще какихъ-либо крупныхъ шаговъ къ исправленію выяснившихся недостатковъ и золъ, но послѣдовала отмѣна цѣлаго ряда весьма непопулярныхъ мѣръ, принятыхъ въ концѣ прошлаго царствованія. Прежняя враждебность къ печатному слову уступила мѣсто болѣе терпимому отношенію къ литературѣ и періодической печати, измѣнилось отношеніе и къ университетамъ: отмѣнены были нѣкоторыя ограниченія при пріемѣ

студентовъ, вновь разрѣшено было посылать за границу для подготовки къ профессорской дѣятельности; заслуженнымъ профессорамъ, оставшимся на службѣ, были возвращены отнятыя у нихъ въ 1852 году пенсіи, послѣдовала отмѣна весьма стѣснительныхъ и обидныхъ мѣръ, клонившихся къ полному воспрещенію русскимъ подданнымъ выѣзда за границу. Всѣ эти и другія подобныя мѣропріятія имѣли слѣдствіемъ то, что государственная власть стала снова популярной, въ нее вѣрили и отъ нея ждали дальнѣйшаго исправленія недостатковъ и уничтоженія злоупотребленій, приведшихъ Россію къ политическому и общественному кризису.

Выразителемъ тогдашняго общественнаго настроенія явился извѣстный историкъ Погодинъ, такъ привѣтствовавшій радужную зарю новаго царствованія: «Въ трудныхъ обстоятельствахъ принялъ Государь свою державу. Ни одно вступленіе на престолъ въ русской исторіи не сопрягалось съ такими грозными внѣшними опасностями; но въ утѣшеніе и одобреніе можемъ сказать себѣ и то, что ни одинъ государь, съ начала своего царствованія, не пользовался такимъ общимъ расположеніемъ, такимъ неограниченнымъ довѣріемъ, такою горячею любовью, безъ примѣси всякихъ чувствованій отрицательныхъ, какъ онъ. Всѣ сердца къ нему стремятся, и не было, можетъ-быть, никогда минуты болѣе благопріятной, когда было бы такъ удобно, такъ легко сдѣлать всѣ нужныя преобразованія и исправленія. Преобразованія и исправленія внутреннія для насъ не только нужны, но и необходимы. Скажу болѣе: ими только можемъ мы спастися, ими только можемъ отвратить настоящія опасности и предупредить будущія, кромѣ, разумѣется, гнѣва Божія».

Хотя государь въ виду необходимости продолжать борьбу съ коалиціей и озабоченъ былъ преимущественно военными распоряженіями, тѣмъ не менѣе, онъ весьма интересовался и внутреннимъ управленіемъ и внимательно прислушивался къ указаніямъ на его недостатки. На первомъ же представленномъ ему отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ (за 1855 г.), Александръ Николаевичъ подчеркнулъ именно эту сторону, написавъ слѣдующія слова: «Читалъ съ большимъ любопытствомъ и благодарю въ особенности за откровенное изложеніе всѣхъ недостатковъ»... Съ такою же охотою неоднократно выслушивалъ онъ и въ слѣдующіе годы критику различныхъ сторонъ управленія. На всеподданнѣйшемъ рапортѣ сенатора Сафонова, ревизовавшаго въ 1859 г. Пензенскую губернію, государь написалъ: «Обращаю особое вниманіе Комитета Министровъ на этотъ добросовѣстный и дѣльный рапортъ..., за который объявить особую Мою благодарность. Дай Богъ, чтобы замѣчанія его, касающіяся вообще до нашего губернскаго управленія, послужили впрокъ», а противъ того мѣста рапорта, гдѣ сенаторъ писалъ, что онъ счелъ долгомъ откровенно изложить какъ тѣ несовершенства, которыя онъ усмотрѣлъ въ управленіи

Пензенскою губерніею, такъ и тѣ, которыя болѣе или менѣе свойственны другимъ частямъ обширнаго отечества нашего, государь помѣтилъ: «за это въ особенности я ему благодаренъ».

Духъ критики и недовольства порядками, доставшимися новому царствованію отъ Николаевскаго времени, широко распространился въ обществѣ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ XIX в., и монархъ, несмотря на всю свою любовь къ почившему отцу, въ этомъ отношеніи слѣдовалъ нерѣдко за своими подданными. Но недовольство не приводило тогда интеллигентныхъ людей, какъ то часто бываетъ, къ унынію и брюзжанію, оно вызывало въ нихъ добрыя чувства и желаніе работать на пользу государства и народа, что̀ служило залогомъ успѣшности предстоявшихъ нововведеній и реформъ.

Новый курсъ во внутренней политикѣ Россіи сталъ опредѣляться съ первыхъ же дней царствованія Александра II; быстро выяснилось и личное отношеніе монарха къ различнымъ сторонамъ государственной жизни и прежде всего—къ законности и закону. Въ этомъ отношеніи представляетъ большой интересъ манифестъ 21 мая 1855 г., которымъ устанавливались порядокъ опеки и организація правительства на случай смерти государя до совершеннолѣтія наслѣдника. «Постановленіемъ и обнародованіемъ сихъ правилъ,—говорится въ концѣ этого акта,—устраняя заранѣе всякое сомнѣніе въ волѣ и намѣреніяхъ Нашихъ въ отношеніи къ управленію государствомъ во время малолѣтства Нашего наслѣдника, Мы желали съ тѣмъ вмѣстѣ при самомъ началѣ Нашего царствованія явить любезнымъ и вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ новый знакъ благоговѣйнаго уваженія Нашего къ законамъ отечества. Да будутъ они всегда и всѣми столь же свято исполняемы, и на семъ, ничѣмъ незыблемомъ основаніи, да утверждаются болѣе и болѣе благоустройство, могущество и счастіе державы, отъ Бога Намъ врученной»; такой же взглядъ на законъ, какъ на важнѣйшую основу государственной и частной жизни, проводится и въ другихъ манифестахъ и указахъ; такъ, въ манифестѣ 15 марта 1856 года объ окончаніи войны съ коалиціей высказывается пожеланіе, чтобы «каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, наслаждался плодами мирныхъ трудовъ». Въ этомъ же манифестѣ находятся и знаменитыя слова: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ».

Эти мысли, высказанныя въ важнѣйшихъ государственныхъ актахъ начала царствованія Александра II, отражаютъ идеи и чувства, которыя ему внушали Жуковскій и Сперанскій; выраженныя въ прочувствованныхъ словахъ, онѣ не были лишь красивой риторикой, а представляли рядъ положеній программнаго характера, отъ которыхъ, въ той или иной степени, отправлялись послѣдовавшія въ шестидесятыхъ годахъ великія реформы. Обращенныя къ народу съ высоты престола многозначительныя слова о не-

зыблемости закона и о великомъ значеніи его, какъ первой основы государственнаго порядка, были какъ бы отвѣтомъ на горячія желанія различныхъ слоевъ населенія, чтобы былъ уничтоженъ царствовавшій всюду произволъ и водворилась законность въ управленіи.

Несмотря на замѣтное измѣненіе политическаго курса, правящая среда оставалась сперва почти безъ перемѣнъ; прежніе дѣльцы сохраняли свои мѣста, такъ какъ государь относился къ нимъ, какъ къ сотрудникамъ своего отца, съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Въ качествѣ новыхъ дѣятелей выступили братъ государя, великій князь Константинъ Николаевичъ, и Я. И. Ростовцевъ, бывшій ближайшимъ сотрудникомъ Александра Николаевича по управленію военно-учебными заведеніями.

Вел. кн. Константинъ Николаевичъ былъ одаренъ блестящими способностями. Выдающійся государственный умъ у него соединялся съ активнымъ, энергичнымъ характеромъ, настойчивою волей и сильнымъ честолюбіемъ. Недостатки своего образованія онъ, въ значительной мѣрѣ, пополнилъ впослѣдствіи. Это была крупная и яркая фигура на фонѣ окружавшихъ государя посредственностей. Онъ едва ли не живѣе своего старшаго брата сознавалъ всю неудовлетворительность установившихся въ Россіи порядковъ и горячо желалъ исцѣленія отъ золъ, разъѣдавшихъ государство. Поставленный во главѣ флота и морского вѣдомства, онъ приблизилъ къ себѣ цѣлый рядъ просвѣщенныхъ и либеральныхъ людей и, занимая спеціально военный постъ генералъ-адмирала, оказывалъ несомнѣнное вліяніе на все внутреннее управленіе. Это вліяніе не нравилось многимъ лицамъ правящей среды, и они стремились испортить добрыя отношенія между государемъ и его братомъ, чтобы лишить послѣдняго возможности играть крупную государственную роль, для которой у него имѣлись всѣ необходимыя данныя.

Я. И. Ростовцевъ не обладалъ выдающимися дарованіями; это былъ очень хорошій и неглупый человѣкъ, но безъ широкихъ горизонтовъ и притомъ неподготовленный къ роли государственнаго дѣятеля. Въ 1855—1856 годахъ его отнюдь нельзя было назвать человѣкомъ, проникнутымъ либеральными идеями. Онъ былъ недурнымъ начальникомъ небольшого вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, но, повидимому, вовсе не склонялся къ сколько-нибудь значительнымъ исправленіямъ и измѣненіямъ. Александръ Николаевичъ уважалъ Ростовцева и вполнѣ ему довѣрялъ; онъ имѣлъ полное основаніе быть увѣреннымъ въ его усердіи и преданности и могъ въ случаѣ надобности на него опереться, какъ на вѣрнаго и нелицемѣрнаго слугу и друга; но вдохновителемъ государя на великое дѣло реформъ Ростовцевъ не былъ и не могъ быть.

Такимъ образомъ изъ состава высшихъ должностныхъ лицъ перваго времени царствованія одинъ великій князь Константинъ

опредѣленно стремился къ реформамъ, прочіе же жили день за день, повидимому, мало заглядывая въ будущее. Положеніе Александра Николаевича вслѣдствіе этого было крайне затруднительно; онъ чувствовалъ необходимость измѣненій и реформъ, прежде всего необходимость уничтожить крѣпостное право, но по свойствамъ своего характера, мягкаго и не всегда настойчиваго, не легко могъ безъ посторонней поддержки и опоры предпринять рѣшительные шаги. Къ счастію, онъ нашелъ серьезную нравственную поддержку во всемъ, что касалось прогрессивныхъ мѣропріятій, въ средѣ царской фамиліи, со стороны своей тетки, вдовы вел. кн. Михаила Павловича, великой княгини Елены Павловны.

Эта замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ женщина, сыгравшая очень большую роль въ исторіи русскаго просвѣщенія и культуры XIX вѣка, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Пріѣхавъ изъ Германіи въ Россію пятнадцатилѣтней дѣвочкой, она сумѣла съ первыхъ же шаговъ въ своемъ новомъ отечествѣ заслужить не только всеобщую любовь, но и уваженіе. Кромѣ благотворительности, столь естественной со стороны женщины высшаго круга и обладающей большими матеріальными средствами, она интересовалась наукой, искусствомъ и литературой, вполнѣ разбиралась въ сложныхъ общественныхъ и государственныхъ вопросахъ и — что̀ не часто бываетъ въ женщинахъ ея положенія — горячо сочувствовала либеральнымъ реформамъ. Она истинно любила человѣчество, понимала нужды и страданія людей и всячески стремилась дѣлать имъ добро. Дворъ ея былъ средоточіемъ выдающихся русскихъ людей средины XIX вѣка, на ея обѣдахъ и пріемахъ можно было встрѣтить не только лицъ высшаго свѣта, но и ученыхъ, писателей, артистовъ и лучшихъ представителей бюрократіи: во дворцѣ ея были радушно приняты К. Д. Кавелинъ, Антонъ Рубинштейнъ, Самаринъ, братья Димитрій и Николай Милютины и др. Благодаря тѣсному общенію съ культурными силами тогдашней Россіи, Елена Павловна была хорошо освѣдомлена о настроеніи русскаго общества, его чаяніяхъ и ожиданіяхъ. Многія стороны тогдашней русской дѣйствительности были ей извѣстны лучше, чѣмъ всѣмъ прочимъ членамъ царской фамиліи, и она имѣла полную возможность о многомъ освѣдомлять Александра Николаевича, который охотно ее выслушивалъ и относился къ ней вообще съ глубокимъ уваженіемъ. Трудно установить, въ какой именно степени высокочеловѣчное и истинно государственное міровоззрѣніе Елены Павловны оказывало вліяніе на императора Александра II, но самый фактъ этого благотворнаго вліянія представляется несомнѣннымъ. У своей тетки онъ находилъ не только моральную поддержку, а нерѣдко и дѣльный совѣтъ по интересовавшимъ его вопросамъ первѣйшей государственной важности, полезныя указанія на пригодность того или иного лица для разработки и осуществленія новыхъ мѣропріятій.—Но прежде чѣмъ

сдѣлать что-либо на пути реформъ внутреннихъ, было необходимо закончить войну съ коалиціей.

Въ первые дни новаго царствованія были получены изъ Севастополя утѣшительныя извѣстія, что цѣлый рядъ нападеній непріятеля былъ отбитъ, и наши войска держались. Но князь М. Д. Горчаковъ, замѣнившій князя Меншикова въ командованіи арміей, счелъ возможнымъ дѣйствовать лишь очень осторожно и выжидательно до прихода подкрѣпленій, направленныхъ въ Крымъ изъ южной арміи въ количествѣ сорока баталіоновъ; армія коалиціи, однако, не теряла времени даромъ, и наши дѣла стали принимать неблагопріятный оборотъ. Начавшееся въ концѣ марта 1855 г. второе бомбардированіе Севастополя нанесло намъ большой ущербъ: наши укрѣпленія сильно пострадали, и изъ строя было выведено болѣе 6.000 человѣкъ убитыми и ранеными. Положеніе въ Севастополѣ быстро ухудшалось, и подкрѣпленія, прибывшія изъ южной арміи, не возстановили равновѣсія силъ, такъ какъ одновременно съ этимъ были усилены и союзники, при чемъ во главѣ французской арміи былъ поставленъ генералъ Пелисье, съ которымъ Горчаковъ отнюдь не могъ равняться военными дарованіями и энергіей. Главнокомандующій находился въ нерѣшительности, поджидалъ еще новыхъ подкрѣпленій и, несмотря на письма государя, побуждавшаго его предпринять что-либо рѣшительное, не былъ склоненъ переходить въ наступленіе. Наконецъ, по настоянію государя, былъ созванъ военный совѣтъ, и большинство членовъ высказалось за наступленіе со стороны рѣки Черной. Горчаковъ не сочувствовалъ этому движенію, но не имѣлъ мужества отказаться отъ наступленія, котораго желали въ Петербургѣ. Въ своемъ письмѣ къ военному министру князю Долгорукову онъ ясно выражалъ, что думалъ не только о томъ, какъ разбить непріятеля, сколько о томъ, какъ оправдаться предъ государемъ въ случаѣ могущей быть неудачи. Съ такими чувствами, конечно, трудно быть побѣдителемъ. И дѣйствительно, операція наша при рѣкѣ Черной кончилась полной неудачей, и русская армія совершенно безполезно потеряла убитыми и ранеными около 8.000 человѣкъ. Дни Севастополя были теперь сочтены. 27 августа 1855 г. послѣ жесточайшей трехдневной бомбардировки войска коалиціи двинулись на приступъ; несмотря на геройское сопротивленіе защитниковъ, Малаховъ курганъ былъ взятъ, на прочихъ укрѣпленіяхъ русскія войска съ удивительною стойкостью продолжали отбиваться, но дольше удерживать позиціи было невозможно; поэтому въ ночь на 28 августа, по приказанію князя Горчакова, южная сторона Севастопольской бухты была очищена нашими войсками—они перешли на сѣверную сторону. Паденіе Севастополя, конечно, очень огорчило государя, но онъ не терялъ присутствія духа и поспѣшилъ воздать справедливость его защитникамъ, обратившись къ нимъ съ прочувствованными словами, включенными въ приказъ по арміямъ.

Въ виду того, что организованныя незадолго передъ тѣмъ дипломатическія совѣщанія въ Вѣнѣ не привели къ мирнымъ переговорамъ, приходилось продолжать борьбу; государь занялся военными распоряженіями, обсуждалъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій и различныя подробности относительно укомплектованія и снабженія дѣйствующихъ армій. Онъ самъ отправился на югъ, осмотрѣлъ укрѣпленія Николаева, совершилъ объѣздъ крымской арміи и благодарилъ геройскія войска. По возвращеніи изъ своей поѣздки государь въ ноябрѣ получилъ извѣстіе о взятіи Карса Н. Н. Муравьевымъ; онъ былъ очень обрадованъ этой удачей, Муравьева наградилъ орденомъ Св. Георгія 2-ой степени, а славнымъ кавказскимъ войскамъ объявилъ свою благодарность.

Этимъ блестящимъ эпизодомъ закончилась неудачная война 1853—1855 годовъ. Воюющія стороны дѣятельно готовились къ продолженію кампаніи; поле борьбы должно было, повидимому, расшириться, такъ какъ Австрія готова была присоединиться къ нашимъ врагамъ; но вскорѣ стало выясняться миролюбивое настроеніе французскаго императора Наполеона III, который не прочь былъ вступить въ прямые и непосредственные переговоры съ Россіей. Для того, чтобы освѣдомить русское правительство о своихъ взглядахъ и желаніяхъ, Наполеонъ III чрезъ саксонскаго посланника при французскомъ дворѣ, барона Зеебаха, зятя нашего канцлера Нессельроде, сообщилъ въ Петербургъ, что онъ искренно желаетъ сблизиться съ Россіей; онъ совѣтовалъ принять условія мира, переданныя черезъ посредство Австріи; наиболѣе непріятная сторона этихъ условій заключалась въ нейтрализаціи Чернаго моря и уступкѣ части Бессарабіи. Предложенія эти были подвергнуты разсмотрѣнію въ особомъ совѣщаніи изъ высшихъ должностныхъ лицъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, и всѣ старые николаевскіе сановники, какъ Нессельроде, князь Долгоруковъ, графъ Орловъ и другіе, эти дѣятели режима, приведшаго Россію къ войнѣ, на которыхъ въ значительной степени лежала отвѣтственность за нашу изолированность во внѣ и за застой внутри государства, теперь совѣтовали поспѣшить заключеніемъ мира и принять безъ колебанія всѣ предлагаемыя намъ условія, а когда нашъ посолъ въ Вѣнѣ, кн. А. М. Горчаковъ, телеграфировалъ, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ отвергнуть предложенія Австріи, войти въ непосредственныя сношенія съ Наполеономъ и, удовлетворивъ Францію, добиваться удаленія изъ условій мира уступки части Бессарабіи, на которой настаиваетъ Австрія исключительно въ собственныхъ интересахъ, то Нессельроде даже не доложилъ этой депеши совѣщанію, созванному для обсужденія вопроса о мирѣ. Императоръ согласился со своими совѣтниками. Въ Вѣнѣ было подписано предварительное соглашеніе, по которому воюющія стороны должны были послать уполномоченныхъ въ Парижъ для выработки подробностей и подписанія мирнаго договора. Нашими

уполномоченными были назначены графъ Орловъ и посланникъ при германскомъ союзѣ баронъ Брунновъ. Нессельроде, такъ неудачно дѣйствовавшій въ области внѣшней политики, теперь въ непостижимомъ самообольщеніи, далъ имъ подробное наставленіе, въ которомъ указывалъ, какъ перехитрить на конгрессѣ Англію и Австрію или, по крайней мѣрѣ, кого-либо изъ нихъ, а одновременно обойти и Наполеона... Не будучи профессіональнымъ дипломатомъ, графъ Орловъ, тѣмъ не менѣе, довольно скоро оріентировался въ положеніи дѣлъ на конгрессѣ и, увидя сочувствіе къ намъ Наполеона, обратился непосредственно къ нему за посредничествомъ и поддержкой. Наполеонъ, повидимому, этого только и ждалъ. Къ нашимъ уполномоченнымъ онъ отнесся очень любезно, оказывалъ имъ всяческое вниманіе и обѣщалъ содѣйствіе къ заключенію мира, по возможности наименѣе обиднаго для Россіи. Практическимъ результатомъ этого настроенія было прежде всего сравнительно выгодное для насъ рѣшеніе вопроса о границѣ въ Бессарабіи: Россія потеряла гораздо меньшую ея часть, чѣмъ того желали и домогались австрійцы и англичане.

Парижскій мирный договоръ, подписанный 18 марта 1856 года, лишилъ насъ, кромѣ небольшой части Бессарабіи, еще правъ содержать на Черномъ морѣ военный флотъ и сильно подорвалъ на Ближнемъ Востокѣ наше вліяніе. Плоды побѣдъ Румянцева, Суворова и Кутузова,—плоды талантливой работы дипломатовъ послѣднихъ десятилѣтій XVIII и начала XIX вѣковъ, были въ значительной мѣрѣ утеряны неудачными и неумѣлыми ихъ преемниками, утратившими духъ живой и правильное пониманіе національныхъ интересовъ въ дѣлахъ иностранной политики и сосредоточившими всѣ свои усилія и все вниманіе на поддержаніи внутри страны внѣшняго, формальнаго порядка и покорнаго безмолвія.

III.

Отмѣна крѣпостного права.

Крѣпостное право установилось въ Россіи еще до воцаренія Дома Романовыхъ. Происхожденіе его и развитіе находилось въ зависимости отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, отъ задолженности крестьянъ землевладѣльцамъ и, во-вторыхъ, отъ государственныхъ потребностей и интересовъ, сводившихся прежде всего къ созданію вооруженной силы и наиболѣе успѣшному сбору доходовъ. Крѣпостные крестьяне содержали своихъ помѣщиковъ, государевыхъ служилыхъ людей, и за ихъ отвѣтственностью уплачивали надлежащіе налоги. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ было въ полномъ соотвѣтствіи какъ съ правовымъ положеніемъ другихъ сословій, такъ и съ общественнымъ сознаніемъ большинства русскихъ людей отъ конца XVI до половины XVII вѣковъ, когда лич-

ность была порабощена и закрѣпощена государствомъ, все приносилось ему въ жертву и служило его интересамъ: какъ крестьяне были крѣпки землѣ, такъ торговые люди и промышленники были прикрѣплены къ своимъ посадамъ, а государевы служилые люди — къ государственной службѣ. Весь строй тогдашней жизни былъ проникнутъ однимъ началомъ, что было и послѣдовательно и справедливо. Но во второй половинѣ XVIII в. произошли серьезныя измѣненія въ положеніи нашихъ высшихъ сословій: началось раскрѣпощеніе сперва дворянства, а затѣмъ и городского сословія; единство нашего государственнаго и общественнаго быта было нарушено, и крѣпостное право изъ органической части стройной системы обратилось въ сословную несправедливость въ отношеніи однихъ и въ сословную привилегію для другихъ. Уже передовые русскіе люди конца XVIII в. считали назрѣвшимъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, но правительство еще не раздѣляло этого взгляда; опираясь въ управленіи государствомъ на дворянское сословіе, въ массѣ своей дорожившее крѣпостнымъ трудомъ, императрица Екатерина II ничего не сдѣлала, чтобы улучшить положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Царствованіе Павла Петровича знаменуетъ собою поворотъ въ отношеніяхъ русской государственной власти къ крестьянамъ, но въ новомъ направленіи сдѣлано было крайне мало: все ограничилось установленіемъ воскреснаго отдыха для крѣпостныхъ крестьянъ. Александръ I въ началѣ своего царствованія весьма интересовался крестьянскимъ вопросомъ и въ 1803 г. издалъ указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, устанавливавшій порядокъ и условія отпуска на волю помѣщичьихъ крестьянъ. Этимъ указомъ воспользовалось лишь весьма небольшое число просвѣщеннѣйшихъ и богатыхъ представителей дворянства; не больше успѣха имѣлъ и законъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ. Безплодность этихъ законодательныхъ актовъ съ полной очевидностью доказывала, что дѣло освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія ихъ владѣльцевъ; выдвигалась необходимость радикальнаго рѣшенія крѣпостного вопроса, чего, конечно, трудно было ожидать отъ правительства Николая Павловича, тѣмъ болѣе, что обсуждали его и надѣялись рѣшить безъ всякаго участія общества, силами одной высшей бюрократіи. Правительство боялось освободительныхъ идей, которыя проникали въ умы, и весьма подозрительно и недоброжелательно относилось къ лицамъ, пытавшимся, хотя бы робко, говорить объ отмѣнѣ крѣпостного права. Вся польза отъ секретныхъ комитетовъ царствованія Николая Павловича сводилась къ тому, что Александръ Николаевичъ, предсѣдательствуя въ двухъ изъ нихъ, имѣлъ возможность ближе познакомиться съ крестьянскимъ вопросомъ. И вотъ, почерпнутыя такимъ путемъ свѣдѣнія, въ связи съ несомнѣннымъ вліяніемъ литературы и крѣпко запавшими въ его душу наставленіями Жу-

ковскаго, привели его къ рѣшенію освободить крѣпостныхъ крестьянъ. Такое настроеніе императора Александра II находилось въ соотвѣтствіи со взглядами большинства образованныхъ людей его поколѣнія, воспитавшихся на просвѣтительныхъ идеяхъ германской философіи 30-хъ годовъ XIX в.,—людей, которые читали и любили Пушкина и хорошо понимали Тургенева. Александръ Николаевичъ, вступивъ на престолъ, сознавалъ, что необходимо освободить крестьянъ, но какъ это сдѣлать, онъ еще не зналъ. Съ самаго начала новаго царствованія, какъ то обыкновенно бывало и раньше, стали распространяться слухи объ освобожденіи, которые, конечно, волновали и помѣщиковъ, и крестьянъ. Александръ Николаевичъ, во время пребыванія въ Москвѣ послѣ заключенія парижскаго мира, принимая представителей дворянства, обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью: «Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному я считаю нужнымъ объявить всѣмъ вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это сейчасъ. Но, конечно, и сами вы понимаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу. Прошу васъ, господа, обдумать, какъ бы привести все это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянамъ для соображенія». Слова государя произвели извѣстное впечатлѣніе, но не привели къ практическимъ результатамъ: московское дворянство не спѣшило приступать къ обсужденію крестьянскаго вопроса.

Къ этому времени на посту министра внутреннихъ дѣлъ Бибикова замѣнилъ С. С. Ланской, человѣкъ добрый и благожелательно настроенный къ крестьянамъ; но онъ, такъ же, какъ и государь, еще не представлялъ себѣ хорошенько, какимъ образомъ нужно приняться за трудное дѣло ихъ освобожденія. Не всегда хватало у него и энергіи для борьбы съ возникавшими препятствіями; но Ланской обладалъ очень цѣннымъ качествомъ: онъ слушалъ дѣльные совѣты своихъ подчиненныхъ и, чуждый мелочного самолюбія, добросовѣстно защищалъ мысли и проекты, хотя бы и не отъ него исходившіе, если только они клонились къ болѣе справедливому разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Ланской сперва былъ склоненъ итти къ нему не торопясь, съ большою осторожностью; «начавъ это важное дѣло,—говоритъ онъ въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ,—нельзя ни останавливаться, ни слишкомъ быстро итти впередъ; надо дѣйствовать осторожно, но постепенно, не внимая возгласамъ какъ пылкихъ любителей новизны, такъ и упорныхъ поклонниковъ старины»..... Императоръ Александръ II въ это время, повидимому, раздѣлялъ эту точку зрѣнія. По повелѣнію государя были сосредоточены въ министерствѣ

внутреннихъ дѣлъ всѣ дѣла объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, производившіяся въ прежнее время въ разныхъ вѣдомствахъ, и изъ этого матеріала товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, Левшину, было поручено составить историческую записку. Черезъ того же Левшина рѣшено было войти въ переговоры объ улучшеніи и измѣненіи быта помѣщичьихъ крестьянъ съ губернскими предводителями дворянства, собравшимися въ 1856 году въ Москву на коронацію, но переговоры эти не привели ни къ какому результату; предводители отмалчивались, отговариваясь неимѣніемъ надлежащихъ полномочій для обсужденія столь важнаго дѣла. Пытаясь войти въ сношенія съ представителями общества, Александръ Николаевичъ нашелъ своевременнымъ передать крестьянскій вопросъ на обсужденіе высшихъ сановниковъ государства, для чего былъ созданъ негласный комитетъ по подобію тѣхъ, которые не разъ учреждались въ царствованіе Николая Павловича. Въ составъ этого комитета входили убѣжденные крѣпостники, какъ М. Н. Муравьевъ, князья Долгоруковъ и П. П. Гагаринъ, Адлербергъ и др.; изъ членовъ комитета безусловно сочувствовалъ освобожденію крестьянъ едва ли не одинъ Ланской; къ нему лишь отчасти примыкали Я. И. Ростовцевъ и управлявшій путями сообщенія Чевкинъ. Императоръ Александръ II самъ открылъ первое засѣданіе комитета 3 января 1857 года и категорически заявилъ, что крѣпостное право отжило свой вѣкъ и что вопросъ объ освобожденіи крестьянъ озабочиваетъ его съ самаго вступленія на престолъ. Затѣмъ была прочитана составленная Левшинымъ записка о всѣхъ предшествовавшихъ мѣрахъ правительства въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ, закончившаяся изложеніемъ основаній, которыя, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, должны были быть приняты при проведеніи крестьянской реформы. Основанія эти были изложены въ формѣ трехъ вопросовъ: 1) останется ли вся земля попрежнему во владѣніи помѣщиковъ; 2) если останется право владѣнія за помѣщиками, то должно ли быть ограждено право крестьянъ пользоваться землей, имъ отведенной, т.-е. можетъ ли помѣщикъ безусловно согнать со своей земли освобожденныхъ поселянъ или долженъ подчиниться законнымъ ограниченіямъ; 3) могутъ ли помѣщики надѣяться получить отъ правительства какое-либо вознагражденіе какъ за личность освобождаемыхъ крестьянъ, такъ и за земли, имъ отведенныя. Несмотря на всю опредѣленность заявленія государя, реакціонное большинство негласнаго комитета все же надѣялось затянуть и затормозить порученное ему дѣло и, въ концѣ-концовъ, свести его на нѣтъ; дѣятели, воспитавшіеся на отжившемъ и окончательно отошедшемъ въ прошлое режимѣ, повидимому, находили возможнымъ попрежнему самовластно управлять огромной страной, не считаясь вовсе съ желаніями и надеждами народа и пренебрегая его потребностями. И дѣйствительно, въ комитетѣ дѣло пошло очень медленнымъ

темпомъ; было ясно желаніе большинства лишь затянуть это дѣло. Государь понималъ это и назначилъ въ комитетъ своего брата Константина Николаевича. Великій князь горячо принялся за дѣло; совѣщанія комитета возобновились, засѣданія его были часто бурны; великій князь оставался по большей части въ меньшинствѣ; большинство рѣшало растянуть освобожденіе крестьянъ на весьма продолжительное время.

Совсѣмъ иное настроеніе царило въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ за Ланскимъ и Левшинымъ стояли Н. А. Милютинъ и Я. Соловьевъ, умные и энергичные люди, горячо преданные крестьянскому дѣлу и работавшіе для него не покладая рукъ. Общими усиліями они выработали отвѣты на поставленные ихъ же министерствомъ вопросы. Сущность этихъ отвѣтовъ сводилась, во-первыхъ, къ сохраненію за помѣщиками права собственности и на ту землю, пользованіе которою представлялось крестьянамъ, во-вторыхъ, къ устраненію выкупа личности крестьянина и, въ-третьихъ, къ установленію выкупа крестьянской усадьбы постепенными уплатами въ теченіе десяти-пятнадцати лѣтъ.

Для государя и для лицъ, сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ, было очевидно, что пора уже перейти къ дѣлу; государь и Ланской настоятельно хотѣли найти хотя бы нѣкоторую поддержку въ самой дворянской средѣ. Освѣдомленный объ этомъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ — близкій государю человѣкъ, бывшій прежде его адъютантомъ — сумѣлъ объединить литовскихъ дворянъ въ желаніи освободить крестьянъ, хотя и безъ земли; въ такомъ смыслѣ былъ составленъ дворянами всеподданнѣйшій адресъ, который онъ и привезъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1857 г. Адресъ явился какъ нельзя болѣе кстати. Правда, стремленіе литовскихъ дворянъ освободить крестьянъ безъ земли не вполнѣ удовлетворяло государя и шло въ разрѣзъ съ желаніями преданныхъ крестьянскому дѣлу чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но для начала это было не важно; главное, что адресъ представлялъ вполнѣ удобный поводъ для объявленія правительственной программы освобожденія крестьянъ: на имя Назимова данъ былъ извѣстный рескриптъ 20 ноября 1857 г., знаменовавшій собою поворотъ въ крестьянскомъ дѣлѣ: отнынѣ оно изъ тайниковъ канцелярій и комитетовъ выходило окончательно на свѣтъ Божій и становилось на твердую и вѣрную дорогу. Въ рескриптѣ высказывалось одобреніе дворянству Ковенской, Виленской и Гродненской губерній за его благія намѣренія въ отношеніи крестьянъ и повелѣвалось открыть въ помянутыхъ губерніяхъ комитеты для составленія подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ; при этомъ указывались главнѣйшія основанія для этой работы, сводившіяся къ пяти пунктамъ: 1) право собственности на всю землю сохраняется за помѣщиками, 2) крестьянамъ дается навсегда ихъ усадебная осѣдлость (за вы-

купъ) и въ пользованіе нѣкоторое количество земли, за которую они должны платить оброкъ или отбывать работу, 3) крестьяне составляютъ сельскія общества, 4) вотчинная полиція предоставляется помѣщикамъ и 5) при устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена уплата податей. Развитіе приведенныхъ основаній и приспособленіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ предоставлялось губернскимъ комитетамъ, составъ которыхъ долженъ былъ быть чисто дворянскій: предсѣдатель—губернскій предводитель, по одному дворянину отъ уѣзда, избранному дворянами, и два «опытныхъ помѣщика» той же губерніи по назначенію губернатора.

Нѣкоторая неясность рескрипта, въ которомъ не было произнесено страшныхъ для крѣпостниковъ словъ «отмѣна крѣпостного права», находила полное разъясненіе въ сопровождавшемъ его отношеніи Ланского, гдѣ совершенно опредѣленно говорилось, что подъ «благими намѣреніями» подразумѣвается желаніе освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія рескрипта копіи его, вмѣстѣ съ цитированнымъ отношеніемъ Ланского, правда нѣсколько смягченнымъ, были разосланы всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства «для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство губерніи изъявило подобное желаніе», а затѣмъ эти замѣчательные акты были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе.

Опубликованіе рескрипта и сопровождавшаго его отношенія привело въ ужасъ и негодованіе крѣпостниковъ и, конечно, вызвало восторгъ лучшихъ представителей русской общественной мысли; они положительно не находили словъ для прославленія и восхваленія императора Александра Николаевича. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ въ исторіи моментовъ, когда монархъ и лучшіе представители его народа думали и чувствовали одинаково, радовались одной, чистой и возвышенной радостью. Герценъ по этому поводу написалъ горячую статью съ эпиграфомъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ», которая начиналась словами: «Имя Александра II принадлежитъ исторіи, если бы его царствованіе завтра же окончилось; все равно: начало освобожденія сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ». Съ неменьшимъ подъемомъ высказался и Чернышевскій въ своей статьѣ «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта», И. С. Аксаковъ отозвался на это событіе вдохновеннымъ стихотвореніемъ.

Въ Москвѣ опубликованіе рескрипта было отпраздновано многолюднымъ обѣдомъ, на которомъ были произнесены восторженныя рѣчи, среди которыхъ особымъ подъемомъ выдѣлялись рѣчи Каткова, Станкевича и Кавелина. Ликованіе было необычайное. Я. А. Соловьевъ, разсказывая про этотъ обѣдъ, замѣчаетъ: «Можетъ-быть, никогда похвальныя пожеланія, провозглашаемыя подданными своему государю, не были такъ искренни и проник-

нуты теплымъ задушевнымъ чувствомъ, какъ при настоящемъ случаѣ».

На призывъ правительства войти въ обсужденіе вопроса объ освобожденіи крестьянъ первымъ отозвалось нижегородское дворянство, выразившее во всеподданнѣйшемъ адресѣ готовность исполнить волю государя на тѣхъ основаніяхъ, какія будутъ ему указаны. Александръ Николаевичъ былъ въ высшей степени доволенъ, тѣмъ болѣе, что скоро за нижегородскимъ дворянствомъ послѣдовали дворянства и другихъ губерній и къ концу 1858 г. работали уже 44 губернскихъ комитета.

Открытіе губернскихъ комитетовъ было событіемъ необычайной важности въ исторіи русской губерніи вообще и въ частности — въ исторіи нашего провинціальнаго общества. Государственный вопросъ исключительнаго, первостепеннаго значенія былъ переданъ на обсужденіе помѣстнаго дворянства, до того времени занятаго лишь выборами да сравнительно незначительными мелкими дѣлами; будничные интересы должны были отодвинуться на задній планъ, уступивъ мѣсто обсужденію важнѣйшаго дѣла, отъ рѣшенія котораго въ томъ или иномъ смыслѣ зависѣло будущее не только дворянства или помѣщичьихъ крестьянъ, но и всей страны. Помѣстнымъ дворянамъ приходилось учиться говорить и учиться молчать и слушать, когда другіе говорили; надо было защищать свое собственное мнѣніе, доказывая его, а не требуя безпремѣннаго принятія; надо было, опровергая чужія мнѣнія, не оскорблять напрасно самолюбій и противопоставлять чужимъ мыслямъ свои собственныя, ясно выраженныя; нельзя было не помнить, что, защищая свои собственныя права на свободу выраженія мнѣній, слѣдовало уважать тѣ же самыя права другихъ; наконецъ необходимо было учиться письменно излагать свои мнѣнія. Все это трудно было усвоить при первомъ приступѣ къ работѣ по такому дѣлу, которое затрагивало матеріальные интересы, разрушало вѣковыя преданія и привычки, уничтожало политическія права того самаго сословія, представителямъ котораго столь жгучій вопросъ отданъ былъ на обсужденіе. При такомъ положеніи дѣла страсти не могли не разыграться; а при неопытности членовъ, при неумѣніи руководить дебатами со стороны предсѣдателей, губернскихъ предводителей дворянства, и при недостаткѣ писаннаго и еще важнѣе обычнаго укоренившагося временемъ регламента засѣданій, выступившія наружу страсти и самолюбіе не всегда встрѣчали для себя достаточныя препоны къ крайнему ихъ проявленію.

Въ 48 губернскихъ комитетахъ и комиссіяхъ участвовали до 1.377 человѣкъ. При такомъ многолюдствѣ, пререканія, столкновенія и недоразумѣнія были неизбѣжны, и надо удивляться не тому, что въ нихъ происходили пререканія, а скорѣе тому, что пререканія эти почти вездѣ оставались въ предѣлахъ надле-

жащаго приличія, которое далеко не всегда сохраняется въ несравненно болѣе развитыхъ политически коллегіяхъ, какъ, напримѣръ, въ современныхъ намъ законодательныхъ собраніяхъ разныхъ странъ. Губернскіе комитеты были одновременно и школой, и экзаменомъ для помѣстнаго дворянства; съ одной стороны, участіе въ нихъ было хорошей подготовкой къ будущей общественной дѣятельности, зарожденіе которой стало возможнымъ при новомъ режимѣ, а съ другой—умѣньемъ работать въ комитетахъ провѣрялась степень культурности дворянскаго сословія. И надо отдать справедливость «излюбленнымъ» людямъ дворянства: они выказали значительную степень развитія и въ большинствѣ случаевъ оказались на высотѣ поставленной имъ задачи.

Послѣ опубликованія рескрипта, даннаго на имя Назимова, негласный комитетъ былъ переименованъ въ Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи. Само собою разумѣется, что отъ перемѣны названія настроеніе большинства не измѣнилось, оно продолжало, по мягкому выраженію Д. А. Милютина, «пугать мнимыми опасностями, въ ихъ воображеніи развивавшимися и черезъ то причинять нѣкоторое колебаніе и задержки въ благихъ начинаніяхъ», иначе говоря, всячески старалось затянуть и затормозить дѣло. Между тѣмъ стала выясняться настоятельная необходимость установить программу дѣятельности губернскихъ комитетовъ, вслѣдствіе чего она и была составлена въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Эта программа предполагала освобожденіе крестьянъ съ землей и весьма благопріятно для крестьянъ намѣчала прочія условія освобожденія, устанавливая, между прочимъ, полную независимость отдѣльныхъ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ отъ помѣщиковъ. Внесенная въ такой редакціи въ главный комитетъ программа министерства внутреннихъ дѣлъ была отвергнута, и составленіе новой программы для губернскихъ комитетовъ было поручено Я. И. Ростовцеву. Трудъ, вышедшій изъ-подъ пера Ростовцева, весьма мало походилъ на работу, выполненную сотрудниками Ланского; достаточно указать, что крестьянскія общества и послѣ освобожденія предполагалось оставить подъ начальствомъ помѣщиковъ; въ такомъ же смыслѣ разрѣшались и прочія стороны и условія освобожденія. Программа Ростовцева была одобрена комитетомъ и разослана въ губерніи.

Лица, сочувствовавшія полному освобожденію крестьянъ съ надлежащимъ количествомъ земли, были этимъ огорчены, но отнюдь не теряли энергіи и вѣры въ начатое ими дѣло; они старались всячески расчистить и подготовить почву для желаемаго ими преобразованія. Подъ ихъ вліяніемъ въ это время правительство приняло рядъ мѣръ для борьбы съ злоупотребленіями нѣкоторыхъ помѣщиковъ, клонившимися къ тому, что къ моменту освобожденія оставить за собою побольше земли, или стремившихся сдавать

побольше крестьянъ въ рекруты съ тѣмъ, чтобы получить изъ казны за нихъ деньги.

Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, конечно, вызывалъ оживленные толки въ обществѣ и печати; слухи объ освобожденіи проникали и въ народъ; но, несмотря на это, крѣпостные крестьяне въ массѣ своей сохраняли спокойствіе и порядокъ. Казалось бы, при такихъ обстоятельствахъ нечего было безпокоиться за будущее и думать, что въ моментъ объявленія воли со стороны крестьянъ послѣдуютъ какіе-нибудь эксцессы; но крѣпостники, входившіе въ составъ главнаго комитета, представляли государю дѣло иначе. Они утверждали, что надо ожидать крестьянскихъ бунтовъ и поэтому слѣдуетъ назначить въ губерніи особо довѣренныхъ лицъ, съ обширными полномочіями — временныхъ генералъ-губернаторовъ. Эту мысль поддерживалъ Я. И. Ростовцевъ, къ ней всецѣло присоединился и государь, весьма уважавшій мнѣнія Ростовцева. Былъ составленъ проектъ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ представило на него весьма серьезныя и рѣзко написанныя возраженія. Александръ Николаевичъ, слѣдившій вообще очень внимательно за ходомъ крестьянскаго дѣла, лично ихъ разсмотрѣлъ, и Ланской получилъ серьезную отповѣдь, которая чуть было не побудила его подать въ отставку, но на слѣдующемъ докладѣ государь былъ съ нимъ очень ласковъ, просилъ не сердиться, благодаря чему у крестьянскаго дѣла остался человѣкъ, искренно ему преданный.

Лѣтомъ и осенью 1858 года императоръ Александръ II совершилъ поѣздку по губерніямъ въ цѣляхъ личнаго ознакомленія съ дѣятельностью комитетовъ и съ настроеніемъ дворянства; повсюду онъ говорилъ рѣчи, въ которыхъ по большей части благодарилъ дворянъ за ихъ желаніе поработать надъ улучшеніемъ участи крестьянъ и призывалъ ихъ къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса въ такомъ смыслѣ, чтобы было безобидно для обѣихъ сторонъ; въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ особенно сильны были происки крѣпостниковъ, рѣчь государя звучала строго; въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ укорялъ дворянъ за безпорядки, происшедшіе въ губернскомъ комитетѣ, во Владимирѣ сдѣлалъ замѣчаніе по поводу предпринятаго однимъ помѣщикомъ массоваго переселенія крестьянъ въ Сибирь, и, наконецъ, въ Москвѣ государь нашелъ нужнымъ повторить тѣ начала, на которыхъ онъ предполагалъ освободить крестьянъ, въ виду того, что нѣкоторые изъ вліятельныхъ московскихъ дворянъ склонны были крайне узко толковать понятіе усадебной осѣдлости. Въ московской рѣчи государя слышится горячая любовь къ благу крестьянъ и твердая вѣра въ правоту предпринятаго имъ великаго дѣла, эта рѣчь дышитъ искренностью и проникнута большимъ достоинствомъ; она явилась поддержкой сторонниковъ освобожденія крестьянъ и назидательнымъ урокомъ для сторонниковъ крѣпостнаго права.

«Мнѣ пріятно,—сказалъ, между прочимъ, государь,—когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду и, къ сожалѣнію, благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостного права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова петербургской и литовскихъ губерній, были даны мною рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а Московская губернія—не первая, не вторая, даже не третья».

Путешествіе государя по губерніямъ имѣло очень благопріятныя послѣдствія для хода крестьянской реформы: съ этого времени былъ окончательно отвергнутъ выкупъ личности крестьянина, чего желали нѣкоторые помѣщики; точно такъ же въ благопріятномъ смыслѣ разрѣшенъ былъ вопросъ о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ крестьянской осѣдлостью. Государь въ Москвѣ опредѣленно высказался, что она отнюдь не ограничивается одними строеніями, какъ то пытались толковать иные московскіе дворяне. Благодаря совершенно опредѣленнымъ рѣчамъ государя, число сторонниковъ освобожденія значительно увеличилось. Во время поѣздки государь убѣдился, что дворянская оппозиція далеко не такъ сильна, какъ о ней говорили, и что среди самого дворянства много горячихъ поборниковъ дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ. Александръ Николаевичъ возвратился вполнѣ удовлетворенный ходомъ дѣла на мѣстахъ. При первомъ свиданіи съ Ланскимъ онъ сказалъ ему: «Мы съ вами начали крестьянское дѣло и пойдемъ до конца рука объ руку».

Въ то время, когда Александръ Николаевичъ объѣзжалъ губерніи, Я. И. Ростовцевъ былъ занятъ ознакомленіемъ съ крестьянскимъ дѣломъ по бумагамъ и документамъ, надъ которыми онъ работалъ въ уединеніи заграничныхъ курортовъ—и съ этихъ поръ онъ сталъ горячимъ поборникомъ идеи освобожденія крестьянъ и вѣрнымъ слугою крестьянскаго дѣла. Это обстоятельство имѣло весьма важное значеніе для предпринятой реформы, такъ какъ ни Ланской, ни вел. кн. Константинъ Николаевичъ не пользовались въ глазахъ государя такимъ авторитетомъ, какъ Ростовцевъ; съ этихъ поръ стали менѣе опасны для дѣла всѣ интриги вліятельныхъ крѣпостниковъ, такъ какъ постоянно встрѣчали отпоръ со стороны Ростовцева, а Александръ Николаевичъ въ нерѣдкіе часы упадка энергіи, раздумья и колебаній получалъ въ лицѣ его твердую и надежную поддержку. Въ письмѣ изъ-за границы Ростовцевъ подробно изложилъ государю свои взгляды на проведеніе крестьянской реформы. Высказанныя имъ «начала» послужили однимъ изъ основаній для

сужденій Главнаго комитета. Послѣ колебаній и сомнѣній Ростовцевъ пришелъ къ весьма важному заключенію о необходимости оказать содѣйствіе крестьянамъ къ выкупу нѣкотораго количества земли — повидимому, здѣсь сказалось вліяніе на него какъ печатныхъ произведеній, такъ и рукописныхъ проектовъ и записокъ, которые составлялись въ большомъ количествѣ въ первые годы царствованія Александра II.

Ростовцевъ пришелъ къ убѣжденію, что, освободивъ крестьянъ, слѣдуетъ остановиться на устройствѣ ихъ общинами. Сужденія Ростовцева объ общинѣ проникнуты утилитарными соображеніями, но и личныя его симпатіи, весьма опредѣленно склоняются къ общинѣ, которой онъ предполагалъ дать значительныя права. Къ чести Ростовцева надо замѣтить, что онъ отнюдь не желалъ замѣнить отмѣняемое крѣпостное право порабощеніемъ личности крестьянина общиною, что видно, между прочимъ, изъ тѣхъ строкъ, гдѣ онъ говоритъ о наказаніяхъ: «о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать: это будетъ пятно для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, къ счастью, не употребляются», — взглядъ, достойный дѣятеля эпохи великихъ реформъ!

Найдя опору въ Ростовцевѣ, Александръ Николаевичъ приказалъ принять его соображенія за основаніе предстоящей реформы. Осенью 1858 года государь лично предсѣдательствовалъ нѣсколько разъ въ комитетѣ; онъ не препятствовалъ свободно высказываться лицамъ, враждебно относившимся къ освобожденію крестьянъ, но сочувствіе его было на сторонѣ меньшинства, съ которымъ его сближала общность гуманнаго міровоззрѣнія. Казалось бы, для самодержавнаго монарха не было ничего легче, какъ устранить несочувствующихъ осуществленію начатаго имъ дѣла совѣтниковъ, тѣмъ болѣе, что они не имѣли за собою сколько-нибудь значительныхъ государственныхъ заслугъ и не обладали надлежащими способностями; но Александръ Николаевичъ не имѣлъ для этого достаточно рѣшимости и предпочиталъ терпѣть оппозицію отъ посредственныхъ министровъ, доставшихся ему отъ отца, вмѣсто того, чтобы замѣнить ихъ сразу новыми, свѣжими людьми.

Работы губернскихъ комитетовъ въ это время шли своимъ чередомъ, при чемъ во многихъ изъ нихъ большинство было болѣе охранительнаго, или, точнѣе, крѣпостническаго направленія, меньшинство же—впрочемъ, довольно значительное и часто выдававшееся по образованію, энергіи и способностямъ составлявшихъ его лицъ,—искренно желало освобожденія крестьянъ и прочнаго устройства ихъ новаго быта. Въ концѣ 1858 года стали поступать въ Петербургъ труды комитетовъ, обыкновенно въ видѣ двухъ проектовъ — большинства и меньшинства. Для разсмотрѣнія, сопоставленія и сводки этихъ проектовъ государь повелѣлъ учредить особыя «редакціонныя комиссіи», «съ тѣмъ, чтобы предсѣдательство въ редакціонныхъ комиссіяхъ было поручено генералъ-адъютанту

Ростовцеву, если онъ согласится эту обязанность принять на себя»; Ростовцевъ не замедлилъ согласиться.

Редакціонныя комиссіи, въ составъ которыхъ вошли члены отъ различныхъ вѣдомствъ и «эксперты» изъ помѣщиковъ, были учреждены въ числѣ двухъ, но въ дѣйствительности онѣ состояли изъ четырехъ отдѣленій. Эти эксперты и представляли изъ себя тотъ общественный элементъ, безъ котораго даже такіе люди, какъ Н. А. Милютинъ, статсъ-секратарь Государственнаго Совѣта Жуковскій и Я. А. Соловьевъ, вошедшіе въ составъ комиссіи, не смогли бы вполнѣ разобраться въ крестьянскомъ вопросѣ; многіе изъ экспертовъ обладали солиднымъ знаніемъ деревни и условій крестьянскаго быта, и выдающимися способностями, какъ, напр., Юрій Самаринъ и князь Черкасскій. Дружно и по большей части солидарно съ лучшими экспертами работали виднѣйшіе члены комиссіи изъ числа представителей вѣдомствъ. Самое активное и самое видное въ редакціонныхъ комиссіяхъ положеніе занялъ особенно ненавистный крѣпостникамъ человѣкъ, Н. А. Милютинъ. Государь долгое время относился къ нему съ недовѣріемъ и осторожностью, и готовъ былъ видѣть въ немъ крайняго радикала, чуть не революціонера; но его скоро оцѣнилъ и полюбилъ Ростовцевъ и горячо поддерживала великая княгиня Елена Павловна. Милютинъ былъ въ дѣйствительности очень далекъ отъ революціонныхъ идей; едва ли можно назвать его даже радикаломъ; это былъ просто прогрессивнаго направленія человѣкъ, настойчиво стремившійся провести въ жизнь свои взгляды и убѣжденія; человѣкъ талантливый, энергичный, не лишенный боевого темперамента и нѣкоторой доли самовластія, готовый для осуществленія намѣченной имъ цѣли пойти на крупное столкновеніе, хотя бы и съ рискомъ для своего личнаго благополучія и карьеры. Это былъ и при нѣкоторыхъ недостаткахъ, свойственныхъ представителямъ бюрократіи, настоящій государственный человѣкъ, интересующійся общественнымъ мнѣніемъ и считающійся съ нимъ, но отнюдь не склонный ему подчиняться.

Объѣзжая губерніи въ 1858 г., государь категорически пообѣщалъ, что, по окончаніи работъ губернскихъ комитетовъ, имъ разрѣшено будетъ избрать изъ своей среды по два члена для совмѣстнаго съ правительственными чинами обсужденія проектовъ реформы. Но Милютину совсѣмъ не улыбалась перспектива многолюднаго собранія въ Петербургѣ лицъ, въ значительной части несогласныхъ съ нимъ и его сотрудниками; онъ составилъ записку, въ которой подвергалъ рѣзкой критикѣ дѣятельность губернскихъ комитетовъ, для того, чтобы мнѣніямъ и голосамъ ихъ членовъ, имѣющихъ прибыть въ Петербургъ, не было придано большаго значенія. Милютинъ проводилъ мысль, что главная забота должна направляться къ тому, «чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились въ единомысленныя и не

образовавшіяся еще разноцвѣтныя партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено». Милютинъ напоминалъ, что, въ силу высочайшаго повелѣнія, избранные комитетами члены вызываются для представленія правительству «тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть, правительству же полезно имѣть отъ нихъ справки не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ»: уничтоженіе крѣпостного права было дѣло уже рѣшенное и никакой перемѣнѣ подлежать не могло; царское слово непоколебимо.

Такимъ образомъ, для дѣятельности мѣстныхъ представителей въ Петербургѣ подготовлялась неблагопріятная обстановка, ихъ ждали далеко не съ распростертыми объятіями. Въ Петербургѣ не желали и, повидимому, опасались одновременнаго съѣзда всѣхъ губернскихъ представителей, поэтому избранные отъ губернскихъ комитетовъ члены (по одному отъ большинства и меньшинства) были раздѣлены на двѣ смѣны, сперва отъ одной группы губерній, а потомъ отъ другой. «Депутаты перваго приглашенія» стали прибывать въ Петербургъ въ половинѣ августа 1859 г.; руководители крестьянской реформы поспѣшили сразу же поставить ихъ на предназначенное имъ весьма скромное мѣсто. Имъ была предъявлена инструкція, которою ихъ дѣятельность сводилась къ обязанности давать письменные отвѣты на предложенные имъ редакціонными комиссіями вопросы, а также словесныя разъясненія въ засѣданіяхъ комиссіи. Это было далеко не то, на что съ полнымъ основаніемъ имѣли право разсчитывать и дѣйствительно разсчитывали депутаты. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, они хотѣли было обратиться съ жалобой къ государю, но затѣмъ ограничились письмомъ къ Ростовцеву, въ которомъ домогались разрѣшенія имѣть общія совѣщанія, съ тѣмъ, чтобы всѣ соображенія ихъ по крестьянскому дѣлу поступили на разсмотрѣніе высшаго правительства. Желаемое разрѣшеніе было дано, а государь постарался любезнымъ пріемомъ въ Царскомъ Селѣ усладить горечь неудовольствія и раздраженія депутатовъ. Рѣчь, съ которой онъ обратился къ нимъ, была проникнута желаніемъ сказать имъ пріятное и успокоить ихъ опасенія. Государь причислялъ себя къ дворянству, высказывалъ увѣренность, что дворяне съ нимъ солидарны, и обѣщалъ, что всѣ мнѣнія, высказанныя депутатами, дойдутъ до него и до Главнаго комитета. Государь любилъ и умѣлъ говорить, и слова его произвели извѣст-

ное впечатлѣніе, но руководимые Милютинымъ члены редакціонныхъ комиссій отъ министерствъ отнюдь не были склонны считаться съ мнѣніями и желаніями депутатовъ, чего и не скрывали въ дальнѣйшихъ съ ними сношеніяхъ.

Огорченные и раздраженные принялись представители губернскихъ комитетовъ за изученіе трудовъ редакціонныхъ комиссій, которыя нашли въ нихъ хотя и не вполнѣ безпристрастныхъ, но умѣлыхъ и дѣльныхъ критиковъ. Слабыя стороны проектовъ комиссіи были замѣчены и указаны весьма основательно. Прежде всего вниманіе депутатовъ привлекло предположенное административное устройство сельскихъ обществъ, явно клонившееся къ тому, чтобы лишить дворянство всякаго вліянія на крестьянъ, замѣнивъ таковое надзоромъ и опекой уѣздной полиціи. Депутаты ясно и отчетливо сознавали, какое усиленіе бюрократіи можетъ повлечь за собой крестьянская реформа, если за нею не послѣдуетъ преобразованія всего государственнаго порядка, и поэтому указывали правительству на необходимыя реформы, которыя, по ихъ мнѣнію, должны быть предприняты немедленно по освобожденіи крестьянъ. Большинство депутатовъ сходилось въ единодушномъ желаніи, чтобы былъ установленъ новый судебный строй съ судомъ присяжныхъ, чтобы введено было мѣстное самоуправленіе, облегчено положеніе печати и т. д., т.-е. желало того, что̀ и было вскорѣ проведено въ русскую государственную и общественную жизнь, перестроивъ нѣкоторыя ея стороны на совершенно новыхъ, невиданныхъ дотолѣ у насъ основаніяхъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга депутаты перваго приглашенія рѣшили откровенно высказать государю въ адресахъ свои мнѣнія о трудахъ редакціонныхъ комиссій, но такъ какъ мнѣнія раздѣлились, то было составлено два адреса и, кромѣ того, симбирскій депутатъ Шидловскій обратился къ государю со всеподданнѣйшимъ письмомъ. Адресъ большинства (18 человѣкъ) былъ болѣе остороженъ и скроменъ въ сужденіяхъ, но и въ немъ высказывалось категорически убѣжденіе, что предположенія редакціонныхъ комиссій въ настоящемъ ихъ видѣ не соотвѣтствуютъ общимъ потребностямъ и не приводятъ въ исполненіе указанныхъ Высочайшею волею началъ. Въ адресѣ же меньшинства (пяти человѣкъ) труды комиссіи подвергались болѣе рѣзкой критикѣ, и предлагалось, между прочимъ, надѣленіе крестьянъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа ея у помѣщиковъ по справедливой оцѣнкѣ; Шидловскій выступилъ съ предложеніемъ созвать уполномоченныхъ отъ дворянства для окончательнаго разрѣшенія, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, предпринятаго имъ дѣла освобожденія крестьянъ. Выступленія депутатовъ не понравились ни государю, ни его сотрудникамъ по крестьянскому дѣлу: государь былъ недоволенъ ихъ радикальными стремленіями, а Н. А. Милютинъ, руководившій въ это время въ значительной мѣрѣ Ростовцевымъ

и Ланскимъ, опасался вмѣшательства и вліянія депутатовъ, которое могло привести къ измѣненію выработаннаго при дѣятельномъ его участіи проекта редакціонныхъ комиссій. Восемнадцати членамъ было объявлено замѣчаніе, а остальнымъ сдѣлано черезъ губернаторовъ внушенія.

Депутаты разъѣхались, а въ составѣ редакціонныхъ комиссій назрѣвала серьезная перемѣна. Ростовцевъ въ началѣ 1860 г. скончался. Государь присутствовалъ при его кончинѣ и за нѣсколько минутъ до смерти умирающій едва слышнымъ голосомъ произнесъ: «Государь, не бойтесь»... Смерть Ростовцева произвела большое впечатлѣніе въ обществѣ; съ тревогою ожидали назначенія ему преемника. Выборъ былъ нелегокъ: Александръ Николаевичъ уже чувствовалъ нѣкоторую усталость отъ борьбы, мало свойственной его мягкому характеру. Нужно было найти человѣка, имя котораго не вызвало бы особыхъ нападокъ, интригъ и происковъ; выборъ государя остановился на министрѣ юстиціи графѣ В. Н. Панинѣ. Назначеніе Панина, человѣка крайне охранительнаго образа мыслей, вызвало всеобщее недовольство въ кругахъ, сочувствовавшихъ реформѣ; Герценъ напечаталъ по этому поводу необычайно рѣзкую статью. Но опасенія оказались преувеличенными. При назначеніи Панина государь категорически потребовалъ, чтобы тотъ ни въ чемъ не отступалъ отъ направленія работъ редакціонныхъ комиссій. Выборъ Панина былъ, дѣйствительно, не худшій изъ тѣхъ, которые представлялись возможными. Преимущество Панина заключалось въ томъ, что онъ менѣе другихъ крѣпостниковъ былъ склоненъ активно противодѣйствовать осуществленію желанія государя освободить крестьянъ, а желаніе это оставалось неизмѣннымъ, что Александръ Николаевичъ и высказалъ, принимая депутатовъ второго приглашенія: обратясь при этомъ къ графу Панину, государь сказалъ: «Прошу вести это дѣло къ извѣстнымъ результатамъ обдуманно и осторожно, только отнюдь не затягивая и не откладывая его въ долгій ящикъ».

Панинъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ испортить порученное ему дѣло, но встрѣтилъ отпоръ со стороны государя и, въ концѣ-концовъ, войдя въ дѣло, сталъ даже иногда защищать труды комиссій отъ раздававшихся противъ нихъ нападокъ. Государь съ нетерпѣніемъ слѣдилъ за ходомъ предпринятой реформы и торопилъ комиссіи. Въ октябрѣ 1860 г. работы редакціонныхъ комиссій должны были закончиться и поступить на разсмотрѣніе Главнаго комитета, въ составѣ котораго какъ разъ въ это время произошла благопріятная для крестьянской реформы перемѣна: вмѣсто тяжело заболѣвшаго князя Орлова предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ. Это былъ очень удачный выборъ, такъ какъ великій князь относился къ трудамъ редакціонныхъ комиссій съ большимъ уваженіемъ. Въ Главномъ комитетѣ прогрессивное меньшинство составили: предсѣдатель, Ланской, Блудовъ и Чевкинъ, прочіе же члены — М. Н. Му-

равьевъ, кн. Долгоруковъ, министръ финансовъ Княжевичъ, князь Гагаринъ, графъ Адлербергъ и графъ Панинъ, не во всемъ согласные между собою, хотѣли въ большей или меньшей степени измѣнить предположенія редакціонныхъ комиссій. Засѣданія комитета были бурны, пренія замѣтно затягивались, но великій князь руководилъ его работами съ большимъ тактомъ и выдержкой; въ концѣ-концовъ Константину Николаевичу удалось склонить на свою сторону Панина, подъ вліяніемъ государя къ нимъ присоединился и Адлербергъ; такимъ образомъ составилось большинство голосовъ въ пользу трудовъ редакціонныхъ комиссій. 26 января 1861 года состоялось, подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора Александра II, послѣднее засѣданіе Главнаго комитета совмѣстно съ Совѣтомъ Министровъ. Государь прежде всего выразилъ благодарность членамъ комитета, подавшимъ голосъ за принятіе положеній, выработанныхъ редакціонными комиссіями, о которыхъ отозвался съ большою похвалой; затѣмъ государь объявилъ, что, допустивъ полную свободу слова и мнѣній при обсужденіи крестьянскаго вопроса, онъ теперь уже не потерпитъ никакихъ промедленій и проволочекъ и непремѣнно требуетъ, чтобы дѣло было окончено къ 15 февралю 1861 г. «Этого я желаю, требую и повелѣваю», строго сказалъ государь. Въ заключеніе Александръ Николаевичъ внушалъ министрамъ, что они нынѣ должны отложить всѣ разногласія и споры въ отношеніи крестьянскаго дѣла, совершенно забыть личныя мнѣнія, проводить въ жизнь его волю и твердо помнить, что «въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть». 28 января 1861 г. проекты редакціонныхъ комиссій были внесены на разсмотрѣніе общаго собранія Государственнаго Совѣта; это была скорѣе декларація монарха, чѣмъ обращеніе его къ содѣйствію законосовѣщательнаго учрежденія, такъ какъ въ теченіе предоставленнаго Совѣту незначительнаго срока съ 28 января по 15 февраля невозможно было подвергнуть дѣйствительной критикѣ поступившіе законопроекты.

Открывая засѣданіе Государственнаго Совѣта, Александръ Николаевичъ обратился къ членамъ его съ замѣчательной рѣчью, которая по формѣ и по содержанію какъ нельзя лучше соотвѣтствовала величію момента. Въ ней каждая фраза, каждая мысль не только продумана, но и прочувствована, въ ней нѣтъ ничего лишняго, нѣтъ и недосказаннаго. Съ обычнымъ тактомъ государь отозвался о дворянствѣ и его участіи въ дѣлѣ и затѣмъ прослѣдилъ ходъ занятій по крестьянской реформѣ, не забывъ высказать одобреніе и благодарность всѣмъ потрудившимся надъ ней лицамъ и болѣе всего Константину Николаевичу. Государь закончилъ призывомъ къ гражданскимъ чувствамъ членовъ Государственнаго Совѣта и закончилъ слѣдующими словами: «Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія я выслушаю охотно, но я въ

правѣ требовать отъ васъ одного: чтобы, отложивъ всѣ личные интересы, вы дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь, но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества. Теперь, съ Божіею помощью, приступимъ къ самому дѣлу». По тяжелой тернистой дорогѣ оставалось сдѣлать одинъ шагъ, чтобы достигнуть прекрасной вершины, и Александръ Николаевичъ дошелъ до нея, достигнувъ великой цѣли, которая десятки лѣтъ манила къ себѣ лучшихъ русскихъ людей.

19 февраля 1861 года были подписаны законы объ освобожденіи и устройствѣ крестьянъ и знаменитый манифестъ, съ которымъ государь по этому случаю обратился къ народу. Первоначальный текстъ манифеста былъ составленъ Самаринымъ и Милютинымъ, но по желанію государя онъ былъ переработанъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ; онъ и внесъ въ манифестъ не мало цвѣтистыхъ и витіеватыхъ выраженій. Заканчивался манифестъ извѣстными словами: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго».

Манифестъ 19 февраля былъ опубликованъ 5 марта того же года. Если бы на законодательныхъ актахъ объ освобожденіи крестьянъ и остановилась плодотворная работа государственной власти при Александрѣ Николаевичѣ, то все же этой эпохѣ было бы обезпечено безсмертіе въ исторіи, а дѣятелямъ ея—вѣчная благодарность потомства. Нельзя не воздать справедливости государю, что онъ хотя иногда и колебался, но все же не отступилъ отъ своихъ благихъ начинаній, сумѣлъ разобраться и освоиться въ очень трудномъ вопросѣ, сумѣлъ защищать начатое дѣло отъ нападокъ и довелъ его до счастливаго конца.

Законы объ освобожденіи и устройствѣ крестьянъ, подписанные 19 февраля 1861 года, почти во всемъ повторяютъ проекты редакціонныхъ комиссій, небольшія измѣненія, которыя введены были въ нихъ усиліями крѣпостниковъ (уменьшеніе размѣровъ надѣловъ), лишь нѣсколько испортили, но отнюдь не извратили дѣло.

Крѣпостное право уничтожалось; 22 милліона крестьянъ получили личную свободу. Хозяйственный бытъ новыхъ гражданъ былъ обезпеченъ предоставленіемъ имъ въ пользованіе усадебной осѣдлости и полевого надѣла за извѣстныя, точно опредѣленныя, повинности съ правомъ выкупить у помѣщика землю при содѣйствіи казны. Переходное состояніе крестьянъ до выкупа названо временно обязаннымъ. Окончательный срокъ освобожденія всѣхъ дворовыхъ

людей опредѣленъ двухлѣтній. Установлено было общинное административное устройство и общинное землевладѣніе крестьянъ; во главѣ каждаго сельскаго общества поставленъ выборный староста, сельскія крестьянскія общества соединялись въ волости съ выборными волостными старшинами и волостными судами.

Для приведенія на мѣстахъ въ исполненіе 19 февраля учреждалась цѣлая система учрежденій: мировые посредники, присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и во главѣ всего Главный комитетъ по устройству сельскаго состоянія. Крестьяне были освобождены съ землей и это составляетъ огромную заслугу просвѣщенныхъ дѣятелей эпохи освобожденія во главѣ съ самимъ императоромъ; устройствомъ общиннаго землевладѣнія была на много лѣтъ отодвинута для Россіи опасность созданія безземельнаго деревенскаго пролетаріата.

Манифестъ 19 февраля не вызвалъ и тѣни тѣхъ потрясеній, которыми крѣпостники старались запугать государя при обсужденіи крестьянской реформы. Радостная вѣсть встрѣчена была народомъ съ восторгомъ и почти всюду съ полнымъ спокойствіемъ. Были, конечно, и недовольные, ожидавшіе отъ реформы больше, чѣмъ она дала, но это недовольство очень рѣдко доходило до пререканій и еще рѣже до столкновеній и безпорядковъ. Такъ представляется дѣло безпристрастному изслѣдователю этой эпохи, но наиболѣе радикальные изъ ея современниковъ смотрѣли иначе: свое собственное разочарованіе они стремились приписать широкимъ народнымъ массамъ, а единичные случаи столкновеній крестьянъ съ воинскими командами склонны были признать господствующими, характерными для даннаго момента явленіями. Крестьяне оправдали надежды Ланского и его сотрудниковъ, вѣрившихъ въ благоразуміе народа и не желавшихъ ни подъ какимъ видомъ принимать особо исключительныхъ мѣръ для охраны порядка и общественнаго спокойствія въ первое время послѣ освобожденія. Народныя массы проникнись глубокою благодарностью къ Александру Николаевичу, имя котораго стало любимымъ и популярнымъ: его знаютъ не по книгамъ, а по воспоминаніямъ, разсказамъ и преданіямъ. Во многихъ церквахъ до нашихъ дней подаются и отдѣльными лицами и на мірской счетъ трогательныя поминанія за упокой души царя Александра.

Главная работа по проведенію въ жизнь положеній 19 февраля должна была лечь на мировыхъ посредниковъ, которые поставлены были закономъ въ довольно самостоятельное положеніе. На зовъ правительства къ занятію этихъ должностей просвѣщенная часть дворянства и въ особенности дворянская молодежь отозвалась съ энтузіазмомъ. Это было идейное движеніе, захватившее цѣльныхъ и нравственно чуткихъ людей. Тяжелая и щекотливая работа по составленію уставныхъ грамотъ, разверстанію угодій и вообще по разграниченію и соглашенію интересовъ помѣщиковъ и бывшихъ ихъ крѣпостныхъ крестьянъ, выполнена мировыми посредниками пер-

ваго призыва весьма справедливо, умѣло и тактично. Они обезпечили государству спокойствіе, дворянамъ — возможность мирнаго проживанія въ своихъ помѣстьяхъ, а крестьянамъ справедливые надѣлы. Исторія не забудетъ ихъ заслуги. Къ чести для губернской администраціи того времени надо замѣтить, что и среди нея было немало стойкихъ и благородныхъ людей, дѣйствовавшихъ въ полномъ согласіи съ мировыми посредниками.

Положенія 19 февраля 1861 года занимаютъ въ исторіи русскаго законодательства совершенно особое исключительное мѣсто; до манифеста 17 октября 1905 года, учредившаго у насъ представительный строй, нельзя указать ни одного памятника русскаго правового творчества, который по значенію своему могъ бы быть поставленъ рядомъ съ великой хартіей освобожденія крестьянъ. Это былъ величайшій актъ раскрѣпощенія личности, первый камень для созданія у насъ правового строя. Освобожденіе крестьянъ находится въ логической и нравственной связи съ послѣдовавшимъ за 99 лѣтъ до него освобожденіемъ отъ государственной службы дворянъ. Это рѣзкая грань между узко-полицейскимъ и тусклымъ въ общественномъ смыслѣ дореформеннымъ строемъ съ его казарменными пріемами управленія, съ его жалкой боязнью даже самыхъ робкихъ проявленій свободнаго человѣческаго духа, и новой эпохой, когда, наконецъ, русскому народу обезпечены были элементарныя условія здороваго существованія,—эпохой необычайнаго роста русскаго общественнаго самосознанія и расцвѣта нашихъ культурныхъ силъ.

IV.

Земскія учрежденія.—Реформа городского самоуправленія.

Царствованію Александра Николаевича достался весьма несовершенный провинціальный строй. Во главѣ губернскаго управленія стоялъ губернаторъ, надѣленный по закону довольно обширными полномочіями, но далекій отъ живыхъ потребностей населенія и, въ дѣйствительности, занятый болѣе перепиской, чѣмъ управленіемъ. Многочисленныя губернскія учрежденія—палаты, присутствія и комитеты — существовали преимущественно въ цѣляхъ фискальныхъ и узко-полицейскихъ; хотя въ составъ губернскихъ учрежденій входило немало выборныхъ отъ мѣстнаго общества лицъ, но они имѣли очень мало значенія, такъ какъ всецѣло подчинялись правительственнымъ чиновникамъ. Не только различные засѣдатели и земскіе исправники, но нерѣдко и уѣздные предводители дворянства оказывались вынужденными безпрекословно исполнять прихотливыя и подчасъ незаконныя требованія губернаторовъ. Нѣкоторой независимостью и самостоятельностью пользовались лишь губернскіе предводители дворянства и то не столько вслѣдствіе значенія занимаемой ими должности, сколько вслѣдствіе

того, что они обыкновенно избирались изъ богатыхъ и имѣющихъ личныя связи дворянъ. Провинція самовластно управлялась генералъ-губернаторами и губернаторами, постоянно колебавшимися между превышеніемъ и бездѣйствіемъ власти. Необходимость существенныхъ измѣненій въ губернской администраціи сознавали всѣ.

Освобожденіе крестьянъ, нанесшее серьезный ударъ общественному значенію помѣстнаго дворянства и приведшее къ усиленію провинціальной бюрократіи, еще острѣе выдвинуло вопросъ о реформѣ губерніи. Послѣ раскрѣпощенія народнаго труда и уравненія всѣхъ классовъ общества въ пользованіи гражданскими правами наступала необходимость и открывалась возможность реформировать и другія стороны русской государственной и общественной жизни. Это хорошо сознавали дѣятели освобожденія крестьянъ, видѣвшіе логическую связь между крестьянскою реформой и переустройствомъ мѣстнаго управленія на новыхъ, болѣе соотвѣтствующихъ требованіямъ времени началахъ. Въ такомъ смыслѣ сдѣлано было немало заявленій уже во время подготовительныхъ работъ и обсужденія положеній 19 февраля 1861 года. Яркимъ образчикомъ подобныхъ мнѣній могутъ служить мысли, высказанныя тверскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Унковскимъ, въ отзывѣ на работы редакціонныхъ комиссій: онъ ясно представилъ и картину паралитическаго состоянія Россіи подъ длaнью дореформенной администраціи и доказалъ невозможность съ паденіемъ крѣпостного права сохранить старый административный порядокъ.

Отзывъ Унковскаго не стоялъ одиноко. Выраженныя въ немъ мысли носились въ воздухѣ, высказывались со всѣхъ сторонъ. Земская реформа, какъ продолженіе реформы крестьянской, являлась предметомъ всеобщаго ожиданія. Редакціонныя комиссіи въ своемъ отвѣтѣ на отзывы губернскихъ депутатовъ по поводу составленныхъ ими проектовъ заявили, что и онѣ, съ своей стороны, признаютъ настоятельную необходимость реформы суда, полиціи и управленія на основѣ гражданской равноправности, т.-е. полнаго сліянія въ политическомъ отношеніи освобождаемыхъ крестьянъ съ другими сословіями. Когда писался этотъ отвѣтъ редакціонныхъ комиссій, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ уже была образована особая комиссія для составленія проекта преобразованія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій.

Прежде чѣмъ приступить къ изготовленію проекта земскихъ учрежденій, комиссія составила «соображенія объ устройствѣ земскохозяйственнаго управленія»: предстоявшая реформа рисовалась комиссіи не какъ частичное усовершенствованіе стараго административнаго механизма, а какъ созданіе совершенно новаго административнаго устройства, соотвѣтствующаго измѣненнымъ условіямъ общественнаго быта, съ полною отмѣной бюрократической опеки надъ мѣстнымъ земскимъ самоуправленіемъ въ кругу предо-

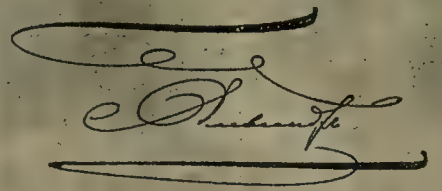
ставляемыхъ послѣднему задачъ. «Земскимъ учрежденіямъ,—читаемъ мы здѣсь,—должна быть предоставлена дѣйствительная и самостоятельная власть въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго интереса, мѣстнаго хозяйства губерній и уѣздовъ. Доколѣ дѣйствія земскихъ учрежденій касаются только мѣстнаго интереса, нѣтъ надобности въ участіи правительственной власти, въ прямомъ ея вмѣшательствѣ и вліяніи на ходъ дѣлъ»: комиссія находила, что участіе двухъ различныхъ по своему началу властей, правительственной и общественной, въ управленіи мѣстными дѣлами, какъ показываетъ опытъ, не приноситъ полезныхъ результатовъ. По вопросу о составѣ земскихъ учрежденій комиссія говорила: «Все населеніе уѣзда, участвующее въ его общихъ хозяйственныхъ интересахъ, имѣетъ, конечно, и право на большее или меньшее участіе въ завѣдываніи дѣлами, до этихъ интересовъ касающимися, при чемъ степень участія въ дѣлахъ должна быть пропорціональна степени участія въ интересахъ», при чемъ, по мнѣнію комиссіи, «сословное дѣленіе, доселѣ признаваемое и принятое закономъ, не согласно съ характеромъ земскихъ учрежденій, имѣющихъ въ принципѣ не сословные, но общіе хозяйственные интересы извѣстной мѣстности». Комиссія по организаціи земскихъ учрежденій поставила себѣ цѣлью создать въ русской области дѣйствительно независимое, самостоятельное, всесословное земство. Сперва предсѣдателемъ комиссіи объ уѣздныхъ и земскихъ учрежденіяхъ былъ Н. А. Милютинъ, но почти немедленно послѣ подписанія манифеста 19 февраля Ланской и Милютинъ были уволены отъ должностей, какъ очистительныя жертвы, принесенныя Александромъ Николаевичемъ въ угоду вліятельнымъ крѣпостникамъ; первый былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а второй—въ Сенатъ.

Постъ министра внутреннихъ дѣлъ занялъ теперь Валуевъ, человѣкъ, не лишенный административныхъ способностей и дѣловой ловкости, но не имѣвшій опредѣленнаго міровоззрѣнія, не твердый въ убѣжденіяхъ и склонный къ интригамъ. Земскую реформу онъ взялъ въ свои собственныя руки, но относился къ этому дѣлу какъ къ обременительному и досадному наслѣдству, отъ котораго, къ сожалѣнію, нельзя отказаться. Выступленіе Валуева на широкую государственную арену взамѣнъ Ланского и Милютина было не случайнымъ явленіемъ, а находилось въ прямомъ соотношеніи съ общимъ настроеніемъ высшихъ сферъ. Государь замѣтно усталъ отъ происковъ, интригъ и сплетенъ, среди которыхъ ему приходилось послѣдніе годы жить и дѣйствовать. Чувствуя удовлетвореніе отъ того, что ему удалось привести къ окончанію крестьянскую реформу, онъ не имѣлъ достаточно энергіи для дальнѣйшей тяжелой борьбы, тѣмъ болѣе, что и самое значеніе земской реформы было для него менѣе ясно, нежели крестьянской. Выросши въ обстановкѣ, въ которой страшились общественныхъ движеній и питали полное недовѣріе къ обществен-

движением, с наблюдением удобности времен, дабы внимание земледельцев не было отвлечено от их необходимых земледельческих занятий. Пусть они тщательно возделывают землю и собирают плоды ея, чтобы потом их хорошо-наполненной житницы взять семена для посева на земль постоянного пользования или на земль, приобретенной в собственность.

Осени себя крестным знамением, православный народ, и приступи с Нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашняго благополучия и блага общественнаго.

Дан в Санктпетербурге, в Двенадцатый день Февраля, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот шестьдесят первое, Царствования же Нашего в седьмое.



в 1 Марта 1861 г.

Предпослѣдняя и послѣдняя страницы манифеста 19 февраля 1861 г.
Оригиналы хранятся въ Правительствующемъ Сенатѣ.

нымъ силамъ, онъ не могъ стать борцомъ за независимые отъ правительства мѣстные, выборные органы, которые, быть-можетъ, рисовались ему чѣмъ-то въ родѣ представительныхъ учрежденій; какъ бы то ни было, императоръ, такъ активно проводившій крестьянскую реформу, относился съ значительно меньшимъ интересомъ къ проектамъ земскихъ учрежденій.

Валуевъ сдѣлалъ все, чтобы урѣзать осуществленіе тѣхъ новыхъ началъ, которыя были провозглашены, какъ краеугольные камни задуманнаго преобразованія. Но, къ счастью, сила общественнаго мнѣнія была уже такова и общія желанія въ такой мѣрѣ сходились на созданіи мѣстнаго самоуправленія, что было невозможно окончательно извратить начатое дѣло.

Подписанное государемъ 1 января 1864 года положеніе о земскихъ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ вводилось въ 33 (преимущественно центральныхъ) губерніяхъ. Въ каждомъ уѣздѣ, гдѣ вводилось положеніе 1 января 1864 года, образовывались уѣздное земское собраніе и уѣздная земская управа. Въ составъ собранія входили: во-первыхъ, гласные, избранные землевладѣльцами, во-вторыхъ, гласные отъ городскихъ жителей всѣхъ сословій и, наконецъ, гласные отъ крестьянскихъ обществъ. Для непосредственнаго участія въ выборахъ по первымъ двумъ категоріямъ необходимымъ условіемъ поставленъ извѣстный, очень невысокій, имущественный цензъ, для уѣзда земля, а для города городская недвижимость. Тѣ лица, которыя не имѣли полныхъ имущественныхъ цензовъ, выступали на выборахъ черезъ особыхъ уполномоченныхъ. Уѣздное земское собраніе было распорядительнымъ органомъ; для исполнительной дѣятельности, сводившейся къ управленію текущими земскими дѣлами, законъ создалъ уѣздныя земскія управы, избиравшіяся уѣздными собраніями. Въ губерніяхъ учреждались губернскія собранія изъ гласныхъ, избираемыхъ отъ уѣздовъ. Исполнительнымъ органомъ губернскаго земства являлась губернская земская управа, избираемая губернскимъ собраніемъ. Въ уѣздныхъ собраніяхъ предсѣдательствовали уѣздные предводители дворянства, а въ губернскихъ — особо назначенныя лица, почти повсюду губернскіе предводители.

Компетенція земскихъ учрежденій была довольно обширна: имъ ввѣрялись заботы о народномъ образованіи, народномъ здравіи, устройство и содержаніе путей сообщенія, страхованіе, благотворительныя заведенія, мѣры предупрежденія скотскихъ падежей и прочія дѣла, относящіяся, по выраженію закона, къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ. Денежныя средства, необходимыя для удовлетворенія всѣмъ этимъ потребностямъ, земскимъ собраніямъ предоставлено было добывать путемъ обложенія недвижимыхъ димуществъ. Въ отношеніи правительственной власти земскія учрежденія были поставлены въ довольно самостоятельное положеніе; за законностью ихъ дѣйствій установленъ лишь надзоръ губернатора и Сената.

Земское положеніе 1864 года отразило на себѣ господствовавшую тогда въ наукѣ теорію самоуправленія, противополагавшую интересы государственные и общественные (земскіе); земскія учрежденія разсматривались тогда теоретиками государственнаго права не какъ одно изъ звеньевъ правительственнаго механизма, не какъ одинъ изъ органовъ публично-правовой власти, а какъ частичные общественные союзы, составляющіеся ради удовлетворенія особыхъ общественныхъ интересовъ, отличныхъ отъ интересовъ государственныхъ. Это противоположеніе какихъ-то особыхъ земскихъ дѣлъ дѣламъ государственнымъ внесло немало путаницы въ судьбы нашего земства и не разъ отражалось неблагопріятно на земскихъ интересахъ. На почвѣ этой идеи опредѣленіе компетенціи земствъ разсматривалось не какъ передача земствамъ извѣстной части правительственныхъ функцій, а какъ предоставленіе имъ права завѣдывать своими частными дѣлами, безъ всякаго ограниченія прежней компетенціи коронныхъ административныхъ органовъ. На той же почвѣ явилась возможность не предоставлять земскимъ учрежденіямъ принудительной власти: Положеніе 1864 г. не давало земствамъ права издавать обязательныя постановленія и приводить ихъ въ исполненіе при посредствѣ собственныхъ органовъ; земскія учрежденія, по выраженію одного изъ нашихъ государствовѣдовъ, это учрежденія «съ компетенціей, но безъ власти». Но и при своихъ недостаткахъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года все же дало нашей провинціи весьма много. Прежде всего былъ нанесенъ серьезный ударъ произволу провинціальной администраціи въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній къ населенію. Затѣмъ была создана возможность настоящей общественной дѣятельности, которая съ тѣхъ поръ стала привлекать къ себѣ много способныхъ и независимыхъ людей, не находившихъ въ другомъ мѣстѣ надлежащаго приложенія своимъ силамъ. Въ лицѣ органовъ земскаго самоуправленія выдвигался хотя нѣкоторый противовѣсъ мѣстной правительственной власти, которой съ этихъ поръ приходится считаться съ народившимся общественнымъ мнѣніемъ. Провинціальный строй, существовавшій до того времени почти исключительно въ видахъ служенія фискальнымъ потребностямъ государства и вообще цѣлямъ, лежавшимъ внѣ интересовъ мѣстнаго населенія, пріобрѣтаетъ со времени изданія земскаго положенія извѣстное культурное значеніе. Губернская и уѣздная жизнь становится богаче содержаніемъ, на земскія учрежденія и правительство и интеллигенція привыкаютъ смотрѣть какъ на барометръ общественнаго настроенія, какъ на отраженіе и показатель надеждъ и ожиданій образованныхъ слоевъ провинціальнаго населенія. Созданнымъ органамъ самоуправленія было даровано весьма существенное право ходатайствовать передъ правительствомъ по вопросамъ, относящимся до мѣстныхъ пользъ и нуждъ, что̀ при отсутствіи представительныхъ учрежденій, при

цензурныхъ стѣсненіяхъ и низкомъ уровнѣ правового самосознанія чиновничьей среды пріобрѣтало особо важное значеніе. Къ сожалѣнію, центральная власть не всегда охотно выслушивала даже и правдивое, трезвое и живое слово земскихъ собраній.

Города наши ко времени царствованія Александра II находились въ печальномъ, а нѣкоторые прямо-таки въ плачевномъ состояніи. Общественное управленіе, организованное на основаніи грамоты городамъ 1785 г., находилось въ полнѣйшемъ подчиненіи правительственной администраціи. Въ нѣкоторыхъ городахъ общественныхъ учрежденій вовсе не было, въ другихъ они влачили самое грустное существованіе. Отъ нихъ требовали лишь денежныхъ средствъ, которыми полновластно и нерѣдко своекорыстно распоряжались губернскіе и уѣздные чиновники. Съ городскими учрежденіями не только никто не считался, но даже мелкіе чиновники относились къ нимъ свысока, надъ общественными должностными лицами глумились и безпощадно ихъ обирали. Конечно, эти мрачные тоны городской жизни стали замѣтно тускнѣть въ царствованіе Александра Николаевича, но полная непригодность существующаго городского общественнаго строя была ясна. Реформа была необходима; на первое мѣсто выступалъ вопросъ объ установленіи правильныхъ отношеній въ соотвѣтствіи съ потребностями времени и желаніями общества между органами городского самоуправленія и коронными мѣстными властями.

Для изданнаго въ 1870 году городового положенія образцомъ послужило земское положеніе 1864 года. Въ строй городской общественной жизни прочно введенъ принципъ всесословности или, правильнѣе сказать, безсословности, поднято значеніе органовъ самоуправленія, имъ предоставлены значительныя права и обезпечена необходимая для успѣшнаго хода дѣла независимость отъ администраціи. Распорядительная власть вручена городскимъ думамъ, а исполнительная городскимъ управамъ и ихъ предсѣдателямъ, городскимъ головамъ; въ вопросѣ о соотношеніи органовъ и лицъ городского самоуправленія законодателемъ была допущена существенная ошибка: городской голова былъ и предсѣдателемъ городской думы, что въ высшей степени неудобно, такъ какъ ему приходилось руководить преніями собранія, призваннаго провѣрять и направлять его собственную дѣятельность. На практикѣ это обстоятельство повело къ довольно многочисленнымъ пререканіямъ, столкновеніямъ и даже злоупотребленіямъ. Наиболѣе существенная разница между городскимъ и земскимъ самоуправленіемъ заключалась въ созданіи губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, для разбора и разрѣшенія разногласій и пререканій между органами городского самоуправленія, съ одной, и губернской администраціей, съ другой стороны, при чемъ составъ его, наполовину коронный, наполовину выборный, обезпечивалъ въ достаточной мѣрѣ справедливость и основательность рѣшеній.

Введеніе городового положенія 1870 года было огромнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ устроенія нашихъ городовъ. Съ этихъ поръ настала для нихъ возможность упорядочить свое хозяйство и поднять благоустройство, открылись широкіе горизонты для культурной работы, въ которой и заключается главная суть и внутренній смыслъ существованія органовъ самоуправленія.

V.

Судебная реформа; отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній. — Финансовыя реформы.

Одною изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ нашего дореформеннаго строя было глубоко и прочно укоренившееся неправосудіе. Здѣсь не мѣсто останавливаться на причинахъ этого печальнаго явленія, извѣстнаго какъ по подлиннымъ дѣламъ, такъ и по многимъ произведеніямъ русской литературы, но его связь съ общимъ ходомъ русской государственной жизни въ царствованіе Николая Павловича ясна. При полной зависимости губернскихъ палатъ и уѣздныхъ судовъ отъ администраціи, при глубокой канцелярской тайнѣ, окутывавшей весь ходъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, при необразованности и крайне плохомъ обезпеченіи судей, конечно, не могло существовать правосудіе. Само правительство Николая Павловича сознавало полную неудовлетворенность существовавшихъ судебныхъ порядковъ и относилось съ недовѣріемъ не только къ дѣятельности уѣздныхъ судовъ и палатъ, но даже къ судебнымъ рѣшеніямъ Сената. Правительство, однако, не рѣшалось на какую-либо серьезную мѣру, а довольствовалось безконечными переносами дѣлъ изъ низшихъ инстанцій въ высшія вплоть до Государственнаго Совѣта. Производства разрастались непомѣрно, запутывались и страшно затягивались и всѣ сколько-нибудь значительныя и сложныя дѣла давали обильную почву для злоупотребленій. Канцелярщина все больше и больше въѣдалась въ жизнь судебныхъ учрежденій, такъ какъ къ уничтоженію ея не принимали мѣръ ни чиновники, ни правительство; первымъ она была пріятна, потому что затрудняла надзоръ за ними и помогала скрывать безпорядки и злоупотребленія канцелярій; что же касается правительства, то оно крѣпко вѣрило въ силу и значеніе бумажнаго многодѣлія для успѣшнаго хода правосудія. Канцелярское многописаніе въ Сенатѣ и мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ достигло полнаго расцвѣта во время управленія министерствомъ юстиціи гр. В. Н. Панина, крайняго формалиста. Подчиненные быстро замѣтили слабую сторону своего министра и старались угодить ему многочисленными и подробными донесеніями о мельчайшихъ деталяхъ канцелярскаго обихода ввѣренныхъ имъ учрежденій; они испрашивали указаній и наставленій, пред-

лагали различныя мѣры къ улучшенію существующаго порядка и только увеличивали и осложняли переписку, отвлекаясь отъ прямого своего дѣла по отправленію правосудія.

Равнымъ образомъ и по существу своему судебная дѣятельность дореформенныхъ судебныхъ учрежденій была весьма не удовлетворительна. Въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ царили крайняя приверженность къ формальнымъ доказательствамъ и прежде всего къ собственному сознанію обвиняемаго, и строгость, близкая къ жестокости, по отношенію къ подсудимымъ низшихъ состояній, при весьма снисходительномъ отношеніи къ лицамъ привилегированнымъ. По дѣламъ гражданскимъ рѣшенія отличались крайней запутанностью и противорѣчивостью, которыя иногда вносились, повидимому, не безъ умысла канцелярій и вели къ новымъ безконечнымъ процессамъ, весьма разорительнымъ для заинтересованныхъ лицъ. Одинъ изъ современниковъ сообщаетъ, напр., что однажды Сенатъ по вопросу о томъ, кому должна принадлежать спорная земля, Гаврилову или Жулебину, постановилъ: «обращаясь къ узаконеніямъ, Сенатъ находитъ, что недавно послѣдовалъ законъ о спеціальномъ размежеваніи, а потому опредѣляетъ предписать, кому слѣдуетъ, велѣть, кому нужно, разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи существующихъ узаконеній». Противорѣчія попадались постоянно; по одному дѣлу VII департамента Сената (Шидловскаго) съ 1849 по 1876 г. состоялось 12 противорѣчивыхъ указовъ, при чемъ черезъ 20 лѣтъ послѣ возникновенія дѣла былъ окончательно рѣшенъ лишь вопросъ объ его направленіи, по существу же оно еще не разсматривалось.

Еще въ 40-хъ годахъ по распоряженію главноуправляющаго вторымъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, гр. Блудова, отъ оберъ-прокуроровъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ судебнаго вѣдомства были затребованы отзывы о главнѣйшихъ недостаткахъ дѣйствовавшаго въ то время процессуальнаго законодательства. На основаніи этихъ отзывовъ были сдѣланы первыя робкія попытки къ улучшенію нашего судопроизводства, при чемъ выработанныя по этому предмету предположенія были сообщены на заключеніе министра юстиціи гр. Панина. Несмотря на то, что графъ Блудовъ вовсе не задавался цѣлями широкой реформы и стремился лишь путемъ нѣкоторыхъ частныхъ измѣненій хоть до нѣкоторой степени исправить насквозь прогнившее зданіе правосудія, даже проектированныя имъ полумѣры признаны были гр. Панинымъ слишкомъ радикальными и вызвали съ его стороны горячія возраженія; возникла безконечная полемика между министерствомъ юстиціи и вторымъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, а дѣло не двигалось. Убѣдившись, наконецъ, въ совершенной невозможности прійти къ единомыслію съ гр. Панинымъ по возбужденнымъ предположеніямъ, гр. Блудовъ испросилъ Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особаго комитета для

обсужденія предположеннаго измѣненія гражданскаго процесса. Съ этого момента разработка пошла нѣсколько быстрѣе, но намѣченнымъ преобразованіямъ не суждено было осуществиться въ царствованіе Николая Павловича.

Александръ Николаевичъ всегда обнаруживалъ большой интересъ къ законности и закону и въ одномъ изъ первыхъ манифестовъ высказалъ извѣстное пожеланіе: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ». Такое настроеніе государя, находившееся въ полномъ соотвѣтствіи съ горячими желаніями общества, опредѣленно отразилось на работахъ надъ судебнымъ преобразованіемъ, внеся въ нихъ значительное оживленіе. По мѣрѣ хода этихъ работъ Блудовъ, стремившійся вначалѣ къ достиженію возможныхъ улучшеній въ дѣлѣ отправленія правосудія, не колебля самыхъ основъ, на которыхъ оно было построено, постепенно измѣнилъ свои взгляды и пришелъ къ заключенію о полной несостоятельности не только существующихъ судебныхъ порядковъ, но и всего судебнаго строя. Въ основу выработанныхъ подъ руководствомъ Блудова предположеній были положены начала, имѣющія весьма мало общаго съ дѣйствовавшею въ то время системою. Комиссія проектировала почти полное отдѣленіе власти судебной отъ административной, упраздненіе сословныхъ судовъ, уничтоженіе канцелярской тайны, введеніе адвокатуры, устности и гласности процесса, устраненіе полиціи отъ производства слѣдствій, значительное ослабленіе формальныхъ доказательствъ и цѣлый рядъ другихъ мѣръ для обезпеченія правильнаго теченія правосудія. Такая широкая постановка судебной реформы вызвала горячія возраженія со стороны гр. Панина, но затормозить ходъ дѣла было уже трудно. Только что приведенная къ окончанію крестьянская реформа, естественно, должна была повлечь за собою и реформу судебнаго строя: сфера дѣятельности старыхъ судебныхъ учрежденій почти не касалась многомилліонной массы крѣпостныхъ крестьянъ; о возможности обращенія этихъ крестьянъ къ суду для разбора какихъ-либо гражданскихъ споровъ въ то время не могло быть, конечно, и рѣчи, такъ какъ они не пользовались самостоятельными имущественными правами. Хотя по дѣламъ уголовнымъ крѣпостные крестьяне подлежали общимъ судамъ, но лишь за наиболѣе тяжкія преступленія, въ остальныхъ же случаяхъ расправа надъ ними принадлежала помѣщикамъ, которые имѣли право налагать всѣ виды наказаній, за исключеніемъ лишь отдачи въ каторжныя работы и наказанія кнутомъ. Съ отмѣною крѣпостной зависимости судебная власть, принадлежавшая помѣщикамъ, пала сама собою, и организацію дѣйствовавшихъ въ то время судебныхъ мѣстъ необходимо было приспособить къ измѣнившимся условіямъ.

Проекты, составленные подъ руководствомъ Блудова, оказались далеко не соотвѣтствующими потребностямъ времени и въ началѣ 1862 г. высочайше повелѣно государственной канцеляріи выяснить

основныя начала, «несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ, и по коимъ должна быть преобразована «судебная часть въ Россіи». Въ этой работѣ приняли участіе виднѣйшіе юристы того времени: Зарудный, Побѣдоносцевъ, Стояновскій, Буцковскій, Ровинскій и др. Составленныя ими «основныя начала» были подвергнуты весьма тщательному обсужденію въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта, въ рядѣ засѣданій съ апрѣля по іюль 1862 г. Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта почти всѣ главнѣйшія положенія дѣйствующаго нынѣ судоустройства и судопроизводства были приняты единогласно. Гр. Панинъ, который въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ настаивалъ на необходимости сохраненія прежняго судебнаго строя и съ трудомъ соглашался лишь на нѣкоторыя поправки, убѣдился, наконецъ, въ невозможности защищать прежнее свое мнѣніе. Онъ самъ теперь настаивалъ на необходимости ввести «присяжныхъ засѣдателей», считая, что единственно это форма суда обезпечиваетъ полную его независимость. 29 сентября 1862 г. «основныя начала» новаго судебнаго строя были утверждены государемъ и вскорѣ послѣ этого на мѣсто гр. Панина былъ назначенъ человѣкъ, болѣе подходящій для проведенія судебной реформы—хорошо образованный юристъ Д. Н. Замятнинъ, товарищемъ же его—Стояновскій.

Для составленія подробныхъ проектовъ новаго судоустройства и судопроизводства была при государственной канцеляріи образована особая комиссія, въ составъ которой вошли лучшія юридическія силы; «основныя начала» признаны были незыблемыми, и комиссіи предписано было строго и неуклонно имъ слѣдовать. Руководимое Замятнинымъ и Стояновскимъ министерство относилось къ работѣ съ огромнымъ интересомъ и своими замѣчаніями на проекты комиссіи сослужило большую службу дѣлу введенія у насъ новаго судебнаго строя. Во время хода работы государь живо интересовался ею, высказывалъ нѣкоторыя личныя пожеланія, какъ, напр., чтобы за Сенатомъ было сохранено прежнее его значеніе, постоянно поддерживалъ Замятнина, почти всегда и во всемъ соглашаясь съ его докладами. Выработанные законопроекты были внесены въ Государственный Совѣтъ, гдѣ обсуждались почти годъ, начиная съ декабря 1863 г. Наконецъ, 20 ноября 1864 года новые судебные уставы были утверждены государемъ. Громаднѣйшая работа была выполнена съ необычайной любовью къ дѣлу, быстро и талантливо.

Значеніе реформы было по достоинству оцѣнено современниками, встрѣтившими съ восторгомъ новый судебный порядокъ. Печать единодушно привѣтствовала новое преобразованіе въ самыхъ задушевныхъ и горячихъ выраженіяхъ и указывала, что эта важная реформа, перенося въ Россію одинъ изъ лучшихъ плодовъ европейской мысли и гражданственности, удовлетворяла все русское

общество, сверху донизу, и отвѣчала коренной, исторической потребности. Реформа наносила ударъ худшему виду произвола,—произволу судебному. Дать твердыя начала суду, обезпечить его независимость, его безпристрастіе—это значитъ, говорили современники, совершить самый важный шагъ къ водворенію законности въ государствѣ; это полезнѣе многихъ самыхъ громкихъ политическихъ мѣръ: ничто такъ не пріучаетъ общества къ разумной самодѣятельности, какъ возможность отстаивать личныя права и полная увѣренность въ ихъ неприкосновенности; точно такъ же послѣдующія поколѣнія признавали въ этомъ славномъ законодательномъ памятникѣ отраженіе вѣчной идеи справедливости и высокаго идеала человѣчности.

Судебные уставы вводили совершенно новую систему судоустройства, построенную на принципѣ отдѣленія судебной власти отъ законодательной и административной. Создавались двѣ юстиціи, общая и мировая. Назначеніемъ мировой юстиціи былъ разборъ менѣе значительныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, а общей—болѣе важныхъ. Мировые судьи избирались земскими собраніями и городскими думами и образовывали поуѣздно или по городамъ съѣздъ мировыхъ судей, служившій второю инстанціей по дѣламъ, имъ подсуднымъ. Учрежденіями общей юстиціи были окружные суды и судебныя палаты. Во главѣ всей системы правосудія поставлены уголовный и гражданскій департаменты Сената съ правами верховныхъ кассаціонныхъ судовъ; имъ ввѣренъ не пересмотръ по существу дѣлъ, рѣшенныхъ въ подчиненныхъ имъ судахъ, какъ то было въ старомъ Сенатѣ, а надзоръ за правильнымъ примѣненіемъ закона въ учрежденіяхъ общей и мировой юстиціи. Такимъ образомъ безконечное хожденіе дѣлъ по инстанціямъ отъ уѣзднаго суда до Государственнаго Совѣта уничтожалось, каждое дѣло могло отнынѣ разсматриваться по существу не болѣе двухъ разъ. Затѣмъ устанавливалась независимость и несмѣняемость судей, созданъ институтъ присяжныхъ повѣренныхъ для защиты и прокурорскій надзоръ при судахъ для поддержанія обвиненія. По важнѣйшимъ дѣламъ вводился судъ общественной совѣсти—присяжные засѣдатели. Замятнинъ придавалъ большое значеніе надлежащему матеріальному обезпеченію судебныхъ дѣятелей, и чины судебныхъ мѣстъ и представители прокуратуры получили весьма достаточные по тому времени оклады.

Не менѣе существенныя измѣненія введены были и въ судопроизводство. Ненавистная канцелярская тайна уничтожена, судебныя засѣданія должны были происходить публично, а дѣла въ нихъ производиться устно. Формальныя доказательства упразднялись въ уголовномъ процессѣ и судьи отнынѣ должны были рѣшать дѣла по внутреннему судейскому убѣжденію. Подсудимый, который въ старыхъ судахъ находился въ положеніи затравленнаго звѣря, пріобрѣлъ человѣческія права. Весь порядокъ производства уголовныхъ дѣлъ былъ проникнутъ уваженіемъ къ достоинству

человѣческой личности, на которую новые судебные уставы смотрѣли не только безъ злобы и раздраженія, но напротивъ, съ полнымъ доброжелательствомъ.

Судебная реформа совершенно измѣнила картину отправленія правосудія; вмѣсто необразованныхъ, а часто и нечестныхъ чиновниковъ, строчившихъ безконечные экстракты и такъ называемыя «краткія» записки, нерѣдко съ одною лишь цѣлью осложнить и запутать дѣло, чтобы около него кормиться, появились въ судахъ честные люди, которые знали и уважали законъ и въ дѣятельности своей руководствовались не личными соображеніями, а высокими идеалами правды и добра. Нравственная атмосфера судовъ обновилась и очистилась: благодаря участію присяжныхъ засѣдателей и новому характеру производства дѣлъ, суды стали близки и дороги населенію, которое ихъ вполнѣ оцѣнило и полюбило; и каждое посягательство на самостоятельность или достоинство судовъ, вызывало неудовольствіе и искреннее огорченіе широкихъ слоевъ населенія. Вліяніе новаго судебнаго строя на общественную нравственность русскаго народа положительно не поддается описанію: это былъ такой переворотъ, который влекъ за собою безчисленное количество разнообразныхъ и благотворныхъ послѣдствій; камеры мировыхъ судей сдѣлались своего рода школой благоправія для низшихъ слоевъ населенія, всѣ же вообще судебныя мѣста сослужили великую службу въ дѣлѣ правового воспитанія русскаго народа, пріучая его къ правомѣрной жизни, къ уваженію человѣческой личности и къ добросовѣстности во взаимныхъ отношеніяхъ.

Судебные уставы 20 ноября 1864 года оказали благотворное вліяніе и на всю систему нашего управленія, въ особенности на характеръ, порядокъ и значеніе надзора за законностью дѣйствій администраціи. Тѣ части Сената, которыя предназначены для надзора за управленіемъ, испытали на себѣ значительное вліяніе вновь учрежденныхъ кассаціонныхъ департаментовъ. Общеніе кассаціонныхъ сенаторовъ-юристовъ съ сенаторами прочихъ департаментовъ въ соединенныхъ присутствіяхъ и общихъ собраніяхъ и перемѣщеніе сенаторовъ изъ новыхъ его коллегій въ старыя, служило средствомъ для распространенія на старые департаменты, руководствующіеся въ своей дѣятельности значительно обветшавшимъ «Учрежденіемъ» Сената, началъ, проводимыхъ судебными уставами, которые, во-первыхъ, глубоко проникнуты уваженіемъ къ достоинству и личности человѣка и, во-вторыхъ, допускаютъ широкое и свободное толкованіе закона. А рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ служили нерѣдко образцомъ для прочихъ частей Сената прежде всего въ виду строгости и точности проводимой въ нихъ юридической мысли, а затѣмъ и самымъ своимъ существомъ, какъ, напримѣръ, постояннымъ и настойчивымъ требованіемъ соблюденія процессуальныхъ правилъ, внимательнымъ отношеніемъ къ интере-

самъ частныхъ лицъ, отдѣленіемъ формальной стороны отъ существа дѣла и проч. Подъ вліяніемъ судебныхъ уставовъ надзоръ стараго Сената за администраціей становится болѣе живымъ, болѣе содержательнымъ и болѣе независимымъ, а самая дѣятельность многочисленныхъ коронныхъ властей начинаетъ пріобрѣтать характеръ правомѣрности и уваженія къ человѣческой личности.

Въ тѣсной внутренней связи съ судебнымъ преобразованіемъ, а отчасти и съ другими реформами шестидесятыхъ годовъ находится отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній, которыя въ дореформенномъ строѣ занимали весьма видное мѣсто, такъ какъ тогда плети и розги составляли для лицъ непривилегированныхъ дополненіе къ всякому наказанію, начиная съ каторжныхъ работъ и кончая тюремнымъ заключеніемъ. Публичное исполненіе этихъ наказаній, отъ которыхъ не были освобождены ни женщины, ни старики, не достигшіе семидесятилѣтняго возраста, производило потрясающее впечатлѣніе на народъ, присутствовавшій при этомъ зрѣлищѣ. Глухимъ стонамъ наказываемаго, иногда умиравшаго подъ ударами, вторили обыкновенно вопли и рыданія среди собравшагося народа, который забывалъ въ эту минуту, что карѣ подвергается тяжкій преступникъ, а видѣлъ въ немъ лишь несчастнаго страдальца и мученика. Мысль объ отмѣнѣ или смягченіи этихъ жестокихъ наказаній, оказывавшихъ деморализующее вліяніе на населеніе, возникала неоднократно, но не могла осуществиться, пока половина этого населенія находилась въ полной зависимости отъ произвола своихъ помѣщиковъ. Въ 1861 г., вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости ген.-ад. кн. Н. Орловъ подалъ лично государю записку о необходимости отмѣны тѣлеснаго наказанія, представляющаго собою «зло въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ». Записка эта была передана на обсужденіе особаго комитета, комитетъ высказался за отмѣну тѣлесныхъ наказаній, хотя министръ юстиціи гр. Панинъ выступилъ горячимъ противникомъ предположенной мѣры; такое же въ существѣ своемъ мнѣніе было высказано московскимъ митрополитомъ Филаретомъ и государственнымъ контролеромъ Анненковымъ. Напротивъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, военный министръ Милютинъ и др. признавали отмѣну тѣлесныхъ наказаній безусловно необходимою. По обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ отзывовъ министровъ и окончательнаго заключенія комитета, 17 апрѣля 1863 г., въ день рожденія государя, былъ подписанъ указъ «о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ». Въ силу этого указа плети, шпицрутены, прогнаніе сквозь строй, а также наложеніе клеймъ и штемпелей были вовсе отмѣнены. Розги были временно сохранены впредь до устройства мѣстъ заключенія. Лица женскаго пола, кромѣ ссыльныхъ, были вовсе изъяты отъ тѣлесныхъ нака-

заній. Впечатлѣніе, произведенное этимъ указомъ, составляющимъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи нашего законодательства, было громадно. Въ Москвѣ въ день его объявленія по желанію народа былъ отслуженъ молебенъ въ Кремлѣ передъ окнами той комнаты, гдѣ родился императоръ Александръ II.

Однимъ изъ главныхъ основаній нашего дореформеннаго финансоваго строя была система винныхъ откуповъ, пагубное дѣйствіе которой на общественную нравственность въ настоящее время общеизвѣстно; правительству приходилось не только смотрѣть снисходительно на злоупотребленія, безъ которыхъ откупная система существовать не можетъ, но иногда даже противодѣйствовать возникавшимъ въ народѣ нравственнымъ побужденіямъ къ сохраненію трезвости: такъ, когда въ 1858 г. стали устраиваться въ Западномъ краѣ братства трезвости, то духовенству приказано было «не прибѣгать къ мѣрамъ, несвойственнымъ христіанскому ученію, тѣмъ болѣе, что правительство само имѣетъ попеченіе о нераспространеніи пьянства», и въ то же время циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22 марта 1859 г. предписано было губернаторамъ: «не препятствуя добровольно изъявленнымъ желаніямъ частныхъ лицъ сохранять трезвость и воздержаніе, принять мѣры, чтобы ни съ чьей стороны не было употребляемо побудительныхъ къ тому средствъ, какъ-то: формальныхъ приговоровъ сельскихъ обществъ о непитіи, съ штрафами и т. п.». Капитальная реформа питейнаго дѣла становилась все болѣе и болѣе необходимой. Въ 1858 г. было начато обсужденіе этого важнаго преобразованія, а съ 1863 г. введена акцизная система. Торговля водкой была предоставлена свободной конкуренціи, но сельскія общества получили возможность не разрѣшать вовсе этой торговли. Еще болѣе радикальной реформѣ подвергся другой источникъ казенныхъ доходовъ, соляной налогъ. Существовавшая у насъ система частью соляной монополіи, частью акциза на соль приводила къ тому, что этотъ предметъ первой необходимости продавался по цѣнамъ, чувствительнымъ для бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. 23 ноября 1880 года состоялась отмѣна соляного налога.

Въ сферѣ финансоваго управленія важенъ рядъ улучшеній организаціоннаго характера, находившихся въ тѣсной связи съ коренной реформой государственнаго контроля. Иниціатива и разработка этихъ улучшеній, равно какъ и вся творческая работа по реформѣ государственнаго контроля, была произведена однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени, В. А. Татариновымъ. Съ давнихъ поръ у насъ въ государственной отчетности царилъ полный хаосъ. Недвижимыя имущества, матеріальные капиталы и переходящіе денежные рессурсы не были на счету. Цѣлыя отрасли государственныхъ доходовъ, составляя предметъ произвольнаго хозяйничанья въ рукахъ отдѣльныхъ распорядительныхъ управленій, ускользали отъ наблюденія министерства финансовъ, играв-

шаго въ то время чуть ли не просто роль государственной бухгалтеріи, притомъ далеко не точной и не полной. Государственный Совѣтъ при разсмотрѣніи бюджета ограничивался однимъ констатированіемъ фактовъ, предлагавшихся его вниманію, такъ какъ не имѣлъ предоставленнаго закономъ права оріентироваться въ документахъ и матеріалахъ. Роспись государственнаго дохода составлялась крайне гадательно и считалась государственною тайной. Источники доходовъ были извѣстны далеко не вполнѣ, а расходная графа составлялась на основаніи просто заявленій министерствъ и главныхъ управленій, рѣдко представлявшихъ мотивы въ необходимости испрашиваемыхъ средствъ. Такъ называемаго единства кассы, т.-е. государственной казны, какъ таковой, въ строгомъ смыслѣ, не было: хотя министерство финансовъ и было призвано исполнять обязанности казнохранителя, но на дѣлѣ три четверти государственныхъ доходовъ хранились и расходовались отдѣльными вѣдомствами. Каждое министерство пользовалось, помимо общегосударственныхъ средствъ, и своими капиталами, имѣло свое хозяйство, нерѣдко шедшее въ разрѣзъ съ интересами казны; эти приходо-расходы отдѣльныхъ вѣдомствъ совсѣмъ не показывались въ государственной отчетности.

Въ 1858 году Татариновъ выработалъ широкій планъ финансоваго преобразованія, сводившійся къ слѣдующимъ четыремъ принципамъ: 1) систематическое, подробное и однообразное для всѣхъ управленій составленіе финансовыхъ смѣтъ и такое же исполненіе ихъ съ безусловнымъ и немедленнымъ обращеніемъ всѣхъ смѣтныхъ остатковъ въ распоряженіе государственнаго казначейства; 2) введеніе единства кассы, т.-е. сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ средствъ государства исключительно въ кассахъ министерства финансовъ, съ предоставленіемъ одному только этому министерству права завѣдывать сборомъ всѣхъ государственныхъ доходовъ и производить платежи; 3) устройство въ государствѣ одной, вполнѣ независимой отъ исполнительной власти, ревизіонной инстанціи, имѣющей право производить всестороннее наблюденіе за движеніемъ капиталовъ, повѣрять и судить дѣйствія и хозяйственныя операціи исполнителей и 4) установленіе «предварительнаго контроля», обязаннаго въ лицѣ членовъ той же высшей ревизіонной инстанціи производить предварительную повѣрку всѣхъ расходныхъ предписаній, предупреждать и останавливать неправильныя распоряженія государственными капиталами. Проектъ Татаринова, переданный на разсмотрѣніе особой комиссіи, встрѣтилъ въ ней ожесточенныя возраженія, такъ какъ многимъ очень не хотѣлось разстаться съ правомъ безотчетно распоряжаться казенными средствами; въ концѣ-концовъ, все-таки, онъ былъ принятъ, а самъ Татариновъ назначенъ государственнымъ контролеромъ. Къ сожалѣнію, планъ Татаринова былъ проведенъ въ жизнь не такъ, какъ ему того хотѣлось; такъ, напримѣръ, несмотря на его настоянія, осталось въ силѣ изъ-

ятіе отъ наблюденія государственнаго контроля цѣлой серіи доходовъ и расходовъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Тенденціи къ безотчетному и безконтрольному пользованію государственными средствами были слишкомъ устойчивы и борьба Татаринова съ этимъ печальнымъ явленіемъ не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Самъ Татариновъ, разстроившій свое здоровье усиленными трудами, скончался внезапно въ 1871 г.; его семьѣ, оставшейся безъ всякихъ средствъ, по повелѣнію императора было выдано 100.000 р.

VI.

Реформа арміи и всеобщая воинская повинность.

Еще кипѣла организаціонная работа мировыхъ посредниковъ перваго призыва, въ самомъ разгарѣ было обсужденіе земской реформы и едва намѣчены основные принципы новаго судебнаго строя, какъ началось обновленіе одной изъ самыхъ важныхъ и, вмѣстѣ отсталыхъ, частей нашей государственной жизни—военнаго вѣдомства. Слабыя стороны нашего военнаго строя и военныхъ распорядковъ явно обнаружились во время Крымской войны и тогда же стала сознаваться необходимость коренныхъ измѣненій и улучшеній; до 1861 г., однако, въ этомъ отношеніи не было еще сдѣлано ничего сколько-нибудь существеннаго, такъ какъ во главѣ арміи и военнаго вѣдомства находились лица, которыя не умѣли или не хотѣли взяться за дѣло реформы. Въ 1861 г. военнымъ министромъ вмѣсто бездарнаго и упрямаго Сухозанета былъ назначенъ Дм. Ал. Милютинъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей Россіи XIX в. Онъ родился въ 1816 г., службу началъ фейерверкеромъ въ гвардейской артиллеріи; двадцати трехъ лѣтъ окончилъ однимъ изъ первыхъ курсъ въ военной академіи; въ 1839 г. командированъ былъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба на Кавказъ, гдѣ около пяти лѣтъ несъ боевую службу. На Кавказѣ Милютинъ пополнилъ свое военное образованіе уроками практики на театрѣ военныхъ дѣйствій противъ горцевъ. Въ то же время онъ занимался научными трудами. Въ 1845 г. онъ былъ назначенъ на каѳедру военной географіи въ воспитавшей его академіи; его одиннадцатилѣтняя профессорская дѣятельность оставила по себѣ глубокій слѣдъ. Онъ создалъ цѣлую школу выдающихся учениковъ (каковы Обручевъ, Драгомировъ, Лееръ и др.), издалъ цѣлый рядъ печатныхъ трудовъ высокаго научнаго достоинства и, наконецъ, свое классическое изслѣдованіе: «Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей въ царствованіе императора Павла I» въ 5 т., доставившее автору почетное мѣсто въ русской исторической литературѣ. «Исторія войны 1799 г.» вскорѣ была переведена на нѣмецкій и французскій языки. Въ 1856 г. Милютинъ по желанію намѣстника Кавказа, кн. Баря-

тинскаго, былъ назначенъ начальникомъ штаба кавказской арміи и сталъ ближайшимъ помощникомъ намѣстника. Имъ разработанъ былъ планъ экспедиціи для окончательнаго покоренія Кавказа. Во время этой экспедиціи онъ участвовалъ въ разныхъ дѣлахъ противъ горцевъ и, между прочимъ, во взятіи укрѣпленнаго аула Гунибъ, гдѣ сдался и Шамиль. Въ 1860 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ военнаго министра, а въ 1861 г.—министромъ. Трудно, кажется, представить себѣ лучшую подготовку для военнаго министра, но, кромѣ огромной эрудиціи, боевого опыта и крупныхъ военныхъ дарованій, Милютинъ обладалъ творческимъ умомъ, выдающимися административными способностями, твердой волей, властнымъ характеромъ и широкимъ взглядомъ истинно государственнаго человѣка. Это былъ во всѣхъ отношеніяхъ изъ ряду выходящій человѣкъ, истинный другъ народа и твердый борецъ за высокіе гуманные идеалы. Руководя военными преобразованіями, онъ принималъ и самое живое участіе въ обсужденіи общегосударственныхъ реформъ, при чемъ все доброе, справедливое и полезное находило въ немъ горячаго и умѣлаго защитника. Русская исторія мало знаетъ такихъ цѣльныхъ и послѣдовательныхъ государственныхъ людей, какъ Д. А. Милютинъ. Проработавъ въ царствованіе Александра Николаевича на посту военнаго министра двадцать лѣтъ, онъ послѣ его трагической кончины удалился отъ дѣлъ.

Въ 1862 году Д. А. Милютинъ представилъ глубоко продуманный и стройный планъ преобразованій, которыя должны были охватить всѣ военныя учрежденія и всю военную жизнь. Планъ былъ одобренъ государемъ, положившимъ такую резолюцію: «внести въ Совѣтъ министровъ. Все изложенное въ этой запискѣ совершенно согласно съ моими давнишними желаніями и видами». Въ военномъ министерствѣ началась горячая преобразовательная работа. Сущность произведенныхъ преобразованій сводится къ слѣдующему. Военное управленіе было построено на началахъ децентрализаціи, были созданы военные округа, во главѣ которыхъ поставлены командующіе войсками, получившіе объединяющую власть надъ всѣми войсками и военными управленіями даннаго округа. Въ военныхъ учрежденіяхъ дѣлопроизводство и письмоводство сокращено и упрощено; радикально перестроена вся система военнаго воспитанія, покоившаяся до того времени на розгахъ и шпицрутенахъ, въ нее внесены разумныя педагогическія начала. Казарменная жизнь утратила свой грубый и жестокій характеръ, военные нравы смягчились и облагородились. Былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ для поднятія образовательнаго и нравственнаго уровня команднаго состава арміи и въ особенности офицеровъ, бытъ которыхъ, матеріальное положеніе и вообще обстановка дѣятельности значительно улучшены. Милютинъ понималъ, что высокій нравственный духъ, необходимый арміи, чтобы побѣждать, лучше всего

создается и укрѣпляется въ обстановкѣ правомѣрности и уваженія къ личности; въ виду этого подъ его руководствомъ и былъ изданъ рядъ уставовъ, съ большою точностью опредѣлившихъ права и обязанности военнослужащихъ. Административный произволъ и усмотрѣніе начальства насколько возможно устранены изъ военнаго обихода. Даже дисциплинарныя отношенія Милютинъ стремился ввести въ опредѣленныя правовыя границы; самая сущность воинской дисциплины въ изданномъ при Милютинѣ уставѣ, дѣйствующемъ и до настоящаго времени, сводится къ точному соблюденію всѣхъ правилъ, предписанныхъ военными законами. Этимъ съ достаточной ясностью намѣчается правомѣрный характеръ отношеній между начальствомъ и подчиненными. Совершенно реформирована была военная юстиція, военно-уголовные законы были переработаны и смягчены, судоустройство и судопроизводство примѣнены по возможности къ порядкамъ, положеннымъ въ основу судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года. Лишь для мелкихъ проступковъ нижнихъ чиновъ созданы были суды полковые безъ участія юристовъ, болѣе важныя же преступленія нижнихъ чиновъ и всѣ вообще проступки офицеровъ и генераловъ поручались военно-окружнымъ судамъ, устроеннымъ по образцу гражданскихъ, съ надлежащей независимостью отъ военнаго начальства и съ личнымъ составомъ, получившимъ необходимую военно-юридическую подготовку въ созданной Милютинымъ Военно-юридической академіи. Военно-окружные суды и военные юристы сыграли въ арміи такую же облагораживающую роль, какая выпала на долю гражданскихъ судебныхъ мѣстъ въ отношеніи всего населенія. Они явились оплотомъ законности въ военно-административномъ и командномъ управленіи и особенно въ весьма важной сферѣ непосредственныхъ личныхъ сношеній начальниковъ съ подчиненными. Грубость въ обращеніи, побои и истязанія солдатъ, бывшія нормальнымъ явленіемъ до 60-хъ годовъ, становятся все рѣже и рѣже, такъ какъ военные юристы, руководившіе военными судами, отнюдь не склонны были относиться къ подобнымъ явленіямъ снисходительно.

Упорядоченіе подготовки солдатъ, улучшеніе военнаго быта на началахъ правомѣрности и уваженія къ личности сдѣлало возможнымъ проведеніе крупнѣйшей и самой замѣчательной военной реформы, — всеобщей воинской повинности. Съ точки зрѣнія справедливости и истиннаго патріотизма всѣ граждане должны получать военную подготовку, чтобы ихъ можно было призвать въ нужный моментъ подъ знамена; не такъ, однако, обстояло дѣло у насъ. До реформы, проведенной Милютинымъ, вся тяжесть военной службы въ нижнихъ чинахъ ложилась на податныя сословія, при чемъ срокъ службы въ войскахъ былъ чрезмѣрно длинный— 25 лѣтъ. Послѣ освобожденія крестьянъ и цѣлаго ряда реформъ, направленныхъ къ уравненію правъ всѣхъ сословій, такой поря-

докъ вещей становился нетерпимымъ. Но кромѣ соображеній справедливости къ введенію всеобщей воинской повинности побуждало и другое обстоятельство. Войны 1866 и 1870 гг. показали, что въ современной вооруженной борьбѣ народовъ будутъ принимать участіе милліонныя арміи. Чтобы имѣть возможность располагать такими силами, необходимо было соотвѣтственно организовать отбываніе воинской повинности населеніемъ и образовать огромный запасъ. Эта цѣль могла быть достигнута короткими сроками службы подъ знаменами и всеобщностью воинской повинности, такъ какъ при этомъ являлось возможнымъ провести черезъ ряды войска возможно большее количество людей, способныхъ носить оружіе, обучить ихъ военному дѣлу, воспитать въ воинскомъ духѣ и создать запасъ, необходимый для комплектованія арміи. При осуществленіи задуманнаго преобразованія воинской повинности Милютину пришлось встрѣтиться съ большими затрудненіями; между прочимъ противъ льготъ по образованію возражалъ министръ народнаго просвѣщенія гр. Толстой. Но всѣ сопротивленія были побѣждены, благодаря сочувствію къ реформѣ государя, поддержкѣ великаго князя Константина Николаевича и настойчивости, уму и такту Милютина. 1 января 1874 г. введенъ былъ новый уставъ о воинской повинности, устанавливавшій принципъ всеобщности и краткости дѣйствительной военной службы—шесть лѣтъ.

Эта реформа имѣла огромное государственное значеніе, она увеличила военную мощь Россіи, сблизила армію съ народомъ и послужила къ укрѣпленію идеи солидарности сословій, на которыя раздѣлялся русскій народъ. Преобразованное войско, воспитанное подъ руководствомъ Милютина на началахъ гуманности и правомѣрности, съ честью выдержало испытаніе въ турецкую войну 1877—1878 годовъ, удививъ весь міръ переходомъ черезъ Балканы, въ возможность котораго въ Европѣ не вѣрилъ никто, начиная съ знаменитаго Мольтке. А съ другой стороны, своимъ исполненнымъ рыцарскаго достоинства поведеніемъ, наша дѣйствующая армія вызвала симпатіи даже со стороны заядлыхъ туркофиловъ и нашихъ упорныхъ враговъ, англичанъ.

VII.

Значеніе реформъ императора Александра II.

Реформы царствованія Александра Николаевича, всѣ покоятся, въ сущности говоря, на однихъ и тѣхъ же принципахъ и ведутъ къ одной и той же цѣли.

Одной изъ главныхъ типическихъ чертъ нашего дореформеннаго строя было порабощеніе и поглощеніе личности государствомъ. Въ XVI—XVII вв. такой порядокъ вещей находилъ оправданіе въ необходимости принести все въ жертву великой національной

задачѣ—достиженію естественныхъ или этнографическихъ границъ нашего племени. Но въ первой половинѣ XIX вѣка столь жалкое положеніе личности передъ государствомъ не имѣло уже этого оправданія, а являлось результатомъ, съ одной стороны, тяжелаго господства у насъ принциповъ полицейскаго государства, а съ другой стороны—обращенія государственнаго института крѣпостного права въ сословную привилегію для однихъ и въ сословное угнетеніе для другихъ. Но и обладатели этой привилегіи, дворяне, предъ лицемъ государства были почти такъ же ничтожны, какъ и ихъ крѣпостные; не лучше было положеніе купцовъ, духовенства и другихъ категорій обывателей. Гражданъ не было въ Россіи,— были только подданные, не столько за совѣсть, сколько за страхъ повиновавшіеся правительственной власти. Это обезличеніе погружало массы русскихъ людей въ умственный, нравственный и политическій маразмъ, который и привелъ наше отечество къ тяжелому кризису. Такимъ образомъ создалась повелительная необходимость обновить нашъ государственный и общественный строй, для чего нужно было прежде всего раскрѣпостить личность, даровавъ ей не только обыкновенныя гражданскія, но и нѣкоторыя общественныя права. Александръ Николаевичъ и лучшіе изъ числа окружавшихъ его людей поняли эту величайшую, выдвинутую нашей исторіей, задачу и разрѣшили ее весьма удовлетворительно. Голосъ передовыхъ русскихъ людей, раздававшійся опредѣленно еще съ конца XVIII вѣка, былъ, наконецъ, услышанъ и свѣтлыя мечтанія ихъ въ значительной мѣрѣ удовлетворены. Всѣ русскіе люди получили не только общественныя, публичныя права, но и возможность защиты ихъ, хотя и не вполнѣ совершенными еще способами, сдѣлались гражданами, личность была въ значительной мѣрѣ раскрѣпощена. И нельзя не замѣтить, что эта капитальнѣйшая реформа не замедлила оказать, раньше чѣмъ всѣ относящіяся до нея мѣропріятія были закончены, самое благотворное вліяніе на отношенія гражданъ къ государству, которыя въ затруднительный для Россіи моментъ обратились въ могучую волну патріотическаго одушевленія, готовую захлестнуть всѣхъ враговъ Россіи— мы говоримъ о томъ необычайномъ подъемѣ, который охватилъ всѣ слои русскаго общества во время польскаго возстанія 1863 г., когда со стороны иностранныхъ державъ были сдѣланы попытки, клонившіяся къ вмѣшательству въ наши внутреннія дѣла. Какая разница между этимъ взрывомъ патріотизма и холоднымъ оцѣпенѣніемъ, въ которое было погружено большинство русскихъ людей въ Крымскую войну, несмотря на то, что могущественный врагъ стоялъ уже на нашей территоріи!

Другая черта дореформеннаго строя — произволъ, царившій во всѣхъ сферахъ тогдашней жизни. Борьба съ нимъ была столь же необходима, какъ раскрѣпощеніе личности. И этой потребности въ значительной степени удовлетворили реформы царствованія

Александра Николаевича. Отмѣной крѣпостного права уничтоженъ произволъ помѣщиковъ, реформой судебной — произволъ старыхъ судовъ, введеніемъ земскихъ учрежденій—произволъ администраціи въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній къ населенію, новымъ уставомъ о воинской повинности — произволъ при сдачѣ на военную службу. Наконецъ остальныя реформы Милютина и мѣропріятія, проведенныя Татариновымъ, если и не уничтожили, то во всякомъ случаѣ смягчили и ограничили произволъ въ сферѣ военнаго и финансоваго управленія. На мѣсто полновластно царившаго произвола выдвинуты начала правомѣрности и законности въ управленіи. Александръ Николаевичъ всегда интересовался и всегда опредѣленно сочувствовалъ законности и закону и въ царствованіе его былъ заложенъ надежный фундаментъ для созданія въ Россіи правового строя, этого непремѣннаго условія для экономическаго и духовнаго процвѣтанія каждаго народа. Раскрѣпощеніе личности и водвореніе началъ законности открыло возможность созданія и развитія общественной дѣятельности, требовавшей новыхъ силъ, которыя не находили себѣ примѣненія при дореформенномъ строѣ, когда много пригодныхъ къ общественному дѣлу людей должно было ограничиваться узкою сферой частныхъ интересовъ, не принося своему отечеству никакой пользы. Благодаря новымъ условіямъ жизни многіе нашли себѣ настоящее дѣло, вернулись душою въ отечество и приняли участіе въ дружной культурной работѣ.

Всѣ реформы императора Александра II въ глубокой степени проникнуты принципами гуманности и уваженія къ личности, въ этомъ заключается ихъ великая нравственная сила и кроется причина огромнаго ихъ вліянія на семейный и общественный бытъ, въ который онѣ привнесли мягкость и человѣчность; эти реформы отвѣтили на общія горячія желанія, выразителями которыхъ неоднократно выступали наши лучшіе писатели-беллетристы. Но кромѣ правовой и нравственной сферы, реформы—и прежде всего отмѣна крѣпостного права — оказали весьма большое вліяніе на экономическій бытъ населенія: онѣ привели къ полному крушенію систему натуральнаго хозяйства, которая была у насъ тѣсно связана съ крѣпостнымъ трудомъ и примитивными формами жизни, вызвали развитіе и ростъ торговли, промышленности, денежнаго обращенія и постройку желѣзныхъ дорогъ. Правда, экономическое оживленіе, охватившее Россію въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка, не было свободно и отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, появились дутыя предпріятія, ажіотажъ, крупные крахи, но все это были болѣзни вѣка, значительно ослабѣвшія съ теченіемъ времени и утратившія свой опасный характеръ, такъ какъ экономическая эволюція Россіи скоро стала на вѣрный и твердый путь. Гораздо серьезнѣе были несомнѣнные симптомы кризиса сельскаго хозяйства, покуда оно не приспособилось къ новымъ условіямъ труда, но и этому обстоятельству отнюдь не слѣдуетъ

придавать чрезмѣрнаго значенія. Кризисъ продолжался дольше, чѣмъ онъ долженъ бы былъ продолжаться, потому что правительственная власть во-время не пришла на помощь сельскому хозяйству, а общественныя организаціи еще не въ силахъ были быстро справиться съ этимъ дѣломъ одними своими средствами.

Говоря коротко, великія реформы Александра II представляютъ такой шагъ впередъ въ жизни русскаго государства и народа, которому равныхъ не много знаетъ исторія: рядомъ съ ними можно поставить лишь реформы Петра Великаго.

VIII.

Общественное движеніе, революціонная пропаганда и реакція.

Царствованіе Александра Николаевича было временемъ необыкновеннаго общественнаго оживленія и усиленной работы русской мысли. Въ глазахъ многихъ русскихъ людей выдвигаются на видное мѣсто общественныя нужды и интересы, которые подвергаются горячему обсужденію словесному, и въ печати начинается, однимъ словомъ, весьма замѣтное общественное движеніе. Разработка великихъ реформъ и проведеніе ихъ въ жизнь, конечно, усиливали это явленіе. Общественное движеніе прежде и больше всего охватило наиболѣе просвѣщенное сословіе—дворянство, губернскія собранія котораго совершенно мѣняютъ свой прежній характеръ: мелкіе личные счеты и споры и будничныя провинціальныя заботы отступаютъ на второй планъ, а общее вниманіе сосредоточивается на крупныхъ государственныхъ вопросахъ, въ обсужденіи которыхъ дворянство весьма опредѣленно желаетъ принять участіе. Послѣ горячихъ, иногда бурныхъ преній, дворянскія собранія составляютъ адресы государю, которые часто дышатъ искренностью и хорошо отражаютъ тогдашнее настроеніе умовъ. Предпринятыя преобразованія хотя и вызываютъ иногда критику, но въ общемъ привлекаютъ сочувствіе и одобреніе; въ дворянской средѣ нарождается сознаніе, что нельзя ограничиться имѣющимися уже въ виду правительства предположеніями, а надо итти дальше, къ реформѣ самой основы нашего государственнаго строя, возникаетъ конституціонное движеніе. Съ особенною опредѣленностью эти стремленія выразились въ адресахъ дворянствъ тверского (1862 г.) и московскаго. По убѣжденію тверскихъ дворянъ правительство безсильно провести и осуществить всѣ необходимыя реформы, если бы даже оно и хотѣло этого, такъ какъ свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти только изъ самого народа и «созваніе выборныхъ отъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ, Положеніемъ 19 февраля». Московскій адресъ, принятый большинствомъ 270 голосовъ противъ 36, просилъ

«довершить государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ общихъ всему государству», а также «второго собранія изъ представителей одного дворянскаго сословія».

Эти конституціонныя стремленія не встрѣчали сочувствія въ большинствѣ правящей среды; съ неодобреніемъ отнесся къ нимъ и самъ государь, твердо вѣрившій въ необходимость сохраненія въ Россіи прежней формы правленія. По собственнымъ словамъ его, передаваемымъ однимъ современникомъ, онъ далъ бы Россіи какую угодно конституцію, если бы считалъ это для нея безопаснымъ и полезнымъ. Правительство отклоняло представленія дворянъ, но относилось къ движенію довольно спокойно. Показателемъ этого настроенія является рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, явившійся какъ бы отвѣтомъ на московскій адресъ, который по формальнымъ основаніямъ не былъ представленъ государю въ подлинникѣ. «Мнѣ извѣстно,—писалъ государь,—что во время своихъ совѣщаній московское губернское дворянское собраніе вошло въ обсужденіе предметовъ, прямому вѣдѣнію его не подлежащихъ, и коснулось вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій. Благополучно совершившіяся въ десятилѣтнее мое царствованіе и нынѣ по моимъ указаніямъ еще совершающіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать, по мѣрѣ возможности и въ опредѣленномъ мною порядкѣ, разныя отрасли государственнаго устройства. Право вчинанія по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія принадлежитъ исключительно мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавной властью, Богомъ мнѣ ввѣренною. Прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ должно быть залогомъ будущаго... Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго предъ престоломъ и отечествомъ мнѣ всегда памятны и къ которому мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ».

Оживленіе общественной мысли и возникновеніе общественнаго движенія было характерною чертою всей тогдашней жизни и находило яркое отраженіе въ текущей журналистикѣ и литературѣ, для развитія которыхъ послѣ значительнаго смягченія цензурныхъ стѣсненій создались болѣе благопріятныя условія. Появился рядъ журналовъ и газетъ, на страницахъ которыхъ съ большимъ подъемомъ и одушевленіемъ обсуждались общественные и государственные вопросы. «Русская Бесѣда», «Молва» и «Парусъ» были органами славянофиловъ; «Современникъ» объединялъ интеллигенцію радикальнаго образа мыслей, интересовавшуюся притомъ экономическими и соціальными вопросами; «Русское Слово», руководимое Писаревымъ, являлось выразителемъ чувствъ и желаній зна-

чительной по числу группы молодежи, выступившей со страстнымъ протестомъ противъ существующихъ стѣсненій для свободнаго развитія отдѣльной личности; «Русскій Вѣстникъ» Каткова былъ органомъ просвѣщеннаго и корректнаго либерализма въ англійскомъ вкусѣ и т. д. Совершенно особое мѣсто занималъ издававшійся въ Лондонѣ журналъ Герцена «Колоколъ». Имѣя возможность свободно говорить о Россіи и русскихъ дѣлахъ, одаренный большимъ литературнымъ талантомъ и боевымъ темпераментомъ, Герценъ создалъ «Колоколу» необычайную популярность и успѣхъ. Запрещенный въ Россіи, этотъ журналъ читался, тѣмъ не менѣе, повсюду, отъ дворцовъ членовъ императорской фамиліи до скромныхъ провинціальныхъ домиковъ. Своими разоблаченіями различныхъ безобразій и злоупотребленій «Колоколъ» принесъ немало пользы, но излишняя порывистость Герцена, а въ особенности его безтактное и непатріотическое поведеніе во время польскаго возстанія совершенно уронили значеніе «Колокола»; число его читателей уменьшилось въ нѣсколько разъ — это былъ отвѣтъ общественнаго мнѣнія на обращеніе «Колокола» изъ серьезнаго радикальнаго органа въ легкомысленный революціонный листокъ.

Кромѣ развитія публицистики, конецъ пятидесятыхъ и шестидесятые годы ознаменовались расцвѣтомъ изящной литературы и литературной критики; появляется длинный рядъ высоко художественныхъ, истинно классическихъ произведеній Гончарова, Тургенева, Льва Толстого, Щедрина, Островскаго, Алексѣя Толстого, Достоевскаго, Писемскаго, Некрасова и др. Эти писатели вскрыли и обрисовали русскую жизнь со всѣми ея темными сторонами и сослужили этимъ великую службу дѣлу обновленія семейнаго, общественнаго и государственнаго строя; но во многихъ литературныхъ произведеніяхъ той эпохи замѣчательно и положительное содержаніе—высокіе идеалы правды, добра, любви и духовной красоты, которые благотворно вліяли на общественную жизнь и нравы. Достигла расцвѣта и литературная критика, блестящимъ представителемъ которой явился Добролюбовъ. Въ уровень съ литературой и критикой поднялась—главнымъ образомъ, благодаря новому университетскому уставу 1863 г. — и русская наука; выдвигается цѣлый рядъ ученыхъ по различнымъ спеціальностямъ, обезпечившихъ русской наукѣ не только вниманіе, но и уваженіе всего ученаго міра.

Умственное и общественное движеніе привлекало къ себѣ самое серьезное вниманіе правительства, которое хорошо понимало, что это явленіе имѣетъ большое значеніе и что его отнюдь нельзя игнорировать: нарождался въ лицѣ общества и общественнаго мнѣнія новый факторъ русской жизни, новая сила, съ которой нельзя было не считаться. Но съ другой стороны, внявъ голосу общества, пойдя навстрѣчу его домогательствамъ и жела-

ніямъ и, въ особенности, опираясь на его мнѣнія, приходилось измѣнять привычной государственной политикѣ, заключавшейся въ управленіи Россіей силами и средствами бюрократіи. Создавалось затрудненіе, для опредѣленнаго выхода изъ котораго нужна была большая смѣлость и твердая воля. Правительство Александра Николаевича сознавало необходимость участія общества въ разработкѣ и проведеніи въ жизнь предпринятыхъ преобразованій, но въ то же время и опасалось представителей общества; такъ было во время хода крестьянской реформы, такъ было и послѣ. Неоднократно возвращались къ мысли спросить мнѣніе общественныхъ дѣятелей, но всегда не безъ боязни ихъ радикализма. Такъ, напримѣръ, обсуждая, какимъ порядкомъ направить предположенія о разныхъ улучшеніяхъ, сдѣланныя при обсужденіи результатовъ занятій Валуевской комиссіи о поднятіи сельской промышленности, Комитетъ Министровъ нашелъ, что было бы желательно выслушать отзывы мѣстныхъ обывателей, при чемъ прибавилъ, что лучше всего обратиться съ этою цѣлью къ предводителямъ дворянства и членамъ земскихъ учрежденій, «которыхъ можно вызвать безъ особыхъ выборовъ». Правящая среда понимала, что безъ общественныхъ представителей при разрѣшеніи сколько-нибудь важнаго дѣла трудно обойтись, но въ то же время столь же опредѣленно боялась призрака конституціонализма. Этимъ страхомъ сильнаго либеральнаго движенія и парламента и объясняются, главнымъ образомъ, колебанія, съ одной стороны, къ обществу, а съ другой — отступленія отъ него въ направленіи исключительно бюрократическомъ, составляющія одну изъ любопытныхъ и характерныхъ чертъ царствованія Александра Николаевича.

Первые годы царствованія Александра II замѣчается извѣстная солидарность между его взглядами и дѣйствіями его правительства, съ одной стороны, и настроеніемъ передовыхъ круговъ русскаго общества — съ другой; даже радикально настроенные люди, какъ Чернышевскій и Герценъ, были довольны дѣйствіями государственной власти. Но такое согласіе продолжалось недолго. Хотя правительство не остановилось по пути реформъ, а продолжало — правда, иногда не безъ нѣкоторыхъ колебаній — итти впередъ, но это поступательное движеніе перестало уже удовлетворять наиболѣе нетерпѣливыхъ людей. Появились недовольные, и число ихъ все возрастало, частію вслѣдствіе колебаній и ошибокъ правительства, частью вслѣдствіе распространенія журналами и текущею литературой ученій, которыя находились въ столь далекомъ и полномъ несоотвѣтствіи съ условіями тогдашней русской жизни, что правительство, если бы даже и захотѣло, не смогло бы воплотить ихъ въ дѣйствительность. Какъ разъ въ это время начинаютъ появляться и первые признаки правительственной реакціи: руководителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ вмѣсто Ланского и Ни-

колая Милютина сталъ Валуевъ, министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто Кавалевскаго, человѣка мягкаго и добраго, былъ назначенъ суровый и весьма опредѣленный реакціонеръ адмиралъ князь Путятинъ; этотъ послѣдній долженъ былъ выполнить нелегкую задачу умиротворенія университетовъ, въ которыхъ было тогда далеко не спокойно. Правда, реакціонное теченіе правительства не было еще сколько-нибудь устойчивымъ, оно прерывалось рядомъ мѣръ и назначеній либеральнаго характера, каковы замѣна Д. А. Милютинымъ Сухозанета и Замятнинымъ графа Панина, которыя гораздо важнѣе отдѣльныхъ проблесковъ реакціи; но нѣкоторые изъ современниковъ той эпохи преувеличивали значеніе непріятныхъ имъ отдѣльныхъ распоряженій правительства; число недовольныхъ росло; обострялся и характеръ этого недовольства: изъ радикальной оппозиціи оно стало переходить въ революціонную пропаганду. Появляются революціонеры, мечтающіе о полномъ переворотѣ въ Россіи, который они считали возможнымъ провести насильственнымъ образомъ. Эти далекіе отъ дѣйствительнаго пониманія русской жизни люди, желавшіе насильно облагодѣтельствовать русскій народъ, въ прямолинейности своей не замѣчали комическихъ крайностей выдвигавшихся ими проектовъ: они не только мечтали, но и надѣялись создать федеративный коммунистическій строй—общественное землевладѣніе, общественныя фабрики и лавки, общественное воспитаніе дѣтей, требовали уничтоженія брака, «какъ явленія въ высшей степени безнравственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ, а слѣдовательно, и уничтоженія семьи, препятствующей развитію человѣка, и безъ котораго немыслимо уничтоженіе наслѣдства». Проведеніе всей этой программы предполагалось насильственно-революціоннымъ путемъ. Такого рода ученія составляли содержаніе прокламацій, которыхъ въ то время появлялось очень много. Такая литература не могла не безпокоить правительство, и ему пришлось выступить съ предупредительными и репрессивными мѣрами; началась борьба съ революціоннымъ движеніемъ, которая, на горе Россіи, съ тѣхъ поръ отняла много силъ и средствъ и въ значительной мѣрѣ развратила агентовъ государственной власти; но къ чести правительства того времени надо сказать, что сперва репрессія примѣнялась довольно спокойно; сообщенія, будто къ заподозрѣннымъ въ политической неблагонадежности лицамъ примѣнялись суровыя и даже жестокія мѣры, несомнѣнно относятся къ области вымысла. Революціонныя идеи горячили молодежь, наиболѣе нетерпѣливые представители которой торопились воплотить ихъ въ террористическіе акты, представлявшіеся ихъ сознанію необходимою подготовкой страстно желаемаго ими государственнаго переворота. Въ такой атмосферѣ возникло и созрѣло у Каракозова, принадлежавшаго къ одному изъ небольшихъ московскихъ революціонныхъ кружковъ, гнусное намѣреніе убить императора. 4 апрѣля 1866 года, когда государь, выйдя изъ Лѣтняго сада,

садился въ коляску, Каракозовъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но стоявшій рядомъ съ нимъ крестьянинъ Осипъ Комиссаровъ, къ счастью, ударилъ преступника по рукѣ, и пуля пролетѣла мимо. Каракозовъ былъ задержанъ, осужденъ и казненъ, а Комиссаровъ возведенъ въ дворянское достоинство. Все общество было крайне взволновано этимъ покушеніемъ и выказало государю горячее сочувствіе и вниманіе.

Злодѣйскій выстрѣлъ Каракозова былъ большимъ несчастіемъ для Россіи, такъ какъ опредѣленно толкалъ правительство на реакціонныя мѣры. Слѣдствіе по дѣлу Каракозова, произведенное особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ М. Н. Муравьева, выдвинуло на первый планъ неудовлетворительность нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ, по мнѣнію комиссіи, всецѣло царилъ духъ непокорства и своеволія на основѣ безвѣрія, матеріализма и соціализма, усиленно поддерживаемыхъ нѣкоторыми журналами. Эта оцѣнка привела къ закрытію «Современника» и «Русскаго Слова» и къ серьезнымъ перемѣнамъ въ составѣ высшихъ должностныхъ лицъ. Либеральный министръ народнаго просвѣщенія, близкій къ великому князю Константину Николаевичу человѣкъ, Головнинъ, былъ уволенъ, а на его мѣсто назначенъ графъ Д. А. Толстой; уволенъ также петербургскій генералъ-губернаторъ князь Суворовъ, отличавшійся мягкимъ и доброжелательнымъ отношеніемъ къ гражданамъ и въ особенности къ молодежи; во главѣ третьяго отдѣленія, вѣдавшаго политическую полицію, вмѣсто устарѣвшаго князя Долгорукова поставленъ приближенный къ государю молодой генералъ графъ П. А. Шуваловъ. Назначеніе гр. Д. А. Толстого знаменовало собою рѣзкій поворотъ правительственной политики въ дѣлѣ народнаго образованія къ господству плохо понятаго классицизма, которому придавалось теперь значеніе средства борьбы съ матеріалистическими теоріями, овладѣвшими въ значительной мѣрѣ умами юношества. Надѣялись, что классическое образованіе, основанное на обстоятельномъ изученіи древнихъ языковъ, отвратитъ подрастающія поколѣнія отъ увлеченія революціонными идеями, а кромѣ того, и самый процессъ усвоенія программы потребуетъ столько времени, что его не будетъ на посторонніе проходимымъ курсамъ занятія. Проектъ реформы гимназій, составленный Толстымъ, встрѣтилъ серьезную оппозицію въ Государственномъ Совѣтѣ; большинство членовъ Совѣта вполнѣ понимало опасное значеніе проекта, клонившагося не къ развитію просвѣщенія въ Россіи, а къ затрудненію его и стѣсненію. Но государь сталъ на сторону Толстого и согласнаго съ нимъ меньшинства, предположенія министра народнаго просвѣщенія были осуществлены, въ Россіи установлены классическія гимназіи, въ которыхъ главное вниманіе было обращено на изученіе древнихъ языковъ, естественныя же науки были вовсе изгнаны изъ программы гимназій.

Это нововведеніе было встрѣчено дружнымъ неудовольствіемъ русскаго общества, а такъ какъ Толстой проводилъ свою систему съ прямолинейностью, которая граничила съ жестокостью, то это неудовольствіе все болѣе и болѣе усиливалось и, наконецъ, обратилось въ единодушное негодованіе.

Тотъ же мотивъ борьбы съ политической неблагонадежностью заставилъ подумать объ измѣненіи провинціальныхъ порядковъ, въ направленіи усиленія полномочій мѣстной администраціи. Нѣкоторыя лица правящей среды были склонны очень поднять значеніе представителей высшаго правительства, губернаторовъ, считая это необходимымъ условіемъ для успѣшной борьбы съ революціоннымъ движеніемъ. Вскорѣ послѣ покушенія Каракозова была составлена Валуевымъ, Зеленымъ (министръ государственныхъ имуществъ) и шефомъ жандармовъ Шуваловымъ записка, въ которой предлагалось очень серьезное увеличеніе власти губернаторовъ, которое, осуществившись, привело бы къ полнѣйшему ихъ господству въ губерніи. Противниками этого проекта выступили министръ юстиціи Замятнинъ и министръ финансовъ Рейтернъ, справедливо указывавшіе, что реформа губернаторской должности въ предположенномъ направленіи уничтожала бы всякое значеніе чиновъ другихъ вѣдомствъ, привела бы къ фактическому господству министра внутреннихъ дѣлъ въ ущербъ власти прочихъ министровъ и знаменовала бы возвращеніе къ давно осужденному старому порядку, когда губернаторы и воеводы соединяли всѣ функціи власти. Цѣликомъ проектъ не прошелъ, но власть губернатора, тѣмъ не менѣе, была значительно усилена, особенно же возросла его роль въ дѣлѣ политической полиціи. Эти измѣненія въ положеніи губернскаго представителя высшей правительственной власти, не сопровождавшіяся притомъ реорганизаціей или хотя бы усиленіемъ надзора за мѣстнымъ управленіемъ, шли въ разрѣзъ со стремленіями земскаго положенія 1864 г., выдвинувшаго общественное управленіе какъ нѣкоторый противовѣсъ коронным властямъ. Равновѣсіе, и безъ того далеко не полное, было окончательно нарушено къ несомнѣнному ущербу самоуправленія. Это мѣропріятіе, проведенное въ значительной мѣрѣ благодаря безтактнымъ, а иногда и преступнымъ выступленіямъ революціонеровъ, всей тяжестью своей легло, главнымъ образомъ, на прогрессивныя, тяготѣвшія къ земскимъ интересамъ, группы провинціальнаго населенія и послужило однимъ изъ основаній для созданія между нимъ и государственной властью пропасти, которая впослѣдствіи приняла угрожающіе размѣры.

Въ тѣсной связи съ переустройствомъ гимназій, измѣненіемъ положенія губернаторовъ и закрытіемъ нѣкоторыхъ журналовъ находились различныя мѣропріятія, по духу своему совершенно аналогичныя, какъ, напримѣръ, распоряженія, клонившіяся къ сокращенію едва созданной независимости судовъ, стѣсненія въ универ-

ситетахъ и т. под. Реакціонныя мѣропріятія правительства въ прогрессивномъ лагерѣ, конечно, вызывали неудовольствіе; огорчая однихъ и раздражая другихъ, они содѣйствовали лишь усиленію революціонной пропаганды, находившей себѣ горячихъ сторонниковъ среди выброшенныхъ изъ учебныхъ заведеній подростковъ и юношей. Успѣхи же революціоннаго движенія, въ свою очередь, пугали и озлобляли правительство, которое начинало теряться въ изысканіи мѣръ и средствъ противъ этого явленія и стало утрачивать свое прежнее спокойствіе въ борьбѣ съ революціонерами.

IX.

Внѣшняя политика.—Польское возстаніе.—Кавказъ, Дальній Востокъ, Средняя Азія.

Крымская война въ достаточной мѣрѣ обнаружила непригодность политической комбинаціи, въ составъ которой входила Россія, оказавшаяся въ критическій моментъ одна лицомъ къ лицу съ могущественной коалиціей. Но Александръ Николаевичъ не былъ склоненъ къ коренному измѣненію нашей внѣшней политики, подсказывавшемуся послѣдними событіями; онъ скорбѣлъ объ нарушеніи началъ Священнаго Союза и опредѣленно тяготѣлъ къ Пруссіи, вѣрный идеямъ и симпатіямъ, усвоеннымъ еще въ юности: въ дѣлахъ внѣшней политики Александръ Николаевичъ былъ строгимъ консерваторомъ и недовѣрчиво относился къ новымъ горизонтамъ и къ новымъ комбинаціямъ. Онъ искалъ дружбы только съ нѣмцами, высоко почиталъ прусскаго короля Вильгельма, приходившагося ему роднымъ дядей, и не довѣрялъ Франціи и въ особенности Наполеону III. Правда, это направленіе выразилось со всею прямолинейностью и рѣзкостью не сразу.

Вскорѣ послѣ заключенія Парижскаго мира, при которомъ Наполеонъ III оказалъ серьезныя услуги Россіи, послѣдовали крупныя перемѣны въ нашемъ дипломатическомъ вѣдомствѣ. Былъ уволенъ бездарный и безличный канцлеръ Нессельроде; постъ министра иностранныхъ дѣлъ былъ ввѣренъ кн. А. М. Горчакову—это была значительная перемѣна къ лучшему; посломъ въ Парижъ назначенъ министръ государственныхъ имуществъ, графъ П. Д. Киселевъ. Этотъ престарѣлый сановникъ быстро разобрался въ ходѣ дипломатическихъ дѣлъ и сталъ въ Парижѣ на правильный, съ точки зрѣнія нашихъ національныхъ интересовъ, путь. Почти одновременно съ назначеніемъ Киселева Наполеонъ III назначилъ посломъ въ Россію своего побочнаго брата, друга и близкаго совѣтника графа Морни. По дорогѣ въ Россію Морни въ Вильдбадѣ представлялся матери Александра Николаевича, императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и видѣлся съ нѣкоторыми русскими представителями

при нѣмецкихъ дворахъ. Вынесенныя изъ этого общенія впечатлѣнія приводили Морни къ заключенію о прочности русскихъ симпатій къ нѣмцамъ и о недовѣріи къ Франціи и Наполеону III.

Но въ Россіи Морни былъ оказанъ очень любезный и радушный пріемъ. Императоръ сказалъ ему на пріемѣ: «Я радъ васъ видѣть здѣсь. Присутствіе ваше означаетъ конецъ положенію, къ счастью, уже не существующему и которое не должно болѣе возвращаться. Я очень благодаренъ императору Наполеону и никогда не забуду благосклоннаго вліянія, оказаннаго имъ въ нашу пользу на ходъ переговоровъ». Затѣмъ государь просилъ посла передать благодарность Наполеону за привѣтливый пріемъ посланныхъ въ Парижъ русскихъ офицеровъ и за подарокъ пушки новаго образца и высказалъ радость, что начинается сближеніе Россіи съ Франціей. При дворѣ Морни былъ окруженъ самымъ любезнымъ вниманіемъ; столь же сочувственно и предупредительно относился къ нему и кн. Горчаковъ.

Еще болѣе ласкали въ Парижѣ графа Киселева. Наполеонъ поспѣшилъ принять съ нимъ самый откровенный и дружескій тонъ, примѣру его слѣдовала и императрица Евгенія. Стремясь завязать непосредственныя сношенія съ русской императорской фамиліей, Наполеонъ и Евгенія пригласили находившагося въ Ниццѣ вел. кн. Константина Николаевича посѣтить Парижъ; онъ былъ принятъ самымъ любезнымъ образомъ. Наполеонъ не разъ велъ съ Константиномъ Николаевичемъ бесѣды по важнѣйшимъ вопросамъ международной политики. Императоръ французовъ выдвигалъ такую международную комбинацію, которая стала фактомъ нашихъ дней: онъ говорилъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ членовъ теперешняго тройственнаго согласія Россіи, Франціи и Англіи, которымъ, по его мнѣнію, слѣдовало рѣшить заблаговременно, въ какомъ направленіи дѣйствовать въ случаѣ возникновенія волненій въ Италіи и среди христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова; въ одной изъ такихъ бесѣдъ Наполеонъ задалъ великому князю весьма щекотливый вопросъ: «не захочетъ ли Россія присоединить Галицію?»

Познакомившись съ однимъ изъ членовъ нашей императорской фамиліи, Наполеонъ желалъ свидѣться и съ императоромъ Александромъ II. О возможности и послѣдствіяхъ этого свиданія много толковали въ Европѣ въ концѣ 1856 и началѣ 1857 года. Лѣтомъ 1857 г. Александръ Николаевичъ отправился съ императрицей въ Киссингенъ. Возможность свиданія императоровъ такимъ образомъ очень облегчалась, что было непріятно нѣмцамъ, которые, конечно, заботились о возстановленіи и усиленіи нѣсколько пошатнувшихся нѣмецкихъ симпатій русскаго правительства. Едва пріѣхалъ Александръ Николаевичъ въ Киссингенъ, какъ туда явился вюртембергскій король въ качествѣ посредника для возстановленія дружественныхъ отношеній Россіи къ Австріи, а въ то же время прусскій

посолъ при германскомъ сеймѣ, Бисмаркъ, зорко и не безъ безпокойства слѣдилъ за сношеніями Россіи съ Франціей, подозрѣвая, не скрываютъ ли отъ него подготовленное уже свиданіе императоровъ; безпокоились и англичане, опасавшіеся потерять въ Наполеонѣ союзника.

Киселевъ настойчиво совѣтовалъ Александру Николаевичу заключить союзъ съ Франціей, на которую одну только мы можемъ опереться; государь опредѣленно не высказывался, но согласился на свиданіе съ Наполеономъ въ случаѣ, если оно будетъ имъ предложено. Несмотря на возраженія и неудовольствія Англіи, Наполеонъ рѣшилъ свидѣться съ императоромъ Александромъ осенью 1857 г. въ Южной Германіи, гдѣ въ то время у него были нѣкоторые доброжелатели. Еще не состоялось это свиданіе, а нѣмецкая интрига была озабочена тѣмъ, чтобы парализовать возможные его результаты. Черезъ посредство родственнаго Россіи Саксенъ-Веймарскаго двора было получено согласіе Александра Николаевича на свиданіе съ императоромъ Францомъ Іосифомъ, которое должно было состояться послѣ свиданія съ Наполеономъ и свидѣтельствовать, что никакой перемѣны въ русской политикѣ не произошло. Конечно, Наполеонъ былъ этимъ недоволенъ.

Предстоящему свиданію русскаго и французскаго императоровъ придавалось громадное значеніе. Вотъ что писалъ Бисмаркъ: «Въ виду одного только факта русско-французскаго свиданія, здѣсь (во Франкфуртѣ-на-Майнѣ) уже чувствуютъ, что германскій союзъ пошатнулся, и всѣ союзные вопросы не вызываютъ болѣе интереса въ моихъ сотоварищахъ (посланникахъ при германскомъ сеймѣ). Какъ скоро вся конституція сейма низошла бы на степень историческаго матеріала, если бы дѣйствительно состоялся союзъ между обѣими державами съ практическими цѣлями». Свиданіе состоялось въ Штутгартѣ, но оно не принесло сближенія Россіи съ Франціей прежде всего потому, что онъ происходило въ атмосферѣ не только не благопріятной, но прямо-таки враждебной международной комбинаціи, а затѣмъ, изъ двухъ сторонъ, представленныхъ монархами, только Наполеонъ горячо желалъ искренняго соглашенія, русскій же императоръ колебался. Можетъ-быть, повредило и то, что Наполеонъ неосторожно заговорилъ съ Александромъ Николаевичемъ о положеніи дѣлъ и судьбѣ Польши, въ чемъ Александръ Николаевичъ усмотрѣлъ безтактное вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи. Тѣмъ не менѣе, между Россіей и Франціей установились, повидимому, вполнѣ благожелательныя отношенія, къ упроченію которыхъ Наполеонъ стремился всѣми силами. Къ сожалѣнію, очень скоро между Россіей и Франціей началось охлажденіе, искусно вызванное нѣмецкой и англійской дипломатіей. Осенью 1859 года Киселевъ предлагалъ государю заключить формальный союзъ съ Франціей, но не встрѣтилъ никакого сочувствія со стороны государя, отозвавшагося крайне

отрицательно и недоброжелательно о Наполеонѣ. «Довѣріе мое къ политическимъ видамъ Людовика-Наполеона, — сказалъ онъ, — сильно поколеблено. Его пріемы не безупречны. Нужно вниманіе, чтобы не вдаться въ обманъ». Этимъ настроеніемъ умѣло и ловко пользовался Бисмаркъ, бывшій посломъ въ Россіи. Эксплуатируя дружескія и родственныя чувства императора Александра къ Вильгельму, онъ строго слѣдилъ, чтобы этотъ послѣдній не только не сдѣлалъ бы какой-либо уступки Россіи, но и не раскрывалъ бы своему племяннику хитрыхъ и двуличныхъ ходовъ прусской дипломатіи. Бисмаркъ быстро сумѣлъ обойти русскій дворъ. По мѣрѣ усиленія прусскаго вліянія все болѣе и болѣе портились отношенія наши съ Франціей, такъ какъ Вильгельмъ въ своихъ частныхъ письмахъ Александру Николаевичу выставлялъ Наполеона опаснымъ человѣкомъ, стремящимся къ ниспроверженію законнаго порядка въ Европѣ. Вильгельмъ постоянно указывалъ также на поступательный ходъ всемірной революціи и на необходимость принять общія мѣры къ ея обузданію. Въ результатѣ такихъ внушеній и запугиваній Александръ Николаевичъ согласился идти рука объ руку не только съ Пруссіей, но и съ Австріей, къ которой онъ относился сперва несочувственно за ея неблагородное поведеніе во время Крымской войны.

Это сближеніе, въ которомъ Пруссія и Австрія преслѣдовали свои собственныя цѣли, не думая, конечно, объ интересахъ Россіи, а Россія преслѣдовала отвлеченную и праздную идею сохраненія существующаго порядка и борьбы съ революціоннымъ движеніемъ въ иностранныхъ государствахъ, напоминало собою Священный Союзъ, призракъ котораго огорчалъ и раздражалъ Францію. Настоятельныя указанія Киселева на необходимость для Россіи союза съ Франціей оставались безрезультатными и вызывали даже неудовольствіе государя, и скоро этотъ настойчивый сторонникъ французской дружбы былъ уволенъ, а на его мѣсто въ Парижъ посланъ одинъ изъ учениковъ Нессельроде, поклонникъ отжившихъ идей Священнаго Союза, преданный Пруссіи и Австріи человѣкъ, баронъ Будбергъ. Такимъ образомъ попытка сближенія Россіи съ Франціей, которое могло бы насъ освободить изъ нѣмецкаго плѣна и вывести на путь національной политики, оставленный нашими дипломатами еще въ концѣ XVIII в., не удалась; Россіи суждено было еще долгое время служить орудіемъ нѣмцевъ, а Наполеонъ, не добившись русской дружбы и не желая остаться изолированнымъ, повернулъ снова къ Англіи. Подъ такимъ впечатлѣніемъ огорченія и раздраженія на Россію за нежеланіе принять предлагаемую ей дружбу у Наполеона возникло стремленіе выступить за защиту поляковъ, которые въ это время подняли мятежъ противъ русской власти. Наполеона поддержали Австрія и Англія. Конечно, это выступленіе Франціи съ опредѣленнымъ притязаніемъ на вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи по-

вело къ окончательному охлажденію русско-французскихъ отношеній, а затѣмъ наша постоянная поддержка Пруссіи дала ей возможность разгромить сперва Австрію, а затѣмъ Францію и объединить подъ своимъ руководствомъ всѣ мелкія нѣмецкія государства. Единственная выгода, которую извлекла при этомъ Россія, это былъ отказъ отъ признанія статьи Парижскаго мира, по которой Россія не имѣла права держать флотъ на Черномъ морѣ. За свою ошибочную политику Россія понесла тяжелое наказаніе, получивъ въ лицѣ Германской имперіи могущественнаго и постоянно бряцающаго оружіемъ сосѣда. Черезъ пять лѣтъ послѣ франко-прусской войны Бисмаркъ увидѣлъ, что Франція слишкомъ быстро оправляется отъ нѣмецкаго разгрома, и былъ склоненъ повторить нападеніе; тогда французская дипломатія обратилась за поддержкой и защитой къ императору Александру II, и онъ, видя, что дальнѣйшее усиленіе Германіи за счетъ Франціи поведетъ къ серьезному нарушенію европейскаго равновѣсія и не можетъ не угрожать безопасности нашего отечества, выступилъ на защиту Франціи; Бисмаркъ къ большому своему неудовольствію вынужденъ былъ отказаться отъ своего воинственнаго плана, а Горчаковъ имѣлъ полное основаніе протелеграфировать русскимъ представителямъ за границей: «Отнынѣ миръ обезпеченъ».

Съ начала царствованія Александръ Николаевичъ проявилъ значительную мягкость къ полякамъ: сосланнымъ въ Сибирь за участіе въ возстаніи 1830—1831 года и эмигрантамъ было разрѣшено возвратиться на родину, на мѣсто скончавшагося кн. Паскевича, долгіе годы сурово правившаго Польшей, былъ назначенъ въ Варшаву слабохарактерный кн. М. Д. Горчаковъ. Это повело къ тому, что въ Польшѣ началось политическое броженіе. Первые признаки его стали обнаруживаться съ лѣта 1860 года, когда начался въ Варшавѣ рядъ патріотическихъ манифестацій, въ память дѣятелей и событій изъ исторіи борьбы Польши съ Россіей. На улицахъ появились прокламаціи, портреты Костюшки и т. п. Власти не принимали никакихъ репрессивныхъ мѣръ и не знали, что надо дѣлать; кн. Горчаковъ совершенно растерялся. Тогда поляки выступили съ требованіями коренныхъ реформъ, которыя должны были повести Польшу къ политической автономіи, а покуда добились разрѣшенія учредить въ Варшавѣ временное управленіе изъ выборныхъ отъ города, для наблюденія за порядкомъ, и нѣкоторыхъ другихъ распоряженій, клонившихся къ умаленію русской власти и русскаго престижа въ польскихъ губерніяхъ. Императоръ Александръ, получивъ донесенія объ этомъ, настойчиво потребовалъ отъ Горчакова рѣшительныхъ мѣръ къ возстановленію нарушеннаго порядка и спокойствія; онъ категорически указывалъ, что теперь не время идти на уступки. Но Горчаковъ попрежнему держался крайне нерѣшительно, и безпорядки быстро разрастались.

Относясь къ дѣйствіямъ Горчакова съ полнымъ осужденіемъ, императоръ Александръ повелѣлъ, тѣмъ не менѣе, выработать проекты существенныхъ улучшеній въ Польшѣ: рѣшено было даровать ей широкое самоуправленіе: возстановить Государственный Совѣтъ Царства Польскаго изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, назначаемыхъ высочайшею властью, которому, кромѣ завѣдыванія правосудіемъ, ввѣрить разсмотрѣніе годовой смѣты доходовъ и расходовъ царства, жалобъ на администрацію и пр.; въ губерніяхъ и уѣздахъ предполагалось учредить выборные совѣты, періодически созываемые для совѣщанія о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, съ правомъ входить о нихъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ царства польскаго; намѣчался рядъ благопріятныхъ для польской національности мѣръ въ отношеніи школъ, печати, католической церкви и проч. Во главѣ всего гражданскаго управленія былъ поставленъ полякъ, маркизъ Велепольскій. Намѣстникъ объявилъ населенію волю государя, чтобы указанныя реформы были быстро проведены въ жизнь края, но, несмотря на это, безпорядки не стихли, напротивъ, волненія и демонстраціи все усиливались. Въ это время умеръ Горчаковъ; въ короткій срокъ въ званіи намѣстника смѣнились Ламбертъ, Лидерсъ и дважды Сухозанетъ, волненія же продолжались. Тогда въ Петербургѣ, не безъ вліянія Велепольскаго, рѣшили испробовать попытку умиротворенія Польши путемъ либеральнаго режима, проводить который взялся великій князь Константинъ Николаевичъ при содѣйствіи того же Велепольскаго. Но политическія страсти въ Польшѣ такъ разгорѣлись и желанія поляковъ стали настолько непомѣрны, что найти путь къ примиренію не было уже никакой возможности. Пріѣхавъ въ Варшаву съ самыми лучшими намѣреніями, великій князь не могъ ничего сдѣлать, такъ какъ очень скоро по всему царству и въ смежномъ съ нимъ сѣверо-западномъ краѣ разразился открытый мятежъ, которому предшествовалъ рядъ террористическихъ актовъ и покушеніе на самого великаго князя.

Въ началѣ движенія русское общество смотрѣло на него спокойно, а нѣкоторые круги его даже съ сочувствіемъ, но затѣмъ въ этомъ отношеніи произошелъ крутой поворотъ. Притязанія поляковъ на возстановленіе Польши въ прежнихъ границахъ, когда въ составъ ея входили исконныя русскія области, въ связи со слухами, вскорѣ оправдавшимися, о вмѣшательствѣ въ русско-польскія отношенія иностранныхъ государствъ, возмутили общественное мнѣніе и вызвали необычайный взрывъ патріотизма. Выразителями общаго настроенія, служившаго показателемъ живого самозванія и политической зрѣлости русскаго народа, выступили отъ общественныхъ учрежденій прежде всего петербургское, а вскорѣ за нимъ и другія дворянства. Въ ихъ адресахъ были не фразы, не риторика офиціальныхъ обращеній къ главѣ государства,

а дѣйствительный порывъ гражданъ, возмущенныхъ оскорбленіемъ ихъ родины. Императоръ Александръ II вполнѣ оцѣнилъ по достоинству выступленіе петербургскаго дворянства и, отвѣчая дворянской депутаціи, между прочимъ, сказалъ: «Я вполнѣ раздѣляю ваши чувства какъ дворянинъ. . . . . понимаю любовь къ отечеству такъ, какъ вы ее выразили». Такія же чувства выражены были и во многихъ другихъ адресахъ отъ сословныхъ учрежденій и отъ разныхъ обществъ. Очень трогателенъ былъ адресъ московскихъ старообрядцевъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ, но тебѣ, царь освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. Въ новизнахъ твоего царствованія намъ старина наша слышится. Престолъ твой и русская земля не чужое добро намъ, а наше кровное». Патріотическіе адресы во множествѣ стекались въ Петербургъ, нѣкоторые изъ нихъ были привезены особыми депутатами. 17 апрѣля 1863 года, въ славный день отмѣны тѣлесныхъ наказаній, Александръ Николаевичъ съ большою торжественностью въ Зимнемъ дворцѣ принялъ выборныхъ отъ учрежденій и сословій, съѣхавшихся для поднесенія ему адресовъ. Государь сказалъ имъ: «Адресы ваши и тѣ, которые я ежедневно получаю отъ всѣхъ сословій и изъ другихъ губерній, составляютъ для меня истинное утѣшеніе посреди моихъ заботъ. Я горжусь единствомъ этихъ чувствъ вмѣстѣ съ вами и за васъ. При одной мысли объ угрожающей намъ опасности всѣ сословія земли русской соединились вокругъ престола, показали царю своему то довѣріе, которое для него всего дороже. Вѣрьте мнѣ, что моя жизнь имѣетъ единственную цѣль: благо дорогого нашего отечества и постепенное развитіе его гражданской жизни... Взаимное наше довѣріе есть залогъ будущаго благоденствія Россіи».

Патріотическій подъемъ захватилъ и большую часть русской публицистики, виднѣйшимъ представителемъ которой въ то время былъ М. Н. Катковъ, который въ эпоху польскаго возстанія и дипломатическаго похода на Россію пламенно проповѣдывалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ» высокіе культурные идеалы и крѣпкій патріотизмъ. Страстное слово Каткова падало на готовую общественную почву, повышало настроеніе разныхъ круговъ русскаго народа и, несомнѣнно, сыграло большую роль въ дѣлѣ объединенія всѣхъ чувствъ и помысловъ русскихъ людей для сохраненія единства, цѣлости и неприкосновенности русской державы. Общественное мнѣніе страны заявило весьма убѣдительно не только о своемъ существованіи, но и о своей зрѣлости; правительство оцѣнило все значеніе этого новаго фактора, новой силы, выдвинувшейся въ нашемъ отечествѣ; оно сумѣло опереться на патріотически настроенныя массы населенія и заговорить такимъ тономъ, который показалъ западно-европейскимъ державамъ всю неумѣстность ихъ домогательствъ на вмѣша-

тельство во внутреннія дѣла Россіи, а полякамъ всю легкомысленность ихъ притязаній на возстановленіе Польши. Кн. А. М. Горчаковъ въ замѣчательной нотѣ категорически отклонилъ предложенія Франціи и Англіи созвать обще-европейскую конференцію для обсужденія польскаго вопроса и будущаго устройства Царства Польскаго, и правительство энергично взялось за подавленіе мятежа. Эта обязанность была возложена въ царствѣ на графа Берга, а въ сѣверо-западномъ краѣ на М. Н. Муравьева. Возстаніе было ликвидировано и немедленно было введено новое устройство бывшаго Царства Польскаго, получившаго названіе Привислянскаго края. Сущность новаго устройства заключалась въ приближеніи тамошнихъ порядковъ и управленія къ строю русскихъ губерній. Реформу отношеній между помѣщиками и крестьянами государь возложилъ на Н. А. Милютина; въ помощь себѣ Милютинъ пригласилъ своихъ прежнихъ сотрудниковъ, Самарина и кн. Черкасскаго. 19 февраля 1864 г. обнародованы два замѣчательные указа, о надѣленіи польскихъ крестьянъ землею, при условіи обязательнаго и немедленнаго ея выкупа у помѣщиковъ, и о созданіи сельской гмины (волости) на началахъ самоуправленія. Эта реформа послужила прочнымъ основаніемъ для умиротворенія и успокоенія главной массы населенія Привислянскаго края.

Такимъ образомъ, польское возстаніе заставило правительство, опиравшееся въ данномъ случаѣ на общественное мнѣніе, отказаться отъ предполагавшихся широкихъ преобразованій въ духѣ самоуправленія и обратиться къ устраненію мѣстныхъ особенностей въ цѣляхъ наиболѣе тѣснаго сліянія Привислянскаго края съ остальною Россіей.

На Кавказѣ и въ Азіи правительство Александра Николаевича дѣйствовало весьма опредѣленно и рѣшительно, твердо руководствуясь исключительно національными интересами и цѣлями; поэтому и результаты, достигнутые имъ въ указанной сферѣ, были весьма значительны. Александръ Николаевичъ унаслѣдовалъ войну съ кавказскими горцами, которая, повидимому, была весьма далека отъ окончанія; охваченные религіознымъ одушевленіемъ горцы не только защищались, но и сами нерѣдко нападали на русскихъ; такой порядокъ вещей не могъ быть долѣе терпимъ, и Д. А. Милютинъ составилъ проектъ энергичныхъ мѣръ къ замиренію Кавказа; предположенія Милютина были горячо поддержаны кн. А. И. Барятинскимъ, но встрѣтили возраженія со стороны военнаго министра Сухозанета и кавказскаго намѣстника Н. Н. Муравьева. Александръ Николаевичъ сталъ на сторону Барятинскаго и Милютина, и назначилъ перваго кавказскимъ намѣстникомъ, а второго—начальникомъ штаба кавказскихъ войскъ.

Тотчасъ послѣ коронаціи императора Барятинскій отправился на Кавказъ; около года потребовалось на обширныя военныя приготовленія, затѣмъ начато рѣшительное наступленіе на виднѣйшаго

вождя горцевъ, Шамиля, находившагося въ дебряхъ Дагестана. Вскорѣ былъ занятъ рядъ ауловъ и, наконецъ, въ 1859 году палъ укрѣпленный Гунибъ; Шамиль въ качествѣ плѣнника отправленъ былъ на жительство въ Калугу. На западномъ Кавказѣ, глава воинственнаго племени обадзеховъ, Мегметъ Аминь, добровольно покорился Россіи, и покореніе западнаго Кавказа закончено при преемникѣ Барятинскаго, великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ. Окончательное покореніе и успокоеніе Кавказа было весьма крупнымъ успѣхомъ русскаго оружія и русской правительственной власти; оно дало возможность экономическаго развитія населенія и культурной работы въ этой богато одаренной природой странѣ.

Одновременно съ упроченіемъ русскаго владычества на Кавказѣ были мирнымъ путемъ сдѣланы очень большія земельныя пріобрѣтенія на Дальнемъ Востокѣ. Генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири былъ въ это время очень дѣятельный и энергичный человѣкъ Н. Н. Муравьевъ, который, несмотря на неудовольствіе и противодѣйствіе нашего дипломатическаго вѣдомства, опасавшагося войны съ Китаемъ, твердо обосновался въ устьяхъ Амура, а затѣмъ по Айгунскому договору съ Китаемъ возвратилъ Россіи уступленную при царевнѣ Софьѣ Амурскую область. Рѣшительныя дѣйствія Муравьева не разъ вызывали неудовольствіе петербургскихъ канцелярій, весьма обострявшіяся въ виду его крутого и нѣсколько неуживчиваго характера, но на защиту властнаго генералъ-губернатора всегда выступалъ императоръ Александръ II, цѣнившій въ немъ полезнаго государственнаго дѣятеля. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ присоединенія Амурскаго края былъ присоединенъ по договору, заключенному графомъ Игнатьевымъ съ Китаемъ, Уссурійскій край и для колонизаціи открылись обширныя, богатѣйшія земли, большая часть которыхъ до сихъ поръ ждетъ энергичныхъ рабочихъ рукъ.

Много заботъ и непріятностей русской правительственной власти причиняла въ серединѣ XIX вѣка граница Россіи съ среднеазіатскими ханствами, такъ какъ приходилось быть постоянно готовыми отражать нападенія азіатскихъ хищниковъ, грабившихъ наши пограничные пункты. Великая держава не могла безконечно терпѣть рядомъ съ собою полуразбойничьи государства, какими тогда были Хива, Бухара и Коканъ, и въ тотъ самый годъ (1864), когда окончательно покоренъ Кавказъ, начались военныя дѣйствія противъ этихъ разбойничьихъ гнѣздъ.

Въ этихъ военныхъ операціяхъ выдвинулся генералъ М. Г. Черняевъ, съ незначительными силами взявшій нѣсколько коканскихъ городовъ; но изъ-за опасенія международныхъ осложненій Черняевъ получилъ приказаніе остановиться въ дальнѣйшемъ наступленіи. Между тѣмъ занятіе русскими войсками цѣлой области, принадлежавшей Кокану, вызвало сильное волненіе какъ въ этомъ

ханствѣ, такъ и въ сопредѣльной Бухарѣ. Чтобы предупредить нападеніе сосредоточенныхъ въ Ташкентѣ значительныхъ коканскихъ силъ, Черняевъ двинулся къ этому городу, разбилъ коканское войско, а самый Ташкентъ взялъ приступомъ. Успѣхи русскаго оружія въ Средней Азіи сильно обезпокоили Англію, и она стала домогаться гарантій, что дальнѣйшее движеніе Россіи въ глубь Азіи по направленію къ Британской Индіи будетъ пріостановлено. Наша дипломатія увѣряла, что русское правительство не имѣетъ завоевательныхъ замысловъ; но, конечно, Россія не могла остановиться на полпути, а должна была достигнуть твердыхъ и прочныхъ границъ и уничтожить много лѣтъ царившее въ Средней Азіи безначаліе, постоянно угрожавшее нашимъ интересамъ и нашему спокойствію. Англійская дипломатія волновалась и раздражалась, англійская печать иногда принимала грозный тонъ, но до открытаго разрыва дѣло не дошло, и Россія сильно подвинула разрѣшеніе лежавшей на ней исторической задачи по умиротворенію и пріобщенію къ европейской культурѣ Средней Азіи. За Коканомъ пришла очередь и Бухары, которая пыталась сопротивляться русскимъ силамъ, но безуспѣшно: послѣ побѣды, одержанной генераломъ Романовскимъ надъ скопищами бухарскаго эмира, часть его владѣній съ городомъ Самаркандомъ была присоединена къ Россіи, а остальная стала вассальнымъ по отношенію къ Россіи государствомъ; вскорѣ окончательно подчиненъ былъ и Коканъ.

Теперь надлежало разрѣшить самую трудную задачу, привести къ покорности главнаго средне-азіатскаго хищника — Хиву. Экспедиція противъ Хивы была широко задумана и удачно доведена до конца. Съ трехъ сторонъ, отъ Кокана, Оренбурга и Казалинска, направлены были отряды войскъ, общая численность которыхъ достигала 13.000 человѣкъ при 56 орудіяхъ подъ общимъ начальствомъ генерала фонъ-Кауфмана, и послѣ труднѣйшаго похода черезъ обширныя безводныя, песчаныя степи, окружающія Хиву, цѣль была достигнута: хивинскія и туркменскія скопища разбиты и разсѣяны, а столица ханства Хива взята и хивинское ханство подчинено Россіи въ 1873 г.; затѣмъ Скобелевъ покорилъ Россіи нѣсколько туркменскихъ племенъ и 12 января 1881 г. взялъ укрѣпленіе Геокъ-Тепе. Во всѣхъ этихъ областяхъ было уничтожено рабство и быстро прекращены разбои и безпорядки; для нѣсколькихъ милліоновъ населенія, занимающаго богатѣйшія, плодороднѣйшія земли, открылось подъ владычествомъ Россіи новая эра мирнаго и культурнаго преуспѣянія. Оцѣнивая сдѣланное Россіей въ Средней Азіи въ царствованіе Александра II, нельзя не признать, что наши военные и административные тамъ успѣхи составляютъ одну изъ блестящихъ страницъ этого царствованія.

X.

Война съ Турціей.—Берлинскій конгрессъ и послѣднее время царствованія.

Къ серединѣ семидесятыхъ годовъ правительство Александра Николаевича утратило бодрость и стремленіе двигаться впередъ. Цѣлый рядъ дѣятелей этохи великихъ реформъ сошелъ съ политической сцены, реакція прочно овладѣла большинствомъ правительственной среды и оказывала печальное вліяніе на ходъ дѣлъ въ государствѣ, даже посягала на только что проведенныя реформы; съ этого времени начались нежелательныя измѣненія, портившія стройное зданіе судебныхъ уставовъ. Такое направленіе внутренней политики создало разладъ между государственной властью, предпочитавшей управлять Россіей силами бюрократіи, и культурными слоями населенія, ясно понимавшими дефекты принятой системы и желавшими болѣе земскаго и болѣе прогрессивнаго управленія. Мѣропріятія Д. А. Толстого и министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева, который смѣнилъ Валуева, цензурныя стѣсненія, недовѣріе къ общественнымъ организаціямъ—все это усиливало общее недовольство и увеличивало число недовольныхъ. Оппозиціонное настроеніе повело къ образованію революціонныхъ группъ: частію условія русской дѣйствительности, а еще болѣе теоретическія мечтанія и грезы о близкой возможности водворенія соціальнаго счастія на землѣ толкали молодежь на путь рѣзкихъ, активныхъ выступленій и страстной борьбы съ существующимъ государственнымъ порядкомъ. Атмосфера замѣтно сгущалась, надвигался кризисъ, гроза неминуемо должна была разразиться. И дѣйствительно: собрались грозныя тучи, засверкали молніи и загремѣлъ громъ, только не въ Россіи, а въ далекой Турціи, на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ близкіе намъ по языку и вѣрѣ славянскіе народы изнывали уже пятый вѣкъ подъ турецкимъ игомъ. И эта гроза на время поглотила все вниманіе русскаго общества и отвлекала его отъ внутреннихъ дѣлъ.

Крымская война поколебала нашъ престижъ на ближнемъ Востокѣ и привела къ утратѣ Россіею исключительнаго права защиты интересовъ христіанскихъ народовъ Турціи: согласно Парижскому миру 1856 года оно сдѣлалось достояніемъ концерта великихъ европейскихъ державъ. Но интересы великихъ державъ въ Турціи были весьма противорѣчивы, и согласить ихъ не представлялось никакой возможности; въ результатѣ балканскіе христіане, подданные Турціи, были предоставлены на произволъ судьбы, или, точнѣе, на произволъ жадной и жестокой турецкой администраціи. Притѣсненія, а затѣмъ насилія и избіенія христіанъ привели въ серединѣ 70-хъ годовъ къ возстанію жителей Босніи

и Герцеговины, а когда это возстаніе было залито кровью и подавлено, то общественное мнѣніе Сербіи и Черногоріи заставило свои правительства объявить войну Турціи. Русское общество съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за ходомъ балканскихъ событій. Страданія славянъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи возмущали душу и горячили сердца огромнаго большинства русскихъ людей, независимо отъ ихъ образа мыслей и отношенія къ правительству. Событія на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ рѣкою лилась кровь братьевъ-славянъ, оттѣснили на второй планъ внутренніе дѣла и счеты. Острый разладъ съ правительственной властью былъ на время забытъ. Общественное мнѣніе проявилось съ такою же силою, какъ во время польскаго возстанія. Наиболѣе горячіе и наиболѣе нетерпѣливые люди, будучи не въ состояніи ждать результатовъ возникшаго общественнаго движенія, на свой страхъ и рискъ потянулись въ Сербію, чтобы въ рядахъ ея войскъ принять участіе въ борьбѣ за право и свободу противъ насилія и произвола. Составъ добровольческой среды, какъ съ точки зрѣнія соціальной, такъ и политической, былъ очень пестрый; это, конечно, свидѣтельствовало о широтѣ возникшаго движенія, о томъ, что оно явилось плотью отъ плоти и костью отъ кости всего русскаго народа. Это добровольческое движеніе было однимъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ преобладанія и господства общечеловѣческихъ міровыхъ идеаловъ надъ преходящими мѣстными и временными цѣлями и задачами.

Русское правительство не поддерживало общественнаго движенія въ пользу славянъ, оно даже запрещало земскимъ учрежденіямъ дѣлать для этой цѣли денежныя ассигнованія. Опасаясь столкновенія съ противодѣйствовавшей намъ всегда въ Турціи Англіею, русская дипломатія обнаруживала осторожность, граничившую съ робостью, и стремилась совмѣстно съ Австріей повліять на воюющія стороны въ смыслѣ умиротворенія. Но общественное мнѣніе настойчиво требовало энергичнаго выступленія Россіи на защиту братьевъ славянъ. Подъемъ и одушевленіе были столь сильны, что государственная власть не могла ихъ игнорировать, и въ тотъ моментъ, когда турки готовы были разгромить Сербію, русское правительство выступило, наконецъ, съ рѣшительнымъ словомъ и остановило нашествіе турокъ на маленькое славянское государство: русскому послу въ Константинополѣ гр. Игнатьеву былъ посланъ приказъ объявить Портѣ, что если въ двухдневный срокъ она не прекратитъ военныя дѣйствія противъ Сербіи, то дипломатическія сношенія между Россіей и Турціей будутъ прерваны. Въ надеждѣ разрѣшить балканскія осложненія мирнымъ путемъ созвана была въ Константинополѣ международная конференція; но среди великихъ державъ попрежнему не было согласія: Англія интриговала противъ Россіи, больше всего опасаясь усиленія русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, Австрія думала

только о томъ, какъ бы захватить себѣ Боснію и Герцеговину, Германія, выдавая себя за друга Россіи, въ дѣйствительности всецѣло стояла на сторонѣ Австріи.

Императоръ Александръ Николаевичъ, принимавшій личное участіе въ переговорахъ по балканскимъ дѣламъ и хорошо освѣдомленный о возбужденіи русскаго общества, понялъ необходимость предпринять нѣкоторые шаги къ успокоенію взволнованнаго общества и въ октябрѣ 1876 г., проѣздомъ изъ Ливадіи въ Петербургъ, принимая въ Москвѣ всеподданнѣйшіе адресы отъ дворянъ и городского общества, онъ произнесъ рѣчь. Хотя по существу она была очень умѣренная и, повидимому, произносилась въ намѣреніи умиротворенія и успокоенія, а отнюдь не съ цѣлью бряцать оружіемъ, но воинственно настроенные общественные круги поняли ее такъ, какъ имъ того хотѣлось, и въ отвѣтъ на слова государя посыпались безчисленные адресы съ выраженіемъ горячаго сочувствія славянамъ и готовности принести самыя серьезныя жертвы дѣлу ихъ освобожденія. Однимъ изъ талантливѣйшихъ выразителей господствовавшаго тогда настроенія явился Ив. С. Аксаковъ. Даже для правительственныхъ круговъ, желавшихъ мира, становилось ясно, что дѣло съ неизбѣжностью идетъ къ войнѣ; осенью 1876 г. войска на югѣ были мобилизованы, въ числѣ приблизительно до 550.000 чел. при 1050 орудіяхъ. Мобилизація вызвала восторженное одобреніе русскаго общества и сильно всполошила и взволновала Европу. Кн. Горчаковъ, извѣщая иностранныя правительства о мобилизаціи, въ сознаніи того, что за нимъ стоитъ твердое и единодушное общественное мнѣніе, принялъ надлежащій, рѣшительный тонъ и категорически утверждалъ, что, хотя императоръ Александръ II не желаетъ войны и сдѣлаетъ все возможное, чтобы ее избѣжать, но онъ «не остановится въ своей рѣшимости до тѣхъ поръ, пока признанные всею Европою принципы справедливости и человѣколюбія, къ коимъ народное чувство Россіи примкнуло съ неудержимою силою, не возымѣютъ полнаго и обезпеченнаго прочными гарантіями осуществленія». Но Турція, разсчитывая на нѣкоторую поддержку со стороны Англіи, рѣшилась лучше рискнуть войной съ Россіей, чѣмъ принять коренныя реформы управленія въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, которыхъ отъ нея требовали.

Манифестомъ 12 апрѣля 1877 г. была объявлена Россіею война Портѣ. Главныя русскія силы, около 200.000 чел. двинулись черезъ Румынію къ Дунаю, а около 120.000 составили армію для дѣйствій у нашей кавказской границы; главнокомандующимъ первою изъ названныхъ армій назначенъ великій князь Николай Николаевичъ, второй — Михаилъ Николаевичъ. Въ іюнѣ русскія войска переправились черезъ Дунай, быстро двинулись къ Балканскимъ горамъ и овладѣли нѣкоторыми горными проходами, въ томъ числѣ Шипкинскимъ перевалomъ, но на этомъ успѣхи пока

прекратились: турки успѣли собрать большія силы и оказали стойкое сопротивленіе, въ особенности въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Плевною, гдѣ ими командовалъ талантливый генералъ Османъ-паша. Русской арміи пришлось приступить къ осадѣ Плевны, такъ какъ три попытки взять ее штурмомъ не увѣнчались успѣхомъ. Стало очевидно, что война начата съ недостаточными силами; выяснились и многіе недостатки нашего полевого штаба.

Послѣ второго штурма Плевны, 18 іюля 1877 г., положеніе наше на балканскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій было весьма затруднительно; на созванномъ государемъ военномъ совѣтѣ главнокомандующій и его штабъ высказались за невозможность продолжать войну съ наличными силами и настаивали на необходимости перевести армію обратно за Дунай до прихода подкрѣпленія. Противъ этого энергично возсталъ военный министръ Д. А. Милютинъ, доказывавшій, что отступленіе было бы позорно для арміи и для Россіи и что положеніе наше совсѣмъ не такъ уже опасно. Дѣйствительно, ничего плохого съ русской арміей не случилось; перешедши временно къ оборонѣ, она стойко держалась до осени, когда прибыла гвардія и другія подкрѣпленія и дѣла наши быстро поправились, Плевна была взята и побѣдоносныя войска наши зимою двинулись черезъ Балканы, удививъ всю Европу этимъ труднѣйшимъ походомъ. Въ нашей войнѣ противъ турокъ приняла также участіе Черногорія, а потомъ и Румынія. На азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій наши силы тоже оказались недостаточными, пришлось и тамъ ждать подкрѣпленій, по полученіи которыхъ достигнуты были значительные успѣхи: штурмомъ взятъ Карсъ, и наши войска дошли до Эрзерума. Перейдя Балканы, отряды Гурко, Радецкаго и Скобелева заняли города Филиппополь и Адріанополь и приблизились къ самому Константинополю. Сопротивленіе Турціи было окончательно сломлено, и султанъ просилъ мира.

Въ теченіе войны Англія все время обращалась къ Россіи со всевозможными претензіями и требованіями гарантій, что русскія войска не займутъ Константинополя и различныхъ пунктовъ у Мраморнаго моря. Тонъ англійской дипломатіи становился все болѣе и болѣе агрессивнымъ, а домогательства ея все увеличивались, русская же дипломатія отвѣчала въ тонѣ недостаточно рѣшительномъ, такъ что Англія перешла къ прямымъ угрозамъ противъ Россіи, требуя, чтобы русскія войска не занимали турецкой столицы; Австрія за свой нейтралитетъ настойчиво требовала солидныхъ компенсацій. Александръ Николаевичъ колебался, съ одной стороны, ему очень хотѣлось занять Константинополь, а съ другой— онъ боялся разрыва и войны съ Англіей и осложненій съ Австріей. При такой политической обстановкѣ начались переговоры о мирѣ съ турецкими уполномоченными Намыкъ и Севереъ-пашами, которые хотя и заявили, что султанъ повергаетъ себя и свою имперію на великодушіе русскаго императора, но когда имъ были объявлены

выработанныя въ Петербургѣ условія мира, то они принять ихъ не рѣшились. Больше всего смутило уполномоченныхъ русское требованіе созданія самостоятельной Болгаріи. Переговоры были прерваны. Извѣстіе объ этомъ, а также и о движеніи нашихъ войскъ къ Константинополю вызвало радость Александра II; въ такомъ настроеніи поддерживалъ его и великій князь Константинъ Николаевичъ. Но въ правящей средѣ далеко не всѣ раздѣляли такую точку зрѣнія; скоро сталъ снова колебаться и государь; великому князю главнокомандующему посылались довольно сбивчивыя приказанія, изъ которыхъ можно сдѣлать лишь одинъ выводъ, что хотѣли занять Константинополь, но опасались столкновенія изъ-за этого съ другими державами; колебался и самъ великій князь главнокомандующій, боясь такого шага, какъ занятіе Константинополя.

19 января были подписаны основанія предварительнаго мирнаго договора съ Турціей, которыя сводились къ слѣдующему: 1) созданіе вассальнаго Турціи Болгарскаго княжества, 2) признаніе независимости Сербіи и Румыніи, 3) увеличеніе за счетъ Турціи территоріи Румыніи, Сербіи и Черногоріи, 4) созданіе автономнаго управленія Босніи и Герцеговины и коренныя преобразованія въ другихъ областяхъ Европейской Турціи, 5) вознагражденіе Россіи за ея издержки и потери деньгами или земельною уступкою. Черезъ мѣсяцъ на этихъ основаніяхъ былъ подписанъ предварительный договоръ въ Санъ-Стефано, который русскіе дипломаты согласились передать на разсмотрѣніе конгресса изъ представителей великихъ державъ въ Берлинѣ. По этому договору въ счетъ вознагражденія Россія получила отъ Турціи часть Добруджи, Карсъ и Батумъ.

Берлинскій конгрессъ—это одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ царствованія Александра Николаевича. Россія оказалась на немъ въ крайне тяжеломъ и унизительномъ положеніи, ее трактовали какъ бы провинившуюся передъ Англіей и Австріей второстепенную державу. Бисмаркъ, заявлявшій, что онъ играетъ роль «честнаго маклера», на самомъ дѣлѣ думалъ только о германскихъ интересахъ, которые требовали союза съ Австріей, вслѣдствіе чего онъ и старался поддержать сколько можно представителя Австріи, графа Андраши. Англійскіе представители держались такого высокомѣрнаго тона, какъ будто Англія только что одержала рядъ блестящихъ побѣдъ надъ Россіей. Нашими уполномоченными на конгрессѣ были: кн. Горчаковъ, гр. Шуваловъ и Убри. Кн. Горчаковъ въ то время былъ уже очень старъ и не могъ съ успѣхомъ бороться со своими хитрыми и безцеремонными соперниками, Шуваловъ былъ гораздо моложе Горчакова, но эта выгода парализовалась его самонадѣянностью и, особенно, наивною вѣрой въ непоколебимую и безкорыстную дружбу Бисмарка къ Россіи; Убри, какъ и Шуваловъ, былъ слѣпъ по отношенію къ Бисмарку, ничего

не видѣлъ, что подготовлялось въ Берлинѣ, и всѣ донесенія передъ войной и во время ея сводилъ, главнымъ образомъ, къ прославленію нѣмецкаго канцлера и незыблемой его дружбы къ Россіи. При такихъ обстоятельствахъ не удалось удержать полностію того, что по Санъ-Стефанскому соглашенію выговорила Россія. Заключенный въ Берлинѣ трактатъ привелъ къ сокращенію территоріальныя пріобрѣтенія Сербіи и Черногоріи, вмѣсто одной Болгаріи было создано двѣ — вассальное по отношенію къ Турціи княжество Болгарія (между Дунаемъ и Балканами) и автономная провинція Турціи Восточная Румелія (на югъ отъ Балканъ); наконецъ Австріи разрѣшено было оккупировать Боснію и Герцеговину, подъ предлогомъ устройства въ нихъ нормальнаго управленія. Англія по особому соглашенію съ Турціей получила островъ Кипръ. Изъ Берлинскаго конгресса Россія вышла униженною и совершенно изолированною, имѣя противъ себя соглашеніе Германіи съ Австріей, къ которому впослѣдствіи присоединилась Италія.

Такіе результаты Берлинскаго конгресса больно задѣли національное самолюбіе русскаго общества и повели, между прочимъ, къ тому, что недовольство Бисмаркомъ и Германіей начало проникать и въ правящую среду; для многихъ стала выясняться роковая ошибочность нашей внѣшней политики, стремившейся съ закрытыми глазами, во что бы то ни стало, опираться на нѣмцевъ. Начала разочаровываться въ дружбѣ Германіи и русская государственная власть, и такимъ образомъ очищалась почва для болѣе здоровой, болѣе соотвѣтствующей нашимъ національнымъ цѣлямъ международной комбинаціи, проведеніе которой въ жизнь составляетъ заслугу уже послѣдующаго царствованія императора Александра III, когда Россія, наконецъ, освободилась изъ столѣтняго дипломатическаго плѣна у нѣмцевъ и стала заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ.

Послѣ Берлинскаго конгресса недовольство широкихъ общественныхъ круговъ ходомъ государственныхъ и мѣстныхъ дѣлъ вспыхнуло съ новой силой. Этому въ значительной мѣрѣ содѣйствовали и раскрывшіяся крупныя злоупотребленія во время компаніи по снабженію и продовольствію обѣихъ армій. Русское общество громко заговорило, указывая на неудовлетворительный ходъ государственной машины и критикуя существующій порядокъ вещей, при чемъ съ полною опредѣленностію высказывало желаніе болѣе прогрессивной и болѣе земской системы управленія, а нѣкоторые круги выдвигали и вопросъ о введеніи въ Россіи конституціоннаго образа правленія; указывали, что если только что освобожденные русскою военною силою отъ ига Турціи болгары признаны достойными и достаточно подготовленными для пользованія дарованными имъ благами правового и конституціоннаго строя, то тѣмъ болѣе есть основаніе ввести такой строй въ жизнь самой освободительницы, Россіи.

Въ то же самое время съ новою силою возобновилось и революціонное движеніе. Но такъ какъ къ концу семидесятыхъ годовъ вполнѣ выяснилось, что мирная пропаганда въ деревнѣ соціалистическихъ ученій кончилась ничѣмъ, «хожденіе въ народъ» не имѣло никакого успѣха, и «деревенщики» должны были возвратиться въ городъ къ своимъ партійнымъ кружкамъ и группамъ, то революціонныя организаціи («Народная воля» и «Земля и воля»), не зная хорошенько, что надо дѣлать, чтобы поскорѣе привести русскій народъ къ страстно желаемому ими измѣненію государственнаго и общественнаго порядка путемъ революціи, занялись преимущественно террористической борьбой съ правительствомъ. Начался рядъ политическихъ убійствъ и покушеній на жизнь императора. Такія выступленія революціонеровъ вызвали строгія репрессіи со стороны правительства, которое, борясь съ революціонерами, дѣйствовало такъ неловко и нетактично, что принимавшіяся репрессіи часто падали на людей ни въ чемъ, кромѣ прогрессивнаго образа мыслей, неповинныхъ. Правительство смѣшивало соціалъ-революціонную и анархистскую дѣятельность сравнительно незначительныхъ конспиративныхъ кружковъ не только съ конституціоннымъ, но и съ самымъ умѣреннымъ прогрессивнымъ общественнымъ движеніемъ; это раздражало широкіе общественные круги и приводило къ тому, что, относясь съ большимъ сочувствіемъ къ личности государя и возмущаясь покушеніями на его жизнь, общество въ то же время оставалось довольно равнодушно къ политическимъ убійствамъ должностныхъ лицъ и относилось довольно безучастно къ революціонному движенію.

Правительство сознавало, что безъ поддержки общества ему не легко будетъ справиться съ революціоннымъ движеніемъ, и въ своихъ неоднократныхъ обращеніяхъ къ населенію взывало за этой помощью; но голосъ его оставался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, а въ то же время самые дерзкіе террористическіе акты слѣдовали одинъ за другимъ; таковы: убійство начальника III отдѣленія Мезенцева, взрывъ поѣзда на Курской желѣзной дорогѣ, взрывъ, произведенный въ Зимнемъ дворцѣ, и др. Это грозное явленіе было замѣчено и оцѣнено по достоинству нѣкоторыми представителями правящей среды. Полиція и административныя власти, несмотря на исключительныя полномочія, которыя имъ были предоставлены, не умѣли ни предупредить эти преступленія, ни открыть всѣхъ виновныхъ. Безвыходность положенія становилась очевидной, и въ самой правительственной средѣ стали громко раздаваться голоса, что необходимо пойти навстрѣчу общественнымъ желаніямъ, расширить общественное участіе въ государственныхъ дѣлахъ и тѣмъ самымъ привлечь сочувствіе умѣренно настроенныхъ круговъ населенія, столь необходимое для возстановленія порядка и спокойствія и для борьбы съ крамолой. Въ этомъ направленіи высказывались, напримѣръ, Валуевъ и великій князь Константинъ

Николаевичъ. Но большинство ближайшихъ совѣтниковъ государя не соглашалось съ указанной точкой зрѣнія, а приняло предложенный наслѣдникомъ престола Александромъ Александровичемъ проектъ учрежденія особой «верховной распорядительной комиссіи», которой предоставлялись весьма широкія права и поручалась борьба съ революціоннымъ движеніемъ на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи.

Во главѣ этой комиссіи былъ поставленъ одинъ изъ видныхъ боевыхъ генераловъ, Лорисъ-Меликовъ. Онъ прежде всего постарался такъ направить борьбу съ революціоннымъ движеніемъ, чтобы репрессія не задѣвала лицъ невиновныхъ и по возможности меньше сопровождалась произвольными дѣйствіями администраціи. Онъ стремился объединить и упорядочить рядъ полицейскихъ мѣръ и въ то же время поставилъ себѣ задачей къ усиліямъ правительства привлечь столь необходимое сочувствіе общества. Въ этихъ цѣляхъ онъ не только обратился съ призывомъ къ населенію, но и пошелъ навстрѣчу многимъ его желаніямъ: было предоставлено болѣе свободы дѣятельности земства, облегчено положеніе печати, гр. Д. А. Толстой замѣненъ на посту министра народнаго просвѣщенія человѣкомъ совсѣмъ иного образа мыслей, А. А. Сабуровымъ,—однимъ словомъ, повѣяло свѣжимъ воздухомъ.

Новому руководителю политической полиціи Россіи представлялось безусловно необходимымъ при первыхъ признакахъ успокоенія переходить отъ исключительныхъ положеній и мѣръ къ нормальнымъ условіямъ управленія, въ этомъ онъ видѣлъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ своей миссіи. Лорисъ-Меликову очень хотѣлось, чтобы поскорѣй наступилъ этотъ моментъ, по крайней мѣрѣ, только такимъ его настроеніемъ можно объяснить то, что онъ пріостановку политическихъ убійствъ и покушеній принялъ за желанное успокоеніе революціонно настроенной среды. По докладу Лорисъ-Меликова Верховная распорядительная комиссія была уничтожена, а самъ онъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; въ дѣйствительности онъ являлся какъ бы премьеръ-министромъ, руководя всей внутренней политикой Россіи. Доброжелательное и внимательное къ интересамъ общества управленіе Лорисъ-Меликова очень быстро заслужило одобреніе общества и вызвало самыя широкія и радужныя надежды. Тогдашнее правительство, въ которомъ, кромѣ Лорисъ-Меликова, видное мѣсто занимали Д. А. Милютинъ и министръ финансовъ Абаза, обнаружило опредѣленное стремленіе измѣнить курсъ государственнаго корабля, опереться на общество и, идя навстрѣчу общественному мнѣнію, повернуть отъ реакціи къ преобразованіямъ, съ тѣмъ, чтобы докончить циклъ реформъ, начатый манифестомъ 19 февраля 1861 г.

Реформы 60-хъ и 70-хъ годовъ оставили, между прочимъ, неразрѣшенными двѣ стоявшія на очереди важныя задачи, — во-первыхъ, приведеніе въ стройную систему разнообразныхъ пра-

вительственныхъ учрежденій въ провинціи или, иначе говоря, переустройство мѣстнаго управленія, которое не удовлетворяло потребностямъ времени, и, во-вторыхъ, вопросъ объ участіи представителей общества въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи государственныхъ дѣлъ, дабы такимъ образомъ отвѣтить въ той или иной мѣрѣ на конституціонныя стремленія земскихъ и дворянскихъ учрежденій и значительныхъ группъ интеллигенціи. За разрѣшеніе этихъ двухъ задачъ и взялось правительство. Но для реформы мѣстнаго управленія необходимо было собрать различныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ на мѣстахъ, выяснить съ полною несомнѣнностью недостатки дѣйствующей системы; самымъ лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли были сенаторскія ревизіи, на которыя не разъ въ теченіе XIX в. возлагались подобнаго рода задачи. Проектъ четырехъ сенаторскихъ ревизій, составленный Лорисъ-Меликовымъ при участіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ Коханова, встрѣтилъ поддержку среди министровъ и полное одобреніе Александра Николаевича. Кромѣ провѣрки законности дѣйствій губернской и уѣздной администраціи, на сенаторовъ возлагалось собраніе весьма разнообразныхъ свѣдѣній, «которыя—по словамъ данной имъ инструкціи—могли бы содѣйствовать правительству въ разрѣшеніи сложной задачи преобразованія губернскаго управленія». Инструкція поручала выяснить настроеніе умовъ и вообще степень политической устойчивости мѣстнаго населенія, что по обстоятельствамъ того времени и въ особенности въ виду ряда преступныхъ актовъ, направленныхъ на борьбу съ государственнымъ и общественнымъ порядкомъ, чрезвычайно интересовало правительство. Равнымъ образомъ правительство желало знать, какъ мѣстное общество относится къ практикуемымъ способамъ борьбы съ врагами существующаго соціальнаго и политическаго строя. Затѣмъ поручалось собрать свѣдѣнія о причинахъ упадка въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ народнаго благосостоянія, о дѣятельности волостнаго и сельскаго самоуправленія и наблюдающихъ за нимъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, о способахъ, которыми можно было бы оживить земскую дѣятельность, о положеніи раскольниковъ, о евреяхъ и мн. др. Для производства ревизій были выбраны четыре весьма даровитые, энергичные человѣка, сенаторы М. Е. Ковалевскій, А. А. Половцовъ, И. И. Шамшинъ и С. А. Мордвиновъ. Для того, чтобы собранныя о провинціи свѣдѣнія давали вѣрную картину дѣйствительности, руководствуясь которой можно было бы преобразовать мѣстныя учрежденія на пространствѣ всей Россіи, для обревизованія были выбраны девять весьма разнообразныхъ губерній, тянувшихся длинной и почти непрерывной полосой отъ юго-западнаго края до Оренбурга. Столь широко поставленныя сенаторскія ревизіи, добывъ на мѣстахъ надлежащіе матеріалы, должны были послужить прочнымъ основаніемъ для коренной реформы провинціальнаго строя, покоившагося еще на законодатель-

ствѣ XVIII в. и проникнутаго устарѣвшими идеями, унаслѣдованными отъ эпохи воеводскаго управленія. Назначеніе ревизій вызвало самое искреннее сочувствіе всѣхъ слоевъ мѣстнаго населенія и дружное одобреніе общественныхъ учрежденій и печати. Сенаторы оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды и собрали богатѣйшіе и цѣнные матеріалы, которые, однако, не послужили основаніемъ для обновленія провинціальнаго строя, такъ какъ ревизіи закончились совершенно въ иной обстановкѣ, въ слѣдующее царствованіе, когда вполнѣ обозначился крутой поворотъ во внутренней политикѣ.

Не болѣе посчастливилось и попыткѣ привлечь общество къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Лорисъ-Меликовъ былъ совершенно чуждъ конституціонныхъ стремленій, не имѣлъ никакого желанія водворять въ Россіи ограниченную монархію; но онъ желалъ дать представителямъ русскаго общества возможность высказываться въ качествѣ членовъ совѣщательнаго органа по важнѣйшимъ законодательнымъ и правительственнымъ вопросамъ, видя въ этомъ, между прочимъ, и полезное и необходимое средство для дальнѣйшей борьбы съ крамолой.

Сущность предположеній Лорисъ-Меликова сводилась къ учрежденію «общей комиссіи», въ которую должны были войти, кромѣ лицъ, назначавшихся отъ правительства, еще члены отъ земствъ и большихъ городовъ по выбору земскихъ собраній и городскихъ думъ. Назначеніе этой комиссіи было: разсматривать проекты преобразованій, подготовленные двумя другими комиссіями (административно-хозяйственной и финансовой), составленными изъ коронныхъ должностныхъ лицъ и избираемыхъ правительствомъ экспертовъ, «извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по той или другой отрасли государственнаго управленія или народной жизни». Всѣ комиссіи имѣли чисто совѣщательное значеніе; по разсмотрѣніи въ нихъ проектовъ законовъ таковые должны были вноситься въ Государственный Совѣтъ, въ составъ котораго Лорисъ-Меликовъ проектировалъ призвать 10 — 15 представителей общественныхъ учрежденій, обнаруживавшихъ особыя познанія, опытность и выдающіяся способности. Первой задачей предположенныхъ имъ учрежденій Лорисъ-Меликовъ ставилъ преобразованіе губернскаго управленія «въ видахъ точнаго опредѣленія объема правъ и обязанностей онаго, и приведеніе административныхъ учрежденій въ надлежащее соотвѣтствіе съ учрежденіями судебными и общественными».

Проектъ Лорисъ-Меликова Александръ Николаевичъ повелѣлъ разсмотрѣть въ особомъ совѣщаніи изъ высшихъ сановниковъ государства, которое въ общемъ одобрило его предположеніе и стремленіе скрѣпить благотворную связь между правительствомъ и лучшими силами общества. На журналѣ совѣщанія государь написалъ собственноручно: «исполнить». 1 марта въ $12^1/_2$ часовъ дня императоръ Александръ II одобрилъ проектъ правительственнаго

сообщенія о привлеченіи представителей общества къ участію въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ государственныхъ вопросовъ и повелѣлъ, чтобы до напечатанія его въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» проектъ этотъ былъ выслушанъ въ засѣданіи совѣта министровъ, предположенномъ на 4 марта.

Но въ то время, когда правительство взяло новый поступательный курсъ и искренно стремилось къ серьезнымъ преобразованіямъ, революціонное движеніе продолжалось съ прежнею интенсивностью; конспиративная дѣятельность членовъ соціалъ-революціоннаго общества «Народная воля» въ цѣляхъ убійства императора въ концѣ 1880 г. возобновилась съ новой энергіей. За всѣми выѣздами государя было устроено постоянное наблюденіе. Въ то же самое время велась пропаганда среди молодежи и рабочихъ и вербовались новые члены «Народной воли», кандидаты въ участники готовившагося преступленія. На общемъ совѣтѣ заговорщиковъ было рѣшено для цареубійства прибѣгнуть къ подкопу, который и стали вести изъ подвальнаго этажа дома № 4 по Малой Садовой (нынѣ Екатерининская) улицѣ, по которой государь часто ѣздилъ; въ этомъ подвалѣ двое изъ заговорщиковъ для отвода глазъ открыли сырную торговлю. Подземная галлерея была доведена до середины улицы и предназначалась для закладки мины. Но 27 февраля 1881 г. случайно былъ арестованъ руководитель этого предпріятія; полиція произвела обыскъ въ сырной лавкѣ, но ровно ничего подозрительнаго не замѣтила; однако воспользоваться подкопомъ уже было нельзя. Тогда 28 февраля была собрана сходка заговорщиковъ, на которой по настоянію Софьи Перовской рѣшено было немедленно же произвести злодѣяніе.

На другой день, въ воскресенье 1 марта, когда Александръ Николаевичъ возвращался въ Зимній дворецъ послѣ развода войскъ въ Михайловскомъ манежѣ и завтрака у великой княгини Екатерины Михайловны, одинъ изъ заговорщиковъ по набережной Екатерининскаго канала, тамъ, гдѣ теперь Храмъ Воскресенія Христова, бросилъ въ царскую карету бомбу. Бомба не попала въ карету, но нѣсколько человѣкъ было ранено взрывомъ. Государь, чуждый страха за свою жизнь, приказалъ кучеру остановиться, вышелъ изъ экипажа и направился къ мѣсту взрыва. На вопросъ обступившихъ его офицеровъ—не раненъ ли онъ, императоръ Александръ Николаевичъ отвѣчалъ: «слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ»... и показалъ на лежавшихъ раненыхъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ преступнику и спрашивалъ его, онъ ли стрѣлялъ, а послѣ этого направился къ своей каретѣ, но въ этотъ моментъ другой заговорщикъ, Гриневецкій, бросилъ подъ ноги государю бомбу, которая его смертельно изранила.

Привезенный въ Зимній дворецъ, императоръ Александръ Николаевичъ скончался въ 3 часа 35 минутъ пополудни. Такъ ужасно окончилось славное царствованіе одного изъ гуманнѣйшихъ русскихъ государей. Ничтожная шайка фанатиковъ, не

опиравшаяся на сколько-нибудь значительную группу русскаго народа, злодѣяніемъ своимъ пресѣкла благодѣтельную для Россіи жизнь Александра Николаевича, вызвавъ искреннее горе, ужасъ и негодованіе всѣхъ слоевъ населенія.

У императора Александра Николаевича было шесть сыновей: Николай, Александръ, Владиміръ, Алексѣй, Сергій и Павелъ и дочери Александра и Марія. Рожденіе сына Николая въ 1843 г. было большою радостью не только для родителей, но и для дѣда, императора Николая Павловича. Образованіе великому князю Николаю Александровичу давалось очень тщательное, ему читали лекціи такіе ученые, какъ Б. Н. Чичеринъ и К. Д. Кавелинъ. Такое отношеніе къ юридической сторонѣ образованія сына совершенно понятно со стороны монарха, всегда интересовавшагося водвореніемъ правомѣрности въ русской государственной и общественной жизни. Николай былъ необыкновенно симпатичный и привлекательный юноша, съ яснымъ, свѣтлымъ умомъ, спокойный нравомъ, высоко деликатный, ласковый въ обращеніи со всѣми людьми, независимо отъ ихъ общественнаго положенія. Но онъ скончался отъ туберкулеза 12 апрѣля 1865 г. въ окрестностяхъ Ниццы на виллѣ Бермонъ, окруженный всей царской семьей. Этой утратой весьма серьезно была омрачена семейная жизнь императора Александра Николаевича, въ которой и безъ того онъ не находилъ полнаго удовлетворенія. Императрица Марія Александровна отличалась слабымъ здоровьемъ, которое особенно стало ухудшаться къ концу семидесятыхъ годовъ; она скончалась 28 мая 1880 года. Во второй половинѣ того же года императоръ Александръ Николаевичъ вступилъ во второй законный бракъ съ княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой, ей и дѣтямъ отъ брака съ нею Высочайшимъ указомъ 5 декабря того же года была присвоена фамилія князей Юрьевскихъ съ титуломъ свѣтлости. Какъ всѣ люди и Александръ Николаевичъ въ интимной

Серебряная елочка съ портретами всѣхъ дѣтей Александра Николаевича.

Подарокъ государю отъ его семьи. Хранится въ кабинетѣ его, въ Зимнемъ дворцѣ.

жизни былъ не лишенъ нѣкоторыхъ слабостей и увлеченій; но слабости крупныхъ историческихъ дѣятелей, какимъ по справедливости можно назвать императора Александра II, тогда только должны привлекать вниманіе, если оказываютъ замѣтное вліяніе на историческія событія и правительственную дѣятельность.

За двадцать шесть лѣтъ царствованія Александра Николаевича Россія очень сильно измѣнилась. Хотя главное вниманіе государственной власти было обращено на дѣла внутреннія, но это не воспрепятствовало успѣшному выполненію бывшихъ на очереди задачъ нашей внѣшней политики въ Азіи. Съ такимъ же успѣхомъ завершено весьма важное дѣло окончательнаго покоренія и умиротворенія Кавказа; этими блестящими результатами Россія въ весьма значительной мѣрѣ обязана самому императору Александру Николаевичу, не только зорко слѣдившему за ходомъ дѣлъ на Кавказѣ и въ Азіи, но и умѣвшему выбрать подходящихъ людей и поддержать ихъ въ нужный моментъ. Въ царствованіе Александра Николаевича сильно подвинулось также разрѣшеніе традиціонной нашей задачи—освобожденія отъ ига Турціи балканскихъ славянъ.

Но внутренняя дѣятельность этого славнаго царствованія безгранично богаче содержаніемъ. Былъ разрѣшенъ весьма успѣшно главнѣйшій изъ стоявшихъ на очереди вопросовъ — освобожденіе крестьянъ, а вслѣдъ за нимъ и въ неразрывной съ нимъ связи проведенъ цѣлый рядъ преобразованій, обновившихъ въ значительной мѣрѣ нашъ общественный и государственный строй. Сѣрую и печальную русскую дѣйствительность средины XIX вѣка освѣтили и согрѣли высокіе идеалы справедливости и уваженія къ достоинству человѣка. Возродилось русское общество. Расцвѣли наука, искусство и литература. Народное просвѣщеніе тоже сдѣлало значительные успѣхи, при чемъ свѣтъ его замѣтно проникъ туда, гдѣ раньше чуть брезжилъ: было создано значительное число женскихъ средне-учебныхъ заведеній и развилась обширная сѣть начальныхъ народныхъ училищъ. Однимъ словомъ, Россія въ концѣ царствованія Александра Николаевича совершенно стала не похожа на то, чѣмъ она была при вступленіи его на престолъ, она сдѣлала огромный шагъ впередъ, въ книгу русской исторіи была вписана необычайно содержательная, интересная и поучительная для потомства глава. А за всѣми успѣхами и реформами этого времени стоитъ привлекательная личность императора Александра Николаевича, мягкаго, добраго и просвѣщеннаго человѣка, который, правда, нерѣдко колебался, иногда впадалъ въ ошибки, но всегда искренно стремился ко благу Россіи, горячо любилъ свой народъ, ласково и доброжелательно ко всѣмъ относился и сумѣлъ выбрать и поставить къ дѣлу много талантливыхъ людей.

Старинный складень, который всегда имѣлъ при себѣ императоръ Александръ Александровичъ.

ИМПЕРАТОРЪ

Александръ III Александровичъ.

(1845—1881—1894).

На предыдущихъ страницахъ жизнь и дѣятельность русскихъ государей изложена съ полною правдивостью и на основаніи документовъ, дающихъ возможность научно изобразить прошлое. Но историческія событія обрисовываются съ ясностью и въ настоящемъ своемъ значеніи только на отдаленіи вѣковъ или хотя бы многихъ десятилѣтій: необходимо, чтобы стали доступны многіе документы, которые обыкновенно долго хранятся втайнѣ въ государственныхъ или частныхъ архивахъ, чтобы не приходилось говорить о людяхъ, еще живыхъ, необходимо, наконецъ, чтобы улеглись страсти, личное чувство расположенія или нерасположенія къ разнымъ дѣятелямъ эпохи. Поэтому теперь, когда мы обращаемся къ жизнеописанію государя, съ кончины котораго не истекло еще и двадцати лѣтъ, дѣятельность котораго для многихъ еще не исторія, а личныя воспоминанія и переживанія, приходится быть гораздо болѣе краткими и дать скорѣе перечень событій его жизни и царствованія, чѣмъ историческій очеркъ его дѣятельности.

Императоръ Александръ III Александровичъ, второй сынъ императора Александра II, родился 26 февраля 1845 г., когда отецъ его былъ еще цесаревичемъ. Извѣщая Жуковскаго объ этомъ событіи, П. А. Плетневъ писалъ: «Новый Александръ долженъ внести съ собою въ семью наслѣдника всѣ радости, какія соименный ему императоръ нѣкогда внесъ въ сердце Екатерины. Намъ не увидѣть этого будущаго, которое такъ таинственно и значительно. Чѣмъ-то сдѣлается Россія? А къ ея бытію много, много судебъ пріобщено Провидѣніемъ».

Императоръ Александръ III.

1845 -1894.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

Император Александръ III.

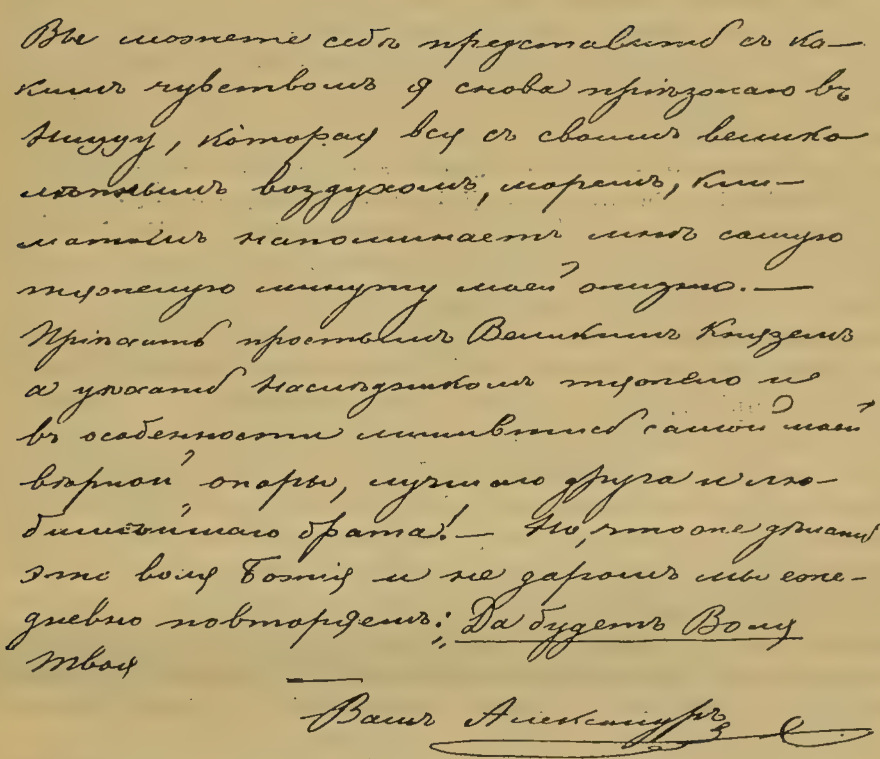
1845 - 1894.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

Первыми воспитателями великаго князя Александра Александровича были генералъ-адъютантъ Н. В. Зиновьевъ съ двумя помощниками, Г. Ѳ. Гогелемъ и Н. Г. Казнаковымъ. Зиновьевъ принялъ великаго князя на воспитаніе вмѣстѣ съ старшимъ его братомъ, наслѣдникомъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, изъ рукъ В. Н. Скрипицыной, которую августѣйшіе братья очень любили. Когда наслѣднику минуло девять лѣтъ, а брату его не было еще полныхъ восьми, по мысли Зиновьева была образована спеціальная учебная часть и поручена молодому профессору русской словесности Я. К. Гроту. Въ это время Александръ Александровичъ еще съ трудомъ читалъ и писалъ; Гроту пришлось много поработать надъ методами преподаванія. По складу своего ума, способностей и характера Александръ Александровичъ являлся полною противоположностью брату; въ немъ не было того блеска, какимъ отличался цесаревичъ Николай; онъ медленно понималъ и усваивалъ; зато онъ отличался внимательностью, прилежаніемъ и усидчивостью: онъ любилъ учиться, упорно добивался успѣха и всякое знаніе усваивалъ прочно и обстоятельно. Въ концѣ 1859 г. былъ назначенъ инспекторомъ классовъ при дѣтяхъ императора Александра Николаевича В. П. Титовъ, бывшій тогда посланникомъ въ Штутгартѣ, Гротъ же былъ оставленъ помощникомъ Титова. Титовъ предполагалъ установить значительное различіе въ программахъ, по которымъ должно было идти обученіе великихъ князей, и цесаревичу Николаю давать образованіе гораздо болѣе широкое, чѣмъ другимъ дѣтямъ государя. Тщетно Гротъ возражалъ, что родительскому сердцу равно близки всѣ дѣти и что неизвѣстны судьбы, назначенныя каждому Божіимъ Промысломъ. Довольно скоро Титова въ роли инспектора классовъ замѣнилъ К. Н. Гриммъ, человѣкъ, не скрывавшій своего убѣжденія въ превосходствѣ всего нѣмецкаго и поставившій на первый планъ въ обученіи великихъ князей науки физико-математическія; преподаваніе русской исторіи и русской словесности было отодвинуто на второй планъ; Гротъ, полагавшій, что въ воспитаніи царскихъ дѣтей должны преобладать гуманитарныя науки, знакомящія ихъ не съ внѣшними явленіями природы, а съ жизнію народа, при новомъ порядкѣ вещей подалъ въ отставку. Разставаніе учениковъ съ наставникомъ носило трогательный характеръ, и великій князь Александръ Александровичъ, обнимая его, со слезами повторялъ: «Да зачѣмъ вы уходите, Яковъ Карловичъ? Останьтесь!» Сердечное расположеніе къ Гроту Александръ Александровичъ сохранилъ на всю жизнь. Гримма скоро смѣнили графъ С. Г. Строгановъ, назначенный воспитателемъ цесаревича, и графъ Б. А. Перовскій, назначенный воспитателемъ в. кн. Александра и в. кн. Владимира; Перовскій долго отказывался отъ сдѣланнаго ему предложенія и подчинился только настоянію государя. Дѣло преподаванія отдано было подъ наблюденіе профессора московскаго университета А. И. Чивилева.

Въ числѣ преподавателей в. кн. Александра Александровича были М. И. Драгомировъ, читавшій ему военныя науки, С. М. Соловьевъ и К. П. Побѣдоносцевъ, читавшіе ему русскую исторію и законовѣдѣніе; в. кн. Александръ любилъ историческое чтеніе и увлекался романами Загоскина и Лажечникова. Перовскій, человѣкъ рыцарски благородный, проникнутый глубокою любовью къ родинѣ и ненавидѣвшій все неискреннее, напускное, всѣми силами содѣйствовалъ сближенію вел. кн. Александра Александровича съ цесаревичемъ, и между братьями установилась самая трогательная дружба. Александръ Александровичъ чрезвычайно любилъ брата; обыкновенно очень неразговорчивый и стѣснявшійся въ обществѣ, всегда внимательно прислушивался къ тому, что говорилъ его старшій братъ; только цесаревичу удавалось иногда вовлечь его въ общій разговоръ. Въ особенности не любилъ великій князь Александръ Александровичъ спеціально придворныхъ и дипломатическихъ разговоровъ. Лицо, часто приходившее въ соприкосновеніе съ великимъ княземъ въ шестидесятыхъ годахъ, говоритъ: «Уже тогда душа его напоминала тотъ цвѣтокъ, который быстро затворяется, стоитъ только его тронутъ. Такъ затворяется и душа великаго князя при малѣйшемъ приближеніи рѣчи придворной... Немного лѣни и много упрямства—вотъ единственные его недостатки. Ломить прямо его упрямство было невозможно и безполезно: оно только усиливалось отъ противодѣйствія...»

Лѣтомъ 1864 г. цесаревичъ Николай Александровичъ отправился въ заграничное путешествіе. Помощникъ графа Перовскаго по воспитанію великихъ князей Александра и Владимира Александровичей, Н. П. Литвиновъ, записалъ въ своемъ дневникѣ: «Александръ Александровичъ теперь остался одинъ! Дай Богъ, чтобы съ лишеніемъ брата, къ которому онъ такъ привязался, лучшаго его друга не замѣнили ложные или вредные друзья!» За границею цесаревичъ сдѣлался женихомъ датской принцессы Дагмары. Въ началѣ слѣдующаго, 1865 г. у цесаревича сильно обострился туберкулезный процессъ; больной великій князь поселился въ Ниццѣ, но болѣзнь быстро развивалась и не оставляла никакой надежды на благопріятный исходъ. Къ одру его болѣзни спѣшно была вызвана вся семья и нареченная невѣста. Въ послѣднія минуты цесаревичъ взялъ за руку Александра Александровича и, обращаясь къ государю, сказалъ: «Папа, береги Сашу; это такой честный, хорошій человѣкъ». 12 апрѣля 1865 г. цесаревичъ Николай Александровичъ скончался. На похоронахъ его, по разсказу очевидца, «болѣе всѣхъ рыдалъ бѣдный, призванный къ страшной отвѣтственности и тяжкому бремени вѣнца, Александръ Александровичъ. Эта чистая, смиренная душа, всегда уклонявшаяся отъ величія, почестей и поклоненія, это доброе сердце знало и чувствовало въ эти минуты только одно: потерю нѣжно любимаго брата». Замѣчательны слова, сказанныя великимъ княземъ Я. К. Гроту, когда тотъ пришелъ къ


Вы можете себѣ представить съ какимъ чувствомъ я снова пріѣзжаю въ Ниццу, которая вся съ своимъ великолѣпнымъ воздухомъ, моремъ, климатомъ напоминаетъ мнѣ самую тяжелую минуту моей жизни.— Пріѣхать простымъ Великимъ Княземъ а уѣхать Наслѣдникомъ тяжело и въ особенности лишившись самой моей вѣрной опоры, лучшаго друга и любимѣйшаго брата!— Но, что же дѣлать? это воля Божія и не даромъ мы ежедневно повторяемъ: Да будетъ Воля твоя

Вашъ Александръ

Снимокъ съ собственноручнаго письма императора Александра Александровича.

своему прежнему питомцу проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ его за границу къ больному брату: на свои попытки утѣшить огорченнаго великаго князя, Гротъ услыхалъ отъ него: «Нѣтъ, я ужъ вижу, что надежды нѣтъ: всѣ придворные страшно перемѣнили свое обращеніе со мною и начали за мной ухаживать...»

Въ день кончины цесаревича Александръ Александровичъ объявленъ былъ наслѣдникомъ престола и цесаревичемъ. На другой день послѣ похоронъ покойнаго цесаревича, императоръ Александръ Николаевичъ принималъ депутацію отъ Царства Польскаго. Государь произнесъ ей рѣчь и въ заключеніе сказалъ: «Вотъ мой сынъ, Александръ, мой наслѣдникъ; онъ носитъ имя того императора, который нѣкогда основалъ Царство. Я надѣюсь, что онъ будетъ достойно управлять своимъ наслѣдіемъ, и что онъ не потерпитъ того, чего я не терпѣлъ».

Законоучитель новаго цесаревича, въ началѣ приготовительныхъ бесѣдъ къ присягѣ, между прочимъ, говорилъ ему: «Имѣйте всегда передъ глазами и въ памяти, что теперь не только вся Россія, но и вся Европа слѣдитъ съ зоркимъ любопытствомъ за каждымъ вашимъ шагомъ, за каждымъ, такъ сказать, вашимъ дыханьемъ; какъ нѣкогда будутъ цѣнить дѣйствія Александра III, такъ уже и въ настоящее время вниманіе милліоновъ будетъ обращено на ту роль, которую пріурочитъ себѣ великій князь наслѣдникъ Александръ Александровичъ. Съ той минуты, какъ закрылись глаза покойнаго цесаревича, вы уже принадлежите не себѣ, а исторіи... Думаю, что должно вамъ стараться вознаградить тѣ минуты, которыя прежде, въ другихъ предвидѣніяхъ, были, можетъ-быть, менѣе обращены въ пользу, стараться степенью вашихъ свѣдѣній стать въ уровень съ тѣмъ, чего требуетъ ваше священное призваніе...» Эти слова падали не на неблагодарную почву: великій князь Александръ Александровичъ отдалъ всѣ силы, всю свою душу на служеніе великому дѣлу, выпавшему на его долю.

28 октября 1866 г. цесаревичъ Александръ Александровичъ вступилъ въ бракъ съ принцессою датскою Дагмарою, бывшею невѣстою покойнаго цесаревича, принявшею при миропомазаніи имя Маріи Ѳеодоровны. Отъ брака этого родились: нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ (6 мая 1868 г.), великіе князья: Александръ Александровичъ (26 мая 1869 г., умеръ 20 апрѣля 1870 г.). Георгій Александровичъ (27 апрѣля 1871 г., умеръ 28 іюня 1899 г.) и Михаилъ Александровичъ (22 ноября 1878 г.); великія княжны, нынѣ великія княгини: Ксенія Александровна (25 марта 1875 г.) и Ольга Александровна (1 іюня 1882 г.).

Сдѣлавшись наслѣдникомъ, Александръ Александровичъ неутомимо работалъ, подготовляясь къ предстоящему ему великому подвигу царствованія—въ его глазахъ это былъ именно тяжелый, возложенный на него высшею силою, долгъ. Послѣдовательно про-

ходилъ онъ всѣ ступени военной службы и занялъ постъ командующаго гвардейскимъ корпусомъ; 28 октября 1866 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и, не выступая въ его засѣданіяхъ активно, весьма внимательно изучалъ всѣ дѣла, проходившія черезъ Совѣтъ. Въ 1868 г. цесаревичъ съ супругой совершили поѣздку по Россіи и какъ-то всѣми чувствовалось, что цесаревичъ искренно любитъ все русское, всѣмъ интересуется, что̀ дорого и священно русскимъ людямъ; случалось, что совершенно неожиданно высокіе путешественники сворачивали въ сторону на нѣсколько верстъ, чтобы поклониться какой-нибудь скромной святынѣ. Когда въ 1867 г. всему сѣверу Россіи грозилъ сильнѣйшій голодъ, цесаревичъ Александръ Александровичъ живѣйшимъ образомъ принялъ къ сердцу это бѣдствіе; онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета для помощи голодающимъ и открыто призналъ бѣдствіе во всѣхъ его ужасныхъ размѣрахъ, вопреки усиліямъ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева скрыть размѣры несчастія. Цесаревичъ сумѣлъ привлечь способныхъ людей, которые тоже всею душою отдались борьбѣ съ голодомъ, и, благодаря ихъ дружнымъ усиліямъ, населеніе получило весьма существенную и своевременную помощь.

Въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. цесаревичъ Александръ Александровичъ принялъ выдающееся участіе. Съ переходомъ русскихъ войскъ за Дунай онъ былъ поставленъ во главѣ рущукскаго отряда, силою до 45.000 человѣкъ, который имѣлъ задачею наступать на Рущукъ и, если окажется возможнымъ, то и овладѣть этой крѣпостью. Цесаревичъ двигался къ Рущуку, когда неудачи подъ Плевною на правомъ флангѣ арміи заставили ослабить наступленіе на другихъ фронтахъ, а въ скоромъ времени рущукскому отряду пришлось уже сдерживать турокъ, перешедшихъ въ наступленіе послѣ вторичнаго отраженія русскихъ войскъ подъ Плевною 18 іюля. Скоро турки сосредоточили противъ 45-тысячной арміи цесаревича до 100.000 человѣкъ и произвели рядъ весьма энергичныхъ наступленій; но подъ начальствомъ наслѣдника русскія войска проявили исключительную стойкость: спокойная твердость в. кн. Александра Александровича сообщалась и его войскамъ; русскіе полки отступили лишь очень немного; затѣмъ наслѣдникъ рѣшилъ остановиться — и далѣе они не подались уже шагу. Въ концѣ ноября новый главнокомандующій Сулейманъ-паша произвелъ опять энергичныя атаки, но у Мечки дважды былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Взятіе Плевны рѣшило исходъ кампаніи, а въ свою очередь оно въ значительной степени облегчено было необычайною стойкостью отряда цесаревича. Весною 1878 г. цесаревичъ оставилъ армію и вернулся въ Петербургъ. Здѣсь по волѣ императора онъ былъ поставленъ во главѣ комитета добровольнаго флота, когда было признано необходимымъ усилить наши морскія силы; быстро стали стекаться по-

жертвованія, и цесаревичъ успѣлъ много сдѣлать для заведенія этого флота.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда возникли предположенія о привлеченіи избранныхъ отъ населенія лицъ къ законосовѣщательной дѣятельности, гр. Валуевъ, предлагавшій эту мѣру, записалъ въ своемъ дневникѣ: «Цесаревичъ явно недоброжелателенъ всякому органическому измѣненію status quo и всякій «конституціонализмъ» считаетъ гибельнымъ». Въ образованной въ январѣ 1881 г. особой комиссіи изъ высшихъ сановниковъ для обсужденія преобразовательныхъ проектовъ вел. кн. Константина Николаевича, Валуева и графа Лорисъ-Меликова оппозиція цесаревича Александра Александровича имѣла большое вліяніе на нѣкоторыхъ колебавшихся членовъ комиссіи. Но всѣ подготовительныя работы къ видоизмѣненію нашего государственнаго строя были пріостановлены трагическимъ событіемъ 1 марта 1881 г.: императоръ Александръ Николаевичъ погибъ отъ революціонеровъ, и на всероссійскій престолъ вступилъ императоръ Александръ III Александровичъ. Принимая 2 марта генералитетъ послѣ присяги, молодой императоръ сказалъ: «Я принимаю вѣнецъ съ рѣшимостью. Буду пытаться слѣдовать отцу моему и закончить дѣло, начатое имъ. Если бы Всевышній и мнѣ судилъ ту же участь, какъ ему, то надѣюсь, вы будете моему сыну такъ же вѣрны, какъ моему отцу».

Предстояло очень трудное дѣло. Въ послѣднее время царствованія Александра II рѣшено было произвести существенныя измѣненія русскаго государственнаго строя въ смыслѣ конституціонномъ. Новый императоръ пожелалъ выслушать мнѣніе по этому вопросу виднѣйшихъ представителей администраціи. 8 марта состоялось совѣщаніе подъ личнымъ его предсѣдательствомъ. Государь сказалъ рѣчь, въ которой сообщилъ, что «графъ Лорисъ-Меликовъ, для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, докладывалъ покойному государю о необходимости созвать представителей отъ земствъ и городовъ»; императоръ выразилъ готовность считаться съ извѣстнымъ ему выраженіемъ воли его августѣйшаго родителя относительно частностей представленнаго ему проекта, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ членовъ совѣта «быть откровенными и говорить свое мнѣніе относительно всего дѣла, нисколько не стѣсняясь». За проектъ высказались вел. кн. Константинъ Николаевичъ, министры Абаза, гр. Валуевъ, графъ Милютинъ и нѣкоторые другіе, противъ—Посьетъ, Маковъ; съ сильными рѣчами выступили противъ гр. С. Т. Строгановъ и — особенно — оберъ-прокуроръ Синода К. П. Побѣдоносцевъ. Государь долго обдумывалъ рѣшеніе и, быть-можетъ, даже колебался, но, наконецъ, онъ рѣшился — и 29 апрѣля 1882 г. появился манифестъ, редактированный Побѣдоносцевымъ и Катковымъ. Въ немъ говорилось, между прочимъ: «...Посреди великой нашей скорби гласъ Божій повелѣваетъ Намъ бодро стать на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Про-

мыслъ, съ вѣрою въ силу истины самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній». Послѣ этого въ маѣ вышли въ отставку гр. Лорисъ-Меликовъ, А. А. Абаза, гр. Милютинъ; на постъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Н. П. Игнатьевъ. Вскорѣ появилась правительственная программа. Въ ней высказано было порицаніе бюрократіи «за небрежное исполненіе своихъ обязанностей и равнодушіе къ общественному благу», «за корыстное отношеніе къ государственному и общественному достоянію», заявлялось, что правительство будетъ «стремиться, при вѣрномъ всѣхъ служеніи и содѣйствіи, къ осуществленію на самомъ дѣлѣ того, что положено въ основу дарованныхъ императоромъ Александромъ II учрежденій, и приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній».

Какъ бы ни судить о программѣ новаго императора, безспорно, во всякомъ случаѣ, одно: императоръ Александръ проводилъ ее твердо и неуклонно. Первою задачей правительство поставило себѣ искорененіе тѣхъ партій, которыя пытались достигнуть своихъ революціонныхъ цѣлей путемъ террора. Графъ Игнатьевъ предложилъ въ 1882 г. созывъ земскаго собора. Онъ думалъ съ помощью собора провести коренную реформу бюрократическаго строя, оказавшагося неспособнымъ оградить главу государства отъ злодѣйскаго покушенія, и надѣялся въ соборѣ найти противовѣсъ конституціоннымъ стремленіямъ сторонниковъ западноевропейскаго парламентаризма. «Не уступая ничего изъ своей власти, самодержецъ, созывая соборъ, найдетъ,—говорилъ онъ,—вѣрное средство узнать истинныя нужды страны и дѣйствія своихъ собственныхъ слугъ. Утверждая или издавая законы, онъ съ большимъ спокойствіемъ рѣшится на всякую мѣру, когда постановитъ свое рѣшеніе послѣ выслушанія тѣхъ, кому придется жить подъ этими законами». Проектъ Игнатьева былъ признанъ непрактичнымъ и несвоевременнымъ; Игнатьевъ вышелъ въ отставку, а министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ гр. Д. А. Толстой, долгое время бывшій при Александрѣ II министромъ народнаго просвѣщенія, а съ 1879 г. находившійся не у дѣлъ. Это былъ человѣкъ съ сильной волей, съ огромной энергіей. Онъ явился вѣрнымъ сотрудникомъ императора Александра III въ проведеніи намѣченной имъ внутренней политики. Благодаря, главнымъ образомъ, дѣятельности графа Д. А. Толстого была ликвидирована революціонная партія; всѣ важнѣйшіе вожди ея были захвачены и подвергнуты законному наказанію, и террористическіе акты надолго прекратились.

Первымъ рѣшительнымъ шагомъ въ борьбѣ за возстановленіе расшатаннаго общественнаго спокойствія было изданіе еще

14 августа 1881 г. «положенія о мѣрахъ по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія». Узаконеніемъ этимъ значительно расширены полномочія администраціи, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были объявлены на положеніи усиленной или чрезвычайной охраны. Въ этомъ же году изданы временныя правила для періодической печати, давшія дѣйствительные способы для борьбы съ изданіями, направленіе которыхъ признавалось опаснымъ для существующаго порядка. Во внутренней связи съ этими мѣрами находится рядъ постановленій, направленныхъ къ тому, чтобы устранить нѣкоторыя явленія въ области суда, не согласныя съ высокимъ его достоинствомъ и назначеніемъ. Закономъ 12 февраля 1887 г. ограничена судебная гласность: судъ былъ обязанъ закрывать двери, если будетъ признано, что публичное судоговореніе можетъ повлечь за собою оскорбленіе религіознаго чувства, нарушить требованія нравственности, или нанести ущербъ достоинству власти. Законъ 28 апрѣля того же года значительно повысилъ требованія, которымъ должны были удовлетворять присяжные: повышенъ имущественный цензъ и необходимымъ условіемъ поставлено умѣніе читать по-русски; 7 іюля 1889 г. изъ подсудности присяжнымъ изъято было нѣсколько категорій дѣлъ, переданныхъ въ вѣдѣніе суда съ участіемъ сословныхъ представителей. Противъ злоупотребленій должностныхъ лицъ направленъ былъ законъ 20 мая 1885 г., которымъ въ составѣ Сената создавалось особое дисциплинарное присутствіе; ему предоставлено право увольнять за проступки чиновниковъ, безъ преданія суду.

Въ теченіе всего своего царствованія вообще государь Александръ Александровичъ неутомимо стремился поднять и укрѣпить авторитетъ власти и успѣлъ достигнуть въ этомъ отношеніи значительныхъ результатовъ. Дѣятельность императора получила охранительный и до извѣстной степени даже реакціонный характеръ, потому что онъ вносилъ необходимыя поправки въ реформы предшествовавшаго царствованія. Былъ сохраненъ прежній принципъ разграниченія сословій, но для каждаго изъ нихъ было много сдѣлано. Дворянство переживало тяжелый кризисъ послѣ крестьянской реформы. Новыя условія, въ какихъ оказалось сельское хозяйство, повлекли за собою продажу дворянскихъ имѣній, обѣднѣніе дворянства и стремленіе его изъ уѣздовъ въ крупные центры, гдѣ дворяне надѣялись на разныхъ поприщахъ дѣятельности найти приложеніе своего труда. Правительство учредило 3 іюня 1885 г. Дворянскій земельный банкъ, который выдавалъ дворянамъ ссуды подъ залогъ ихъ имѣній на очень льготныхъ условіяхъ; въ мѣстныхъ земствахъ, путемъ измѣненія порядка выборовъ, дворянству предоставлено преобладающее значеніе. Чтобы удержать уѣздныхъ дворянъ на мѣстахъ, мѣстное дворянство было призвано предпочтительно занимать должности земскихъ участковыхъ начальниковъ, которые замѣнили (12 іюня 1890 г.) въ

уѣздахъ мировыхъ судей, а вмѣстѣ съ тѣмъ получили значительную административную власть по отношенію къ крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ. Признавая нужнымъ административное воздѣйствіе на многія стороны крестьянской жизни, правительство заботилось и объ улучшеніи матеріальнаго положенія крестьянства. Для борьбы съ выяснившимся во многихъ мѣстахъ малоземельемъ крестьянъ, былъ учрежденъ 18 мая 1882 г. Крестьянскій земельный банкъ, выдававшій крестьянскимъ обществамъ ссуды на пріобрѣтеніе земель; учреждено было спеціальное министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ; много сдѣлано было для развитія и упорядоченія переселеній крестьянъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ не хватало для нихъ земли, въ Сибирь и въ Среднюю Азію; интересы фабричныхъ рабочихъ, число которыхъ пополнялось крестьянами же, привлекали большое вниманіе правительства: были учреждены фабричные инспектора, обязанные наблюдать за исполненіемъ фабрикантами и промышленниками обязанностей по отношенію къ рабочимъ. Въ царствованіе Александра III окончательно были ликвидированы остававшіяся еще мѣстами обязательственныя отношенія между помѣщиками и ихъ бывшими крестьянами; всѣ выкупные платежи приняло на себя правительство и только оно имѣло теперь дѣло съ крестьянами по уплатѣ ими за землю, полученную при освобожденіи. Съ 1 января 1883 г. отмѣнена подушная подать за исключеніемъ нѣкоторыхъ областей Сибири. Въ отношеніи городовъ и городского самоуправленія тоже былъ принятъ рядъ мѣръ, усилившій надзоръ за городскимъ самоуправленіемъ со стороны правительства.

Императоръ Александръ III стремился къ тѣсному объединенію инородческихъ окраинъ государства съ государственнымъ центромъ и къ обрусѣнію инородцевъ Россіи. Генералъ-губернаторомъ варшавскимъ былъ при немъ фельдмаршалъ Гурко, правившій краемъ съ большою твердостью. 9 іюня 1889 г. въ прибалтійскомъ краѣ введены русскіе порядки судопроизводства и русскій языкъ во всемъ дѣлопроизводствѣ; университетъ въ Юрьевѣ (такъ переименованъ въ 1893 г. Дерптъ) преобразованъ по образцу другихъ университетовъ имперіи и введено въ немъ преподаваніе на русскомъ языкѣ, вмѣсто прежняго на нѣмецкомъ. Особенно рѣшительныя мѣры приняты были относительно Финляндіи. Взглядъ правительства былъ выраженъ съ полною прямотою, когда въ 1890 г. было заявлено съ высоты престола, что «великое княжество Финляндское состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи имперіи Россійской» — это было вполнѣ точною передачею самаго существа тѣхъ условій, на которыхъ состоялось по Фридрихсгамскому миру присоединеніе Финляндіи къ Россіи въ 1809 г. Рядъ мѣръ былъ принятъ къ объединенію таможеннаго и почтоваго управленія княжества съ соотвѣтствующими учрежденіями имперіи и къ объединенію монетной системы.

Время императора Александра III отмѣчено чрезвычайною бережливостью и строгимъ порядкомъ финансоваго управленія. Сверхъ упомянутыхъ уже мѣръ къ поднятію благосостоянія отдѣльныхъ классовъ правительство много заботилось о развитіи промышленности и, между прочимъ, ввело новый, сильно покровительственный таможенный тарифъ. Энергичное и умѣлое развитіе желѣзнодорожной сѣти и упорядоченіе желѣзнодорожнаго дѣла тоже способствовали подъему экономическаго благосостоянія. Въ лицѣ министровъ финансовъ Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскаго императоръ Александръ III имѣлъ отличныхъ помощниковъ, много способствовавшихъ упроченію финансоваго благосостоянія государства. Государственные бюджеты, въ теченіе многихъ лѣтъ предъ воцареніемъ Александра III составлявшіеся съ дефицитами, приведены были въ равновѣсіе, а затѣмъ удалось накопить такіе запасы золота, что къ концу XIX ст. оказалось возможнымъ ввести въ Россіи денежное обращеніе, основанное на системѣ золотого рубля. Благодѣтельныя послѣдствія этой послѣдней мѣры, можно сказать, неисчислимы.

Императоръ Александръ Александровичъ принималъ близко къ сердцу успѣхи Россіи и въ области духовнаго развитія. Университеты были въ 1884 г. переформированы; для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія въ крестьянской массѣ положено основаніе развитію сѣти церковно-приходскихъ школъ; количество начальныхъ народныхъ школъ увеличилось весьма значительно. Государь, однако, не ограничивался тѣми отношеніями къ наукѣ, въ какія приводилось ему вступать, правя свое дѣло государево. Онъ лично весьма интересовался русскою исторіею, любилъ ее; еще въ 1866 г. возникло въ кругу лицъ, близкихъ къ Александру Александровичу, тогда наслѣднику престола, Русское Историческое Общество — и въ дѣятельности его Александръ Александровичъ принималъ непосредственное участіе до самой своей кончины: онъ лично присутствовалъ на всѣхъ его годичныхъ собраніяхъ и благодаря письменнымъ обращеніямъ его къ главамъ разныхъ государствъ, общество это получило возможность изъ всѣхъ главнѣйшихъ архивовъ Европы извлечь множество матеріаловъ, которые затѣмъ были изданы и издаются до сихъ поръ. «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», составляющій, можно сказать, цѣлую библіотеку, давно сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи всей Европы за XVIII и XIX вв. Съ еще болѣе, пожалуй, живымъ интересомъ относился государь къ русскому искусству. Произведенія русской живописи онъ собиралъ со страстью и создалъ ту замѣчательную коллекцію, которая составила основу заложеннаго по его же мысли «Музея императора Александра III». Этотъ музей представляетъ учрежденіе, которое можетъ равняться со многими лучшими учрежденіями того же рода въ Западной Европѣ; вмѣстѣ

съ Третьяковской галлереей въ Москвѣ онъ даетъ полное понятіе о томъ, какъ быстро развилось русское искусство, сколько замѣчательнаго произвелъ русскій геній въ области живописи.

Не настало еще время изобразить въ полномъ объемѣ царственную дѣятельность государя; мы могли дать лишь краткій и сухой перечень главнѣйшихъ его мѣропріятій. Но ясно выступаетъ въ немъ главный основной характеръ царствованія. Императоръ Александръ Александровичъ явился представителемъ строго-національной идеи государства. Занявъ престолъ въ эпоху чрезвычайно трудную, смутную, когда все общество было въ состояніи глубокаго броженія, а внѣшнее положеніе Россіи послѣ тяжелой, но окончившейся съ малыми результатами войны, было не блестящимъ, что̀ еще болѣе раздражало общество, онъ сумѣлъ безъ крутыхъ мѣръ водворить въ своемъ государствѣ спокойствіе, упрочить власть и улучшить экономическое положеніе и государства и народа. Для царствованія очень непродолжительнаго было достигнуто, поистинѣ, очень немало.

Во внѣшней политикѣ императоръ Александръ Александровичъ имѣлъ въ виду сохранить по возможности миръ своему государству, медленно оправлявшемуся послѣ продолжительныхъ войнъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ очень далекъ отъ мысли въ чемъ-либо поступаться интересами Россіи и всѣ, а особенно иностранныя державы чувствовали, что въ отстаиваніи и оборонѣ ихъ онъ будетъ непоколебимъ. Въ значительной степени благодаря этому убѣжденію Россія при Александрѣ III пользовалась полнымъ миромъ. Въ самомъ началѣ его царствованія Англія еще продолжала свои происки противъ Россіи въ средней Азіи; ей удалось даже довести до открытаго столкновенія русскихъ съ афганцами на р. Кушкѣ, при чемъ съ несомнѣнностью было установлено, что афганцы были подстрекаемы и даже руководимы англійскими офицерами. Изъ-за этого инцидента казался почти неизбѣжнымъ разрывъ съ Англіей, но стойкая твердость императора произвела такое впечатлѣніе, что миръ не былъ нарушенъ. Чрезмѣрное вліяніе въ Петербургѣ Германіи, несомнѣнно, чувствовавшееся въ концѣ предшествующаго царствованія, при Александрѣ III сразу прекратилось. Бисмаркъ дѣлалъ попытки вызвать вооруженное столкновеніе Россіи съ Австріей, но императоръ Александръ III умѣлъ и тутъ, не поступаясь ничѣмъ, сохранить миръ. Когда, вопреки совѣтамъ Россіи, болгарскій князь Александръ Баттенбергскій объединилъ съ освобожденною частью Болгаріи и ту ея часть, которая оставалась подъ владычествомъ Турціи, Александръ Александровичъ прервалъ сношенія съ болгарскимъ правительствомъ. Скоро Баттенбергскій долженъ былъ оставить Болгарію; возвратившись снова, онъ сдѣлалъ попытку испросить у государя прощеніе и возстановленіе отношеній; императоръ Александръ III отвѣтилъ телеграммою такого содержанія, которая не оставляла сомнѣнія въ его искреннемъ несочувствіи всѣмъ послѣднимъ дѣйствіямъ болгарскаго князя. Послѣ этого

не оставалось уже никакой надежды возжечь войну изъ-за осложненій на Балканскомъ полуостровѣ. Свою самостоятельность во внѣшней политикѣ императоръ Александръ III проявилъ съ особенною яркостью, когда по истеченіи срока союза между Германіей, Австріей и Россіей вышелъ изъ него, а затѣмъ, немедленно по объявленіи о подписаніи между Германіей, Австріей и Италіей тройственнаго союза, оповѣстилъ міръ о соглашеніи и союзѣ, существующемъ между Россіей и Франціей. Союзъ этотъ является вполнѣ созданіемъ его мысли и воли и до сихъ поръ играетъ величайшую роль во всемірной политикѣ, усиленный въ самое послѣднее время искреннимъ сближеніемъ Россіи и Франціи съ Англіей.

Императоръ Александръ III отличался могучею натурою; но неусыпные труды чрезвычайно усердно работавшаго государя нѣсколько надломили его силы. 17 октября 1888 г. царскій поѣздъ со всею императорскою фамиліей потерпѣлъ крушеніе около станціи Борки. Повидимому, никто изъ семьи государя не пострадалъ; но въ дѣйствительности онъ самъ получилъ сильный ушибъ, который онъ сумѣлъ скрыть только благодаря рѣдкой твердости воли. Послѣдствіемъ этого ушиба явилась болѣзнь почекъ, которая и свела монарха въ могилу. Онъ скончался на 50-мъ году жизни въ Ливадіи въ Крыму 20 октября 1894 г. Современники никогда не забудутъ того единодушнаго сочувствія, какое высказывалось во всемъ образованномъ мірѣ и въ дни его тягостныхъ предсмертныхъ страданій и по его кончинѣ, когда и папа Левъ XIII, и президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и королевскій англійскій домъ совершали торжественныя богослуженія о его выздоровленіи; президентъ Кливелендъ отлично выразилъ чувства всего образованнаго мира, когда сказалъ: «Болѣзнь русскаго императора я считаю настоящимъ международнымъ бѣдствіемъ; предъ лицомъ всего міра онъ представлялъ собою великій образъ силы и мира».

Можно сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что императоръ Александръ III, который несъ свою самодержавную власть какъ долгъ, какъ бремя, возложенное на него Божіей волей, останется навсегда однимъ изъ привлекательнѣйшихъ образовъ въ сонмѣ властителей, которыхъ знаетъ исторія.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

Николай Александровичъ.

Государь Императоръ Николай Александровичъ, нынѣ благополучно царствующій, родился 6 мая 1868 г. На прародительскій престолъ вступилъ по кончинѣ отца Своего, 20 октября 1894 года. Въ томъ же году 14 ноября вступилъ въ бракъ съ герцогинею гессенскою Алисою-Викторіей-Еленой-Луизой-Беатрисой, принявшею при Священномъ Муропомазаніи имя Александры Ѳеодоровны. Ихъ Императорскія Величества имѣютъ дочерей, Великихъ Княженъ Ольгу Николаевну, Татьяну Николаевну, Марію Николаевну, Анастасію Николаевну, а 30 іюля 1904 года Богъ даровалъ Ихъ Величествамъ сына, Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Императрица Екатерина II Алексѣевна . . . . . 1—127

I. Дѣтство Екатерины II.—Великая княгиня Екатерина Алексѣевна . . . . . 1— 25
II. Императрица Екатерина въ царствованіе Петра Ѳеодоровича и ея воцареніе . . . . . 25— 34
III. Первые годы царствованія Екатерины II . . . . . 34— 56
IV. Внѣшняя политика. — Война съ Турціей. — Чума. — Пугачевъ . . . . . 56— 84
V. Послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II . . . 85—105
VI. Императрица Екатерина II въ домашнемъ быту . . . . . 105—127

Императоръ Павелъ I Петровичъ . . . . . 128—155

Императоръ Александръ I Павловичъ . . . . . 156—209

I. Дѣтство и юность . . . . . 156—159
II. Начало царствованія Александра Павловича . . . . . 159—165
III. Внѣшняя политика Александра I до Отечественной войны. 165—175
IV. Преобразованія внутреннія.—Сперанскій . . . . . 175—186
V. Эпоха Отечественной войны . . . . . 187—194
VI. Гегемонія въ Европѣ.—Послѣдніе годы и кончина Александра Павловича . . . . . 194—209

Императоръ Николай I Павловичъ . . . . . 210—267

I. Дѣтство и юность императора Николая Павловича. — Его воцареніе . . . . . 210—226
II. Первое время царствованія . . . . . 226—240
III. Внутренняя политика Николая Павловича въ 30-хъ и 40-хъ годахъ . . . . . 240—253
IV. Внѣшняя политика послѣ 1831 г. . . . . 254—267

Императоръ Александръ II Николаевичъ . . . . . 268—355

I. Юность и время до воцаренія . . . . . 268—279
II. Первое время царствованія . . . . . 279—286
III. Отмѣна крѣпостного права . . . . . 287—304
IV. Земскія учрежденія.—Реформа городского самоуправленія 304—311
V. Судебная реформа; отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній.—Финансовыя реформы . . . . . 311—320
VI. Реформа арміи и всеобщая воинская повинность . . . . . 320—323

Стр.

VII. Значеніе реформъ императора Александра II . . . . . 323—326
VIII. Общественное движеніе, революціонная пропаганда и реакція. . . . . 326—333
IX. Внѣшняя политика. — Польское возстаніе. — Кавказъ, Дальній Востокъ, средняя Азія . . . . . 333—342
X. Война съ Турціей.—Берлинскій конгрессъ и послѣднее время царствованія . . . . . 343—355

Императоръ Александръ III Александровичъ . . . . . 356—368

Государь Императоръ Николай Александровичъ 369